Центральный Комитет Р. К. П. (б.)
Комиссия по истории Октябрьской Революции и Р. К. П. (б-ов)

К ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ ПЕРВОГО СЪЕЗДА ПАРТИИ

(1898 — 1923)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИСТПАРТ.

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИ (большевиков).

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Цены в зол. р.: Р. К.

1. **А. Бубнов.** Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России . . . . . — 6
2. **Из эпохи „Звезды" и „Правды"** (1911—1914 г.г.). Сборники I и II. . — 70
3. **П. Н. Лепешинский.** На повороте. Воспоминания (1890—1905 г.г.). . . — 45
4. **Д. Сверчков.** На заре революции. Воспоминания (1903—1905 г.г.). . . — 60
5. **Г. Лелевич.** В дни Самарской учредилки. . . . . — 6
6. **А. Рябинин.** Р. М. Семенчиков (из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске). . . . . — 20
7. **Пролетарская Революция.** Журнал №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 . . . . . 12 50
8. **От группы Благоева к Союзу борьбы (1885—1894 г.г.).** Сборник. Ч. I. — 13
9. **В. Невский.** Николаевский Южно-русский рабочий союз. . . . . — 13
10. **Бобровская.** Записки рядового подпольщика (1894—1905 г.г.). Ч. I и II . — 5[illegible]
11. **М. Ольминский.** Из прошлого. Сборник статей. . . . . — 2[illegible]
12. **М. Павлович (Вельтман).** Россия и капиталистическая Франция. . . . — 1[illegible]
13. **М. Павлович (Вельтман).** Россия и капиталистическая Англия . . . . — 12
14. **Социал-демократические издания (указатель социал-демократической литературы на русском языке) 1883—1905 г.г.,** под редакцией Л. Б. Каменева. . . . . — 30
15. **А. Шляпников.** Канун 17 года. Ч. II . . . . . — 50
16. **Памятник борцам пролетарской революции.** Т. I . . . . . 1 —
17. **Революционная деятельность Конкордии Николаевны Самойловой.** Сборник воспоминаний. . . . . — 20
18. **А. И. Шаповалов.** По дороге к марксизму. Воспоминания рабочего-революционера. Ч. I. До лета 1896 г. . . . . — 30
19. **Старый товарищ А. П. Скляренко (1870—1916 г.г.)** . . . . . — 30
20. **Ф. Н. Самойлов.** Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении (1903—1905 г.г.) . . . . . — 25
21. **Бюллетень Истпарта № 1.** . . . . . — 6
22. **Фишер.** В Англии и России. (Воспоминания.) . . . . — 20
23. **Н. Александрова.** Артем. . . . . — 50
24. **Р. К. П.** в постановлениях ее съездов и конференций, под редакцией Л. Б. Каменева . . . . . — 50
25. **В. Максаков и Н. Нелидов.** Хроника революции. Вып. I. . . . . . — 70

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (б.)
Комиссия по истории Октябрьской революции и Р.К.П. (большевиков)

К ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ ПЕРВОГО СЪЕЗДА ПАРТИИ

(1898 — 1923)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз. № 4334. Главлит. № 6607. Москва. Напеч. 10.000 экз.

„Мосполиграф". 1-я Образцовая тип., Пятницкая, 71.

Группа участников I-го съезда.

I. СТАТЬИ.

К двадцатипятилетию Первого Съезда Партии.

«Русским соц.-демократам предстоит масса дела по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, подкреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по объединению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую социал-демократическую рабочую партию».

Ленин. «Задачи русских соц.-демократов».

Бруснев в своих воспоминаниях рассказывает, между прочим, о том, как та организация, какую он и его товарищи строили сначала в Петербурге, а затем в Москве, поставила ближайшей задачей завязать связи с крупнейшими промышленными центрами России. «По отъезде Райчина из Москвы,—говорит т. Бруснев,—у нас наметился такой план действий: Кашинский едет в Киев и заводит там связи с рабочими (по явкам, полученным от Мельникова), Егунов едет в Тулу с нелегальной литературой, а затем—в Ревель и Ригу, я—в Петербург».

Проведение этого плана намечалось незадолго до ареста Бругневской группы, а арестована группа в мае 1892 года. Стало быть, еще в начале девяностых годов за шесть лет до первого съезда партии, одна из самых замечательных соц.-демократических организаций ставила своей задачей объединение всех социал-демократических сил наиболее крупных промышленных центров. В десятом параграфе программы этой группы определенно указывалась, как главная задача теку-

щего момента, создание партии пролетариата. «Признавая рабочий пролетариат, как экономическую категорию, верховным носителем идей социализма, мы приложим все старания к возможно более широкой постановке пропаганды и агитации среди фабрично-заводских рабочих с целью непосредственного создания элементов будущей рабочей партии. К этому нас обязывают специфические особенности переживаемого нами момента общественно-экономического развития» [1]). Таким образом, тот план действий, о котором говорит Бруснев, был только претворением в плоть и кровь того, что было написано в программе организации. Из воспоминаний других участников этой организации мы теперь знаем, насколько солидные связи в рабочей среде были у этой группы и насколько близкое и деятельное участие принимали в пропаганде и агитации сами рабочие. В. А. Шелгунов, Н. Д. Богданов, К. Норинский, А. Е. Карелин, В. М. Карелина, В. В. Святловский, М. С. Ольминский рассказали об этом. Правда, в программе группы уделяется очень видное место политическому террору, правда, пропаганду идей социализма предполагается вести не только в рабочей среде, но и «среди демократической интеллигенции всех общественных категорий» и даже «среди сектантов-рационалистов»,—все это верно, но нельзя забывать прежде всего, что переживаемый момент был моментом переходным,— умирающие группы народничества давали свой последний бой новой, могучей силе,—марксизму, судорожно хватаясь за те связи в рабочей среде, какие остались у народников еще от славных героических времен «Народной Воли». Наряду с этими народническими революционными кружками рабочих возникали уже и кружки чисто социал-демократические; еще шла работа очень часто совместная, пропагандисты народники ходили в кружки, организованные социал-демократами и, наоборот, соц.-демократы посещали кружки рабочих, собранные народниками [2]). Но уже чувствовалась сила новой идеологии, ее влияние на рабочих. Рабочие— как это было в Петербурге,—явно склоняются к соц.-демо-

---

[1]) Сборник Истпарта «От группы Благоева к Союзу Борьбы». Материалы по делу Бруснева.

[2]) См. воспом. Богданова Шелгунова и особ. Ольминского в названном выше сборнике.

кратии после долгой предварительной работы и самостоятельного искания путей. Это самостоятельное искание новых путей очень характерно для революционеров того времени (рабочих и интеллигентов). В этих исканиях много незрелого, принципиально невыдержанного, но в них уже чувствуется веяние нового времени: рабочий класс в программах таких кружков занимает уже почетное место. В программе Мельниковского кружка прямо ставится задача, — «приобрести как можно более сознательных сторонников среди крестьян и рабочих»; вопрос об учредительном собрании этой программой решается тоже с точки зрения «блага рабочего класса». «Необходимо, — говорится в программе, — чтобы значительное количество промышленных рабочих и крестьян понимало значение своих представителей в собрании и в случае необходимости было бы готово поддержать их требования». Самая допустимость политического террора («содействие наше террористической борьбе») измеряется «продуктивностью данного факта с точки зрения рабочей организации».

Впрочем, что же говорить о принципиальной невыдержанности таких кружков, как харьковский, если даже в Петербурге, так называемая, группа Благоева выработала программу, в которой, как совершенно правильно выражается о ней Б. Николаевский, «элементы лавризма и особенно лассальянства играли, несомненно, более крупную роль, чем элементы научного социализма» [1]). Несомненно, однако, что группа Благоева была первая в России социал-демократическая группа, которая видела «центр тяжести» всей своей работы «в организации рабочих». Так определяют свою физиономию авторы письма из этой группы к Плеханову и его товарищам. Вместе с тем авторы (или автор) этого письма сообщают, что в их взглядах и во взглядах рабочей группы «Народной Воли» на работу среди пролетариата нет никакой разницы («на непосредственную деятельность среди рабочих они смотрят совершенно одинаково с нашей группой»). Это подтверждает и такой свидетель и непосредственный участник работы, тогда еще народоволец, как М. С. Ольминский. Сказав о том, что шли разговоры о слиянии благоевского и народовольческого кружка, Ольминский,

---

[1]) «Былое», № 13.

однако, прибавляет: «Благоевцы от переговоров не отказывались, но от слияния уклонялись». Хотя в одни и те же кружки ходили и народовольцы и соц.-демократы, хотя точек соприкосновения было очень много, однако, что-то мешало окончательному объединению. Неизвестно, во что вылились бы эти попытки слияния, если бы обе группы прожили дольше, но пока факт остается фактом: уже в 1883 году в России возникает, независимо от «Группы Освобождения Труда», социал-демократическая группа, просуществовавшая до 1887 года. Если же принять во внимание, что и благоевцы работали в тех же районах, где потом развернулась работа бруснезцев, если вспомнить, что в воспоминаниях всех выдающихся рабочих указывается на то, что в их кружках участвовали старые товарищи давно уже занимавшиеся пропагандой, то преемственная связь между двумя группами не только у интеллигентов, как, напр., у Ольминского, который работал в одно время с благоевцами и затем в начале 90-х годов с брусневцами, но тем более и у рабочих—несомненна.

Таким образом, группа Бруснева—несомненная преемница и продолжательница дела, начатого Благоевым, Харитоновым, Латышевым и их товарищами. Но что не удалось благоевцам, то в очень большой степени удалось этому второму по времени отряду русских социал-демократов,—выйти из узких рамок одного города и до известной степени выработать и осуществить такой план действий, который ставил своей задачей объединить работу нескольких крупнейших городов России. Сами объективные условия,—экономическое развитие страны, стихийное развитие рабочего движения—толкали к этому. Действительно, к началу 90-х годов и даже в конце восьмидесятых годов во многих городах возникают совершенно самостоятельно рабочие кружки, представляющие сначала, как и в Петербурге, смесь народничества и соц.-демократизма. Таков, напр., кружок Мельникова в Харькове. Интересно и на этом кружке проследить, как логика развивающегося рабочего движения заставляет его выйти из узких рамок одного города и перебросить свою деятельность в другие пункты рабочего движения,—в Ростов-на-Дону, в Таганрог. Мельников, как известно, завел связи с кружками этого города. Из печатаемых в этом сборнике воспоминаний

работницы табачницы Е. Торсуевой видно, что в ее кружке были рабочие, которые участвовали в тех кружках, какие относятся ко времени работы в Ростове Мельникова (члены Мотовиловского кружка, с которым был связан Мельников). Постепенно этот ростовский Торсуевский кружок отказывался от старых народнических традиций и переходил к марксизму. Сам Мельников окончательно стал соц.-демократом в Крестах и по выходе из тюрьмы он, как об этом говорит Бруснев, передал свои киевские связи петербуржцам [1]). Объединение работы отдельных соц.-демократических кружков, стихийно повсюду возникавших, вызывалось ростом рабочего движения и ростом этих кружков. А что, действительно, в начале девяностых годов повсюду в крупнейших промышленных, торговых и умственных центрах такие соц.-демократические кружки возникали, об этом теперь мы имеем сотни документов и свидетельств. Кроме Петербурга и Москвы отчасти в конце 80-х и начале 90-х годов велась социал-демократическая пропаганда в Нижнем-Новгороде, Казани, Самаре, Саратове, Пензе, Воронеже, Твери, Костроме, Иваново-Вознесенске, Риге, Ревеле, Туле, Калуге, Орле, Киеве, Одессе, Николаеве, Екатеринославе, Елисаветграде, Кременчуге, Ростове-на-Дону, Таганроге, на Кавказе и на Урале.

О Польше и Западном крае говорить не приходится,— начало девяностых годов и там—время возникновения многочисленных соц.-демократических кружков и групп. И повсюду, в борьбе, происходившей между старой революционной идеологией, народнической и новой, социал-демократической, побеждала эта последняя. Выходило как-то так, что молодые люди, интеллигенты и рабочие, ходившие в кружки самообразования, организованные очень часто народниками, учились там, слушали своих учителей—народников, но стоило только появиться какому-нибудь стороннику учения Маркса или произойти какому-нибудь выдающемуся факту в рабочей жизни, как добрая половина (если не вся) молодежи переходила на сторону нового учения. Т. Мицкевич рассказывает, что первые нижегородские кружки конца восьмидесятых

---

[1]) Кстати, тов. Б. Эйдельман ошибочно относит передачу этих связей к 1890 году. Мельников вышел из Крестов в 1891 году.

годов были народнические. Но стоило появиться на нижегородском горизонте марксисту Н. Н. Скворцову (1891 г.) как социал-демократическое течение стало господствующим и в Нижнем. Из нижегородского кружка Скворцова вышли, по словам С. И. Мицкевича, выдающиеся деятели соц.-демократы позднейшей эпохи — Ванеев, Сильвин, Мицкевич, Гольденберг, Владимирский. Кружок Григорьева и Кузнецова в Нижнем-Новгороде развил очень большую работу. Судя по документам, относящимся к этому кружку, можно утверждать, что кружок ставил себе задачи гораздо более обширные, выходящие за пределы чисто местной работы; у кружка были связи почти по всей Волге [1].

Под влиянием пропаганды Н. Н. Скворцова возникли соц.-демократические кружки в г. Казани,—кружок Федосеева [2]) (1888—1889 г.г.), а Федосеев затем уже, позже, высланный во Владимир, начал соц.-демократическую работу и здесь, попытавшись связаться с фабричными рабочими этого промышленного района. Из Казанского Федосеевского кружка вышел, например, известный затем деятель партии И. Х. Лалаянц и его жена, Прасковья Ивановна Лалаянц; там же работал Санин — литератор и переводчик соц.-демократической немецкой литературы. В Самаре народовольческие кружки самообразования А. П. Скляренко эволюционировали к марксизму с приездом туда в 1889 году В. И. Ульянова (Ленина): сам организатор кружков А. П. Скляренко из «вевиста» [3]) (он называл себя до встречи с т. Лениным последователем экономиста-народника В. В.) превратился в марксиста, а за ним, конечно, последовали и его ученики. В Пензе возникает кружок Теплова, в Воронеже — кружок Н. А. Ряховского, в Туле — Хинчука; в Калуге — кружки Доброхотовых, Авилова и др. в начале 90-х годов; в Твери, в середине 90-х годов, работает член Петербургского Союза Борьбы — Зиновьев, в Иваново-Вознесенском районе (сначала в Орехово-Зуеве и Иванове, а затем в Кохме) — рабочие Семенчиков, Талантов и другие.

---

[1]) См. ст. С. И. Мицкевича в «Правде» № 43—1923 г.

[2]) Федосеев, Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России. (Сб. восп.) Истпарт, 1923 г.

[3]) См. Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко. Издание Истпарта. Москва. 1922 г.

На Урале возникновение первых социал-демократических кружков относится также к началу 90-х годов. (Между прочим, кружок Точисского, одного из соц.-демократов, работавшего в Петербурге в период между группой Благоева и Бруснева в 1889 г.).

Что касается юга, то здесь социал-демократическое движение и первые кружки самообразования возникают в некоторых городах еще в конце восьмидесятых годов, например в Киеве. Там еще в 1887 году работал соц.-демократ Абрамович и из его кружка остались рабочие, бывшие членами кружков, где работали товарищи, подготовлявшие первый съезд Р.С. Д.-Р.П. В Одессе из народнических кружков возникают первые марксистские кружки в конце 80-х и начале 90-х годов. Д. Б. Рязанов (Гольдендах), бывший крестным отцом первых соц.-демократических кружков в Одессе, определенно заявлял о себе на допросах, как о стороннике доктрины научного социализма [1]). «По своим убеждениям, заявил Д. Б. Рязанов, «причисляю себя к научным социалистам, учение которых заключается в признании невозможности улучшения общественных отношений, как только посредством изменения экономических отношений, образующих по их мнению базис всех общественных отношений». За ним шли кружки Ю. М. Стеклова и Г. В. Цыперовича [2]). После разгрома этих кружков работа не остановилась и как это видно из воспоминаний Даргольцев, помещаемых в нашем сборнике, действовали многочисленные кружки сначала среди ремесленников, а затем и среди фабрично-заводского пролетариата. Другой крупнейший промышленный центр юга,— Екатеринослав, перешел к соц.-демократическим кружкам тоже в конце 80-х годов [3]). В 1889 году врач Тейтельбаум начал там соц.-демократическую пропаганду. В начале девяностых годов в Екатеринославе действовали соц.-демократические кружки самообразования, в которых принимали участие Лейбов, Лейтейзен(Линдов), Фрейдель, Вульфович, Мандельштам Григорий, Винокуров и другие. В 1892 г. этим кружкам удалось завязать связи с рабочими, а в 1893 году уже действовал рабочий кружок на Брянском заводе. В 1893

---

[1]) Историко-революционный арх., 4 д., № 245/1891 г.

[2]) Ю. Стеклов. «Борцы за социализм». Москва. 1918 г.

[3]) «Летопись Революции», № 2 Гос. Изд. Укр. 1923 г.

же году Точисский уезжает в Харьков и, надо думать, там продолжает работу, начатую Ю. Д. Мельниковым и В. Д. Перазичем (Солодухой). Из Одессы соц.-демократическое движение распространяется в соседние города — Елисаветград, Кременчуг, Николаев. В Николаеве в 1897 году образуется своя самостоятельная организация, а в Екатеринослав, Елисаветград, Кременчуг и Полтаву в середине 90-х годов попадают товарищи, высланные царским правительством из Вильно, Витебска, Минска и Гомеля. На Кавказе соц.-демократические кружки возникают в начале 90-х годов из кружков самообразования в Тифлисе, затем в Баку и других пунктах. В середине 90-х годов на Кавказе появляется возможность для соц.-демократов (Н. Жордания) использовать даже легальную грузинскую газету «Квали»[1].

О развитии соц.-демократического движения в Вильне и о связях виленских соц.-демократов с общероссийским движением говорить не приходится: достаточно вспомнить брошюру «Об агитации» Кремера и Мартова и ту роль, какую идеи, развиваемые в ней, играли в определенный момент движения девяностых годов.

Из работы т. Эйдельмана о первом съезде Р.С.-Д.Р.П. видно, как Киев становился идейным центром соц.-демократического движения на юге. Но отсюда было бы неправильно заключать, что другие соц.-демократические организации не делали попыток выйти из узких рамок своей организации одного города. В середине и особенно в конце 90-х годов почти все крупнейшие соц.-демократические организации пытались развить свою работу и в глубь и в ширь и, завязавши связи с родственными организациями других ближайших городов, превратиться в более или менее крупный центр целой области или района. Это делали Петербург и Москва, когда организаторы группы Бруснева ставили своей задачей связать Москву и Петербург и затем связаться с Киевом, Тулой, Ригой, Ревелем, Нижним; это делала затем позже Москва, связавшись с Иваново-Вознесенском, Ореховым, Костромой, Тверью. Эти же задачи ставила и разрешала Виленская соц.-демократическая группа, которая, впрочем, была связана не

---

[1] См. сборник Истпарта. С. Т. Аркомед. Рабочее движение и соц.-дем. на Кавказе. «Прол. Рев.» № 14. Воспом. Енукидзе.

только с ближайшими городами и местечками, но и с русскими крупнейшими городами,—с Петербургом, Харьковом (оттуда приезжали в Вильно, по словам Ю. Мартова, Л. Б. Файнберг, Е. Левин, А. П. Лурье), Киевом (через Я. М. Ляховского), Одессой (откуда наезжал Копельзон и куда направилась для работы П. О. Гордон). Из воспоминаний Даргольца видно, что и Одесская соц.-демократическая организация пыталась завязать связи с иногородними соц.-демократическими организациями и превратиться в центр одной большой соц.-демократической организации целого района. «Решаем расширить,—говорит Даргольц,—свою базу работы, как в Одессе, так и в других городах юга, путем создания, где их нет, соц.-демократических групп и их объединения в одну общую. Для этой цели командируем Гринштейна в Николаев, Кременчуг, Кудельмана—в Екатеринослав, меня—в Елисаветград. Каждый из нас наделяется литературой и определенными заданиями. Вскоре посылается Фрида Липовецкая с литературой для передачи в Екатеринослав Кудельману». Связаться с другими городами пытался и Николаев. Рабочее движение в середине девяностых годов разрослось настолько, что даже анахронизмом становился отдельный кружок изолированных от всего мира соц.-демократов, которые варятся в собственном соку. Требовались более широкие рамки организации, чем рамки только одной какой-либо группы одного города. Все,—и экономическое развитие страны с расширяющимся рабочим движением, и беспомощность отдельной организации поставить работу на прочные ноги, и естественный обмен людьми, случайно или по воле жандармов переселявшихся из одного города в другой, и необходимость действовать по общему плану против общего врага, у которого как раз сильной стороной и был этот план, эта система и аппарат для борьбы с соц.-демократами,—все заставляло подумать об объединении разрозненных сил. Наконец, и это самое главное, и в идейном отношении еще не было того единства, которое только и делает непобедимой армию пролетариата. Потребность в таком единстве и согласованности действий стала чувствоваться уже в середине девяностых годов везде, где только соц.-демократическое движение принимало более или менее широкий размах. А уже в первой половине девяностых годов оно во многих

местах такой размах приняло. Потребность уйти от узкозамкнутых кружков чувствовалась везде; стихийное развитие самого рабочего движения заставляло думать о новых методах работы. Эти задачи текущего момента очень хорошо были выражены известной брошюрой «Об агитации». Насколько велики были потребности в этом новом слове, сказанном авторами брошюры «Об агитации», свидетельствует сам Ю. Мартов. «Уже в следующем году оказалось, что мысли, развитые нами на основании нашего опыта, шли навстречу тем настроениям, которые складывались повсюду в марксистских группах после первого увлечения кружковой пропагандой». Правда, вместе с тем положительным, новым и необходимым, что вносила в русское соц.-демократическое движение брошюра «Об агитации», она несла и ту, как выражается Мартов, «ограниченность политического горизонта», ту теорию стадий, то принижение сознательности перед стихийностью, которые так резко выразились потом в так называемом экономизме. Однако, выражая до известной степени назревшие потребности, брошюра «Об агитации» не охватывала всего содержания работы, которую надлежало развернуть нашим социал-демократическим организациям. А до какой степени необходимо было внести планомерность и сознательность в тот хаос и кустарничество, какие царили на местах, видно хотя бы из того, что не было ни одной более или менее сильной группы, которая не стремилась бы объединить так или иначе развертывающееся вокруг нее движение. В этом отношении очень интересны воспоминания т. Виленского, который говорит, что та группа в Витебске, где он работал в 1893—1895 г.г., чувствуя, что ей нехватает связи с другими организациями, разослала товарищей по разным городам для ознакомления с постановкой работы. Товарищи поехали в Вильно, Минск, Могилев, Гомель, Киев, Кременчуг, Полтаву, Феодосию. В апреле 1897 г. товарищи снова съехались вместе. Произошло что-то вроде конференции, на заседание которой пригласили и приехавшего из-за границы З. Гуревича.

«После докладов с мест,—говорит автор воспоминаний,— в которых каждый делился своими впечатлениями, решили формулировать краткую программу. Оживленную дискуссию вызвало название нашей, если не партии, то организации».

Сказав дальше о том, что организация отмежевалась от народившегося уже тогда экономизма, автор воспоминаний продолжает: «Само собой разумеется, что назвать нашу группу—«Партия» никто и не думал. Это была просто формулировка теоретических и практических итогов нашей подготовительной работы». Разве не тем же занималась и большая московская организация в 1894 и 1895 годах, когда, по словам М. Лядова, «на одном из своих заседаний возбудила вопрос о необходимости выпустить манифест с изложением основной точки зрения организации по главнейшим вопросам, чтобы этим манифестом раз навсегда закрепить политическую физиономию организации». «Инициаторы этой идеи,—говорит Лядов,—в самом факте издания манифеста видели первый шаг к созданию единой партии».

«Тогда эта идея была оставлена». Нужно было укрепить свою собственную московскую организацию, прежде чем мечтать о создании партии.

«Весной 95 года, после того как московская организация окрепла настолько, что, выдержав ряд провалов, продолжала функционировать и все расширяться, она снова подымает вопрос об издании манифеста. Но теперь она уже ставит вопрос иначе. Теперь она уже знает о самостоятельном существовании целого ряда организаций, работающих в других местах. Теперь, по ее мнению, было бы желательнее издать этот манифест не от имени одной организации, а от имени всех наличных действующих организаций. Желательно, чтобы этот манифест был результатом коллективного опыта всех социал-демократов практиков. Поэтому необходимо, чтобы манифест был выработан на съезде. Но этот съезд не должен ограничиваться выработкой одного манифеста: он должен создать партию, а с этой целью нужно, чтобы он утвердил в качестве центральной организации одну какую-нибудь наиболее старую и опытную организацию».

«Чтобы осуществить на деле идею о съезде, москвичи командируют двух товарищей, чтобы те при помощи местных связей разыскали все действующие организации и связали их с Москвой».

Из воспоминаний т. Б. Л. Эйдельмана мы знаем, что такое ознакомление организаций друг с другом действительно происходило, что киевляне однажды выслушали даже до-

клад москвича, что они сами завязали с той же целью, как и москвичи, уже несколько позже связи с Петербургом, Иваново-Вознесенском; очень основательно обсуждали вопрос о делегации на съезд от известных им организаций, с какими у них были связи (Одесса, Харьков, Екатеринослав, Николаев). Но идея о съезде во второй половине 90-х годов уже положительно носилась в воздухе. Эту идею выдвигает группа «4-го листка», петербургская группа народовольцев, настолько далеко разошедшаяся со своими товарищами народовольцами, что своим предложением созвать сьезд всех соц.-демократических организаций она вызывает протест всех еще оставшихся верными народовольческому знамени. По словам В. Махновца (Акимова), «листок № 4» группы народовольцев вышел весной 1896 года, а летом этого же года Н. К. Крупская [1]) ездила на юг специально для того, чтобы столковаться с южанами о съезде. «Летом 1896 года я поехала в Киев,—говорит в своей статье т. Крупская,—чтобы столковаться об издании общей нелегальной газеты и о подготовке съезда партии. Я должна была повидать Веру Кржижановскую и Тучапского, но, заехав предварительно в Полтаву, я встретила там Тучапского, Румянцева, Аарона Лурье, Саммера. Обо всем столковались в Полтаве».

Таким образом идея съезда действительно носилась в воздухе. То обстоятельство, что киевлянам удалось практически осуществить эту идею, реализовать ее, так сказать, это объясняется стечением ряда благоприятных условий, о которых подробно говорит т. Эйдельман в своей работе. Но необходимо подчеркнуть, что вопрос об объединении всех соц.-демократических сил выдвигался уже давно и в особенности всякий раз, как какая-либо большая соц.-демократическая организация развивала свою работу вглубь. Как мы видели, этот вопрос, правда, в зачаточной форме, стоял еще перед Бруспевской организацией. Он в гораздо более оформленном виде стоял перед «Петербургским Союзом Борьбы» еще в 1894 году, когда Союз задумал издание своего органа. Тов. Ленин в своей книге «Что делать», рассказывая о периоде «Союза борьбы» 1894 г. в Петербурге, по этому поводу говорит следующее:

---

[1]) См. «Творчество» № 7—10, ст. Н. К. Крупской о «Петербургском Союзе Борьбы».

«При этом особенно важно установить тот, часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что **первые** социал-демократы этого периода, **усердно занимаясь экономической агитацией** (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации»)—не только не считали ее единственной своей задачей, а напротив, **с самого начала** выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности». Тов. Ленин говорит далее о том, что в предполагавшемся и уже готовом к выпуску первом номере соц.-демократического органа «Рабочее Дело» (не следует смешивать его с «Рабочим Делом» экономистов), к сожалению, погибшим в руках жандармов, также обрисовывались эти исторические задачи русских соц.-демократов. И само собой разумеется, что организация, для которой были ясны исторические задачи русской соц.-демократии, не могла не поставить разрешение этих задач иначе, как при помощи революционного движения рабочего класса, во главе которого стоит боевая его организация, революционная социалистическая партия. И мы знаем, что именно из среды деятелей «Петербургского Союза борьбы 1894—1895 г.г.» вышла наиболее яркая, наиболее выпуклая, наиболее научная формулировка как необходимости создания партии, так и способов разрешения всех тех основных задач, какие выдвигала тогда вся в высшей степени сложнейшая обстановка русской действительности.

Никто другой, а именно товарищ Ленин формулировал все эти вопросы и задачи в своей известной брошюре «Задачи русских социал-демократов». Брошюра эта, поистине, может быть названа настоящим манифестом нашей партии в эпоху первого съезда, ибо здесь неизмеримо полнее, неизмеримо глубже и научнее выражены задачи, какие предстояло разрешить русской соц.-демократии и в первую голову здесь наиболее отчетливо и ясно поставлен вопрос о необходимости создания классовой партии пролетариата. Написанная на основании опыта работы «Петербургского Союза 1894—1895 г.г.», она дышит, кроме необыкновенной силы теоретической мысли, еще и всем пылом и страстью и драматизмом настоящей, доподлинной борьбы пролетариата. Выдвигая идею создания

партии (а, стало быть, и съезда, ибо как иначе возможно было создать партию при наличии уже сильных организаций и даже целой партии, «Бунда»?), эта работа Ленина расчищала вместе с тем те авгиевы конюшни «экономизма», которые уже успело засорить правое оппортунистическое крыло русской соц.-демократии. Отношение соц.-демократии к буржуазии, роль классов в предстоящей революции и взаимоотношение их партий между собою, самостоятельный путь рабочего класса и руководящая роль его партии в предстоящей борьбе, роль пролетариата как гегемона в революции и создание пролетарской партии, отвечающей этой роли — все нашло свое выражение в этой замечательной работе. Такую работу мог написать только гениальный вождь пролетариата, и вместе с тем практик, сам участвовавший в борьбе, словом, по выражению П. Б. Аксельрода, «революционер, счастливо соединяющий в себе опыт хорошего практика с теоретическим образованием и широким политическим кругозором». Случайностью, вернее, как говорит товарищ Ленин в «Что делать» по другому поводу, «вследствие недостатка у них (т.-е. у революционеров с.-д. В. Н.) революционного опыта и подготовленности» объясняется то обстоятельство, что «манифест» I-го съезда писал будущий контр - революционер П. Струве. Да, вследствие недостаточной теоретической подготовленности действовавших тогда практиков писал «манифест» — П. Струве, и в этом нет ничего обидного для киевлян, осуществивших практически идею созыва съезда, ибо нужно было иметь положительно гениальную прозорливость вождя и всестороннюю образованность марксиста, чтобы тогда уже предвидеть всю сущность предательской политики буржуазии и вскрыть это уже в своих ранних работах против народников, с одной стороны, и Струве и плетущихся за ним оппортунистов—с другой, как это сделал уже тогда Ленин. Вопрос об объединении действующих соц.-демократических организаций в партии, в брошюре Ленина ставится со всей отчетливостью и во всей своей широте.

«Разве эта организация—говорится там о «Союзе Борьбы» 1894 — 1895 г.г.: не представляет из себя именно зачатка революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата, борьбой против капитала и против абсолютного правительства,—не

устраивая никаких заговоров и почерпая свои силы именно из соединения социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата?»

«Возможно ли отрицать,—говорится дальше: «что подобная организация, объединяющая, по крайней мере, крупнейшие центры рабочего движения в России (округа Спбургский, Московский, Владимирский, южный и важнейшие города, как Одесса, Киев, Саратов и т. д.), располагающая революционным органом и пользующаяся таким же авторитетом в среде с.-петербургских рабочих, каким пользуется «Союз Борьбы»—что подобная организация была бы крупнейшим политическим фактором в современной России,—фактором, с которым правительство не могло бы не считаться во всей своей внутренней и внешней политике? Руководя классовой борьбой пролетариата, развивая организацию и дисциплину среди рабочих, помогая им бороться за свои экономические нужды и отвоевывать у капитала одну позицию за другой, политически воспитывая рабочих и систематически неуклонно преследуя абсолютизм, травя каждого царского башибузука, дающего почувствовать пролетариату тяжелую лапу полицейского правительства, подобная организация была бы, в одно и то же время, и приспособленной к нашим условиям организацией рабочей партии и могучей революционной партией, направленной против абсолютизма».

Этот вопрос об объединении русских соц.-демократических групп в единую партию в конце брошюры формулирован кратко и вместе необыкновенно ярко, отчетливо: «Итак, за работу же, товарищи! Не будем терять дорогого времени. Русским социал-демократам предстоит масса дела по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, подкреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по объединению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую Социал-Демократическую Рабочую Партию». Смешно было бы отрицать огромную заслугу, которую оказали киевляне пролетариату тем, что на деле показали, что вопрос объединения партии—вопрос разрешимый даже в самодержавной

России, но еще смешнее было бы отрицать, что, со всей исчерпывающей глубиной и полнотой, теоретически был поставлен (положим, не только теоретически, были и попытки, как мы видели, приступить к практическому его решению) не маленькой провинциальной, хотя и хорошо организованной группой, а людьми теоретически являющимися лучшими учениками Маркса и стоявшими во главе самой большой, самой революционной организации 1894—95 г.г. и главное организацией, создавшейся в среде самого революционного и сознательного отряда русских рабочих, в Петербурге. Дух «Петербургского Союза Борьбы» его революционной эпохи, дух его лучших вождей витал в то время, когда делались первые попытки объединения с.-д. в партию и когда затем фактически соц.-демократы в 1903 г. создали эту партию.

Но еще курьезней кажутся теперь претензии некоторых товарищей, оспаривающих у киевлян приоритет по созыву первого съезда, как это пытается сделать т. Новополин во втором номере «Летописи революции» — органе Екатеринославского бюро Истпарта.

«Вполне естественно, говорит т. Новополин: при таких условиях, что на первом съезде «союзов борьбы» за освобождение рабочего класса в Минске в 1898 г. екатеринославский союз не только участвует, но даже самая мысль о съезде исходит от него» [1]). Тов. Новополина, повидимому, ввел в заблуждение конец фразы т. Эйдельмана, когда он говорит о екатеринославском союзе и поясняет, что екатеринославский союз занялся объединением разнородных элементов, находившихся в то время в Екатеринославе. Киевляне практически поставили вопрос об объединении, киевляне завязали для этого связи, киевляне сносились с русскими организациями и с «Группой Освобождения Труда», киевляне, наконец, послали в Екатеринослав т. Петрусевича, будущего делегата на съезде от Екатеринослава. Об этом свидетельствует всё, — и воспоминания участников съезда, и документы, и подготовительная работа киевлян, (например коллоквиум, о котором говорит т. Эйдельман) и, наконец, состояние организаций в Киеве и других центрах. Это вещи общеизвестные. Об этом, например, говорит, кроме

---

[1]) «Летопись Революции», № 2, стр. 23. Всеукр. Гос. Изд.

Б. Л. Эйдельмана, и П. Л. Тучапский в своих воспоминаниях «Из пережитого»: «На-ряду с местной работой «лидеры» группы «Рабочее Дело» главным образом, Б. Л. Эйдельман, уже в конце 1896 г. и начале 1897 г. начали принимать участие в подготовке к объединению всех с.-д. групп России. Эта мысль возникала и в других центрах с.-д. работы и не могла не возникать, так как она подсказывалась самою жизнью: по мере того, как развивались отдельные с.-д. организации, чувствовалась необходимость в руководящем и координирующем центре, в постановке общего печатного органа, в устройстве общей техники и, наконец, в надлежащей организации доставки нелегальной литературы из-за границы».

По вопросу о работе «Екатеринославского Союза борьбы» в деле подготовки съезда все становится понятно, если принять во внимание, что тов. Петрусевич, делегат съезда от Екатеринослава, как уже было вышеуказано, направлен в Екатеринослав именно из Киева. Об этом в согласии с Б. Л. Эйдельманом говорит и П. Л. Тучапский: да и при выборе делегата на съезд, как об этом рассказывает в своих воспоминаниях т. Виленский, сначала выбрали не т. Петрусевича, а т. Виленского и так как он отказался (он работал в типографии вместе с т. А. Поляком), то послали т. Петрусевича.

Интересно попутно отметить, что печатаемым в настоящем сборнике письмом Плеханова к киевлянам окончательно рассеивается то мнение, будто бы «Группа Освобождения Труда» отрицательно отнеслась к направлению, взятому в особенности во втором номере «Рабочей Газеты».

В предисловии к брошюре Ленина «Задачи русских социал-демократов», Аксельрод по этому поводу говорит: «Считаю не лишним отметить тот факт, что около того времени, когда предлагаемое произведение писалось, готовился к печати № 2 «Рабочей Газеты», вышедшей в свет, если не ошибаюсь, в декабре прошлого или январе настоящего года. Этот номер газеты по самому своему содержанию, по подбору фактов и явлений русской жизни, по известиям, сообщаемым в нем, и по задачам, которые редакция выдвинула на первый план, представляет собою практическое применение в области литературной пропаганды тактики, указы-

васмой нашим автором». Ссылки на заметки в «Vorwärts» будто бы указывающие на приверженность «Рабочей Газеты» к экономизму, тоже неосновательны (мы приводим их в нашем сборнике, в приложении): в них приводится только содержание двух вышедших номеров «Рабочей Газеты», причем во второй заметке указывается, что в передовой статье второго номера ставится вопрос о необходимости организации единой партии. В высшей степени интересен текст приветствия русских социал-демократов по поводу пятидесятилетнего юбилея революции 48-го года, текст, помеченный 18-м мартом 1898 г. и как раз за подписью тех четырех союзов, которые принимали участие на съезде. Судя по этому тексту, направление союзов было далеко не «экономическое» и не склонное к соглашательству с буржуазией.

Аксельрод прямо считает, что задачи и основные вопросы, поставленные в порядок дня русской социал-демократии В. И. Лениным в его брошюре, киевляне перенесли в область практического применения; кроме того теперь после опубликования письма Г. В. Плеханова (на страницах заграничной «Летописи Революции») не остается никакого сомнения в том, что направление «Рабочей Газеты» «Группою Освобождения Труда» одобрялось. Плеханов говорит определенно: «Товарищи. Вы спрашиваете: сочувствую ли я вашему изданию? На этот вопрос я отвечу вам другим вопросом: как мог бы я не сочувствовать вам? В моих глазах ваш орган также и наш орган, орган всех тех, которые принадлежат к русской социал-демократической партии».

Далее Плеханов в своем письме указывает, что величайшим злом современного русского социал-демократического движения является его групповой характер, то что так удачно было потом названо «кустарничеством». Это было действительно величайшим злом, можно сказать, ахиллесовой пятой молодого движения, и лучшей иллюстрацией этого являлась организация так называемой «Русской социал-демократической партии», органом которой было «Рабочее Знамя» [1]).

---

[1]) Группа «Рабочего Знамени» составилась из некоторых членов следующих организаций: 1) Петербургской группы «Социалист» и 2) Белостокской «Группы рабочих революционеров» (оппозиция Бунда) — С. В. Андронова, М. Б. Смирнова, О. Е. Звездочетова, В. П. Ногина, С. С. Цедербаум, К. Шехтери и др.

В передовой статье этого органа тоже ставился вопрос об объединении, но стоит только просмотреть хотя бы эту статью или брошюру рабоче-знаменцев «Задачи русской рабочей партии» и сравнить ту постановку вопроса, какую давала эта брошюра, например, с той, какую давала брошюра Ленина, чтобы понять, за кем была и жизнь и теоретически-правильное разрешение проблемы. В нашу задачу не входит ни изложение истории созыва первого съезда, ни истории группы «Рабочего Знамени», но нам думается, что всякому, изучающему историю нашей партии, небезъинтересно сравнить иную постановку вопроса о задачах русской социал-демократии, как раз в то время, когда собирался первый съезд и когда задачи русских социал-демократов выяснялись и ставились так, как они ставились деятелями, работавшими в одной из наиболее революционных организаций России, именно т. Лениным, одним из организаторов «Петербургского Союза Борьбы».

Задачи русских социал-демократов в указанной брошюре рабоче-знаменцев определяются так: «Задачей русской рабочей партии является—выяснять рабочим их положение и зависимость этого положения от существующего политического и экономического строя и создать прочную партийную организацию, которая могла бы превратить разрозненную борьбу рабочих в разных местах и по разным поводам в общую борьбу против общего врага».

Говоря далее о методах борьбы, программа считает «возможным выставить, как общее правило, что широкая массовая деятельность, в видах ее большей безопасности, а, следовательно, и большей прочности достигнутых ею результатов, должна вестись исключительно при помощи печатного слова».

Ограничивая свою массовую работу только путем воздействия на массы печатным словом, группа «Р а б о ч е г о З н а м е н и», ставит неотложной задачу выработки отдельных личностей из общей массы рабочих,—«личностей, которые могут современем стать членами партии». При этом при формировании партии, при сплочении этих отдельных личностей и организаций в единую прочную и боевую партию, программа не считала важным единое теоретическое мировоззрение. «Что же касается чисто теоретического характера,

то мы полагаем, что партия без всякого для себя ущерба может в этом отношении предоставить каждому право «сметь свое суждение иметь». Только при книжном отношении к революционной деятельности можно усмотреть серьезное препятствие к совместной работе в различном отношении к вопросам о научных основах нравственности, материалистическом понимании истории, свободе воли и так далее».

Нечего говорить, что такая постановка вопроса, сводящая всю деятельность партии и ее организации, сплочение ее членов только к узкой практической деятельности, как бы правильной ни казалась практическая постановка дела, шла вразрез со всеми традициями соц.-демократии. Совершенно не так ставился вопрос брошюрой Ленина, где, как раз наоборот, теоретическая чистота основных положений программы ставилась главнейшим условием объединения. «Направляя все свои силы, — писал т. Ленин, — на деятельность фабрично-заводских рабочих, русская социал-демократия готова поддерживать тех русских революционеров, которые приходят на практике к постановке социалистической работы на почву классовой борьбы пролетариата, не скрывая при этом нисколько, что никакие практические союзы с другими фракциями революционеров не могут, не должны вести к компромиссам или уступкам в теории, в программе, в знамени».

Действительность очень скоро показала, кто был прав: Ленин или рабоче-знаменцы; очень скоро различное понимание самых отвлеченных вопросов теории, казалось бы, не могущих помешать столковаться Бернштейну и ортодоксам, экономистам и искровцам, в частности, вопросы исторического материализма, приводимого в качестве примера в программе «Рабочего Знамени», разъединили так сильно правое и левое крыло русской социал-демократии, что та глубокая пропасть, которая образовалась с тех пор между двумя течениями русской соц.-демократии, не заполнялась, а расширялась и углублялась все больше и больше.

Именно этим довольно индиферентным отношением к коренным вопросам теории и объясняется такое легкое отношение рабоче-знаменцев к П.П.С. и другим фракциям, к их совместной работе с П.П.С., и даже самое название их партии не Российская, а русская. Объяснение некоторыми товарищами э т о г о слова в названии партии (напр., тов.

Сольца) тем, что рабоче-знаменцам хотелось развить «ту идею, что Российская партия может быть образована только впоследствии, путем слияния национальных, социал-демократических партий и ей должна предшествовать организация национальной русской партии», хотя, быть может, и правильно передает мотивы, руководившие людьми, вырабатывавшими программу, но, конечно, не может заслонить того соображения, что здесь при выработке названия партии как раз и сказалось то пренебрежительное отношение к теории, на которое только что было указано.

Развитие событий и дальнейшее формирование нашей партии только подтвердило тот правильный путь, на который стали организаторы первого съезда и те товарищи, которые впоследствии на втором съезде завершили дело создания боевой классовой социалистической партии пролетариата.

Чистота теоретических позиций первых соц.-демократов, выковывавших наше идейное оружие еще до первого съезда в борьбе с мелкобуржуазной идеологией народничества, непримиримая твердость в отстаивании этих позиций, «узость искровцев», как любили выражаться наши противники, и помогли одержать победу в схватке с оппортунистами в эпоху «экономизма»; то же упорное отстаивание этих теоретических основ, а не безразличное к ним отношение помогло большевикам затем удержать свои революционные позиции во время раскола после второго съезда партии, пережить невиданную реакцию третье-июньского Столыпинского режима и эпохи империалистской войны и, высоко держа все то же свое старое знамя, победить всех соглашателей и оппортунистов всех толков и наименований и доказать в борьбе за диктатуру пролетариата, что именно твердость и чистота наших теоретических позиций помогла пролетариату штурмовать не только землю, но и небо.

Предлагаемый сборник является собранием новых документов и материалов, освещающих историю первого съезда, а отнюдь не ряд сводных работ или исследований по этому вопросу. Для исследований еще, быть может, не настало время при том бешеном темпе жизни, которым несемся мы вперед по революционному пути. Но материалы и документы, как думаем мы, представляют интерес не только для исто-

рика, а и для всякого интересующегося прошлым нашей партии. Материал, заключающийся в нашем сборнике — двоякого характера: статьи, воспоминания и документы.

Прежде всего мы даем статью тов. Б. Л. Эйдельмана. участника первого съезда, дополняющую и разъясняющую его работы, какие появились уже на страницах русских органов. К такого же сорта материалам относится и статья Даргольца о социал-демократических организациях в Одессе в начале девяностых годов. Как дополнение к ней идут воспоминания Даргольц-Липовецкой.

Затем идут воспоминания рабочих, членов социал-демократических организаций времени первого съезда, либо принимавших деятельное участие в подготовке съезда, либо бывших членами организаций, выполнявших планы, какие вырабатывались центральной киевской организацией.

В этом же отделе помещаются воспоминания товарищей рабочих эпохи I-го съезда, но работавших не в Киеве, а в других организациях, напр., Е. Торсуевой—в Ростове-на-Дону, Ноткина—в Гомеле. С первого взгляда может показаться, что эти воспоминания никакого отношения к первому съезду не имеют. Но такой взгляд был бы весьма ошибочным. Нам хотелось показать не только ту обстановку, из которой вырастал съезд, но и как отразился этот период в воспоминаниях рабочих тех городов, где царила кружковщина и которые либо были так или иначе связаны с Киевом, либо прямо создали свои организации под непосредственным влиянием Киева.

Эти воспоминания иллюстрируют ту мысль, которая говорит, что несмотря на идейный и организационный разброд, царивший в 90-е годы, особенно в конце, и по преимуществу в провинции, близкой к Киеву, все же замечалось и с каждым днем все больше и больше росло стремление связать свою обособленную работу с работой соц.-демократов в других городах, так или иначе влить ее в общероссийское или, по крайней мере, областное русло. В этом отношении заслуживают внимания воспоминания И. Виленского о Витебске, где были попытки выработать тоже что-то вроде программы и создать нечто более солидное, чем изолированный кружок. О воспоминаниях А. Поляка говорить не приходится, — это один из активнейших деятелей рабочего движения на юге России эпохи первого съезда, связущее звено

между Одессой и Киевом, член и киевской и одесской организаций и, наконец, организатор техники «Киевского Союза борьбы», арестованный в типографии в ночь с 11 на 12-е марта 1898 года.

Воспоминания киевских рабочих,—А. и С. Сонкиных, Люльева—представляют большой интерес потому, что рисуют ту идейную атмосферу, какую сумел создать такой выдающийся рабочий, как Ю. Д. Мельников.

Люльев и Сонкины — настоящие ученики Мельникова, обучившего их слесарному и токарному ремеслу с целью поступления их на завод для пропаганды среди рабочих. В их простых безхитростных рассказах личность Мельникова обрисовывается хотя и кратко, но в высшей степени ярко. Заслуживают внимания и небольшие воспоминания Лизы Торсуевой, одной из интереснейших работниц нашего движения, одной из основательниц Донского Комитета Р. С.-Д. Р. П., участницы всех наиболее выдающихся эпизодов борьбы ростовских рабочих 90-х годов и получившей свое революционное воспитание среди остатков тех кружков, которые были созданы в Ростове-на-Дону еще Ю. Д. Мельниковым.

Воспоминания А. Сольца и Гершановича относятся к «Рабочему Знамени» и освещают некоторые стороны этой организации. Особенно воспоминания Гершановича рисуют яркими красками фигуру рабоче-знаменца М. Лурье.

Без сомнения, лучше было бы дать сборник воспоминаний, охватывающих всю Россию в эпоху первого съезда, но это, к сожалению, невыполнимо, да кроме того и то, что мы даем, думается, достаточно рисует настроение и деятельность рабочих той эпохи.

Второго рода материалы нашего сборника это—документы и некоторые мелкие сообщения.

Мы здесь печатаем два вышедших номера «Рабочей Газеты», той газеты, которая должна была стать общепартийным органом: должен же иметь историк и вообще изучающий историю партии ту газету, с именем которой связан первый съезд нашей партии, и которая и сама по себе представляет большой интерес. Издание нашей русской нелегальной литературы идет медленно, а спрос наших организаций и учреждений, изучающих историю партии, на этот сорт литературы, очень велики.

Далее мы дадим перечень статей, которые должны были пойти в третьем номере «Рабочей Газеты». Она, как известно, была конфискована жандармами в рукописном виде при арестах в ночь с 11 на 12-е марта 1898 г. Перечень статей мы извлекли из дел о Первом Съезде, хранившихся в Историко-революционном архиве в Киеве [1]). Письмо Г. В. Плеханова из зарубежной «Летописи Революции» к деятелям «Киевского Союза борьбы» дополняет этого рода документы. Первый раз появляется в печати и следующий интересный документ—брошюра, принадлежащая перу Н. А. Вигдорчика: «Новая победа русского рабочего движения». Она была написана Н. А. Вигдорчиком по поводу закона 2-го июня 1897 г. о введении $11^1/_2$ часового рабочего дня в фабр.-заводских предприятиях, вырванного у правительства петербургскими стачками ткачей. Эту победу рабочего класса и разъясняет Вигдорчик в своей брошюре. Содержание брошюры лучше, чем что бы то ни было, убеждает читателя, насколько далек был «Киевский Союз борьбы» от экономизма. Брошюра находится в деле № 29/1898, Киевского Истор. рев. архива и представляет листовку в 8-ю долю листа печатного шрифта в несверстанном виде в 52 стр. Набрана она рукой А. Поляка и конфискована жандармами во время их налета на типографию «Киевского Союза борьбы» в ночь с 11 па 12-е марта 1898 г. Это по поводу этой брошюры жандармы с торжеством докладывали царю: .«.... при чем в квартире мещанина еврея Айзика Поляка обнаружена тайная типография, в которой в момент обыска печаталось второе издание брошюры под названием «Новая победа» [2]). Брошюра была набрана тов. Поляком и находилась в типографии во время обыска. Там же находилось и небольшое количество нового набора (начало брошюрки), то «второе издание», о котором сторжеством говорят жандармы. Прокламация «Киевского Союза борьбы», «Письмо киевским рабочим» от 26-го марта 1898 г. находится в деле № 20, т. X, 1898 г. о «Киевском Союзе Борьбы»... Историко-революц. архива в Киеве. Она представляет полулист, исполнена на мимео-

---

[1]) Дело «О Киевском Союзе борьбы за освобождение раб. класса и о группе «Рабочей Газеты». Дело № 20, 1898 г.

[2]) См. В. Невский. Южно-Русский раб. союз в гор. Николаеве в 1897 г., стр. 56.

графе и трактует об арестах 11 и 12-го марта 1898 г. по всей России. Интересна тем, что в ней содержится сообщение об издании органа «Рабочая Газета» и оповещается пролетариат о возникновении партии. Ни количества экземпляров выпущенной прокламации, ни имени автора установить не удалось.

Обвинительный акт, вернее, постановление Особого Совещания трех министров по делу «Киевского Союза Борьбы» взято нами из дела № 20/т. XII/1898 г. «о Киевском Союзе Борьбы». Curriculum vitae II. Л. Тучапского, написано им самим и нами только сделан перевод с украинского. Письма Ю. Д. Мельникова мы печатаем здесь, так как они, хотя и писаны из тюрьмы и из Астраханской ссылки, представляют большой интерес для характеристики этого замечательного революционера и социал-демократического деятеля 90-х годов.

Выдержки из «Форвертс» за 1898 год мы сочли необходимым привести здесь в переводе, так как иногда приводятся в доказательство склонности «Рабочей Газеты» к экономизму как раз именно эти заметки в органе Немецкой соц.-демократической партии (см., напр., В. Махновец, его статью о съезде в журн. «Минувшие Годы»).

Приводя документы, относящиеся к первому съезду Р. С.-Д. Р. П., мы считали необходимым перепечатать и еще два документа из области нелегальной литературы—это передовую статью из первого номера «Рабочего Знамени» и «Программу Рабочего Знамени», как материал, рисующий другую попытку к объединению соц.-демократических организаций в партию.

Наконец, еще один документ, как будто бы не имеющий отношения к юбилею партии, воспроизводим впервые мы здесь. Это статья Ленина: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» Как видно из примечания, написанного тов. С. И. Мицкевичем, это одна из статей, которые писались В. И. Лениным еще в начале 90-х годов,—статей, чтение которых и разбор в кружках, организованных, напр., Скляренко служило таким прекрасным средством пропаганды соц.-демократических идей и учения Маркса в применении к российской действительности. Нам хотелось показать, что не во всех кружках периода кустарничества, или, вернее, пере-

хода от народничества к марксизму царил первозданный хаос: были и такие кружки, где вырабатывался тот взгляд на историю вообще и российскую действительность в частности, который помог созданию нашей Коммунистической партии. Ведь борьба с народничеством, отказ от народнических заблуждений были первым шагом по пути выработки научного мировоззрения русских социал-демократов, которое и помогло правильно поставить вопрос о задачах российской социал-демократии в 90-х годах.

Литература о первом съезде Р. С.-Д. Р. П.

До появления воспоминаний одного из организаторов и участников съезда Б. Л. Эйдельмана и статьи В. Махновца (Акимова) — о первом съезде на русском языке не только точных сведений, но и вообще более или менее подробных сообщений в печати не было. Воспоминания Б. Л. Эйдельмана появились в 1907 г., а статья В. Махновца — в 1908 году, и с тех пор до Октябрьской революции обстоятельных статей по этому вопросу не появлялось. После октября в литературе о первом съезде появилось несколько новых статей, и многие факты, которые в царские времена оглашению не подлежали, получили всестороннее разъяснение. Этим отсутствием сведений только и можно объяснить тот факт, что большинство авторов, писавших о съезде, сообщало неверные сведения, как о лицах, принимавших участие в съезде, так и об организациях, пославших делегатов (напр., Мартов, Батурин, Невский и др.). Но и в настоящее время можно считать, что полных, исчерпывающих сведений об этом знаменательном событии в нашей партии мы не имеем. Литература вопроса небогата, так как множество статеек и заметок имеет второстепенный характер. Мы приводим ниже все, что могли найти на русском языке, но, конечно, наш список не претендует на полноту.

1. Батурин, Н. «Очерк истории соц.-демократии в России». Первое изд. 1906 г., в серии «Лекции и рефераты». После второго изд. в 1918 г. уже с приложением статьи М. С. Ольминского появилось множество изданий этой прекрасной книги. Первому съезду уделяется немного места. И в первом и во втором издании неправильно указано, что на съезде были делегаты от «Харьковского Союза борьбы» и от заграничного «Союза русских соц.-демократов». Их там не было.

2. Бубнов, А. «Основные моменты в развитии коммунистической партии в России». Изд. Истпарта.

3. Б. Д. (Б. Л. Эйдельман), см. ниже.

4. Горев, Б. И. (Гольдман), «Марксизм и рабочее движение в Петербурге четверть века назад». «Красная Новь» № 3.

1921 г. Здесь говорится о выборе делегата «Петерб. Союзом борьбы» на предполагавшийся съезд еще в 1897 г., который, однако, не состоялся и был превращен в конференцию - «коллоквиум»

5. Егоров, А. «Зарождение политических партий и их деятельность». Общественное движение в России в начале XX в. Т. I. Здесь также неверно назван загр. «Союз русских соц.-демократ.» в числе делегаций.

6. Ельницкий, Е. «История раб. движения в России» Ч. I. Петербург, 1918 г. Неверно указывается загр. «Союз русск. соц.-дем.», как делегация на съезде.

7. Зиновьев, Г. «Из истории нашей партии». Здесь, впрочем, говорится всего несколько слов о П. Струве по поводу «Манифеста» съезда, им написанного.

8. Каменев. Л. «В. И. Ленин и история коммунистической партии».

9. Кремер, А. «Основание Бунда». «Пролетарская революция» № 11, 1922 г. Москва. Истпарт.

Его же. Та же статья на евр. языке в «Рабочем Календаре» в 1902 г. Первая статья на русском языке есть перевод появившейся первоначально на еврейском языке статьи. Это небольшая статья, в которой, между прочим, за исключением Ванновского, перечислены все делегаты.

10. Крупская, Н. К. «Союз борьбы за освобождение раб. класса». «Творчество». Литер.-худож. журнал № 7—10 1921 г. Здесь содержится ценное указание о шагах, предпринятых «Петербургским Союзом борьбы» еще летом в 1896 году к созыву съезда по поездке т. Крупской с этой целью на юг.

11. Ее же. Заметка в 11-м номере «Пролетарская Revол.» под заглав. «К вопросу о первом съезде Р. С.-Д. Р. П.».

12. Линдов, Г. «Краткий очерк истории росс. соц.-демокр. раб. партии». Петербург. Несколько изд. Здесь уже делегации названы правильно.

13. Левицкий. «Исторический очерк разв. росс. с.-д. раб. партии». Москва. 1917 г.

14. В. Ленин. «За 12 лет»,—«Задачи русских соц.-демокр.» и «Что делать?», а также предисловие. Статьи имеют значение, так как в них дается оценка, между прочим, эпохи съезда.

15. Листок работника №8. Здесь напечатан «Манифест» и постановления съезда.

16. Лейтейзен. См. Линдов.

17. Луначарский, А. «Великий переворот», Москва.

18. Лядов, М. «История росс. соц.-демокр. раб. партии». Несмотря на многие неточности, и здесь имеется очень ценное указание на подготовку съезда еще в 1895 году.

19. Мартов, Л. «История росс. соц.-демокр. раб. партии». В первом издании неправильно указаны, как присутствовавшие на съезде, Перазич и Теслер, зато не указан Ванновский. Во втором издании эти ошибки исправлены.

20. Маховец, В. (Акимов). «Первый съезд Российской соц.-демокр. раб. партии». «Минувшие годы», № 1—2, 1908 г. Статья интересна по многим подробностям, но содержит зато много погрешностей, на которые указывает Б. Эйдельман в статье, помещ. в № 1 «Прол. революции».

21. Его же. «Очерк развития соц.-демокр. в России». Петербург, 1906 г. О съезде мало, но очень много об обстановке, которая предшествовала съезду. Как и первая, эта книга написана в узко фракционном стиле.

22. Невский, В. «К вопросу о первом съезде Росс. соц.-демокр. раб. партии». «Пролет. рев»., № 1. Имеются в примечании интересные документы: набросок (проект) П. Л. Тучапского, как бы манифеста или программы и др. Неверны сведения о делегации.

23. Его же. «Южно-русский Раб. Союз в гор. Николаеве в 1897 г.». Эта работа касается съезда только косвенно, в ней имеются некоторые данные о связях Киева с Одессой, Екатеринославом, обрисована роль Киева, как организационного центра.

24. Его же. «К 25-ти летию партии». «Пролет. рев»., № 14.

25. Его же. «Харьковское дело Ювеналия Мельникова и других». Сборн. Истпарта «От группы Благоева к Союзу борьбы». В статье обрисована личность Мельникова, как одного из замечательнейших организаторов киевской с.-д. организации.

26. Н—ский, П. «Письмо Г. В. Плеханова в редакцию «Рабочей Газеты», «Летопись революции», Берлин—Петербург—Москва. Заметка посвящена письму Г. В. Плеханова, написавшего киевским с.-д. письмо, в котором оценивалось направление «Раб. Газ.» и выражалась солидарность с этим направлением. Письмо Г. В. Плеханова приводится с примечаниями Н—ского.

27. Новополин, Г. «Из истории рабочего движения» (1880—1903 г.). «Летопись революции» № 2. Гос. Изд. Украины. Екатериносл., 1923 г. Неверно обрисована роль Екатеринослава, как инициатора съезда.

28. Перазич, В. «Ювеналий Мельников и Харьковский рабочий кружок». Еженедельник «Правда», № 14. Москва, 1921 г.

29. Его же. Еще о Харьковском рабочем кружке конца 80-х годов. (По поводу статьи В. Невского «Харьковское дело Ювеналия Мельникова и других». «Красная Летопись», № 4, Петроград. В этой заметке даны исправления тех погрешностей, которые допущены в работе В. Невского).

30. Петербуржец, см. Тар.-Тахтарев.

31. Спиридович, А. «Революционное движение в России». Выпуск I., С.-Петербург., 1914 г.

Его же. «История большевизма в России». Париж, 1922 г. Приводим для полноты и эти «сочинения» охранника.

32. Тахтарев, К. М. «Очерк Петерб. раб. движения в 90-х годах». Несколько изд. (есть и нелег.). Изд. Г-ье. Петр. 1918 г.

33. Тучапский, П. Л. «Из пережитого». Девяностые годы. Одесса. 1923 г. Гос. Изд. Укр. Воспоминания участника съезда.

Книжка очень важная и интересная, так как вносит очень много деталей, упущенных другими авторами, писавшими о съезде.

34. Фин-Енотаевский. Маленькая заметочка под заглавием: «К вопросу о первом съезде Р. С.- Д. Р. П.». Заметка важна по тому, что здесь же напечатаны заметки Н. К. Крупской, А. И. Елизаровой-Ульяновой и Б. Л. Эйдельмана. «Пролет. рев.». № 6.

35. Эйдельман, Б. Л. «К истории возникновения Российской соц.-демокр. рабочей партии», перепечатка первой его статьи-воспоминаний, помещенной в истор. сборнике «Пролет. Револ.» № 1. Имеются очень ценные примечания.

36. Его же. „К истории возникновения Росс. соц.-демокр. раб. партии», Истор. сборник «Наша страна», № 1, 1907 г. И эта и вышеназванная статья—одно и то же и представляет ценнейший источник по вопросу о первом съезде.

37. Его же. Письмо в редакцию «Пролет. Рев.», № 6.

38. Его же. Письмо в редакцию «Пролет. Рев.», № 8.

39. Его же. Письмо в редакцию «Пролет. Рев.», № 9.

Все три письма исправляют неточности разных авторов, писавших о съезде.

40. Его же. «О партийном архиве», «Правда», № 23,—1919 г.

41. Его же. «О партийном архиве», «Правда» № 41—1919 г.

42. Его же. «О первом партийном съезде», «Правда» № 55, 12. III — 1919 г.

43. Эрдэ. «I съезд Р. С.-Д. Р. П.» — в книжке Всеукраинского изд. 1921 г. Шесть съездов нашей партии 1898 — 1917 г.г. Ничего нового не дает, плохонькая заметка.

44. «Русский Рабочий», № 1, октябрь 1898 г., непериод. изд. союза русск. соц.-револ.

Упоминание о первом съезде, конечно, имеется еще во многих книгах и статьях, впрочем, не дающих ничего нового (напр., в охранной литературе, в «Обзоре важнейших жанд. дозн.» за 1898 г., в докладе Муравьева в книге «Револ. движ. в России» с пред. Л. Мартова, К-во «Летописец». СПБ. 1907 г. и т. п.). Из нелегальной литературы о съезде и его постановлениях говорится в протоколах II съезда Р. С.-Д. Р. П. при обсуждении вопроса о «Бунде» (см., напр., стр. 70—71 и 134—135. «Второй очередной съезд Р. С.-Д. Р. П.» Женева 1903 г.). «Манифест» съезда и постановления перепечатывались неоднократно. Перепечаны они, между прочим, и в «Пролетарской революции», в № 1. На немецком языке был напечатан в «Форвертс». В этой же газете в № 231, от 3/X — 1897, в № 13 от 16/I за 1898 год помещены заметки о киевской «Рабочей Газете».

По вопросу о «Рабочем Знамени», кроме указаний, встречающихся во всех книгах и статьях, трактующих о первом съезде, указанных выше, отсылаем читателя, кроме того, к статье С. Н. Валка в «Красной Летописи», № 2—3, Валк, С. Н. «К документальной истории» «Рабочего Знамени».

В. Невский.

Именины Российской Коммунистической Партии.

В марте 1923 года Р. К. П. празднует 25-летие со дня первого съезда (1898 г.). Значит нашей партии теперь двадцать пят лет? Нет, не значит. Наша партия почти вдвое старше. Нашей партии исполнится в октябре сорок лет. Началом ее надо считать основание группы «Освобождение Труда» в 1883 году.

Год этот весьма знаменателен. В 1883 году человечество стало, по словам Энгельса, ниже на целую голову. В этом году умер Маркс.

Истории угодно было взамен Маркса дать человечеству ту партию, которой выпало на долю приступить к осуществлению высшей идеи марксизма—диктатуры пролетариата. Вот в каком году родилась наша партия.

Но и день ее рождения тоже знаменателен. Истпарту мы поручим исследование о стиле Плеханова (старый или новый он), но первое произведение группы «Освобождение Труда», предисловие к брошюре: «Социализм и политическая борьба» подписано 25 числом октября. На каком основании можно сказать, что наша партия получила свое начало 25 октября 1883 года? А вот на каком.

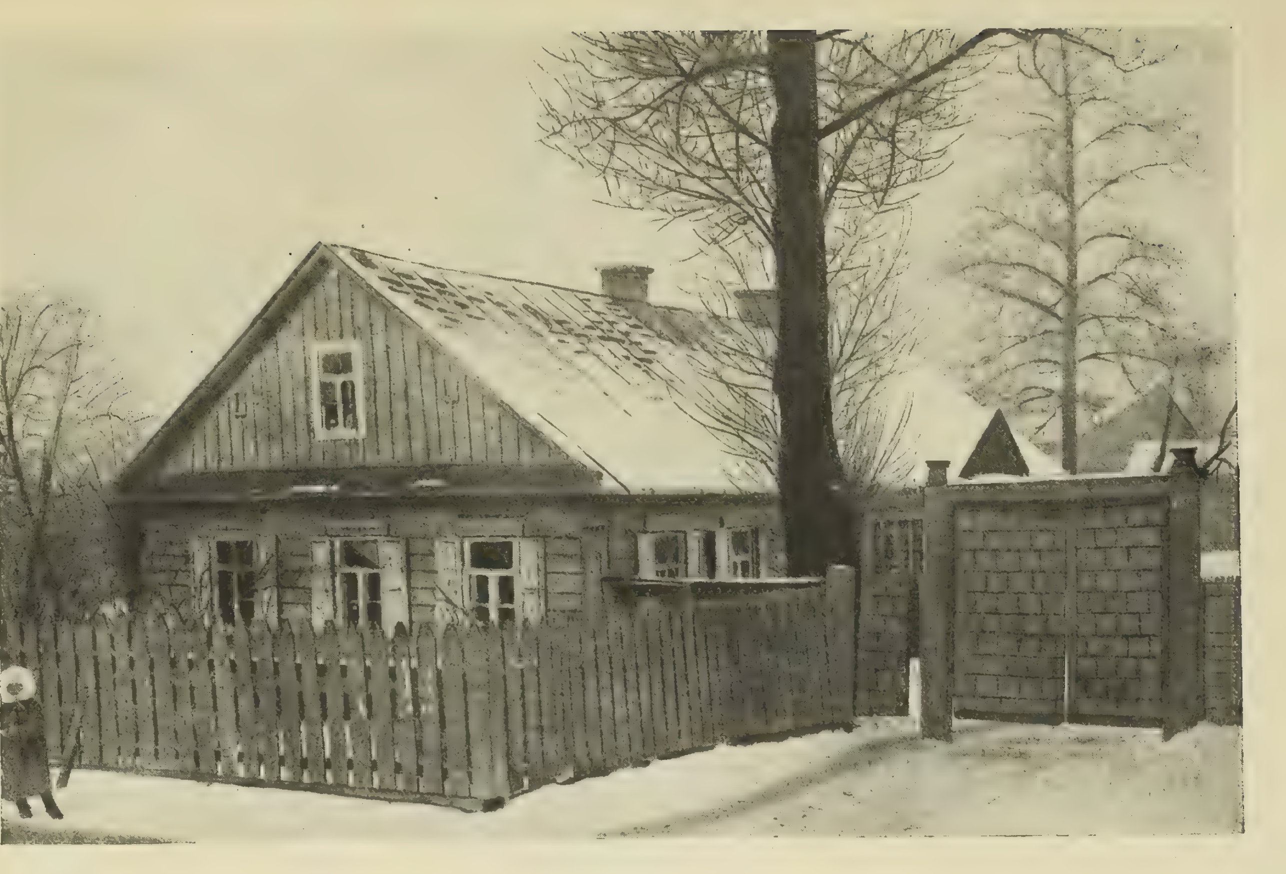
Какой процесс происходит при основании политической рабочей партии? Ответ дан давно: соединение рабочего движения с социализмом. Точнее—это значит развитие рабочего класса из класса в себе в класс для себя.

Потому что проникновение ясной мысли социализма в авангард рабочего класса—это и есть основа процесса превращения рабочего класса в класс для себя.

И это явление было налицо в 1883 году. Уже существовало тогда в России рабочее движение, и налицо было социалистическое сознание, проникшее в авангард рабочего класса. Существовали уже в России кружки рабочих, которые назывались новонародовольческими, но по существу социал-демократические.

Но в таком случае, почему бы не считать началом нашей партии Северно-русский рабочий союз?

Потому,—что там была только попытка, которая была обречена на неудачу. Ибо оба элемента, соединение которых

Дом в Минске (с улицы).

V. Новая книжка о съезде.

(По поводу книжки П. Л. Тучапского «Из пережитого»).

Прежде всего отметим одну ошибку. П. Л. Тучапский пишет: «Надо сказать, что мы умышленно издали первый номер, не прибегая к литературной помощи идейных создателей русской социал-демократии, чтобы показать, что русская социал-демократия может держаться и собственными силами, что она не является эмигрантской затеей, как склонны утверждать ее враги» (стр. 65). Все здесь неверно. Это было бы вполне не в духе нашей группы. Никому мы ничего «умышленно» показывать не желали, а работали только в меру наших сил (довольно-таки слабых литературных сил) [1]. А по поводу «эмигрантской затеи» мы забыть давно позабыли. Это для нас было из музыки прошлого. Это воспоминание Тучапского, когда еще противник был жив и силен. Для группы противник этот был мертв. И тратить силы на размышление, чтобы нанести еще лишний удар, было занятием весьма мало производительным. А у революционеров время дорого. Время—жизнь. Попусту же тратить охоты не было. Это его воспоминание оставляем на его совести; тут группа наша не при чем. Кроме того, первый номер был и этом смысле, в смысле «показа» и не казист.

Вторая ошибка по поводу Одессы, с которой будто «наша группа не успела ознакомиться» (стр. 66). На этой ошибке останавливаться не стоит. Об этом достаточно сказано всеми участниками (см. записки и в этом сборнике).

В связи с появлением книжки П. Л. Тучапского приходится несколько изменить и свое мнение по поводу некоторых ошибок Акимова.

Но раньше всего по поводу одесского провокатора Гандера После одесских записок М. Г. Даргольца и Ц. И. Липовецкой-Даргольц мне приходится признать, что Акимов

---

[1] У меня, правда, на этот счет был особый взгляд. Я приравнивал наши листки и листочки не к литературным произведениям, а к словам команды, для которой, как известно, даже и грамматика не писана. Военные говорят: «Наплечо!». Было бы кому команду выполнить. Тут не до литературности.

имел основание говорить, что речь шла о выборе Гандера на съезд. Правда, попасть на съезд Гандер во всяком случае не мог, так как и вообще было решено, что Одесса делегата иметь не будет, но Акимов имел сведения, что в одесской рабочей группе разговоры о выборе Гандера были, так как, повидимому, была речь о кандидатуре либо А. Д. Поляка, либо Гандера. Еще надо сказать, о требованиях П. П. С. к группе «Рабочей Газеты» по поводу работы Бунда. Согласно с Акимовым и мнение Н. Л. Тучапского. После этого я должен сказать, что возможно, что этот эпизод может быть изложен у Акимова и Тучапского вернее, чем у меня. У меня (на стр. 75 «Пролетарск. Революции») сказано, что «прямого отношения к съезду они (эти переговоры) не имели». У Тучапского на стр. 66 сформулировано два требования.

Теперь мы должны перейти к самому важному пункту. Речь идет о том, были ли делегаты с императивными мандатами или нет. И Акимов и Тучапский утверждают, что да. Тучапский пишет: «делегаты должны были явиться на съезд с выработанными ответами на все эти вопросы и с императивными мандатами» (стр. 62). Так как согласны с Тучапским еще два мнения старых товарищей, которых я имел возможность спросить по этому поводу, кроме того, у меня хранится в памяти один эпизод, относящийся сюда, то я считаю возможным осветить этот вопрос. Дело вот в чем. Первая часть указания Тучапского, что делегаты «должны были явиться с выработанными ответами» вполне согласуется с задачами и целями собирателей съезда. Порядок дня должен быть обсужден по местам,—не явиться личным мнением делегата. Но была ли речь о прямой императивности? Я полагаю, что первая часть «о выработанных ответах» конечно безусловно верна. А что касается настоящей императивности, то, повидимому, дело обстояло так. Ведь протоколов не вели. Записей не было. Поэтому при личных переговорах, каковы бы ни были постановления конференции 17—18 марта 1897 г., мы напирали на первой части. Вторую, об императивности, оставляли в тени. Дело в том, что на конференции нашу группу представлял Вигдорчик. Своих личных воспоминаний о постановлениях у меня нет. Но для освещения вопроса послужит сохранившийся у меня в памяти эпизод со-

съезда, который я до сих пор не знал куда приткнуть. Мне помнится, что по какому-то вопросу, перед принятием решения путем голосования, кто-то из делегатов заявил, что в данном случае он связан решением своей группы. Тогда на съезде был поставлен вопрос, можно ли принимать решения, обязательные, для всех, голосованием по всем вопросам или нет. И решен был этот вопрос утвердительно. Значит: то, что вопрос об императивности мандатов на конференции (1897 г.) подымался, можно оставить вне сомнения. Но также без сомнения при личных переговорах со мною, когда я лично передавал порядок дня съезда, вопрос об императивности, если где и возникал (хотя я этого совершенно не помню), мог мною разрешаться, согласно основным целям собирателей съезда так, как это сформулировано в первой части формулировки Тучапского, т.-е. в смысле выработки всех этих ответов на местах. Иначе и не могло быть. Мы должны были делать уступки молодым организациям. Но чем более мы, собиратели, себя чувствовали сильнее, по мере этого мы этот вопрос острием обращали к местным организациям, т.-е. гарантию, какую от съезда хотели иметь местные группы, мы превращали в гарантию съезда от личных и случайных мнений делегатов. Вообще надо сказать, что на формальностях мы не задерживались. Например, каждая делегация, независимо от числа делегатов, имела один голос. А между тем с первых же заседаний съезда, как только мы заметили, что по всем важным вопросам мы имели большинство, мы перестали считаться с этим постановлением и голосовали персонально, а не по делегациям.

VI. Несколько слов об авторах записок, киевлянах.

Высшее нравственное правило, каким руководится буржуазный мир, давно сформулировано Салтыковым-Щедриным: всяк за себя — топи своего ближнего. Девиз пролетария-революционера: один за всех и все за одного. Все авторы записок, во время своего активного участия в движении, отдали все свое самое лучшее, что у них было. Иначе они не стали бы революционерами. Хотя никому, кажется, из них не досталось счастья остаться в активных рядах непрерывно до последних дней. Я здесь хочу отметить их ре-

волюционную работу каждого в отдельности. Буду говорить только о времени до образования первого Киевского рабочего комитета, когда еще сам принимал участие также в пропаганде.

П рвый рабочий, с которым меня познакомил Як. Макс. Ляховский, был Вешнер, ювелир, о котором пишет В. Э. Люльев.

Для читателя ясно, что с нашей точки зрения не столько Люльев нашел себе учителя из жажды знаний, а революционер Вешнер подобрал для пропаганды более или менее подходящего человека. В. Э. Люльев дал нам связи с заготовщиками и вообще с ремесленниками, в том числе с Г. Е. Рудерманом, который потом и вошел в первый Киевский рабочий комитет. Значение последнего—тоже поддержка связей с ремесленниками. Особенно великие услуги по завязыванию связей с заводскими рабочими в этот же период принадлежат Сол. Моис. Сонкину. У него для этого было много данных. Но уже ко времени образования первого рабочего комитета он дал все свое самое лучшее. И его кандидатура в первый рабочий комитет была отвергнута, а вошел Рудерман, у которого тогда было меньше связей и возможностей; но он дал свое самое ценное именно в комитете, будучи вполне на своем месте в этой организации. Абр. Моис. Сонкин в это время оказал движению громадные услуги и завязыванием связей, и особенно смелостью, и исключительной, выдающейся находчивостью в распространении прокламаций. В первое время это было неоценимо, когда многие боролись против прокламаций. Он, например, мог передать для распространения папиросницам фабрики Эгиза (Фома неверующий, я любил в некоторые ответственные моменты быть на месте в роли постороннего. Описываемый здесь факт я наблюдал на противоположной стороне улицы, если мне память не изменяет, это было на Черногрязской улице, либо вообще в этом районе на Подоле. Как сейчас вижу это место перед собою, на спуске) прокламации, подстерегая папиросниц у ворот, во время обеденного перерыва, представившись им галантерейным прикащиком, галантно передавая им прокламации под видом рекламы самого лучшего магазина самых нужных для барышень товаров.

Трудно прибавить что нибудь новое к прекрасному портрету Альб. Давид. Поляка, который нарисовал т. Невский.

А. Д. Поляк был дерзок в своей работе до самозабвения, революционер до последнего здорового кусочка своих слабых легких.

Ант. Яков. Кровацкого я тоже знал. Я тогда знал всех выдающихся рабочих.

У Бурже есть рассказ под заглавием «Никогда не отказывайте женщине в свидании». А я считал своим долгом всегда видеть наибольшее количество рабочих. И товарищи-интеллигенты мне помогали в том, знакомя меня с теми, которые чем-нибудь выдвигались из массы. В этом порядке я знал и Олю Вольфсон, о которой так много хорошего вполне заслуженно говорится во многих записках этого сборника.

Из бундовских рабочих или бывших бундовцев больше всего я знал Марка Душкана. Этот из работников революционеров—один из выдающихся.

Хочется еще сказать два слова о Дм. Ник. Неточаеве. О нем говорит Кровацкий в своей записке и т. Луначарский в «Великом перевороте», также А. М. Сонкин. Я его знал только как хозяина конспиративной квартиры для нашего I-го рабочего комитета. Он был в этом отношении замечателен. Он нас встречал в своем маленьком деревянном домике и немедленно, просто, без слов оставлял нас. Сгорел этот домик, когда я в этом году посетил мать его. У матери я видел его фотографическую карточку, такую самую, какая напечатана в сборнике. На карточке была подпись: ничего лишнего.

И мне припоминается автор и хозяин нашей конспиративной квартиры. И на лице его и в его поведении по отношению к нам—действительно ничего лишнего.

Написал тут только о тех, кого лично знал.

У нас с Юв. Дмитр. была своего рода игра. По одной черточке человека дать предсказание ближайшей революционной роли работника. Свое самое лучшее А. Я. Кровацкий дал уже после моего ареста. Эдуард Францевич Плетат, пользовался заслуженно большим авторитетом среди железнодорожников.

Когда мы перешли к широкому разбрасыванию прокламаций, он оказал большие услуги.

Всякий раз, как я его видел, и недавно в 1923 г., мне приходили в голову стихи Пушкина: «У старого Будрыса

было три сына, такие же как и он, три литвина». Э. Ф. Плетат тоже литвин. И при этом мне рисовался большого роста, крепко сложенный человек. Ему теперь 72 года. Мне пишут, что на юбилейном вечере жел.-дор. мастерских он вручил красное знамя самому молодому комсомольцу, сказал пару слов, и расплакался.

VII. Несколько замечаний о киевских воспоминаниях

Б. Горева-Гольдмана.

Горев был делегатом Петербургского Союза Борьбы [1]) на Киевской конференции 17—18 марта 1897 года. Этим именем я называю первую неудачную попытку киевлян (гр. «Рабочее дело», издавшей первые два №№ Киев. раб. листка «Вперед») созвать партийный съезд.

Б. Горев пишет, что представителем от Екатеринослава был Петрусевич. Это неверно. Петрусевич-то был, но он представлял польскую соц.-дем. группу (Красная Новь, № 3, стр. 123). Далее Б. Горев ошибается в описании наружности московского делегата. Он был высокого роста, с белокурыми волосами, такие же усы. Большую рыжую бороду, про которую пишет Горев, он, конечно, видел, но владелец ее не был московский делегат. Специально о Киеве Б. Горев пишет мало, и некоторые сообщения не соответствуют действительности. Он пишет о великом конспираторе. Этим именем с некоторой иронией мы называли другого, ушедшего из нашего кружка члена, а не меня. И называли его так за любовь к излишним и сложнейшим планам с переодеваниями и гриммировкой. Так, например, он советовал делать при покупке пишущей машины. Машина эта была куплена потом очень просто и ловко Д. В. Лесенко. Что касается причин, по которым Петербургская организация решила послать своего делегата, то первой причиной служило то, что питерцы и сами были озабочены вопросом о съезде. Н. К. Крупская пишет: «Летом 1896 года я поехала в Киев, чтобы

[1]) Тогда еще просто Союз борьбы, так как других Союзов не было. Петербургским он стал называться после Киевской конференции, когда появились или переименовались в Союзы Борьбы многие другие организации: Киев, Москва, Екатеринослав.

столковаться об издании общей нелегальной газеты и о подготовке съезда партии. Я должна была повидать Веру Кржижановскую и Тучапского. Но, заехав предварительно в Полтаву, я встретила там Тучапского, Румянцева, Арона Лурье, Саммера. Обо всем столковались в Полтаве. («Творчество», № 7—10, 1920).

Во-вторых, мы настойчиво их звали. Я помню хорошо продолговатую столовую, где я присутствую на заседании Союза. Нас трое или четверо мужчин и не меньше двух женщин. Как сейчас, слышу голос председательствующего, обращающегося к полной молодой девушке: «Зинаида Павловна, докладывайте». До последних дней я думал, что это имя и отчество Якубовой [1], фамилию которой я слышал тогда же в Вильне, вероятно, от А. Кремера, как и какую-то тяжелую личную историю из жизни арестованного тогда же Авг. Гофмана. Это была, весьма вероятно, одна из моих первых поездок в Питер. Хорошо помню прекрасную фотографию этого самого Гофмана на комоде комнаты, где я тогда получил ночевку. Вижу извозчичий двор, грязноватую деревянную лестницу, ведущую на второй этаж, в эту комнату. Кто председательствовал, не помню. Вероятно, не Радченко. С ним я потом видался так часто и подолгу в свои последующие приезды в Питер, что, вероятно, помнил бы его председательство. Точно указать время не могу. Помню, снег на улицах, или падающий снег. Но ни года, ни времени года установить не могу. Когда меня 1-го мая 1900 года увозили из тюрьмы в ссылку, также падал снег. Все же, однако, это было, вероятно, незадолго до Киевской конференции. Еще Б. Горев ошибается по поводу происхождения названия «Рабочей Газеты». Об этом смотри в записке А. Д. Поляка.

В заключение нужно еще перечислить погибших членов Киевской организации. Умер Сергей Константинович Мержвинский. Он был поэтом, кажется, печатался. Мне об этом передавали бундовцы. Он был, кажется, родом из Минска.

Вижу его красивую фигуру, с выразительным лицом, оригинально как-то боком носящего свою красивую голову. Так и кажется, что чрезвычайно осторожно передвигается человек,

---

[1]) Дело идет о Невзоровой.

боясь уронить что-нибудь, находящееся на его голове. Затем умер Роман Викторович Розенберг, врач. Он был сотрудником наших изданий и пропагандистом. Сотрудничал со студенческой скамьи в местных газетах, как и Н. А. Вигдорчик. Он писал по экономическим вопросам в Киевском Слове и в Волыни. Он собирался писать популярный учебник по политической экономии. Неизменный спутник Н. А. Вигдорчика. Если где увидели одного, то невольно ищете другого.

Умер молодой Петр Ильич Белоусов, чрезвычайно милый, но нервный человек. Подвижное лицо, с постоянно сокращающимися отдельными мускулами лица, когда он говорил. Говорит он, и говорят все мускулы его лица.

Умер Демьян Васильевич Лесенко, ловкий и дельный работник. Ему в моих воспоминаниях посвящена отдельная главка, как и многим другим.

Еще следовало мне сказать о неверном изображении Степана Ивановича Радченко-конспиратора, но и об этом будет речь в моих воспоминаниях.

Б. Эйдельман.

II.

А. Социал-демократич. работа в Киеве в эпоху I съезда.

Воспоминания.

Приехал я в Киев в октябре 1895 года из Гомеля. Еще летом, когда я был в Киеве, то познакомился с Н. А. Вигдорчиком и решил осенью приехать в Киев и там устроиться. По приезде моем в Киев Вигдорчик познакомил меня с Б. Л. Эйдельманом. На другой или третий день Эйдельман повел меня к Ю. Д. Мельникову, с которым мы скоро сошлись. Систематического воспитания в кружках под чьим-либо руководством я почти не получил. Единственный кружок, в котором я участвовал, это в Минске, в зиму 1892—1893 годов, откуда я должен был скоро уехать, так как я не имел работы. После полутора года проживанья в Минске, когда у меня уже был довольно обширный круг знакомых, в том числе портные Ас, Файвешев, слесарь Гусинский и другие, в зиму 1892—93 гг., как я уже говорил, был устроен кружок для занятий по политической экономии.

Занимался с нами старый народоволец Е. А. Гальперин. К весне я лишился работы и из Минска должен был уехать, так как мне предложили место в типографии в Гомеле. Приехав в Гомель в мае 1893 года, я через несколько месяцев собрал вокруг себя всех более или менее лучших рабочих и ремесленников города и всех тех, которые стремились к знанию и развитию. В мои задачи теперь не входит описание работы в Гомеле и Новозыбкове, а потому подробно о Гомеле в другой раз.

Как я уже говорил, вскоре после моего приезда в Киев меня познакомили с Б. Л. Эйдельманом и Ю. Д. Мельниковым, тут же я познакомился с Г. Е. Рудерманом. Работу для существования я нашел в типографии Корчак-Новицкого, где и проработал до 18 апреля 1896 года, когда я был арестован. Как только я познакомился с Мельниковым мы вчетвером (Эйдельман, Мельников, Рудерман и я) начали обсуждать, что делать и с чего начать. К моему приезду в Киеве было: у Мельникова связи и знакомство в железнодорожных и пароходных мастерских, у Рудермана—у заготовщиков и через его родственника Кассовского—среди токарей по дереву и на фабрике роялей и пианино. У меня через Раису Страж-Фридман (умерла от тифа в 1919 г. в Киеве)—с портняжными и другими ремесленниками города. После некоторых обсуждений мы решили вести работу, поскольку возможно не разбрасываясь и не забегая вперед. На первое время решили использовать все связи для постановки кружков, для устной агитации, пропаганды и занятий по общеобразовательным предметам. Некоторая почва для этого уже была—происшедшая забастовка заготовщиков и в пароходных мастерских. На первое время мы ограничились составлением писем к товарищам за подписью «сознательных рабочих», с разъяснением смысла и значения забастовок и призывом их к дальнейшим забастовкам и к борьбе за свои интересы.

28 января был устроен группой П.П.С. вечер памяти повешенных пролетариатцев: Куницкого, Оссовского, Бордовского и Петрусинского. На этом вечере из нашей группы были Мельников и я. Собрались туда человек 25, с некоторыми из них мы потом тесно сошлись и участвовали вместе в работе; это Плетат, Зборович и два брата Поляке-

вичи. Мельников, Эйдельман, Рудерман и я каждую пятницу вечером собирались вместе на Соломинке в квартире Неточаева и подводили итоги за неделю и намечали работу на будущую неделю. Со стороны интеллигентов у нас был Эйдельман, но не как представитель интеллигентской группы: он от нашего имени вел сношения с интеллигентской группой. С Мельниковым и Эйдельманом в отдельности мы встречались чаще. Помню, при одной встрече у Мельникова зашла речь о газете «Работник» органе П.П.С. и, так как я немного читал по-польски, Мельников передал мне два номера. Прочитав там некоторые заметки, мною было высказано пожелание, чтобы была газета и на русском языке. На это Мельников, всецело соглашаясь с пожеланием, указал, что у нас нет шрифта для типографии и нет подходящего материала и обстановки. Первое скоро нашлось, так как у меня в Гомеле на квартире Оли Вольфсон был оставлен сундучек со шрифтом. Мельников немедленно, воспользовавшись ее проездом через Гомель, привез шрифт в Киев. Шрифт был привезен в рассыпанном виде, и Мельников, Эйдельман и я в один вечер привели его в порядок. Мельников же до поры до времени прятал его у себя. Пока решили обойтись гектографированной газетой. Вскоре начала издаваться газета «Вперед» на гектографе в ограниченном количестве, и нам не хватало на раздачу, но увеличивать количество мы не могли из-за технических затруднений. Таким образом регулярная наша работа шла, и мы уже готовились к празднованию 1-го мая (18 апреля), но Мельников был арестован 11 апреля, а я—18 апреля. 1-е мая в Киеве все-таки отпраздновали в лесу, где читалась новенькая брошюрка Н. Вигдорчика «Как министры заботятся о рабочих».

После месячного ареста, я был освобожден, но пришлось уже искать новую типографию для работы. Такая работа нашлась в типографии газеты «Киевское Слово».

Летом 1896 года кружок Раисы Страж-Фридман провалился, и, вследствие ожидания приезда в Киев Николая II, чистка и слежка были усилены. Пришлось усилить осторожность, и помню, я уехал недели на две в Гомель.

По возвращении из Гомеля и наняв новую квартиру, мы начали опять понемногу собирать рабочих и устраивать кружик. В июле месяце в Киев приехали Моисей Лурье и Оля

Вольфсон. Моисей Лурье был членом кружка рабочих революционеров. Сам преданный революционер и наборщик, работавший во многих типографиях России и Польши, он имел довольно тесные связи с отдельными рабочими в городах, и эти рабочие в разных городах и составляли группы рабочих революционеров. По приезде он начал вести агитацию среди отдельных членов наших кружков за непосредственный переход к политической борьбе, ссылаясь на то, что экономическая борьба есть борьба за «пятачек» прибавки и не стоит завлекать на это рабочих, так как для нас ясно, что главным виновником нашего тяжелого положения является политический строй. Но большого успеха он не имел, и ему удалось завлечь на свою сторону только несколько отдельных рабочих. В общем мы все вместе были связаны, но каждый вел свою линию. Моисей Лурье вскоре из Киева уехал. У него в Харькове был кружок, в который входили Гершанович и Гельман. Приехав в Киев зимой 1896—1897 гг., Моисей Лурье привез брошюрку, отпечатанную в типографии группы рабочих революционеров. Брошюрка эта была составлена из предисловия и постановлений Международного съезда в Лондоне 1896 г.

Оля Вольфсон после кратковременного пребывания в Киеве отправилась вместе с покойным Алтер Драпкиным в Кременчуг. В Кременчуге они сошлись с местными интеллигентами Орловым и Левиной и начали заниматься и устраивать рабочие кружки.

В Киеве устройство кружков и занятий с ними продолжалось, а также продолжалось и издание газеты «Вперед». С осени 1896 года у нас начались дебаты по поводу массового распространения прокламаций. Главным образом, я говорил обо всем этом с Б. Л. Эйдельманом. Последний в принципе был согласен, но всегда ссылался на отсутствие повода и людей для выполнения. Наконец, в феврале месяце, в день выхода Ю. Д. Мельникова из тюрьмы, мы собрались вместе и под влиянием повторной Петербургской забастовки текстильщиков решили выпустить прокламацию с разъяснением значения этой повторной забастовки и распространить ее на заводах. Через несколько дней ко мне были принесены прокламации, и вечером Г. Рудерман, А. Сонкин и я пошли их разбрасывать на заводы. На заводе Гретера и

Криванек должен был разбросать прокламации А. Сонкин, но, вследствие каких-то непредвиденных причин, он это сделать не мог, и я в пять часов утра пошел ко времени смены рабочих разбрасывать их. Успех был громадный. На всех заводах и фабриках заговорили открыто, и все церберы ничего не могли поделать с теми, которые читали открыто прокламации на заводах, ибо факт случайного нахождения их был налицо. Конечно, заподозрили поднадзорных на заводах, но сделать ничего не могли. Это положило начало массовому распространению прокламаций и показало на деле, что можно перейти к более серьезной работе в более организованном виде [1]).

В это время выяснился результат моего весеннего ареста. Не предпринимая против меня мер как против политического, меня выслали из Киева, как еврея, не имеющего права жительства. Проделала это полиция таким путем. По правилам в Киеве никто не мог работать в типографии без разрешения инспектора типографии и еврей, получив разрешение от инспектора и став на работу, тем самым получал право жительства. Но теперь инспектор мне отказал в разрешении, тогда хозяин типографии Кульженко, куда я поступил после «Киевского слова», объявил мне расчет. На мой вопрос инспектору он заявил, что полиция ему предписала не давать мне разрешения. Таким образом я был выслан из Киева, не как политический, а как еврей, не имеющий права жительства. Но и эта высылка имела свое значение. Хотя я в типографии проработал не долго и прочной связи завести там не мог, тем не менее рабочие типографии, узнав о моей высылке, в первую же получку прислали ко мне двух представителей и выразили свое сочувствие присылкой мне денег на дорогу. Помню, у меня были несколько рабочих, и мы все были рады этой встрече, так как этим было положено основание к завлечению и типографских рабочих, которых раньше в Киеве завлечь было трудно.

[1]) В лето 1897 года в Киеве систематически по воскресеньям собирались в лесу на Шулявке и в Голосеевском человек до семидесяти— восьмидесяти, где П. Л. Тучапский занимался с нами, т.-е. читал лекции и обсуждал всякие вопросы. (Комитет тоже регулярно собирался и регулярно выпускались прокламации по разным вопросам за подписью Союза Борьбы за освобождение рабочего класса).

Хотя «не все они читают сумбур пустой», тем не менее факт был налицо, что типографские рабочие, как масса вступили в движение позже.

Когда меня выслали из Киева, было решено ставить нелегальную типографию, и мне дали поручение по дороге домой, куда выслали мой паспорт, поискать в Минске или в Вильне валик для печатания, а остальные принадлежности мы решили приготовить сами.

16 февраля я уехал из Киева. В Минске я застал Моисея Лурье, у которого я купил за 75 рублей валик от от катальной машины. Валик он потом привез в Киев в июле месяце. Вернувшись в Киев, я отправился оттуда в Харьков, но не для работы, а исключительно пополнить типографию шрифтом. Там я поступил в типографию, собрал себе часть материала и шрифта, а также набрал заголовок «Рабочая Газета». Б. Горев в своих воспоминаниях говорит, что название «Рабочая Газета» было принято по его предложению. Не знаю, кто был на колоквиуме в марте 1897 г., но знаю, что в это время до колоквиума я уехал в Харьков и во время Ветровской демонстрации был там. Набрал же я заголовок «Рабочая Газета» просто потому, что мы все время, говоря с Эйдельманом о газете, говорили, что нужно называть ее так. Таким образом, название «Рабочая газета» появилось независимо от колоквиума. Когда в Харькове у меня все было готово, я от службы отказался и отвез все это в Киев. Приехав из Харькова, я отправился в Кременчуг и Николаев, где у меня были знакомые, подыскать, не найдется ли помещение для типографии, но там мне не понравилось, ибо хозяйка в Николаеве, на которую я рассчитывал, оказалась неподходящей для этой роли. Вернувшись в Киев, я в тот же вечер, на квартире Померанц-Перазич, встретился с Эйдельманом, который рассказал, что все время спорящие между собою интеллигентские группы пришли к соглашению и решили назвать организацию «Киевский Союз Борьбы за освобождение рабочего класса». Тут же на квартире Перазич было предложено первомайскую прокламацию выпустить печатным способом. Сказано—сделано. Эйдельман отправился заказывать прокламацию, а я—приготовлять, чтобы можно было отпечатать (как печаталась прокламация, кратко описано в майском номере «Голоса рабочих» в Самаре за

1917 год). После напечатания этой прокламации, я отправился в Харьков, чтобы не быть в Киеве. Повез я туда пачку Киевских прокламаций и передал часть А. Ф. Кондратенко, который работал на Бельгийском заводе, и часть наборщику Борису Линцеру. Из Харькова, я поехал в Екатеринослав, а оттуда в Гомель. По приезде из Гомеля в Киев я был настолько измучен, что по настоянию товарищей отправился в Ромны к Ю. Д. Мельникову на отдых. Ю. Д. по моему рисунку изготовил рамку для типографии. В Киеве была пока заказана касса в виде ящика для художника, там же был заказан мраморный столик. К сожалению, я забыл, кто приготовил ящик, мраморный же столик заказал и привез на квартиру Померанц Д. В. Лесенко. Когда все было готово, я в первых числах июля заперся на квартире С. В. Померанц под видом больного родственника, который никого не пускает к себе в комнату и днем никуда не ходит и даже из комнаты никуда не выходит, и начал печатать первый номер «Рабочей Газеты». Работал один с помощью С. В. Померанц 25—28 дней, хорошенько не помню. После отпечатания номера я его отвез на дачу около Киева, где его сброшюровали. После выхода номера я опять отправился в путешествие; был в Харькове, Гомеле, Екатеринославе и Кременчуге. В конце августа я отправился в Одессу, где у меня жила сестра, приехавшая из Гомеля. Через нее я и знакомился с Цецилией Липовецкой-Даргольц. Последняя познакомила меня со всеми своими знакомыми, и я вошел в их группу. К сожалению, в числе ее знакомых был и Гандер. В Одессу я привез с собой «Рабочую Газету». Кстати, Троцкий в своем письме к Невскому пишет, что он со мною встретился в публичной библиотеке в Одессе. К сожалению, я этого случая не помню. Знаю, что вскоре после моего приезда в Одессу Липовецкая мне сказала, что есть оказия, через одного бывшего одесского реалиста, который имеет связи и кружок в Николаеве, отправить туда литературу, и я в тот же вечер принес на квартиру Липовецкой «Рабочую газету», а она передала это молодому человеку, который потом оказался Л. Д. Троцким. Пробыв в Одессе до ноября, я потом по телеграмме из Киева, поехал туда печатать второй номер. Второй номер мне помогали печатать, кроме Соф. Влад., Конст. Прок. Василенко и Е. С. Этингер. Когда

второй номер был готов, была устроена вечеринка на квартире В. Г. Кржижановской, на которой собралась вся группа «Рабочей Газеты». После этого было решено поставить типографию на постоянной квартире, где бы она работала беспрерывно [1]). Для этой цели я отправился в Екатеринослав, где жило тогда много знакомых. После переговоров, хотя хозяйки мы и не достали, решили все-таки типографию открыть и пока отпечатать брошюру о законе 2 июня 1897 г. Активное участие в постановке типографии в Екатеринославе приняли Душкан, Гальперин, Виленский, Гуревич. Последние двое вскоре поселились на квартире со мною вместе. После кратковременной работы оказалось, что за квартирой следят, и пришлось оттуда уйти. В один удобный час вся типография была вынесена и спрятана. Через несколько дней была нанята новая квартира, куда мы переселились и принялись работать. Был поставлен слесарный станок и приобретены кое-какие слесарные инструменты, а в следующей комнате была поставлена типография. Работали мы недолго, около двух недель, брошюра была вся готова, и мы, ввиду выяснившихся ненадежных условий, собрались перевезти типографию на другое место или в другой город. Так как к этому времени должен был приехать в Екатеринослав Эйдельман с решениями съезда, я отправился к нему и отнес ему отпечатанный экземпляр брошюры. Мы условились насчет дальнейшей работы, но по возвращении от Эйдельмана, мы через час были арестованы. В период, когда нельзя было работать и пришлось прятаться, типография хранилась на квартире Бункиной. Несмотря на сильную слежку за мною и за некоторыми другими, тем не менее, жандармы не могли проследить, кто приносил и выносил типографию, что было доказано на допросе, когда жандармы поверили в мою сказку о том, что я сам приносил и уносил ее и что Гуревич и Виленский никакого отношения к этому не имели. Фактически же ти-

---

[1]) Место, где бы поставить типографию, долго искали. Павел Лукич Тучапский предлагал поставить ее в Виннице, но после его поездки туда и детального обсуждения с Эйдельманом в его квартире, мы решили, что там не годится ставить типографию. Хотели ее поставить на даче около Минска у Берковича, и я туда поехал для переговоров, но пришлось и от этого отказаться, поэтому, несмотря на некоторое неудобство, решено было работать на квартире у С. В. Померанц. *А. Поляк.*

пографию переносили от Бункиной на квартиру почти всю Виленский и Гуревич. На съезде я быть не мог, так как в это время работал в типографии, хотя на одном из собраний Одесской группы (группа не знала, что я работаю в типографии) был разговор о том, чтобы я поехал на съезд представителем от Одессы. Узнал я о решениях съезда частью при кратковременном свидании с Эйдельманом, а остальное через два месяца после перевода меня в Киевскую тюрьму из Одессы. После арестов членов съезда, работа на местах не прекратилась, и в Киев из южных городов стали приезжать, обращаясь к Киевской организации, как к центру, за литературой и всякими другими материалами. Деятельным продолжателем работы Киевской группы были С. М. Урицкий и К. И. Василенко. Последние были арестованы в 1899 г. осенью

А. Поляк.

Воспоминания.

Впервые я познакомился с Борисом Львовичем Эйдельманом, который захаживал к нам в дом и всегда интересовался моей жизнью, чтением, работой и досугом. В то время я служил бакалейным приказчиком в торговом купечестве. Мой старший брат, Соломон Сонкин, был знаком с Борисом Львовичем Эйдельманом, Ювеналием Дмитриевичем Мельниковым и Иваном Ивановичем Чорбой, которые приходили к нам на дом и работали в кузнице для дела нелегальной мастерской, которую основал Мельников. Я заинтересовался всеми лицами, но, ввиду конспиративности, мне многое было недоступно. С посещением Ю. Д. Мельниковым нашей квартиры, я завязал с ним знакомство, и через некоторое время оставил приказчицкую службу и перешел в революционную подпольную мастерскую Ю. Д. Мельникова учиться работать токарному мастерству. В мастерской я занимался с Борисом Львовичем Эйдельманом, а в кружке—с И. Л. Тучапским. Моими товарищами по мастерской были: С. Сонкин, И. В. Ефимов, Б. Л. Эйдельман, Ю. Д. Мельников и несколько других. Поработав 3 месяца, я оставил мастерскую и отправился в поисках работы в Киевские пароходные мастерские. Когда я первый раз вступил в мастерские, то был оглушен шумом машин, лязгом цепей и вообше шумом громадной мастерской. Я думал, что никак нельзя справиться со всеми

Комната, в которой происходил съезд.

V. Новая книжка о съезде.

(По поводу книжки П. Л. Тучапского «Из пережитого»).

Прежде всего отметим одну ошибку. П. Л. Тучапский пишет: «Надо сказать, что мы умышленно издали первый номер, не прибегая к литературной помощи идейных создателей русской социал-демократии, чтобы показать, что русская социал-демократия может держаться и собственными силами, что она не является эмигрантской затеей, как склонны утверждать ее враги» (стр. 65). Все здесь неверно. Это было бы вполне не в духе нашей группы. Никому мы ничего «умышленно» показывать не желали, а работали только в меру наших сил (довольно-таки слабых литературных сил) [1]. А по поводу «эмигрантской затеи» мы забыть давно позабыли. Это для нас было из музыки прошлого. Это воспоминание Тучапского, когда еще противник был жив и силен. Для группы противник этот был мертв. И тратить силы на размышление, чтобы нанести еще лишний удар, было занятием весьма мало производительным. А у революционеров время дорого. Время—жизнь. Попусту же тратить охоты не было. Это его воспоминание оставляем на его совести; тут группа наша не при чем. Кроме того, первый номер был в этом смысле, в смысле «показа» и не казист.

Вторая ошибка по поводу Одессы, с которой будто «наша группа не успела ознакомиться» (стр. 66). На этой ошибке останавливаться не стоит. Об этом достаточно сказано всеми участниками (см. записки и в этом сборнике).

В связи с появлением книжки П. Л. Тучапского приходится несколько изменить и свое мнение по поводу некоторых ошибок Акимова.

Но раньше всего по поводу одесского провокатора Гандера. После одесских записок М. Г. Даргольца и Ц. И. Липовецкой-Даргольц мне приходится признать, что Акимов

[1] У меня, правда, на этот счет был особый взгляд. Я приравнивал наши листки и листочки не к литературным произведениям, а к словам команды, для которой, как известно, даже и грамматика не писана. Военные говорят: «Наплечоп». Было бы кому команду выполнить. Тут не до литературности.

имел основание говорить, что речь шла о выборе Гандера на съезд. Правда, попасть на съезд Гандер во всяком случае не мог, так как и вообще было решено, что Одесса делегата иметь не будет, но Акимов имел сведения, что в одесской рабочей группе разговоры о выборе Гандера были, так как, повидимому, была речь о кандидатуре либо А. Д. Поляка, либо Гандера. Еще надо сказать, о требованиях Н. П. С. к группе «Рабочей Газеты» по поводу работы Бунда. Согласно с Акимовым и мнение П. Л. Тучапского. После этого я должен сказать, что возможно, что этот эпизод может быть изложен у Акимова и Тучапского вернее, чем у меня. У меня (на стр. 75 «Пролетарск. Революции») сказано, что «прямого отношения к съезду они (эти переговоры) не имели». У Тучапского на стр. 66 сформулировано два требования.

Теперь мы должны перейти к самому важному пункту. Речь идет о том, были ли делегаты с императивными мандатами или нет. И Акимов и Тучапский утверждают, что да. Тучапский пишет: «делегаты должны были явиться на съезд с выработанными ответами на все эти вопросы и с императивными мандатами» (стр. 62). Так как согласны с Тучапским еще два мнения старых товарищей, которых я имел возможность спросить по этому поводу, кроме того, у меня хранится в памяти один эпизод, относящийся сюда, то я считаю возможным осветить этот вопрос. Дело вот в чем. Первая часть указания Тучапского, что делегаты «должны были явиться с выработанными ответами» вполне согласуется с задачами и целями собирателей съезда. Порядок дня должен быть обсужден по местам,—не явиться личным мнением делегата. Но была ли речь о прямой императивности? Я полагаю, что первая часть «о выработанных ответах» конечно безусловно верна. А что касается настоящей императивности, то, повидимому, дело обстояло так. Ведь протоколов не вели. Записей не было. Поэтому при личных переговорах, каковы бы ни были постановления конференции 17—18 марта 1897 г., мы напирали на первой части. Вторую, об императивности, оставляли в тени. Дело в том, что на конференции нашу группу представлял Вигдорчик. Своих личных воспоминаний о постановлениях у меня нет. Но для освещения вопроса послужит сохранившийся у меня в памяти эпизод со-

съезда, который я до сих пор не знал куда приткнуть. Мне помнится, что по какому-то вопросу, перед принятием решения путем голосования, кто-то из делегатов заявил, что в данном случае он связан решением своей группы. Тогда на съезде был поставлен вопрос, можно ли принимать решения, обязательные, для всех, голосованием по всем вопросам или нет. И решен был этот вопрос утвердительно. Значит: то, что вопрос об императивности мандатов на конференции (1897 г.) подымался, можно оставить вне сомнения. Но также без сомнения при личных переговорах со мною, когда я лично передавал порядок дня съезда, вопрос об императивности, если где и возникал (хотя я этого совершенно не помню), мог мною разрешаться, согласно основным целям собирателей съезда так, как это сформулировано в первой части формулировки Тучапского, т.-е. в смысле выработки всех этих ответов на местах. Иначе и не могло быть. Мы должны были делать уступки молодым организациям. Но чем более мы, собиратели, себя чувствовали сильнее, по мере этого мы этот вопрос острием обращали к местным организациям, т.-е. гарантию, какую от съезда хотели иметь местные группы, мы превращали в гарантию съезда от личных и случайных мнений делегатов. Вообще надо сказать, что на формальностях мы не задерживались. Например, каждая делегация, независимо от числа делегатов, имела один голос. А между тем с первых же заседаний съезда, как только мы заметили, что по всем важным вопросам мы имели большинство, мы перестали считаться с этим постановлением и голосовали персонально, а не по делегациям.

VI. Несколько слов об авторах записок, киевлянах.

Высшее нравственное правило, каким руководится буржуазный мир, давно сформулировано Салтыковым-Щедриным: всяк за себя — топи своего ближнего. Девиз пролетария-революционера: один за всех и все за одного. Все авторы записок, во время своего активного участия в движении, отдали все свое самое лучшее, что у них было. Иначе они не стали бы революционерами. Хотя никому, кажется, из них не досталось счастья остаться в активных рядах непрерывно до последних дней. Я здесь хочу отметить их ре-

волюционную работу каждого в отдельности. Буду говорить только о времени до образования первого Киевского рабочего комитета, когда еще сам принимал участие также в пропаганде.

П рвый рабочий, с которым меня познакомил Як. Макс. Ляховский, был Вешнер, ювелир, о котором пишет В. Э. Люльев.

Для читателя ясно, что с нашей точки зрения не столько Люльев нашел себе учителя из жажды знаний, а революционер Вешнер подобрал для пропаганды более или менее подходящего человека. В. Э. Люльев дал нам связи с заготовщиками и вообще с ремесленниками, в том числе с Г. Е. Рудерманом, который потом и вошел в первый Киевский рабочий комитет. Значение последнего—тоже поддержка связей с ремесленниками. Особенно великие услуги по завязыванию связей с заводскими рабочими в этот же период принадлежат Сол. Моис. Сонкину. У него для этого было много данных. Но уже ко времени образования первого рабочего комитета он дал все свое самое лучшее. И его кандидатура в первый рабочий комитет была отвергнута, а вошел Рудерман, у которого тогда было меньше связей и возможностей; но он дал свое самое ценное именно в комитете, будучи вполне на своем месте в этой организации. Абр. Моис. Сонкин в это время оказал движению громадные услуги и завязыванием связей, и особенно смелостью, и исключительной, выдающейся находчивостью в распространении прокламаций. В первое время это было неоценимо, когда многие боролись против прокламаций. Он, например, мог передать для распространения папиросницам фабрики Эгиза (Фома неверующий, я любил в некоторые ответственные моменты быть на месте в роли постороннего. Описываемый здесь факт я наблюдал на противоположной стороне улицы, если мне память не изменяет, это было на Черногрязской улице, либо вообще в этом районе на Подоле. Как сейчас вижу это место перед собою, на спуске) прокламации, подстерегая папиросниц у ворот, во время обеденного перерыва, представившись им галантерейным прикащиком, галантно передавая им прокламации под видом рекламы самого лучшего магазина самых нужных для барышень товаров.

Трудно прибавить что нибудь новое к прекрасному портрету Альб. Давид. Поляка, который нарисовал т. Невский.

А. Д. Поляк был дерзок в своей работе до самозабвения, революционер до последнего здорового кусочка своих слабых легких.

Ант. Яков. Кровацкого я тоже знал. Я тогда знал всех выдающихся рабочих.

У Бурже есть рассказ под заглавием «Никогда не отказывайте женщине в свидании». А я считал своим долгом всегда видеть наибольшее количество рабочих. И товарищи-интеллигенты мне помогали в том, знакомя меня с теми, которые чем-нибудь выдвигались из массы. В этом порядке я знал и Олю Вольфсон, о которой так много хорошего вполне заслуженно говорится во многих записках этого сборника.

Из бундовских рабочих или бывших бундовцев больше всего я знал Марка Душкана. Этот из работников революционеров—один из выдающихся.

Хочется еще сказать два слова о Дм. Ник. Неточаеве. О нем говорит Кровацкий в своей записке и т. Луначарский в «Великом перевороте», также А. М. Сонкин. Я его знал только как хозяина конспиративной квартиры для нашего I-го рабочего комитета. Он был в этом отношении замечателен. Он нас встречал в своем маленьком деревянном домике и немедленно, просто, без слов оставлял нас. Сгорел этот домик, когда я в этом году посетил мать его. У матери я видел его фотографическую карточку, такую самую, какая напечатана в сборнике. На карточке была подпись: ничего лишнего.

И мне припоминается автор и хозяин нашей конспиративной квартиры. И на лице его и в его поведении по отношению к нам—действительно ничего лишнего.

Написал тут только о тех, кого лично знал.

У нас с Юв. Дмитр. была своего рода игра. По одной черточке человека дать предсказание ближайшей революционной роли работника. Свое самое лучшее А. Я. Кровацкий дал уже после моего ареста. Эдуард Францевич Плетат, пользовался заслуженно большим авторитетом среди железнодорожников.

Когда мы перешли к широкому разбрасыванию прокламаций, он оказал большие услуги.

Всякий раз, как я его видел, и недавно в 1923 г., мне приходили в голову стихи Пушкина: «У старого Будрыса

было три сына, такие же как и он, три литвина». Э. Ф. Плетат тоже литвин. И при этом мне рисовался большого роста, крепко сложенный человек. Ему теперь 72 года. Мне пишут, что на юбилейном вечере жел.-дор. мастерских он вручил красное знамя самому молодому комсомольцу, сказал пару слов, и расплакался.

VII. Несколько замечаний о киевских воспоминаниях

Б. Горева-Гольдмана.

Горев был делегатом Петербургского Союза Борьбы [1]) на Киевской конференции 17—18 марта 1897 года. Этим именем я называю первую неудачную попытку киевлян (гр. «Рабочее дело», издавшей первые два №№ Киев. раб. листка «Вперед») созвать партийный съезд.

Б. Горев пишет, что представителем от Екатеринослава был Петрусевич. Это неверно. Петрусевич-то был, но он представлял польскую соц.-дем. группу (Красная Новь, № 3, стр. 123). Далее Б. Горев ошибается в описании наружности московского делегата. Он был высокого роста, с белокурыми волосами, такие же усы. Большую рыжую бороду, про которую пишет Горев, он, конечно, видел, но владелец ее не был московский делегат. Специально о Киеве Б. Горев пишет мало, и некоторые сообщения не соответствуют действительности. Он пишет о великом конспираторе. Этим именем с некоторой иронией мы называли другого, ушедшего из нашего кружка члена, а не меня. И называли его так за любовь к излишним и сложнейшим планам с переодеваниями и гриммировкой. Так, например, он советовал делать при покупке пишущей машины. Машина эта была куплена потом очень просто и ловко Д. В. Лесенко. Что касается причин, по которым Петербургская организация решила послать своего делегата, то первой причиной служило то, что питерцы и сами были озабочены вопросом о съезде. Н. К. Крупская пишет: «Летом 1896 года я поехала в Киев, чтобы

---

[1]) Тогда еще просто Союз борьбы, так как других Союзов не было. Петербургским он стал называться после Киевской конференции, когда появились или переименовались в Союзы Борьбы многие другие организации: Киев, Москва, Екатеринослав.

столковаться об издании общей нелегальной газеты и о подготовке съезда партии. Я должна была повидать Веру Кржижановскую и Тучапского. Но, заехав предварительно в Полтаву, я встретила там Тучапского, Румянцева, Арона Лурье, Саммера. Обо всем столковались в Полтаве. («Творчество», № 7—10, 1920).

Во-вторых, мы настойчиво их звали. Я помню хорошо продолговатую столовую, где я присутствую на заседании Союза. Нас трое или четверо мужчин и не меньше двух женщин. Как сейчас, слышу голос председательствующего, обращающегося к полной молодой девушке: «Зинаида Павловна, докладывайте». До последних дней я думал, что это имя и отчество Якубовой [1]), фамилию которой я слышал тогда же в Вильне, вероятно, от А. Кремера, как и какую-то тяжелую личную историю из жизни арестованного тогда же Авг. Гофмана. Это была, весьма вероятно, одна из моих первых поездок в Питер. Хорошо помню прекрасную фотографию этого самого Гофмана на комоде комнаты, где я тогда получил ночевку. Вижу извозчичий двор, грязноватую деревянную лестницу, ведущую на второй этаж, в эту комнату. Кто председательствовал, не помню. Вероятно, не Радченко. С ним я потом видался так часто и подолгу в свои последующие приезды в Питер, что, вероятно, помнил бы его председательство. Точно указать время не могу. Помню, снег на улицах, или падающий снег. Но ни года, ни времени года установить не могу. Когда меня 1-го мая 1900 года увозили из тюрьмы в ссылку, также падал снег. Все же, однако, это было, вероятно, незадолго до Киевской конференции. Еще Б. Горев ошибается по поводу происхождения названия «Рабочей Газеты». Об этом смотри в записке А. Д. Поляка.

В заключение нужно еще перечислить погибших членов Киевской организации. Умер Сергей Константинович Мержвинский. Он был поэтом, кажется, печатался. Мне об этом передавали бундовцы. Он был, кажется, родом из Минска.

Вижу его красивую фигуру, с выразительным лицом, оригинально как-то боком посящего свою красивую голову. Так и кажется, что чрезвычайно осторожно передвигается человек,

---

[1]) Дело идет о Невзоровой.

боясь уронить что-нибудь, находящееся на его голове. Затем умер Роман Викторович Розенберг, врач. Он был сотрудником наших изданий и пропагандистом. Сотрудничал со студенческой скамьи в местных газетах, как и Н. А. Вигдорчик. Он писал по экономическим вопросам в «Киевском Слове» и в «Волыни». Он собирался писать популярный учебник по политической экономии. Неизменный спутник Н. А. Вигдорчика. Если где увидели одного, то невольно ищете другого.

Умер молодой Петр Ильич Белоусов, чрезвычайно милый, но нервный человек. Подвижное лицо, с постоянно сокращающимися отдельными мускулами лица, когда он говорил. Говорит он, и говорят все мускулы его лица.

Умер Демьян Васильевич Лесенко, ловкий и дельный работник. Ему в моих воспоминаниях посвящена отдельная главка, как и многим другим.

Еще следовало мне сказать о неверном изображении Степана Ивановича Радченко-конспиратора, но и об этом будет речь в моих воспоминаниях.

Б. Эйдельман.

II.

А. Социал-демократич. работа в Киеве в эпоху I съезда.

Воспоминания.

Приехал я в Киев в октябре 1895 года из Гомеля. Еще летом, когда я был в Киеве, то познакомился с Н. А. Вигдорчиком и решил осенью приехать в Киев и там устроиться. По приезде моем в Киев Вигдорчик познакомил меня с Б. Л. Эйдельманом. На другой или третий день Эйдельман повел меня к Ю. Д. Мельникову, с которым мы скоро сошлись. Систематического воспитания в кружках под чьим-либо руководством я почти не получил. Единственный кружок, в котором я участвовал, это в Минске, в зиму 1892—1893 годов, откуда я должен был скоро уехать, так как я не имел работы. После полутора года проживанья в Минске, когда у меня уже был довольно обширный круг знакомых, в том числе портные Ас, Файвешев, слесарь Гусинский и другие, в зиму 1892—93 гг., как я уже говорил, был устроен кружок для занятий по политической экономии.

Занимался с нами старый народоволец Е. А. Гальперин. К весне я лишился работы и из Минска должен был уехать, так как мне предложили место в типографии в Гомеле. Приехав в Гомель в мае 1893 года, я через несколько месяцев собрал вокруг себя всех более или менее лучших рабочих и ремесленников города и всех тех, которые стремились к знанию и развитию. В мои задачи теперь не входит описание работы в Гомеле и Новозыбкове, а потому подробно о Гомеле в другой раз.

Как я уже говорил, вскоре после моего приезда в Киев меня познакомили с Б. Л. Эйдельманом и Ю. Д. Мельниковым, тут же я познакомился с Г. Е. Рудерманом. Работу для существования я нашел в типографии Корчак-Новицкого, где и проработал до 18 апреля 1896 года, когда я был арестован. Как только я познакомился с Мельниковым мы вчетвером (Эйдельман, Мельников, Рудерман и я) начали обсуждать, что делать и с чего начать. К моему приезду в Киеве было: у Мельникова связи и знакомство в железнодорожных и пароходных мастерских, у Рудермана—у заготовщиков и через его родственника Кассовского—среди токарей по дереву и на фабрике роялей и пианино. У меня через Раису Страж-Фридман (умерла от тифа в 1919 г. в Киеве)—с портняжными и другими ремесленниками города. После некоторых обсуждений мы решили вести работу, поскольку возможно не разбрасываясь и не забегая вперед. На первое время решили использовать все связи для постановки кружков, для устной агитации, пропаганды и занятий по общеобразовательным предметам. Некоторая почва для этого уже была—происшедшая забастовка заготовщиков и в пароходных мастерских. На первое время мы ограничились составлением писем к товарищам за подписью «сознательных рабочих», с разъяснением смысла и значения забастовок и призывом их к дальнейшим забастовкам и к борьбе за свои интересы.

28 января был устроен группой П.П.С. вечер памяти повешенных пролетариатцев: Куницкого, Ассовского, Бордовского и Петрусинского. На этом вечере из нашей группы были Мельников и я. Собрались туда человек 25, с некоторыми из них мы потом тесно сошлись и участвовали вместе в работе; это Плетат, Зборович и два брата Поляке-

вичи. Мельников, Эйдельман, Рудерман и я каждую пятницу вечером собирались вместе на Соломинке в квартире Неточаева и подводили итоги за неделю и намечали работу на будущую неделю. Со стороны интеллигентов у нас был Эйдельман, но не как представитель интеллигентской группы: он от нашего имени вел сношения с интеллигентской группой. С Мельниковым и Эйдельманом в отдельности мы встречались чаще. Помню, при одной встрече у Мельникова зашла речь о газете «Работник» органе П.П.С. и, так как я немного читал по-польски, Мельников передал мне два номера. Прочитав там некоторые заметки, мною было высказано пожелание, чтобы была газета и на русском языке. На это Мельников, всецело соглашаясь с пожеланием, указал, что у нас нет шрифта для типографии и нет подходящего материала и обстановки. Первое скоро нашлось, так как у меня в Гомеле на квартире Оли Вольфсон был оставлен сундучек со шрифтом. Мельников немедленно, воспользовавшись ее проездом через Гомель, привез шрифт в Киев. Шрифт был привезен в рассыпанном виде, и Мельников, Эйдельман и я в один вечер привели его в порядок. Мельников же до поры до времени прятал его у себя. Пока решили обойтись гектографированной газетой. Вскоре начала издаваться газета «Вперед» на гектографе в ограниченном количестве, и нам не хватало на раздачу, но увеличивать количество мы не могли из-за технических затруднений. Таким образом регулярная наша работа шла, и мы уже готовились к празднованию 1-го мая (18 апреля), но Мельников был арестован 11 апреля, а я—18 апреля. 1-е мая в Киеве все-таки отпраздновали в лесу, где читалась новенькая брошюрка Н. Вигдорчика «Как министры заботятся о рабочих».

После месячного ареста, я был освобожден, но пришлось уже искать новую типографию для работы. Такая работа нашлась в типографии газеты «Киевское Слово».

Летом 1896 года кружок Раисы Страж-Фридман провалился, и, вследствие ожидания приезда в Киев Николая II, чистка и слежка были усилены. Пришлось усилить осторожность, и помню, я уехал недели на две в Гомель.

По возвращении из Гомеля и наняв новую квартиру, мы начали опять понемногу собирать рабочих и устраивать кружки. В июле месяце в Киев приехали Моисей Лурье и Оля

Вольфсон. Моисей Лурье был членом кружка рабочих революционеров. Сам преданный революционер и наборщик, работавший во многих типографиях России и Польши, он имел довольно тесные связи с отдельными рабочими в городах, и эти рабочие в разных городах и составляли группы рабочих революционеров. По приезде он начал вести агитацию среди отдельных членов наших кружков за непосредственный переход к политической борьбе, ссылаясь на то, что экономическая борьба есть борьба за «пятачек» прибавки и не стоит завлекать на это рабочих, так как для нас ясно, что главным виновником нашего тяжелого положения является политический строй. Но большого успеха он не имел, и ему удалось завлечь на свою сторону только несколько отдельных рабочих. В общем мы все вместе были связаны, но каждый вел свою линию. Моисей Лурье вскоре из Киева уехал. У него в Харькове был кружок, в который входили Гершанович и Гельман. Приехав в Киев зимой 1896—1897 гг., Моисей Лурье привез брошюрку, отпечатанную в типографии группы рабочих революционеров. Брошюрка эта была составлена из предисловия и постановлений Международного съезда в Лондоне 1896 г.

Оля Вольфсон после кратковременного пребывания в Киеве отправилась вместе с покойным Алтер Драпкиным в Кременчуг. В Кременчуге они сошлись с местными интеллигентами Орловым и Левиной и начали заниматься и устраивать рабочие кружки.

В Киеве устройство кружков и занятий с ними продолжалось, а также продолжалось и издание газеты «Вперед». С осени 1896 года у нас начались дебаты по поводу массового распространения прокламаций. Главным образом, я говорил обо всем этом с Б. Л. Эйдельманом. Последний в принципе был согласен, но всегда ссылался на отсутствие повода и людей для выполнения. Наконец, в феврале месяце, в день выхода Ю. Д. Мельникова из тюрьмы, мы собрались вместе и под влиянием повторной Петербургской забастовки текстильщиков решили выпустить прокламацию с разъяснением значения этой повторной забастовки и распространить ее на заводах. Через несколько дней ко мне были принесены прокламации, и вечером Г. Рудерман, А. Сонкин и я пошли их разбрасывать на заводы. На заводе Гретера и

Криванек должен был разбросать прокламации А. Сонкин, но, вследствие каких-то непредвиденных причин, он это сделать не мог, и я в пять часов утра пошел ко времени смены рабочих разбрасывать их. Успех был громадный. На всех заводах и фабриках заговорили открыто, и все церберы ничего не могли поделать с теми, которые читали открыто прокламации на заводах, ибо факт случайного нахождения их был налицо. Конечно, заподозрили поднадзорных на заводах, но сделать ничего не могли. Это положило начало массовому распространению прокламаций и показало на деле, что можно перейти к более серьезной работе и более организованном виде [1]).

В это время выяснился результат моего весеннего ареста. Не предпринимая против меня мер как против политического, меня выслали из Киева, как еврея, не имеющего права жительства. Проделала это полиция таким путем. По правилам в Киеве никто не мог работать в типографии без разрешения инспектора типографии и еврей, получив разрешение от инспектора и став на работу, тем самым получал право жительства. Но теперь инспектор мне отказал в разрешении, тогда хозяин типографии Кульженко, куда я поступил после «Киевского слова», объявил мне расчет. На мой вопрос инспектору он заявил, что полиция ему предписала не давать мне разрешения. Таким образом я был выслан из Киева, не как политический, а как еврей, не имеющий права жительства. Но и эта высылка имела свое значение. Хотя я в типографии проработал не долго и прочной связи завести там не мог, тем не менее рабочие типографии, узнав о моей высылке, в первую же получку прислали ко мне двух представителей и выразили свое сочувствие присылкой мне денег на дорогу. Помню, у меня были несколько рабочих, и мы все были рады этой встрече, так как этим было положено основание к завлечению и типографских рабочих, которых раньше в Киеве завлечь было трудно.

[1]) В лето 1897 года в Киеве систематически по воскресеньям собирались в лесу на Шулявке и в Голосеевском человек до семидесяти—восьмидесяти, где П. Л. Тучапский занимался с нами, т.-е. читал лекции и обсуждал всякие вопросы. (Комитет тоже регулярно собирался и регулярно выпускались прокламации по разным вопросам за подписью Союза Борьбы за освобождение рабочего класса).

Хотя «не все они читают сумбур пустой», тем не менее факт был налицо, что типографские рабочие, как масса вступили в движение позже.

Когда меня выслали из Киева, было решено ставить нелегальную типографию, и мне дали поручение по дороге домой, куда выслали мой паспорт, поискать в Минске или в Вильне валик для печатания, а остальные принадлежности мы решили приготовить сами.

16 февраля я уехал из Киева. В Минске я застал Моисея Лурье, у которого я купил за 75 рублей валик от от катальной машины. Валик он потом привез в Киев в июле месяце. Вернувшись в Киев, я отправился оттуда в Харьков, но не для работы, а исключительно пополнить типографию шрифтом. Там я поступил в типографию, собрал себе часть материала и шрифта, а также набрал заголовок «Рабочая Газета». Б. Горев в своих воспоминаниях говорит, что название «Рабочая Газета» было принято по его предложению. Не знаю, кто был на колоквиуме в марте 1897 г., но знаю, что в это время до колоквиума я уехал в Харьков и во время Ветровской демонстрации был там. Набрал же я заголовок «Рабочая Газета» просто потому, что мы все время, говоря с Эйдельманом о газете, говорили, что нужно называть ее так. Таким образом, название «Рабочая газета» появилось независимо от колоквиума. Когда в Харькове у меня все было готово, я от службы отказался и отвез все это в Киев. Приехав из Харькова, я отправился в Кременчуг и Николаев, где у меня были знакомые, подыскать, не найдется ли помещение для типографии, но там мне не понравилось, ибо хозяйка в Николаеве, на которую я рассчитывал, оказалась неподходящей для этой роли. Вернувшись в Киев, я в тот же вечер, на квартире Померанц-Перазич, встретился с Эйдельманом, который рассказал, что все время спорящие между собою интеллигентские группы пришли к соглашению и решили назвать организацию «Киевский Союз Борьбы за освобождение рабочего класса». Тут же на квартире Перазич было предложено первомайскую прокламацию выпустить печатным способом. Сказано—сделано. Эйдельман отправился заказывать прокламацию, а я—приготовлять, чтобы можно было отпечатать (как печаталась прокламация, кратко описано в майском номере «Голоса рабочих» в Самаре за

1917 год). После напечатания этой прокламации, я отправился в Харьков, чтобы не быть в Киеве. Повез я туда пачку Киевских прокламаций и передал часть А. Ф. Кондратенко, который работал на Бельгийском заводе, и часть наборщику Борису Липцеру. Из Харькова я поехал в Екатеринослав, а оттуда в Гомель. По приезде из Гомеля в Киев я был настолько измучен, что по настоянию товарищей отправился в Ромны к Ю. Д. Мельникову на отдых. Ю. Д. по моему рисунку изготовил рамку для типографии. В Киеве была пока заказана касса в виде ящика для художника, там же был заказан мраморный столик. К сожалению, я забыл, кто приготовил ящик, мраморный же столик заказал и привез на квартиру Померанц Д. В. Лесенко. Когда все было готово, я в первых числах июля заперся на квартире С. В. Померанц под видом больного родственника, который никого не пускает к себе в комнату и днем никуда не ходит и даже из комнаты никуда не выходит, и начал печатать первый номер «Рабочей Газеты». Работал один с помощью С. В. Померанц 25—28 дней, хорошенько не помню. После отпечатания номера я его отвез на дачу около Киева, где его сброшюровали. После выхода номера я опять отправился в путешествие; был в Харькове, Гомеле, Екатеринославе и Кременчуге. В конце августа я отправился в Одессу, где у меня жила сестра, приехавшая из Гомеля. Через нее я и знакомился с Цецилией Липовецкой-Даргольц. Последняя познакомила меня со всеми своими знакомыми, и я вошел в их группу. К сожалению, в числе ее знакомых был и Гандер. В Одессу я привез с собой «Рабочую Газету». Кстати, Троцкий в своем письме к Невскому пишет, что он со мною встретился в публичной библиотеке в Одессе. К сожалению, я этого случая не помню. Знаю, что вскоре после моего приезда в Одессу Липовецкая мне сказала, что есть оказия, через одного бывшего одесского реалиста, который имеет связи и кружок в Николаеве, отправить туда литературу, и я в тот же вечер принес на квартиру Липовецкой «Рабочую газету», а она передала это молодому человеку, который потом оказался Л. Д. Троцким. Пробыв в Одессе до ноября, я потом по телеграмме из Киева, поехал туда печатать второй номер. Второй номер мне помогали печатать, кроме Соф. Влад., Конст. Прок. Василенко и Е. С. Этингер. Когда

второй номер был готов, была устроена вечеринка на квартире В. Г. Кржижановской, на которой собралась вся группа «Рабочей Газеты». После этого было решено поставить типографию на постоянной квартире, где бы она работала беспрерывно [1]). Для этой цели я отправился в Екатеринослав, где жило тогда много знакомых. После переговоров, хотя хозяйки мы и не достали, решили все-таки типографию открыть и пока отпечатать брошюру о законе 2 июня 1897 г. Активное участие в постановке типографии в Екатеринославе приняли Душкан, Гальперин, Виленский, Гуревич. Последние двое вскоре поселились на квартире со мною вместе. После кратковременной работы оказалось, что за квартирой следят, и пришлось оттуда уйти. В один удобный час вся типография была вынесена и спрятана. Через несколько дней была нанята новая квартира, куда мы переселились и принялись работать. Был поставлен слесарный станок и приобретены кое-какие слесарные инструменты, а в следующей комнате была поставлена типография. Работали мы недолго, около двух недель, брошюра была вся готова, и мы, ввиду выяснившихся ненадежных условий, собрались перевезти типографию на другое место или в другой город. Так как к этому времени должен был приехать в Екатеринослав Эйдельман с решениями съезда, я отправился к нему и отнес ему отпечатанный экземпляр брошюры. Мы условились насчет дальнейшей работы, но по возвращении от Эйдельмана, мы через час были арестованы. В период, когда нельзя было работать и пришлось прятаться, типография хранилась на квартире Бункиной. Несмотря на сильную слежку за мною и за некоторыми другими, тем не менее, жандармы не могли проследить, кто приносил и выносил типографию, что́ было доказано на допросе, когда жандармы поверили в мою сказку о том, что я сам приносил и уносил ее и что Гуревич и Виленский никакого отношения к этому не имели. Фактически же ти-

[1]) Место, где бы поставить типографию, долго искали. Павел Лукич Тучапский предлагал поставить ее в Виннице, но после его поездки туда и детального обсуждения с Эйдельманом в его квартире, мы решили, что там не годится ставить типографию. Хотели ее поставить на даче около Минска у Берковича, и я туда поехал для переговоров, но пришлось и от этого отказаться, поэтому, несмотря на некоторое неудобство, решено было работать на квартире у С. В. Померанц. *А. Поляк.*

пографию переносили от Бункиной на квартиру почти всю Виленский и Гуревич. На съезде я быть не мог, так как в это время работал в типографии, хотя на одном из собраний Одесской группы (группа не знала, что я работаю в типографии) был разговор о том, чтобы я поехал на съезд представителем от Одессы. Узнал я о решениях съезда частью при кратковременном свидании с Эйдельманом, а остальное через два месяца после перевода меня в Киевскую тюрьму из Одессы. После арестов членов съезда, работа на местах не прекратилась, и в Киев из южных городов стали приезжать, обращаясь к Киевской организации, как к центру, за литературой и всякими другими материалами. Деятельным продолжателем работы Киевской группы были С. М. Урицкий и К. Н. Василенко. Последние были арестованы в 1899 г. осенью

А. Поляк.

Воспоминания.

Впервые я познакомился с Борисом Львовичем Эйдельманом, который захаживал к нам в дом и всегда интересовался моей жизнью, чтением, работой и досугом. В то время я служил бакалейным приказчиком в торговом купечестве. Мой старший брат, Соломон Сонкин, был знаком с Борисом Львовичем Эйдельманом, Ювеналием Дмитриевичем Мельниковым и Иваном Ивановичем Чорбой, которые приходили к нам на дом и работали в кузнице для дела нелегальной мастерской, которую основал Мельников. Я заинтересовался всеми лицами, но, ввиду конспиративности, мне многое было недоступно. С посещением Ю. Д. Мельниковым нашей квартиры, я завязал с ним знакомство, и через некоторое время оставил приказчицкую службу и перешел в революционную подпольную мастерскую Ю. Д. Мельникова учиться работать токарному мастерству. В мастерской я занимался с Борисом Львовичем Эйдельманом, а в кружке—с Н. Л. Тучапским. Моими товарищами по мастерской были: С. Сонкин, Н. В. Ефимов, Б. Л. Эйдельман, Ю. Д. Мельников и несколько других. Поработав 3 месяца, я оставил мастерскую и отправился в поисках работы в Киевские пароходные мастерские. Когда я первый раз вступил в мастерские, то был оглушен шумом машин, лязгом цепей и вообще шумом громадной мастерской. Я думал, что никак нельзя справиться со всеми

этими движущимися частями машин, с хлопающими пассами, которые передвигали рабочие. С поступлением в пароходные мастерские токарем, мне было тяжело выполнить возложенные на меня обязанности, как на опытного токаря. Но благодаря завоеванию симпатий со стороны рабочей среды, я быстро освоился с работой и привлек на свою сторону многих рабочих. Во время моей работы в пароходных мастерских я вел пропаганду среди рабочих и распространял нелегальную литературу. Лучших рабочих я старался привлекать к Ю. Д. Мельникову, который продолжал их революционное развитие. Продолжая свою деятельность я наткнулся на некоторых рабочих, которые уже имели небольшое понятие о литературе через студента Нетачаева. Я заинтересовался последним и отвел его к Ю. Д. Мельникову для выяснения его революционной деятельности. Через некоторое время (в первых числах марта 1894 г.) мы устроили забастовку для улучшения быта рабочих, после которой нас всех рассчитали. Оставшись временно без работы, я начал вести более интенсивно свою революционную деятельность, стал распространять прокламации по Киеву, по заводам и фабрикам. Накопившаяся у меня литература, как прокламации и книжки, была распределена мною между солдатами, в открытые окна по вечерам. После пароходных мастерских, я работал на электрической станции, где продолжал вместе с другими товарищами свою деятельность. С электрической станции, я поступил на завод Гретера и Криванека. 11 марта 1898 г. я был арестован и после 6-ти месячного заключения был выслан в г. Николаев под гласный надзор. По приезде моем в Николаев, я застал моих товарищей: Б. Люльева и Краснощекова. Привыкшие к деятельности, мы быстро отыскали в предместье заводы и фабрики, где по инициативе Б. Люльева устроили гектограф и печатали прокламации, которые сочиняли втроем, и которые там же и распространялись. После долгих поисков работы, мне удалось поступить на Черноморский судостроительный завод. Через некоторое время администрация завода узнала о моей поднадзорности и начала за мною косвенно следить. Но чем больше была слежка, тем более заинтересовывались мною ближайшие рабочие, на которых я оказывал некоторое влияние. Проработав там зиму, к весне (1 мая 1899 г.) мне удалось вызвать механическую мастерскую на празднование 1 мая, и вслед

за этой мастерской вышли все остальные. Часть рабочих разошлась, а часть направилась в лес, где провела пролетарский праздничный день. После празднования первого мая жандармерия взялась за меня посерьезней: часто проверяла мою квартиру, и в результате выслала меня из г. Николаева в г. Кременчуг. После приезда в Кременчуг, я долгое время не мог устроиться и желал перевестись в Полтаву, где, как я знал, находились большие колонии политических. Из Кременчуга я желал выехать потому, что в этом городе не было промышленности и я не мог работать, а также не было товарищей. Мое желание исполнилось и я переехал в Полтаву. Несмотря на то, что Полтава—маленький городок, без промышленности, а потому и без рабочих, она все-таки оживила меня, и я встретил многочисленных товарищей с разных концов России. Там концентрировалась вся литература как легальная, так и нелегальная, посылаемая из разных местностей России, а также из-за границы. Часто собирались мы около Юлия Осиповича Цедербаума, который с нами читал, писал рефераты, и который первый снабдил и продолжал нас снабжать газетой «Искра» и другой литературой. Кроме Цедербаума, мы проводили время на рефератах В. Г. Короленко и Руссова, бывшего украинофилом. Но славный поборник света, добра и правды был неутомимый Юлий Осипович Цедербаум (псевдоним—Мартов). Он вокруг себя собрал всех ссыльных, и в мертвой Полтавщине устроил столовую, куда собирались все работавшие и безработные. Там разбирались литературные произведения и там же был решен вопрос—чествовать при представлении пьесы «Власть тьмы» Льва Николаевича Толстого, как борца за свободу. Нами были заготовлены прокламации, и мы, явившись в театр и разместившись в разных местах галлереи между 2-м и 3-м действием, бросили прокламации по театру и крикнули: «Да здравствует борец Л. Н. Толстой. Полиция, присутствовавшая на спектакле, бросилась в разные стороны и, конечно, сейчас же заметила поднадзорных, и мы в эту ночь в числе 40 человек были арестованы и препровождены в арестантские исправительные роты, где просидели 5 недель. Жандармерия хотела из этого сделать большое дело, для того чтобы рассеять ссыльных Полтавы по разным северным городам. Мы решили не отвечать на допросах и отказались от пищи, в

виде протеста против нашего заключения, и 3 суток не принимали пищу. По истечении этого времени, между нами оказались больные, и нас начали постепенно освобождать. Вскоре после этого освобождения, надзор за мною был окончен, и я, благодаря Полтавской организации мог переехать в Екатеринослав и связаться там с Комитетом. Я был снабжен Мартовым и Стеселем большим количеством нелегальной литературы, как «Искра», и другими книгами. По прибытии в Екатеринослав (1900 г.) я застал разгромленный комитет, от которого остались отдельные лица в конспиративных квартирах, но неимеющие связи с рабочим движением. Будучи в Николаеве, я познакомился со студентом харьковского политехникума Виктором Леонтьевичем Копом. Сошелся я с этим человеком, дружили, но активного участия в николаевской жизни он не принимал. Также встречался с ним в Полтаве, а затем встретился с ним в Екатеринославе, как с деятелем комитета. Так как Екатеринослав был совершенно разгромлен, нам пришлось всю работу начинать сызнова, и поэтому мы наняли 2 квартиры: одну—в городе, другую—на Амуре (предместье Екатеринослава) для того, чтобы на одной из них проводить нелегальную работу. Во время нашей работы в Екатеринославе, мы начали искать знакомства среди рабочих, и вот оставшийся комитет указал нам старого рабочего Волошина, который мог, по словам комитета, дать нити нашей дальнейшей работе, но который впоследствии оказался провокатором и предал нас жандармерии. Последняя знала о наших действиях с первых же дней нашего приезда. Мы, не зная, что провокатор Волошин предал нас, пред праздником 1 мая 1901 г. перетранспортировали из города на Амур, на нелегальную квартиру, громадное количество первомайских прокламаций, которые мы ночью распространяли по предместью. После расклейки всех прокламаций, мы встретились с обходом, который заранее был предупрежден о наших действиях, и нас, т.-е. меня и Копа арестовали и отправили в Амурский участок, а на завтра—в городскую тюрьму. После нескольких месяцев тюрьмы, меня выслали из Екатеринослава в Гомель, под надзор полиции, где ничего существенного не было, и откуда я после некоторых хлопот переехал в Одессу. Прожив в Одессе 3 месяца, я, по приговору Екатеринославского суда, был выслан в Сибирь на 3 года. По пути

следования этапным порядком, я побывал во многих тюрьмах России; так, из Одесской тюрьмы я попал в Киевскую, из Киевской в Тульскую, из Тульской в Самарскую, из Самарской в Красноярскую, а из последней в Александровскую центральную тюрьму. Самое большое впечатление произвели на меня Одесская и Самарская тюрьмы, благодаря своему порядку, тишине, и особенно планировке т.-е. крестообразному устройству. Александровская центральная тюрьма служила для отправки ссыльных по разным местам Сибири. В ней я застал деятелей Томской революционной типографии: Аргунова, Савинкова и других. Я скоро подружился с ними, мы проводили время досуга за игрой в бабки. Особенно отличался уменьем в этой игре Аргунов, который постоянно оставался победителем. В скором времени я был отправлен из Александровской центральной тюрьмы в село Братское, находящееся на реке Ангаре Иркутской губ. Нижне-Удинского уезда, за 300 верст от железной дороги. Прибыв в село Братское, я застал там уже небольшую колонию ссыльных, приблизительно около 10 человек, которая с течением времени все более и более разрасталась. Ясно, что в таком глухом месте мы все сплотились и жили общей жизнью. За время нашего пребывания в селе, мы помогли бежать из Сибири некоторым из наших товарищей, доставая им подложные паспорта и снабжая их всем необходимым. Село Братское служило центром для перехода ссыльных из отдаленных местностей Якутской области. Однажды через село прошел старый революционер Данилов из Колымска, именующий себя «обитателем земного шара». Я заинтересовался им и вообще жизнью ссыльных в Якутской обл. и между прочим стал его расспрашивать о жизни Б. Л. Эйдельмана. Он мне дал сведения о жизни его в Якутской области, которые меня очень интересовали. Вскоре после этого я был освобожден и уехал из Сибири. Революцию 1905 г. я переживал в Киеве. Анти-еврейские погромы, подавление рабочего и крестьянского движения сильно на меня повлияли. И когда в 1907 г. ко мне обратились представители местной организации с.-р., с просьбой оказать им содействие по приготовлению бомб, я это предложение охотно принял. Когда части бомб были нами заготовлены, последовал провал (предательство Азефа) и вся с.-р. организация была уничтожена.

22 января 1923 г. *А. Сонкин.*

Мои воспоминания.

В 1892 году я приехал с военной службы домой. Дома я узнал, что моего шурина арестовали по политическому делу. А из разговора с сестрой я также узнал, за что был арестован ее муж Леон Беркович [1]). Тут же, в доме моего отца, я познакомился с Борисом Львовичем Эйдельманом, который приходил как знакомый моей сестры. Однажды, в разговоре с Эйдельманом, на вопрос: что я думаю? что читаю? я ответил, что до военной службы я работал в качестве кузнеца, а теперь хочу поступить на другую работу. Он меня пригласил к себе. Я охотно пошел в условленный час и день. Эйдельман стал со мной заниматься, читать разные книги по истории культуры и много других. После нескольких дней таких посещений мне уже Эйдельман давал читать брошюры: «Кто чем живет» Дикштейна, Лафарга, «Машина, как фактор прогресса» и другие. В промежуток этого времени в нашем доме я случайно познакомился с Ювеналием Дмитриевичем Мельниковым, и он меня просил заходить к нему. Он жил на Дорогожицкой улице д. № 15. Я раза два побывал у Мельникова и рассказал Эйдельману, что познакомился с очень интересным человеком. Эйдельман сказал, что тоже знаком с Мельниковым, и мы условились видеться у Мельникова. Там, у него, я познакомился с Иваном Чорбой и другими, фамилии которых остались для меня неизвестными. У Мельникова я застал маленькую слесарную мастерскую с небольшим токарным станком. И вот часто, беседуя с Эйдельманом и Мельниковым о рабочем вопросе, о нуждах рабочих, об эксплоатации хозяевами и заводчиками рабочих, читая много разных книг на эту тему, мы приняли решение, чтобы в нашей мастерской подготовлялись люди для поступления на большие заводы и оттуда вербовали людей для кружков и вели пропаганду, с кем можно будет, на экономические и политические темы. Я охотно принял предложение обучаться токарному ремеслу и усиленно, под руководством Мельникова, стал изучать токарную

---

[1]) Лев Ефимович Беркович по делу д-ра Абрамовича пробыл в ссылке в Олекминске 5 лет. *Б. Эйдельман.*

работу. Со мной вместе были еще другие ученики, которые подготовлялись для заводов, и учились некоторые интеллигенты, в том числе и Эйдельман. Но они работать не научились. Я же после 3-х месяцев обучения решил, что можно отправиться на завод. Понятно, в промежуток этого времени по вечерам у нас велись кружковые занятия, как по самообразованию, так и по пропаганде. Больше всех занимались с нами Эйдельман, Мельников и Чорба. В наш кружок, до поступления на завод, больше всего входило ремесленников разных профессий, среди которых выделялись: Поляк, Рудерман, Люльев и другие. Итак, я пошел в пароходные мастерские просить работы. Меня приняли на 80 копеек в день токарем, а через 2 недели мне уже платили по 1 р. 20 коп. в день. Там я познакомился с Зборовичем, который принес нам большую пользу в вербовке рабочих. Конечно, все рабочие много раз были приглашены в нашу штаб-квартиру, т.-е. к Мельникову. Там их фильтровали, отделяли тех, которые оставались у нас, а других под теми или другими предлогами отдаляли от кружка. Так я проработал около 3-х месяцев. Вдруг меня без всяких причин уволили с работы. Причины для меня были ясны, но администрация мне ничего не объявила. Пробыв еще в нашей революционной мастерской около месяца, я по настоянию Мельникова и Эйдельмана решил пойти на самый крупный машиностроительный завод Гретера и Криванека. Пошел, стал под ворота выжидать мастера; подхожу, прошу работы по токарному делу. Он говорит, что работа только ночная. Я принял предложение на ночную смену и в тот же день пошел на работу. Трудно было, и, признаться, трусил. Когда я попал в громадный механический цех и когда меня поставили около большого станка и дали работу, которую я никогда не видел, то думал, что мое дело пропало. Но при желании и знании, что это нужно для общего дела, ничто не могло остановить меня. Я попросил товарища токаря, который мне показал, как справиться с работой, хотя и не совсем удачно. Мастер на завтра сделал выговор, но я обещал постараться работать лучше. И действительно, поработав 2 недели, я уже считался токарем не хуже среднего. Когда я освоился и ознакомился с моими товарищами по работе, я приступил к своей заветной мечте: вербовать товарищей

в наш кружок. 1-й товарищ, которого я привел к Мельникову, был Бычков, умерший в Полтавской тюрьме после операции аппендицита. Это был один из моих лучших товарищей по работе на заводе Гретера. Он остался до последнего дня своей жизни смелым, честным революционером и борцом за рабочее дело. Так за 1-й год работы, много товарищей рабочих я знакомил с Мельниковым, и у нас уже был сильный кружок сознательных рабочих с завода Гретера. Когда у нас образовался рабочий комитет [1]), от Гретера были я и Бычков, от юго-западных железных дорог—Плетат и Кровацкий, от ремесленников—Люльев и Рудерман, от других мастерских—я не помню. Объединяли нас всех Мельников и Эйдельман. После долгих споров с другими товарищами—интеллигентами, которые примыкали к с.-р., мы решили перейти к активной работе, т.-е. поднять массы, так как единичные рабочие и кружки нас не удовлетворяли. И вот в 1897 году была распространена по всем заводам прокламация о Петербургской грандиозной забастовке рабочих. Пачку прокламаций мне принес на квартиру Поляк в 11 часов вечера, а утром в 5 часов я отправился на завод и разбросал их около будки завода и в самом заводе [2]). Эта прокламация наделала столько шума и разговоров среди рабочих, так что только об этом и говорили целый день. На завод днем прискакали жандармы, опрашивали всех, но никто не мог ничего сказать, откуда прокламации взялись. Но заводская администрация указала на меня, как на человека, который читает газету рабочим. Мы тогда коллективно выписывали газету «Русские Ведомости», и во время обеда, зимой, в кочегарке, а летом на воздухе читали корреспонденции из Берлина о рейхстаге и речах Бебеля и др. Это чтение у нас вошло в обычай; как только кончим обед, сейчас, «а ну-ка, газету читать». Между прочим маленькая деталь. Утром, когда я отправился с пачкой прокламаций на завод, моя жена, на 8-м месяце беременности, от волнения, родила преждевременно дочь. Пришлось прибегнуть к помощи врача. Это был доктор Гельфер. Вот почему этот случай остался у меня

---

[1]) Это рабочий комитет второго созыва, а не первый (куда входили Ю. Д. Мельников, А. Поляк, Г. Рудерман и Б. Эйдельман).

[2]) См. рассказ об этой прокламации у А. Д. Поляка. *Б. Эйдельман.*

в памяти. Это было 4 февраля 1897 г.—первая соц.-демократическая прокламация в Киеве[1]). Ночью у меня был обыск, но кроме новорожденной дочери ничего не нашли, и я продолжал работать как раньше, хотя на меня уже косо смотрели. Каждый раз, когда на заводе бывали какие-нибудь случаи, напр., уменьшение расценки, увечье какого-нибудь рабочего, грубость или побои мастера, непременно, при этом появлялся листок, с призывом бороться за свои экономические и политические интересы, с указанием разных требований для достижения своих целей. Главным орудием борьбы мы советовали объявить стачку тогда, когда на заводе много работы и срочные заказы. И не долго пришлось ждать. Летом, того же года, я и Бычков и другие наши товарищи подготовили стачку всего механического и котельного цехов, в числе 1.200 человек, и выставили требование о сокращении рабочего дня, увеличения расценки на работу, и оставления старой расценки на предметы, которые хорошо оплачивались, и др. требования, которых я точно не помню; помню только, что вечером, когда дали гудок и первая смена должна была итти домой, а на завод пришла уже другая смена, мы не уходили с завода и потребовали директора завода чеха Колаша. Это был человек маленького роста, худой, невзрачный, к тому же злой, скверный и подлый человек. Он иначе не общался с рабочими, как «тыкал», ругал всех рабочих отборной руганью и любил бить рабочих по щекам, в особенности подростков и простых рабочих. Когда его позвали в механический цех, он пришел и стал около большого строгального станка. В один момент было потушено электричество, и он очутился на доске строгального станка, и станок был пущен в ход. Но счастье его, что он был маленький и пролез в отверстие доски нижней части станка, где ему только спину немного выровнило, а то пожалуй его поструганило бы совсем заново. Работать уже никто не работал. Сначала заперли ворота и никого не хотели выпустить. Но потом всех выпустили и мы разошлись по домам, а на завтра все собрались на завод и предъявили свои требования. Скоро весь завод был окружен казаками и жандармами. Стали

---

[1]) Не первая, а первая широко распространенная по всем заводам и фабрикам. *Б. Эйдельман.*

звать в контору отдельных рабочих и расспрашивать у них, кто агитатор и кто бросил директора на строгальный станок. Обещали за это многое, но к чести наших товарищей никто из 1.200 человек не выдал ни одного товарища; вот какая у нас была спайка в механическом цехе. Ночью были аресты, арестованы были я и Бычков,—но продержав нас около недели освободили, за недоказанностью, но за нами уже зорко следили и администрация, и жандармы, и сыщики. Мы же все время продолжали сплачивать как можно больше и больше рабочих. Начались стачки на других заводах и среди ремесленников. Устраивали сходки очень часто, по праздникам, в лесу, за городом, и нас, товарищей, собиралось много со всех заводов и мастерских. Мы ставили кругом цепь своих, чтобы следить кто идет, а сами собирались в одно место, куда являлись наши товарищи интеллигенты и читали нам разные выдержки из газет, а чаще всего говорили речи о нашем тяжелом житье и как от него освободиться, да так, что многие из нас плакали, слушая их. Лучшими ораторами были товарищи: Тучапский, Лесенко и Мельников, последний был везде и всюду. В этом же году мы праздновали 1-го мая, всемирный рабочий праздник. Мы организовались и жандармы не дремали, так что многие товарищи были арестованы, в том числе и Мельников. Но все-таки долго не сидели в тюрьме, скоро выпустили и опять за работу. Но шпики жить не давали. Бывало соберутся ко мне на квартиру, в одну комнату полуподвального помещения товарищи, туда же приходили интеллигентные товарищи, читать нам лекции по политической экономии, о Марксе, а тут же в окна шпики заглядывают, а с литературой совсем беда, куда спрятать? А больше всего литературы—у Мельникова. И вот однажды мы думали, куда лучше спрятать литературу, долго думали, но тут же, как всегда находчивый Мельников, говорит: «Я надумался: давайте сейчас товарищи устроим». В мастерской стояли колоды для наковальни. Взяли колоду, вырезали в дне большую дыру; заделали таким же кружком, набили ее полную литературой и опять поставили наковальню. А ночью гости, жандармы, обыск, перерыли все, ломали полы и стены, и ушли не солоно хлебавши. На утро Мельников и говорит: «А что нашли чортова батька?» Так у нас продолжалась наша работа до 1898 года. В начале 1898 г. уже были со-

брания по выборам на 1-й съезд. Лично я на съезд не выбирал, не помню по каким причинам. На этом я пока заканчиваю свои воспоминания, а о последующей, до 1905 года, моей революционной работе напишу в другой раз.

21 Января 1923 года. *С. Сонкин.*

Воспоминания.

После 2-хлетнего увлечения сионизмом, мне захотелось научиться русской грамоте, которую я плохо знал. И вот, в поисках учебников и учителя, я случайно познакомился с рабочим, ювелиром Вешнером [1]), который познакомил меня со студентом Эйдельманом, Борисом Львовичем. И так как в то время (это было в 1893 г.) я работал 15—16 часов в сутки, то, отрывая от сна 2 — 3 часа в сутки, я серьезно стал заниматься, и в то же время мы организовали стачки и добились 12-ти часового, рабочего дня для заготовщиков. Руководил стачками Эйдельман через меня и рабочих: Кадацкого, Красильщикова и Зеликмана. Во время забастовки я познакомился с интеллигентами: Павлом Лукичем Тучапским, Борисом Шеном и другими, а также с рабочими: Ювеналием Дмитриевичем Мельниковым, Г. Рудерманом, Э. Ф. Плетатом, К. А. Зборовичем, Кровацким, Поляком, с работницами М. Альтшулер и Раисой [2]), (фамилии последней не помню). Мы организовали рабочие кружки, где студенты революционеры преподавали политграмоту и занимались по другим предметам. Когда наша организация расширилась, мы образовали своего рода комитет, и так как выборы открыто не могли состояться во избежание провала, наш комитет [3]) сложился по назначению. Я и Рудерман были представлены от заготовщиков, Плетат, Кровацкий—от железнодорожников, Зборович—от столяров, Поляк и Алексеев—от

---

[1]) Ювелир Вешнер, первый спропагандированный рабочий, с которым меня познакомил Як. Макс. Ляховский, один из членов русск. соц.-демокр. кружка. С помощью Вешнера я и собрал свой первый рабочий кружок в 1893 го у. (*Б. Эйдельман*).

[2]) Раиса Страж-Фридман. (*Эйдельман*).

[3]) Это рабочий комитет второго созыва, а не первый (куда входили: Ю. Д. Мельников, А. Поляк, Г. Рудерман и Б. Эйдельман). *Б. Эйдельман.*

печатников. Комитет руководил забастовками и рабочими кружками. В 1897 г. мы были уже крепко связаны со всеми киевскими заводами и крупными мастерскими. Но приблизительно в 1896—97 годах, к сожалению, появились раздоры среди интеллигентов, а потом и среди рабочих, на почве программ с.-д. и с.-р. Наши кружки и комитет, кроме Рудермана, держались программы с.-д., но к нам приехал белостокский рабочий М. Лурье, видный революционер и организатор, который стал вербовать среди наших кружков себе сторонников. Ему в этом помогали некоторые с.-р. интеллигенты, которых фамилии я не помню, кроме одного старого народовольца Соколова, а также Рудермана и Раисы. Я был против этих разделений программы, так как это вносило дезорганизацию среди рабочих, и так как ко всяким спорам здесь примешивалось много лишнего и личного, к тому же я считал, что программам пока нет места, когда борьба еще только начинается. В том же году Эйдельман нас пригласил собраться и высказаться о том, как связаться с другими городами и организациями и образовать всероссийскую организацию. Мы собрались в квартире Э. Ф. Плетата, для совещания и выбора представителя на всероссийский съезд. Всех участников совещания я не помню. Помню только Эйдельмана, Плетата, Тучапского и Мар. Альтшулер. Комитет высказался в положительном смысле и наметил меня в качестве делегата, но я отказался, считая себя не вполне годным для такого ответственного дела. Выбор пал на П. Л. Тучапского. В то время, т.-е. в период 1893 — 95 г.г. родилась у Ю. Д. Мельникова идея, состоящая в том, что необходимо подготовить социалистов рабочих для пропаганды на фабриках и заводах. И с этой целью он основал у себя дома, по Дорогожицкой ул. д. № 15, мастерскую токарно-слесарного ремесла, где он успешно обучал нескольких рабочих вышеназванному ремеслу. Это были—А. Сонкин, бывший приказчик, С. Сонкин, бывший кузнец и Ефимов. Они заняли места на заводе Гретера и в пароходных мастерских и успешно пропагандировали социалистические идеи в рабочих кружках. Я, будучи заготовщиком и находясь в очень узком кругу рабочих, так как всех заготовщиков в то время в Киеве было не более 75-ти человек, также надумал переменить мое ремесло на слесарное, и с этой целью я по-

ступил на киевскую электрическую станцию, где помощник мастера Полякевич, член нашего кружка, научил меня работать. Через 9 месяцев я оставил электрическую станцию и собирался поступить в пароходные мастерские, где работало до 300 человек и было широкое поле деятельности для пропаганды. Но в марте 1898 года нас всех, в числе 200 человек, арестовали. Многих арестовали, как я слышал, из-за провокационной деятельности некоего Гандлера, которого я не знал и не видел до ареста. Но лично меня выследили в моей квартире, так как Борис Шен занимался в моей квартире, по Воздвиженской ул. с рабочим кружком. Я, в последнее время перед арестом, замечал около моей квартиры филеров охранки, а главное, меня и еще многих моих близких выдал молодой рабочий—табачник, который работал на махорочной фабрике Спилиоти, по фамилии Лазебник. Он жил за Днепром, на Слободке. Там его выследили и арестовали и отправили в Остер, где он сидел в тюрьме при самых отвратительных условиях. Под влиянием этих условий, он попросил жандармского генерала Новицкого, чтоб тот выхлопотал ему царскую амнистию. За это он обещал ему выдать всех своих товарищей социалистов, и они оба слово свое сдержали, как один, так и другой. В Киевской Лукъяновской тюрьме я просидел 6 месяцев в очень хороших условиях. Начальство было хорошее. Один помощник начальника был сочувствующий. Фамилии его я не помню. В тюрьме я познакомился с новыми лицами. Там же был В. В. Водовозов, который тепло отнесся ко мне, как к новичку. Он меня снабдил книгами, когда, после сортировки, меня посадили в одиночную камеру. Меня, любителя природы, угнетала одиночная камера, так как весна была ранняя. Но я быстро освоился со своим положением. Маленький эпизод был при моем аресте, когда бравый околодочный надзиратель Левицкий приехал меня арестовать. Я за день раньше, т.-е. 10 марта выбрался из квартиры по Воздвиженской ул. на новую квартиру на Андреевском спуске, а на мою прежнюю квартиру переехал мой товарищ Иодис, и успел привести в чемодане нелегальную литературу. Надзиратель Левицкий, приезжая на Воздвиженскую улицу, меня не застал, и на вопросы к квартирной хозяйке, где я, она ответила, что я нахожусь на Андреевском спуске, не

рассказывая, что я выбрался. Он моментально скачет на Андреевский спуск и, не делая обыска, приглашает меня на мою прежнюю квартиру. Я понял его намерение, поехал с ним на Воздвиженскую ул., предварительно предупредив брата, чтоб он убрал нелегальщину в моем чемодане. На обращение надзирателя ко мне, чтоб я открыл комнату, я сказал, и хозяйка подтвердила, что я давно выбрался, и он был вынужден ехать обратно на Андрееевский спуск, где он обыскивал меня без особого рвения и, конечно, ничего не нашел. Товарищ Иодис, таким же образом, отделался легко, так как новую квартиру не обыскивали, а в старой ничего не нашли. Повторяю, что в тюрьме нам жилось свободно, мы даже собирались, иногда гуляли вместе, некоторое время нам П. Л. Тучапский читал лекции,— он открывал волчок, так называемое, отверстие в дверях а мы таким же способом слушали. Читал он по всем отраслям знаний. Жили мы свободно еще потому, что нас было много политических заключенных, и нас не могли поместить каждого в отдельную камеру, и мы сидели по несколько человек в одной камере. В первых числах сентября 1898 г. меня освободили и выслали, по моему желанию, в город Николаев. Там я поступил работать на завод земледельческих орудий, братьев Донских. Как еврей и как неопытный рабочий, я встретил самое оскорбительное отношение со стороны рабочих, благодаря их невежеству и дикости, и я тогда пережил горькие минуты. В то время выслали из Петрограда 12 рабочих балтийского завода, за то, что во время забастовки они обратились к министру, чтобы он заступился за них перед администрацией завода. Раньше власти провокационно сами предложили рабочим выбрать делегацию для того, чтобы выловить зачинщиков, и некоторые высланные рабочие очутились в Николаеве. Один из них, по фамилии Смолин, поступил на тот же завод, и странно! Мы поняли сразу друг друга и сразу подружились. Смолин был прекрасный мастер и видный представительный человек. Он сразу завоевал симпатии ближайших рабочих, и, видя нашу дружбу, рабочие стали относиться ко мне лучше. Через некоторое время приехали ко мне из Киева, также высланные, мои 2 товарища: А. Сонкин, и Краснощеков. Последний познакомил меня с сестрами Вонскими, которые были ближайшими друзьями

Л. Троцкого. Одна из Вонских отзывалась о Троцком, как об исключительном человеке. Мы очень жалели, узнавши, что его арестовали, перед нашим приездом в Николаев. Кое-как устроившись, мы трое: я, А. Сонкин и Краснощеков стали искать связи среди заводских рабочих, но или их еще не было, или мы не могли их найти, и поэтому мы решили поступить по киевскому последнему способу, т.-е. самим печатать на гектографе прокламации и самим их распространять. Питерские рабочие не годились для нашего дела, так как к сожалению они оказались большими алкоголиками, и я не счел нужным познакомить их с моими двумя товарищами, а потом и сам раззнакомился. Я прожил в Николаеве от последних чисел сентября 1898 г. до марта 1899 г. и уехал в город Баку, куда меня вызвал товарищ заготовщик Красильщиков. Он надеялся, что с моим приездом нам двоим удастся как нибудь связаться с тамошними рабочими, так как в то время никаких рабочих революционных кружков в Баку не было. Я прожил в Баку 18 месяцев и, кроме мелкой революционной работы, ничего серьезного не сделал, так как русская Калифорния, какой Баку был в 1899 году, не располагала к революционной работе. Тогда был большой спрос на рабочие руки, и рабочих прекрасно оплачивали за их труд, а большие деньги вместе с дешевым вином служили плохой почвой для социалистических идей. В 1900 г. меня выслали из Баку в г. Полтаву. Там я застал большую колонию поднадзорных. Их было до 100 человек. Там были люди с крупными именами, богатым прошлым и разными направлениями. Там были В. Г. Короленко, Мартов, Волкенштейн и многие другие. Я там застал моих киевских товарищей: Э. Плетата, Гехта, а потом приехал и А. Сонкин. Там были и украинцы, с которыми я только там познакомился, в лице семьи Руссова, людей очень интеллигентных, но которые произвели на меня плохое впечатление. Помню, я их считал волками в овечьей шкуре, так как их шовинизм слишком сквозил наружу, а мы были в то время интернационалистами-космополитами. В то время то, что было способным организовываться и сплотиться вокруг более активных членов с.-д. партии в Полтаве, уже было организовано и сплочено до моего приезда, и мне только оставалось войти в готовую организацию, что я и мои товарищи сделали, и я

принимал некоторое участие в работе до 1905 г. Здесь моя политическая карьера, благодаря моим материальным и семейным обстоятельствам, пока закончилась вплоть до нашего времени.

1923 г. 20 января *Б. Люльев.*

Мои воспоминания.

В 1893 году, ранней весной, я познакомился с Иосифом Николаевичем Мушинским. Он был тогда еще гимназистом седьмого класса Киевской первой гимназии, а я—учеником 4-го и последнего класса Киевского Александровского ремесленного училища. При каких обстоятельствах произошло наше знакомство, не буду рассказывать, так как это не имеет особого значения, и при том потребуется много места и времени. Через него я познакомился с резчиком по дереву, Марьяном Андреевичем Конопко (теперь уже умершим). С ним у меня и началась тесная дружба на почве самообразования. Марьян Конопко окончил Киевское двухклассное училище первым учеником, после чего поступил к хозяину учиться резчиком по дереву. В то же время по воскресеньям он учился в Художественной школе Мурашко рисованию, которое ему было необходимо знать, как большое подспорье в ремесле резчика, а он хотел быть художником-резчиком и, будучи даровитым и очень способным, пробыв около года у хозяина, бросил его и стал работать самостоятельно, у себя дома, получая заказы от мелких столярных мастерских. Работая сам у себя, Конопко много времени посвящал чтению книг и меня привлекал к этому. Мушинский продолжал изредка видаться со мной и Конопко, и спрашивал, что мы поделываем. Я приблизительно рассказал ему о наших планах самообразования, и в этом разговоре он предложил мне одну книжечку, объяснив, что она бесцензурна, т.-е. запрещена, и взял слово с меня, что я буду осторожен, читая ее так, чтобы никто не видел, и по прочтении поделился с ним своим впечатлением (название этой книжечки «Кто чем живет» Дикштейна). Прочитав эту книжку и узнав о прибавочной стоимости и эксплоатации рабочего хозяином, и что все окружающее создано руками рабочего и по праву принадлежит только рабочему классу, я ринулся во-всю

агитировать рабочих, сверстников по моим летам. Конопко с своей стороны агитировал своих знакомых по школе рисования. Еще у него был знакомый конторщик, служивший в конторе нотариуса, и брат конторщика—сапожник. Ко всему этому прибавляется новое знакомство с Дмитрием Никитичем Неточаевым через того же Конопку, и мы всей этой группой время от времени собираемся и устраиваем совместные чтения по беллетристике, напр.: «Дети подземелья» Короленко, «Борьба за право», кажется, Француза, и т. п. книжки. Устраиваем кассу на приобретение нелегальной литературы, затем составляем тесную группу из меня, Конопко, Неточаева и его знакомого, коллеги по гимназии, Веселовского. Последний поступил вольно-определяющимся в 5-й саперный понтонный батальон и сагитировал рядового солдата Ромоданова, нестроевой роты. Он познакомил его с нами, и Ромоданов бывал даже на наших кружковых собраниях. Веселовский, получив нашивки унтер-офицера, стал вести себя некорректно с товарищем Ромодановым и однажды приказал ему почистить сапоги; Ромоданов приказа не послушал и был наказан Веселовским. Узнав от Ромоданова о подобном случае, мы стали бойкотировать Веселовского, прекратив с ним знакомство. Я, работая в Киевских главных мастерских Ю.-З. ж. д., агитировал своего однокашника Адамского, сблизился с Побегаловым, которого познакомил и порекомендовал на квартиру к Конопко. Побегалов был знаком с студентом Дмитрием Ивановичем Ангеловым-Стояновым, который, познакомившись через Побегалова с Антониной Конопко, познакомил ее с Верой Григорьевной Кржижановской, занимавшейся с женским кружком, состоявшим из следующих работниц: Раисы [1], Анюты, Мани [2], фамилий их не помню, и Антонины Конопко. О Вере Григорьевне Кржижановской я слышал от Конопко Антонины. Упоминаемые мною лица, как Ангелов-Стоянов, Вера Григорьевна Кржижановская и женский кружок работниц воскресают в моей памяти во время 1894 и 95 г.г. В этот период времени я знакомился еще с другими лицами из интеллигентного мира, принимавшими

[1] Раиса Страж-Фридман.

[2] Мар. Альтшулер. *Б. Эйдельман.*

Г. Рудерман.

А. Сонкин.

Э. Плетат.

И. Виленский.

участие в пропаганде и агитации среди рабочих, работавших в этом направлении: это были: Викентий Мечиславович Богуцкий [1]), и Петр Герасимович Полонский. Богуцкий занимался с нами т.-е. мною, Конопко, Адамским и Побегаловым, читая нам политическую экономию. После познакомил нас с Полонским, который и продолжал заниматься с нами, читая нам тоже политическую экономию. В тот же самый период времени Неточаев, будучи в связи с нами через Конопко, устраивает летние загородные прогулки, смешанные; там были все упомянутые в начале и середине моих воспоминаний молодые рабочие и такие же молодые интеллигенты: Анатолий Луначарский и Петр Герасимович Полонский. В одной такой прогулке принимали участие: мать Неточаева, Екатерина Ивановна, сестра его Катя и подруга Кати, утонувшая при купании. Была это майская прогулка, состоящая из девиц и молодых людей лет от 18 до 21, количеством около 20 человек. Происходила эта голосеевская прогулка в 1895 году. Это время я помню вот почему. Осенью 1894 г. я перебрался на квартиру в семью Скрипниченко по Мало-Владимирской ул. № 30 (нынешн. ул. Гершуни). Хотя описываемая маевка могла происходить и в 1894 г., но никак не в 1896 г., ибо я в 1896 г. отбывал учебный ополченский сбор, с 1 мая по 1 июня. Казарменный солдатский режим не мог мне дать отпуск позже, чем до 8 часов вечера, а мы вернулись домой на рассвете около 2 часов ночи. Помню другое большое собрание, устроенное Неточаевым у себя на квартире, по Кучменскому яру в зимнее время, но ветхий дом, стоящий почти на открытом месте, не представлял из себя удобной конспиративной квартиры для больших собраний, тем более в рабочем районе. Это собрание было тоже смешанное из рабочих и громадного большинства молодой интеллигенции в возрасте лет от 20 до 22—23. После вечеринки, на которой велись дебаты и разговоры политического характера, происходили разъяснения ученых слов. Разговор был поднят о том, что бы кто сделал с царем, если бы возникла революция? Некоторые высказывались за гильотинирование его, другие заточали в тюрьму или ссылали в ссылку, третьи сдерживались высказывать свое мнение, словом велся

[1]) Богуцкий Вик. Меч. принадлежал сначала к кружку польских соц. демократов.

оживленный спор. Я припоминаю остроумие Анатолия Луначарского: он обратился к собравшимся и предложил предоставить право выбора оружия для состязания в спорах ему и указал на свой язык. Опять был я в период этого времени на одном из больших собраний, происходившем по Константиновской улице на Подоле, где делал доклад о своей заграничной поездке Василий Васильевич Водовозов. На этом собрании преимущественно были интеллигенты. Меня и Конопко пригласил Неточаев, но точно не помню, было нам сказано о дне и времени, а также и пароль. Контролером для пропуска был назначен молодой студент Василенко, если не ошибаюсь. Но довольно уже описывать планы и собрания, носящие характер сближения и поучения рабочих, ибо воспоминаний у меня много и для этого нужно время и иная в личной жизни обстановка. Перейду к беглому описанию практической работы в Киевских главных мастерских Юго-Зап. ж. д., где я работал уже 3 года с 1893 г. с июня месяца в токарном цеху, поступивши на работу еще 19-летним юношей. В 1896 г. я сблизился с Эдуардом Францевичем Плетат. Плетат, видя мои частые беседы с Адамским, подходил к нам и завязывал разговор чисто служебный, невинный. Он занимал в мастерской место разметчика, а это такая служба, которая давала ему возможность с каждым говорить, так как каждый из товарищей нуждался в его совете по работе. Поэтому я и Адамский часто подходили к нему. Припоминаю только одно обстоятельство, что однажды он дал кому-то из нас, Адамскому или мне, книжечку, какую не припомню, хотя смутно в памяти у меня воскресает ее содержание. В ней описывалась жизнь рабочего ткача, пьяницы, который, когда стал лучше зарабатывать, перестал пить, сделался трезвым и, как отличный мастер, занял должность директора фабрики: что-то в этом роде. После прочтения этого рассказа Эдуард Францевич Плетат приглашает меня и Адамского на квартиру и ведет разговор опять о чтении. На работе Эдуард Францевич продолжает со мной сближаться и дает мне писаную прокламацию, письмо, за подписью «товарищ». Содержания письма не помню. Позже немного Плетат дал мне прочитать еще одну писаную прокламацию—что в ней говорилось, я не помню—и говорил мне, чтобы я ее еще кому-нибудь дал прочитать и

возвратил ему обратно. Прокламация была написана на ремингтоне за подписью К. С. Б. Продолжая бывать у Эдуарда Францевича, я встретил там наших железнодорожных рабочих: Полякевича старшего, Моисеева, Вержбицкого, Злобина. Это были люди уже пожилые, и я с уважением относился к ним. Помню, я встречался у того же Плетата с братьями Мурженскими, рабочими Южно-Русского механического завода. Внутри железнодорожных мастерских я через Плетата познакомился с слесарем Свитенком, Федором Демьяновичем, жившим одно время по Керосинной ул., а теперь живущим в Америке, с Николаем Георгиевичем Зевакиным; оба они входили в кружок железнодорожных рабочих, с которыми занимался время от времени Владимир Михайлович Сапежко [1]). Конспиратор большой руки, он читал нам отечественную историю, фабричное право и еще какой-то предмет. Помню недовольство Зевакина Сапежко, который, закончив программу преподаваемых предметов, заявил нам, что он считает программу законченной для пропаганды и потому прекращает занятия с нами, и кто из нас хочет пополнить свое образование, то имеет к этому достаточно подготовки, и жаждущий знания обойдется без помощи и будет сам читать и развивать себя, читая по указанию опытных в этом интеллигентов. От совета и указания—какие книги читать, он никогда не откажется. Зевакин и др. продолжали возражать. Тогда Сапежко сказал: «не важно поднять одного или несколько рабочих в знании на высоту 1 аршина, а важно поднять всю рабочую массу на 1 дюйм». В этот кружок самообразования входили следующие лица: Н. Г. Зевакин, Ф. Свитенко, Николаев, Григоренко, Злобин, я и М. Конопко (последний—не железнодорожник). О моем участии в Киевском соц.-дем. Комитете, о майском большом собрании в Кадетской роще, о своем первоначальном знакомстве с Ю. Д. Мельниковым, о собрании у Плетата по поводу 1-го съезда, о первых крупных киевских арестах, о споре по поводу перехода от пропаганды к агитации и лицах, принимавших участие в этих спорах, о моих тюремных воспоминаниях, о пребывании моем под надзором полиции я опишу позже при более благоприятных условиях.

25 января 1923 года. *А. Кровацкий.*

---

[1]) Ушел далеко вправо уже после 1905-6 года. *Б. Эйдельман.*

Из прошлого.

Родился я в 1870 г. в селе Долгиново, Игуменского уезда, Минской губ., в мелко-мещанской семье. До 14 лет я учился всяким еврейским учебам и был очень религиозен.

В наше село в то время часто наезжали народовольцы— Хонон Швид (слесарь-ученик Минского ремесл. училища), и его тетка (теперь жена анархиста Кагана,—в Лондоне,—по моим сведениям оба работали с Колчаком в Сибири). Приезжая, они агитировали моего старшего брата Якова. Мне часто удавалось подслушивать их разговоры и споры, и постепенно я заслужил их доверие. Им, особенно Соне Швид,—с ней я встретился после в Слуцке, а затем в 1905 г. в Лондоне,—я обязан своей подготовкой к восприятию новых идей. В 15 лет я оставил село (куда больше никогда не возвращался) и уехал в Слуцк, где стал заготовщиком [1]. За этот период развития я обязан моему другу Исааку Мишалову (кузнец,—теперь в Америке), который был несколько, года на три, старше. Кстати он остался идеалистом, всей душой предан Советской власти, хотя и не активен.

В Слуцке я прожил больше года, переехал на время в Минск и затем в 1887 г.—в Киев, где прожил до 1889 г. Здесь я познакомился с кружком, который вел работу самообразования и устную агитацию. В кружке—читали Шелгунова, Чернышевского, Щедрина и т. п. литературу. Из нелегальной—разбирали: Крапоткина, Бакунина, номера «Колокола» и некоторую народовольческую литературу (кажется в то время я читал «Андрея Кожухова»). Спорили, горячились и учились конспирации. Из знакомых того времени—помню Клюгмана (занимался частными уроками, впоследствии доктор и, по сведениям, реакционер), Шнейдина (интеллигент, ставший заготовщиком), Шахина (столяр),—их потерял из виду,—и некоторых других. Были между нами и некоторые студенты киевского университета,—о движении, созданном Абрамовичем, я перед моим отъездом слышал, но связи не имел. В 1889 г. я возвращаюсь в Минск [2]) и через неко-

---

[1]) См. «Вперед», статья Адама.

[2]) См. „Вперед“, статья Адама.

торое время был отправлен в Нижний-Новгород, как солдат. При строгой казарменной жизни—для рядового солдата—того времени, о планомерной революционной работе, конечно, не могло быть и речи, но все же постепенно собралась небольшая революционно-настроенная группа солдат и, когда в 1891 г. нас послали в Семеновский уезд (не уверен) усмирять голодные и холерные бунты, то наша группа разбросала там прокламацию, полученную нами через некоего Калинина (единственная наша связь с внешним миром); У меня осталось впечатление, что прокламация была написана Короленко (не уверен); она разъясняла причину голода и бессмысленность холерных бунтов. Пятеро из нас были арестованы. Все ли из нас разбрасывали прокламации—я не помню,—по подозрению просидели по 4—5 месяцев на гауптвахте и были освобождены за недостатком улик. Содействовал нашему освобождению поручик Каминский, дававший нам всякие советы и защищавший нас. Мне кажется, что ему мы обязаны тем, что некоторые из тов. не выдали нас. Поручик Каминский остался для меня загадкой: вечно нахмуренный, он почти ни с кем не говорил. В пьяном виде целовался с солдатами и объяснялся в любви им; в трезвом же виде ни на кого не смотрел, но никогда не наказывал. Скоро после этого наша дивизия перешла в Калугу, где я и кончил службу. В Нижнем-Новгороде и в Калуге под влиянием некоторых товарищей, особенно Калинина, я стал соц.-демократом и, когда в 1894 г. возвращался обратно в Киев, у меня уже было более или менее определенное соц.-демократическое воззрение. Хотя у меня не было никаких связей, благодаря оторванности за время службы, все же скоро я почувствовал в воздухе перемену и, подметив недовольство и брожение в моем цехе (заготовщиков), стал работать между ними. Я собрал кружок рабочих (Зеликмана, Горелика,—с последним встретился в Америке,—Маслянкина и других) и стал читать с ними, поскольку мне помнится, серию «Жизнь западно-европейских рабочих» Водовозова и в то же время агитировал за стачку. Были и общие собрания. Я помню одно из них, всех заготовщиков города, где-то за Днепром, где я выступал за стачку и, кажется, там же и познакомился с Люльевым (за точность не ручаюсь). Я еще раньше заметил чье-то

влияние, а знакомство с Люльевым меня в этом убедило, и я стал добиваться первоисточника, и скоро через Люльева познакомился с Ю. Д. Мельниковым и Б. Л. Эйдельманом. Наконец, всеобщая стачка заготовщиков за 12-часовой рабочий день была объявлена (были ли другие требования, не помню). Сколько она продолжалась, не помню. Стоит отметить, что в мастерской, где я тогда был закройщиком (на Крещатике у Зиминского) работали тогда 13 часов, против 15 и больше часов в других мастерских, и он соглашался снять этот час без забастовки, но, когда началась стачка, все до одного бросили работу из солидарности. Стачка в общем вначале была проиграна, сколько мне помнится, но она имела очень большое влияние на сознание рабочих и косвенным образом на улучшение их экономического положения. Меня кто-то из рабочих (не помню кто) выдал хозяевам, но последние по неопытности в то время, нужно полагать, вместо жандармского управл., передали дело в цеховое управление, а то, в свою очередь, в губ. управление. Хозяева дали подписку не принимать меня на работу и, конечно, пришлось порядком поголодать. (Помогал мне тогда от времени до времени Ю. Д. Мельников; где он брал деньги не знаю, так как он сам, кажется, не работал). Выручил меня тогда один очень видный присяжный поверенный (фам. не помню), — жил в доме Б. Зайцева, кто меня к нему направил, тоже не помню; он сначала задержал бумаги «под сукном», чтобы не дать им перейти в жандармское управл., а потом, спустя довольно продолжительное время, стал требовать ликвидации дела или передачи в жандарм. управл. Дело было ликвидировано и я получил обратно свои документы. Хозяева же, со своей стороны, после нескольких месяцев решили использовать меня (я тогда считался одним из лучших закройщиков города). 2 крупных хозяина Фридлянд и Рабинович, каждый в отдельности, предложили мне работать для них у себя дома. Я сговорился с Рабиновичем. Он открыл мастерскую на мое имя (еврей не имел права содержать две мастерские, также не должны об этом знать и остальные хозяева), и эта мастерская, кстати, пригодилась, как конспиративная квартира (из Гомеля и Кременчуга приезжали товарищи за литературой). В это время я уже был членом Комитета [1]).

---

[1]) Первого Киевского Рабочего Комитета. (*Б. Эйдельман*).

О первой стачке портных (их было много) я мало помню. Уже несколько позже, когда я стал вести между ними работу, они с большим восхищением рассказывали, как грузный, тогда уже немолодой, тов. Плетат [1] (железнодорожник) явился к ним на собрание, которое было созвано в какой-то синагоге на Подоле. Произнес им теплую речь, передал им деньги от имени рабочих жел.-дор. мастерских и таинственно скрылся.

Первое время после организации Рабочего Комитета велась подготовительная работа. Организовывали кружки, передавали интеллигентам для занятий и, таким образом, подготовляли агитаторов. (С одним из кружков, организованных мною, занимался покойный тов. Урицкий,—какого цеха не помню). Мы также распространяли нелегальную популярную литературу. (Помнится курьез: однажды, идя на собрание Комитета на Соломинку, я имел под поясом массу литературы. Ночь была темная, и я попал в канаву, промытую водой (это было весной). Литература из-под пояса выскользнула, и я оказался спутанным. С большим трудом удалось мне вылезти из канавы и дотащиться до квартиры, где меня уже ждали товарищи).

Скоро эта работа перестала нас удовлетворять. Движение быстро росло; установилась связь с заводами и мастерскими; масса стала восприимчива, и чувствовалась необходимость реагировать на злободневные вопросы. Начались споры о том, настало ли уже время выпускать открыто прокламации. Наконец, решили. Я помню это событие. Это был настоящий праздник. Помнится также наше удивление и негодование в то время, когда некоторые, в другое время шумливые товарищи, вдруг струсили и отказались разбрасывать их. Я уже не помню, на какие заводы разбросил Поляк (кажется, у Гретера и еще где-то), я взял завод за Печерском (кажется, Французским назывался). Отправился я туда как раз к окончанию работы и, когда раздался гудок, стал раскидывать прокламации кругом завода с расчетом, что успею сделать это в 10—15 минут, пока рабочие начнут выходить. Обойдя кругом завод и разбросив прокламации, я пустился в город, до которого от завода было довольно

---

[1]) Эд. Францевич.

большое расстояние. Однако, удалось благополучно добраться. Настроение было еще более приподнятое, когда мы все собрались и установили, что первая прокламация обошлась без жертв. Как долго я был в Комитете—я не помню, после чего я пристал к рабочей оппозиции, издававшей после «Рабочее Знамя». Были различные причины недовольства рабочих, но главной из них я считаю: выделение интеллигентов в отдельную группу, желание узурпировать движение и использовать более сознательных рабочих для связи с массой, не дав им возможности влиять на характер самой работы и, как мне кажется, уже тогда начал замечаться уклон у большинства членов интеллигентской группы в сторону оппортунизма. Главное требование было: углубление кружковой работы с отдельными рабочими и вовлечение их в непосредственное руководство работой и более широкую революционную деятельность в массах. Во время общего ареста, в марте, у меня был обыск, и только в первых числах мая я был арестован. Так как в Лукьяновской тюрьме не было места, то меня посадили вместе с другими товарищами, человек 30, в арестантские роты и только после месяца заключения и 5 дней голодовки меня перевели в Лукьяновскую тюрьму.

Г. Рудерман.

Кружок на заводе Гретера-Криванек.

Машино-строительный завод Гретера-Криванек работал, главным образом, на сахарные и винокуренные заводы, в то время находившиеся в стадии высшего развития сахарной промышленности и винокурения.

Получая крупные заказы, Гретер-Криванек расширял свой завод, имея в то время более 2.000 рабочих. Все административные и ответственные должности были заняты чехами, во главе с директором завода Колаш. Последний, вышедший в директора из простых рабочих, был властолюбив и деспотичен. Этого маленького роста человечка, очень подвижного, можно было видеть во всех цехах и вечно кричащим до хрипоты. Злобу свою он изливал на рабочих, прибегая к излюбленному им приему, а именно: заметя рабочего, который курил или разговаривал, он старался пройти

мимо и, не доходя шагов двух, трех ронял из рук карандаш или чертеж, который всегда носил в руках. Просил рабочего поднять, а, когда тот наклонялся за оброненным предметом, Колаш с наскока наносил ему несколько ударов в голову, после чего кричал на рабочего, грозя выгнать с завода, если хоть раз заметит его курящим или разговаривающим во время работы. Мастера также не отставали от директора и старались друг перед другом быть изобретательней в области эксплоатации рабочих. В таких условиях мне пришлось работать в качестве слесаря в механическом цехе бригады Грамса. Бригадир Грамс работал на заводе уже более 20 лет до моего поступления. В этой же бригаде работал со мной слесарь Стасик, фамилии его я не помню, но о нем у меня осталось самое лучшее воспоминание. Тов. Стасик был лет 23, среднего роста, блондин, с голубыми глазами. По тем временам довольно развитой человек, охотно делившийся с нами своими знаниями. Он часто во время обеда собирал вокруг себя молодежь и вел беседы на очень разнообразные темы. Говорилось о производстве картофельной патоки, тут же о спичечном производстве и даже римской эпохе, рабах-гладиаторах и т. д. Каждый раз беседу заканчивал тем, что есть много наук, но они недоступны рабочему классу, так как начальство не желает, чтобы рабочие умственно развивались. Во время таких бесед часто происходили дебаты, и заинтересованным товарищам Стасик давал по затронутым вопросам книги, статьи или брошюры. Потом разбирали прочитанное, и, когда кругозор рабочего несколько расширялся, тов. Стасик переходил к нелегальной литературе. И лишь после подобной предварительной подготовки товарища вводили в кружок, где для него уже начинались регулярные занятия. Кружок собирался раз в неделю; здесь изучали политическую экономию, разбирали газетные статьи политического характера, говорили о борьбе классов и методах этой борьбы и т. д. Новичков учили, как держать себя во время обыска, ареста, допроса жандармерии, о категорическом отказе от показаний, хотя бы применялись самые крутые меры. Кружок рабочих завода Гретера-Криванек в 1899 году состоял из восьми человек: т.т. Стасик, Федор Лазебник, Прокопий Гуменный, кузнец Волков, Федор и Александр Воронины и еще двое, фамилии которых не помню. Летом

1899 года наши кружковые занятия происходили в кадетском саду. Собирались мы поодиночке, собравшись, усаживались на траве и приступали к чтению и разбору политической экономии. В первые дни наших занятий с большим трудом усваивалось проходимое, но чувствовали нутром, что для того, чтобы выбиться из тьмы и рабства капитала, нужно напрячь всю свою волю и умственные способности, понять и усвоить, и мы с напряженным вниманием слушали пропагандиста, который открывал нам все новые и новые горизонты. Тов. Стасик практически разъяснял нам, что такое прибавочная стоимость, говорил о прибылях капиталистов, концентрации капитала. И у нас являлось ясное понимание всего капиталистического производства и строя; легко усваивалось, так как язык рабочего и его практические подходы и выводы из окружающего давали ясную картину по затронутому вопросу. Таким образом мы постепенно приобретали знания в области политической и экономической наук. Строгая конспирация нашей работы и дружные занятия спаяли наш кружок братскими узами одной семьи. Летние занятия нашего кружка подходили к концу, и с наступлением осени нужно было подумать о новом месте для занятий. Начались и подготовления к проводам товарищей, идущих в ссылку. Решено было в день отправки их собраться на Киевском вокзале и при отходе поезда тов. Андрей, с южного завода, обладавший сильным и красивым басом, должен был пропеть: „По дороге той проторенной толпой, что Владимиркой сдавна зовется», а остальные хором «Дубинушку». Но жандармерия, видимо, пронюхала про наши планы и в этот день высылку отменила. Мы же прямо с вокзала отправились в кадетский сад для решения некоторых вопросов и выработки дальнейшего плана наших занятий. Решено было заниматься по очереди у каждого из товарищей под видом вечеринок с чаепитием и карточной игрой. Все товарищи по кружку жили на Шулявке. Собирались обычно у меня или тов. Волкова. Ставили на стол пустую бутылку из-под пива, раскладывали карты и в такой обстановке начинались занятия кружка. Зимою часто устраивались вечеринки с музыкой и танцами, собирались до двадцати пяти, сорока человек. На этих вечеринках часто выступал пропагандист под кличкой «Иван Иванович» (тов. Дивельковский). Вопросы

все были злободневные, касавшиеся настоящего момента, больше иностранной политики мирового характера. Слушали с глубоким вниманием, поражались колоссальными знаниями докладчика и оставалось настолько сильное впечатление, что хватало разговоров по выдвинутым вопросам на целый месяц. И всем, конечно, делились с остальными рабочими на заводе во время обеденных перерывов. С января 1900 года начали выпускаться прокламации агитационного характера периодически, приблизительно, два раза в месяц. На обязанности нашего кружка лежало распространение прокламаций по всей Шулявке, на заводе Гретера и по дороге к Святошину. По получении прокламаций, первым долгом мы несли каждый в свой цех и, придя на полчаса раньше, всовывали в щели запертых ящиков верстака, где находились инструменты рабочих. Последние, придя на работу, находили их, бережно клали в карман и, собравшись в общей уборной, читали; чаще кто-нибудь один из грамотных товарищей читал вслух остальным. Был лишь один случай, когда прокламация попала мастеру механического цеха Каспор, которую он и передал в руки жандармерии. На следующий день, как прокламации были распространены на заводе, расклеивались и на телеграфных столбах и просто передавались знакомым рабочим других фабрик, перебрасывались через забор. Раз был такой случай: Федор Воронин и Стасик распространяли прокламации по Шулявке. Федор Воронин сгоряча с прокламациями перекинул через забор и свой годовой паспорт. Во дворе были презлые собаки, но Стасик храбро полез за паспортом и все обошлось благополучно. Способы расклейки прокламаций доходили до виртуозности. В самых людных местах, на глазах городового, наклеивали прокламации совершенно незаметно: маленькое ведерко с клейстером прикрепляли к пуговице рубашки или тужурки, а сверх одетое пальто совершенно его прикрывало, останавливались около места, где нужно клеить, быстро незаметно смазывали из ведерка с клейстером прокламацию и также аккуратно, быстро приклеивали, идя совершенно покойно дальше, так как в руках нет ничего, и значит нет улик. Весной было решено праздновать первое мая, были выпущены прокламации о значении майского праздника с призывом к забастовке на этот день. Прокламация была соста-

влена удачно и произвела на рабочих впечатление. Мне было поручено распространить 200 штук прокламаций. И вот, идя утром на работу в завод, я захватил их с собой. На углу около завода был рундучек, где торговала чешка, очень плохо говорившая и понимавшая по-русски. Я зашел купить $^1/_2$ фун. колбасы на завтрак, она отвесила и, вижу, завертывает в старую грязную бумагу, которую я тотчас выбросил и завернул в прокламацию.

Чешка увидала, что у меня много бумаги и стала просить дать ей. Мы сторговались за $^1/_2$ ф. колбасы, и я охотно вручил ей все прокламации. Последние разошлись в тот же день все на обертку колбасы и хлеба, а в 8 ч. утра во всех цехах можно было видеть, как рабочие читали прокламации. Рабочие ходили и в обеденный перерыв за колбасой, успех был большой, и у чешки в тот же день не осталось ни колбасы, ни прокламаций. Товарищи одобрили мой способ распространения прокламаций. На меня, как проходившего в завод первым, полисмен долгое время смотрел подозрительно, а чешку трясли жандармы несколько дней, и около месяца дежурили около рундучка, в надежде, что она опознает меня. Наступило и первое мая. Правда, не вышла на работу меньшая часть рабочих, но нас это не огорчило, мы чувствовали, что начало все-таки положено и когда-нибудь этот день станет праздником всех рабочих. Организованные рабочие, входившие в партию, празднование первого мая устроили в Голосеевском лесу, далеко за городом. Были расставлены патрули и с паролем, если не ошибаюсь, «Десна», пропускались к месту назначения сходки. Собралось нас около 80 чел. и здесь я впервые увидел большое количество своих единомышленников, а на поляне среди леса развернутое красное знамя. На этом собрании выступал тов. Иван Иванович, о котором упоминалось раньше, говорил о значении мирового пролетарского праздника, о силе рабочего класса в единении и т. д. И под развернутым, гордо развевающимся, красным знаменем были пропеты: «Марсельеза», «Слезами залит мир безбрежный», «Дубинушка» и другие революционные песни. Расходились по домам также поодиночке. Этот день никогда не изгладится из моей памяти. Да, и на остальных товарищей, видимо, также он произвел глубокое впечатление, у многих на

глазах были слезы, а сильное волнение передавало глубину их переживаний. И долгое время после первого мая рабочие на заводе собирались и обсуждали вопросы экономического и правового характера. Несколько рабочих за невыход 1-го мая были уволены. Директор Колаш с каждым днем свирепел и придирался к рабочим. Намечалось увольнение с завода нескольких человек, в числе последних был тов. Врублевский. К нему придрались за то, что он принес в завод игрушечного змея, у которого была отломлена голова, и которую он починил на заводе. При выходе с завода через контрольные ворота игрушка была найдена, отобрана, а на другой день он был вызван в контору. Здесь на него набросился Колаш с кулаками, с потоком ругани и объявил, что с завода он уволен и без заштатных. Получив расчет, тов. Врублевский начал дежурить по дороге к заводу, поджидая Колаша. Встретив утром одного, Врублевский его избил до полусмерти. Колаш пролежал после этого недели две в постели. Врублевского хотели арестовать, привлечь за покушение на жизнь Колаша, но Врублевский, предвидя свой арест, скрылся.

В такой сгущенной, тяжелой атмосфере я проработал на заводе до осени 1900 года, когда был арестован за принадлежность к соц.-демокр. партии и распространение нелегальной литературы. Первые дни моего тюремного заключения были даже для меня отрадой: библиотека, громадный подбор книг, возможность читать сколько хочешь, та же сплоченность товарищей заставляла забывать о решетке и лишении свободы. К тому же эти решетки нам не мешали общению друг с другом. Читались рефераты, был и председатель, лишь, как и все, невидимый, так как все это велось через перестукивание в стену. В тюрьме сидело в то время человек 40, и старостой был товарищ, сидевший уже около трех лет, по делу типографии. Жена его так же сидела в женском корпусе, а их сынишка, которому было тогда около 4-х лет, выросший в тюрьме, и которого знали все, был живой связью между женским и мужским корпусами. Он бегал из камеры матери к отцу, от отца к матери, а, если ворота нашего тюремного дворика были закрыты, то он моментально пролезал под воротами и находил отца в кухне или библиотеке. Первый раз на допрос меня повезли в

закрытой черной карете; дорогой я чуть не лишился сознания,—объясняется это тем, что передо мной везли студента, арестованного за участие в химической обструкции, костюм его был весь пропитан сероводородом, и этот отвратительный запах так убийственно подействовал на мой организм. До допроса я просидел в отдельной комнате с полчаса, пока не пришел в себя. Допрос вел жандармский ротмистр, очень вежливо и любезно предложивший мне папиросу и стакан чаю, от чего я не отказался. Благополучно были записаны ответы на первые вопросы: какой губернии, вероисповедания, но отказ от показаний о принадлежности к партии, распространении нелегальной литературы, о товарищах, принимавших участие в работе партии, привело его в страшное озлобление. Положительно, в его лице появилось что-то звериное, когда он зарычал на меня с угрозой сгноить в тюрьме не только меня, но и отца, и всю семью выслать в Сибирь. Его старания сыграть на моих родственных чувствах потерпели неудачу, я категорически отказался от показаний. Много смеялись в тюрьме над тем, как меня угощал ротмистр чаем, а потом чуть ли не розгами. Это у них,—оказывается, обычный метод. Было еще несколько допросов, но уже ни чаем, ни папиросами не угощали. Ввиду моего категорического отказа от показаний жандармское управление увидело во мне серьезного политического преступника и держало в тюрьме более 3-х месяцев. Но не имея в руках никаких материалов по обвинению, кроме доноса шпика, отпустили меня на все четыре стороны. На завод уже меня не приняли, вечерами же около квартиры вертелись шпики, и товарищи посоветовали выехать в Конотоп в железно-дорожные мастерские, где было мне поручено создание кружка, что я и сделал, поступив туда слесарем.

Александр Воронин.

Б. Социал-демокр. работа в городах юга, связанных с Киевом.

Одесская рабочая группа средины 90-х годов к моменту I-го съезда партии.

(Отрывки из личных воспоминаний).

Товарищ Невский в своем очерке «Южно-Русский Рабочий союз», описывая деятельность Николаевской организации в 1897 г. коснулся и связи руководителя Николаевского союза т. Троцкого с одесскими группами не осветив, однако, по существу работы одесской организации того периода. Точно также и критик т. Невского т. Стратен («Пролетарская революция», № 9), основываясь, между прочим, и на воспоминаниях М. Мрост — не члена нашей Рабочей Группы, а Красного креста, ничего не прибавил к освещению деятельности одесской группы.

Как непосредственный участник организации 1893 — 1898 г.г., ввиду почти полного отсутствия воспоминаний, очерков этого времени, я попытаюсь рассказать, как одесская рабочая социал-демократическая группа, по указанию т. Невского «кружок пересыпцев» [1]), провалившаяся в общем провале южных организаций в ночь на 11 марта 1898 г., берущая свое начало в 1892 — 93 г.г. и активно начавшая свою работу среди фабрично-заводского пролетариата в 1896 г., как эта группа, в процессе практической своей работы шла по линии организации и собирания разрозненных социал-демократических групп и к необходимости их объединения в один общий южно-русский центр, а затем и к необходимости съезда.

Жизнь нашей одесской группы необходимо разделить на 3 основных периода. Первый период относится к 1892 —

---

[1]) Кружок «пересыпцев» и есть трудники, руководившие всей работой, кружок же «трудников», о которых говорит т. Невский («Южно-русский рабочий союз», стр. 25), и с которыми занимался т. Троцкий—это был наш кружок более молодых трудников, кружка же Е. Гранковской, как такового, не было, она и в частности группа пропагандистов, в которую входили Гранковская, М. Г. Березин, М. П. Замощин и Елена Федоровна, обслуживали организованные нами кружки, как пропагандисты по указанию рабочей группы.

1893 г.г., когда образовался нелегальный кружок «Трудников» для изучения рабочего вопроса; во втором периоде кружок, дифференцируясь, изучает марксизм и политическую экономию, вырабатывает свое миросозерцание, делает соответственные выводы, подготовляет пропагандистов, учась одновременно организовывать такие же кружки более молодых «трудников» и ремесленников, ведет среди них пропаганду социал-демократических идей, распространяя нелегальную литературу, создавая кассы. К этому периоду 1894 — 1895 г.г. относится мой первый арест и арест всего кружка. И, наконец, третий период после освобождения из тюрьмы — знакомство с кружком портных и вхождение их в группу, частичное влияние приезжих виленцев, так называемых «оппозиционеров» [1]) на изменение нашей тактики в работе, образование рабочей группы для непосредственной работы среди «фабрично-заводского пролетариата», оформление этого на собрании группы с товарищем Троцким и наше расхождение с ним... К этому периоду 1896 — 10 марта 1898 г. относится командирование членов группы в Елисаветград, Екатеринослав, Кременчуг, Николаев и др. для создания связей и социал-демократических организаций, снабжения их литературой, вхождение А. Д. Поляка в группу, связь с Киевом и «Рабочей Газетой», завершившихся намечением делегата на съезд и общим провалом 10 марта южных организаций.

Первый нелегальный кружок.

Работая по окончании одесского ремесленного училища «Труд» в мастерских училища, как подмастерье столяром, где работало и много посторонних рабочих, я был вовлечен в нелегальный кружок учеником училища последнего класса Орловским. Но прежде чем говорить о кружке и что представлял собой Орловский, я должен указать на то громадное

[1]) «Оппозиционеры» или «рабочая оппозиция» заключалась в том, что значительная часть рабочих потребовала у своих руководителей больших теоретических знаний, тогда когда интеллигенция считала, что путем ведения экономической борьбы (это и есть зачатки и ростки экономизма, давшие свой пышный расцвет в 1900 г. в знаменитой зубатовщине) и улучшения положения рабочего класса рабочий будет иметь возможность приобретать знания.

значение, какое сыграло, по-моему, Одесское Ремесленное Училище «Труд», давшее не одно поколение не только вполне грамотных специалистов рабочих, а в дальнейшем и техников и инженеров, но и большой кадр сознательных рабочих, бойцов, революционеров и коммунистов, занимающих ныне не мало видных постов во всех областях нашей советской работы.

Училище «Труд» представляло собой в конце 80-х годов по составу учеников конгломерат самых разнородных элементов. Хотя там учились и сынки средней буржуазии, которые, благодаря процентным нормам, существовавшим для евреев в гимназиях и других училищах, шли сюда по необходимости, но в огромном, подавляющем большинстве своем туда шла протестующая молодежь, не сумевшая приспособиться к существующему начальству, уволенная из гимназий и реальных училищ с определенными уже знаниями и развитием, и, с другой стороны, шла разочарованная и озлобленная после прокатившейся волны еврейских погромов, а также идейная молодежь, бывшие толстовцы из городов Юга России для специального изучения ремесла, чтобы затем итти с определенными целями в рабочую среду. Вся эта молодежь вносила в училище определенный дух независимости, вольности и протеста, придававшие ей совершенно своеобразный характер.

В период конца 80-х годов и начала 90-х годов, когда я учился и окончил это училище среди учеников на-ряду с 14—15 летними были 22—24-х летние вполне развитые юноши, бывшие толстовцы, были и революционеры, приезжие, как я отметил, с определенной целью. Несмотря на то, что училищем заведывал небезызвестный М. Гофман, дававший характеристики учеников в жандармерию, ему не удалось вытравить и подавить вольнодумство учеников.

Учительство школы было тоже не обычное, не учителя в футлярах. Некоторые из них, как Л. Шахрай, Мезеричер, сами способствовали свободному развитию учеников, другие шли по линии наименьшего сопротивления — не мешали. Так я помню, как некоторые ученики последнего класса, будущие члены нашего кружка, представляли учителю русского языка Шахраю домашние или классные сочинения об утопическом и научном социализме: о Фурье, о Лассале, Чернышевском,

Михайловском и др. И учитель этот, просматривая эти сочинения, покачивая головой, приходил порой в ужас, но отдавая обратно, просил быть осторожнее. Из мастеров училища нельзя не отметить модельного мастера Ф. Фекса, чеха, имевшего большое влияние на учеников своей пролетарской психологией, знакомившего нас с положением рабочих Австрии и Германии, с их организациями и пр.

К этому периоду и относится мое вступление в нелегальный кружок, инициатором которого был один из приехавшей революционной молодежи социал-демократ Орловский. Последний произвел на меня тогда чарующее впечатление своей скромностью, простотой в отношениях, мягкостью и чуткостью. Приехав, кажется, из Полтавской губ., начитанный, вполне развитой и определившийся, он сумел создать и подобрать вполне подходящих членов для нелегального кружка. В этот кружок, впервые собравшись на квартире Орловского и Вейнштейна [1]), входили кроме указанных товарищей пишущий эти строки, Гринштейн [2]), Мильман [3]), Рудавский ст. [4]), Ларевский ст., М. Вернер [5]), Лехтман, Шер, Меерсон и целый ряд других учеников и подмастерьев, фамилии которых сейчас не вспомню. Кружок ставил себе целью изучение рабочего вопроса и революционного движения. На первом же собрании мы читали Шелгунова «Пролетариат во Франции и Англии». Помню какое огромное впечатление произвели на меня беседы Орловского, открывшие новые горизонты на действительность и сущность капитализма. Беседа, затянувшаяся за полночь, знакомила с положением рабочего вопроса на Западе и в России и методах борьбы за улучшение положения рабочего класса. Тут же мы решили в дальнейшем, когда речь зашла о прибавочной стоимости, изучать незнакомые нам предметы — «политическую

---

[1]) Бывший пом. секретаря Ц. К. периода 1905—1907 г.г. В 1903 г. провалился в Каменец-Подольске на транспорте, был сослан в Якутскую область.

[2]) Наш член Группы, член Киевск. Комитета, Самарского Комит. и делегат Стокгольмского съезда (Кл. Борисов, Фома, Марков).

[3]) Арестован в 1895—1896 г.г. по делу Кульчицкого—пропаганде среди табачников—дальнейшая судьба неизвестна.

[4]) До 1919 г. работал активно в Р. С. Д. Р. П. объединен.

[5]) Работал в Одессе среди столяров до 1905 г. под кличкой «Мишка Столяр», эмигрировал в Канаду.

экономию». Кроме того образовали кассу с вступительными и ежемесячными взносами на покупку и распространение книг и помощь арестованным. Уходя с собрания с повышенным настроением мы уже тогда говорили, что надо итти в мастерские, фабрики просвещать рабочих, открыть им глаза на действительность и необходимость борьбы. Постепенно кружок, и каждый член в отдельности, знакомился с историей французской революции, с революционным движением по книжке Туна и с народничеством. Среди нас начали появляться и нелегальные, как тогда мы называли «запрещенные» брошюры, как «Царь-Голод», «Хитрая Механика», Дикштейн — «Кто чем живет», а также и более серьезные, как журналы «Социал-Демократ», отдельные статьи Плеханова, Аксельрода и др.—издания Группы «Освобождение Труда». Развитие большинства членов было довольно высокое, мы чувствовали, что Орловский уже нас не удовлетворяет. В это время Орловский и Вейнштейн были уже связаны с революционной интеллигенцией и молодежью [1], а некоторые практически вели пропаганду в рабочих кружках. Для дальнейших с нами занятий мы получили поднадзорную интеллигентку марксистку Ганелину [2]. Первый раз пришлось увидеть женщину-социалистку. Начали мы изучать Маркса «Наемный Труд и Капитал». Но после нескольких бесед мы убедились, что и эта книжка нас не удовлетворяет.

В это время (в конце 1894 г.) на страницах толстых журналов, а потом и более широкой печати, шла живая борьба и полемика между народничеством и марксизмом. Споры столпов народничества Николай—она, Михайловского, Кареева, В. В. с одной стороны и Бельтова-Плеханова с братией с другой носили страстный характер и нашли в нашем кружке живой отклик. Спор, вызванный Бельтовым ставил перед нами конкретный вопрос своего самоопределения. Явилась необходимость выработать определенное миросозерцание. С кружком нашим начал зани-

---

[1]) Такой же нелегальный кружок был на акушерских курсах, куда входили Ал. Льв. Соколовская, будущая руководительница Николаевск. раб. движен. член Р. К. П., Р. Ляховицкая, М. Барцинская, потом член Ц. К. («Зверь») и некот. друг.; с теми, с которыми были связаны Орловский и Вейнштейн, поддерживали знакомство и мы.

[2]) Ганелина, ныне Гринцер,—социал-демократка, поднадзорная.

маться известный тогда в Одессе журналист, бывший студент, поднадзорный С. Б. Лазарович. Это был человек с громадной эрудицией, огромной памятью, марксист, философски-образованный—он произвел на меня и всех нас глубокое впечатление. Замечательный оратор,—в своих беседах, лекциях (мы изучали Бельтова—«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»), он сумел привить нам точку зрения классовой борьбы и выработать из нас сознательных революционных марксистов. Удовлетворить потребности нашего кружка было довольно трудно заурядному пропагандисту. Но С. Лазарович вполне нас удовлетворял. В дискуссиях мы затрагивали разные философские вопросы, касающиеся и философских школ, и религиозных, и политико-экономических вопросов, естествознания и чуть ли не требуя объяснения «начала начал». С. Лазарович со своим огромным всесторонним запасом знаний, плавностью речи, убежденностью и авторитетностью умел всегда наши дискуссии ввести в известное русло и всегда бить в одну точку—дать нам основательное марксистско-революционное воспитание и сделать из нас практических сознательных борцов социал-демократов.

По окончании чтения с нами Бельтова, С. Лазарович в дальнейшем с другими кружками не занимался уже, от практической нелегальной работы отошел, ведя, как общественный деятель, культурную и журнальную работу. Как большой знаток — специалист коммунального хозяйства, он верой и правдой работает в Одесском Комхозе, занимая ответственное положение. Во время своей дальнейшей революционной работы я, как подпольный работник в период «Искры» и позже, не раз обращался к Лазаровичу за помощью и содействием во время поездок в Одессу, и он всегда давал средства на «Искру» и оказывали другую помощь. За тем же обращались и другие члены кружка. Особенно тепло и внимательно относился он к нам, нелегально работающим революционерам, которыми гордился, как своими учениками. Изучение Бельтова, знакомство с историческим материализмом, научным социализмом и революционным движением ставили перед нами ясные и определенные практические задачи. Каждый из нас, учась, вел одновременно работу в других кружках. За активную работу среди табачников и в др. рабочих кружках уже был арестован наш член Ф. Мильман. Тогда же нами был

организован кружок из молодых трудников [1]), откуда потом некоторые вошли в нашу основную группу, как Нудельман и др. Была собрана хорошая нелегальная библиотека. Также продолжала существовать касса, казначеем которой я состоял до ареста 10 марта 1898 г.

В это время член кружка Орловский уезжает за границу, но по дороге арестовывается; также арестовывается Вейнштейн в Кременчуге.

Первый провал кружка.

Первое свое боевое крещение я получил в конце 1894 года, арестованный вместе с другими членами нашего кружка. Придя около часу ночи домой после занятия с кружком, я застал дежурившего у ворот городового, свободно пропустившего меня. Пристав же со сворой жандармов прохлаждались в пивной того дома, где я жил (Канатная, 74). Зайдя во двор, я успел сплавить в уборную имевшуюся у меня нелегальную брошюру, по которой вел занятия в своем кружке. Таким образом вещественных доказательств при мне не оказалось. Но при обыске, кроме обычных легальных книг, взята какая-то, чуть ли не лубочная книжечка Георгиевского, название которой не припомню и которая была приобретена мною на толкучем рынке. К этой брошюре жандармы почему-то особенно придирались. Обвиняли меня в распространении нелегальной литературы, пропаганде, устройстве нелегальных собраний и проч. На допросах жандармы очень усердно добивались фамилии интеллигента, занимавшегося с нашим кружком, кличка которого была «Осип», «Старик». Но ввиду того, что о нем знало только 2 — 3 товарища, которые вели с ним сношения, то раскрыть его, несмотря на «откровенные и искренние показания некоторых малодушных учеников», не удалось. Сам Лазарович был в высшей степени осторожный и умелый конспиратор и часто во время занятий учил нас, как держаться на до-

[1]) В один из этих кружков «молодых трудников», кроме упомянутых т. Невским учеников—Гриши Финкельштейна и остальных, входили Рудавский мл., Даревский мл., А. Таратута, В. Таратурта, член Р. К. П., Ройтенштерн и некоторые другие.

просах. В дальнейшей своей практической работе мы припоминали эти уроки и наши ученики усердно применяли это в своей практике прямолинейно и до смешного. Так по делу 10 марта одна работница, содержательница конспиративной квартиры на «Пересыпи» отрицая всякое знакомство с нами, дошла до того, что говорила, что не жила на этой квартире, не знает и улицы такой, несмотря на запись в домовой книге. Немало крови мы испортили жандармам своей конспирацией. Сношения с С. Лазаровичем я обычно вел через редакции газет, где он тогда работал.

Сиденье в тюрьме — этой тогдашней рабочей академии дало мне молодому рабочему еще больший толчок к революционной работе, большую ненависть к нашему классовому врагу — самодержавию. В тюрьме я узнал об арестах и высылках пионеров нашего рабочего движения в Одессе — Нехамкеса (Стеклова), Цыперовича, Вельтмана и целого ряда рабочих.

Просидев около 5 — 6 месяцев в тюрьме я был освобожден под надзор полиции. С тех пор я уже из рядов борющихся рабочих и социал-демократической партии не выходил.

Дальнейшая работа кружка.

После выхода из тюрьмы часть членов кружка отходит, оставшиеся теснее сплачиваются для ведения планомерной работы. Восстановив свои первоначальные связи с нашими кружками, я начинаю расширять знакомства с рабочими, оставляю мастерские училища и начинаю работать в частных столярных мастерских, чтобы иметь непосредственное соприкосновение с рабочими. Через некоторое время мне удается поступить на большую мебельную фабрику братьев Кайзер. Спачала рабочие относились ко мне с большим недоверием. Евреев вообще там не принимали. Но постепенно лед был пробит. Первую свою получку пришлось по обычаю «спрыснуть». Знакомясь непосредственно с бытом рабочей фабричной массы, живя ее интересами, я исподволь в беседах за верстаком вылавливал отдельных рабочих. Во время обеденного отдыха, тут же в мастерской на стружках, обычно прочитывали газету. Я вместо местной прочитывал корреспонденции из «Русских Ведомостей» Дионео или Иоллоса,

служившие хорошей темой для дальнейших разговоров. Другие члены кружка также перекочевывают из мастерских на фабрики, ведя там свою работу, расширяя связи.

К этому времени относится мое знакомство с работавшим тогда кружком портных и белошвеек:—Цией Липовецкой, Олей Левинской [1]) и К. Душман [2]), с которыми член нашего кружка Гринштейн был уже связан. Тогда же в сентябре 1895 г. этим кружком была организована забастовка среди портных, взбудоражившая многих. Оказав поддержку этой забастовке руководством, помещением статей в прессе (Лазарович, барон Икс) мы связались с этим кружком и миром работниц-ремесленниц, ведя среди них пропаганду в организованных ими кружках. В основном кружке уже функционировала «касса борьбы», организованная в день празднования 1 мая при содействии Поли Гордон [3]) и других. Во главе кассы стояло бюро из Душман, Левинской и Липовецкой.

На организацию кружка портных и кассы известное влияние оказал приезд с северо-запада, так называемых «оппозиционеров» рабочих-ремесленников и интеллигентов. Среди последних была вышеупомянутая Гордон (друг Мартова), арестованная потом в Одессе за пропаганду среди портных, а также Айзенштадт [4]). Они же и привезли нам известную брошюру «Об агитации».

На нас эта брошюра, а также и «оппозиционеры» со своими новыми методами борьбы имели известное влияние. Мы начинаем, переходить от узкой кружковщины, которую мы вели к более, правда еще слабой, широкой экономической и политической агитации, которая с конца 1896 года переходит у нас от ремесленников к рабочим фабрик и за-

---

[1]) Левинская Оля — в 1901 году работала в типографии «Южный Рабочий» и на 6-м номере вместе с рукописями провалилась. Просидела в Екатер. тюрьме около года, освобождена под надзор полиции. Скрылась, работая на Волыни до 1905 года. Ныне не работает — инвалид.

[2]) В Америке — коммунистка.

[3]) Была арестована в Одессе 5/II 1896 года за пропаганду среди белошвеек и в июне 1897 года была выслана под надзор в Минск. В июле 1898 года арестована и направлена была в Москву.

[4]) Кличка «Борода» арестован в январе 1896 г. по делу Асса и 20 рабочих по обвинению в пропаганде среди табачников.

водов. Воспитанные на литературе группы «Освобождения труда», мы в своей работе ставили необходимость борьбы рабочих за политическую свободу, за борьбу с своим классовым врагом.

Одновременно с существованием нашего основного кружка, куда входили после первого провала Б. Гринштейн, Нудельман, [1] Ц. Липовецкая, О. Левинская, К. Душман, М. Вернер, Яков Финкельштейн, Рудавский ст., Баткин, я и еще некоторые. Существовали и некоторые другие разрозненные кружки интеллигентов, с которыми мы имели персональную связь. Так я помню кружок Розенблюма, Винокура, семьи Корнблюмов, выпустивших до ареста гектографированный листок о 1-м мае. Этот листок, написан напечатан и распространен И. Корнблюмом (член Р.К.П.). К 1896 г. у нас уже существовали следующие рабочие кружки, с которыми каждый из нас вел кружковую пропагандистскую работу: кружок сапожников, во главе котораго был В. Корф; арестованный 10 марта по делу нашему, кружок кошелечников, переплетчиков, заготовщиков, 2 кружка портных и белошвеек, кружок фабрики Вальтуха—Баткин, кружки молодых трудников.

Ведя свою работу преимущественно среди ремесленников, мы работой своей недовольны; у нас назревает необходимость перехода на фабрику, а также организации и создания связей с революционными организациями других городов.

Командировка членов группы в другие города.

Члены нашей группы постепенно поступают работать на заводы и фабрики, где близко соприкасаются с заводской массой и видят воочию какую благодарную почву представляет эта настоящая пролетарская масса для революционной работы. Вместе с тем чувствуем свою оторванность, в отсутствии связей с другими городами. Решаем расширить свою базу работы как в Одессе, так и в других городах юга, путем создания где их нет, социал-демократических групп

---

[1]) Бывший студент, поступивший в училище «Труд» с специальной целью изучения ремесла; арестован в 1895 г. по делу пропаганды среди рабочих.

и их объединения в одну общую. Для этой цели командируем Гринштейна в Николаев и Кременчуг, Нудельман в Екатеринослав, меня в Елисаветград. Каждый из нас наделяется литературой и определенными заданиями. Вскоре посылается Фрида Липовецкая с литературой для передачи в Екатеринослав Нудельману.

Приезд в Елисаветград и мой второй арест.

Скрывшись из под надзора полиции, я, приехав в Елисаветград, поступаю столяром на мельницу. В городе работают на полном ходу. заводы земледельческих орудий и машин Яскульских, Эльворти, несколько мельниц и ряд фабрик. Социал-демократических организаций никаких не было. Были осколки кружков библейского братства—отрывки толстовцев. Завязав сношения с рабочими—столяром Л. Каменецким [1]), его сестрой портнихой Маней, чертежником завода Яскульских соучеником по училищу Лешинским [2]) и другими. Нам удалось создать маленькую группу, которая постепенно расширялась и во время общего южно-русского провала 10 марта также пострадала. Все арестованные были свезены в Одессу.

Работать долго в Елисаветграде мне не удалось. Жандармы разнюхали через известного провокатора Гандлера (о нем ниже), будущего члена нашей группы, с которым мы уже имели сношения, о моем пребывании в Елисаветграде. Жандармы явились ко мне ночью. Я до того был утомлен от тяжелой физической работы от строгания с руки дуба, что совершенно не слышал ни стуков, ни того, что они сломали дверь. Окруживши меня спящего, они долго толкали меня. Открыв глаза, я был поражен огромной сворой жандармов и полицейских. Меня арестовали по телеграфному распоряжению одесской жандармерии, с предписанием немедленной доставки в Одессу. Просидев некоторое

---

[1]) Арестован по делу 10 марта 1898 г., работал в Николаеве, в Москве, попал в ссылку в Астраханскую г., активно работал до 1921 г. в Николаеве. Умер от тифа в 1922 г. в Харькове.

[2]) Тоже по делу 10 марта, сидел в Крестах. Активно работал до 1921 г., оба остались меньшевиками. Зато дети у обоих коммунисты.

время в Елисаветградской тюрьме, я был направлен этапным порядком в Одессу. Проходя через славившуюся тогда в среде арестованных балтскую тюрьму, мне впервые воочию пришлось почувствовать, и очень остро, полнейшее унижение всякого человеческого достоинства со стороны начальства, начиная с заикающегося верзилы Елисаветградского помпадура, полицеймейстера Добровольского, злобно разбрасывающего свою слюну от бешенства, не представлявшего себе, как это я жид «осмелился приехать в его город бунтовать рабочих», и, кончая начальником балтской тюрьмы. Арестантов раздевали в дождливую осеннюю погоду и заставляли простаивать во дворе продолжительное время со всякими унижениями. Должен сказать, что балтская тюрьма со своими порядками произвела на меня самое гнетущее впечатление. Ознакомившись за время своей продолжительной революционной деятельности с немалым количеством разных уездных тюрем, такой, как балтская мне не приходилось видеть. Даже сибирские каталажки и этапные дома стоят выше. Но эти унижения человеческого достоинства нас рабочих больше закаляли и ожесточали, заставляя нас еще яснее чувствовать и видеть виновника всего существующего строя. Попав обратно в «свою» одесскую тюрьму, я почувствовал себя как дома. Просидев на этот раз недолго, я снова был освобожден для окончания своего надзора.

Постепенно начали съезжаться и другие посланные товарищи с мест, наладив связи и набрав известный опыт в работе. К этому времени у нас установилась вполне налаженная связь с Николаевскими работниками.

Первая встреча группы с Л. Троцким и А. Поляком.

Продолжая все ту-же кустарную работу и, главным образом, все свои силы отдавая ремесленникам, мы на ряде своих собраний решаем вопрос о необходимости переброски всех своих сил организации на фабрики и заводы, работая исключительно среди фабрично-заводского пролетариата. Особенно остро чувствовалась необходимость такой концентрации сил нами, непосредственно работавшими на заводах. К этому времени я работаю на мельнице Шапиро, а затем—

на первой на юге России мельнице Вейнштейна, Нудельман—на чугунно-литейном заводе Бертрана, М. Рудавский—на заводе Нотовича, Р. Шатуновский—у Кравковчинского, Лавров—на машиностроительном заводе Белинно-Фендерих, Баткин—у Вальтуха, столяр Иван[1])—у Жако, Розенфельд—на мельнице Инбер. Всюду на заводах имеются уже свои ребята и налаженные связи. Имеем ряд конспиративных квартир. Усиленно ведем организационно-пропагандистскую работу. Но силы наши недостаточны. Как я сказал выше, дальше продолжать работу, разбрасывая свои силы, нам представлялось непродуктивным и мало производительным.

И вот на конспиративной квартире у Поли большой и Клары Бернштейн на Пересыпи (на Московской улице) было нами устроено, если не ошибаюсь, в июне 1897 г. большое собрание, на котором присутствовали кроме группы ряд товарищей из кружков (человек 25). На это собрание был приглашен и представитель николаевской организации Лева Бронштейн (Л. Троцкий). Мы поставили вопрос ребром об оставлении своей работы среди ремесленников и переброске всех на фабрики и заводы. Наша точка зрения была сформулирована Нудельманом резко и прямолинейно; «ни одного человека, ни одной книжки ремесленникам — все на заводы и фабрики». Этот взгляд группы разделяло подавляющее количество членов организации. Но вот выступает с блестящей, сразу поразившей нас всех, речью т. Лева, этот 18-летний юноша, с большой шевелюрой — этот будущий мировой вождь, и обличает нас своей увлекательной горячей речью. Он выступает против нас, против наших теоретических выкладок, обоснованности и неизбежной необходимости изменения фронта нашей работы.

«Оставлять работу среди ремесленников нельзя, — надо тем и другим», приблизительно так говорил т. Л. Троцкий. Среди нас чувствуется колебание. Но мы, оправившись от этих чар, остаемся при своем. Часть товарищей с Гринблатом уходят, соглашаясь с точкой зрения т. Л. Бронштейна.

---

[1]) Иван столяр-плотник из внутренних губерний России до вступления в кружок был отчаянным юдофобом, сильно попивал, отчаянно, со смаком ругался. После обработки его человек резко изменился, все как рукой сняло. Стал читать и другим объяснять. Человек переродился.

И тогда-то т. Троцкий начал вести кружок молодых трудников, о которых говорит т. Невский.

Товарищ Троцкий произвел на меня тогда прямо ошеломляющее впечатление. Он в своей косоворотке, в пенснэ, с широким лбом, ушел, как я отметил уже тогда, очаровывать, и мы я помню, говорили между собою о нем как о будущей силе. Мы его страшно полюбили. И зато, как мы обрадовались, когда сидя в тюрьме, я получил записку от Гринштейна, который писал: «Ура! Лева наш», т.-е., что он стал марксистом. До тех пор мы его считали прикосновенным к народничеству, хотя в действительности он работал как социал-демократ.

После этого решающего собрания мы сконцентрировали все свои силы, все свое внимание на заводах. Каждый член группы, работающий в мастерской, обязан был сам перейти на работу в завод, фабрику. Хуже дело обстояло с нашими девушками. В то время связей с женщинами, работающими на фабриках, у нас совсем не было. Поэтому наши работницы обязаны были бросить свои мастерские. Они шли на джутовую фабрику, пробочную и др., где завязывали сношения.

К тому времени особенно сильна была связь с мельницами, которые мы захватили почти все и стремились их объединить общей кассой и забастовкой, а также специально заказанным и отпечатанным Киевской организацией листком «К мельничным рабочим».

Приблизительно к сентябрю месяцу 1897 г. относится приезд к нам т. Альберта Поляка, члена «группы Рабочей Газеты», с которым мы познакомились через Ц. Липовецкую. Поляк вошел в нашу группу, снабжал нас литературой и новой вышедшей «Рабочей Газетой», связав нас с Киевом и закрепил наши связи с другими городами.

Прежде чем сказать о том впечатлении, которое произвела на нас «Рабочая Газета», я должен сказать, что товарищ Поляк застал уже у нас в группе Моню Гандлера, известного провокатора, о котором нелишне будет сказать несколько слов.

Провокатор Моня Гандлер.

В средине 90-х годов, начиная с ареста Нехамкеса-Стеклова, Розенблюма, Кульчинского и других в нелегаль-

ных кружках подвизался молодой рабочий из интеллигентов, машинист и слесарь Одес. водопровода М. Гандлер. Попа— однажды в лапы к жандармам, он был тогда вольноопределяющимся, очевидно, тогда же был обработан охранкой и стал на службе очень полезным сотрудником ввиду огромных связей его. Оффициальных документов, подтверждающих его службу у жандармов, у меня не имеется — они в свое время, очевидно, были сожжены. Но в делах жандармского Управлени, имеются определенные ссылки на свидетельство «нашего сотрудника». Дело историков путем изыскания и изучения архивного материала добыть документы. Я же хочу только дать несколько живых воспоминаний об этом провокаторе члене нашей группы, сумевшем несколько лет работать, постоянно проваливать публику и не быть раскрытым. Гандлер в период 1894—1898 г.г. был окружен ореолом «пострадавшего». И замечательно, что при каждом провале какого-нибудь кружка чувствовалась рука провокатора, но Гандлер умелой рукой умел своевременно через близких ему приятелей невзначай бросить слух—«такого остерегаться, выдает». Слух дальше ширился и дело сделано. Себя он этим ограждал. Так, я помню при арестах Ф. Мильмана, Кульчинского и нас (1894 — 1895), усиленно муссировался слух о провокаторстве Даревского ст., члена нашего кружка. Это обвинение, как было установлено исходило от Гандлера. То же было при аресте сестер Корнблюм, Асс и других.

Познакомились мы с ним через старых работников, освобожденных из тюрьмы и ввели его в нашу группу. Парень он был очень энергичный и деятельный, по развитию стоял довольно высоко. Старше нас годами, с опытом, он проявил большую активность. Рабочая группа наша после вышеуказанного раскола и вступления А. Поляка проявляла усиленную активную работу. Был распространен листок «к мельничным рабочим», привезенный из Киева Гандлером. Организована пропагандистская и литературная группа в которую входили интеллигенты: М. Замощин [1]), Ек. Гран-

---

[1]) Арестован по делу нашему 10 марта, послан в ссылку на 3 года в Енис. губ., журналист.

ковская [1]), М. Березин [2]) и Елена Федоровна [3]), которая непосредственно обслуживала нас и работала по нашим заданиям. Была постоянная связь с городами юга; с Николаевом—тесная; одним словом, шла интенсивная работа. Гандлер был в центре всей работы. Без него не проходило ни одно важное дело. Но ввиду существования тогда у нас строгих правил конспирации (о всяких конспиративных делах могло знать только два человека, непосредственно соприкасающихся с этим делом), то многого Гандлер и не знал. Собрания часто происходили у Гандлера на квартире, где бывал и Поляк. Последнего, помню, Гандлер очень обхаживал, относился к нему с большой предупредительностью, чувствуя, очевидно, крупную рыбу. Но убедившись, что от него и у нас он много не добудет, он познакомился с его сестрой К. Поляк, которой сильно вскружил голову. Девица эта была небольшого ума, недалекая. Через нее, на приятельской ноге, он узнавал все, что она знала о брате. Однажды, когда мне нужно было передать 2 кружка для занятий, Гандлер должен был свести меня с Гранковской и Березиным. Условившись с ним только нам обоим известным паролем, который он должен был передать, я в условленное время и в условленном месте, вместо Березина и Гранковской застал жандармского полковника Бессонова, которого узнал уже в тюрьме во время одного допроса; когда встретив меня, он с усмешкой спросил «что узнали?». И кроме того эти самые пароли фигурировали впоследствии на допросах. Тоже с докладом приехавшей из Николаева Ц. Липовецкой о состоянии организации и провала; доклад происходил у меня на квартире в присутствии Гандлер, последний настаивал, чтобы Ц. Липовецкая написала в «Рабочую Газету» корреспонденцию. Все мелочи этого собрания были известны жандармам. В результате вся наша рабочая группа с рядом рабочих кружков были провалены Гандлером 10 марта 1898 г. Но сам Гандлер один из активных членов группы, остался цел и невредим. Это возбудило у всех, особенно у руково-

---

[1]) Рецедивистка, средних лет, хорошая пропагандистка, послана в Вятск. губ., умерла в имении бывш. Перовских, с которыми была близка.

[2]) Бывший народоволец, получил Вятскую губ., после один из лидеров Государственн. Думы фракции трудовиков.

[3]) Фамилия не известна: осталась не арестована.

дителей, сильнейшее подозрение. И когда я и Гранковская одновременно, не сообщаясь между собой, пришли к одинаковому выводу о несомненной провокационной работе Гандлера и я стал бомбардировать городских товарищей об этом же факте, то какой вой был поднят по этому поводу среди близких приятелей Гандлера! Никто не мог допустить и мысли об этом. На этой почве происходили трагедии. Между прочим с Гранковской мы условились, что она потребует ареста Гандлера, заявив официально о получении от него литературы и пр. Но требования об аресте ни к чему не привели. Он даже для проформы не был арестован.

Характерный рассказ одного бывшего приятеля Гандлера,— не верившего нашим обвинениям, но потом попавшего в тюрьму и убедившегося в правильности наших обвинений. Он рассказывал мне о пережитом им.

С тех пор звезда Гандлера закатилась. Но зато карьера его сразу после нашего дела повысилась. Он быстро получил повышение по службе—из рабочего он стал чуть ли не начальником какого-то отдела на водопроводе. Это окончательно убедило Фом неверующих. Находясь в ссылке, мы получили сообщение, что при возвращении некоторых старых товарищей в Одессу, знавших прежнего Гандлера, работавшего с ними, они брались реабилитировать его. Один из этих товарищей довольно видный работник. Но напрасная работа. Слишком уж скомпрометировал себя Гандлер, чтобы можно было его обелить.

Организация к моменту I-го Съезда.

Имея членом своей Рабочей группы тов. А. Поляк, непосредственного члена «Рабочей Газеты», мы естественно были осведомлены о целях и задачах группы и о предстоящем партийном съезде. Наша организация шла все время по линии необходимости создания общего мощного центра, который мог бы руководить общей работой, который распределял бы работников и пр. Не помню точно, у меня ли на квартире или у А. Розенфельда [1]) мы прочитали привезенный

[1]) Член нашей группы, работавший на мельнице Инбера, был арестован 10 марта 1898 г., очень энергичный работник. Дальнейшая судьба его совершенно неизвестна мне.

Поляком 2 номер «Рабочей Газеты» с передовицей о съезде. Статья эта нам очень понравилась: она вполне отвечала нашему настроению, нашим целям и задачам, которые мы себе намечали и по которым мы шли в своей работе. Мы сочли необходимым послать своего делегата. Наметили ли мы Поляка или Гандлера я не помню. В последние месяцы нашей работы—с декабря 1897 г. до 10 марта 1898 г.—жизнь группы прошла бурно и интенсивно. За ней усиленно следили. Николаев, с которым мы были связаны, доживал последние дни и в январе вся организация была арестована. Незадолго до ареста николаевцев, чувствуя что дни их сочтены, мы послали Ц. Липовецкую для обследования и информирования нас о поведении организации.

В последних числах января арестованы были также члены нашей группы Гринштейн, Я. Финкельштейн и Макодзюб [1]). Последние два товарища привезли из Вены небольшой транспорт литературы. В это же время мы собирались отпечатать брошюру—одобренный группой план организации и дальнейшей работы,—написанную Гринштейном. Но после свидания у Гандлера, куда все трое пошли на совещание о распределении литературы и по поводу брошюры, они по выходе из квартиры Гандлера были арестованы. Жандармы, зная где лежит привезенная литература и техника, пошли ее забирать, но случайно ее не нашли—наши успели вывезти. Жандармы очень сердились, перерыв несколько раз стога сена, но напрасно... К этому, повидимому, времени—январь—февраль 1898 г.—относится распространение листка «К мельничным рабочим».

До этого времени нужно сказать, что мы вели, главным образом, и преимущественно свою работу устно и не даром в докладе жандармов царю Николаю констатируется: «что местная революционная группа занималась, главным образом, устной пропагандой среди рабочих, что вполне установлено наблюдением» и что «можно было заранее заключить, что обыски дадут в смысле вещественных доказательств наименьшие результаты».

---

[1]) Потом известный меньшевик Панин, написавший брошюру о работе в «Южном Рабочем».

После распространения листка и устроенных собраний рабочих, меня и других товарищей, работавших на мельницах, как «подозрительных» и неудобных, рассчитали с работы.

3-й провал и тюрьма.

В ночь с 10-го на 11-е марта всю нашу группу и часть кружков арестовали. По именному списку, случайно оставленному жандармерией у Липовецкой на квартире, значилось о производстве 50 обысков. Всего арестованных 34 человека. Я готовился в день ареста отвезти литературу и поэтому был схвачен ночью, поджидавшим меня у калитки ворот жандармом с поличным, и таким образом выбросить литературу не удалось. Жандармы при обыске свидетельствовали, что на моей квартире были арестованы: Ц. Липовецкая, М. Рудавский и еще 2 рабочих, живших у меня. В третий раз попал я в объятия Одесской тюрьмы и теперь уже надолго. От усиленной организационной работы организм был до того расшатан и утомлен, что в течение недели я предавался усиленной спячке.

Жандармы, раздув дело, начиная с ротмистра Ковалевского, лично следившего за мною и Нудельманом, кончая подп. Бергом и полковником Бессоновым, страшно мучили меня своими допросами и бесились нашей тактикой полного отрицания всего, несмотря на наличие, казалось бы, доказательств со стороны провокатора Гандлера. Долго я удивлялся, откуда им известны мельчайшие подробности разговоров, пароли, известные только мне и Гандлеру. Долго не хотелось сознаться, что тут дело не чисто, что это дело рук окруженного ореолом Гандлера, но, как уже писал выше, я и Гранковская пришли к этому убеждению одновременно, не сообщаясь друг с другом. Подп. Берг, этот хитрый типичнейший жандарм, ученик известного жандармского генерала Пирамидова, впивающийся в свою жертву с кровью налитыми глазами, все пытался добыть у меня некоторые подтверждения и однажды до того взбесился, что выбежал, оставив меня в кабинете, куда влетел ошеломленный старший жандарм Усов и отвел меня в камеру, крайне удивленный. Но за то, как я обрадовался, когда дело наше перешло к

прокурору; кончились тогда мои терзания и я смог уже спокойно читать и заниматься.

На нашем деле жандармы основательно подработали: полк. Бессонов получил чин генерала, подп. Берг — полковника и проч.

Тюрьма тогда представляла собой настоящий Университет; хотя за нами вначале усиленно следили, но все же мы имели постоянные сношения посредством переписки, перестукивания, затем с арестом студентов и наступлением весны просто разговаривали, раскрыв окна. Надо мной сидел член Киевской группы Д. В. Лесенко[1]), контролер Юго-Западной ж. д., связанный с нашей группой через М. Гандлера, который, кстати, уверенно подтвердил мне о провокаторстве Гандлера, а рядом со мною студ. Гохберг, наборщик „Рабочей Газеты", а потом и заведующий типографией «Искра», ныне член РКП, И. Виленский, Кляштерный, Душкан, с которыми я постоянно и усиленно перестукивался. Посредством перестукивания играли в шахматы. Помню, как Л. Троцкий и другие играли целыми вечерами.

С наступлением весны начались рефераты. Особенно были интересны доклады Л. Троцкого, Лесенко, Зива, студентов Долгова, Гринштейна и др. Троцкий изучал тогда массонство в России и, кажется, написал большую работу об этом. Сидя в тюрьме, пришлось пережить одну голодовку из-за интеллигента Ю Рабиновича, которая не имела серьезного значения, но из солидарности нам пришлось проголодать 3 суток. Голодовка кончилась, как и следовало ожидать, для нас безрезультатно.

Большинство участников дела постепенно были освобождены и высланы по разным городам под надзор полиции, где и сеяли далее семена революции. Некоторые из малодушных постепенно отходили от рабочего движения.

Наконец, и для нас наступил долгожданный приговор «высочайшего повеления». Я ссылаюсь в Восточную Сибирь на 4 года, Нудельман, Гринштейн, Замощин—на 3 года. Интеллигенты: Гранковская, Березин, Лесенко—в Вятскую на 3 года. Приговор николаевцев почему то запоздал.

---

[1]) Судьба Лесенко довольно трагичная. Он умер где-то в Черниговской губ., скрываясь от Советской власти.

Оставляем Одессу и едем через Киев. В Лукьяновской тюрьме встречаемся с тов. Поляком, Вольфсон и рядом других товарищей и катим дальше в Бутырки, чтобы быть отправленными в Сибирь. А там дальше идет побег из Сибири, работа к 2-му съезду, нелегальная, подпольная работа, побег из тюрьмы и пр., завершившиеся 2-м съездом. Затем опять тюрьма, ссылка до бурных дней революции, но об этом когда-нибудь отдельно.

Высылая нас из Одессы, жандармы полагали, что они с корнем вырвали все, что освободились от крамолы. Но «гони природу в дверь,—она влетит в окно». Остались рабочие, затронутые пропагандой; остались члены кружка. Многие ушли на военную службу, где вели каждый свою работу.

Из трудников в 1901—1902 годах были арестованы старые члены кружка: столяр Миша Вернер, проработавший до 1905 г., а затем эмигрировавший в Канаду, солдат Ройтенштерн Д., Рудавский Л., высланные в Восточную Сибирь и попавшие потом в знаменитую Романовскую историю. Остался еще целый ряд товарищей, которые продолжали старую работу.

Оглядываясь сейчас назад на этот далекий период работы Одесской организации к моменту I партийного съезда, нужно сказать, что она вела к необходимости создания общего центра, который организованно вел бы борьбу в лице рабочего класса против капитала и выразителя его—самодержавия. По этому пути, к необходимости организации первого съезда и созданию сильной соц.-дем. рабочей партии, а затем и коммунистической, работа шла долго и мучительно через тюрьмы, ссылки, каторги и массу жертв; зато как счастливы те, что дожили до 25-летия нашей славной и могучей коммунистической партии, до настоящих условий, когда мы достигли наших идеалов, к которым стремились, а именно, чтобы средства и орудия производства—этот источник эксплоатации был бы в руках пролетарского государства и теперь, когда власть находится в руках рабочих, мы имеем возможность строить наше коммунистическое государство с помощью сильной Коммунистической партии.

М. Г. Дарголи (Филипп).

Москва, 23-го февраля,
1923 г.

Беглые заметки о состоянии одесской организации к моменту I-го партийного съезда.

(По личным воспоминаниям.)

С рабочим движением впервые я познакомилась в 1895 г., когда мне минуло 20 лет. В январе того же года я, по поручению толстовского кружка, членом которого я состояла, была направлена из Елисаветградского уезда в Одессу, с целью специализации в швейной работе и для организации артельной мастерской—в духе героини романа Чернышевского «Что делать». Приехав в Одессу с лозунгом «непротивления злу насилием», я вскоре поступила в довольно большую по тому времени мастерскую, в которой работало около 20 работниц. Ввиду того, что наша мастерская не работала непосредственно на заказчика, а на крупный магазин готового платья, эксплоатация труда была доведена до максимума. Рабочий день был неопределенный: работали по 14—15 часов, а в сезонное время даже до 16—18 часов.

Характер нашей работы давал возможность довольно большому разделению труда; следовательно, интенсивность его была высокая. Этот способ работы в нашем производстве тогда только вводился на юге и это очень нервировало работниц. Большинство работниц нашей мастерской—жительницы окраины города—молдаванки, были совершенно безграмотными. Неудовольствие своим положением было, но какое-то глухое. Из идейных работниц мастерской была еще одна Оля Левинская, тоже как и я, малограмотная и соприкасавшаяся с толстовством. Мы тут же с ней решили организовать кружок саморазвития, конечно, толстовского толка. Дело не ладилось. Совершенно безграмотная масса при таком длинном интенсивном рабочем дне не давала никакой возможности это осуществить; пользоваться же воскресной школой, которая для кого-то существовала, тоже не удавалось. Пытались, согласно нашим принципам на этот предмет, «сговориться» с хозяйкой. И, конечно, безрезультатно... С тяжелым чувством пришлось убедиться, что хозяева очень туго поддаются всяким красивым словам вроде «равенства» «братства» и другим альтруистическим измышлениям. В этом нас окончательно убедило наше первое столкновение с нашей

«идейной» хозяйкой по поводу ограничения рабочего дня. Но об этом ниже. Разрушив своего старого бога, пришлось искать другого. Словом, так или иначе—наш маленький кружок, который мы все-таки сорганизовали, убедился, что „непротивлением злу насилием“ далеко не уедешь, и мы стали искать другие пути. Некоторая возможность представилась. Дело в том, что к этому, приблизительно, времени относится приезд сперва отдельных лиц, а потом даже целыми группами рабочих и работниц северо-западного края, так называемых „оппозиционеров“. Это были все ремесленники и ремесленницы разных специальностей, которые разбрелись по мастерским Одессы. О них можно сказать, что они были первыми организаторами, перенесшими методы и формы борьбы с Литвы в Одессу, и которые будировали рабочую массу ремесленников против хозяев.

Надо сказать, что в смысле рабочего движения на заводах и фабриках к тому времени, насколько мне было известно, почти ничего не было.

Были рассеянные отдельные кружки «саморазвития». Их было, вероятно, несколько. Я лично знаю только о двух—среди учащихся акушерских курсов, куда персонально входили Ал. Льв. Соколовская—потом идейный вдохновитель и одна из руководительниц николаевской организации (ныне член Р. К. П.), Р. Ляховицкая, Маша Барвинская («Зверь») и др., и на зубоврачебных, во главе которого была П. Гордон (близкий тогда друг Мартова). В этих кружках, помню, тогда говорили, что изучают «Капитал» Маркса. Эти кружки были связаны между собой, а некоторые, вероятно, и со студенчеством. К слову сказать, ни тогда, ни после революционного или даже просто прогрессивного студенчества в Одессе почти не было. Я сужу по тому, что, когда кружки рабочих были организованы, то некому было их передать для занятий. Были отдельные революционеры социал-демократы, как С. Б. Лазарович, Ганелина-Гринцер, Ткач, Айзенштадт («Борода»). Параллельно с нами или даже раньше с 1893—94 г.г. были кружки и из ремесл. училища «Труд», в которых подготовлялись пропагандисты.

Работа была у них довольно серьезная по изучению марксизма. Один кружок вел С. Б. Лазарович. Некоторые из членов кружка, как Гринштейн, Нудельман, действительно

вышли хорошими пропагандистами. Были и другие кружки, о которых узнавали после арестов,— кружок, в котором работало 4 члена семьи Корнблюмов (И. Корнблюм, член Р. К. П.), кружок рабочих, руководимый Мильманом, разгромленный крупный кружок по делу «России» и, вероятно, другие. У многих из них была жива память о первых с.-д. Одессы, как Гольдендах (Рязанов), а затем и Нахамкес-Стеклов, Цыперович, Вельтман-Павлович. О них мы, приезжие, потом узнали, как об основоположниках марксистских кружков в Одессе. Вот все, или почти все, что, по-моему, в то время было в Одессе.

Не могу не подчеркнуть той слабой связи и почти полного отутствия преемственности в работе, которые замечались после каждого провала, когда приходилось начинать работу почти заново. Объясняется это теми тяжелыми условиями в смысле сыска, какие существовали в то время в Одессе. Как известно, Одесса за старые грехи была в опале и никто из царской семьи несколько лет ее не посещал. Одесская жандармерия, во главе с известным Пирамидовым, из сил выбивалась, чтобы восстановить свою репутацию. Помимо обычного большого штата филеров, у них очень хорошо была поставлена агентура. Например, целых 4 года работал известный провокатор Гандлер, проваливая одну группу за другой. Везде чувствовалась опытная рука провокатора. Но он всегда отводил подозрения, взваливая их на кого-либо из участников дела, муссируя эти обвинения среди знакомых. И, только на нашем деле — 10 марта 1898 г. был раскрыт, и то не сразу. Но о нем ниже. Всему этому еще благоприятствовали правильно распланированные кварталы города — внешняя слежка была очень легка и удобна. Как не остерегайся, а все-таки шпику очень легко было, не мозоля глаза намеченной жертве, передавать ее другому, далеко стоящему филеру. Мы это знали и, в свою очередь, усилили свою бдительность. У некоторых товарищей, в конце концов, выработался своего рода спорт—кто кого перехитрит. В результате в Одессе легко было работать — или коренному одесситу, или вообще хорошему, опытному конспиратору.

Таким образом, когда к нам наехали «оппозиционеры» и захотели зажить, как у себя в Вильне, то за ними нача-

лась усиленная слежка и многим пришлось разбежаться по другим городам юга, что большинство из них и сделало, предварительно сильно взбудоражив одесских ремесленников.

Некоторые из этих товарищей, а именно, Эмма Сахарова — ученица акушерских курсов, Роза — чулочница из Минска, Соня — портниха из Вильны, пригласили нас, нескольких одесских работниц — Катю Душман, Олю Левинскую, Фриду Липовецкую, Матильду Худиш, меня, а вообщем человек 10—12, для празднования 1 мая.

Это было в 1895 г. Празднование было днем и, кажется, на квартире Поли Гордон и, помнится, она объясняла значение этого дня, как рабочего праздника. В тот же день было положено начало организации и основанию «кассы борьбы» со взносом в 50 коп. единовременно и 20 коп. ежемесячно. Членами бюро были избраны О. Левинская, К. Душман и я. Основные задачи кассы,—взаимопомощь во время стачки и, как гласило ее название, борьба с хозяевами.

Все это празднование было довольно примитивно и упрощенно, но все же группа одесских работниц в день 1 мая 1895 г. разошлась с сознанием, что за улучшение своего положения необходимо бороться и, чтобы эта борьба была возможна, нужно объединиться, создав свою рабочую организацию; что такие объединения рабочих существуют за границей, где рабочие избрали своим праздником день 1 мая, демонстрируя свою силу перед хозяевами. Нам нужно было также организовать и образовать свою «кассу борьбы», что мы и сделали. Все это сопровождалось чаепитием и пением революционных песен. Тогда же мы получили одно, очень верное указание, что наша организация должна быть в строжайшей тайне, и три «запрещенные» брошюры— «Кто чем живет» — Дикштейна, «Хитрую механику» и, кажется, «8-часовой рабочий день».

Так начал свое существование наш кружок, и уже осенью того же года наша «касса борьбы» была использована, для объявления нами в сентябре забастовки, которая длилась 36 часов (насколько мне известно — первая в нашем цехе).

Интересно было бы знать, сохранились ли у кого-нибудь из одесситов в памяти другие забастовки того времени этого

цеха в Одессе. Или сентябрь 1895 г. можно считать датой первой забастовки швейного производства в Одессе.

Забастовка, как я уже сказала, длилась 36 часов. Требования были следующие: 12-тичасовой рабочий день, двухнедельная выплата жалованья и вежливое обращение. Последнее было вызвано не столько отношением самой хозяйки— она, помимо эксплоатации, освященной законом, и несвоевременной выдачи жалованья,—обращалась с нами прилично. Сын же, студент, был очень груб с нами. Он во время забастовки грозил сообщить обо всем градоначальнику Зеленому и известному пугалу, жандармскому генералу Пирамидову, чем он нас несколько озадачил, так как мы все же не уяснили себе, что власти могут вмешаться в такой в сущности небольшой конфликт. Мы держались довольно свободно, больше того, нам импонировало сознание, что мы можем предъявлять требования и даже успешно.

Наши требования временно были удовлетворены, но через пару недель от инициаторов забастовки, т.-е. меня и Левинской, избавились — нас попросту рассчитали. Мы бегали за защитой к фабричному инспектору и к представителю печати, желая предать это гласности. Толку не добились, но для нас это имело большое общественное значение.

Увольнение наше было нам на руку. Мы перешли в другую мастерскую и там продолжали свою революционную работу.

С организацией этой забастовки (сентябрь 1895 г.) я и считаю свое боевое крещение в моей революционной работе. С тех пор я из рабочего движения и партийной организации не уходила до настоящего времени.

Эта забастовка послужила связью с существовавшим тогда марксистским кружком трудников, с которым я вскоре познакомилась. Узнав о нашей забастовке, представитель кружка явился к нам за получением сведений и оказанием поддержки. Кружок этот ставил своей задачей знакомить рабочих с идеями научного социализма и борьбы за лучшее будущее рабочего класса.

К этому соц.-дем. рабочему кружку я и наш кружок и присоединились.

Перелом этот в моих воззрениях не легко дался мне— ведь нужно было выбить из своей головы толстовские идеи

«непротивления злу насилием», «самоусовершенствование личности» и пр. Но все же, покончив с этим утопическим мистицизмом при помощи кружка трудников, я стала социал-демократкой.

Таким образом, у нас установилась связь с этим кружком, которая уже больше не прекращалась до ареста 10 марта 1898 года.

Весь 1896 г. прошел у нас в совместном дальнейшем расширении и укреплении кружков ремесленников. Всего было к этому времени около 10 кружков. В каждом кружке было не менее 5—6, но не больше 10—12 человек. Ограниченное количество членов кружка, ввиду вышеуказанного сыска, проводилось очень строго. Это обстоятельство очень осложняло нашу работу. Нужно было много конспиративных квартир, а для этого, в свою очередь, деньги и желающие устраиваться на этих квартирах. Большинство жило при родных. Тут были пущены в ход все способы, всякие уходы из семьи с тяжелыми семейными драмами, с фиктивными браками и т. д.

Так или иначе, организационная работа расширялась и осложнялась. Понадобилось и много денег, и литературы, и людей, но нехватало ни того, ни другого. Кружки же росли. Приходилось одним и тем же членам кружка заниматься и организацией и пропагандой. Помню, как во время обеденного перерыва приходилось просматривать Дикштейна, а вечером по нему заниматься в кружке.

Все же стали вырабатываться некоторые правила; например:—завязалась связь через рабочего или работницу из какой-нибудь мастерской,—первая задача была в 2—3 недели обработать этого товарища; при чем во главу угла ставилась к о н с п и р а ц и я. Поэтому никогда, нигде ни одного лишнего вопроса, ни в коем случае не спрашивать ни о ком. Заведомо ставилось своей целью не знать фамилию друг друга, дабы не дрогнул ни один мускул в лице на допросе у жандармов (из нас уже никто не сомневался, что рано или поздно к ним попадем) и этим самым не выдавать связь. Итак, обработав нужного товарища, ему же поручали в свою очередь сорганизовать кружок. Стали попадаться довольно часто безграмотные и, кроме всех многочисленных обязанностей,—приходилось более грамотным заняться преподаванием грамоты, но на все это

нехватало рук... Главные силы нашего кружка—ученики Труда» были перегружены работой. Кое-кто из них уже был арестован, кое за кем уже основательно следили, им необходимо было на время оставить Одессу. Уехал М. Вейнштейн в Кременчуг, Б. Гринштейн—в Елисаветград. Местная интеллигенция была очень законспирирована и к ней добраться было очень трудно. Жизнь шла своим чередом. Началась петербургская забастовка, и тут мы впервые почувствовали, что наша организация связывается и с другими городами. Стали собирать деньги для петербургских рабочих. Характерно указать, что все вопросы борьбы, известия или мысли обсуждались устно, при чем не кем-либо другим, а просто рабочими. Не помню, ни одного листка до конца 1897 года. Так мы собрали сумму, помнится мне, свыше 80 руб., и с гордостью и радостью отнесли нашу лепту старшим товарищам, а именно на квартиру М. Даргольца, где и познакомились с другими членами кружка Эм. Нудельманом и Лехтманом. Этих товарищей не преминули использовать для занятий с кружком портних. Хотя они больше стремились работать на заводах и фабриках, но все же взяли на себя работу и в наших кружках.

Таким образом, можно сказать, что одесское рабочее движение в начале того периода обходилось собственными силами. С нами, т.-е. со старшим кружком занимался Б. Гринштейн, но когда он, по независящим от него обстоятельствам, должен был уехать, то он меня связал с С. Б. Лазаровичем, который фигурировал под именем «Осип» и «Старик». Он был окружен ореолом,—во-первых, благодаря своим знаниям, во-вторых, как уже пострадавший. О нем шла такая легенда, что он сидел в каменном мешке, представлявшем собой круглое ужасное здание (очевидно имелась в виду крепость).

Стоит ему еще раз попасть, то... Что это такое, мы не знали, но чтобы этого не случилось, мы его очень оберегали. Все же с отъездом Гринштейна мне пришлось с ним видеться, и я в категорической форме потребовала помощи для наших кружков. Помощь была обещана, при чем было мне тут же пространно объяснена историческая неизбежность социалистического строя. Также была указана легальная литература и—уже в заключение—целая лекция, как держать себе на допросах, если попадем в лапы жандармов.

Все сводилось к отрицанию все и вся, не смущаясь жандармскими заявлениями, что они «обо всем все равно знают». Эти уроки конспирации так крепко и прямолинейно были восприняты, что во время нашего ареста вся наша братия,— за исключением одного из членов молодого кружка новообращенных трудников, — не то что не давала показаний, а просто отрицала все; даже, когда вели на очную ставку М. Даргольца с кружком молодых трудников, которые уличали его в том, что он им послал такого-то, он ответил полным отрицанием.

Также курьезно делала показания одна из хозяек конспиративной квартиры, Поля Левенсон—девушка почти безграмотная. Вот вызывают ее на допрос. Предлагают опознать таких-то и таких-то, ряд карточек и фамилий. Боясь сказать лишнее, она твердо заявляет: «никого и ничего не знаю». Следует целый ряд доказательств с указанием дат, когда кто бывал и т. д. Левенсон продолжает все одно: «никого и ничего не знаю». Преподносится домовая книга. Отрицание продолжается вплоть до того, что не только она там не жила, но отрицает существование самой улицы, квартиры и дома. Следует благоразумное возмущение жандармов: «это дикое упрямство глупых женщин». Вызывается Оля Вольфсон, девушка молодая, развитая с игривым умом. Вот к ней-то решил аппелировать полковник Бессонов, что де женщины «держат себя с таким тупым упрямством» и т. д.

Словом, полковник скорбит о том, что это затягивает дело, и поэтому советует не скупиться в показаниях, потому что женщины доводят все до абсурда и т. д., а между тем они могли бы ускорить дело. Оля Вольфсон с наивнейшей миной спрашивает у полковника:

— Вы, г. полковник, женаты?

Полковник удивленно отвечает утвердительно.

— Ну,—отвечает она,—ваше мнение о женщинах вас до отчаяния не довело.

Оскорбленный полковник прерывает допрос.

Следующий случай: на допросе Ц. Липовецкая, по счету 4,—допрашивает подполковник Берг—с глазами хищника, он так и впивается в душу своей жертвы. Допрос идет об установлении связи Одессы с Николаевом. Липовецкая вспоминает, что есть уличающий, ее рукой написанный, материал, но

также есть сведения из мужского корпуса, что Л. Бронштейн—Троцкий, знакомство с ней отрицает.

Следует несколько чисто формальных вопросов. «Значит вы никогда в Николаев не ездили, литературу не возили и вообще никого из названных лиц вы не знаете?—язвительно спрашивает Берг.—Так и запишем в протокол».—Липовецкая чувствует, что сейчас будет торжественно преподнесена ее рукой написанная корреспонденция для «Рабочей Газеты» о Николаевском провале, и вдобавок другой экземпляр, переписанный рукой М. Даргольца и взятый при аресте.

Мысль начинает быстро работать. Как отбить аттаку? Благо, что многое не раз обдумывалось в долгие бессонные ночи.

Просматривая последние слова протокола, Ц. Липовецкая прибавляет: «лично не знала».—«Но вы все же о них кое-что знаете?» не скрывая своего удовольствия, заявляет этот хищник. Мысли совершенно оформились, и Липовецкая решила перейти от обороны в наступление,—решила использовать свою малограмотность в письме. «Видите ли, обо всем, что вы тут говорили, я кое-что слышала, даже очень подробно, но, к сожалению, у меня дома остались записки, которые, очевидно, вас бы удовлетворили». Несколько удивленный этим оборотом дела Берг заявил: «Записки, вот они здесь». Начинается целая длинная история с происхождением записок. Конечно, ни единый соответствующий действительности ответ, но все же довольно правдоподобно. О том, что, проездом через станцию Николаев, такой-то, называю фамилию шпика, просил меня передать в Одессе такому-то подробно о нашумевших тогда арестах и так далее. Все это по его личной просьбе было записано под его диктовку и т. д. Но все это я не успела передать, если это вас интересует, то, мол, в вашем распоряжении.

Наконец, последний козырь: «Но тогда зачем это переписывал Даргольц?»—«Ну очень просто, чтоб не краснеть за безграмотность жены». Такой оборот дела довел Берга до белого каления, но он пока сдержанно заявил: «И вы думаете, что в вашу хитросплетенную историю я верю?»—«Если не верите, незачем меня спрашивать». В ответ он со злостью заявляет: «Судить-то вас будут в Петербурге, а не я!» — «Тогда я буду давать те показания, какие я

считаю нужными, а не то, что вам хочется». Это переполнило чашу. «Но я ни единому вашему слову не верю», бешено вскрикнул Берг, кажется, разорвав протокол, и выбежал из конторы, крикнув на ходу: «уведите ее!» На этом закончились мои допросы, хотя следствие тянулось несколько месяцев.

Я все это говорю, чтобы указать, что все советы о конспирации усердно использовывались. Но активной помощи не было, и мы стонали от отсутствия интеллигентских сил. Обещанная С. Б. Лазаровичем помощь явилась не скоро, вследствие чего нам пришлось долго вариться в собственном соку. Наконец, явился посланный: начались занятия. Наши ребята настроились на марксистский лад. Мы уже сами читали Бельтова и никак не мирились с народничеством, которое, к слову сказать, понималось нами довольно примитивно. Народничество у нас понималось как интеллигентское мышление вообще.

И, когда раз читая нелегальную, серьезную брошюру «Наемный труд и капитал» К. Маркса, руководителем было употреблено такое выражение: «по Марксу это так». Кто-то из нас не выдержал, спрашивает: «а по вашему?» Прямого ответа мы не получили, и этого было достаточно, чтобы взять его на подозрение. В результате были прекращены занятия.

Таким образом, большинству главарей нашего кружка работниц пришлось свое миросозерцание выковывать самим, при чем, можно сказать, между делом. Особенно мы чувствовали свое бессилие, когда мы потом, вместе с кружком трудников, изучали политическую экономию и социологию, которую читал т. Семеновский, где мы с трудом усваивали понятие «дедукция и индукция».

Много времени отдавали чтению из легальной литературы по истории французской революции. «Старый порядок»—Токвиля, «Пролетариат во Франции и Англии»—Михайлова, «Этюды»—Каутского, «История культуры»—Липперта, Энгельса — «Развитие семьи и частной собственности» и пр. Из беллетристики «Углекопы»—Золя, Беллами—«Через 100 лет», Шпильгагена — «Один в поле не воин». Из периодической печати следили, главным образом, за корресспонденциями Иоллоса и Дионео и уже после следили за «Самарским Вестником»—единственной марксистского толка газетой.

Несмотря на большую перегруженность, каждый из нас считал своей обязанностью всю вышеназванную литературу прочесть и следить за текущими событиями, из которых все, что только возможно было, использовывалось. Напр., в «Новом Слове»—закон 2-го июня. Обсуждалась история этого закона, его связь с забастовками 1896 года, т.-е., чем он вызван и, наконец, насколько он не удовлетворяет интересы рабочих.

Итак весь 1896 год ушел у меня и у нашего кружка портных на выработку своего миросозерцания и расширения деятельности кружков. Внутренняя работа все расширялась. У нас уже была связь с заводами «Пересыпи», но хотелось наладить правильную связь с иногородними. Для пополнения группы новыми силами очень охотно была принята у нас такая фигура, как Гандлер (потом оказался провокатором). На нем придется несколько остановиться. Мое знакомство с ним было случайное через его жену — учащуюся. Гандлер был человек недюжинный и, главное, подкупал тем, что, будучи сыном состоятельных родителей, порвал с ними всякие связи,—человек со средним образованием—пошел в слесаря. Мы его считали своим. Его происхождение давало ему возможность иметь большие связи в мире интеллигенции, в которой мы так нуждались. Таким образом, когда он предлагал нам поставлять интеллигенцию, это было очень кстати нам и на руку ему. Как рабочий, и уже сидевший, он пользовался большим доверием у группы. Был момент, когда он вызвал подозрение, делая заметки во время разговора на своих манжетах, но он отвел это подозрение указанiем на наличие большого количества поручений, на слабость своей памяти и, наконец, —его манжеты самая надежная конспирация, так как легко смываются. Во всяком случае до провала, 10 марта 1898 года, ему удалось быть вне подозрения. Надо ему отдать справедливость, он немало потрудился для объединения нашей организации и внутренне и внешне; всякую новую связь, новую работу он подхватывал и из сил выбивался, чтобы закрепить и расширить связи, и по совершенно понятным причинам: позже нам стало все ясно.

Приблизительно к этому времени, к началу 1897 года относится появление брошюры «об агитации» и толки о пе-

реходе от кружковщины к широкой агитации поднятой приехавшей в Одессу Любой Айзенштадт.

В этот же период появился на нашем горизонте А. Поляк, член группы и наборщик «Рабочей Газеты». Знакомство было довольно простое. Сестра А. Поляка, портниха, жила в Одессе; я с ней была знакома; она, в свою очередь, сообщила брату, что есть портниха Цецилия, которая прикосновенна и так далее — этого было достаточно, чтобы через несколько дней он привез нам нелегальную литературу. Альберт поступил в типографию на Ришельевскую улицу, где находилась и мастерская, в которой я работала. Встречались мы очень часто, и я почувствовала в Альберте нужного нам человека. Но он недолго задержался в этой типографии, ему нужно было заработать на поездку в следующий город и найти пару знакомых рабочих, чтобы затем связаться с другими. Сегодня — здесь, завтра — в другом месте. Мне кажется, эта была не столь конспирация, сколько метод связывания города с городом. Альберта знали почти все члены группы, куда он вошел, в том числе и Гандлер. Мы уже были несколько связаны с Николаевом и очень скоро Л. Бронштейн, т.-е. тов. Троцкий, сговорившись с Альбертом, явился ко мне на квартиру за получением нелегальной литературы. Не помню, в этот раз или в другой, когда тов. Бронштейн уезжал из Одессы, я, согласно нашему обычаю следить за своими отъезжающими, оказалась в данном случае в такой роли, и была весьма недовольна тем, что он был в синей блузе. Сочетание синей блузы с высшей степени интеллигентным, симпатичным и выразительным лицом, и как бы смотрящим сверху вниз на все окружающее взглядом, хотя и удовлетворяли мою революционную эстетику, но как девица строгих правил, ставящая выше всего интересы дела, я не могла ему простить такую погрешность в смысле конспирации, тем более, что подозревала, что эта революционная внешность небезызвестна и самому носителю блузы. Мне казалось, что опытному одесскому шпику уж совсем нетрудно выделить эту заметную фигуру, на серо-обывательском фоне. Еще до приезда Альберта, группа уже имела связи с Кременчугом, куда ездил Вейнштейн, с Елисаветградом через Гринштейна; но все это носило случайный характер. На одном из собраний было решено организованно

посылать людей в другие города для объединения с местными организациями: М. Даргольца — в Елисаветград, Э. Нудельмана — в Екатеринослав, Б. Гринштейна — в Николаев; в Кременчуге жили Р. Ляховецкая и М. Вейнштейн, которые снабжали нелегальной литературой. Была связь и зарубежная через учащихся в Вене. Там были Макодзюб и Финкельштейн. Скоро была командирована с литературой Липовецкая в Екатеринослав. Связь с Николаевом уже установилась довольно прочная. Уже бывали случаи обсуждения вопросов о методах работы и среди кого преимущественно должны работать. Хотя у нас еще был недостаток в интеллигентных силах, но уже более или менее постоянная группа, литературная и пропагандистская, в лице, напр., Гранковской (старая рецидивистка, умерла в 1908—1910 году), Елены Федоровны, М. Г. Березина, М. Н. Замощина и других. Эта группа играла роль исполнительную. Можно было уж говорить о том, чтобы напечатать листок, когда понадобится и т. п. Также закреплялись связи с фабриками и заводами. На фабрике Вальтуха через раб. Баткина, на Белино-Фендрих — Лаврова, Жако — Ивана; кроме того, наши трудники все работали на заводах Э. Нудельман—у Бертрана, Рудовский М. — у Нотовича, Д. Шатуновский—у Краковчинского, М. Даргольц — на мельнице Вейнштейна, Розенфельд — на мельнице Инбера. При чем наши ребята переходили с места на место или их «уходили», или же сами чувствовали необходимость заблаговременно убраться. Таким образом связи с фабриками и заводами все расширялись, и мы сразу увидели необходимость преимущественно работать среди фабрично-заводского пролетариата, а не над ремесленником. Газета тоже была. Вышел первый номер «Рабочая Газета», которую привез тот же Альберт. Газета издавалась Киевской группой и произвела на нас колоссальное впечатление одним своим существованием. Мы были преисполнены гордостью и радостью от одного сознания, что у нас есть свой собственный рабочий орган, куда можешь обращаться и, главное, что почувствовали посредством этой газеты объединение со всем югом России. Словом, группа «Рабочей Газеты» как нельзя лучше выразила назревшую потребность у одесситов, которые в сущности имели сравнительно большое количество распропагандированных рабочих, но не было внешней спаян-

ности, как, например, в Николаеве вокруг органа «Наше Дело». Одесситы испытали почти в 2-х летней работе сравнительную неплодотворность работы среди ремесленников и все преимущество работы среди фабрично-заводского пролетариата.

Альберт Поляк окончательно стал связующим звеном между городами юга России. У него началась более тесная связь и с Гандлером. Это последнее не вызвало подозрения, так как за Гандлером закрепилась роль посредника, и естественно ему одному надлежало знать все, во всяком случае больше, чем допускалось нашим обычаем знать каждому из нас. Таким образом, как будто в 1897 году уже были все элементы для более или менее организованной и планомерной работы: 1) постоянная группа интеллигенции, обслуживавшая по первому требованию наши нужды; 2) основная и уже количественно разросшаяся и качественно окрепшая и оформившаяся рабочая группа, в которую входили только рабочие и 3) связь с другими городами и самое главное—свой рабочий печатный орган. Таким образом вопрос, где и как работать, был совершенно своевременен. По этому поводу состоялось довольно большое (по нашим тогдашним условиям) собрание, челов. 20—25. Был представитель от Николаева в лице т. Л. Бронштейна. Вопрос стоял, где преимущественно вести работу при таких, в общем скудных, средствах. Дело доходит до крайности. Представитель Николаева находит, что работать одинаково необходимо, как среди заводского пролетариата, так и среди ремесленников. Спор разгорается и тут-то мы впервые почувствовали в этом 18-летнем юноше силу. И силу большую... Вспоминая это собрание и первое сильное впечатление от ораторского таланта тов. Троцкого, который—со свойственным ему уже тогда красноречием—убеждает нас: «все силы для всех»; я чувствовала, что почва ускользает из-под ног—сама ведь ремесленница. Тут встает упрямый и прямолинейный Нудельман и заявляет не очень красиво, но очень убедительно и резко: «не дадим, работа должна быть перенесена на фабрику и завод; ни одной книжки, ни одного человека ремесленникам». Несмотря на твердость позиции большинства собрания, сила слова т. Л. Троцкого произвела тогда на нас колоссальное впечатление и внесла некоторое замешательство. Многие из нас, сами ремесленницы, хорошо зная этот мир и большую

склонность к своей мастерской и вообще к своему собственному мещанскому благополучию, решили для себя центр тяжести перенести на заводы. Откололась небольшая группка, которая пошла за Л. Бронштейном, который и вел работу среди них. Наши ребята, относясь с большим уважением и даже с слабостью, я бы сказала, к этому несомненному, на наших глазах развивающемуся, таланту, отнесли этот грех за счет все той же широты народнического—читай, интеллигентского—мышления, которой грешил тогда тов. Л. Бронштейн. Мы утешались тем, что практически т. Бронштейн работает как марксист и были уверены, что революционная энергия выведет его от отживающего народничества на путь марксизма. Так или иначе, но вопрос был решен. Тут же на собрании вменилось в обязанность каждому из нас связаться с фабрикой или заводом. Были распределены силы, кто куда. Между прочим, это решение, как и много других наших совершенно конспиративных постановлений, вынесенных в присутствии провокатора Гандлера, стало известно жандармам, что можно видеть и теперь в архиве Одесского жандармского управления. Особенно солоно пришлось нам, ремесленницам. Хлопцы так или иначе уже работали на заводах и могли туда попасть. Наши девицы решали выйти из этого положения таким образом: работая где-нибудь в центре города, бегали часов в 5 утра на какую-нибудь фабрику—спичечную, пробочную или друтовую, которая обычно находилась за 3—4 версты от центра. Тут же, под видом «наниматься», удавалось завязывать связи, узнавать об условиях жизни фабрики, расценку и т. п., что для нас приобретало все большее и большее значение. Ведь у нас уже был свой рабочий орган, куда требовался материал. Да и где можно и нужно было осветить рабочую жизнь? Не помню, попадал ли вообще какой-нибудь материал из Одессы в «Рабочую Газету», но одна такая корреспонденция о николаевском движении и провале пишущей эти строки очутилась в жандармском управлении и по ней жандармерия строила нашу связь с Николаевом. Но спесясь с тов. Троцким мы решили отвести от себя это обвинение создав какую-то небылицу.

Факт существования «Рабочей Газеты» был большим стимулом и увеличивал энергию в работе.

В заключение мне хотелось бы несколько охарактеризовать одесскую работу второй половины 1897 года. В конце августа или в первых числах сентября мы получили первый № «Рабочей Газеты»; злободневных и очень серьезных вопросов у нас стояло два: 1) объединение южных организаций и 2) правильная постановка работы на местах. Что касается первого, то до известной степени соглашение было достигнуто. Мы уж довольно точно и правильно, как я уже отмечала, связались с Киевом, Кременчугом, Елисаветградом, Екатеринославом и совершенно регулярно с Николаевом, связались даже с работниками. Что же касается второго— планомерности в работе на местах, я бы сказала, никаких достижений — одни попытки; например, мне совершенно не помнится и думаю, что и не было у нас того, что было в Киеве и Николаеве и называлось Южно-Рус. Раб. Союзом или, хотя бы слово «Комитет». А между тем я была в самой гуще организации и, следовательно, не знать об этом не могла. Не помню совершенно, чтобы у нас была какая-нибудь печать. Ясно помню, что была касса, вносились взносы, был целый ряд конспиративных квартир, но не было организованного центра, за исключением нашей основной рабочей группы. А эта группа хотя решала, постановляла, но никак себя не называла и крещенье, по-моему, мы получили лишь, когда были арестованы жандармами. Работу свою мы вели, главным образом, посредством устной пропаганды и агитации. Эта ненормальность у нас чувствовалась все больше и больше. Была одна попытка к разработке плана нашей организации и поручено было т. Гринштейну этот план схематизировать. Он написал небольшую брошюру. Это было приблизительно в то же время, когда получили «Рабочую Газету». Брошюра эта нами на ограниченном собрании была одобрена. Был заготовлен гектограф, но несмотря на то, что все было готово к печати — света она не увидела. Это как раз совпало с приездом Финкельштейна и Макодзюба, привезших нам небольшой транспорт литературы; вместе с Гринштейном они отправились к Гандлеру на совещание, захватив брошюру для ознакомления с ней и распределения литературы. Но по выходе из квартиры Гандлера они были арестованы.

Этот арест внес большое замешательство в нашу работу, хотя была положительная сторона—каждый из нас стал думать, что дни наши сочтены и поэтому необходимо скорее закрепить свою работу; такое закрепление мы видели в том, чтобы скорее создать объединенный рабочий центр, который объединял бы все революционные организации, распределяя силы, пополняя там, где были провалы, новыми людьми и, наконец, давал директивы в работе, отсутствие которых так сильно чувствовалось. При каждом аресте когда вырывались работники, не всегда сохранялась преемственность. Поэтому, когда мы получили 2-ой номер «Рабочей Газеты», где обсуждались организационные вопросы — вопросы съезда были очень своевременны. Только съезд и мог создать тот центр, необходимость которого так ощущалась, очевидно, всеми организациями, и Одессой в особенности. После провала Гринштейна и Я. Финкельштейна жандармерия буквально неистовствовала. Объяснялось это тем, что наш провокатор надавал много обещаний на счет техники и транспорта. Никто больше не был арестован, но жандармы перерыли все наши конспиративные квартиры, ища злосчастную технику и транспорт. Техника случайно не была найдена в той квартире, где произведен был арест, и о которой знал наш провокатор, так как ее успели перенести в другое место. Использовать технику не удалось, так как все наши конспиративные квартиры были провалены, а за многими следили по пятам. Работая в течение 2—3 лет в мастерской, многие из хозяев нас уже узнали и работать становилось в таких условиях все труднее. Некоторым пришлось уходить к буржуазным дамам работать поденно. Отчасти нас принуждали партийные условия нашей работы. Некоторым из нас необходимо было принадлежать к партийным организациям. Тогда собственно началось то, что потом называли быть «профессионалом». Многие из нас в будущем и пошли, но в то время это было ужасно тяжело. Ведь для этого необходимы были хотя бы минимальные средства, которых у нас не было. Вопрос о едином партийном центре все назревал и назревал. Мысль, брошенная киевлянами о подготовке к самому съезду, была для одесситов очень желанным выходом. В предстоящем съезде видели разрешение всех проклятых вопросов; дальше работать, так сказать, без руля и без ветрил стало почти

невозможным. Слово «съезд» у настоящих подпольщиков у всех было на устах. Усугубил это желание николаевский провал, который был в январе 1898 г. Дело в том, что работа Николаева на юге России по тому времени считалась очень хорошей. И действительно, за такой короткий период— 8—10 мес.—Николаеву удалось сорганизовать 200—300 ч. Но к концу 1897 г., когда Одесса продолжала вести свою кружковщину,—только с той разницей, что рабочие вербовались не из ремесленников, а из заводского пролетариата— и только начинала переходить на массовую агитацию, Николаевцы в лице Бронштейна, стоя на противоположной точке зрения, всеже вели работу массовую. Об их организации знали и вне их кружков. В Одессе работа велась, может быть, более углубленная. Это видно было хотя бы из того, как держались на допросах. Все это, я бы сказала, носило кустарнический характер.

В декабре 1897 г. я, по поручению нашей группы, выехала в Николаев, но Л. Бронштейна и А. Соколовскую не застала. Они где-то отсиживались: готовились к неизбежному концу. У Соколовских застала только Илью Соколовского, который в тот же вечер выехал. Я же, оставшись еще на несколько дней и посоветовавшись с Марией и Гришей Соколовскими и Р. Вонской, на квартире которой я и остановилась: — решила, что лучше временно уехать. Отсюда я уехала в колонию Березнеговатую. Через короткое время меня известили о николаевском провале. Оставшиеся т. т. Каллафати, Вонская решили было выпустить листок, который имел целью поднять настроение у рабочих, с одной стороны, и отвлечь внимание—с другой. Это было в последних числах февраля 1898 г. Собрав точные сведения, как о провале вообще, так и об отдельных лицах, я выехала в Одессу. — За последнюю пару месяцев Одесса опять развернула работу и уже усиленно толковали о предстоящем съезде.

Непосвященным точно знать о съезде не полагалось. Было ли намечено нами, кто должен ехать на съезд—сейчас не помню. Было опять созвано общее собрание. В то время была переброска лиц и к нам попали новые товарищи, как О. Вольфсон и др. На этом собрании, на квартире М. Даргольца, был мною сделан доклад о положении дел в Николаеве.

Организованность николаевцев меня приводила в восторг и я не скупилась на дифирамбы их работе. Тут же как-то было предложено обо всем сообщить в «Рабочую Газету». Помню, что это предложение очень поддержал наш провокатор, предложив мне лично это сделать (ссылка на мою безграмотность не помогла: Ответ был: переписать сумеет М. Даргольц).

Он не поскупился польстить моему самолюбию. Все это ему, как мы потом убедились, нужно было для жандармерии. Я же, действительно, была в восторге от николаевской работы и исполнила возложенную на меня обязанность. Работа в это время в Одессе стала лихорадочной. Я и Даргольц занялись специально партийной работой. Появилась литература. Нужно было заняться распространением ее внутри и вне Одессы.

Приближался день съезда. Мы все готовились к этому дню, но и жандармерия готовилась по своему, и в ночь с 10 на 11 марта устроила всеобщий провал почти всех южнорусских организаций. В эту ночь в Одессе было арестовано 34 человека. Во главе списка, который был случайно оставлен жандармами на моей квартире при аресте, красовалась фамилия М. Даргольца, именем которого они окрестили Одесское дело. По моему, нашу работу переоценили и зря поставили нас во главу угла и также зря дали Даргольцу 4 года Восточной Сибири, когда другим давали по 2 — 3 года.

Итак, вместо результатов долгожданного съезда,—всеобщий южный провал. Одесская жандармерия взяла в этом деле пальму первенства. Из всех городов, кроме Киева, арестованные были свезены в Одессу, а именно: из Елисаветграда, Екатеринослава и Николаева. Тут мы поняли, что засели надолго. Настроение у большинства было очень хорошее.

Решили использовать время для пополнения своих знаний. Вообще же, должна сказать, большинство из нас чувствовало себя совсем недурно, особенно, когда нас перестали трепать допросами и удалось получить литературу. Мы начали серьезно заниматься. Особенно в мужском корпусе дело обстояло хорошо: читались рефераты и доклады. Через несколько времени наших женщин, самых неугомонных, человек 10, перевели в мужской корпус (в наказание), так

как женский тюремный персонал не мог с нами справиться. Мы были этому очень рады. Значительно облегчилась связь с товарищами мужчинами, которые серьезно занимались. К нам стала попадать периодическая печать; помню, как получили журнал «Научное Обозрение». Несмотря на всю бдительность наших церберов, мы в тюрьме же узнали о состоявшемся первом партийном съезде. Многим из нас это извещение придало больше бодрости и уверенности в нашем будущем: так как наконец, оформлено и положено начало тому великому делу, которому мы себя посвятили. О дальнейшей работе, 2-ом съезде, 1905 годе, тюрьмах, ссылке, побеге, подполье, Деникинщине, Махновщине и т. д., до следующего благоприятного случая.

Санатория Гребнево
20/II—1923 г.

Ц. И. Даргольц (Липовецкая).

Кременчуг накануне первого съезда Р. С.-Д. Р. П.

Начало рабочего движения в Кременчуге надо отнести к 1897 г. До этого времени местная интеллигенция вела просветительную работу в кружках смешанного состава. Изучали литературу, философию, политическую экономию. Читали и Лаврова, и Михайловского, и Бельтова, и Чернышевского, и Добролюбова, и Писарева, и много других хороших книг, среди которых попадались и нелегальные.

Был даже кружок марксистского направления, которым с большой любовью и уменьем руководил Абрам Захарович Соркинд.

Особенностью этих кружков, в том числе и нашего марксистского, являлось отсутствие мысли о практической революционной работе, которая сама собою откладывалась в далекое будущее, ибо чем шире становился наш кругозор и развивались умственные запросы, тем больше хотелось учиться. Рабочие, вкрапленные в эти смешанные кружки, соприкасаясь с интеллигенцией и учащейся молодежью, имели также возможность, получая «даровые уроки», пройти курс учебного заведения и очень часто начинали «экстерничать». Среди работниц было в моде поступать на фельдшерские и акушерские курсы.

Это мирное житие нашего города нарушила группа гомельских работников, с приездом которых связано начало рабочего движения в Кременчуге.

Ольга Вольфсон, Айзик Поляк, Алтер Драбкин, Клара — это они первые заговорили о «стачке», об «агитации» в противовес бесконечному «накоплению знаний». Они научили нас организовывать чисто рабочие кружки, участники которых не только читали Эрфуртскую программу, Коммунистический манифест, но и «делали стачки».

Особенно большие заслуги в этом отношении надо признать за Олей Вольфсон.

Пламенный революционер, обаятельный человек, умница, всегда веселая, остроумная — она всех заражала энергией, несмотря на то, что сама была хрупкая, миниатюрная.

Меня познакомил с Олей Марк Орлов, который первый из местных интеллигентов, примкнув к марксизму, сразу принялся за планомерную организацию рабочих кружков и стачечной борьбы. Ему первому и пришлось вынести на себе недоброжелательное отношение «старшего поколения», так как наши учителя считали такую работу преждевременной, а нас недостаточно к ней подготовленными, недостаточно образованными, чересчур молодыми.

Что касается меня, то я (а, кажется, и не только я одна) была склонна думать, что они, пожалуй, правы; что надо, действительно, еще долго учиться, чтобы иметь право учить других.

Оля рассеяла мои колебания своей неутомимой, самоотверженной работой в подполье, где она, несмотря на свою молодость и слабое здоровье, работала уже не первый год.

Убедить меня в том, что я обладаю знаниями гораздо бо́льшими, чем те малограмотные рабочие и работницы, которым я должна была популярно излагать учение Маркса, было, конечно, не трудно. И вскоре была брошена не только мысль об университете и многолетнем накоплении знаний, но даже мысль об окончании гимназии, ибо стремление получить диплом казалось почти преступлением, когда учеба мешала революционной работе.

Весь 1897 год прошел у нас в живой, кипучей деятельности. Были установлены связи с табачниками, железнодорожниками, мельничными рабочими, конфетницами, порт

ными и др. Велась усиленная пропаганда в рабочих кружках. Устраивались «массовки», были проведены забастовки портных, белошвеек, мельничных рабочих, табачниц. Были налажены сношения с Киевом и Екатеринославом откуда мы получали нелегальную литературу, что касается Киева, то, насколько помню, оттуда получались руководящие указания, связанные в моей памяти с именем Б. Л. Эйдельмана.

Интеллигентов было мало. Кроме уже упомянутых выше товарищей, работали в это время Григорий Розенберг и Борис Тиркельтауб. Зато рабочих, которые с величайшей преданностью и энергией вели подпольную работу, было человек 15.

К сожалению, я не помню, а в большинстве случаев и не знала, фамилии этих товарищей, так как мы, обычно, называли друг друга по имени. Но кременчужане, принимавшие тогда участие в подпольной работе, конечно, помнят Якова, Шифру, Зелика, Эстер, Маню, Зину Тикоцкую, Клару.

Р. Л.

Воспоминания работницы табачной фабрики Быстрицкой, участницы ростовского движения в 90-х годах.

К 1892 году в городе Ростове насчитывалось: две табачные фабрики с 3.000 рабочих, железнодорожные мастерские—2.000 рабочих, депо и завод Пастухова, на каждом по несколько сот человек и еще несколько мелких фабрик и заводов.

Рабочие были почти сплошь неграмотны. По социальному положению мелкие мещане или домовладельцы.

Лишь в депо и мастерских выделялись грамотностью квалифицированные рабочие. Темнота на табачных фабриках была так велика, что театр считали неприличным местом. Слово социализм уже знали, но оно произносилось шопотом, с ужасом.

Некоторые мне рассказывали, что социалистов сажают в железные башни, где они бесследно пропадают.

При таком положении вещей, будучи работницей на табачной фабрике Асмолова, еще подростком я выделялась грамотностью, которой обязана своей семье. О борьбе и политике я услышала впервые от своего брата Торсуева.

К этому времени я познакомилась с слесарем железно-дор. мастерских Прокофьевым.

Он, узнав, что я интересуюсь политикой, постарался вовлечь меня в работу. Дал мне программу чтения, снабдил нелегальной литературой и от имени группы социалистов просил меня начать пропаганду на фабрике. Но в то время о политической работе нельзя было и думать. Для начала, пришлось учить грамоте в обед, завтрак и даже во время работы. А иногда беседовать о тяжелом положении на фабрике. Условия труда были действительно каторжные. Зимой работали 14, а летом 18 часов, причем во время Макарьевской ярмарки,—без обеденного отдыха. Расценки женского труда начинались от 10 коп. до 60. Приказчики были грубы и циничны. Вентиляция отсутствовала. Мужчины на сдельной работе получали до рубля, месячные получали 12 рублей. Эти тяжелые условия давали материал для разговоров, но они же тормозили работу. Времени не хватало не то что для учения, но и для отдыха. Лично мне приходилось читать по ночам. За год мне удалось выучить чтению группу около сорока человек. Им я стала приносить легальную литературу. К этому времени меня нашли годной войти в кружок в составе: Прокофьева, Горбунова (рабочие) и Торсуева (приказчик). Тут я узнала, что в городе существует кружок интеллигентов. У них имелась библиотека, они сообщались с Москвой и заграницей, откуда получали инструкции. Основание этому кружку лет 6 назад положили ссыльные. Они проникали на фабрики и заводы и даже печатали в Таганроге нелегальную газету. За три года перед этим они подготовляли стачку мастерских. Но она не удалась, и из Ростова были высланы Волк, Козин и Шестопалов в Вологодскую губернию. А также провалилась табачная лавочка — место связи, мнимый приказчик которой Болдырев также был выслан. Недавно один из работников этого кружка Ветров был арестован полицией, его сбили на провокацию и выпустили. Но он явился в кружок и все рассказал. Ему было предложено покончить жизнь самоубийством, и он отравился.

В силу всего этого политическая работа заглохла. Наш кружок начал новое дело, питаясь литературой из обособленного, почти растаявшего кружка интеллигентов. Кружок получился смешанный. Торсуев уже был знаком с учением

Маркса и предложил читать «К развитию монистического взгляда на историю» Плеханова. Горбунов и Прокофьев стояли за «Экономические записки» Карышева, В. В., Михайловского и прочих народников. Я же хотела узнать, как можно больше, и читала и то и другое. Торсуев вел непрерывную полемику с народниками. В это время Торсуев вошел в связь с другим вновь образовавшимся кружком, организованным псаломщиком под кличкой Павел. Павел же организовал кружок из рабочих за Темерником. Но эти кружки просуществовали недолго. Тетка одного рабочего, у которого они собирались, выдала кружок полиции.

Павел был арестован. На допросах он прикинулся сумасшедшим. Полиция провозилась с ним два месяца и выпустила. Но его отрешили от сана и запретили учительствовать. Он впал в крайнюю нужду, так как не принимал ни от кого помощи и вскоре уехал в Америку. Наш же кружок просуществовал полтора года. За это время нами было много прочитано. Читали Иванюкова, Тугана, Железнова, Гегеля, Плеханова, Каутского и всех народников.

Горбунов и Прокофьев выбыли, сказав, что им надоела политика. Но кружок от этого не пострадал. Я привлекла трех работниц и одну швею, а Торсуев железнодорожного рабочего Мочалова, который вел работу как в мастерских, так и на тряпичной фабрике Панченко.

К этому времени возвратились из ссылки Козин, Шестопалов, Волк и Болдырев. Они влились к нам, хотя и не посещали регулярно кружок. Имея старые связи на заводах, они вели там экономическую пропаганду. В это время Торсуев углубился в философию, стал индивидуалистом и вышел из кружка. Но он всегда сочувствовал социал-демократическому движению. К концу третьего года наш кружок стал чисто марксистским. Читали «Капитал» и прочую литературу по историческому материализму.

Однажды, в 1895 году к нам приехал из Бельгии политический эмигрант. Он привез много литературы, инструкций и пожелал познакомиться с местными работниками. Мы, в количестве 5 человек, собрались за Доном. В большой речи приезжий указал нам на рост иностранного капитала на юге России (сталелитейные заводы в Таганроге и Керчи). Исходя из этого, он рекомендовал нам поставить работу по примеру

заграничной социал-демократии, т.-е. образовать комитет, разделить город на районы. Каждый комитетчик должен был организовать районный кружок из рабочих. Каждый член этих кружков должен организовать кружок на месте работы.

Литературу он передал в кружок интеллигентов, связь с которыми должен был иметь лишь один член комитета.

К этому времени приехали из Харькова политические работники—Фофанов, Серебряков и старый рабочий «дядя Яша».

И вот в 1895 году был организован Донской комитет российской социал-демократической рабочей партии. В основании его участвовали: Фофанов, Мочалов, я (Быстрицкая), Мелешко, Тимохин и студент Кривобоков, связавший нас с Москвой. Я, Мочалов и Фофанов взялись организовать районы. Фофанов же вел сношения с Москвой. Для Мелешки был набран кружок рабочих, с которыми он и занимался у себя на квартире. Тимохин работал среди банковых, газетных и других интеллигентных профессий работников, а также заботился о добывании литературы.

Комитет выработал соц.-демократическую программу. При организации районов мы почувствовали, что пять лет прошедшей работы не прошли даром. Нам удалось организовать 10 кружков, по 6 человек в каждом. Мелешко взял 1, Мочалов 2, Фофанов 2, я взяла 4, и приезжий из Москвы студент Кривобоков (Невский)—1 кружок, он же привез инструкции из Москвы.

Летняя работа протекла так успешно, что на встрече нового года, устроенной для подсчета сил, собралось 60 человек организованных рабочих. Из них 20 человек были из кружка пропагандистов, с которым велась особенно усиленная работа. С ними мы проходили: историю культуры Липперта, Энгельса, Каутского, Летурно, I том Капитала, Плеханова и серию книг по истории Французской революции. Каждый из рабочих, пробывший $1/2$ года в кружке пропагандистов, был обязан организовать свой кружок на месте работы, в котором он должен был вести разговоры об экономической борьбе, читать мелкие брошюры «Эмма» Швейцера и ряд нелегальных книг, приходивших из Москвы. Комитетчикам, кроме своих кружков, приходилось бывать и в других мелких—инструкторами. У рабочих была жажда к

самым разнообразным знаниям. Приходилось отвечать на вопросы о любви, астрономии, боге, физике и так далее.

Тем комитетчикам, кто не имел университетского образования, приходилось читать ночами, чтобы быть в состоянии ответить на все эти разнообразные вопросы. Комитетом была организована касса взаимопомощи. Взнос взимался в зависимости от жалованья. Кассиром была выбрана я. Вообще время было дорого. В кружках, состоящих из работниц и рабочих, появились праздные разговоры. Я предложила ввести дисциплину. Невнимательному предлагалось повторить, что говорил пропагандист и на следующий раз приготовить реферат по пройденному. За опоздание взимался штраф от 5 до 20 копеек.

Работа в таком масштабе продолжалась до 1898 года. Чтобы как можно дольше сохранить р ботников от провала, приходилось комитет окружать непроницаемой тайной. Комитетчики, работавшие на фабриках и заводах, говорили о себе как о связующем звене. О комитете же мы говорили, что там сидят люди могучие, ведущие сношения с заграницей и Москвой и не всегда имеющие место жительства в Ростове. На случай провала комитета, среди пропагандистов были выделены несколько активных рабочих. Им был дан адрес комитетчика Тимохина, который не работал на заводах.

Конспирация была настолько строга, что комитетчики не переписывались, не снимались, не записывали адресов. Отправляясь на работу в кружки, они гримировались, а возвращаясь домой, кружили по городу. Благодаря этому, за 3 года из комитета никто не был арестован, за исключением Козина, который работал эпизодически и был арестован 2 раза. За все время ни разу не удалось провести забастовки, так как в комитете имелась тенденция сохранять силы. В кружках пропагандистов появилась утонченность, а среди рабочих масс—застой. В силу этого комитет решил вступить на агитационный путь. К первому маю 1898 г. были составлены прокламации, в которых была указана цель праздника, как проводится он за границей и предполагалось не выходить на работу.

Расклейку прокламаций взяли на себя Мочалов, я и Полина Чайченко. Прокламации были расклеены на всех правительственных учреждениях города, на фабриках и за-

водах, на главных улицах и в городском саду. Даже удалось наклеить несколько штук на парадном жандармского управления. Рабочим были выданы пачки прокламаций для разброски на станках в своих предприятиях, за день до праздника. К утру первого мая на строящейся колокольне Богатянской церкви было повешено знамя товарищем под кличкой «Анархист». На знамени было написано: Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Да здравствует Росс. Соц.-Дем. Раб. Партия! Долой существующий строй! Леса были разобраны, так что знамя висело 3 часа, пока жандармы догадались позвать пожарных. Все это наделало массу шума по городу, вызвало большое оживление среди рабочих и подняло на ноги всю полицию и жандармерию. Была вызвана сотня казаков из Новочеркасска. Но никто из работников не пострадал. Только были арестованы наудачу кое-кто из ссыльных интеллигентов. Комитет с этого времени в глазах рабочих приобрел огромное значение. Вскоре приехали из Луганска, Иваново-Вознесенска, Сулина, Тулы и Таганрога несколько рабочих. Они влились в ростовское движение. Оказалось, что в Баку, Таганроге, Сулине и Луганске работа была слабая. Донской комитет завязал связи с этими городами. В Сулин была послана Полина Чайченко с литературой. В Луганск поехали рядовые работники с целью пропаганды. В Таганрог выехали Шестопалов и Копин. В Новороссийск—Ипат. Приезжие из Иваново-Вознесенска и Тулы 10 человек начали бунтовать и указывать на необходимость углубления и расширения работы. Они потребовали через Афанасьева связи с комитетом. Так как они уже агитировали на заводах, комитет, чтоб дисциплинировать их силы, устроил собрание за Доном, где от комитета присутствовала я. От иваново-вознесенцев были Орехов, Кудряшев, Туляков, Ванечка, Юрий и Афанасьев-Ростовский. Возникли прения. Иваново-вознесенцы предложили массовки и агитацию на заводах. Массовки были приняты. Агитация отклонена ввиду возможности провалов.

Вскоре комитет сделал добавку к старой программе — массовки и политическая борьба. За лето в Балабановой роще за Темерником и за Доном были проведены около 20 массовок с присутствием от 20 до 60 человек.

Так как работа в Баку шла слабо, туда выехали Орехов и Ипат. Там они наладили дело в два месяца. Орехов вернулся и по своему неуравновешанному характеру застрелился с работницей Наташей Рейнгард. За зиму 1898—1899 г.г. работа росла и вширь и вглубь. Было организовано до 20 кружков. Особенное внимание комитет обратил на пропагандистов. Занятия в их кружках шли по нескольку раз в неделю. Среди пропагандистов выдвинулись: Иван Славский — хороший работник и организатор, рискующий всем для дела, ведший агитацию, привлекавший новых членов и предоставивший даже свою квартиру для работы кружков, явок и сходок, «Анархист» — предприимчивый и смелый работник Гущин Иван, также выделявшийся в рядах пропагандистов; приезжий, под кличкой «Рыжий» — человек очень энергичный, благодаря которому удалось наладить систематический выпуск листовок, в которых указывалось на тяжелое положение на фабриках и призывались рабочие к забастовкам; Кузьмич, работавший в гуще — в депо и мастерских.

С весны 1899 года нам удалось, благодаря энергичной работе, привлечь большое количество рабочих депо и мастерских Владикавказских ж. д., в том числе и рабочего Менделя, который привлекал почти ежедневно новых членов в кружки, но отличался странными вопросами и нелепыми предложениями. Работа кружков окончательно приняла характер массовок, которыми руководили комитетчики. Массовки были разбиты по районам. В моем районе оказался Мендель.

Предшествующая усиленная работа в развитии ростовского движения вызвала со стороны жандармов усиленную слежку. Появилась масса новых филеров, ходили слухи, что есть провокаторы. А также появился бывший провокатор Гудзон, который был открыт в начале 90-х годов и после многих побоев со стороны рабочих стал опознавателем приезжих работников на вокзале.

Ввиду странности Менделя и наплыва неорганизованных рабочих меня решено было законспирировать, дав кличку «Вера Васильевна». К этому времени поступили сведения, что во Владикавказских мастерских мастер Раков ведет агитацию и призывает рабочих к забастовке и организации. Я

предложила Менделю, который лично знал Ракова, свести меня с Раковым для переговоров. Я взяла несколько нелегальных брошюр и, чтоб не обнаружить себя перед Раковым, мелкие рассказы Горького, которые я и читала при его приходе. Мендель начал раскладывать литературу, хотя я и говорила, что мы не для этого пришли. Раков не обратил на литературу внимания и повел себя странно. После этого я не стала вести с ним разговоров, увидя в нем если не провокатора, то человека которого нужно остерегаться. Менделю же я не подала вида. Спустя неделю Мендель и Раков были арестованы и разнеслись слухи, что они выдают. Вскоре Раков был выпущен, но все к нему стали относиться, как к провокатору. Места собрания были переменены и работа продолжалась. Хотя квартиры комитетчиков никто из новичков не знал, но во всех окружающих обстоятельствах чувствовалась напряженность.

В Ростове в то время существовала легальная литературка, в которой собирались все работники, но держались друг от друга в стороне.

На одной из лекций был опознан в костюме священника Мендель. Все комитетчики были оповещены и разошлись по домам. В этот вечер Раков был избит рабочими у литературки. Возвращаясь домой, я заметила у своей квартиры Гудзова. На следующее утро у квартиры стояло пять филеров. Но мне их удалось провести, переодев в свой костюм сестру. В этот же вечер я выехала из Ростова в Новороссийск.

После моего отъезда в районе мастерских Влдк. ж. д. было арестовано около 40 человек, в том числе член комитета Фофанов. Козин и Ипат были арестованы в Новороссийске. По письму, найденному у Ипата в Ростове, арестовали Мочалова. Но он отказался от письма, пользуясь тем, что оно не подписано фамилией, и был выпущен. Но силы в Ростове были так велики, что работа продолжалась. Выпускали прокламации, но работа в кружках, во избежание дальнейших провалов, была прекращена.

Через полгода я была вызвана комитетом в Ростов. Жандармский полковник Артемьев говорил всем арестованным на допросах, что никого не выпустит пока не арестует меня. По его мнению, я где-то на Кавказе выпускала про-

Е. Торсуева.

Ц. Даргольц.

М. Даргольц.

В. Таратута.

кламации и пересылала их в Ростов. Я приехала в Ростов и добровольно села в тюрьму. Следствие было закончено, часть работников была выслана в Новочеркаск, часть выпущена. Работа все же продолжалась подготовленными пропагандистами. Кружки собирались в Нахичевани. К 1 маю 1900 года жандармы арестовали около 50 человек приезжих студентов и кое-кого из интеллигенции. Но этот май прошел тихо и все арестованные были выпущены, часть совсем, а часть под гласный надзор, в том числе и я. Каждый год из Москвы приезжали студенты, привозили литературу и связи. В 1900 году ростовские студенты Кривобоков (В. И. Невский), его жена Любовь Васильевна и Резанов были арестованы в Москве. После 19-ти дневной голодовки Резанов был выпущен под гласный надзор и прибыл в Ростов для восстановления связи.

Через Кузьмича и других работников он получил явку ко мне, так как я вернулась к работе. Им было предложено организовать типографию в районе Ростова; он указал, где взять шрифт.

Шрифт был взят «Анархистом» из областной типографии. Сначала он хотел поступить в типографию рабочим. Но осмотревшись на месте, он решил дело сделать скорей. Пробравшись ночью на двор типографии, он влез в форточку, забрал весь набор до 8 пудов веса в мешки и вынес его в окно на улицу.

Шрифт был доставлен в Ростов. Типографию поместили в окрестностях Ростова, под видом бакалейной лавки. Работать туда поехали «Анархист», Раиса Старкова и Ставский (младший). Быстро устроившись, они стали печатать прокламации и даже предполагали издавать там газету.

В комитет за это время вошли новые члены: Хавкин, Эшенский, Локерман. В 1901 году решили праздновать новый год. Участников было так много, что всю ночь сменялись группы членов. На несколько кварталов были расставлены часовые. Зарегистрировали до 400 организованных рабочих. Во время речей возник вопрос о переходе к политической борьбе. Часть работников стояла за старую политику экономической борьбы, другая же требовала присоединения и политической борьбы. Вторые победили. На 19 февраля была назначена демонстрация. Устроители разделились по

районам. Одни должны были привести рабочих мастерских и депо, другие — рабочих табачных фабрик. Шествие должно было итти по Садовой. Заготовлены были прокламации и знамена. По стройной демонстрации не получилось. Рабочих табачных фабрик совершенно неожиданно распустили раньше обыкновенного, и они разошлись по домам. Нахичеванская группа опоздала. В шествии участвовали только железнодорожники. При виде небольшого количества демонстрантов полиция стала напирать, бросилась к знамени. В защиту знамени раздался выстрел, которым был убит пристав. Был арестован Хавкин Владимир. Нахичеванцы ограничились разброской прокламаций.

Я и Резанов бежали из Ростова. Эта демонстрация положила начало политической борьбе и привела к крупной стачке железно-дорожных мастерских.

Е. Торсуева (Быстрицкая.)

Добавление от редакции.

Автор воспоминаний Елизавета Викторовна Торсуева, она же Быстрицкая или попросту Лиза, как ее звали в ростовской организации, одна из самых старейших участниц южно-русского рабочего движения с 1892 года. Фабричная работница-табачница, она в 1895 году, когда я познакомился с нею, уже тогда выделялась своим развитием: — начитанностью, теоретической подготовкой и уменьем подходить к рабочим. Высокая, стройная, необыкновенно привлекательной наружности, веселая, смелая и остроумная, она быстро завязывала связи как с серой рабочей массой, так и с радикальной интеллигенцией. Рабочие и особенно работницы, увлеченные ею в организацию, находили у Лизы всегда доброе слово участия, совет и книжку, которых у нее в ее чистенькой комнатке было всегда достаточно.

Лиза поражала всех своею интеллигентностью, уменьем держаться и импонировать даже самым важным и образованным интеллигентам. Этому не мало способствовала вообще та атмосфера умственных интересов, какая царила в доме Торсуевых, из которых выделялся Василий Викторович Торсуев. Он служил где-то приказчиком. Но этот с виду простой

приказчик был в те времена одним из самых образованных революционеров в Ростове-на-Дону. Он был, несомненно, выдающимся человеком и одним из первых марксистов, предложивших изучать рабочим и работницам Маркса и Плеханова. Он же и его сестра Лиза Торсуева связали новые ростовские рабочие кружки с остатками старых революционных кружков, организованных в Ростове-на-Дону еще в середине и в конце восьмидесятых годов. Связь эта шла через рабочих Козина и Болдырева, «мнимого приказчика» табачной лавочки, как выражается Лиза; Болдырев, повидимому, был еще членом мотовиловского кружка. Мотовиловский же кружок, как это теперь с несомненностью установлено по делам, имеющимся в Историко-революционном архиве в Петрограде, был связан с Ювеналием Дмитриевичем Мельниковым, да пожалуй Мельниковым и был организован [1]). Как это видно из дел о Мельникове и о Мотовилове (Мельников и Мотовилов были связаны одним и тем же провокатором Курелюком), программа этих первоначальных мотовиловских кружков была чем-то средним, переходным от народничества к марксизму. В мотовиловском и в мельниковском кружках еще только начинали знакомиться с марксизмом, а в кружке Торсуевых, о котором говорит автор воспоминаний, уже серьезно изучали основы научного социализма (чтение книги Плеханова «К развитию монистического взгляда на историю»), и потому можно по справедливости считать эти торсуевские кружки первыми марксистскими кружками в Ростове-на Дону, да, пожалуй, и вообще на юго-востоке России в 1892—1895 годах. Таким образом теперь на основании документальных данных и показаний участников рабочего движения можно установить такую связь между Киевом, Харьковом и Ростовом-на-Дону: в конце 80-х в Харькове и в начале 90-х годов в Киеве действовал Ю. Д. Мельников, который, образовавши рабочие кружки в Харькове, организовал такие же кружки и в Ростове-на-Дону (связь с мотовиловской ростовской организацией); остатки этих кружков, как в Харькове, так и в Киеве (кружки Мельникова и Эйдельмана) и в Ростове-на-Дону

---

[1]) О поездках Мельникова в Ростов из Харькова см. в статье В. Невского в сборн. «От группы Благоева к союзу Борьбы».

(Торсуева) и были связью между рабочим революционным движением конца 80-х и начала 90-х годов. В свою очередь, ростовский кружок завязал связи с Новороссийском, Баку, Таганрогом, Сулином и прочими, близкими к Ростову, пунктами.

К фактической стороне воспоминаний Л. Торсуевой остается мало что прибавить. Связь ростовского торсуевско-козинского кружка с Москвой указана неточно. Студент Ф. И. Кривобоков (В. И. Невский) связался с торсуевским кружком в 1895 году, но только он был тогда еще не студентом, а кончающим гимназистом. Знакомство произошло через двух рабочих, фамилия одного из которых Солдатов. Связь Ростова с Москвой началась только в 1897 году, когда В. И. Невский, действительно, стал студентом и марксистом. Точно так же неправильно и включение в Донской комитет 1895 г. студента Фофанова. Фофанов («Фертанфро Портсигарыч»), приехал в Ростов-на-Дону значительно позже, именно в конце 1899 или в начале 1900 года. Донской комитет (так назвало себя первоначальное ядро, о котором говорит Торсуева) образовался, действительно, в 1895—1896 годах, это был так сказать первый призыв, который нужно отличать от последующих призывов 1900—1901 годов. Связь с Москвой очень деятельно поддерживалась и особенно укрепилась, когда к 1899 году Кривобокову (В. И. Невскому), Любови Васильевне Филипповой-Сафоновой, Александру Федоровичу Нефедову и Петру Ивановичу Квите удалось организовать в Москве довольно сильные кружки, действовавшие в 1897—1900 годах (связи на заводе Гужона, Листа, Прохорова, Гакенталя, Добровых и Набгольц); в 1899 г. провалились Кривобоков (В. И. Невский), Нефедов и Квита, студенты и рабочий Капустин. А. И. Елизарова помнит, как Московский комитет пытался связаться с этой группой. Из Москвы в Ростов студ. Нефедовым и Невским доставлялась литература, а из Ростова—деньги в Москву. В 1900 г. были арестованы Кривобоков (В. И. Невский), Филиппова и др. Выйдя из тюрьмы, курсистка Л. В. Филиппова и врач М. М. Резанов попали в 1901 году (а не в 1900 году, как говорит Торсуева) в Ростов-на-Дону и вступили в ростовскую организацию.

Необходимо сказать еще несколько слов о двух, трех товарищах, упоминаемых Лизой Торсуевой — Раисе Федоровне

Старковой, ее муже и Кузьмиче. Р. Ф. Старкова—дочь зажиточного ростовского лесоторговца, училась на курсах Лесгафта. В 1900 году она примкнула к соц.-демократическому движению, была выслана из Петербурга на родину и вышла замуж за рабочего, носившего кличку «Анархист». С тех пор она до самой смерти работала, не покладая рук, на организацию, то в качестве пропагандистки, то в качестве нелегальной наборщицы, несмотря на то, что она была обременена огромной семьей и в последние годы много вытерпела от мужа. Умерла она в страшной нужде в Новочеркасске.

Интересными фигурами движения были и доселе здравствующий Кузьмич (Дмитрий Кузьмич Тимофеев живет в Москве), Мочалов, Козин, Резанов, Ставский, Прагин и др., но о них, как и обо всем движении нужно писать целую книгу... Мелешко и Тимохин после 1905 года отошли от движения.

Социал.-демокр. работа в городах района Бунда, связанных с Киевом в 90-х годах.

Социал-демократическая работа в Витебске в 90-х годах.

(Из воспоминаний партийного типографа.)

> «Каждый член партии должен иметь свою полочку».
> (Из речей Н. Ленина в 1903 г.).
> «Как един рабочий класс каждой страны, так и должна быть единой его партия».
> (Из резолюции когда-то славного II интернационала.)

Весною 1896 г. группа марксистов г. Витебска, или «учеников» (как их тогда называли), решила перейти из стадии теоретической подготовки к практическому осуществлению своих идей. Эта группа состояла из рабочих (слесарей и переплетчиков) и 2—3 так называемых полуинтеллигентов.

Свою подготовку эта группа получила сначала в «кружке саморазвития» без определенных руководителей, а в 1893—1895 г.г. часть этой группы проштудировала некоторые сочинения Маркса под руководством сосланных под надзор поли-

ции в Витебск из Екатеринослава Матвея Александровича Соковнина—Заславского[1]) и его жены Паулины Яковлевны Дубинской.

В то время, когда со стороны теоретической подготовки эта группа чувствовала себя довольно твердо, отсутствие практической работы давало себя знать.

Было решено разослать некоторых из этой группы в разные города, где уже велась практическая работа, или, по крайней мере, таковая должна была вестись, с тем, чтоб через некоторое время вновь прибыть в Витебск для того, чтоб поделиться впечатлениями из разных мест и этим проверить наши теоретические познания, на основании опыта.

Наши товарищи побывали в Вильно, Минске, Могилеве, Гомеле, Киеве, Кременчуге, Полтаве, Феодосии. Пишущий эти строки направился в Екатеринослав, где и пробыл около 6 месяцев. Оттуда я поехал в Полтаву, чтобы встретиться там с 2-мя другими товарищами и оттуда вместе направиться в Витебск, как было условлено.

В апреле 1897 г. наши товарищи съехались. К тому времени приехал из-за границы наш общий знакомый З. Гуревич[2]). Решили наше совещание провести не так, как обыкновенно велись у нас собеседования—по семейному,—а официально, т.-е. запротоколировать наши решения, и этим зафиксировать нашу, так сказать, программу. На этих заседаниях присутствовали: три брата Гуревичей: («Борис», «Эммануил» и «Матвей»)[3])

---

[1]) Заславский Матвей Александрович и Дубинская Паулина Яковлевна— были высланы из Ростова в Витебск под надзор полиции, где они учительствовали. Кроме того, Заславский работал в железнодорожных мастерских в качестве ученика-слесаря. По окончании срока высылки переехали в Екатеринослав, там они постепенно начали отставать от партийной работы. С тех пор я их потерял из виду.

[2]) Гуревич Залман.—Впоследствии занимал ответственные посты в рядах Р. С.-Д. Р. П., как на нелегальной работе в России, так и за границей. Партийная кличка «Буров». В настоящее время живет в Витебске.

[3]) Три брата Гуревичей: а) Самуил—«Борис»—был арестован в Кременчуге в конце 18?7 года, сидел в Одессе, оттуда была сослан в Восточную Сибирь. После ссылки работал в Екатеринославском комитете Р. С.-Д. Р. П. (1903). В конце 1903 г. эмигрировал в Женеву. В настоящее время работает в Петрограде на Государственном заводе и считает себя беспартийным. б) Мендель—«Эммануил»—после 9-ти месячного тюремного заключения был освобожден под надзор полиции. Проработав еще года полтора в Двинске, эмигрировал в Америку. В настоящее время член ком-

Плагов, Б. [1]), Абрамов, И. [2]), Шалыт, М. [3]), Минц, В. [4]), Рабкин [5])—«Исаак» и пишущий эти строки—«Илья».

Хотя приезжий из-за границы З. Гуревич и не был членом нашего кружка но, ввиду важности тех сведений, которые он мог нам дать из за границы, мы решили его пригласить. И он присутствовал на равных правах со всеми нами.

Эти заседания велись под председательством «Бориса» и им же в общем формулировались наши решения. Заседания, которые длились дней 8—10, происходили на квартире отца И. Абрамова, по соседству с губернской тюрьмой.

После докладов с мест, в которых каждый делился своими впечатлениями, мы решили формулировать краткую программу. Оживленную дисскусию вызвало название нашей, если не партии, то организации.

Как я уже упомянул, наша группа прошла довольно основательно теорию современного рабочего движении. Естественно, что другого названия как с.-д. и не мыслили наши товарищи. Но наши встречи в других городах с нарождающимся «экономизмом», а, главное, рассказы З. Гуревича о том, что между группой «Освобожд. Труда» и другими марксистами уже тогда начались споры, заставили нас после горячей дискуссии прибавить к с.-д. еще слово революционная.

Само собою разумеется, что назвать нашу группу—«партия» никто и не думал.

партии Сев.-Ам. Соед. Штатов. в) «Матвей»—отошел от партийной работы и ушел весь в работу по статистике при земстве. В настоящее время занимает ответственный пост по своей специальности в Харькове—беспартийный.

[1]) Плагов, Б.—После совещания остался работать в Витебске, где умер от истощения в 1898 г.

[2]) Абрамов, И. — «Адольф».—После совещания остался работать в Витебске, присутствовал на I съезде «Бунда». Вскоре эмигрировал в Женеву. В настоящее время член Р.К.П. и работает в Невеле, Витебской губ., в качестве зав. Уздравотделом.

[3]) Шалыт, М.—Вскоре после совещания эмигрировал в Канаду и, повидимому, отошел от партийной работы.

[4]) Минцы, В. и З. — работали в Витебской и двинской организациях, откуда эмигрировали сначала в Лондон, а потом в Америку.

[5]) Рабкин, Исар—«Исаак»—в конце 1897 года уехал из Екатеринослава. Примкнув к Бунду, он занимал в продолжение многих лет ответственные посты, главным образом, по организации нелегальных типографий. В настоящее время живет в Москве (беспартийный).

Это была просто формулировка теоретических и практических итогов нашей подготовительной работы [1]).

Было решено, до поры до времени, не предавать гласности результаты нашего совещания, а передать одному из наших друзей—племяннику В. Минца (переплетчику З. Минцу) на хранение, — заделать в переплет какой-либо книги. Мы тогда полагали, что такого рода совещания у нас будут часто и при первой возможности мы бы эту программу проверили и, если тому встретилась бы надобность, опубликовали.

«Революционер полагает, а жандармы располагают», — говаривали часто наши товарищи. В данном случае так и сбылось. Через год после этого совещания наша группа так рассеялась по земле русской и нерусской, что не только о регулярных совещаниях не могли и думать, но некоторых из них я и другие наши товарищи потеряли из виду и с тех пор не встречали, в том числе В. и З. Минцов. А один из членов совещания — пылкий, талантливый Плагов, вскоре умер от истощения... Вечная память тебе, дорогой Бенче!

Вскоре после упомянутого совещания, большинство его членов решили направиться для работы в Екатеринослав. Туда поехали три брата Гуревичей: «Борис», «Эмануил» и «Матвей», Рабкин — «Исаак» и пишущий эти строки — «Илья». Из не членов совещания мы решили привлечь еще кое-кого из Витебска, Гомеля и Полтавы.

В начале лета туда съехались, кроме названной пятерки, следующие, хорошо известные нам товарищи: Э. Шевелева [2]) (Оля) из Витебска, Б. Вольфсон [3]) (Оля маленькая) и Х. Рихтерман [4]) (Елена) из Гомеля и Л. Рабинович из

---

1) Пишущий эти строки надеется в скором времени изложить все то, что им и его ближайшими товарищами-друзьями было пережито за период с начала до середины 90-х годов в Витебске.

2) Шевелева, Э.—«Оля»—из Екатеринослава переехала опять в Витебск, где примкнула к «Бунду».

3) Вольфсон, Бейля.— «Оля маленькая» — была арестована в марте 1898 г. в Одессе, где сидела около двух лет, откуда была сослана в Восточную Сибирь. В 1907 году эмигрировала в Америку, где умерла в 1908 году.

4) Рихтерман, Хьена.—«Елена»—была арестована в апреле 1900 г., в Кременчуге, при аресте типографии «Южный Рабочий». Просидев в тюрьме около года, была сослана под надзор полиции в Гомель, откуда она по прошествии года эмигрировала в Америку, там она примкнула

Полтавы. В Екатеринославе же присоединился А. Прусс [1]) (Саша), молодой парень, с которым я хорошо сошелся за мое первое пребывание в Екатеринославе.

Такая спевшаяся компания быстро освоилась с положением дел и начала связываться с местными социал-демократами, главным образом, с приезжими из других городов.

Благодаря нашим связям, мы вскоре довольно тесно сошлись с компактной группой, высланных в Екатеринослав под надзор полиции из Вильно и Минска.

Эта группа, в большинстве своем, уже имела некоторый практический опыт. За исключением одного интеллигента «Самуила» — Гельфанда [2]) (еврейский литератор «Литвак»), эта группа состояла из рабочих-ремесленников. Всего с примыкающими к ним у них было человек 10: Евсей, Герман, Адольф (слесаря), Раиса (перчаточница), Дамский (токарь), Яков (табачник), Ефрем (переплетчик), Эсфирь (портниха). Особенно же выделялся среди них своей активностью и подготовкой как теоретической, так и практической «Марк» — Моисей Душкан [3]) (переплетчик).

В своей статье в № 1 «Пролетарская Революция», тов. Б. Л. Эйдельман, перечисляя участников Екатер. союза борьбы, пишет:

«Из Вильно, в Екатеринославе работал Гальперн, настоящей фамилии не знаю». Это и есть Моисей Душкан, который впоследствии, кажется в 1903 г., был сослан в Восточную Сибирь под фамилией Гальперн.

к анархо-синдикалистам. После Февральской революции она вернулась в Россию. Не примыкая к какой-либо из организаций, она работает в контакте с Соввластью. Работая в Союзе Народного Питания в Петрограде, она была избрана в Петроградский Совет в 1920 году. В настоящее время работает в одном из учреждений Последгола.

[1]) Прусс, А.—«Саша»—после съезда работал в рядах Р. С.-Д. Р. П. В 1918 г. работал в Петрограде среди меньшевиков-интернационалистов.

[2]) Гельфанд, Х. Я. — «Самуил» — был арестован в 1898 году. После освобождения примкнул к «Бунду», где был известен под кличкой «Литвак».

[3]) Душкан, Моисей — «Марк». После освобождения из Киевской тюрьмы вернулся в Екатеринослав и вошел в Екатеринославский комитет Р. С.-Д. Р. П. Принимал активное участие в организации «Южного Рабочего». В апреле 1900 г. был вновь арестован. После освобождения работал в «Бунде», где занимал ответственные посты. В настоящее время живет в Киеве.

На совещаниях представителей двух названных групп (Виленской и Витебской) довольно быстро пришли к решению работать совместно, по определенному плану. Разделили «сферу влияния» — на работу среди ремесленников и на работу среди фабрично-заводских.

Работать среди ремесленников (или, как их тогда называли — городских) — естественно стало большинство из виленцев с «Самуилом» во главе, которые уже давно работали среди еврейских рабочих. (Екатеринославские ремесленники, главным образом, состоят из евреев. К виленцам присоединились некоторые из витебчан (портные).

Для работы же среди рабочих заводов, жел.-дор. мастерских и мельниц (их в Екатеринославе много) было выделено большинство из витебских, с «Борисом» во главе, и 3 товарища (слесаря) из виленцев.

С местной соц.-дем. группой (по своему составу, главным образом, интеллигентской) мы никак не могли сговориться. Несмотря на неоднократные попытки с нашей стороны как-нибудь столковаться насчет совместной работы, эти переговоры шли довольно туго и почти безрезультатно.

Был ли тому причиной осторожный подход к новым людям, или специфическая особенность интеллигенции, не берусь судить. Во всяком случае сговориться тогда не удалось. После некоторых неудачных попыток, мы решили действовать самостоятельно.

Когда же мы начали организовывать кружки, мы неминуемо должны были столкнуться на положительной работе с местными работниками. И, действительно, наши товарищи вскоре узнали, что среди заводских рабочих работают приезжие из Петербурга. Среди них были рабочие: Морозов, Бабушкин [1]) и др. Среди городских тоже оказалась группа местных работниц: М. Дунаевская [2]) «Роза» и «Оля» [3]) (большая), фамилии не помню, и мн. др. Эта группа была тесно связана с интеллигентской группой.

---

[1]) Бабушкин. В 1906 году убит в Сибири.

[2]) Дунаевская — «Маня» — после съезда вошла в Екатеринославский Комитет Р. С.-Д. Р. П., участвовала в организации «Южного Рабочего», потом перешла в «Бунд», где занимала ответственные посты. В настоящее время живет в Киеве.

[3]) «Оля большая» — из Екатеринослава переехала в Ростов, была арестована по делу Ростовского комитета Р. С.-Д. Р. П.

Благодаря ли проявленной нами положительной работе или потому, что в интеллигентскую группу вошли приезжие из Кременчуга и Полтавы, А. И. Александров и М. Орлов, которые были уже давно знакомы с некоторыми из нашей Витебской группы, но взаимоотношения между двумя группами начали все больше и больше принимать нормальные товарищеские формы.

О принципиальных разногласиях не могло быть и речи. Все сходились на том, что необходимо побольше организовывать кружков и поглубже пустить корни среди рабочих, главным образом, фабрично-заводских, но также и среди ремесленников. Все сходились на том, что до поры до времени приходится ограничиваться устной агитацией и пропагандой. О массовом движении пока и речи не могло быть.

Что касается связей с другими городами, то благодаря личным связям, хотя не регулярным, все же часто получалась информация из разных городов, особенно Киева и западных городов. Нелегальную литературу получали, главным образом, из Киева в очень ограниченном количестве. Эта литература не только не была достаточна для массового распространения, но ее еле хватало для занятий в кружках. Даже киевский «Вперед» или «Рабочая Газета» № 1 попали к нам в единичных экземплярах. «Литературный» голод ощущался буквально всеми нашими товарищами.

К осени 1897 г. отношения между местной и нашей виленско-витебской группой установились хорошие, и работа регулировалась совещаниями представителей. Кроме выше названных, необходимо указать, что в работе в это время принимали участие еще следующие лица: Петрусевич, И. Х. Лалаянц[1]), А. А. Машицкий[2]), Франк-

---

[1]) Лалаянц, И. Х.—«Инсаров»—после съезда вошел в Екатеринославский комитет Р.С.-Д.Р.П. Был арестован в апреле 1900 г. по делу Екатеринославского комитета и «Южного Рабочего». После двухлетнего тюремного заключения был сослан в Восточную Сибирь, откуда вскоре бежал. Потом был арестован снова, долго сидел в тюрьме в Петербурге, откуда был сослан на каторгу. В настоящее время находится в Москве, где занимает ответственный пост на советской работе.

[2]) Машицкий, Ал. Ал. — был арестован в 1900 г. по делу Екатеринославского комитета Р.С.-Д.Р.П. и «Южного Рабочего». После двухлетнего тюремного заключения был сослан в Восточную Сибирь, откуда бежал и эмигрировал за границу. В настоящее время член Р.К.П., находится в Москве.

фурт [1]), Н. Зеликман, Лина Эстрин, Е. Рабинович [2]), Р. Левина, Ф. Пружинина [3]), Р. Цейтлин [4]), И. Бункина и др.

Когда связи с заводами, фабриками, мельницами и др. мастерскими у нас установились, естественно возникла мысль перейти от устного метода агитации к более широкому— посредством распространения прокламаций. Было решено выпустить одновременно ряд прокламаций. Для каждого завода выбирали тему, которая должна была заинтересовать не только более развитых, но и самых отсталых. Эти прокламации и были выпущены (на гектографе) за подписью Екатеринославского союза борьбы за освобождение рабочего класса, если не ошибаюсь, в январе 1898 г. Это и было первое официальное совместное выступление обеих групп.

Само собою разумеется, что такое неслыханное для Екатеринослава явление подняло на ноги жандармов. Были произведены некоторые аресты, но они почти не затронули главных сил нашей молодой организации.

Трудно ясно изложить те организационные формы, в которые вылился тогда наш «Союз». О строгих организационных формах тогда не могло быть и речи у нашей молодой организации. В общем, установилось следующее: в районе, который охватывает прилегающие к городу заводы и жел. дор. мастерские, работала «фабрично-заводская группа». В городе же на табачных фабриках, мельницах, типографиях и мелких мастерских работала так называемая городская группа.

---

[1]) Франкфурт и Н. Зеликман переехали из Екатеринослава в Ростов, где были арестованы по делу Ростовского комитета Р.С.-Д.Р.П.

[2]) Рабинович, Е. И.—была арестована 10 марта 1898 года в Екатеринославе, после четырехмесячного заключения была выслана под надзор полиции в Полтаву. 16 апреля 1900 г. вновь арестована по делу Екатеринославского комитета Р.С.-Д.Р.П. и «Южного Рабочего». В настоящее время находится в Москве.

[3]) Пружинина, Ф. И.—была арестована 10 марта 1898 г. Просидев 4 месяца в Одесской тюрьме, была выслана под надзор полиции в Полтаву. В апреле 1900 г. вновь была арестована в Екатеринославе по делу Екатеринославского комитета Р.С.-Д.Р.П. и «Южного Рабочего». Тюремное заключение на нее повлияло так сильно, что она психически заболела.

[4]) Цейтлина, Р.—После освобождения из тюрьмы в 1898 г. примкнула к «Бунду», где много лет работала. Вследствие тюремной жизни и всяческих лишений, она заболела туберкулезом легких и долго лечилась в Давосе. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Сравнивая организационные формы Екатеринославского союза с Киевским, можно найти много сходного. Если же сравнить «рабочую верхушку» Киевского союза с той же группой Екатеринославского союза, приходится констатировать, что среди екатеринославцев было гораздо больше «обстрелянных». И это вполне естественно, если вспомнить, какая была тогда тяга к новому многообещающему центру фабрично-заводской промышленности.

Не веря своим агитационным талантам, я сосредоточил свое внимание на вопросах организационного характера, а главное на вопросе о «литературе». Таким образом вышло, что мое внимание все более и более сосредоточилось на вопросе о печатании каким угодно способом. Но так как ни гектограф, ни мимеограф не могли удовлетворить нашу потребность, естественно, что мое хотя бы слабое знакомство с типографским искусством и мои познания в слесарном ремесле натолкнули меня на мысль, нельзя ли упростить до минимума печатание типографским способом.

Мои более частые встречи с М. Душканом и постоянные разговоры о «литературном голоде» привели к тому, что и я и он все более и более сообща задумывались над вопросом о типографии. В своих беседах он меня знакомил с постановкой дела печатания незадолго до этого вышедшего журнала на еврейском языке «Рабочий Голос».

Осенью этого года, как известно, состоялось первое совещание соц.-дем. в западной области, и был организован Еврейский рабочий союз («Бунд»). На совещание поехал в качестве гостя и М. Душкан. Он меня посвятил в это, и по возвращении мы с ним обсуждали вопрос об организации нелегальной типографии для русской работы.

Но вскоре после этого приехал к нам в Екатеринослав Айзик Поляк (Альберт) — наборщик и организатор типографии «Рабочей Газеты» — с предложением помочь ему поставить типографию «Рабочей Газеты» в Екатеринославе, так как дальнейшее ее пребывание в Киеве стало невозможным. Естественно, что я отозвался на это предложение и с тех пор отдался всецело делу организации перевода типографии и установки ее в Екатеринославе.

Решено было воспользоваться моим званием мастера кузнечно-слесарного цеха и взять на мое имя квартиру под

видом слесарной мастерской. Хотя средств для оборудования хорошей мастерской у нас тогда не было, но так как наше длительное пребывание в Екатеринославе мы тогда считали не рациональным, а подготовить типографию, в связи с предстоящим съездом, и выпустить 3 № «Рабочей Газеты», считали необходимым во что бы то ни стало, мы решили временно удовлетвориться хотя бы этой комбинацией. Таким образом было решено, что типография «Рабочей Газеты» переедет в Екатеринослав. Я взял на себя задачу подготовить подходящую квартиру с обстановкой. Альберт же вернулся в Киев организовать отправку типографии из Киева в Екатеринослав. Типография была отправлена и доставлена ко мне на квартиру без особых затруднений. И мы начали, пока прибудет материал для № 3, набирать и печатать книжку под названием «Новая победа»...

Эта брошюра была посвящена рабочему законодательству в связи с вышедшим недавно законом в этой области. Книжка была написана «Натаном», т.-е. Н. А. Вигдорчиком, членом группы «Рабочей Газеты».

На съезде, как известно, решено было признать «Рабочую Газету» центральным органом партии. Полагали, как только окончено будет печатание книжки «Новая победа», приступить к набору «Рабочей Газеты» с извещением о съезде.

11 марта 1898 г., когда печаталась обложка этой книжки, ворвались жандармы с ротмистром Ковалевским во главе с криком: «Да тут и вся типография!» — и мы втроем были арестованы.

Массовые аресты в Киеве, Екатеринославе, Одессе, Николаеве, Кременчуге и многих других городах затормозили на некоторое время работу. «Рабочая Газета» и типография того же названия перестали существовать.

Жандармы откровенно и цинично высказывали свою радость. Сидя в тюрьме, некоторые из наших товарищей начали падать духом. Но генералу Новицкому все же не пришлось долго отдыхать.

Уже вскоре после ареста в тюрьму к нам начали доходить весточки, что оставшиеся товарищи довольно скоро освоились с положением и опять начали работать по под-

каныванию основ самодержавия казавшегося тогда неприступной крепостью.

Несмотря на это, вряд ли кто-либо даже из нас, оптимистов, думал, что ему придется праздновать 25-летие при современных условиях.

«Крот, ты хорошо роешь!»

Кроме «Альберта» и меня, был посвящен в это дело М. Душкан. Через некоторое время мы заметили, что за нами как будто следят. Пришлось временно приостановить работу. Вся типография была среди белого дня унесена из квартиры.

Считаю нужным рассказать, как мы тогда обманули бдительность шпика. Окно нашей квартиры выходило на улицу, и мы заметили субъекта, который гулял без дела по улице. Тогда мы решили дать Душкану (мы тогда полагали, что он, вероятно, завел к нам сего господина) какую-то пачку, чуть ли не грязного белья. Мы рассчитали, что шпик пойдет за ним. С Душканом мы условились, чтоб он водил по городу шпика 2—3 часа. За это время мы вдвоем должны были очистить квартиру. Недалеко жила «Оля»—человек, которому можно было безусловно доверить. Пока Душкан гулял и таскал за собой шпика, мы успели 2—3 раза побывать у «Оли» и таким образом очистить квартиру. После прогулки Душкан опять пришел к нам, и мы ждали гостей, но увы—они тогда не пришли.

Все же мы решили переменить квартиру и пригласить еще одного, а Душкану не позволили больше являться к нам. Мы решили пригласить «Эммануила» Гуревича. Хотя он не решил отдаться всецело этому делу, но ввиду важности и спешности согласился временно работать с условием: войдя в помещение, оттуда не выходить до окончания брошюры и перевода типографии в другой город.

К тому времени у нас разрабатывался план более основательно подобрать постоянных людей, а также подготовить более подходящую обстановку.

Через некоторое время мне удалось достать другую квартиру. После того, как мы убедились, что нас оставили в покое, я перебрался и пригласил к себе «Альберта» и

«Эммануила». Типография была опять переведена на новую квартиру, и мы начали работать уже втроем.

С начала зимы 1897 года я пришел к заключению, что гораздо больше принесу пользы делу революции, посвятив себя специально организации нелегальных типографий. С тех пор я сознательно стал отстраняться от общей работы и реже бывать на собраниях группы. Только Душкан знал о моих планах.

Когда наша группа стала выбирать делегата на съезд, большинство ее высказалось за меня—заочно поручив Душкану переговорить со мной. Само собою разумеется, что никто из них (кроме Душкана) не знал о моей работе по организации типографии.

При встрече мы с Душканом обсудили положение дел и решили объявить, что я заболел, а представительство нашей группы поручить делегату от интеллигентской группы, как потом оказалось, Петрусевичу.

Илья Виленский.

Отрывки воспоминаний о первом социал-демократическом кружке в Гомеле в 1894 году.

Собственно социал-демократическим кружком его еще в то время назвать нельзя было.

Это был кружок полуинтеллигентов и рабочих, которые собирались у А. Д. Поляка (наборщик), приехавшего из Минска. Он, как я теперь вспоминаю, был сознательнее всех, и под его руководством мы все развивались. Нелегальную литературу мы читали, какая попадалась: народовольческую и социал-демократическую. Литература была в то время большой редкостью. Попадалась какая-нибудь книжка, мы ее переписывали и затем читали. О преимуществах гектографа мы узнали после; тогда работа пошла легче.

Меня в кружок ввел мой лучший друг Алтер Драбкин, который меня отрекомендовал, и я был допущен в кружок. В кружке, помнится, было человек 15—20. А. Д. Поляк, И. Захарин, А. Драбкин, Бейля (Оля) Вольфсон, Маня Альтшулер, Рися Трифон, Паша Зиман, Гися Драбкин, Шлема Эпштейн, Герман Чертков, Арон Ябров, Щ. И. Локшин, Коткин, Абрам Кисин, С. Тиркельтауб, Ш. Н. Гезен-

О. Вольфсон.

Д. Неточаев.

В. Д. Перазич.

А. Я. Кровацкий.

цвейг, Б. Гуревич и я. Это была группа лиц, которые впоследствии разъехались по всей России и словом пламенного пророка пробуждали всех от сна [1]). Я не сумею красиво изложить в литературной форме жизнь и деятельность некоторых членов кружка, но считаю своим долгом поделиться с рабочими воспоминаниями о первых его мучениках, которые, увы, не дожили до торжества рабочего класса, но которые отдали лучшую часть своей жизни, а некоторые и жизнь за торжество идеи социализма.

Когда я был в 1901 году арестован в Киеве, то на допросе Новицкий — жандармский генерал — сказал: «Опять гомельский Это какое-то осиное гнездо. По всей России, где ни арест, там обязательно гомельчанин». Это был привет через жандарма о членах нашего кружка. Новицкий не знал, какое удовольствие он мне доставил своей фразой. Я знал, что наши товарищи работают, что наша работа не пропала и даст хорошие всходы. Выдающимся в нашем кружке, в то время, как я помню, помимо А. Д. Поляка, который, как я уже писал был организатором и руководителем нашего кружка и впоследствии видным деятелем рабочего движения на юге России, были следующие товарищи: И. Захарин, Алтер Драбкин и Бейля (Оля) Вольфсон.

И. Захарин (интеллигент) человек с горячим революционным темпераментом. Довольно упрямый, но безукоризненно честный и верный товарищ, он в Гомеле пользовался большой популярностью и любовью всего населения. Не было ни одного культурного начинания в городе, где бы не участвовал И. Захарин. Он организовал первую бесплатную рабочую библиотеку, которая существует и теперь, бесплатную школу для бедных учащихся, и он же вербовал учителей для этой школы [2]). Когда наш кружок увеличился и нам нужны были лекторы-пропагандисты, то Захарин их доставал. Он в буквальном смысле заставлял сынков гомельской

---

[1]) Пробуждая мысль, они были теми ваятелями, которые в числе многих строили великолепное здание социализма. Я с гордостью могу утверждать что наша группа много брешей наделала в стенах крепости самодержавия и буржуазного строя.

[2]) Он один из первых вступил в кружок и неутомимо работал в нем до самого ареста. Он отдал себя всего делу освобождения рабочего класса. Я редко встречал более его преданного и неутомимого работника.

буржуазии, учащихся, служить целям рабочего движения. Он их принуждал читать социал-демократическую литературу. Захарин был какой-то стихийной силой, с которой трудно было бороться. И ему подчинялись, а он все использовывал для целей рабочего движения. Много студентов, благодаря его влиянию, впоследствии сделались убежденными социал-демократами. Из них Миша и Саня Гуревичи—видные деятели «Бунда», Тевель-Гейзикман, Соломон Цейтлин, видный теоретик соц.-демократ, редактор Донской речи и много других. Захарин был арестован в 1897 г., благодаря провокации Бартошкина. Жандармы не могли ему простить возникшее рабочее движение в Гомеле, которое они всецело приписывали ему. Они его мучили в тюрьме и довели до сумасшествия. Он кажется жив до сего времени. Гомельской организации Р. К. П. рекомендую устроить его, чтобы он не нищенствовал. Он—одна из первых жертв, понесенных Гомельской социал-демократической рабочей организацией.

Алтер Драбкин вступил в кружок раньше меня. Это был юноша лет 18—19-ти, коренастый с некрасивым, но очень умным лицом, задумчивыми глазами. В нашем кружке он начал выдвигаться, как хороший пропагандист. С рабочими он сходился очень легко, и его рабочие любили. Во рву (часть города в Гомеле, населенная преимущественно рабочими и беднотой) Алтер был свой человек. Не было ни одной вечеринки и торжества во рву, чтобы не пригласили Алтера. Он охотно шел и вербовал членов кружка. Несмотря на массу работы в кружках как организационной, так и пропагандистской, Драбкин ухитрялся урвать время для саморазвития и вскоре стал убежденным социал-демократом марксистом, лучшим пропагандистом нашего кружка. Гомельская работа не могла уже многих удовлетворить, и лучшие из нашего кружка стали разъезжаться. Начался отлет орлов, у которых выросли крылья и им нужна в высь, нужен простор. Первым уехал А. Поляк, за ним А. Драбкин. Он уехал в Двинск, создал там организацию и массовое рабочее движение, работал немного в Вильне, потом уехал в Кременчуг, где совместно с С. Тиркельтаубом, Левандовским и, кажется, Зильберманом (провизор) создали социал-демократический кружок среди кременчугских рабочих. Один мельничный рабочий их выдал, и они были арестованы. Левандовского, Тиркель-

тауба и Зильбермана сослали в Сибирь. Драбкина же из тюрьмы отправили в полк на военную службу. Драбкин, находясь на военной службе, продолжал свою революционную деятельность, за что подвергся такому режиму, что даже этот железный человек не выдержал—заболел чахоткой. Его чахоточного еще долго мучили, но были вынуждены освободить от военной службы. Он приехал в Гомель полечиться, но жандармы не оставили его в покое и полумертвого сослали в Сибирь, где он вдали от друзей и дорогого ему дела зачах.

Бейля (Оля) Вольфсон. Я ее помню молоденькой, 16—17-ти летней девушкой. Миниатюрная, с миловидным интеллигентным лицом с бесконечно добрыми глазами газели. Когда я вошел в кружок, я обратил внимание, что все члены кружка с какой-то трогательной любовью относятся к ней. Я был вначале удивлен и не мог понять причины. Впоследствии, когда я ее узнал поближе, я подвергся общей участи. Ее обаяние было заметно везде, с кем бы она ни знакомилась, она, помимо своей воли, незаметно покоряла. Дома у родителей и старших сестер она была общепризнанным авторитетом. Все, что Оля делает не может быть плохим. Даже отец ее, человек деспотичный, к тому же старого закала, мирился с нашим присутствием в своем доме: знакомые Оли не могут быть плохими людьми. Благодаря этому их дом стал центром, куда стекались все революционеры как местные, так и приезжие. Квартира Вольфсона перевидала очень много видных революционеров. Дом считался все время в Гомеле революционным. Старуха мать всех нас считала как бы членами своей семьи—детьми. Заботилась о нас, как мать. Если нужна была кому-нибудь квартира и конспиративные условия позволяли, то шли на квартиру Вольфсон, где находили и приют, и ласку. Это продолжалось все время, даже когда Оли и ее брата М. Б. Вольфсона уже не было в Гомеле. Революционные традиции были сильны в этом доме. Все это благодаря любвеобильному сердцу Оли.

Насколько сильно было обаяние личности Оли в нашем кружке можно заключить из следующего эпизода. У нас в кружке был рабочий слесарь Г. Чертков—развитой, остроумный, с ораторским талантом, но довольно развращенный. Нам не удавалось повлиять на него. Он нас, меня и Драб-

кина, окрестил кличкой «нравственники», «Поткин и Драбкин и К-о». Мы чувствовали, что он тлетворно влияет на рабочих, отвлекая их от серьезной работы попойками и оргиями, но порвать с ним нам не хотелось, так как помимо этого, он был прекрасный агитатор, вербовщик среди рабочих и оказывал нашей организации в этой области большие услуги. Он как-то заговорил о женщинах в фривольном духе, нас это, наконец, взорвало, и мы ему задали вопрос: «Что же по твоему Софья Перовская, Гинзбург, Вера Засулич и Фигнер тоже такие?» — Он довольно нахально ответил: «Я с ними не знаком и не знаю, может быть, и они были такие». Тогда Драбкин задал ему вопрос: «Ну, а Оля. Ты знаешь ее? Она тоже такая?» На несколько минут создалась жуткая тишина, мы чувствовали, что стоит ему сказать,— да такая, — и мы его растерзаем. Но он взволнованно сказал: «Ты, брат Драбкин попал в точку. Оля не такая,—и со свойственным ему пафосом воскликнул: —Оля—перл создания. Мои уста не достойны произносить ее святое имя».

Черткова эта вспышка не исправила, но я привел этот эпизод для характеристики Оли. Еще более ярко это чувствовалось в ее влиянии на рабочих и работниц, которых она агитировала. Они ее боготворили. Оля сказала: нужно сделать, и безапелляционно делали.

В мастерской, где она работала, хозяйки с ней обращались мягче. С ней иначе говорили: «Оля, милая, пожалуйста сделайте». Нам в то время казалось, что и жандармы не съумеют с ней быть грубыми.

Помимо обаяния ее личности она была чудесным агитатором. Из нее должен был выработаться впоследствии чудный оратор. Мне не случалось слышать ее на массовках, где она выступала в Вильно, Екатеринославе и Одессе, и поэтому не берусь судить, но на наших кружковых собраниях ее называли, не иначе, как «наш соловей».

Оля Вольфсон уехала из Гомеля одновременно с Алтером Драбкиным. Она работала в Вильно, Киеве, Екатеринославе и Одессе. Была арестована во время крупного провала на юге, в 1897 г., была сослана в Сибирь, оттуда вернулась совершенно больная, но бодрая душой. Мы все ее упросили не бросаться в работу, пока немного не поправит здоровья. Она согласилась, но чтобы быть чем-нибудь

полезной организации, она взяла к себе ребенка одной революционерки, чтобы та могла поехать на работу. Что было с ней дальше, я не знаю. Я из Гомеля уехал, встретил ее в 1905 г. во время всеобщей забастовки. В Екатеринославе она мне сказала, что решила поехать к старшей сестре в Америку, отдохнуть, поработать над своим развитием, а потом вернуться в Россию, но ее мечты не осуществились. Она уехала с любимым человеком в Америку и через год там умерла.

Они умерли, но их работа видна в сознательности рабочих, которых они пробудили, организовали и вдохнули лучшую часть своей души. Русский пролетариат должен знать имена этих скромных тружеников на ниве создания социалистического строя, до которого, увы!—они не дожили, но они утучнили ее своими мозгами и кровью.

Жаль мне тех, чьи гибли силы
Под гнетущим игом зла,
Жаль мне тех, кого могила
Преждевременно взяла.
Тех борцов, душою чистой
Мысли - доблестной вождей,
Что дорогою тернистой
Бодро к цели шли своей.
Словом пламенным пророка
Пробуждали всех от сна,
Я скорблю о них глубоко,
Свято чту их имена.

(Из революционной песни.)

Александр Ноткин.

Воспоминания о группе «Рабочего Знамени».

О Моисее Владимировиче Лурье.

Весною 1896 года я был принят в качестве наборщика в типографию Дворжеца в Минске.

В учетном отделении, довольно большой для Минска типографии Дворжеца, я встретился впервые с Моисеем Лурье, тогда еще молодым человеком. Несмотря на свои рыжие волосы и веснушчатое лицо, он выглядел чрезвычайно симпатично, благодаря своим светлым голубым глазам, полным необъяснимой грусти и задумчивости. Не отталкивал от него и плохой акцент русского языка, выдававший его еврейско-

польское происхождение. Он был уроженцем города Вилькомира Ковенской губернии.

Я был моложе его всего года на два, но несмотря на то, что я успел в Гомеле, за полугодичное пребывание там, немного понюхать революционной работы, завязать прочные связи среди гомельских товарищей будущих бундистов, все-же я решительно перед Моисеем спасовал. После двух-трех вопросов по политической экономии из маленькой книжки Свидерского «Труд и Капитал», заданных мне Моисеем, не последовало надлежащего с моей стороны ответа и я понял все свое политическое невежество.

Наше сближение началось с того, что мы стали соседями по верстаку, а вскоре и зажили вдвоем сначала в комнате у Моисея у каких-то набожных евреев, кажется, на Немигской улице, а потом уже в специально нами подысканной комнате у какого-то старого повара по Юрьевской.

Моисей взялся за мое революционно-политическое воспитание. Из русских писателей его любимейшими были Успенский и Салтыков. Он выбирал лучшие рассказы Успенского и заставлял меня читать вслух, а сам комментировал и подчеркивал особенно выдающиеся, по его мнению, места рассказа.

Начал он меня постепенно приобщать и к революционной деятельности. Конечно, он мне не говорил о своих революционных связях в Минске, куда ходит и что делает. Об этом приходилось мне только догадываться и сгорать от любопытства. Но он толкнул меня в определенную область работы для организации. Это—раздобывание шрифта для подпольной типографии. Условия для этого были довольно благоприятные, и в типографии Дворжеца,—как и потом в других типографиях в других городах—мне удавалось эту операцию проделывать довольно ловко и успешно.

В начале осени Моисей уехал, оставив меня одного. По своей обычной конспиративной привычке он не сказал, куда и зачем едет, но только успокоил меня, что он меня не забудет и чтобы я продолжал делать начатое дело—раздобывать шрифт. Взял он от меня письмо в Гомель к моим друзьям рабочим литографам Гельману и Миллеру.

За время нашей совместной жизни я успел сильно привязаться к Моисею, тем более, что мои стремления к рево-

люционной деятельности прогрессировали и эти стремления тесно связаны были с личностью Моисея, авторитет которого в моих глазах достиг наивысших пределов. Неудивительно поэтому, что я сильно загрустил. Больше уже не развлекали меня попойки с другими наборщиками и другие развлечения. Временно я ушел с головою в типографскую работу. В типографии спешили с отчетом Либаво-Роменской жел. дор. и чтобы ускорить окончание работы наборщикам предложили сдельную плату. Представилась возможность хорошо заработать, разумеется, при 12—14-часовом рабочем дне. Я с радостью за это ухватился, чтобы сразу убить двух зайцев: зашибить деньгу и убить тоску по Моисею.

Из Гомеля от Гельмана я получил письмо, в котором он меня извещал о посещении Моисея. Письмо было написано в приподнятом тоне и ясно говорило, что Моисей произвел огромное впечатление не только на самого Гельмана, но и на многих тогдашних гомельских революционеров и им сочувствующих.

Между тем в Минске в типографии Дворжеца работа отчета заканчивалась. Не обошлось и без стычки с администрацией. Так как на этой сдельщине мы заработали довольно хорошо (от 60 до 80 рублей в неделю), то администрации это показалось чересчур жирным для рабочих и она решила сбавить нам с условленной цены. Началась борьба, выступили на сцену угрозы забастовкой. Администрация решила немедленно рассчитать наборщика А., стоявшего во главе компании сдельщиков и являвшегося представителем для переговоров во время конфликта. Тогда я тоже выступил вперед и потребовал, чтобы и меня рассчитали, а за мною последовали с таким же заявлением и другие наборщики. Таким образом, наборщика А. нам удалось отстоять и добиться расплаты по условленной расценке.

После этого я решил уехать из Минска. Моисей о себе ничего не сообщал и я решил его поискать в Киеве. В Киеве я его не нашел и поехал в Харьков. По счастливой случайности я в Харькове в среде наборщиков натолкнулся на единомышленников, в скорости же получил весточку и от Моисея. В кратком, написанном не совсем твердым почерком, письме он меня извещал, что он скоро будет в Харькове. Он действительно вскоре приехал со свежим экземпляром отчета Лондонского социалистического конгресса 1896 г. под

фирмой издания «Группы рабочих революционеров». Кажется, он сам его набрал и напечатал, без чьей-либо посторонней помощи. За два дня пребывания в Харькове, которые он отдал большей частью разговорам и беседам со мною, я был посвящен в некоторые подробности той небольшой революционной организации, к которой принадлежал Моисей и к которой я с тайной гордостью стал причислять и себя. Он мне говорил о своем брате Михаиле, о невестке Белле, проживавших в то время в Белостоке, и о других товарищах, работавших в Польше, в Ковне, в Вильне и других городах.

Забрав у меня накопленный шрифт, он опять уехал, наказав продолжать работу по добыванию и обещав о себе дать скоро знать.

В это время я уже состоял членом одного революционного кружка, в который входили рабочие: Борис Линцер, железнодорожник Матросов, литограф Федоров и другие. Руководился кружок студентом-медиком под кличкой Герасим Федорович (Илья Максимович Ромм). В этом кружке мы занимались изучением эрфуртской программы Каутского, непосредственная же революционная работа моя выражалась в помощи Линцеру по завязыванию прочных связей в среде типографских рабочих, на почве создания полунелегальных, полулегальных касс взаимопомощи. Подходить тогда к рабочим с политикой считалось очень рискованным и смелым делом. Я не помню точно взгляда нашего руководителя Герасима Федоровича на нашу работу в рабочей среде, но, кажется, он относился к этой работе если не совсем одобрительно, то во всяком случае терпимо. Другое дело—Моисей. Узнав от меня об этой работе во время его пребывания в Харькове, он резко высмеял меня и товарищей и поставил вопрос о необходимости революционной агитации ребром. Впоследствии это имело на меня свое воздействие и весною того же года, когда у меня жил Гельман и приезжал случайно Поляк, известный впоследствии стачкист и экономист, у нас происходили ожесточенные споры на эту тему и я уже в этих спорах стоял на точке зрения необходимости решительной политической агитации, а также и культурного развития.

В начале лета я покинул Харьков, нагруженный двумя чемоданами шрифта и провожаемый Соломоном (Гельманом)

и другими товарищами. Побывав дома, у родителей в Гомеле, я получил место наборщика в уездном городке Минской губ. Речице, лежавшем в 40-верстном расстоянии от Гомеля и соединенном с ним железнодорожным сообщением. Я поселился в домике одного крестьянина на окраине городка среди простора полей, вблизи густого леса. И в этом домике в моей большой комнате вдали от всех, скрытые полной безопасностью захолустья, мы провели с Моисеем не мало счастливых вечеров. Раз понаведавшись в Гомель к моим родителям и узнав, что я поселился в Речице, Моисей стал моим частым гостем. Вполне одобрив мое решение поселиться в тихом городке, он также часто у меня отдыхал душой и телом от тех треволнений, которые давала ему его неутомимая революционная деятельность.

Здесь, во время наших встреч, я еще ближе сошелся с Моисеем, узнал его. Он стал более откровенен относительно работы. В это время он был увлечен террором. Однажды он появился в моей комнате с первым номером бурцевского «народовольца». Я никогда не был террористом, ни в мыслях, ни в действиях своих, напротив, террор мне всегда казался ненадежным делом, но увлечения Моисея на меня действовали и, будучи еще слабым в своих взглядах, я невольно подпал и в этом под его влияние. В Речице был нами решен вопрос о типографии. Брат Моисея Михаил жил в Белостоке и типографию решено было тогда там же организовать. Непосредственно работать в ней выпало на долю меня и Гельмана.

Раньше чем отправиться в Белосток я побывал в Киеве, где Моисей тогда пользовался огромной популярностью во всех революционных организациях, независимо от направления, он успел создать тесный круг своих единомышленников, можно сказать почти целую организацию, занимавшуюся агитацией и пропагандой социалистических идей среди киевских рабочих в духе группы рабочих революционеров.

Скоро мы (я и Гельман) начали работать в типографии. Во время нашей работы Моисей появлялся к нам довольно часто и при нашей замуравленности это было для нас большим праздником. Скоро он к нам привел еще одного товарища—Рувима (Фридмана) и мы зажили более весело.

Время шло, типография отпечатала тайный циркуляр Горемыкина к фабричным инспекторам и готовилась к печати переведенного с польского рассказа «Шпион». Я получил от родителей неприятные вести. Мать умоляла приехать. Я не устоял, проявил слабость и мои друзья меня отпустили. Я покинул типографию. Спустя месяц, Моисей сидел у меня дома, в Гомеле и жестоко упрекал в малодушии. Я сознавал свою вину и каялся. Он говорил, что такие мальчишеские поступки недостойны революционера, но кончил тем, что начал меня же успокаивать, что, пожалуй, лучше, что я оттуда уехал, что группа лучше меня использует в других местах в агитационных целях.

Наступила весна 1898 г., вызвавшая большое оживление в революционной среде и сопровождавшаяся повальными обысками и арестами. С киевскими эс-эрами и эс-деками был арестован и Моисей, но его не успели хорошо раскусить и расшифровать, продержали несколько недель и выпустили. Он, разумеется, моментально скрылся. Окончился I-й съезд Р. С.-Д. Р. П. и после него произошел провал всех его участников. Случились перемены и в нашей группе. Питерцы, киевляне и часть харьковцев решили создать бок-о-бок с Р. С.-Д. Р. П. русскую социал-демократическую партию с печатным органом «Рабочее Знамя», № 1 которого был отпечатан в Белостокской типографии. Накануне этого у меня был Соломон и от него я узнал все новости. Жандармы свирепствовали, провокация глубоко пустила свои корни в революционных организациях и в тот момент, когда у рабоче-знаменцев были все шансы занять руководящую роль в русском рабочем движении, в нашей среде тоже завелся провокатор, прервавший жизнь этой молодой многообещавшей организации. Наборщик, с которым Михаил случайно встретился в Питере на квартире Ромма, проследил его вплоть до типографии и выдал ее. В Белостоке были арестованы Михаил с женой и Ольга Кавенок; в типографии там же были взяты Рувим, Раиса и Соломон; в Петербурге— Ромм, Лурье, Шплингер и другие. Моисей случайно не оказался в Белостоке и уцелел. Я, как сейчас, помню то ошеломляющее впечатление, какое произвело на меня появление у меня Моисея с этой печальной вестью. Тогда же он мне заявил, что решил пока уехать за границу в Лондон, а мне

советовал оставаться в Гомеле и ждать от него вестей и дальнейших указаний.

Для меня наступила пора новой революционной работы. Я начал создавать в северо-западном крае оппозиционные организации против течения экономизма в Бунде и Р. С.-Д. Р. П. Не знаю, не берусь теперь судить о моих успехах, но я был убежден, что я продолжаю дело Моисея и нашей группы.

Через год Моисей меня посетил. Это был его первый приезд из Лондона. Он уговорил меня уехать в Варшаву и благодаря ему я в течение шести месяцев работал среди еврейской группы П. П. С. Мои отношения к П. П. С., так же, как Моисея и некоторых других членов нашей группы, были вполне дружественные. Мы признавали, вопреки существовавшему взгляду в Бунде и Р. С.-Д. Р. П., за ними право на самостоятельность. Мои отношении к П. П. С. долго оставались еще такими и только резко изменились с моим окончательным вступлением в «Искру». Живя в Варшаве, я завязал с Моисеем оживленнейшую переписку. Я от него узнал о выходе в Лондоне второго номера «Рабочего Знамени», о том, что он поступил на работу к фондовцам (Фонд Вольной Русской Прессы — Чайковский, Волховской и Гольденберг). Наконец, я получил от него письмо с приглашением ехать в Лондон, где он решил со мною открыть типографию. Я ответил полным согласием, но указал, что у меня нет денег на поездку. Тогда в следующем письме он мне предложил жениться (у меня в Гомеле была невеста), взять приданое и приехать с молодой женой в Лондон. Это было очень характерно для Моисея. Сам человек безусловной революционной этики и пуританин в полном смысле слова, он допускал компромиссы, если это необходимо было для дела.

Я с этой целью уехал из Варшавы в Гомель, но судьбе неугодно было осуществить мою поездку в Лондон. Вернее, это не было желательно уже ныне покойному отцу, который перехватил все письма Моисея, благодаря чему я только встретился с ним спустя полтора года в Киеве, посл- провала Татарова, с которым я организовал киевскую типое графию «Рабочего Знамени», где был отпечатан третий и последний номер этой газеты.

В том же 1901 г. суждено было мне и Моисею крепко засесть.

Он был арестован на станции Ворожба Киевско-Харьковской ж. д., опознанный шпионом. Я был арестован в Харькове на улице, в конке, прослеженный на свидании с южно-рабоченцем Харченко.

Обоим нам суждено было попасть в Петропавловскую крепость и обоим нам не суждено было иметь там никакого сообщения. Условия этого царского застенка в то время, в этом отношении были очень суровы. Во втором этаже Трубецкого бастиона, где было до пятидесяти казематов, десять—тринадцать узников были рассажены через два — три каземата; надзор за узниками был крайне строгий и невыносимый.

Мы оба попали в Сибирь, но в то время, когда я попал в ближние волости Ачинского уезда, Енисейской губ., откуда через два месяца бежал за границу, Моисей совершал тяжелый путь в Средне-Колымск.

В Лондоне я встретился с его лондонскими друзьями и его фиктивной женой Ф. История этого брака такова: обманутая кем-то и покинутая, Ф. очутилась в невыносимом положении беременной женщины. Оказывается, что в Англии мещанские предрассудки были также сильны и пошлы, как и в отсталой и темной царской России. Моисей, благородства и сочувствия ради, своим фиктивным браком прикрыл «позор» этой девушки-англичанки и получил в ее лице преданнейшего друга на всю жизнь, собиравшегося поехать к нему в далекую ссылку.

Еще несколько слов о семье Чертковых, очень дружественно относившихся к Моисею, несмотря на огромную разницу убеждений. Благодаря Чертковым, он посетил Льва Толстого в его квартире, в Москве, в Хамовниках. Он мне потом рассказывал о беседе с Толстым, об отзывах Толстого о «Капитале» Маркса [1]). Когда Моисей был в Бутырках в Москве, он переписывался с покойным Львом Николаевичем и кажется последний был у него на свидании перед отправкой в Сибирь.

О жизни Моисея в Сибири, об его участии в знаменитой Якутской Романовской истории я ничего не знаю.

---

[1]) „Не нравится мне эта книжка“, говорил Толстой Моисею.

Впоследствии, встретившись в Петербурге в 1906 г. во время первой Госуд. Думы, Моисей мне рассказывал о своей революционной деятельности в Чите (Читинская республика) совместно с Курнатовским и Костюшко, казненным генералом Ренненкампфом. Сам же Моисей каким-то чудом избежал этой участи многих тогда видных революционеров, скрывшись чуть ли не из-под плахи.

В этом отношении ему везло.

В Питере наша старая рабоче-знаменская семья не надолго зажила дружной коммуной: Моисей, Раиса, Соломон, Рувим и я. Но, повторяю, не надолго. Судьба разбросала нас, как щепки разбитого после бури судна.

Рувим уехал в Баку, Соломон—в Америку, в Питере остались Раиса, Моисей и я, разбросанные в разных концах города. Коммуна распалась.

Темные тучи реакции грозно надвинулись на революционную Россию. Роспуск I Думы, диктатура Столыпина, взрыв на Аптекарском... В Питере сгустилась атмосфера. Мы с Моисеем одни из всех наших бывших товарищей были среди большевиков. Моисей был серьезно занят организацией боевых дружин и целыми днями пропадал в удельнинском лесу, где происходило обучение стрельбе. Я прятал ему оружие. В это время я занялся тоже военной работой: я вел пропагандистский кружок на Петербургской стороне среди крепостных саперов, тех самых, которые были моими телохранителями в Петропавловском узилище. Но я вскоре был арестован. Просидев 2 месяца в Крестах, я был выпущен до суда под залог. Спустя некоторое время ко мне на Петербургскую сторону на квартиру моих друзей пришла Раиса и передала письмо от Моисея, который меня вызывал в Териоки. Я к нему немедленно поехал и застал его, совсем больного, в одной из гостиниц Териок. Там же был и видный эс-эр Левит, большой приятель Моисея, которого я встречал раньше за границей в Женеве. Мы весь день провели в беседе. Ни я, ни он не касались политических тем. Его больше всего интересовало, как сложится моя дальнейшая жизнь. Много говорили о Раисе. Стало вечереть, мы сидели у горячего камина и мне не хотелось его покидать. Он кашлял с надрывом и что-то роковое чувствовалось в его кашле.

На следующей день он с Левитом уезжал в Гамге для посадки на пароход. Я начал с ним прощаться... Страшно тяжело было это прощание, я инстинктивно чувствовал, что больше его не увижу.

Мы расстались...

Покуда я жил в Питере, я получал вести от него через Раису, которой он писал. Покинув Питер, я окончательно потерял связь с Моисеем.

В 1914 г. я узнал от знакомой семьи З., что Моисей умер от жестокой горловой чахотки и похоронен в Лозанне, в Швейцарии.

Что было бы, если бы Моисей жил в настоящее революционное время? Этот вопрос интересовал меня и ближайших его товарищей. Я думаю, что он был бы правоверным большевиком, несмотря на то, что в нем сидел дух противоречия, а часто и отрицания. Он часто увлекался модными течениями; так, одно время в Сибири, он сильно увлекся учением анархиста Махайского и еще в 1906 г., будучи в Питере, сильно бредил Махайским. Но это ему, однако, не помешало стать в ряды большевиков. Трудно было бы сказать, что было бы сейчас с этим крупным революционером, так преждевременно погибшим, но во всяком случае память о нем должна быть священна и не только для поколения его эпохи, но и для последующих поколений молодых революционеров.

Мои воспоминания являются не полными и, повторяю, совершенно пропускают период его жизни и работы в Сибири, в ссылке и в Романовской истории. Дело товарищей, знавших Моисея по этим периодам, пополнить эти недочеты.

5 февраля 1923 г. *Л. Гершанович.*

Моя признательность.

25 лет тому назад, одновременно с подготовкой I съезда Российской С.-Д. Р. П. и независимо от него, группой питерских социал-демократов, связанной с такими же группами в Киеве и Белостоке, создавалась русская С.-Д. Р. П. Вдохно-

вителем и инициатором в деле создания этой партии был рабочий-ювелир Михаил Лурье, связанный с большинством питерской группы по Харькову. Как выяснилось впоследствии, он один знал о подготовке первого съезда, но несогласный в основном с группой, организовавшей этот съезд, он скрыл это обстоятельство от товарищей и решил создать свою самостоятельную партию под именем русской С.-Д. Р. П. более известной последующим поколениям под названием «Рабочее Знамя», как назывался издаваемый этой партией орган. Питерская группа в момент появления манифеста Российской партии, который буквально совпал с ее собственным заявлением о своем существовании, была этим обстоятельством очень сконфужена. Теоретический ее основоположник, А. Лурье, с великим смущением говорил мне об этом казусе и о том, что, пожалуй, не стоило создавать сразу две партии, когда и для одной было не слишком много сил. Но энергичный и наиболее напористый Михаил Лурье успокоил его встревоженную совесть. А это очень нужно было. Для А. Лурье вопросы совести имели первейшее значение, между тем новой партии он необходим был, как лучший ее теоретик и литератор. Что отличало эту организацию от других социал-демократических групп, примкнувших к российской партии? В то время, как в последних во главу угла ставилась экономическая борьба рабочих, в первой— главное значение придавалось борьбе политической. Это был первый протест против так называемого экономизма, который, только после возвращения первой группы питерского союза с Лениным и Мартовым во главе, нашел свое реальное и действенное выражение в организации группы «Искра». Название этой партии русской, а не российской, было не случайно. Главный ее организатор, все тот же Михаил Лурье, был тесно связан с П. П. С. и развивал ту идею, что российская партия может быть образована только впоследствии, путем слияния национальных социал-демократических партий и ей должна предшествовать организация национальной русской партии. Этот пункт больше всего интересовал его и брата его Моисея Лурье. Все остальные к нему относились совершенно равнодушно. Мы, более молодые последователи этой организации, жаждали больше политики и мало обращали внимания на национальный во-

прос. Рабочие, примыкавшие к нам, тоже мало интересовались национальными особенностями нашей программы, а потому возникновение этой партии одновременно и вне всякой связи с российской партией—свидетельство крайне-организационной слабости работавших тогда социал-демократических групп,—ценно именно тем, что группировало, готовило социал-демократов, политических борцов. В первой группе была смесь идеалистических настроений и революционной социал-демократической политики. Последователи ее освободились от идеалистического налета, но сохранили, социал-демократическую революционность. Этой группе, в которой я, хоть и на маленьких ролях исполнителя, работал с самого ее возникновения, в то время, когда только складывалось мое мировоззрение, я обязан тем, что в том великом споре, который делил социал-демократов раньше на искровцев и рабочедельцев, а потом на большевиков и меньшевиков, был всегда на стороне искровцев в первом споре, и большевиков во втором.

А. Сольц.

III.

Материалы и документы.

Августъ 1897 года.

Рабочая газета № 1 [1]).

Рабочие всех стран соединяйтесь!

СОДЕРЖАНІЕ: Значеніе рабочей газеты для русскаго рабочаго движенія.—По Россіи. (Петербургъ, апрѣль 1897 г.—Харьковъ, февраль 1897 г.—Кіевъ, май 1897 г.—Рига, апрѣль 1897 г.—Изъ жизни еврейскихъ рабочихъ.—Изъ царства Польскаго).—Безпорядки въ Петербургѣ и Кіевѣ.—Государственное управленіе въ Россіи и заграницей.—Изъ заграничной жизни.—(Выборы въ Австрійскій рейхсратъ.—Крестьянскіе съезды въ Венгріи).—Русскій капитализмъ и рабочее движеніе въ Россіи.

---

[1]) «Рабочая газета»—орган Киевских соц.-демократов, о котором подробно говорится в статьях Б. Л. Эйдельмана, Махновца, Тучапского и др. (см. приведенный выше указатель о первом съезде) и которая на первом съезде была признана центральным органом партии. Первый номер печатался (см. помещенные в этом сборнике воспом. А. Поляка) в Киеве на квартире С. В. Померанц (Перазич), а второй в Екатеринославе, где и провалился вместе с т. Поляком в ночь с 11 на 12-е

С. В. Померанц-Перазич.

В. Г. Крыжановская-Тучапская.

Ю. Д. Мельников.

А. Д. Поляк.

Значеніе Рабочей газеты для русскаго рабочаго движенія.

Русское рабочее движеніе доказало уже всему міру, что оно не только существуетъ, но и имѣетъ уже теперь значительную силу. Кто можетъ усомниться въ этомъ послѣ іюньской и январской стачекъ Петербургскихъ рабочихъ, стачекъ во время которыхъ рабочіе показали ясное сознаніе своихъ классовыхъ интересовъ, такую стойкость въ борьбѣ за свое правое дѣло? Но, можетъ-быть, эти двѣ стачки являются чѣмъ нибудь особеннымъ, исключительным, можетъ быть, только въ Петербургѣ рабочіе развились до того, чтобы понять, какъ имъ нужно бороться со своими естественными врагами, со своими эксплуататорами? Нѣтъ, это не такъ: во всей Россіи, гдѣ только стучатъ машины, свистятъ фабричные свистки, рабочіе начинаютъ просыпаться и вступать въ борьбу жестокую и непримиримую съ высасывающими у нихъ кровь капиталистами. Да и не только на фабрикахъ происходитъ эта борьба: она ведется также непримиримо и въ мелкихъ ремесленныхъ мастерскихъ, вездѣ, гдѣ только рабочіе поняли все громадное различіе своихъ интересовъ и интересовъ своихъ хозяевъ. Краткое обозрѣніе тѣхъ стачекъ, которыя происходили за послѣдніе 2 года, ясно покажетъ намъ всю справедливость сказаннаго выше. Гдѣ только не вспыхивали онѣ! Начнемъ съ 1895 года. Вотъ стачка на «Большой Ярославской мануфактурѣ», тянувшаяся съ 17 апрѣля по 4-е мая, гдѣ пролилась кровь рабочихъ, пострадавшихъ за свое правое дѣло (кровь эта падаетъ вѣчнымъ позоромъ на все русское правительство, начиная съ царя Николая, благодарившаго войска за стрѣльбу въ безоружную бѣгущую толпу рабочихъ. Было убито 9 человѣкъ, въ томъ числѣ д ѣ в о ч к а т р е х ъ л ѣ т ъ,

---

1898 г. Газета (№№ 1 и 2) представляет из себя тетрадку в четвертую долю листа печатного шрифта. Передовая статья № 1 «Значение рабочей газеты для русского рабочего движения» принадлежит, по словам товарища Б. Л. Эйдельмана, перу Николая Абрамовича Вигдорчика («Натана»); «Выборы в Австрийский рейхсрат» написал покойный П. Л. Тучапский. «Крестьянские съезды в Венгрии»—Евгений Самойлович Этингер, киевский же с.-д. того периода. Авторов остальных статей установить не удалось. Корреспонденции из других городов принадлежат деятелям этих же городов, но кому именно, установить не удалось.

Редакция.

ранено 7 человѣкъ). Стачка была вызвана штрафами и постояннымъ пониженіемъ расцѣнокъ. Участвовали въ стачкѣ до 2.000 человѣкъ. Кровопролитіе и насилія были еще въ Тейковѣ и въ Иваново-Вознесенскѣ Владимирской губерніи (осенью 1895 года). И въ одномъ, и въ другомъ мѣстѣ рабочіе были доведены до отчаянія безсовестной эксплуатацией: незаконными штрафами, произвольными расцѣнками и т. д.

Въ Тейковѣ рабочіе убили директора фабрики, который сталъ стрѣлять въ стачечниковъ, требовавшихъ хоть немного больше справедливости въ отношеніяхъ къ себѣ. Въ Тейковѣ въ волненіяхъ принимало участіе тысячи три рабочихъ, въ Иваново-Вознесенскѣ—тысячи двѣ. Еще въ двухъ мѣстахъ въ провинціи понадобились войска, чтобы принудить рабочихъ подчиниться угнетеніямъ фабрикантовъ: На Мазуринской бумагопрядильнѣ (около станціи Кусково, близъ Москвы), гдѣ в стачкѣ принимало участіе 2.000 чел., требовавшихъ прибавки къ своему ничтожному вознагражденію, и на ткацкой фабрикѣ Прохорова въ Москвѣ. Среди массы остальныхъ стачекъ (въ Орлѣ, въ Самарѣ, въ Вильнѣ, лѣтомъ въ Иваново-Вознесенскѣ, въ Москвѣ—въ чайномъ складѣ К. и С. Поповыхъ и въ желѣзно-дорожномъ депо на Московско-Курскомъ вокзалѣ) обращаетъ на себя особенное вниманіе стачка въ г. Бѣлостокѣ, гдѣ 26 тысячъ рабочихъ всѣхъ городскихъ фабрикъ въ августѣ 1895 г. отказались работать, такъ какъ фабриканты и всякое начальство хотѣли ввести разсчетныя книжки, прямо заводившія новую барщину для рабочихъ. Стачка тянулась двѣ недѣли; стачечниковъ сломилъ только «царь-голодъ». Мы еще ничего не говорили о Петербургѣ, а въ Петербургѣ между тѣмъ, именно въ концѣ 1895 года начался тотъ ужасающій правительство и фабрикантовъ рядъ стачекъ, который тянется непрерывной цѣпью черезъ весь 1896 г. и переходитъ въ 1897-й, рядъ, освѣщаемый безпримѣрной дѣятельностью «Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Петербургскіе рабочіе съ своимъ славнымъ «Союзомъ» составляютъ могучій передовой отрядъ русской рабочей арміи. Ихъ геройская борьба, сопровождаемая массами жертвъ,—примѣръ для рабочихъ всей остальной Россіи...

Въ Петербургѣ въ ноябрѣ и декабрѣ 1895 г. были стачки: на суконной фабрикѣ Торнтона, на табачной фа-

брикѣ Лаферма, въ «Товариществѣ механическаго производства обуви» и на ткацкой фабрикѣ Лебедева. Вотъ въ сколькихъ мѣстахъ, въ самыхъ различныхъ углахъ Россіи, были проявленія борьбы русскихъ рабочихъ противъ гнета капиталистовъ и правительства. Нужно прибавить, что, навѣрное, было много такихъ доказательствъ пробужденія русскихъ рабочихъ и рѣшимости ихъ бороться съ своими притѣснителями за лучшую жизнь, но мы просто не знаемъ этого: вѣдь писать въ газетахъ объ этомъ не позволяютъ.

Перейдемъ теперь къ 1896 г. Всякій изъ нашихъ читателей сейчасъ, вѣроятно, подумалъ при этихъ словахъ о Петербургской стачкѣ, бывшей лѣтомъ 1896 г. Да это вполнѣ понятно; кому не извѣстна эта славная попытка 30-ти тысячъ Петербургскихъ рабочихъ отстоять свои права на человѣческое существованіе.

Лѣто 1896 года навсегда останется въ памяти русскихъ рабочихъ. Этой громадной стачкѣ предшествовали въ Петербургѣ волненія на многихъ фабрикахъ: на Путиловскомъ заводѣ, на бумагопрядильнѣ Кенига, на бумагопрядильнѣ Воронина среди рабочихъ «Новаго Адмиралтейства» и казеннаго Александровскаго чугуннаго завода. Что касается провинціи, то и въ 1896 году волненія рабочихъ были въ очень многихъ мѣстахъ: въ Москвѣ (въ іюнѣ, августѣ и ноябрѣ, при чемъ въ очень многихъ мѣстахъ съ большимъ успѣхомъ[1]), въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Вильнѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Костромѣ (стачка 350 ткачей на фабрикѣ бр. Зотовыхъ), Бѣлостокѣ, Ковнѣ, Вильковишкахъ (здѣсь рабочіе добились путемъ стачки уменьшенія рабочаго дня на 1 часъ); въ Ковровскомъ уѣздѣ Владимирской губ. на фабрикѣ Ник. Дербелева рабочіе достигли такимъ же путемъ (стачкой 500 чел.) введенія 9-ти часоваго рабочаго дня. Если мы обратимся къ началу 1897 года, то и здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно будетъ поставить Петербургъ съ его январской стачкой 15 тысячъ рабочихъ

---

[1]) Приведемъ 2—3 примѣра: на заводѣ Бромлея въ концѣ ноября стачка 1.000 рабочихъ заставила фабриканта сократить рабочій день съ 11-ти до 10-ти ч., на механическомъ заводѣ Гужона рабочіе посредствомъ стачки добились сокращенія рабочаго дня съ 12-ти до 11-ти ч.; рабочіе въ мастерскихъ Московско-Курской желѣзной дороги благодаря стачкѣ получили удовлетвореніе слѣдующихъ поставленныхъ ими требованій: уплата за коронаціонные дни и за день освященія царскаго поѣзда, поднятія расцѣнокъ, уничтоженія злоупотребленія со стороны мастеровъ и мн. др.

разныхъ фабрикъ и заводовъ, стачкой, которая побѣдила и заставила уступить не только фабрикантовъ, но и правительство: вѣдь именно вслѣдствіе этой стачки петербургскіе ткачи и прядильщики съ 16 апрѣля работаютъ съ 6-ти час. утра до 7-ми час. вечера съ полутора часами на обѣдъ, что послѣдовало по распоряженію самого министра финансовъ, который раньше такъ непримиримо сопротивлялся даже «законнымъ требованіямъ рабочихъ» (см. книж. «Какъ министръ заботится о рабочихъ»); потому же самому и рабочіе механическихъ заводовъ въ Петербургѣ работаютъ теперь только 11 час., а в желѣзподорожныхъ мастерскихъ по субботамъ прекращаютъ работу на 2 часа раньше обыкновеннаго. Кроме большой Петербургской стачки были еще стачки въ Петербургѣ же на шелко-ткацкой фабрикѣ Гольдарбейтера, гдѣ рабочіе добились сокращенія рабочаго дня (съ 12-ти до 11-ти час.), въ Москвѣ (между прочимъ, на механическомъ заводѣ Доброва и Набгольца, гдѣ тоже было достигнуто стачкой сокращеніе рабочаго дня на 1 часъ), въ Серпуховѣ (на фабрикѣ Коншина, гдѣ была произведена масса самыхъ возмутительныхъ насилій по отношенію къ рабочимъ).

Уже изъ одного этого краткаго и неполнаго перечисленія стачекъ и волненій рабочихъ въ два послѣднихъ года ясно до очевидности, какъ широко и могуче развивается русское рабочее движеніе, какъ все больше и больше просыпается у русскихъ рабочихъ классовое самосознаніе, поддерживающее рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ своими угнетателями, капиталистами и правительствомъ, которое постоянно становится на сторону капиталистовъ. Вмѣстѣ съ стачками о пробужденіи сознательности рабочихъ въ Россіи свидѣтельствуетъ еще одно явленіе — это неудержимое стремленіе рабочихъ къ знанію. Среди рабочихъ все чаще и чаще встрѣчаются люди, которые урываютъ каждую свободную минуту, чтобы почитать хорошую книгу, составляютъ библіотеки и для себя и для своихъ товарищей, переполняютъ воскресныя школы и техническіе курсы, не досыпаютъ и не доѣдаютъ, чтобы только утолить свой умственный голодъ. Нелегко достается русскому рабочему знаніе; вѣдь у него почти нѣтъ времени для отдыха, потому что все его время стремится забрать ненасытный капиталистъ, нѣтъ и лишней копѣйки, которую онъ могъ бы

истратить на покупку интересной и важной для него книги. И тѣмъ не менѣе русскій рабочій упорно и неутомимо работаетъ надъ своимъ умственнымъ развитіемъ, надъ раскрытіемъ своихъ глазъ на міръ Божій.

Что же хочетъ знать русскій рабочій, что для него наиболѣе важно и интересно? Конечно, ему интересно все, что дѣлается вокругъ него, но важнѣе и нужнѣе всего—знать все, касающееся рабочаго класса. И рабочій не можетъ не стремиться къ такому знанію, потому что все кругомъ, всякая мелочь жизни рабочихъ наталкиваетъ его на вопросы, почему такъ дурно живется рабочимъ и такъ хорошо ихъ хозяевамъ? Вездѣ ли это такъ, и если въ другихъ странахъ рабочимъ живется лучше, то почему? Будетъ ли когда-нибудь время, когда рабочіе будутъ вести вполнѣ человѣческую жизнь, будутъ имѣть время на отдыхъ, самообразованіе, развлеченія? Такой рабочій, который стремится отвѣтить себѣ на эти вопросы, скоро убѣдится, что другой дороги для улучшенія жизни рабочихъ нѣтъ, кромѣ единодушной, упорной и стойкой борьбы соединившихся между собою рабочихъ противъ всѣхъ, кто ихъ угнетаетъ и давитъ. Вотъ такъ рабочій, ищущій знанія, приходитъ къ тому же, на что другихъ рабочихъ толкаетъ сама жизнь, т.-е. къ борьбѣ за свои интересы. Разница только въ томъ, что для него, для такого сознательнаго рабочаго, вполнѣ ясно, какъ нужно бороться, потому что онъ знаетъ, какъ въ другихъ странахъ побѣдно боролись и борются наши товарищи, да и о борьбѣ русскихъ рабочихъ онъ знаетъ больше другихъ. Чѣмъ больше будетъ такихъ сознательныхъ рабочихъ, тѣмъ успѣшнѣе будетъ борьба рабочихъ, тѣмъ скорѣе придетъ ихъ побѣда. Мы уже видѣли, какъ русскіе рабочіе начинаютъ бороться даже въ глухихъ уголкахъ Россіи за свои права, мы видѣли, какъ широко разрастается русское рабочее движеніе. Но вездѣ ли рабочіе одинаково сознаютъ всю важность своей борьбы? Знаютъ ли они о сотняхъ тысячъ русскихъ рабочихъ, интересы которыхъ одинаковы съ ихъ интересами и которые, можетъ-быть, въ ту же минуту тоже борются за свои права? Знаютъ ли, наконецъ, о милліонахъ заграничныхъ товарищей, которые готовы протянуть руку своимъ русскимъ братьямъ? Къ несчастью, теперь такихъ вполнѣ сознательныхъ рабочихъ немного, просто потому, что имъ негдѣ найти отвѣты на эти вопросы.

У насъ въ Россіи правительство стоитъ на сторонѣ фабрикантовъ и помѣщиковъ противъ рабочихъ (это уже видно изъ того, какъ оно усмиряетъ войсками стачки рабочихъ) и потому старается, чтобы рабочіе подольше оставались въ темнотѣ и не понимали, какъ имъ добиться лучшей жизни. Поэтому правительство запрещаетъ всѣ тѣ книжки, въ которыхъ разсказывается о положеніи рабочихъ и о необходимости имъ соединиться для дружной борьбы съ хозяевами. Поэтому такія книжки не продаются открыто и достать ихъ довольно трудно, а между тѣмъ именно въ нихъ рабочіе могутъ найти наиболѣе нужныя для нихъ знанія, знанія, научающія сознательно бороться за свои интересы. Вотъ для того, чтобы сообщать рабочимъ такое знаніе, мы и начинаемъ издавать рабочую газету для всѣхъ русскихъ рабочихъ, гдѣ бы они не жили. Мы думаемъ, что наша газета нужна теперь не только потому, что она будетъ разъяснять всѣ вопросы, касающіеся рабочаго движенія у насъ и заграницей, но и потому, что она будетъ объединять русскихъ рабочихъ. Русское рабочее движеніе теперь такъ выросло, что нужно подумать о постоянномъ общеніи русскихъ рабочихъ между собою, о взаимной поддержкѣ ихъ въ борьбѣ, объ ихъ тѣсномъ братскомъ союзѣ. Вѣдь только соединившись въ одинъ могучій союзъ, въ одну могучую рабочую партію, русскіе рабочіе побѣдятъ фабрикантовъ и правительство. Эта рабочая партія представитъ такую силу, бороться съ которой никто не будетъ въ состояніи, сопротивляться которой никто не посмѣетъ. Вотъ наша рабочая газета и будетъ содѣйствовать такому великому дѣлу. Изъ нея русскіе рабочіе вездѣ, даже въ самыхъ глухихъ уголкахъ Россіи, будутъ знать о жизни и борьбѣ своихъ товарищей, будутъ имѣть возможность поддерживать ихъ въ трудную минуту, могутъ сговориться о какой-нибудь общей стачкѣ или другомъ средствѣ борьбы съ общимъ врагомъ. Если теперь уже русскіе рабочіе борются иной разъ очень успѣшно со своими могущественными врагами, теперь, когда они дѣйствуютъ разрозненно, и вступаютъ въ борьбу не вполнѣ подготовленными, то какихъ препятствій не преодолѣютъ они, дружно соединившись и вооружившись тѣмъ знаніемъ, къ которому они такъ горячо стремятся? Наша газета постарается помочь тому, чтобы это счастливое время поскорѣе наступило.

Она постарается разъяснить рабочимъ ихъ собственное положеніе, указать, что нужно сдѣлать, чтобы измѣнить его, будетъ сообщать постоянно свѣдѣнія о рабочемъ движеніи въ Россіи и заграницей, и всѣмъ этимъ будетъ соединять всѣхъ русскихъ рабочихъ для дружной, единодушной общей борьбы съ общими врагами. Всего этого, конечно, рабочіе не найдутъ въ обыкновенныхъ газетахъ, потому что тамъ запрещено писать о несчастномъ положеніи рабочихъ и о способахъ, какъ это положеніе измѣнить. Вотъ почему рабочимъ необходима своя рабочая газета, которая бы говорила всю правду о положеніи рабочихъ, звала бы ихъ на борьбу и учила бороться. Наша «Рабочая Газета» и будетъ это дѣлать и тѣмъ съ своей стороны помогать великому дѣлу освобожденія рабочаго класса.

Да здравствуетъ рабочее дѣло!

Да здравствуетъ освобожденіе рабочаго класса!

По Россіи.

Петербургъ. Апрѣль, 1897 года. Вѣроятно, очень многимъ читателямъ «Рабочей Газеты» извѣстно о январской стачкѣ 15.000 петербургскихъ ткачей и прядильщиковъ. Они добивались, чтобы работать отъ 6-ти час. утра до 6-ти час. вечера съ полутора часами на обѣдъ, чтобы повысили расцѣнки, чтобы по субботамъ кончали работу въ 2 часа, словомъ, добивались того же, что хотѣли завоевать у фабрикантовъ и правительства во время славной стачки лѣтомъ прошлаго года. Правительство такъ испугалось стачки, что въ самомъ ея началѣ, выставило вездѣ на фабрикахъ объявленія такого содержанія: съ 16-го апрѣля на всѣхъ ткацкихъ фабрикахъ будутъ работать только съ 6-ти ч. утра до 7-ми час. вечера съ полутора час. на обѣдъ. Конечно, это было еще не то, чего хотѣли рабочіе, такъ какъ все-таки рабочій день для нихъ будетъ 11 съ половиною час. (не считая времени на обѣдъ), а не 10 с пол. час., какъ они требовали, однако же и такую уступку правительства и фабрикантовъ можно смѣло назвать побѣдой рабочихъ. Эти завоеванные свободные полтора-два часа дадутъ имъ возмож-

ность подумать о новой борьбѣ, придадутъ имъ бодрости и новыхъ силъ... Послѣ изданія этого объявленія стачка все-таки продолжалась, стачечники требовали, чтобъ сокращеніе рабочаго дня было введено сейчасъ же, а не съ 16 апрѣля, и при томъ, чтобы работать только съ 6-ти до 6-ти. На нѣкоторыхъ фабрикахъ рабочимъ сдѣлали небольшіе уступки, повысили расцѣнки (на старо-самнсоніевской мануфактурѣ и на фабрикѣ Гука), объявили, что работать отъ 6 до 7 будутъ не съ 16 апрѣля, а съ 1 апрѣля, а по субботамъ работа будетъ кончаться в 1 часъ дня (на фабрикѣ Паля). Почему же стачечникамъ не удалось заставить правительство и фабрикантовъ окончательно покориться ихъ требованіямъ? Дѣло въ томъ, что у нихъ не было достаточно денегъ, чтобы можно было здѣсь, въ Петербургѣ, зимой, въ январскіе морозы долго прожить безъ работы, а затѣмъ, и это самое главное, они не могли сговориться между собой: вѣдь всякія собранія рабочихъ у насъ въ Россіи запрещены.

Мы, петербургскіе рабочіе, еще разъ убѣдились, какъ для успѣха борьбы нужно поступать: нужно держаться дружно и единодушно, нужно имѣть побольше кассъ на случай стачки и главное нужно добиться, чтобы правительство дало рабочимъ право собраній, на которыхъ они могли бы сговориться относительно своихъ интересовъ.

Съ 16 апрѣля на всѣхъ ткацкихъ и бумагопрядильныхъ фабрикахъ в Петербургѣ дѣйствительно работаютъ отъ 6 до 7 часовъ, фабриканты повысили расцѣнки, чтобы предупредить волненія рабочихъ, заработокъ которыхъ долженъ былъ уменьшиться отъ сокращенія рабочаго дня. Но они повысили расцѣнки не на столько, чтобы плата осталась прежняя (повышеніе равняется всего 7 проц., а чтобы плата осталась прежняя, нужно расцѣнки повысить на 10—15 процент.). Новыя стачки, конечно, не заставятъ себя ожидать, потому что петербургскіе ткачи и прядильщики ни за что не помирятся с уменьшеніем своего и безъ того жалкаго заработка.

На Новой Бумагопрядильнѣ была ужъ стачка, во время которой надъ рабочими совершались ужасныя, возмутительныя насилия: на мирныхъ, безоружныхъ людей была выпущена орда царскихъ баши-бузуковъ, которые ихъ били нагайками, и кулаками, не разбирая ни пола, ни возраста, а въ заключеніе всѣ 3.000 раб. были высланы изъ Петербурга.

Въ послѣднее время было очень много арестов среди рабочихъ и среди интеллигентовъ, сочувствующихъ рабочимъ. Правительство всѣми силами старается, чтобы рабочіе покорно, какъ какіе-нибудь бараны или телята, подчинились фабрикантамъ и давали сдирать съ себя по три шкуры. Но оно не испугаетъ рабочихъ, никогда они не превратятся въ безсловесныхъ животныхъ и сумеютъ принудить своихъ враговъ признать ихъ людьми и дать имъ человѣческія права. Во время нашей борьбы съ капиталистами мы, петербургскіе рабочіе, очень хорошо поняли, каково наше правительство и каковы наши порядки. Если у кого-нибудь изъ насъ еще были надежды, что за насъ заступятся царь или его чиновники, то эти надежды теперь исчезли безвозвратно. Мы теперь знаемъ, что помочь намъ—можемъ мы только сами. Для этого намъ нужно, прежде всего, добиться перемѣны теперешнихъ русскихъ порядковъ на такіе, какъ за границей. Намъ нужно, чтобы нами правили не самодержавный царь и его самодержавные чиновники, которые служатъ нашим эксплуататорамъ, а выборные отъ всего русскаго народа, въ томъ числѣ и отъ насъ, рабочихъ. Намъ нужно право устраивать, какіе мы только захотимъ общества и союзы, собирать сходки, чтобы говорить о своихъ дѣлахъ, организовывать стачки, издавать безъ всякихъ запрещеній наши рабочія газеты, въ которыхъ можно было бы говорить всю правду о нашемъ положеніи. Однимъ словомъ, намъ нужна политическая свобода.

Заграничные рабочіе потому и могутъ съ такимъ успѣхомъ бороться за свое освобожденіе и идти все ближе къ своей послѣдней цѣли — устройству такого общества, гдѣ не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни фабрикантовъ, ни рабочих, — что у нихъ есть политическая свобода! Если мы не добьемся политической свободы, то еще долго правительство и фабриканты будутъ дѣлать съ нами все, что захотятъ. Вотъ почему теперь нашъ петербургскій союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса постоянно говоритъ о необходимости требовать отъ правительства политическихъ правъ. Говоритъ «Союзъ» объ этомъ и въ тѣхъ двухъ листкахъ, которые онъ выпустилъ передъ первымъ мая (19-мъ апрѣля) этого года. Въ одномъ изъ нихъ (рѣчь товарища на всемірный рабочій праздникъ 1-ое мая), «Союзъ» указываетъ на громадные

успѣхи русскаго рабочаго движенія и заявляетъ, что перваго мая «первое требованіе рабочихъ — политическая свобода». «Рабочіе, а вмѣстѣ съ ними и весь народъ должны получить право участія въ законодательствѣ и управленіи государствомъ, право свободно собираться, устраивать союзы и стачки, свободно обсуждать свои дѣла и имѣть свободныя книги и газеты (свобода печати)». Конечно, сразу нельзя добиться политической свободы, но каждый годъ 1-го мая рабочіе должны непремѣнно (говорится въ листкѣ), заявлять требованіе политическихъ правъ и, конечно, правительство принуждено будетъ уступить, опасаясь народнаго взрыва. Рядомъ съ требованіемъ политической свободы, листокъ ставитъ требованіе 8-ми часового рабочаго дня; нечего конечно говорить какое громадное значеніе имѣетъ это требованіе, объединяющее рабочихъ всего міра.

Второй листокъ «Союза» (подъ названіемъ «Всемірный рабочій праздникъ 1-го мая»), точно так же говоритъ о необходимости для рабочихъ прежде всего добиваться политической свободы, которая только и дастъ возможность русскому рабочему классу успѣшно стремиться къ полному своему освобожденію рядомъ съ рабочими другихъ странъ. Оканчивается листокъ такими словами: «Поклянемся товарищи, въ этотъ великій и торжественный день, что мы и впредь будемъ вести ту же упорную борьбу за лучшее будущее, не пугаясь преслѣдованій, не смущаясь пораженіями, и не соблазняясь грошевыми уступками; будемъ передавать этотъ завѣтъ единенія и борьбы до тѣхъ поръ, пока вмѣстѣ съ рабочими всего міра не измѣнимъ теперешняго несправедливаго порядка на такой, при которомъ не будетъ больше ни капиталистовъ, ни рабочихъ, ни богатыхъ, ни бедныхъ. И мы будемъ бороться руку объ руку съ рабочими всего міра, а наше великое дѣло — освобожденіе рабочаго класса. Мы будемъ бороться, не боясь никакихъ жертвъ, и мы побѣдимъ».

Харьковъ. Февраль 1907 года. Самымъ важнымъ событіемъ у насъ за послѣдній годъ является стачка на мельнично-машинно-строительномъ заводѣ Бельгійскаго общества. Заводъ этотъ недавно выстроенъ и на немъ былъ введенъ рабочій день отъ 6 часовъ утра до 6-ти часовъ вечера съ перерывами въ полтора часа. Черезъ полгода,

однако, управленію (администраціи) завода показалось черезчуръ уже тяжелымъ платить рабочему за 12 час. столько, сколько на другихъ сосѣднихъ заводахъ платили за 13 и больше часовъ работы. И вотъ, въ началѣ ноября прошлаго года администрація (управленіе) объявила рабочимъ, что они должны работать отъ 6 часовъ утра до 7 часовъ вечера, т.-е. 13 час. вмѣсто 12. Это постановленіе до того возмутило рабочихъ, что они всѣ, числомъ 160, отказались продолжать работу. Тогда администрація, думая запугать лишеніемъ заработка, предложила всѣмъ недовольным взять разсчетъ. Каково же было ея удивленіе, когда у конторы собрались для разсчета все! Не теряя, однако, надежды, что самая расплата, можетъ быть остановитъ более робких, встревоженная администрація приступила къ разсчету. Вероятно въ поведеніи рабочихъ видна была твердая рѣшимость добиться своего, потому что послѣ разсчета какого-нибудь десятка рабочихъ, контора пріостановила дальнѣйшую выдачу денегъ и согласилась оставить работу на прежнихъ условіяхъ, а по первому требованію рабочихъ приняла обратно только что разсчитанныхъ товарищей. Такимъ образомъ на этотъ разъ дѣло кончилось полной побѣдой рабочихъ благодаря тому, что рабочіе рѣшительно заявили свою волю и держались дружно.

До поры до времени администрація притихла, чтобы при удобномъ случаѣ тѣмъ вѣрнѣе возобновить свою попытку. Такой случай скоро представился и 5 января настоящаго года администрація снова попыталась закабалить рабочихъ на одинъ лишній часъ. Время было выбрано удачно: Рождественскіе праздники только что кончились и, значитъ, всѣ сбереженія и средства, какия только могли быть у рабочихъ, были уже израсходованы. Воспользовавшись этимъ стѣсненнымъ положеніемъ, администрація предложила рабочимъ новыя книжки, в которыхъ рабочій день обозначался от 6 час. до 7 часовъ вечера. Вечеромъ, передъ уходомъ рабочіе получили книжки и ушли домой, а 7-го числа явились всѣ на заводъ во время, но къ работе не приступали. Вскорѣ явился и самъ хозяинъ и указалъ, что новый рабочій день введенъ не по его волѣ, а по предложенію фабричного инспектора, котораго онъ не смѣетъ ослушаться. Тогда всѣ 160 человѣкъ направились по городу къ фабричному инспектору. Тотъ ихъ грубо принялъ и согласился говорить только съ выборными

(делегатами). Обиженные рабочіе хотѣли было направиться къ высшимъ властямъ, но фабричный инспекторъ выслалъ къ нимъ своего помощника, который, обещаніемъ разобрать дѣло по справедливости, успокоилъ ихъ. Послѣ разбора дѣла (здѣсь всѣ рабочіе увидѣли, что ихъ хозяинъ нахально лгалъ, сваливая вину на инспектора), помощникъ инспектора согласился, что они могутъ оставить работу, но только послѣ двухъ недѣль. Черезъ двѣ недѣли рабочіе явились за разчетомъ. Тутъ уже ждала ихъ полиція съ казаками и по указанію хозяина арестовала 4 рабочихъ: вѣдь у правительства всегда правъ хозяинъ, а виноваты рабочіе! Въ этотъ день все-таки три четверти всѣхъ рабочихъ получили разсчетъ, а на четвертый день явились и прочіе.

Увидѣвъ, что всѣ усилія его напрасны, управляющій пошелъ на уступки, предложилъ уменьшить время на полчаса, прибавить къ платѣ отъ 10 до 20 копѣекъ и уничтожить нѣкоторыя другія тяжелыя условія. Рабочіе вернулись на заводъ, но четвертая часть ихъ вовсе не пришла, не желая иметь дело съ такимъ управляющимъ. Конечно, будь у рабочихъ больше средствъ, они могли бы добиться своего, но и тѣ уступки, которыя долженъ былъ сделать управляющій, не маловажны и объясняются только дружнымъ поведеніемъ рабочихъ во время стачки. Эта борьба указала рабочимъ, какъ важно выбрать удачное время: будь время иное, — рабочіе могли бы продержаться дольше, и уступка администраціи была бы полнѣе. Нѣтъ, однако, худа безъ добра. Теперь рабочие только защищались; наученные же опытомъ, правда, горькимъ, рабочіе дождавшись труднаго для хозяевъ времени, сами объявятъ имъ войну и навѣрное уже выиграютъ. Много помогала в минувшей борьбѣ поддержка другихъ рабочихъ, которые несли съ готовностью помощь, какъ нравственную, такъ и матеріальную своимъ борющимся братьямъ. Да развѣ можетъ быть иначе?

Вѣдь только единеніе можетъ дать рабочимъ ту силу въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, которая заставитъ его отступать передъ медленнымъ, но неудержимымъ движеніемъ рабочих впередъ.

Кіевъ. Май 1897 года. Послѣ новаго года у насъ произошло немало событій, показывающихъ, что и кіевскіе

рабочіе вступаютъ въ рѣшительную борьбу со своими притѣснителями-хозяевами. Не проходитъ недѣли, чтобы рабочіе то на одномъ заводѣ, то на другомъ не вступили въ защиту своихъ правъ и не потребовали уступокъ отъ капиталистовъ.

Въ февралѣ бросили было работу токаря на механическомъ заводѣ Греттера. Они были возмущены нахальствомъ своего мастера Казанека, прячущаго часть рабочаго заработка в свой карманъ или в карманъ своихъ любимцевъ. Узнавъ, что токарные станки остановились, Греттеръ поспѣшилъ пріѣхать в мастерскую. Токаря заявили, что они требуют выдачи удержанных в послѣднюю получку денегъ. Это требование Греттеръ обѣщалъ исполнить. Тогда токаря принялись за работу. Но несколько дней спустя рабочимъ представился случай снова доказать, что они умѣютъ дѣйствовать дружно. Нѣсколько дней спустя послѣ описаннаго случая, мастеръ несправедливо разсчиталъ одного изъ рабочихъ. Всѣ рабочіе вмѣстѣ потребовали, чтобы онъ не былъ увольняемъ. Контора завода уступила рабочимъ, не желая раздражать ихъ

Приблизительно въ то же время портные, работающіе у Людмера, Ходорковскаго, Жердера и Глозмана сговорились работать на 3 часа въ сутки меньше. Раньше они кончали работу въ 12 час. ночи, а теперь работаютъ только до 9-ти час. Хотя плата у портныхъ не по-денная, а по-штучная, но они поняли, что полезнѣе отдохнуть тремя часами болѣе, почитать и поучиться, чѣмъ выбиваться изъ силъ изъ-за нѣсколькихъ копѣекъ.

Имѣть немного свободнаго времени для отдыха и науки захотѣли также рабочіе изъ столярной мастерской Рожнецкаго. Хозяину вздумалось начинать работу въ 8 час. утра и кончать в 8 час. веч.; раньше же подмастерья работали у него съ 7 до 7. Прежніе порядки были лучше: свободный часъ вечеромъ дороже для рабочаго, чѣмъ утромъ, когда нѣтъ охоты ни читать, ни побесѣдовать с толковыми людьми. Поэтому рабочіе не обращали вниманія на новое постановленіе хозяина и стали приходить по-прежнему въ 7 час. утра и уходить въ 7 час. вечера. Рожнецкій, чтобы напугать ихъ и принудить къ послушанію, заявилъ разсчетъ; рабочіе, однако, и не думали уступать, а разошлись по другимъ мастерскимъ. Какъ ни хотѣлось хозяину пригласить ихъ къ себѣ назадъ, но было поздно: они рѣшили не имѣть дѣла

съ упрямымъ хозяиномъ, такъ грубо стѣснявшимъ ихъ свободу. Недавно сокращенія рабочаго дня потребовали рабочіе въ столярной мастерской Кимаера. Управляющій послѣ получасоваго разговора убѣдился, что рабочіе твердо будутъ стоять за свое дело, а то, пожалуй, устроятъ стачку — и согласился уступить. Раньше у Кимаера работали отъ 6 час. утра до 7 час. веч., а теперь отъ 7 до 7.

На борьбу съ хозяевами у насъ поднялись не только рабочіе, но и работницы. На табачной фабрике братьевъ Когенъ завѣдывающій безсовѣстно обманывалъ папиросницъ при выдачѣ табаку, вслѣдствіе чего работницамъ приходилось платить штрафы или покупать недостающій табакъ на свои деньги. Онѣ рѣшили пойти съ жалобой въ контору. Управляющій, узнавъ объ ихъ намѣреніи, впалъ въ бѣшенство и грозилъ удалить нѣкоторыхъ работницъ изъ фабрики. Однако красть табакъ онъ пересталъ и въ концѣ концовъ такъ-таки и побоялся разсчитать смѣлыхъ работницъ, помѣшавшихъ ему продолжать грабежъ.

Еще большихъ уступокъ добились работницы на корсетной фабрикѣ Дютуа. Управляющему Динаэру однажды вздумалось держать работницъ часомъ больше, противъ обыкновеннаго. Многія корсетницы, не желая утомлять себя лишней работой, ушли домой. За это Динаэръ наложилъ на каждую изъ нихъ штрафъ въ 15 копѣекъ. Нѣсколько дней спустя на фабрикѣ появились листки, въ которыхъ разъяснялось работницамъ, что онѣ не должны платить этого штрафа, такъ какъ онъ не допускается даже закономъ. Динаэръ, прочитавъ одинъ изъ листковъ, испугался, какъ бы работницы не потребовали фабричнаго инспектора. Фабричные инспектора не любятъ мѣшать фабрикантамъ въ обираніи рабочихъ, пока рабочіе молчатъ. На фабрикѣ Дютуа дѣлается множество беззаконій, о которыхъ инспекторъ будто бы не знаетъ. Если бы его позвали работницы, то ему неловко было бы не исполнить ихъ законныхъ требованій. Чтобы замять дѣло и задобрить работницъ, Динаэръ не только возвратилъ штрафныя деньги, но пересталъ дѣлать вычеты за иголки, назначилъ нѣсколькимъ работницамъ награду (правда, всего въ 6 руб). и прежнюю грубость въ обращеніи заменил необыкновенной любезностью. Однако фабричный инспекторъ все-таки нагрянулъ, и это случилось вотъ какъ. Мѣсяцъ спустя послѣ пер-

ваго листка, на фабрикѣ Дютуа появился второй листокъ, призывавшій работницъ добиваться новыхъ уступокъ, а именно: чтобы штрафы записывались в книжки, чтобы вычеты за испорченные корсеты производились правильно, чтобы мастерская убиралась не на счетъ работницъ и некоторыхъ другихъ. Вслѣдъ за появленіемъ этого листка на фабрикѣ, прибылъ фабричный инспекторъ. Работницы повторили ему всѣ свои требованія, и почти всѣ они были исполнены, а управляющій получилъ выговор за неисполненіе фабричныхъ правилъ.

Большое оживленіе между рабочими вызываютъ листки, начавшіе появляться на фабрикахъ и заводахъ въ послѣднее время довольно часто. Листки распространялись на машиностроительномъ заводѣ Шиманскаго, въ пароходныхъ мастерскихъ, на механическомъ заводѣ Греттера, на фабрикѣ Кимаера, въ корсетной мастерской Дютуа, в желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Листки эти издаются «Кіевскимъ Союзомъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Кромѣ листковъ, у насъ, въ Кіевѣ, съ декабря прошлаго года стала издаваться рабочая газета «Впередъ». До сихъ поръ вышло въ свѣтъ 2 номера. Жандармы и сыщики никакъ не могутъ помѣшать распространенію листковъ и газеты: они сдѣлали обыскъ у нѣсколькихъ рабочихъ, чтобы навести страхъ на болѣе робкихъ, но ничего не нашли — и ушли ни съ чѣмъ.

Самое важное событіе, которымъ мы можемъ подѣлиться съ рабочими другихъ городовъ — это празднованіе 1-го мая. 19 апрѣля на нѣсколькихъ заводахъ у насъ появились листки, выясняющіе значеніе майскаго праздника. «Присоединимся же и мы, — говорилось въ концѣ листка, — «къ всемірному рабочему празднику 1 мая; отпразднуемъ и мы, чѣмъ можемъ, этотъ великій день. Пусть каждый изъ насъ забудетъ свои мелкія частныя дѣла и проникнется мыслью, что онъ членъ великой рабочей семьи, борецъ за одно общее великое дѣло. Постараемся, чтобы какъ можно болѣе товарищей присоединилось къ этому дѣлу, постараемся увеличить наши силы и приблизить нашу побѣду. Пусть скорѣе наступитъ то счастливое время, когда въ день перваго мая мы открыто и смѣло выйдемъ на улицу, развернемъ рабочее знамя и громко воскликнемъ: да здравствуетъ первое мая — всемірный праздникъ рабочихъ! Да здравствуетъ борьба за свободу и счастье!»

1 мая 532 желѣзнодорожныхъ рабочихъ послѣ обѣда не вышли на работу, а остались дома или пошли за городъ. Собравшись небольшими компаніями, они бесѣдовали о рабочемъ дѣлѣ, пѣли рабочія пѣсни, провозглашали тосты за свободу, равенство и братство до поздней ночи. Рабочій праздникъ у насъ въ Кіевѣ явно празднуется впервые. Конечно, по почину желѣзнодорожныхъ рабочихъ съ слѣдующаго года начнутъ его праздновать и рабочіе другихъ заводовъ.

Рига. Апрѣль 1897 годъ. Майскій праздникъ прошелъ у насъ довольно оживленно. Хотя рабочіе не бросали работы, но то, что случилось въ нашемъ городѣ 19 апрѣля вызвало много толковъ и среди рабочихъ, и среди жандармовъ, и среди фабрикантовъ. На заводахъ, по фабричнымъ дворамъ, на улицахъ и въ коридорахъ вблизи рабочихъ квартиръ было разбросано множество листковъ, объясняющихъ, что такое всемірный рабочій праздникъ и какъ его праздновать. Эти листки (прокламаціи) были расклеены на заборахъ и стѣнахъ заводовъ; ихъ находили и въ ящикахъ для писемъ. Фабриканты никакъ не ожидали появленія прокламацій. Они были поражены, узнавъ, что на иныхъ заводахъ их читали всѣ рабочіе. На первыхъ порахъ они не знали какъ тутъ быть. Одинъ изъ нихъ — владѣлецъ механическаго завода Фельзнеръ — обратился за совѣтом к неизмѣннымъ друзьямъ всѣхъ фабрикантовъ — жандармамъ. На заводъ немедленно прибылъ жандармскій офицеръ и прокуроръ суда; однако и они не знали, что дѣлать. Произвести у всѣхъ рабочихъ обыскъ — дѣло слишкомъ длинное и утомительное. Посадить всѣхъ въ тюрьму, такъ за что же? Стали бранить рабочихъ за то, что они читаютъ запрещенные листки, убѣждали отдать ихъ и, наконец, стали грозить тюрьмой, обѣщая помилованіе тѣмъ, кто отдастъ прокламацію по доброй волѣ. Нашлось нѣсколько рабочихъ, повѣрившихъ этому запугиванію и отдавшихъ свои листки жандармскому офицеру. Послѣ этого жандармы нѣсколько разъ вызывали ихъ на допросы, пытаясь узнать, откуда рабочіе взяли листки, кто ихъ читалъ, кто принесъ, кто разбрасывалъ и тому подобное.

Узнать ничего не удалось. Эти допросы все-таки успѣли надоѣсть трусливымъ рабочимъ, между тѣмъ какъ ихъ това-

рищей, не отдавшихъ листковъ, такъ и оставили въ покоѣ. 19 апрѣля жандармскій офицеръ и прокуроръ пробыли на заводѣ полдня, мѣшая своими рѣчами и разспросами работать. Такимъ образомъ, хотя сами рабочіе не рѣшились оставить работу, но на дѣлѣ, благодаря жандармамъ, вышло такъ, что они не работали, а деньги за этотъ день все-таки получили.

На другомъ механическомъ заводѣ «Фениксъ» одна прокламація была наклеена лакомъ на дверяхъ. Чтобы снять ее, пришлось унести ее вмѣстѣ съ дверью въ контору. Въ тотъ же день 19 апрѣля мастеровые завода «Фениксъ» такъ прибили рабочаго-сыщика, который вывелъ ихъ своей наглостью изъ терпѣнія, что сыщикъ заболѣлъ и лишился возможности работать. Контора разсчитала его, какъ ни пріятно было капиталистамъ имѣть между рабочими сыщиковъ, мѣшающихъ имъ объединиться и сговориться, но они не захотѣли содержать его на свой счетъ, лишь только онъ сталъ неспособенъ къ труду. Послѣ этого происшествія жандармское управленіе потребовало у мастера, чтобы онъ написалъ, какъ держатъ себя рабочіе и кого изъ нихъ онъ считаетъ опаснымъ для хозяевъ и жандармовъ.

Очень радушно была принята майская прокламація также рабочими Балтійскаго Вагоннаго Завода. Въ концѣ апрѣля у насъ вспыхнула стачка на одной предмѣстной ткацкой фабрикѣ. Работу бросили вмѣстѣ всѣ рабочіе — и мужчины и женщины. Они требуютъ повышенія заработной платы. Чѣмъ кончится стачка — еще не извѣстно.

Изъ жизни еврейскихъ рабочихъ.

От редакціи.

Въ Россіи живетъ около 5 милліоновъ евреевъ. Большинству изъ нихъ живется очень тяжело. Русскій народъ относится къ нимъ недружелюбно. По своему невѣжеству онъ думаетъ, что они виноваты въ его горькомъ житьѣ. Действительно, евреи иногда спаиваютъ народъ, обираютъ его непосильными процентами, обманываютъ, обвѣшиваютъ и обмѣриваютъ; но то же самое и гораздо чаще дѣлаютъ и русскіе кулаки-міроѣды. Простой человѣкъ мало разби-

рается в томъ, кто его губитъ. Онъ чувствуетъ, что ему живется скверно, тяжело, что силъ у него нѣтъ терпѣть и онъ ищетъ, на комъ бы выместить свою злобу. Съ дѣтства, съ самой колыбели ему постоянно толкуютъ, что во всемъ виноваты евреи — вотъ онъ и озлобляется противъ нихъ, дѣлается ихъ врагомъ, а подчасъ и бросается ихъ бить и разорять ихъ имущество. Но и кромѣ простого народа у евреевъ не мало враговъ. Русскіе ростовщики, кулаки, купцы, торговцы, фабриканты — всѣ видятъ въ евреяхъ конкурентовъ, отъ которыхъ хотѣлось бы избавиться. Чѣмъ больше притѣсняютъ евреевъ, чѣмъ меньше имъ даютъ правъ, тѣмъ для русскихъ капиталистовъ выгоднѣе. Русскому капиталисту хочется, чтобы ему никто не мѣшалъ высасывать соки изъ его рабочихъ, изъ его покупателей или изъ его должниковъ. Удивительно ли, что онъ врагъ евреевъ, и постоянно кричитъ, что евреи погубили русскій народъ? Да къ тому же надо ему и глаза отъ себя отвести, а то, пожалуй, увидятъ, что въ дѣйствительности-то губитъ русскій народъ онъ самъ.

Что думаютъ капиталисты, то, конечно, думаетъ и правительство. Извѣстно, что оно всегда дѣлаетъ такъ, какъ выгоднѣе богатымъ. Вотъ почему оно такъ преслѣдуетъ евреевъ. Чтобы устранить ихъ конкуренцію, оно запрещаетъ имъ свободно проживать въ Россіи, запрещаетъ имъ жить въ селахъ и деревняхъ, не принимаетъ ихъ на государственную службу, ограничиваетъ ихъ поступленіе въ учебныя заведенія и прочее и прочее.

Тяжело жить среди столькихъ ограниченій, среди такой вражды и непріязни. Скученные въ немногихъ городахъ, не имѣя права выѣхать оттуда, встрѣчая всюду недружелюбіе и злобу, евреи влачатъ самое жалкое, самое бедственное существованіе и многіе из нихъ, проклиная судьбу, бросаютъ родину, бѣгутъ изъ Россіи, чтобы искать себѣ пріюта и счастья въ далекихъ странахъ. Къ русскимъ большинство изъ нихъ относится враждебно. Еще бы! Что видятъ они отъ русскихъ, кромѣ притѣсненій и злобы, кромѣ насилія и вражды?

Но въ послѣднее время и среди русскихъ и среди евреевъ появились люди, которые поняли, что эта вражда безсмы-

сленна и вредна. Эти люди—сознательные рабочіе русскіе и еврейскіе.

Русскіе рабочіе сказали себѣ: «Среди евреевъ есть много ростовщиковъ и эксплуататоровъ (грабителей), но развѣ изъ-за этого нужно ненавидѣть весь еврейскій народъ? Развѣ такихъ эксплуататоровъ мало среди насъ, русскихъ? Съ нашими русскими эксплуататорами мы боремся, будемъ бороться и съ еврейскими. Но всѣхъ тѣхъ, кого грабятъ, обираютъ и притѣсняютъ, всѣхъ угнетенныхъ и страдающихъ мы считаемъ своими братьями и друзьями, а не врагами. И еврейскіе рабочіе наши братья. Развѣ они не страдаютъ отъ своихъ притѣснителей, какъ и мы, развѣ они не могутъ насъ поддержать въ борьбѣ, развѣ не одинъ у насъ врагъ, не одна цѣль, не одни желанья? Между рабочими нѣтъ ни еврея, ни православнаго, ни католика. У рабочихъ всего міра одна вѣра—вѣра въ лучшую жизнь, въ свободу, въ счастье».

Въ то же время сознательные еврейскіе рабочіе сказали себѣ: «Мы ошибались, когда думали, что всякій еврей нашъ другъ, а всякій русскій нашъ врагъ. Какой другъ намъ еврей-ростовщик, еврей-фабрикантъ, обирающій насъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ? И какой врагъ намъ русскій рабочій, иногда работающій у того же хозяина, что и мы, терпящій тѣ же бѣдствія и притѣсненія, что и мы? Нѣтъ, капиталистъ—еврей ли, русскій ли—нашъ врагъ, а рабочій—еврей ли или русскій нашъ другъ и товарищъ. Съ капиталистами мы будемъ бороться, а съ рабочими объединяться. Рабочіе всего міра должны объединиться.

И вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ среди еврейскихъ рабочихъ началась такая же борьба со своими хозяевами, такое же рабочее движеніе, какъ и среди русскихъ. Во многихъ мѣстахъ еврейскіе рабочіе успѣли добиться многихъ уступокъ. Съ каждымъ годомъ увеличивается число сознательныхъ еврейскихъ рабочихъ, которые объединяются въ союзы, кассы, читаютъ книги, газеты, развиваются и учатся. Все больше и больше среди еврейскихъ рабочихъ ростетъ сознаніе того, къ чему должны стремиться рабочіе всего міра, какія ихъ цѣли, какъ имъ бороться, чего имъ можно требовать сейчасъ и чего они будутъ требовать въ ближайшемъ будущемъ. На еврейскомъ языкѣ существуетъ много

книгъ, объясняющихъ рабочему всѣ эти вопросы. Нѣкоторыя изъ нихъ переведены на русскій языкъ, такъ же какъ и нѣкоторыя русскія переведены на еврейскій. Недавно на еврейскомъ языкѣ начала выходить рабочая газета — «Еврейскій работникъ». До сихъ поръ вышли 3 номера. Еврейскіе рабочіе чутко прислушиваются къ тому, какъ идетъ борьба у насъ, русскихъ рабочихъ, и съ радостью привѣтствуютъ всякую нашу побѣду. Во время лѣтней петербургской стачки они изъ своихъ небогатыхъ средствъ удѣлили 100 рублей на помощь стачечникамъ. Будемъ же и мы слѣдить за тѣмъ, какъ борются наши товарищи еврейскіе рабочіе. Будемъ радоваться ихъ побѣдамъ, помогать имъ въ нуждѣ, будемъ жить одной общей жизнью — какъ это слѣдуетъ братьямъ по общему дѣлу. Будемъ твердо помнить, что для рабочаго нѣтъ еврея, поляка или нѣмца, для него существуютъ только угнетенные и угнетатели. Угнетенные евреи, нѣмцы, поляки — наши братья, а угнетатели, хотя бы и русскіе — наши враги.

* * *

Варшава, декабрь 1896 года. У насъ существуетъ «Еврейскій Рабочій Союзъ», который стоитъ во главѣ нашего рабочаго движенія. Онъ руководитъ борьбой рабочихъ, распространяетъ среди нихъ книги, листки, рабочую газету.

Осенью 1896 года, когда во всѣхъ ремесленныхъ заведеніяхъ по обыкновенію наступилъ сезонъ усиленной работы, союзъ выпустилъ листокъ къ еврейскимъ ремесленнымъ рабочимъ, въ которомъ убѣждалъ рабочихъ не изнурять себя 17- и 18-часовой работой, не работать по ночамъ, а ограничить свой рабочій день 12-ю часами и требовать повышенія платы. Такіе же листки выпускалъ онъ и по другимъ поводамъ. Что дѣятельность его не осталась безъ вліянія на рабочихъ, можно видѣть по цѣлому ряду стачекъ и столкновеній, которыя не прекращались у насъ всю зиму. Стачки были у насъ въ мастерскихъ, гдѣ изготовляютъ кошельки, среди щеточниковъ и у портнихъ. Особенно интересны стачки портнихъ. Портнихи у насъ вообще считаются самыми отсталыми среди рабочихъ и работницъ Варшавы. Однако, тѣ нечеловѣческія условія, въ которыхъ онѣ живутъ, расшевелили и ихъ. И онѣ рѣшили выступить на защиту своихъ

интересовъ, своихъ правъ, своего человѣческаго достоинства. Въ одной мастерской, гдѣ хозяйка просто-на-просто бьетъ мастерицъ и особенно учениц, мастерицы потребовали прекращенія этихъ безобразій. Такой отпоръ со стороны работницъ не пришелся, конечно, по душѣ хозяйкѣ, и она всю свою злобу излила на одну мастерицу, которой отказала. Но съ тѣхъ поръ она все-таки не рѣшается поднять руку на мастерицъ. Въ другой мастерской столкновеніе произошло изъ-за длины рабочаго дня.

Передъ еврейскими праздниками хозяйка потребовала, чтобы работницы работали 15—16 час. въ сутки, да еще работали ночи напролетъ. Работницы же ни за что не соглашались работать больше 12 час. и на ночную работу не оставались. Хозяйка ничего не могла съ ними сдѣлать и, чтобы хоть кому-нибудь отомстить за доставленную ей непріятность, отказала 2-мъ мастерицамъ, не заплативши имъ за двѣ недѣли.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ вы видите, что и у насъ рабочіе уже зашевелились, что и у насъ началась уже борьба рабочихъ за улучшеніе ихъ положенія. Эта борьба была бы сильнѣе, если бы наши рабочіе были хоть сколько-нибудь организованы, объединены, если бы у насъ были кассы, на которыя рабочіе могли бы разсчитывать, начиная борьбу. Многихъ рабочихъ удерживаетъ отъ стачки мысль, что они останутся безъ хлѣба и будутъ голодать вмѣстѣ со своими семьями. Но и кассы и объединеніе не заставятъ себя ждать: наши рабочіе уже начинаютъ организоваться. Мы имѣемъ поэтому полное право бодро смотрѣть впередъ и ожидать широкаго развитія нашего рабочаго движенія.

* * *

В августѣ 1896 года въ одномъ изъ городовъ еврейской осѣдлости[1]) еврейскіе рабочіе дали спектакль, сборъ съ котораго предназначался на расширеніе рабочей библіотеки. Давали: 1) «Борьба за существованіе» — разсказъ, передѣланный для сцены однимъ рабочимъ, и 2) «Религія капитала». Всѣ роли исполняли рабочіе и работницы. На спектаклѣ присутствовало человѣкъ 60, главнымъ образомъ ра-

---

[1]) Такъ называются губерніи, въ которыхъ правительство позволяетъ свободно проживать евреямъ. Въ остальныхъ губерніяхъ могутъ жить только ремесленники, купцы и люди съ высшимъ образованіемъ.

бочихъ; черезъ недѣлю этотъ спектакль повторили въ присутствіи 80 человѣкъ. Наконецъ, по желанію публики, онъ былъ данъ въ третій разъ. Представленіе каждый разъ заканчивалось пѣніемъ революціонныхъ рабочихъ пѣсенъ. Все представленіе шло на еврейскомъ языкѣ.

* * *

Вильно. Въ продолженіе всего 1896 г. у насъ не прекращались стачки среди сапожниковъ. Всего ихъ было 14, съ общимъ числомъ участниковъ около 100 чел. Рабочіе главнымъ образомъ требовали повышенія поштучной платы. Одна стачка произошла изъ-за 12-ти часового рабочаго дня. Результатъ стачекъ нужно считать вполнѣ благопріятнымъ. Въ 6 мастерскихъ (въ одной изъ нихъ рабочіе прекращали работу три раза) требованія рабочихъ были удовлетворены. Въ двухъ стачки не удались, потому что рабочіе держались недостаточно дружно. Въ двухъ случаяхъ рабочіе не вернулись къ своимъ прежнимъ хозяевамъ, а поступили на другія мѣста или разъѣхались. Въ общемъ заработная плата въ мастерскихъ, гдѣ стачки удались, повысилась на 50 коп. въ недѣлю. Особенно сильное впечатлѣніе на всѣхъ виленскихъ рабочихъ произвела стачка въ мастерской Лихинскаго. Мастерская Лихинскаго самая большая въ городѣ. Въ ней работаетъ 32 рабочихъ—17 евреевъ и 15 литовцевъ.

Приблизительно въ серединѣ августа рабочіе уговорились съ хозяиномъ работать по 12 час. в день от 8 до 8. Не прошло послѣ этого уговора двухъ дней, как случилась спѣшная работа. Лихинскій былъ увѣренъ, что рабочіе будутъ сидѣть позже 8 час. Но ровно въ 8 час. всѣ рабочіе ушли. Взбѣшенный этимъ Лихинскій рѣшилъ отказать тѣмъ рабочимъ, которые, по его мнѣнію, были главными подстрекателями въ мастерской. Это и было поводомъ къ стачкѣ. 19 августа 22 человѣка евреевъ и христіанъ бросили работу. Требованія, выставленныя рабочими были слѣдующія: 1) чтобы хозяинъ никогда не требовалъ отъ рабочихъ болѣе, чѣмъ 12-ти часовой работы, 2) чтобы онъ повысилъ плату на 10—15 коп. со штуки, 3) чтобы в мастерской находились часы, 4) чтобы хозяинъ расплачивался съ рабочими въ самой мастерской, чтобы можно было контролировать хозяина

въ расплатѣ съ рабочими, 5) чтобы хозяинъ расплачивался съ рабочими сполна, а не оставлялъ за собою долговъ, какъ это онъ дѣлалъ раньше и 6) чтобы онъ не отказывалъ никому изъ рабочихъ. Хозяинъ нѣсколько разъ уговаривалъ рабочихъ прекратить стачку, обѣщая имъ выполнить большую часть ихъ требованій. Рабочіе же упорно настаивали на выполненіи всѣхъ своихъ требованій. Не добившись ничего уступками, Лихинскій сталъ угрожать рабочимъ: пугалъ ихъ жандармами, фабричнымъ инспекторомъ. Но угрозы дѣйствовали на рабочихъ еще меньше, чѣмъ уступки. В концѣ концовъ, Лихинскій принужденъ былъ уступить и исполнить всѣ требованія рабочихъ. Стачка эта привлекла къ себѣ вниманіе не только дружнымъ и стойкимъ поведеніемъ рабочихъ, но еще и тѣмъ, что это у насъ первая стачка, в которой вмѣстѣ участвовали и евреи и христіане. Какое еще нужно доказательство, что у еврейскихъ и христіанскихъ рабочихъ одни интересы, что они должны идти рука объ руку?

Изъ царства Польскаго.

Апрѣль 1897 года.

Рабочее движеніе, этотъ страшный призракъ, не дающій капиталистамъ спокойно пользоваться богатствомъ, нажитымъ «честнымъ трудомъ», все больше развивается, захватывая новые и новые уголки. Теперь еще мы имѣемъ дѣло съ отдѣльными проявленіями сознательности рабочихъ, но зато эти проявленія повторяются все чаще и чаще, и замѣчаются повсюду по всей странѣ. И дѣйствительно, чуть не ежедневно доносятся отовсюду извѣстія о борьбѣ рабочихъ. которая нерѣдко оканчивается ихъ побѣдою. Такъ напр., подъ Островцомъ на стале-литейномъ заводѣ рабочіе оставили работу, требуя повышенія платы. Начало этой борьбы относится еще къ октябрю прошлаго года, когда хозяева уменьшили заработную плату; тогда рабочіе пытались противиться этому, однако несогласіе между ними и неясное пониманіе своихъ интересовъ сдѣлали напрасными ихъ усилія. Съ этого, однако, времени рабочіе не переставали думать о новой борьбѣ и наконец, дождавшись удобнаго времени, 15 января они всѣ предупредили хозяина, что они оставятъ заводъ, а съ

1 февраля никто не явился на занятія. Ни угрозы директора, ни вмѣшательство полиціи — ничто не помогло. Наученные горькимъ опытомъ рабочіе уже дружно держались и только тогда принялись за работу, когда имъ обѣщали прибавку.

На фабрикѣ Лильпопа и Рау 31 марта было объявлено объ увеличеніи рабочаго времени, а кромѣ того о запрещеніи приносить съ собою завтракъ, чтобы не отнимать у хозяина нѣсколько минутъ столь любимаго имъ рабочаго труда. Рабочіе признали эти распоряженія невыгодными для себя и потребовали ихъ отмѣны; это и было исполнено на другой день, когда даже фабричный инспекторъ заступился за рабочихъ.

В мастерской Кальмуса рабочіе добились 10-ти часового рабочаго дня, отвоевавъ полтора часа на обѣдъ и полчаса на завтракъ изъ 12 часового дня.

У Вейля уже 4 недѣли тянется борьба и рабочіе держатся дружно.

На пивоваренныхъ заводахъ еще въ 1891 году началась борьба и рабочіе, благодаря хорошей организаціи и своему согласію, добились сокращенія рабочаго дня на 3 часа, повышенія платы на 2 руб. в недѣлю и одного дня отдыха еженедѣльно. Но с 1893 года заводчики то тут, то там, увидѣвши, что нѣтъ прежняго согласія между рабочими, пытались отнять хоть день отдыха. Удалось добиться всего только заводу Михлейда, гдѣ нашлась такая часть рабочихъ, которая отказалась отъ дня отдыха. Этотъ поступокъ до того возмутилъ рабочихъ другихъ заводовъ, что у Михлейда снова была сдѣлана попытка вернуть свою потерю; но дѣло велось спустя рукава, и при первой угрозѣ удалить всѣхъ—рабочіе вернулись къ занятіямъ на прежнихъ условіяхъ. Вообще своимъ поведеніемъ эти рабочіе не только повредили себѣ, но также и другимъ, потому что заводчики теперь уже болѣе смѣло станутъ нападать на нихъ.

Въ этомъ случаѣ, конечно, очень виноваты и рабочіе, которые своей трусостью испортили все дѣло; но мы ихъ не такъ будемъ обвинять, если вспомнимъ, каковы порядки на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ. Напримѣръ, на фабрикѣ Боргмана и Шведе одинъ рабочій былъ настолько смѣлъ, что заявилъ свое неудовольствіе, когда у него украли плату за 10 часовъ работы. За эту смѣлость его пытались силой

выгнать изъ фабрики, но товарищи вступились за него и грозили всѣ оставить работу. Прибывшій фабричный инспекторъ все-таки призналъ виновнымъ рабочаго и наказалъ его двухнедѣльнымъ удаленіемъ съ фабрики. Фабричному инспектору тутъ же жаловались на недоплату за трудъ, на малый заработокъ, но онъ только удивлялся, находя по книжкамъ все въ порядкѣ; даже болѣе,—по книжкамъ выходило, что рабочихъ нанимали по 9 коп. за часъ, а платили по 10 коп.; отсюда фабричный инспекторъ выводилъ, что рабочіе должны по гробъ быть благодарны за доброту хозяевъ. (Дѣло в томъ, что при наймѣ рабочему говорили, что цѣна въ книжкѣ поставлена такъ себѣ, для виду, а что онъ будетъ получать поштучно и настоящую цѣну. Такимъ образомъ, хозяинъ защитилъ себя отъ всякой отвѣтственности за недоплату). На этой же фабрикѣ есть касса для помощи больнымъ; составлена она изъ вычетовъ по 30 коп. изъ каждой получки рабочаго и по 20 коп.—помощника его. Этой кассой можетъ пользоваться рабочій не раньше какъ черезъ недѣлю послѣ начала болѣзни, но бѣда въ томъ, что в кассѣ почти никогда нѣтъ денегъ, а рабочихъ 1.000 чел. Положимъ, неудивительно,—вѣдь кассой управляетъ заводское начальство, а не сами рабочіе, а начальство отлично заботится о рабочихъ. Вотъ недавно в Сосновцахъ фабриканты просили генералъ-губернатора прислать имъ полкъ казаковъ на жительство. Они ищутъ помощи казаковъ отъ грабежей,—но далеко вѣрнѣе будетъ, если мы скажемъ, что они, отечески заботясь о спокойствіи рабочихъ, желаютъ имѣть и нагайки для нихъ. Сначала правительство предложило имъ самимъ построить казармы, но потомъ сжалилось надъ этими слабыми міра сего и рѣшило взять постройку на свой счетъ: у нихъ во всемъ полное согласіе и они другъ друга постоянно поддерживаютъ.

У насъ же еще довольно долго придется говорить о необходимости единенія, хотя ужъ все чаще и чаще рабочіе помогаютъ другъ другу въ бѣдѣ, при чемъ ихъ не раздѣляетъ ни различіе языковъ, ни тѣ границы, которыми отдѣлено одно государство отъ другого. Въ самое послѣднее время польскіе рабочіе, высылаемые въ Сибирь за служеніе своему дѣлу, получили от русских 200 руб. Эта помощь показываетъ, что рабочіе уже начинаютъ сознавать себя братьями в одной

великой всемірной семьѣ. Пусть же этотъ примѣръ не останется одинокимъ, пусть наши враги-капиталисты знаютъ, что мы всегда поможемъ другъ другу в борьбѣ с ними, которая, такимъ образомъ, съ каждымъ часомъ будетъ все легче и легче для насъ.

Безпорядки въ Петербургѣ и въ Кіевѣ.

Въ началѣ текущаго года жандармы арестовали въ Петербургѣ Марію Вѣтрову за то, что при обыскѣ въ ея квартирѣ были найдены запрещенныя книги[1]). Вѣтрова была посажена в Петропавловскую крѣпость; тамъ жандармы обращались съ нею грубо, безчеловѣчно. Несчастная, доведенная ими до отчаянія, лишила себя жизни самосожженіемъ.

Виновникъ мученической смерти Вѣтровой — правительство. Оно издало законъ, по которому ее бросили в тюрьму, оно установило произволъ жандармовъ, ничѣмъ не стѣсняемыхъ въ своихъ звѣрствахъ; оно отдало беззащитную Вѣтрову въ руки этихъ кровопійцъ-жандармовъ. Если бы такое потрясающее событіе, какъ смерть Вѣтровой, произошло гдѣ-нибудь за границей, то правительству пришлось бы какъ преступнику, держать отвѣтъ передъ народомъ. У насъ, в Россіи, правительство дѣлаетъ все, что ему угодно, и никто не имѣетъ права требовать у него отчета в его дѣйствіяхъ. Такихъ жертвъ правительственнаго беззаконія, какъ Вѣтрова, было немало. Однако, на этотъ разъ само правительство увидѣло, что поведеніе его вѣрныхъ слугъ-жандармовъ было черезчуръ возмутительно; извѣстіе о смерти Вѣтровой могло бы вызвать негодованіе у самыхъ равнодушныхъ людей. Поэтому правительство рѣшило всѣ свѣдѣнія объ участи Вѣтровой держать втайнѣ. Но слухи проникли изъ-за тюремныхъ стѣнъ и министерскихъ кабинетовъ на бѣлый свѣтъ и быстро разнеслись по Петербургу и другимъ городамъ. Нашлись люди, рѣшившіе явно выразить свое негодованіе правительству и разгласить о его новомъ преступленіи по всей Россіи. У нихъ не было возможности ни привлечь убійцъ к суду, ни напе-

[1]) Въ этихъ книгахъ говорилось лишь о хозяйскомъ и правительственномъ гнетѣ и о томъ, какъ бороться съ ними. Но, по русскимъ законамъ писать обо всемъ этомъ правду не дозволяется, и человѣкъ, имѣющій у себя такія книги, считается преступникомъ.

чатать о случившемся в газетахъ. Они сдѣлали единственное, что было возможно, — устроили торжественныя шествія по улицамъ Петербурга и Кіева с пѣніемъ «Вѣчной памяти» по Вѣтровой; въ Петербургѣ было одно такое шествіе— 4 марта; въ немъ участвовало около 6.000; въ Кіевѣ шествій было 3 (18 марта—2 и 19 марта—1), а участниковъ около 1.000 чел. Попытки устроить подобныя шествія были и в другихъ городахъ, но онѣ были неудачны. Цѣлью этихъ шествій или демонстрацій было—показать правительству, что его позорное участіе въ убійствѣ Вѣтровой станетъ извѣстно всему міру, что есть не мало людей, возмущенных правительственными порядками и что у этихъ людей хватитъ смѣлости открыто и громко заявить свое негодованіе. Таким образомъ, демонстрація была направлена не только противъ одного этого злодѣянія царских слугъ, но противъ всѣхъ тѣхъ порядковъ, при которыхъ допускаются подобныя звѣрства.

Въ демонстраціи участвовали, главнымъ образомъ, студенты, затѣмъ статскіе и женщины, и очень немногіе рабочіе. Однако, демонстрація имѣла большое значеніе и для рабочихъ. Произволъ, несправедливость и насилія жандармовъ, полиціи, чиновниковъ и всего правительства, постоянно даютъ себя чувствовать и рабочимъ: захотятъ ли они стачкой добиться лучшей жизни, устроятъ ли кассу на случай безработицы, или станутъ читать рабочія газеты и книги, имъ сейчасъ же начинаютъ грозить или тюрьмой или казацкими нагайками.

Рабочимъ очень невыгодны теперешніе порядки, при которыхъ правительство всегда защищаетъ фабрикантовъ и всегда притѣсняетъ рабочихъ. Поэтому-то и во время мартовскихъ демонстрацій правительство боялось, какъ бы въ шествіяхъ не приняли участія рабочіе. Особенно сильно струсили полиція и жандармы въ Кіевѣ Чтобы не допустить рабочихъ къ участію въ демонстраціи, повсюду по казеннымъ и частнымъ дворамъ были разставлены войска, на площадяхъ стояли казацкіе патрули, солдатамъ роздали боевые патроны, из сосѣднихъ городовъ прислали драгунъ и, наконецъ, заставили рабочихъ казенныхъ заводовъ работать въ воскресенье, въ которое ожидали новой демонстраціи. Однако, рабочихъ между участниками шествій почти не было: они еще слишкомъ слабо объединены, еще мало закалились в борьбѣ со своими бли-

жайшими врагами—капиталистами, еще слишкомъ плохо понимаютъ свое рабочее дѣло, чтобы участвовать въ демонстраціи, направленной противъ правительственныхъ беззаконій. Со временемъ, понявъ свои интересы и сознавъ свою силу, они, конечно, не станутъ ждать призыва отъ студентовъ, а смѣло и открыто вступятъ въ борьбу съ хозяевами, съ правительствомъ и со всѣми, кто станетъ на пути къ ихъ побѣдѣ.

Тѣмъ не менѣе, мартовская демонстрація принесла рабочимъ много пользы: она имъ ясно показала, какъ могущественны они, какъ ихъ боится правительство. Одного предположенія, что тысяча, другая изъ кіевскихъ рабочихъ устроитъ демонстрацію, было достаточно для того, чтобы держать наготовѣ десятки тысячъ войскъ. Откуда же правительство наберетъ солдатъ, когда на защиту своихъ правъ подымутся милліоны рабочаго народа?

Изъ заграничной жизни.

Выборы въ Австрійскій рейхсратъ.

Многіе изъ нашихъ читателей, вѣроятно, знаютъ о тѣхъ порядкахъ, которые существуютъ за границей во всѣхъ европейскихъ государствахъ (кромѣ Турціи, которая одна похожа по своему управленію на Россію) и что эти порядки гораздо лучше и благопріятнѣе для рабочихъ, чѣмъ наши русскіе. Въ этомъ, разумѣется, никто не будетъ сомнѣваться, потому что хуже и безправнѣе положенія русскаго рабочаго нельзя себѣ представить. Нигдѣ за границей нѣтъ запрещенія рабочимъ собираться и говорить о своемъ положеніи, а у насъ и это даже запрещено: ужъ нечего говорить о запрещеніи всякихъ рабочихъ союзовъ, стачекъ, рабочихъ газетъ. Ни одной страны нѣтъ, гдѣ бы такъ, какъ въ Россіи, старались помѣшать рабочимъ стать сознательнѣе и почувствовать свою силу. Тѣмъ не менѣе и за границей порядки не вездѣ одинаково хороши для рабочаго класса. Раньше были они вездѣ одинаково нехороши для рабочихъ, но рабочіе постарались добиться уступокъ отъ правительствъ и, конечно, уступки были тѣмъ больше, чѣмъ большую сознательность, сплоченность и силу проявляли рабочіе. Только въ тѣхъ государствахъ, которыя являются наиболѣе отсталыми и въ которыхъ

рабочіе еще не успѣли стать силой, порядки являются не вполнѣ благопріятными для нихъ. Къ числу такихъ странъ принадлежитъ одна изъ пограничныхъ Россіи—Австрія.

До самаго послѣдняго времени Австрія имѣла такую конституцію (порядокъ правленія): высшая власть въ странѣ принадлежитъ собранію депутатовъ, выбранныхъ населеніемъ всей Австріи; этот «рейхсратъ» (по русски это значитъ «государственный совѣтъ») издаетъ законы, устанавливаетъ налоги, разсматриваетъ государственный бюджетъ (т.-е. роспись доходовъ и расходовъ), рѣшает вопросы о войнѣ и мирѣ и вообще занимается самыми важными государственными дѣлами.

До этого года въ рейхсратѣ было 353 депутата; они выбирались такимъ образомъ: право выбирать депутатовъ имѣли только такіе граждане, которые платили не меньше 5 гульденовъ (около 4 руб.) прямыхъ налоговъ. Какъ вычислилъ одинъ заграничный писатель (Адлеръ) вслѣдствіе такого закона могли выбирать депутатовъ въ рейхсратъ только одна третья часть всѣхъ жителей Австріи мужского пола, имѣющихъ больше 24 лѣтъ (только съ этого возраста въ Австріи гражданинъ можетъ быть избирателем). Такимъ образомъ остальныя двѣ трети были лишены права участвовать въ управленіи государствомъ черезъ своихъ представителей. Эти двѣ трети составлялись изъ тѣхъ, которые не платили прямыхъ налоговъ, или платили ихъ очень мало, т.-е. значитъ, изъ невладѣющихъ ничѣмъ, кромѣ своей рабочей силы, или имѣющихъ очень ничтожное имущество. Къ этимъ политически безправнымъ принадлежали всѣ рабочіе, всѣ безземельные и малоземельные крестьяне, бѣдные ремесленники. Этого, однако, мало. Даже та треть гражданъ, которая имѣла избирательныя права, могла ими пользоваться только очень неравномѣрно. Всѣ эти граждане раздѣлены на 4 разряда (на 4 избирательныя куріи): 1) крупные землевладѣльцы (богатые помѣщики), 2) торгово-промышленныя палаты (капиталисты), 3) города и 4) сельскіе округа. Крупные землевладѣльцы выбираютъ 85 депутатовъ, торгово-промышленныя палаты — 21, города — 118, сельскіе округа — 129.

Такъ какъ помѣщиковъ и капиталистовъ (членовъ торгово-промышленныхъ палатъ) очень мало по сравненію съ горо-

жанами, а особенно съ крестьянами, то и выходитъ, какъ говоритъ Адлеръ, что 168 крестьянъ съ избирательными правами имѣютъ столько же политическаго значенія, какъ 16 горожанъ или одинъ единственный землевладѣлецъ. Къ этому нужно прибавить еще, что въ сельскихъ округахъ крестьяне не прямо избираютъ депутатовъ, а сначала только особенныхъ выборщиковъ (приблизительно на 500 чел.—1), и тѣ уже, собравшись со всего округа, выбираютъ депутата для цѣлаго округа. Помѣщики и правительство пользуются этими порядками для того, чтобы напугать или подкупить выборщиковъ и заставить ихъ выбрать депутата, пріятнаго помѣщикамъ и правительству: напугать или подкупить гораздо легче, когда выборщиковъ немного. Поэтому и крестьяне часто выбираютъ въ рейхсратъ помѣщиковъ или священниковъ, которые нисколько не заботились объ интересахъ своихъ избирателей, а только о своихъ собственныхъ (т.-е. своего класса). Мы видимъ теперь, какъ несправедлива была избирательная система въ Австріи, какъ все было устроено, чтобы, во-первыхъ, рабочіе и безземельные крестьяне не могли посылать своихъ депутатовъ въ рейхсратъ и во-вторыхъ, чтобы помѣщики и капиталисты имѣли побольше вліянія на государственныя дѣла (вѣдь если бы на помѣщиковъ и капиталистовъ смотрѣли так же, какъ на крестьянъ, то они не могли бы посылать ни одного депутата въ рейхсратъ, такъ как 1 крестьянскій депутатъ приходился на 10.000 съ лишнимъ избирателей, а помѣщиковъ и капиталистовъ и разомъ не наберется въ Австріи 10.000). Понятно, само собою, что собраніе депутатовъ только отъ болѣе зажиточной, болѣе привилегированной части населенія Австріи рѣшало всѣ государственныя дѣла такъ, какъ это было выгодно этой части населенія, и нисколько не обращало вниманія на бѣдствія и нужды политически-безправныхъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ (т.-е. рабочихъ, безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ и т. д.). Съ какой стати эти представители крупного землевладѣнія, крупной и средней буржуазіи стали бы заботиться о тѣхъ, на эксплуатаціи которыхъ основано ихъ собственное благополучіе? Вѣдь то, что полезно пролетаріямъ, вредно ихъ эксплуататорамъ и наоборотъ...

Такое положеніе вещей могло, однако, продолжаться только до тѣхъ поръ, пока политически-безправные слои на-

селенія (рабочіе, главнымъ образомъ) не почувствовали, что они сила, и не потребовали и себѣ такихъ же правъ, какими пользовались богатые привилегированные классы (помѣщики, капиталисты и средняя буржуазія). Промышленность въ Австріи все больше развивалась и вмѣстѣ съ ней росъ и развивался рабочій классъ. Мало по малу рабочіе начинали понимать свое положеніе, сознавать общность своихъ интересовъ (т.-е. пріобрѣтать классовое самосознаніе) и, наконецъ, образовали свою рабочую партію (она называется соціалъ-демократической, какъ и рабочая партія въ Германіи и другихъ странахъ).

Теперь нѣтъ города въ Австріи, въ которомъ бы рабочіе не соединялись въ союзы для поддержки другъ друга, въ борьбѣ съ капиталистами и не примыкали бы къ соціалъ-демократической партіи. Среди крестьянъ тоже возникаютъ партіи, которыя въ союзѣ съ рабочими хотятъ добиться и для себя тѣхъ правъ, которыхъ они лишены теперь. Образованію такихъ партій среди рабочих и крестьянъ много помогаетъ то, что в Австріи можно устраивать большія собранія (митинги) для обсужденія своего положенія, издавать свои газеты, основывать кассы для стачекъ и т. д.

Австрійскіе рабочіе быстро поняли, что они только тогда могутъ помочь себѣ прочно и основательно, когда и они будутъ посылать своихъ депутатовъ въ Австрійскій рейхсратъ, такъ какъ эти депутаты будутъ тамъ добиваться введенія лучшихъ законовъ относительно заработной платы, рабочаго дня, страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и т. д. Въ полезности такой парламентской работы ихъ убѣждалъ примѣръ въ особенности нѣмецкихъ рабочихъ, которые провели очень много хорошихъ законовъ въ германскомъ парламентѣ.

Поэтому Австрійская рабочая партія стала постоянно заявлять передъ правительствомъ требованіе о введеніи всеобщаго, равнаго, прямого, голосованія для всѣхъ жителей Австріи, начиная съ 21 года, т.-е. чтобы каждый австрійскій гражданинъ, достигшій 21 года имѣлъ право подавать голосъ при выборе депутата въ рейхсратъ, безъ различія—помѣщикъ онъ, капиталистъ, крестьянинъ или рабочій. Это требованіе соціалъ-демократическая партія заявляла вездѣ: на собраніяхъ, созванныхъ нарочно

для этой цѣли, на собраніяхъ другихъ партій, во время празднованія 1 мая, въ своихъ рабочихъ газетахъ... Десятки и сотни тысячъ рабочихъ устраивали манифестаціи и требовали введенія всеобщаго права голосованія. 27 іюня (или по заграничному счету 9 іюля) 1893 года больше 50.000 рабочихъ пришли къ помѣщенію рейхсрата и требовали всеобщаго избирательнаго права.

«Въ этотъ день,— говоритъ одинъ изъ самыхъ главныхъ членовъ австрійской соціалъ-демократической партіи, Адлеръ, — глухіе услышали голосъ народа, слѣпые увидѣли, что избирательная реформа не будетъ снята съ очереди до тѣхъ поръ, пока Австрія вмѣсто теперешняго порядка управленія (конституціи) не будетъ имѣть новаго европейскаго избирательнаго права, пока, по крайней мѣрѣ, эта одна политическая привилегія имущихъ классовъ не исчезнетъ». Въ собраніи 27 іюня было сдѣлано, между прочимъ, такое постановленіе: «Настоящее собраніе протестуетъ противъ лишенія болѣе чѣмъ двух третей народа избирательнаго права и требуетъ, как основу и предварительное условіе, серьезной защиты народныхъ интересовъ, уничтоженія политическихъ преимуществъ всѣхъ привилегированныхъ классовъ и введенія всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права для всѣхъ гражданъ государства, безъ различія пола, достигшихъ 21 года». Въ концѣ постановленія говорится, что рабочіе не успокоятся и не испугаются никакихъ жертвъ, пока не добьются, не завоюютъ всеобщаго избирательнаго права. Кромѣ манифестацій, заявленій на собраніяхъ и въ газетахъ у рабочихъ возникала иногда мысль о всеобщей стачкѣ, как средствѣ добиться всеобщаго избирательнаго права. Подъ давленіем рабочей партіи правительству пришлось подумать объ уступкахъ. Конечно, привилегированные классы ни за что не хотѣли допустить къ участію въ управленіи государствомъ рабочій классъ, въ особенности на совершенно равныхъ правахъ, какъ этого требовали рабочіе. Австрійское правительство, однако, ясно увидѣло, что не удовлетворить совсѣмъ требованій рабочихъ опасно и потому старалось такъ измѣнить порядокъ выборовъ, чтобы какъ можно меньше повредить интересамъ привилегированныхъ классовъ. Оно предлагало нѣсколько плановъ такихъ измѣнений, но рейхсратъ все не соглашался принять ихъ; все ему каза-

лось, что слишкомъ много уступокъ делаютъ рабочимъ и другимъ, до тѣхъ поръ безправнымъ вслѣдствіе своей бѣдности, людямъ. Наконецъ, рейхсратъ принялъ такой планъ измѣненій въ порядкѣ выборовъ: всѣ прежніе избирательные разряды (куріи) остаются и выбираютъ то же самое число депутатовъ, какъ и прежде, но къ нимъ прибавляется еще одна курія, въ которой голосуютъ всѣ граждане мужского пола, достигшіе 24 лѣтъ, и которая выбираетъ новых 72 депутата въ рейхсратъ. Вотъ чего добились австрійскіе рабочіе; теперь и лишенные всякой собственности имѣютъ право голоса и участвуютъ въ управленіи страною, выбираютъ представителей своихъ интересовъ въ рейхсратъ.

Конечно, это еще очень далеко отъ того, чего добиваются рабочіе, но все-таки и это лучше, чѣмъ ничего. Привилегированные классы сохранили свое преобладаніе, потому что они выбираютъ въ 5 разъ больше депутатовъ, чѣмъ вся Австрія (353 и 72). Но теперь, тѣмъ не менѣе, рабочей партіи гораздо легче бороться за свои интересы, чѣмъ тогда, когда она была лишена всякой возможности имѣть своихъ депутатовъ въ рейхсратѣ.

В февралѣ и мартѣ этого года происходили первые выборы в рейхсратъ послѣ введенія новаго закона относительно пятой куріи,—первые выборы, въ которыхъ приняли участіе рабочіе, безземельные крестьяне и проч. Само собой понятно, какъ интересно знать ихъ исходъ, увидѣть, какъ воспользовалась ими соціалъ-демократическая партія... Эти выборы должны были ясно показать силы сознательныхъ рабочихъ въ Австріи. Оказалось, что изъ 72 депутатовъ 5-ой куріи, выбранныхъ теперь въ рейхсратъ, 14 соціалъ-демократовъ. Такимъ образомъ, уже и теперь одна пятая Австріи оказалась соціалистической. Это большая побѣда австрійскихъ рабочихъ; она должна поднять ихъ энергію, должна ободрить ихъ и дать имъ новыя силы для дальнѣйшей борьбы. Всего за соціалъ-демократовъ подано около 900.000 голосовъ. Для первыхъ выборовъ это очень много. Въ другихъ странахъ сначала соціалъ-демократы не имѣли такъ много сторонниковъ. Нужно сказать, что если бы выборы производились такъ, какъ слѣдуетъ, т.-е. если бы всякій подавалъ спокойно и безъ принужденія голосъ за того, за кого онъ хочетъ, то соціалъ-демократы имѣли бы, навѣрное,

больше 14 депутатовъ. Но этого не было: правительство и привилегированные классы старались мѣшать выбору соціалъ-демократовъ, которыхъ они считаютъ (и совершенно вѣрно) самыми страшными своими врагами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, впрочемъ, и само населеніе не понимаетъ еще, где его настоящіе друзья и гдѣ враги. Но, наверное, и тамъ поймутъ скоро, что истинными защитниками интересовъ бѣдняковъ могутъ быть только соціалъ-демократы. В этой мысли ихъ можетъ утвердить поведеніе представителей рабочихъ в рейхсратѣ, где они уже успѣли проявить себя, какъ борцы за справедливость, несмотря на то, что засѣданий рейхсрата было до сихъ поръ очень мало. Каждый разъ при началѣ засѣданій рейхсрата, какъ и всѣхъ другихъ собраній представителей народа въ конституціонныхъ странахъ, произносится отъ имени государя тронная рѣчь, в которой объясняется, какіе законы думаетъ предложить правительство и вообще въ какомъ направленіи думаетъ оно дѣйствовать. Въ этомъ году при открытіи рейхсрата тронная рѣчь говоритъ о необходимости издать такіе законы, чтобы рабочіе были довольны своимъ положеніемъ, но, конечно, чтобы и фабриканты не были очень обижены. Затѣмъ тронная рѣчь обѣщаетъ, что правительство въ скоромъ времени предложитъ рейхсрату издать законъ объ обезпеченіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и на случай болѣзни. Конечно, въ этихъ словахъ австрійскаго правительства нельзя не видѣть слѣдствія уже одного появленія депутатовъ отъ рабочихъ въ рейхсратѣ. Первые шаги соціалъ-демократов в рейхсратѣ заставляютъ даже противниковъ рабочихъ называть их защитниками униженныхъ и оскорбленныхъ.

Самый важный вопросъ, по которому говорили рѣчи представители рабочихъ, это вопросъ о злоупотребленіяхъ правительства при выборахъ въ одной австрійской провинціи, именно въ Галиціи. Здѣсь правительство старалось, чтобы выбирали только пріятныхъ ему и высшимъ классамъ людей, и потому полиція дѣлала самыя возмутительныя вещи съ непослушными ей избирателями, арестовывала ихъ, отбирала силой у нихъ карты, на которыхъ писались имена выбираемыхъ и переправляла имя рабочаго кандидата на имя кандидата правительственнаго. Кое-гдѣ народъ такъ былъ возмущенъ этими поступками, что оказывалъ вооруженное

сопротивленіе: въ одномъ селѣ былъ убитъ чиновникъ, который, какъ думали избиратели, переправлялъ имя рабочаго кандидата Казакевича на имя правительственнаго кандидата Мохнацкаго. Полиція вызывала войска и, въ концѣ концовъ, оказалось, что въ Галиціи во время выборовъ было убито 8 человѣкъ, ранено 29 и арестовано 800. Соціалъ-демократъ Дашинскій сказалъ прекрасную рѣчь по поводу всѣхъ этихъ ужасныхъ событій, въ которой обвинялъ правительство, забрызганное кровью, какъ онъ выразился, и требовалъ, чтобъ была избрана комиссія изъ 36 членовъ рейхсрата для подробнаго разсмотрѣнія этого вопроса. Такъ какъ дѣло шло о бѣдныхъ людяхъ, то рейхсратъ, въ которомъ и теперь больше всего депутатовъ отъ богачей, не согласился на предложеніе Дашинскаго и это дѣло будетъ разсмотрѣно въ комиссіи, которая занимается другими дѣлами и въ которую не вошелъ ни одинъ соціалъ-демократъ.

Второе дѣло, по которому уже высказались соціалъ-демократы, это—дѣло освобожденія изъ тюрьмы одного крестьянина (по фамиліи Шаера), выбраннаго депутатомъ. Депутата въ Австріи не имѣютъ права арестовать, но если бы соціалъ-демократы не возбудили ходатайства, чтобъ его сейчасъ же освободили, то его могли бы долго продержать въ тюрьмѣ потому только, что вѣдь простой человѣкъ, крестьянинъ, а не какой-нибудь важный баринъ—крупный землевладѣлецъ или капиталистъ.

Наконецъ соціалъ-демократы сейчасъ же внесли въ рейхсратъ предложеніе, чтобы въ Австріи было введено **всеобщее, равное, прямое избирательное право**. Это предложеніе еще не обсуждалось и неизвѣстно, добьются ли теперь уже представители рабочихъ, чтобы теперешнія привилегіи высшихъ классовъ были уничтожены, но если не теперь, то все-таки очень скоро австрійскіе рабочіе этого добьются, потому что ихъ сознательность и ихъ сила растутъ день ото дня.

Кромѣ этихъ предложеній, внесены были соціалъ-демократами еще предложенія: 1) объ изданіи закона относительно обезпеченія рабочихъ на старость и 2) объ освобожденіи арестованныхъ жителей того села, гдѣ былъ убитъ во время выборовъ правительственный чиновникъ. Эти предложенія тоже еще не обсуждались.

Это все только начало дѣйствій представителей рабочихъ въ австрійскомъ парламентѣ. Конечно, они не остановятся на этомъ и будутъ неуклонно стремиться къ тому, чтобы путемъ парламентской борьбы подготовить путь къ освобожденію рабочаго класса отъ всякаго гнета политическаго и экономическаго.

Все, что они будутъ дѣлать въ этомъ направленіи, мы въ свое время сообщимъ нашимъ читателямъ.

Крестьянскіе съезды въ Венгріи.

За послѣдніе годы въ Западной Европѣ все чаще и чаще раздавался вопросъ: какъ и какимъ образомъ привлечь крестьянъ къ рабочему движенію. Какъ имъ доказать что освобожденіе рабочаго класса поведетъ къ освобожденію всѣхъ угнетенныхъ и обиженныхъ. Поймутъ ли крестьяне цѣли и стремленія соціализма? Захотятъ ли они вмѣстѣ съ рабочими за нихъ бороться? Всѣ эти вопросы заставляли сильно призадуматься и не всегда эти мысли были веселаго характера. Враги рабочаго движенія чувствовали, что именно здѣсь больное мѣсто соціалистовъ и съ явнымъ злорадствомъ восклицали: «Ну, хорошо, предположимъ, что всѣ рабочіе поняли общность своихъ интересовъ, предположимъ, что всѣ рабочіе объединились, но остается вѣдь крестьянская масса, что вы съ ней сдѣлаете! Развѣ вы не знаете, что мужикъ всегда остается мужикомъ, что онъ всегда придерживается старыхъ порядковъ, что онъ никакъ не можетъ оторвать своихъ мыслей отъ своего клочка земли, что онъ всѣ причины зла видитъ только въ своихъ грѣхахъ? Ну, скажите, какъ вы съ нимъ справитесь? Какъ вы ему укажете, что его интересы одинаковы съ интересами неимущаго рабочаго-пролетарія, на котораго онъ, крестьянинъ собственникъ, смотритъ свысока? Эти слова казались соціалистамъ преувеличенными, но они не могли не сознаться, что въ нихъ есть доля правды. На первый вопросъ крестьянина, «что такое соціализмъ», такъ разсуждали они,—ему придется отвѣтить:

«Соціализмъ стремится къ тому, чтобы земля, машины, фабрики, заводы, однимъ словомъ, земля и всѣ орудія производства перешли въ руки производителей, въ руки цѣлаго общества. Вся теперешняя эксплуатація, весь теперешній

грабежъ происходитъ отъ того, что нѣкоторыя частныя лица, пользуясь своей силой, заставляютъ массу голодающихъ людей работать въ свою пользу. Вслѣдствіе этого, одна часть общества трудится и живетъ впроголодь, а другая ничего не дѣлаетъ и живетъ припѣваючи. Соціализмъ стремится положить конецъ теперешнимъ порядкамъ и установить болѣе справедливыя отношенія между людьми. Весь ходъ жизни неизбѣжно приводитъ къ такой перемѣнѣ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ; это доказали такіе ученые соціалисты какъ Марксъ, Энгельсъ и другіе». Рабочему, не имѣющему ничего, кромѣ своей рабочей силы, эта мысль доступна и въ высшей степени привлекательна. Терять рабочему нечего! Хуже ему быть не можетъ. При теперешнихъ порядкахъ онъ и его дѣти обречены на тяжелую, исполненную лишеній жизнь, на попраніе своего человѣческаго достоинства, на преждевременную смерть. При будущихъ порядкахъ рабочему и его дѣтямъ улыбается жизнь свободнаго человѣка.

Рабочій, разъ усвоивъ себѣ цѣль и стремленія соціализма, въ своихъ интересахъ старается ознакомить съ этими стремленіями своихъ товарищей-рабочихъ. Тутъ ему на помощь является многочисленность рабочихъ въ городѣ, на фабрикѣ. Онъ имѣетъ возможность встрѣчаться съ сотнями товарищей. Одинаковое положеніе, сходство между всякимъ родомъ эксплуатаціи объединяетъ и сплачиваетъ рабочую массу. Листокъ, газета, рѣчь, обращенная къ одному рабочему подходитъ по своему содержанію для десятковъ тысячъ другихъ. Вотъ почему соціализмъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ рабочую среду.

Не такъ дѣло обстоитъ въ деревнѣ. Что касается зажиточнаго крестьянина, то онъ настолько доволенъ своимъ положеніемъ, что ему о лучшихъ порядкахъ заботиться нечего. Для него даже въ извѣстномъ смыслѣ важно, чтобы порядки не нарушались! Ему важно, чтобы его работа могла тихо и спокойно продолжаться. Земля, которая пока еще щедро вознаграждает его трудъ, ему дороже всего на свѣтѣ. Мысль, чтобы эта его земля принадлежала не ему, а цѣлому обществу, ему совсѣмъ не по душѣ.

Крестьянинъ, уже отчасти обѣднѣвшій, все еще ожидаетъ какого-то улучшенія. Его мысли направлены на урожайный годъ, на счастливое лѣто. Онъ все еще надѣется обзавестись

скотиной, стать опять зажиточнымъ крестьяниномъ. Земля, которая его въ теченіе долгихъ лѣтъ прокармливала, ему дороже всего на свѣтѣ. Къ ней, къ этой землѣ и прикованы всѣ его интересы и мысли. Крестьяне, занимающіеся отхожими промыслами или уже превратившіеся въ батраковъ, по своему безнадежному положенію наиболѣе легко могут усвоить соціалистическія идеи (т.-е. къ чему стремятся рабочія, соціалистическія партіи), но до сихъ поръ крупной помѣхой являлась ихъ разрозненность, затѣмъ то, что они менѣе грамотны и понятливы, чѣмъ городской пролетарій и, наконецъ, мѣшали и старые крестьянскіе предразсудки. Но вотъ за послѣднее время въ Западной Европѣ всѣ вышеприведенныя условія начинаютъ мало-по-малу исчезать, и соціалистическое движеніе захватываетъ понемногу и крестьянъ. Причиной этого, главнымъ образомъ, является ростъ крупнаго землевладѣнія. При ростѣ крупнаго землевладѣнія изъ года въ годъ тысячи крестьянъ превращаются въ батраковъ, или же вынуждены заниматься отхожими промыслами. Съ другой стороны, одновременно съ ростомъ крупнаго землевладѣнія также развиваются и совершенствуются пути сообщенія (проводятся желѣзныя дороги, начинаютъ ходить пароходы и т. д.). Благодаря дешевому и скорому проѣзду, крестьяне имѣютъ возможность встрѣчаться не только другъ съ другомъ, но, что болѣе важно, съ городскимъ пролетаріатомъ.

Сходки, газеты, агитаціонныя рѣчи стали въ деревняхъ Западной Европы обычнымъ явленіемъ. Теперь даже болѣе зажиточные крестьяне не отстаютъ отъ рабочаго движенія, хотя ихъ число значительно меньше. Они, эти зажиточные крестьяне, видѣли слишкомъ много примѣровъ быстраго обѣдненія своихъ сосѣдей, чтобы не бояться за свою собственную будущность. Они рады присоединиться къ такой силѣ, которая была бы въ состояніи отстаивать крестьянскіе интересы. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи Венгрія[1]). Тамъ за послѣднія 30 лѣт крупное землевладѣніе развилось с неимовѣрной быстротой. Крестьянское добро со дня на день переходило въ руки эксплуататоровъ, тысячи семействъ становились бездомными и наводнили всѣ углы

[1]) Для русскихъ рабочихъ Венгрія тѣмъ болѣе интересна, что она, по своему экономическому положенію, отчасти напоминаетъ Россію. Въ Венгріи какъ и въ Россіи, преобладаетъ земледѣльческій классъ.

и дороги. Понятно, что господа крупные землевладѣльцы не упустили этого случая изъ виду и давили рабочихъ до смерти. Придетъ кто-нибудь наниматься на лѣто на работу, такъ съ него, нищаго пролетарія, требуютъ 3 дня безплатной работы «за то», такъ объясняетъ крупный землевладѣлецъ, «что вообще тебя нанимаютъ; такихъ, какъ ты, теперь много; не хочешь—другого найму». И венгерскій обездоленный крестьянинъ даритъ милліонеру три дня своей жизни в теченіе лѣта. За этотъ подарокъ его еще заставляют работать 18 часовъ въ сутки. Но это еще не все. Заработная плата выдавалась натурой. Товары всегда оказывались тухлыми и гнилыми. Крестьяне долго, долго терпѣли, но потомъ рѣшили положить конецъ этимъ порядкамъ. Они по примѣру Западно-Европейскихъ рабочихъ, объединились и устроили 2 съѣзда: одинъ съѣзд состоялся въ январѣ, другой в февралѣ 1897 г. Нужно было видѣть на съѣздахъ этихъ крестьянъ, нужно было слышать ихъ гнѣвныя речи противъ своихъ эксплуататоров, чтобы понять сколько у нихъ на душѣ накипѣло. Смѣло и гордо звучали ихъ слова, и какъ-то невольно чувствовалось, что они, эти разоренные и обездоленные крестьяне готовы голову сложить за улучшеніе своего положенія.

На съѣздахъ сначала говорилось о цѣломъ рядѣ вопросовъ; касающихся практическихъ цѣлей, какъ требованіе обязательнаго 12-ти часоваго рабочаго дня (имѣя въ виду 8-ми часовой рабочій день), отмѣны безплатной работы, отмѣны платы товарами и другихъ беззаконій. А затѣмъ крестьяне рѣшили протянуть свою руку рабочимъ соціалистическим партіямъ всего міра и объявить себя с ними согласными во всѣхъ ихъ цѣляхъ и стремленіяхъ. Главнымъ образомъ они рѣшили стремиться къ тому, чтобы земля принадлежала всему обществу, а не частнымъ лицамъ.

Эти два крестьянскихъ соціалъ-демократическихъ съѣзда произвели необыкновенный шумъ. Друзья рабочаго движенія возликовали, враги же были настолько умны, что постарались скрыть свой испугъ, и всѣ въ одинъ голосъ заговорили о крестьянскихъ нуждахъ. Подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, до съѣздов, они, какъ будто и не знали о томъ, что крестьянин эксплуатируется, что крестьянину с году на год все хуже и хуже живется.

Видя, что крестьянинъ теперь уже не сноситъ безропотно ихъ беззаконія, отлично понимая, что этими двумя съѣздами дѣло не кончится, помѣщики и капиталисты чувствуютъ себя совсѣмъ нехорошо. Рабочіе вмѣстѣ съ крестьянами представляютъ для нихъ непобѣдимыхъ противниковъ. Вотъ поэтому-то они и прикидываются друзьями крестьянъ. Но уже поздно, господа капиталисты! Западно-Европейскіе рабочіе—мастера пользоваться своими правами. Они на крестьянскихъ собраніяхъ и въ своихъ газетахъ отлично растолкуютъ крестьянину, кто его врагъ и кто другъ. Часть крестьянства уже теперь это отлично понимаетъ. Крестьянскіе соціалистическіе съѣзды не остались и без практическихъ послѣдствій. Министръ земледѣлія нашелъ нужнымъ присутствовать на этихъ съѣздахъ, газеты заговорили о крестьянскихъ нуждахъ, а крупные землевладѣльцы найдутъ, вѣроятно, необходимымъ умѣрить свой торгашескій пылъ и сдѣлать крестьянамъ должныя уступки.

Русскій капитализмъ и рабочее движеніе въ Россіи.

„За нами побѣда!“

Заключительный призыв одного Петерб. листка.

Россія переживаетъ въ настоящее время тотъ промышленный переворотъ, который совершился и западно-европейскихъ государствахъ почти сто лѣтъ тому назадъ. Государства эти могутъ потому служить примѣромъ того, къ чему приводитъ развитіе въ странѣ капиталистическаго способа производства.

Капиталистическое производство совершенно преобразило иностранныя государства.

Прежнія мелкія ремесленныя мастерскія уступили свое мѣсто гигантскимъ фабрикамъ, въ которыхъ, соединены подъ одной кровлей тысячи рабочихъ. Прежнія самостоятельныя крестьянскія хозяйства замѣнены крупными сельско-хозяйственными фермами, занимающими тысячи батраковъ. Ремесленник и кустарь превратились въ фабричнаго рабочаго, крестьянинъ—въ батрака. Мало того. Эти выросшія, громадныя капиталистическія предпріятія продолжаютъ неустанно

шагъ за шагомъ отвоевывать рынокъ у мелкихъ: мелкій промышленникъ побивается крупнымъ, мелкій землевладѣлец вытѣсняется крупнымъ сельскимъ хозяиномъ. Ремесленники и кустари, купцы и мелкіе предприниматели, крестьяне и мелкіе землевладельцы—всѣ эти слои населенія все более и более переходятъ въ ряды пролетаріата.

Капиталистическій способъ производства разлагаетъ, такимъ образомъ, постепенно все общество на два класса, на классъ имущихъ и неимущихъ, на богатыхъ и бѣдныхъ, буржуазию и пролетаріатъ. Ряды имущаго класса, владѣющаго всѣми средствами производства, все уменьшаются; въ то же самое время происходитъ ростъ неимущаго класса, класса пролетаріевъ, обладающихъ одной только рабочей силой. Чѣмъ шире становится капиталистическое хозяйство, чѣмъ больше отраслей промышленности оно захватываетъ, тѣмъ все большіе слои населенія превращаются въ пролетаріевъ. Такъ капиталистическій способъ производства безостановочно пополняетъ ряды пролетаріата все новыми и новыми рекрутами, доставляемыми всѣми классами населенія.

Но капиталистическій способъ производства увеличиваетъ не только численный составъ пролетаріата, онъ создаетъ не только многочисленный классъ пролетаріевъ, т.-е. классъ, сильный своимъ количествомъ, онъ создаетъ—и это особенно важно—классъ отборныхъ сознательныхъ, тѣсно сплоченныхъ, солидарныхъ пролетаріевъ.

Работа на фабрикѣ убѣдительнѣе всякихъ словъ обнаруживаетъ рабочимъ всю противоположность ихъ интересовъ съ интересами капиталистовъ. Въ то время какъ рабочій, не разгибая спины, работаетъ весь день и получаетъ жалкій заработокъ, котораго ему едва хватаетъ на пропитаніе, его хозяинъ-капиталистъ, только изрѣдка являющійся на фабрику, живетъ въ полномъ довольствѣ, припѣваючи. Рабочій выбивается изо всѣхъ силъ и ничего не имѣетъ, капиталистъ же бездѣльничаетъ и все у него въ излишкѣ. Вся жизнь рабочаго сложилась какъ будто только для того, чтобы все работать на капиталиста. Утромъ, когда еще только свѣтаетъ, онъ спѣшитъ уже на работу; кончилъ работу, онъ торопится домой уснуть—и подумаешь для чего?—чтобы завтра чуть свѣтъ снова приняться за хозяйскую работу. Так проходятъ

дни за днями, недѣли за недѣлями, такъ проходятъ цѣлые годы и вся жизнь рабочаго. И когда рабочій, преждевременно состарившійся, делается неспособнымъ къ труду, его ждетъ голодная смерть. «Мне не нужны неспособные къ работе рабочіе»,— услышитъ въ ответъ этот рабочій, отдавшій капиталисту всю свою жизнь, принесшій ему в жертву всѣ свои радости.

Между тѣмъ въ противоположность жизни рабочаго, жизнь капиталиста является сплошным праздником: роскошная обстановка, всѣ удобства жизни, утонченныя блюда, дорогія вина, балы, концерты, театры, лѣтнія поѣздки — всѣмъ спѣшитъ насладиться незнающій куда дѣвать свободное время капиталистъ.

И только здѣсь, на фабрикѣ, рабочій впервые получаетъ возможность познать, что все богатство, которымъ такъ кичится капиталистъ, вся роскошь и всѣ удобства жизни, которыми располагает капиталист, вся сила и значеніе, которымъ онъ пользуется — все это создано потомъ и кровью рабочихъ, все это дѣло рабочихъ рукъ.

Мало того, что рабочій отдаетъ капиталисту свою собственную жизнь, онъ приноситъ ему въ жертву свою семью — жену и дѣтей. Замѣна ручнаго труда машиннымъ сдѣлала излишнимъ искусство и ловкость рабочаго. Теперь рабочихъ искусныхъ можно замѣнить неискусными, дорогихъ — дешевыми, можно потому болѣе дорогой трудъ мужчинъ замѣнить болѣе дешевымъ трудомъ женщинъ и дѣтей. Эксплуатація женщинъ и дѣтей — этихъ самыхъ беззащитныхъ между беззащитными — изнуреніе ихъ непосильною работою становится при капиталистическомъ производствѣ самымъ обыденнымъ и широко распространеннымъ явленіемъ. Работа всѣхъ членовъ семьи является теперь даже неизбѣжною необходимостью: то, что раньше зарабатывалъ рабочій, работая одинъ, безъ семьи, теперь онъ можетъ получить только, посылая на фабрику жену и дѣтей.

Каждый новый день приноситъ рабочему все новыя и новыя бѣдствія. Страсть къ наживѣ, боязнь потерять рынокъ заставляютъ капиталиста высасывать изъ рабочаго все больше и больше труда. Средствомъ къ этому служатъ — удлиненіе рабочаго дня, отмѣна праздниковъ, уменьшеніе заработной платы, введеніе ночной работы, штрафы и т. п. и т. п.

Кромѣ всего этого, здоровью и жизни рабочихъ грозитъ на каждомъ шагу большая опасность. Каждую минуту онъ можетъ быть задавленъ и раздавленъ той гигантской машиной, къ которой онъ словно прикованъ и которая движется съ исполинской силой и безумной быстротой.

Чѣмъ хуже живется рабочему, тѣмъ лучше живется капиталисту. Чѣмъ дольше работаетъ рабочій, тѣмъ лучше для капиталиста. Онъ не устаетъ отъ того, что рабочее время длится слишкомъ долго, онъ не погибнетъ отъ убійственной обстановки труда на фабрикахъ: большія, просторныя мастерскія стоятъ денегъ, а одного рабочаго можно легко замѣнить другимъ. Ему нѣтъ дѣла до того, что жизнь рабочаго подвержена крайней опасности: приспособленія, ограждающія рабочаго, дороги, а жизнь рабочаго ему ничего не стоитъ.

Капиталистическій способъ производства создалъ, такимъ образомъ, цѣлую пропасть между рабочимъ и капиталистомъ; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ способствовалъ тому, чтобы рабочій созналъ эту пропасть, чтобы онъ понялъ противоположность своихъ интересовъ съ интересами капиталиста, чтобы онъ понялъ, кто его эксплуататоръ, его врагъ. Ставя въ подобныя условія эксплуатаціи все бо́льшую и бо́льшую массу населенія, увеличивая ряды неимущихъ, распространяя нищету и эксплуатацію на большинство народа, делая нищету и бѣдность явленіемъ обыденнымъ и общераспространеннымъ, капиталистическое производство содѣйствовало тому, чтобы рабочій понялъ, что не онъ, рабочій, виноватъ въ своихъ бѣдствіяхъ, а его эксплуататоръ, капиталистъ.

Если работа на фабрикѣ проливаетъ рабочему постоянный свѣтъ на взаимныя отношенія рабочихъ и капиталистовъ, если она даетъ рабочему возможность понять и разобраться въ своихъ несчастіяхъ, то она вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ ему выходъ изъ его бѣдственнаго положенія.

Соединяя сотни рабочихъ въ одно мѣсто, фабрика ставитъ ихъ въ одинаковыя, равныя условія эксплуатаціи. На фабрикѣ между рабочими не существуетъ никакихъ различныхъ ступеней, никакихъ чиновъ. Всѣ рабочіе—простые рядовые одной промышленной арміи. Если и есть рабочіе, занимающіе высшіе мѣста, то число ихъ крайне незначительно и они теряются въ общей массѣ рабочихъ. Огромное

же большинство рабочихъ работаетъ въ одинаковыхъ условіяхъ, и отдѣльный рабочій не имѣетъ возможности улучшить свое положеніе для себя одного. Его положеніе можетъ улучшиться только тогда, когда улучшится положеніе всѣхъ его товарищей. Эта одинаковость условій приводитъ рабочаго невольно къ мысли о томъ, что интересы его солидарны съ интересами другихъ рабочихъ; это равенство условій труда и эксплуатаціи пробуждаетъ въ рабочемъ чувство солидарности, сознаніе, что всѣ рабочіе—братья.

Мало того. Работая на фабрикѣ, каждый отдѣльный рабочій участвуетъ только въ созданіи одной какой-нибудь части предмета; весь же предметъ есть продуктъ соединеннаго труда рабочихъ цѣлой фабрики или даже нѣсколькихъ фабрикъ. Эта работа научаетъ понимать рабочаго, что, взятый въ отдѣльности, онъ безъ своих товарищей ничего не значитъ; она раскрываетъ рабочимъ глаза на значеніе совмѣстной работы, на силу союза. Повседневная, непрекращающаяся борьба съ капиталистами, каждая одержанная побѣда и каждое вынесенное пораженіе только подтверждаютъ рабочимъ всю важность союза, единенія, только подкрѣпляютъ въ рабочихъ чувство солидарности.

Капиталистическій способъ производства способствовалъ, слѣдовательно, тому, чтобы рабочіе сознали противоположность интересовъ труда и капитала, чтобъ они поняли солидарность своихъ собственныхъ интересовъ, чтобъ они сознали силу совмѣстной сплоченной борьбы, силу и значеніе союза.

Иностранные рабочіе не замедлили воспользоваться этимъ могучимъ орудіемъ—союзомъ.

Посмотрите на эти двигающіеся въ день перваго мая—этотъ великій международный праздникъ рабочихъ—стройные ряды рабочихъ, прислушайтесь къ рѣчамъ ораторовъ, взгляните на могущественные рабочіе союзы и вы поймете, что рано или поздно заграничные рабочіе станутъ такими же господами своей страны, какъ и нынѣшніе капиталисты. Часы эксплуатаціи рабочаго сочтены. Въ революціонныхъ пѣснях, распѣваемыхъ ежегодно перваго мая рабочей арміей, вся иностранная буржуазія и правительство слышатъ свой похоронный гимнъ.

Капиталистическій способъ производства самъ порождаетъ, такимъ образомъ, людей, которые разрушатъ этотъ строй, а

вмѣстѣ со строемъ уничтожатъ и эксплуатацію, и рабство, и нищету, и бѣдность.

Капиталистическое производство само воспитываетъ въ рабочемъ тѣ качества, которыя дѣлаютъ изъ него непобѣдимаго врага.

Разъ, слѣдовательно, въ странѣ развивается капитализмъ, то этимъ самымъ можно быть увѣреннымъ въ томъ, что съ теченіемъ времени въ ней вырастетъ рабочій классъ, что онъ сплотится и сплоченный направится противъ своего общаго врага—эксплуататора. Побѣда не заставитъ себя долго ждать.

Разъ потому будетъ доказано, что въ Россіи развивается капиталистическое хозяйство, то отсюда само собою станетъ очевиднымъ, что и рабочее движеніе въ Россіи является такимъ же непобѣдимымъ движеніемъ, как на Западе.

Что же говоритъ въ пользу того, что въ Россіи развивается капитализмъ?

Прежде всего цифры, т.-е. данныя, касающiяся самыхъ разнообразныхъ сторонъ экономической жизни Россіи.

Обратимся потому раньше всего къ этимъ цифрамъ.

Всякое капиталистическое общество характеризуется тѣмъ, что въ немъ всѣ продукты, изготовляемые трудомъ, становятся товарами. Чѣмъ шире становится капиталистическое хозяйство, тѣмъ больше производится товаровъ. По росту товаровъ можно потому заключить о ростѣ капитализма. Но въ капиталистическомъ обществѣ товары изготовляются въ громадномъ количествѣ, при чемъ не для мѣстнаго, а для болѣе или менѣе отдаленнаго рынка. Слѣдовательно, бóльшая часть товаровъ раньше, чѣмъ быть потребленной, должна быть перевезена съ мѣста производства на мѣсто сбыта, т.-е. должна попасть на желѣзныя, водяныя и др. пути сообщенія. Отсюда понятно, что количество товаровъ, провозимыхъ по различнымъ путямъ сообщенія, должно указывать довольно вѣрно на развитіе въ странѣ капиталистическаго хозяйства.

По даннымъ о перевозкѣ товаровъ по однимъ только желѣзнымъ дорогамъ Россіи оказывается, что въ 1881 году перевезено грузовъ на $2^1/_2$ милліарда, а въ 1893 г. — около 5 милліардовъ, т.-е. въ теченіе 13 лѣтъ количество

перевезенныхъ грузовъ увеличилось вдвое, а слѣдовательно, увеличилось вдвое количество произведенныхъ товаровъ.

Для большей наглядности развитія въ Россіи капитализма обратимся къ отдѣльнымъ отраслямъ производства.

Начнемъ съ каменноугольной промышленности. Оказывается, что въ 1880 году всего добыто въ Россіи угля 200 милл. пудовъ, а въ 1893 году—464 милл. пуд., что составляетъ для 13-тилѣтняго промежутка увеличеніе въ $2^1/_3$ раза.

Каменный уголь представляетъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ продуктовъ горнозаводской промышленности и является однимъ изъ самыхъ существенныхъ условій для процвѣтанія другихъ отраслей труда. Слѣдовательно, по одному только росту каменноугольной промышленности можно безошибочно заключить о развитіи всѣхъ другихъ отраслей труда.

Возьмемъ далѣе желѣзодѣлательную промышленность.

Всего чугуна, желѣза и стали было выработано въ 1881 году около 65 милл., а въ 1896 г.—около 152 милл. пуд., т.-е. въ теченіе 15-ти лѣтъ производство желѣзодѣлательной промышленности болѣе чѣмъ удвоилось. Это удвоившееся производство, однако, не въ состояніи удовлетворить потребности въ желѣзе, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ безпрерывное возрастаніе иностраннаго ввоза, несмотря даже на то, что желѣзо обложено очень высокой пошлиной. Такъ, въ 1890 г. привезено въ Россію чугуна, желѣза и стали на 15 милл. руб., а въ 1895 г.—на 26 милліоновъ.

Подобный же ростъ производства мы находимъ и въ хлопчато-бумажной промышленности, изготовляющей различнаго рода ткани. Обороты русской хлопчато-бумажной промышленности достигали въ 1883 г. около 278 милл. руб., а въ 1893 г.—385 милл. руб., т.-е. за десятилѣтіе возрасли на 107 милл. рублей. «Русское хлопчато-бумажное производство,—читаемъ въ Вѣстникѣ Финансовъ,—находится въ настоящее время въ столь цвѣтущемъ состояніи, что, не довольствуясь почти полнымъ вытѣсненіемъ иностранныхъ фабрикатовъ съ огромнаго внутренняго рынка, расширяетъ съ каждымъ годомъ отпускъ своихъ издѣлій въ другія государства—въ Персію, Турцію, Румынію, Китай и др.».

Еще одна цифра. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ производство русскаго керосина едва достигало 1 милл. пуд.

Въ 1881 году добыча нефти достигаетъ 41 милл. пуд., а въ 1895 г.—347 милл. пудов, т.-е. за послѣдніе только 15 лѣтъ добыча русскаго керосина увеличилась почти в десять разъ. Русская нефтепромышленность удешевила керосинъ, доставила ему широкое распространеніе среди многочисленнаго населенія Россіи и, не довольствуясь однимъ русскимъ рынкомъ, стала искать себѣ выхода на иностранные рынки.

Итакъ, возьмемъ ли мы каменноугольную, желѣзодѣлательную, хлопчато-бумажную или нефтяную промышленность—все говоритъ о ростѣ и развитіи въ Россіи капиталистическаго производства. Въ самомъ дѣлѣ. Стоитъ только приглядѣться къ дѣйствительной жизни; стоитъ только прочесть перечень построенныхъ за послѣднее десятилѣтіе и строющихся желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, судовъ; стоитъ только внимательно слѣдить за числомъ возникающихъ в послѣднее время металлургическихъ, машино-строительныхъ, механическихъ, рельсо-прокатныхъ и др. фабрикъ и заводовъ—и станетъ очевиднымъ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, что промышленная Россія претерпѣла за послѣдніе 2—3 десятилѣтія коренную ломку, что въ экономической жизни Россіи произошелъ громадный переворотъ.

На-ряду съ ростомъ товаровъ, расширеніемъ товарнаго рынка идетъ поглощеніе мелкихъ предпріятій крупными. Возьмемъ для примѣра снова каменноугольную промышленность. «Число небольшихъ шахтъ,—говорится в отчетѣ углепромышленниковъ,—уменьшается, а производство крупныхъ предпріятій в то же самое время увеличивается». Дѣйствительно, въ 1882 г. на одну крупную шахту приходилось $9\frac{1}{2}$ тысячъ вагоновъ (вмѣстимость ваг. 600 пуд.), а въ 1896 году—17.000 вагоновъ, почти вдвое большее количество угля.

Подобныя же данныя имѣются относительно и другихъ отраслей русской промышленности: крупныя предпріятія повсюду побиваютъ и вытѣсняютъ мелкія и становятся еще болѣе крупными. Во всѣхъ отрасляхъ промышленности возникаютъ гигантскія компаніи съ громадными капиталами. Ремесленникъ, кустарь, крестьянинъ, теряютъ мало-по-малу почву подъ ногами, они не въ силахъ уже болѣе конкурировать съ крупными предпріятіями, вооруженными всѣми усовершенствованіями техники. Прежній

кустарь и вчерашній ремесленникъ бросаютъ свое ремесло и идутъ въ города на фабрику, гдѣ они увеличиваютъ ряды городского пролетаріата. Крестьянинъ же либо ищетъ спасенія въ переселеніи на дальній востокъ, либо отправляется въ городъ на отхожіе промыслы, либо становится батракомъ, нанимаясь на земледѣльческія работы и пополняя собой армію сельскихъ рабочихъ. Ежегодно с наступленіемъ весны многолюдныя толпы тянутся изъ деревень въ города. Это движеніе изъ деревни въ городъ и происходящій отсюда, какъ обнаружила послѣдняя всероссійская перепись, ростъ городовъ является новымъ подтвержденіемъ капиталистическаго развитія Россіи.

Городъ и деревня, фабрика и ферма, все это — живыя свидетельства совершающагося въ Россіи глубокаго экономическаго переворота. Русскій капитализмъ пустилъ глубокіе корни.

Такъ говорятъ безсловесныя цифры.

Такъ вторятъ имъ своими рѣчами и дѣйствіями тѣ классы населенія, которые являются прямыми дѣтищами капитализма.

Капитализмъ, какъ мы видѣли, разлагаетъ общество на два класса,—на классъ капиталистовъ и классъ рабочихъ, на буржуазію и пролетаріатъ.

Где же русская буржуазія и русскій рабочій? Какъ и въ чемъ проявили они себя?

Въ самый разгаръ всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ, за нѣсколько дней до пріѣзда царя, в нижегородской газетѣ «Волгарь» появилась передовая статья, получающая особый интересъ въ виду времени и мѣста ея напечатанія. «Всероссійское купечество,— такъ начинается эта статья,—дѣятельно готовится къ встрѣтѣ царя на нижегородской выставкѣ». «Составляя наиболѣе крепкую часть народа— продолжаетъ «Волгарь»—купечество наиболѣе всѣхъ другихъ сословій сохранило в себѣ самобытный русскій духъ... Оно все можетъ... оно является именно тѣмъ оплотом, на который въ правѣ разсчитывать государство, при дальнѣйшемъ развитии въ купеческой средѣ образования». Неужели, спрашиваешь себя въ недоумѣніи, это говоритъ русское купечество, то самое купечество, которое еще такъ недавно не смѣло заявлять о своемъ существованіи? Куда дѣлось прежнее холопство, прежняя готовность во всемъ повиноваться? Откуда взялся этотъ неслыханный доселѣ тонъ?

Оно все может!.. «Оно,—поясняетъ намъ далѣе «Волгарь»,—единственно сильное въ наше время и своею зажиточностью... (оно) составляетъ оплотъ торгового и промышленного могущества Россіи». Да, оно все можетъ! Приглядитесь къ тѣмъ подачкамъ, которыя русское купечество получает от правительства; присмотритесь какъ правительство печется о русских капиталистахъ, какъ оно внимательно прислушивается к ихъ нуждамъ и потребностямъ, какъ оно радѣет объ ихъ прибыли, какъ оно чутко ко всѣмъ ихъ запросамъ, и вы поймете, что русское купечество дѣйствительно стало силой, что оно дѣйствительно все можетъ. Недаромъ же правительство побраталось съ этой силой, недаромъ же оно заключило съ нимъ тѣсный и братскій союзъ. Да, русская буржуазія пока еще все можетъ. Но только пока...

Какъ немыслимъ одинъ конецъ палки безъ другого, такъ и немыслима буржуазія безъ пролетаріата. И дѣйствительно, вся исторія последнего пятилѣтія является самымъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ роста русскаго рабочаго. Всѣ стачки, бывшія въ самыхъ различныхъ городахъ Россіи, свидѣтельствуютъ о томъ, что русскій рабочій уже созналъ противоположность своихъ интересовъ съ интересами капиталиста, что онъ уже понялъ, что сила его въ объединеніи, въ сплоченности, въ союзѣ. Русскій рабочій уже присоединилъ свой голосъ къ международному кличу, рабочихъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!» — кличу, переходящему изъ города въ деревню, изъ страны въ страну, отъ поколѣнія къ поколѣнію и всюду сзывающему всѣхъ порабощенныхъ и угнетенныхъ сплотиться противъ общаго врага.

Въ лицѣ петербургскихъ рабочихъ русскій рабочій заявилъ о своихъ требованияхъ не менѣе громко, чѣмъ русское купечество.

Развитіе въ Россіи капитализма является самымъ вѣрнымъ залогомъ того, что рабочее движеніе въ Россіи будетъ рости, что оно будетъ крѣпнуть: каждая новая фабрика, каждый новый заводъ означаетъ усиленіе арміи русскаго пролетаріата, каждый новый день въ этомъ развитіи, каждый новый шагъ на этомъ пути означаетъ усиленіе солидарности и сплоченности русскихъ рабочихъ. И все насъ приближаетъ къ тому моменту, когда съорганизованный, объединенный русскій рабочій разорветъ всѣ связывающія его цѣпи.

Первымъ должно пасть самодержавное правительство русскаго царя. Съ паденіем русскаго самодержавія, рушатся тѣ оковы, которыя со всѣхъ сторонъ окружаютъ русскаго рабочаго, и русскій рабочій очутится тогда лицомъ къ лицу со своимъ ближайшимъ врагомъ—буржуазіей.

Съ паденіемъ царскаго деспотизма, вмѣстѣ съ тѣмъ откроются тѣ шлюзы, которые отдѣляли русскаго рабочаго отъ иностранныхъ рабочихъ. Черезъ открывшіеся шлюзы русское рабочее движеніе сольется съ движеніемъ иностранныхъ рабочихъ въ единый, мощный, всесокрущающій потокъ, который въ своемъ теченіи разорветъ всѣ цѣпи рабства, разрушитъ всѣ формы эксплуатаціи.

Этотъ могучій международный потокъ рабочих приведетъ страждущее человѣчество въ царство свободы, равенства и братства.

И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

Современный вѣкъ, вѣкъ эксплуатаціи, рабства, и угнетенія, вѣкъ нищеты и разврата, невѣжества и огрубѣнія сдѣлается для будущаго общества преданіемъ какой-то сѣдой старины.

Послѣднія извѣстія.

2 іюня изданъ новый законъ о продолжительности рабочаго дня на фабрикахъ и заводахъ. Подробное изложеніе и критику этого закона мы дади ъ въ слѣдующемъ номерѣ, здѣсь же ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями.

Новый законъ устанавливаетъ: 1) 11½ часовъ дневной работы; 2) 10-часов. ночную работу; 3) 10 час. въ субботы и канунъ праздниковъ и 4) запрещаетъ работу въ воскресные и праздничные дни.

Новый законъ является отвѣтомъ со стороны правительства на цѣлый рядъ стачекъ, бывшихъ въ разныхъ концахъ Россіи, въ особенности на двѣ послѣднія петербургскія стачки.

Единственная цѣль правительства—успокоить рабочихъ. Но этой цѣли оно, конечно, не достигнетъ. Новый законъ дастъ русскимъ рабочимъ ничтожное облегченіе. Вводимое

имъ сокращеніе раб. дня слишкомъ незначительно. Кромѣ того, въ немъ есть достаточно лазеекъ, дающихъ возможность фабрикантамъ не исполнять его.

Во-первыхъ, они могутъ сколько угодно удлинять рабочій день при помощи сверхурочной работы. Затѣмъ они могутъ обращаться къ министру съ ходатайствомъ объ измѣненіи того или иного постановленія закона. И министру дана власть мѣнять законъ, какъ ему угодно.

Русскіе рабочіе отвѣтятъ на новый законъ новой борьбой за 10-часовой рабочій день.

Въ августѣ этого года (от 23 по 28-е по стар. стилю) въ Цюрихѣ (Швейцарія) произойдетъ международный съѣздъ представителей отъ рабочихъ для обсужденія вопросовъ фабричнаго законодательства. На этомъ конгрессѣ будутъ представители отъ рабочихъ: нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ, австрійскихъ, итальянскихъ, бельгійскихъ, швейцарскихъ, польскихъ и русскихъ. На съѣздѣ будутъ обсуждаться слѣдующіе вопросы: 1) воскресная работа; 2) работа дѣтей и подростковъ; 3) работа женщинъ; 4) работа взрослыхъ мужчинъ; 5) ночная работа и работа въ отрасляхъ промышленности, вредныхъ для здоровья и 6) средства и пути къ осуществленію рабочаго законодательства.

Важнѣйшія опечатки и пропуски.

Стр. 1 л. ст. 21 строки сн. напечат.: «показали ясное» должно быть: «показали такое ясное». Стр. 2 л. ст. 24 стр. сн.—«является»—«тянется». Стр. 5 пр. ст. пропущено внизу слѣд. прим. къ слову «запрещены» (12 стр. сн.): «О январьской стачкѣ подробно разсказывается въ рабочей газетѣ «Петербургскій Рабочій Листокъ». Стр. 7 пр. ст. 3 стр. снизу—«вступили»—выступили». Стр. 21 л. ст. 14 стр. сн. — «чтобы порядки» — «чтобы теперешніе порядки».

За недостаткомъ мѣста ст. «Государственное управл. въ Россіи и загр.» не могла быть помѣщена.

Типографія Русскихъ Соціалъ-Демократов.

НОЯБРЬ 1897 ГОДА.

Рабочая газета № 2[1]).

Рабочіе всехъ странъ, соединяйтесь!

Ближайшія задачи русскаго рабочаго движенія.

Когда говорятъ о рабочемъ движеніи въ Англіи, Германіи, Франціи или другой какой-либо заграничной страны, то у всякаго передъ глазами встаетъ вполнѣ ясная картина. Тамъ существуютъ громадные рабочіе союзы и могущественныя рабочія партіи. Тамъ устраиваются многочисленныя собранія и съѣзды, на которыхъ открыто обсуждаются нужды и задачи рабочихъ. Въ парламентахъ[2]) засѣдаютъ преставители отъ рабочихъ, неустанно защищающіе ихъ интересы и заявляющіе ихъ требованія. Наконецъ, тамъ существуетъ рабочая пресса, распространяются въ громадномъ количествѣ газеты, журналы, книги, посвященные рабочему вопросу. Короче, и словомъ и дѣломъ, заграничное рабочее движеніе заявляетъ о себѣ. Его всѣ знаютъ и о немъ всѣ говорятъ. Злѣйшіе враги рабочаго движенія не могутъ отрицать его существованіе и его силу.

Не то у насъ. Подъ гнетомъ царскаго самодержавія рабочее движеніе не можетъ жить открытою жизнью. У насъ запрещены и преслѣдуются рабочіе союзы и собранія; у насъ нѣтъ парламента, нѣтъ представителей отъ рабочихъ, у насъ

---

[1]) Передовая статья этого номера, подвергавшаяся изменениям при участии Б. Л. Эйдельмана, написана Н. А. Вигдорчиком; «Внутреннее обозрение» написано П. Л. Тучапским и переработано Вигдорчиком; «Заметка о секретном циркуляре министра внутренних дел» написана П. Л. Тучапским. Статьи о заграничном рабочем движении по предположению т. Б. Л. Эйдельмана также написаны, повидимому, П. Л. Тучапским. Из иногородних корреспонденций опять же по предположению, Б. Л. Эйдельмана о Шуйско-Ивановском фабричном районе написаны, повидимому В. Д. Перазичем. Авторов остальных статей установить не удалось.

Редакция.

[2]) Парламентъ. это—учрежденіе, издающее законы, устанавливающее подать и налоги и опредѣляющее расходы страны. Парламентъ составляется изъ выборныхъ отъ всѣхъ гражданъ, а слѣдовательно, и отъ рабочихъ.

нѣтъ прессы, которая открыто бы защищала интересы рабочихъ. Во всей странѣ никто не можетъ публично говорить о русскомъ рабочемъ движеніи. И не только наши враги отрицаютъ его существованіе, но немало найдется и рабочихъ, которые не знаютъ, что въ Россіи существуетъ рабочее движеніе.

А между тѣмъ русское рабочее движеніе не только существуетъ, но и имѣетъ уже значительную силу. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только стачки и волненія рабочихъ, то и дѣло вспыхивающіе въ разныхъ концахъ Россіи, объ этомъ свидѣтельствуетъ и множество другихъ фактовъ. Правда, у насъ нѣтъ открытыхъ, всеми признанныхъ, союзовъ. Но у насъ существуютъ тайные союзы и кассы, помогающіе борьбѣ рабочихъ, объединяющіе ихъ и разъясняющіе имъ ихъ положеніе. Намъ запрещаютъ устраивать собранія и публично обсуждать интересующіе насъ вопросы; но это не мѣшаетъ намъ устраивать собранія тайныя. У насъ запрещаютъ книги, въ которыхъ свободно обсуждается рабочій вопросъ. Но мы читаемъ и распространяемъ книги запрещенныя. У насъ не бываетъ открытыхъ и торжественныхъ съѣздовъ представителей рабочихъ, но это не мѣшаетъ имъ съѣзжаться тайно, не мешаетъ также русским рабочимъ посылать своихъ представителей на международные рабочіе съѣзды за границей [1]).

Въ Россіи не существует парламента, мы не принимаемъ участія въ изданіи законовъ, однако, упорной борьбой и намъ иногда удается вырвать у правительства полезный для насъ законъ. Изданіе закона 2 іюня сего года объ ограниченіи рабочаго дня знаменуетъ славную победу русскаго рабочаго движения.

И с каждымъ днемъ русское рабочее движеніе все болѣе и болѣе усиливается. Тяжелое экономическое положеніе неудержимо толкаетъ русскаго рабочаго на борьбу за лучшую жизнь. Никакие притѣсненія правительства не въ состояніи прекратить эту борьбу. На мѣсто каждаго, вырваннаго изъ строя, борца за рабочее дѣло, появляются двое других. Каждый рабочій, высланный съ поля борьбы, переноситъ эту борьбу въ новое мѣсто, способствуетъ распространенію ра-

---

[1]) На послѣднемъ съѣзде въ Лондонѣ было 8 представителей отъ русскихъ рабочихъ.

бочаго движенія въ Россіи. Каждый выстрѣлъ въ толпу рабочихъ будитъ массу рабочихъ, внушая ей вражду и ненависть къ притѣснителямъ. Такъ, несмотря на тяжелое ярмо правительственныхъ притѣсненій, рабочее движеніе растетъ и крѣпнетъ.

Каковы же ближайшія задачи русскаго рабочаго движенія, къ чему оно, прежде всего, должно стремиться?

Русскіе рабочіе находятся подъ двойнымъ гнетомъ —подъ гнетомъ капиталистической эксплуатаціи и подъ гнетомъ правительственныхъ притѣсненій. Они страдаютъ не только отъ чрезмѣрного, изнуряющаго труда и от нищенской платы, не только отъ вредныхъ условій труда, порождающихъ болезни и раннюю старость; не только отъ того, что ихъ дѣти вырастаютъ безъ материнскаго ухода и обречены съ дѣтскаго возраста на губительную фабричную работу, не только отъ всѣхъ этихъ и еще тысячи другихъ экономическихъ условій,—русскіе рабочіе страдаютъ еще и от своего политическаго безправія. Они страдаютъ отъ того, что по малѣйшему подозренію каждаго изъ нихъ могутъ оторвать отъ родныхъ и друзей, бросить въ тюрьму и сослать въ Сибирь. Они страдаютъ отъ того, что за малѣйшую попытку борьбы за улучшеніе своего положенія ихъ объявляютъ бунтовщиками, высылаютъ противъ нихъ, какъ противъ неприятельской армии, войско, которое не останавливается даже передъ пролитіем невинной крови женщинъ и дѣтей. Русскіе рабочіе страдаютъ отъ того, что имъ запрещаютъ читать книги, гдѣ выясняется положеніе рабочихъ, запрещаютъ собираться, устраивать союзы, кассы. Короче, русскіе рабочіе страдаютъ еще отъ того, что они не пользуются никакими политическими правами.

Тяжела борьба съ капиталистическимъ гнетомъ, не легко рабочему добиться улучшенія своего экономическаго положенія, но въ тысячу разъ это становится труднѣе, когда рабочій не имѣетъ права ни говорить, ни писать, ни читать, ни собираться, ни объединяться, ни бороться. И хотя никакія преслѣдованія не могли остановить роста русскаго рабочаго движенія, однако неизмѣримо сильнѣе было бы это движеніе, и неизмѣримо крупнѣе были бы его успѣхи, если бы русскіе рабочіе пользовались политическими правами. Если бы в наши стачки не вмѣшивалась ни полиція, ни жандармы,

ни войско, если бы наши союзы могли жить открытою жизнью, если бы голосъ, призывающій насъ на борьбу, могъ безпрепятственно раздаваться передъ многотысячной массой, если бы ни какія книги, газеты, прокламаціи не подвергались преслѣдованію и наши лучшіе товарищи не вырывались изъ нашей среды,—тогда русское рабочее движеніе играло бы такую же роль въ жизни Россіи, какую играютъ западно-европейскія рабочія партіи въ жизни заграничныхъ государствъ.

Въ желѣзныхъ тискахъ правительственнаго гнета становится уже тѣсно русскому рабочему движенію. Какъ воздухъ нуженъ всякому живому существу, такъ нужна намъ политическая свобода. Не добившись свободы стачекъ, собраній, союзовъ, слова и печати, не добившись права принимать участіе въ управленіи страной и въ изданіи законов— мы никогда не сбросимъ съ себя гнетущихъ насъ цѣпей экономическаго рабства. Вотъ почему, борьба съ самодержавнымъ правительствомъ за политическую свободу — есть ближайшая задача русскаго рабочаго движенія.

Но для того, чтобы выполнить эту трудную задачу, для того, чтобы одержать побѣду надъ царскимъ правительствомъ русское рабочее движеніе должно еще вырасти и окрѣпнуть. И не только армія борющихся русскихъ рабочихъ должна увеличиться въ количествѣ, но каждый солдатъ этой арміи долженъ яснѣе понять цѣли и средства своей борьбы и научиться итти дружно, въ ногу со своими товарищами. Но этого мало. Подобно тому, какъ тысяча солдатъ, объединенныхъ въ одинъ полкъ, имѣющихъ одного вождя и одно знамя, проявляютъ въ войне гораздо бо́льшую силу, чѣмъ десять тысячъ разрозненныхъ, лишенныхъ предводителя и потерявшихъ знамя, — точно также и русское рабочее движеніе удесятеритъ свои силы, если выступитъ какъ единое стройное цѣлое съ общимъ именемъ и стройной организаціей. Уже недостаточно того, что русскіе рабочіе сочувствуютъ другъ другу: нужно, чтобы они содействовали. Мало того, что они понимаютъ значеніе и пользу единенія: нужно, чтобы они дѣйствительно объединились. Наступаетъ пора, когда отдѣльные, разбросанные всюду рабочіе, кружки и союзы должны превратиться въ одинъ общій союзъ или одну общую партію. Эта партія

будетъ способствовать объединенію русскихъ рабочихъ и росту русскаго рабочаго движенія; она будетъ направлять силы и средства оттуда, гдѣ они въ избыткѣ, туда, гдѣ въ нихъ нуждаются; она будетъ руководить борьбой русскихъ рабочихъ, будетъ стремиться къ тому, чтобы сдѣлать эту борьбу стройной и организованной. Русское рабочее движеніе, пока не замѣтное и скрытое, проявится наружу во всей своей силѣ.

Всякая партія, выступающая впервые на арену исторіи, должна прежде всего развернуть свое знамя. На этомъ знамени она должна начертать тѣ цѣли, за которыя она намѣрена бороться, и не только ближайшія, но и самыя отдаленныя, конечныя цели. И русскіе рабочіе, выступая какъ объединенная сила, какъ партія, должны развернуть свое знамя, должны показать своимъ друзьямъ и врагамъ, кто они, къ какимъ цѣлямъ они стремятся и какими средствами пользуются для достиженія этихъ цѣлей.

Какое же знамя будетъ развѣваться надъ русскимъ рабочимъ движеніемъ? Конечно, то самое знамя, на которомъ великіе учителя рабочихъ Марксъ и Энгельсъ начертали слова: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!», то знамя, подъ которымъ борятся передовые рабочіе всѣхъ странъ земного шара, къ которому и въ Россіи примыкаютъ почти всѣ рабочіе кружки, кассы и союзы. Это красное знамя международной соціал-демократіи. Русская рабочая партія будетъ партіей соціал-демократической.

Объявивъ себя соціалъ-демократами, объединенные русскіе рабочіе тѣмъ самымъ вполнѣ ясно и опредѣленно покажутъ, каковы ихъ цѣли и стремленія, каковы ихъ ближайшія и дальнѣйшія задачи, каковы ихъ средства и способы борьбы.

Развернувъ надъ собой знамя социалъ-демократіи, они покажутъ, что подобно соціалъ-демократамъ всего міра, они стремятся не только къ частичнымъ улучшеніямъ своего положенія, не только къ увеличенію заработной платы, сокращенію рабочаго дня, введенію страхованія рабочихъ, не только къ пріобрѣтенію политическихъ правъ, но что ихъ конечною цѣлью является полное переустройство общества на соціалистическихъ началахъ, т.-е. созданіе та-

кого общественнаго строя, когда фабрики, заводы, пути сообщенія, земля и всѣ вообще средства производства будутъ находиться въ рукахъ общества, когда всѣ члены общества будутъ равны, когда не будетъ сытыхъ тунеядцевъ и голодныхъ работниковъ. Далѣе, объявивъ себя соціалъ-демократами, русскіе рабочіе покажутъ, что достиженіе своихъ цѣлей они считаютъ возможнымъ только путемъ постепеннаго развитія самосознанія въ рабочемъ классѣ, его объединенія и неустанной борьбы съ господствующими классами. Словом, русскіе рабочіе присоединяются к тѣмъ цѣлямъ и средствамъ, которыя выработали ихъ заграничные товарищи путемъ долгаго и тяжелаго опыта.

Образованіе русской соціалъ-демократической партіи дастъ сильный толчекъ развитія русскаго рабочаго движенія. Окрѣпшее и усилившееся русское рабочее движеніе свергнетъ иго самодержавія и добьется политической свободы. А когда мы получимъ возможность открыто говорить и писать все, что угодно, собираться въ собранія, устраивать союзы и стачки, когда мы добьемся права участвовать въ изданіи законовъ и въ управленіи страной, тогда наша борьба пойдетъ впередъ семимильными шагами. Наша рабочая партія выростетъ и окрѣпнетъ и пріобрѣтетъ такое же громадное значеніе, какое имѣютъ партіи нашихъ заграничныхъ товарищей. Она сольется съ ними въ одинъ международный рабочій союзъ, въ одинъ всемірный могучій потокъ, который смоетъ съ земли нищету, рабство, невѣжество, преступленіе и создастъ новый міръ,—міръ счастья и справедливости.

Внутреннее обозрѣніе.

Большей части Россіи угрожаетъ голодъ. Со всѣхъ концовъ въ газетахъ появляются извѣстія о полномъ неурожаѣ, о продажѣ скота за безцѣнокъ, о повышеніи цѣнъ на хлѣбъ и на муку, о паденіи заработной платы сельскимъ рабочимъ. Оказывается, что изъ 63-хъ губерній европейской Россіи въ 44-хъ — болѣе или менѣе значительный недородъ ржи, а урожай пшеницы — еще хуже; яровые хлѣба и травы уродились тоже совсѣмъ плохо. И тѣ хлѣба, которые уродились, на умолотъ вышли совсѣмъ плохи. Повторится навѣрное, то-

же, что было въ голодный годъ, 1891 - 92-й, а тогда голодъ принесъ съ собой неисчислимыя бѣдствія. По вычисленію одного писателя, число жертвъ голода 1891-1892 г.г. можно считать въ милліонъ человѣкъ, въ четыре раза больше, чѣмъ погибло въ несчастную крымскую войну. А сколько людей разорилось и перешло въ разрядъ безземельныхъ и безлошадныхъ. Это повело за собой увеличеніе числа ищущихъ работу и потому паденіе заработной платы, и не только въ деревняхъ, но и въ городахъ. Между тѣмъ, цѣны на хлѣбъ вѣдь повысились, так что рабочимъ пришлось пережить тоже очень плохое время. Что же дѣлаетъ правительство, чтобъ устранить голодъ, чтобъ доставить населенію неурожайныхъ мѣстностей хлѣбъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ урожай былъ лучше? Пока правительство устроило только совещаніе изъ разныхъ чиновниковъ, чтобъ опредѣлить нужду населенія въ хлѣбѣ, и эти чиновники нашли, что населеніе обойдется и своими средствами. Тѣ учрежденія, на обязанности которыхъ по закону лежитъ прокормленіе населенія, именно земства (изъ выборныхъ, главнымъ образомъ, отъ помѣщиковъ, хотя есть тамъ и небольшое число крестьянъ) хлопочутъ о всякихъ льготахъ населенію неурожайныхъ мѣстъ—о невзысканіи податей, напримѣръ, въ этотъ годъ, о пониженіи провозной платы за провозъ хлѣба въ неурожайныя мѣста (чтобъ хлѣбъ стоилъ дешевле), наконецъ, о выдачѣ денегъ изъ государственного казначейства на покупку хлѣба, на продовольствіе и сѣмена... Однако опытъ 1891 - 1892 годов показываетъ, что правительство не откажется отъ взысканія податей. (Въ 1891-1892 г. хотя само правительство объявило о существованіи голода, оно не прекратило «выколачиванія» недоимокъ). И теперь уже въ газетахъ были извѣстія, что правительство приказываетъ взыскивать подати (напримѣръ, въ Ряжскомъ уѣздѣ Рязанской губ.), «у полиціи есть уже распоряженіе о взысканіи всякого рода податей» и «такъ какъ отъ урожая продать нечего, то на уплату податей и на продовольствіе производится усиленная продажа скота, отчего цѣны на скотъ весьма упали». Въ Донской области предписано «требованіе объ уплатѣ платежей (выкупныхъ) предъявлять неукоснительно и пользуясь всякимъ случаемъ полученія, какъ отдѣльными крестьянами, такъ и цѣлыми обществами, денегъ отъ заработковъ, промысловъ, оброчныхъ статей, продажи скота и

проч.» И это именно потому, такая строгость, что «въ отношеніи урожая настоящій годъ будетъ весьма тяжелымъ». Совсѣмъ какъ-то особенно устроена голова у царскихъ чиновниковъ! Взыскивать какъ можно строже подати потому, что населеніе и безъ того съ голоду умираетъ! Что касается до просьбъ земства о денежной помощи, то вотъ какъ правительство отвѣтило Воронежскому земству: оно признаетъ затруднительнымъ (проклятый канцелярскій языкъ!) выдать 1.560.000 рублей на продовольствіе населенія Воронежской губерніи, такъ какъ земство не приняло во вниманіе заработка крестьянъ въ отхожихъ промыслахъ, а также съ продажи не необходимаго крестьянскаго имущества; кромѣ того, изъ пособія въ 1.500.000 руб., выданнаго въ 1891—1892 г.г., возвращено только 179 т. р. Болѣе наглаго отвѣта нельзя себѣ представить. Какое это «не необходимое» имущество у голодающихъ крестьянъ? Развѣ неизвѣстно правительству, что мужикъ и въ урожайный годъ живетъ, едва сводя концы съ концами? Что же онъ продастъ, не раззоряясь въ конецъ? А это упоминаніе о невозвращенной ссудѣ! Да вѣдь если воронежскіе крестьяне не возвратили ссуды, то, значитъ, они такъ раззорены, что не могутъ ея возвратить, вѣдь, если бы они имѣли хоть какую-нибудь возможность возвратить, то развѣ царская полиція не содрала бы съ нихъ все, что только могла? Вѣдь упрекнуть нашу полицію въ отсутствіи усердія никакъ нельзя. Вотъ онѣ — «отеческія» заботы «царя-батюшки» о своихъ вѣрноподданныхъ, которые чуть не молятся на него! Кто же, наконецъ, откроетъ глаза русскому крестьянину? Кто разъяснитъ ему что «царь-батюшка» — убійца, обрекающій на голодную смерть сотни тысячъ людей, своимъ пóтомъ и кровью поддерживающихъ его самодержавіе? Лишь русскій рабочій, проникнутый классовымъ сознаніемъ, сумѣетъ это сдѣлать.

Въ то время, какъ Россіи угрожаетъ голодъ, ея «обожаемый монархъ», послѣ пышнаго пріема въ Петербургѣ различныхъ государей, послѣ ряда баловъ, обѣдовъ, смотровъ (на которые были потрачены сотни тысячъ, содранныхъ съ нищаго народа), отправился въ Варшаву. Въ Варшавѣ ему былъ оказанъ блестящій пріемъ, и главное, не начальствомъ мѣстнымъ, не полиціей и жандармами, а «всѣми слоями мѣстнаго населенія», какъ выражаются казенныя газеты, а

за ними и частныя. Что же сдѣлалось съ поляками, которыхъ такъ преслѣдуетъ правительство и которые до сихъ поръ такъ ненавидѣли это правительство? Почему вдругъ поляки такъ полюбили царя и правда ли, что всѣ слои населенія одинаково восторженно встрѣчали царя? На эти вопросы очень хорошій отвѣтъ дастъ газета нашихъ польскихъ товарищей «Работникъ». Въ передовой статьѣ въ № 24 «Работникъ» говорится по поводу «союза, заключеннаго господами съ царемъ» слѣдующее: «Мы уже неоднократно указывали, какъ подъ вліяніемъ развитія капитализма и выступленія на поле битвы пролетаріата, польскіе господствующіе классы отказались отъ прежнихъ своихъ политическихъ плановъ и все свое вниманіе направили на то, чтобы не допустить уничтоженія существующаго порядка, обезпечивающаго имъ доходы съ труда рабочихъ. Сознавая свое безсиліе и необходимость опереться на царское правительство, пошли они такъ далеко, что говорятъ теперь съ царемъ такимъ языкомъ, какимъ обращались къ нему до сихъ поръ только его вѣрнѣйшіе подданные въ Москвѣ». Итакъ, вотъ причина, почему польская буржуазія и польскіе помѣщики устроили такой пріемъ царю: это потому, что польскій пролетаріатъ сталъ слишкомъ грозенъ. Царь обошелся милостиво съ своими «вѣрноподданными»: онъ наградилъ ихъ орденами и чинами, увѣрялъ ихъ въ своей «благосклонности» и очень скоро далъ имъ еще болѣе существенныхъ доказательствъ своего расположенія, именно выстрѣлами своихъ солдатъ въ волновавшихся рабочихъ въ Гутѣ-Банковѣ [1]). Наши польскіе товарищи хорошо знали и раньше, а теперь убѣдятся еще разъ, что изъ себя представляетъ царское правительство и когда-нибудь при помощи русскихъ товарищей посчитаются за всѣ жертвы, понесенныя ими въ ихъ постоянной борьбѣ за свое политическое и экономическое освобожденіе. Мы, русскіе рабочіе, протягиваемъ руку нашимъ братьямъ, польскимъ рабочимъ, и будемъ бороться дружно рука объ руку съ ними подъ знаменемъ соціализма противъ нашихъ общихъ враговъ, царскаго правительства и капиталистовъ. Противопоставимъ союзу царя съ капиталистами—братскій союзъ пролетаріевъ всѣхъ народностей русскаго государства, и тогда мы побѣдимъ.

---

[1]) См. ниже «Новое преступленіе русскаго правительства».

Подавая руку помощи польской буржуазіи въ ея борьбѣ съ польскимъ пролетаріатомъ, русское правительство конечно, дѣлаетъ все возможное, чтобы помѣшать пробужденію самосознанія въ русскомъ пролетаріатѣ. Прежде всего оно направляетъ свои усилія на то, чтобы задержать распространеніе въ Россіи просвѣщенія. Если бы мы захотѣли перечислить все то, что дѣлаетъ наше правительство, чтобы держать народъ въ невѣжествѣ, у насъ не хватило бы мѣста и времени. Страшныя затрудненія при открытіи безплатныхъ народныхъ библіотекъ, исключеніе изъ числа допущенныхъ въ библіотеки книгъ, такихъ, которыя хоть немного могутъ развить читателя и т. д. и т. д.,—все это ведетъ къ одной цѣли, чтобъ народныя массы не поняли всего ужаса своего положенія и не возмутились противъ правительства. Однимъ изъ средствъ достигнуть этого служитъ передача народныхъ школъ въ руки духовенства. Всѣ знаютъ, конечно, что такое русское духовенство; невѣжественные попы и дьячки, заботящіеся только о собственномъ благополучіи, ужъ никакъ не могутъ въ своихъ школахъ дать что-нибудь полезное народу. Псалтырь да церковное пѣніе—вотъ тотъ камень, который даетъ церковно-приходская школа вмѣсто хлѣба—хоть бы первоначальнаго развитія и умѣнья разбираться въ окружающемъ мірѣ. Недавно состоялось «высочайшее повелѣніе» «о дополнительномъ ассигнованіи изъ государственнаго казначейства по 1.500.000 р. ежегодно на церковно-приходскія школы. Итакъ, еще полтора милліона народныхъ денегъ пойдутъ на распространеніе мрака и невѣжества.

Кромѣ искорененія просвѣщенія, царское правительство съ особымъ усердіемъ уничтожаетъ непріятныя ему вѣрованія. Недавно въ г. Казани собирался съѣздъ русскаго духовенства, который долженъ былъ обсудить, какъ бороться съ отступившими отъ православія «вредными людьми» (раскольниками, сектантами). Совѣщанія съѣзда лучше всего показываютъ, въ какой ужасной, просто безчеловѣчной странѣ мы живемъ. Развѣ можно кого-нибудь заставить вѣровать не такъ, какъ онъ вѣруетъ? Развѣ это не величайшее насиліе надъ совѣстью—принуждать кого-нибудь отказаться отъ своей вѣры? На съѣздѣ между тѣмъ предлагались самыя ужасныя мѣры противъ «вредныхъ» сектъ, между прочимъ, предлагалось хлопотать, чтобъ правительство отбирало дѣтей

у сектантовъ и воспитывало ихъ въ православіи. На что уже терпѣливыя русскія газеты, дрожащія за свое существованіе, но и тѣ ужаснулись при этомъ предложеніи и не хотѣли вѣрить, чтобъ могло быть въ самомъ дѣлѣ сдѣлано такое предложеніе. По этому поводу Левъ Толстой помѣстилъ въ газетѣ «С.-Петербургскія Вѣдомости» письмо, въ которомъ указалъ, что хлопотать съѣзду объ отбираніи дѣтей было лишнее, такъ какъ по русскимъ законамъ и теперь можно отбирать дѣтей (по 39-й статьѣ устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій). Кромѣ того, въ письмѣ Толстого указано, что въ концѣ апрѣля этого года въ Самарской губ. въ 3-хъ молоканскихъ семьяхъ (молокане-сектанты) на основаніи этого закона отобрали 5-хъ дѣтей, возрастомъ отъ 11-ти до 2-хъ лѣтъ. Всѣ хлопоты, какъ сообщаетъ Толстой, не привели ни къ чему. Намъ нечего прибавлять къ этому письму. Пусть сами читатели подумаютъ, можно ли жить дольше при такихъ законахъ, которыя позволяютъ отрывать дитя отъ матери.

На-ряду со всѣми этими фактами насилія, притѣсненій и жестокости как-то странно слышать, что правительство издаетъ цѣлый рядъ законовъ и постановленій, имѣющих цѣлью улучшить положеніе рабочихъ. Не успѣлъ появиться знаменитый законъ 2 іюня, ограничивающій рабочій день взрослыхъ рабочихъ, как Мин. Фин. издалъ дополнительныя къ нему правила, которыя заключают въ себѣ ограниченіе сверхурочной работы [1].

Вслѣдъ за изданіемъ правилъ появилось распоряженіе о распространеніи одной части нашихъ фабричныхъ законов (Правилъ о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ) «на нѣкоторыя ремесленныя заведенія». Наконецъ, издано распоряженіе о томъ, чтобы фабриканты еженедѣльно вывѣшивали отчетъ о капиталѣ, образующемся изъ штрафовъ. Откуда же появилась такая доброта у нашего правительства? Это понять не трудно. Закон 2 іюня и дополняющія его правила явились как слѣдствіе многолѣтней борьбы всего русскаго рабочего класса за сокращеніе рабочего дня—и въ

[1]) Мы не говоримъ подробно ни о законѣ, ни о правилахъ, такъ какъ объ этомъ будетъ скоро издана отдѣльная книжка.

особенности двухъ послѣднихъ петербургскихъ стачекъ. Распространеніе фабричныхъ законовъ на ремесленныя заведенія было добыто волненіями и стачками нашихъ товарищей-ремесленниковъ въ Западном краѣ [1]) и въ Царствѣ Польскомъ (недаромъ же прежде всего это распоряженіе примѣнено въ Варшавѣ). Наконецъ, постановленіе о вывѣшиваніи отчетовъ о штрафномъ капиталѣ является прямымъ отвѣтомъ на стачку въ Гутѣ-Банковой. Такимъ образомъ, всѣ эти постановленія являются не добровольнымъ даромъ отъ чистаго сердца со стороны русскаго правительства, а вынужденной уступкой рабочему движенію въ Россіи и Польшѣ. Эти побѣды рабочаго движенія надъ царскимъ самодержавіемъ являются единственнымъ свѣтлымъ лучемъ въ окружающем насъ таракѣ русской жизни. Этотъ лучъ наполняетъ душу увѣренностью, что и у насъ въ Россіи скоро наступитъ давно ожидаемый разсвѣтъ.

По Россіи.

Москва, май и іюнь. 16 мая на фабрикѣ Габай въ папиросномъ отделеніи произошла забастовка рабочих и работницъ. Причина, вызвавшая эту забастовку, заключалась въ слѣдующем: владѣльцы фабрики, вслѣдствіе промышленнаго кризиса, задумали уменьшить рабочій день на полчаса. Рабочіе, получающіе здѣсь плату сдѣльно и вырабатывающіе отъ 10 до 8 руб. въ мѣсяцъ, опасаясь, что сокращеніе рабочаго дня повлечетъ за собой уменьшеніе ихъ и безъ того скудного заработка, рѣшили просить о прибавкѣ по 6 коп. на 1.000 папиросъ, что составляетъ около 9 коп. въ день, такъ какъ въ теченіе дня каждый рабочій вырабатываетъ до 1.500. Утромъ 16 мая рабочіе и работницы папироснаго отделенія въ количествѣ 400 человѣкъ собрались на дворѣ фабрики, потребовали директора и заявили ему о своемъ требованіи. Директоръ попросилъ ихъ не бросать работы и обождать нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ будетъ разсмотрѣно ихъ требованіе, и ушелъ со двора; приказчикъ же, видя, что народъ не расходится, послалъ за полиціей, которая не замедлила явиться, переписала всѣхъ рабочихъ и по частям

[1]) См. объ этомъ корреспонденцію изъ Вильно, помѣщенную ниже.

отправила въ Бутырскую тюрьму. Перепись продолжалась отъ 11 час. дня до 4 час. утра слѣдующего дня. Рабочихъ и работницъ, между которыми были также и дѣти (около 90 человѣкъ), все это время держали во дворѣ и въ теченіе почти цѣлыхъ сутокъ они ничего не ѣли. Обращеніе полиціи, вначалѣ довольно вѣжливое, къ концу дня становилось все грубѣе и грубѣе. На просьбу о разрѣшеніи укрыться подъ навѣсомъ отъ довольно сильнаго, лившаго въ то время дождя полиція отвѣчала отказомъ. Рабочіе, особенно женщины и дѣти, были сильно измучены голодомъ и 18-часовымъ стояніемъ подъ дождемъ. Съ нѣкоторыми изъ женщинъ сдѣлалась истерика, а двѣ изъ нихъ, по просьбѣ владѣльцевъ фабрики, вмѣсто «Бутырокъ», были отправлены въ находящійся при фабрикѣ пріемный покой. Черезъ два дня всѣ рабочіе были выпущены и приняты на фабрику, за исключеніемъ 10 человѣкъ, которыхъ этапнымъ порядкомъ отправили на родину. Требованіе рабочихъ исполнено не было.

Въ серединѣ іюня сего года, въ Москвѣ на товарной станціи Московско-Казанской жел. дор. забастовало около 160 человѣкъ «крючниковъ». Забастовка вызвана была слѣдующими причинами. Владѣльцы товаровъ—лабазники и скупщики заявили начальнику станціи, что крючники, при перетаскиваніи груза, прорываютъ крючьями мѣшки и этимъ вводятъ ихъ въ лишніе расходы. (Дѣйствительно убытокъ отъ прорванныхъ крючьями при погрузкѣ мѣшковъ бываетъ не малый, такъ какъ во время перевозки изъ нихъ много высыпается муки, крупы и зерна.) Начальникъ станціи, желая удовлетворить лабазниковъ, заявилъ рабочимъ, чтобы со слѣдующаго дня клади таскались ими отнюдь не крючьями, а прямо руками. Исполненіе этого требованія для крючниковъ было почти невозможно, такъ какъ для того, чтобы поднять и пронести голыми руками куль пудовъ 7—8 вѣсомъ, пришлось бы обломать всѣ ноги; они рѣшили отказаться. Придя на слѣдующій день на работу, они потребовали начальника станціи и стали просить его разрѣшенія попрежнему употреблять при нагрузкѣ крючья. Тотъ отвѣтилъ, что просьбы ихъ онъ исполнить не можетъ, такъ какъ это, молъ, не его дѣло, и посовѣтовалъ имъ обратиться къ начальнику тяги. Для переговоровъ съ этимъ последнимъ крючники отправились къ правленію, около котораго, нѣсколько въ сторонѣ, ихъ ожи-

далъ взводъ казаковъ; однако ихъ помощи не потребовалось. Изъ переговоровъ съ начальникомъ тяги выяснилось, между прочимъ, слѣдующее обстоятельство: за выгрузку и погрузку вагона (тара 700 пуд). Правленіемъ дороги назначается рабочимъ по 2 руб., платили же имъ лишь по 70 к. съ 1.000 пуд., что составляетъ по 49 к. за вагонъ. Такимъ образомъ, три четверти ассигнуемыхъ Правленіемъ денегъ систематически крались у крючниковъ ихъ ближайшимъ начальствомъ, которое и дѣлилось между собой, придерживаясь, вѣроятно, въ распредѣленіи украденныхъ денегъ іерархической системы. На просьбу рабочихъ начальникъ тяги отвѣчалъ: «идите къ своему начальнику (нач. тов. станціи), и спрашивайте у него». Выведенные изъ терпѣнія крючники, видя, что просьбами ничего не добьешься, рѣшили забастовать и разошлись по домамъ, сговорились не приниматься за работу до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены ихъ требованія. Теперь уже, кромѣ разрѣшенія таскать кладь попрежнему при помощи крючьевъ, они требовали увеличенія платы за выгрузку и погрузку вагона до 2 руб. и смѣщенія старшаго, наблюдающаго за ними рабочаго, что вызывалось грубымъ обращеніемъ послѣдняго. Все время забастовки рабочіе вели себя спокойно и не допускали никакихъ безчинствъ. Управляющій дороги попробовалъ было замѣнить крючниковъ золоторотцами, хитровцами и отчасти своими служащими; но всѣ они, проработавъ лишь одинъ день и не выработавъ болѣе 20 коп., отказались продолжать работу, и на слѣдующій день не явились. Несмотря на довольно слабое движеніе, получился весьма значительный застой въ доставкѣ и отправкѣ грузовъ. Наконецъ, на 8-й день забастовки, управляющій дороги, видя безвыходность своего положенія, потребовалъ для переговоровъ нѣскольких крючников, при чемъ произошло соглашеніе на слѣдующихъ условияхъ: 1) плата за погрузку и выгрузку вагона назначалась 1 р. 40 к., 2) кладь разрѣшено было таскать крючьями и 3) расплату съ рабочими производить во-время. Старшій остался не смѣненнымъ. Стойко и дружно продержавшись 8 дней, крючники добились своего, потерявши лишь 6—7 товарищей, получившихъ расчетъ. Дѣло обошлось безъ вмешательства полиціи.

Екатеринославъ. Май 1897 года. Въ концѣ мая въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ произошла забастовка по слѣ-

дующему поводу. Расчетъ производится тамъ два раза въ мѣсяцъ,—по субботамъ, которыя слѣдуютъ за первымъ и пятнадцатымъ числомъ каждаго мѣсяца. Такъ какъ праздникъ Троицы пришелся въ Воскресенье 1 іюня, то рабочіе, нуждаясь въ деньгахъ на праздникъ, просили управляющаго выдать имъ деньги въ субботу передъ первымъ іюня. Управляющій же настаивалъ, чтобы выдача произошла обязательно въ субботу, слѣдующую за первымъ числом, т.-е. 7 іюня. Такимъ образомъ рабочимъ предстояло остаться безъ копѣйки денегъ на праздникъ и на всю слѣдующую недѣлю. Чтобъ добиться своего, рабочіе бросили работу. Управляющій грозилъ рабочимъ отвѣтственностью, доказывалъ имъ, что они поступаютъ беззаконно, но, въ концѣ концовъ, принужденъ былъ уступить требованію рабочихъ. Забастовка продолжалась всего полдня. Участвовало въ ней всего 500 ч

С. Наволоки, Костромской губ. Май 1897 г. 14 мая сего года на фабрикѣ Т-ва Волжской мануфактуры бумажныхъ и льняныхъ издѣлій Миндовскаго и Н. Бакакина въ с. Наволокахъ, Кинешемскаго уѣзда, Костромской губ., ткачи в числѣ 1.136 человѣкъ (248 мужчинъ, остальные—женщины), послѣ предварительнаго заявленія требованія объ увеличеніи заработной платы управляющему фабрикой Косаткину и дирек. фабр. А. Бакакину, прекратили работу на фабрикѣ. 14 мая рабочіе просили только о прибавкѣ 20 проц. къ существующему расцѣнку заработной платы. Когда же ихъ просьба не была уважена, ихъ требованія осложнились и свелись къ слѣдующему: 1) увеличеніе заработной платы на 20 проц.; 2) установленіе платы за простои станковъ, происшедшіе не по винѣ рабочихъ; 3) установленіе платы за излишніе противъ расцѣнки выработанные аршины, такъ называемые «долгіе аршины»); 4) увольненіе управляющаго фабрикой Косаткина, не принимающаго жалобъ рабочихъ, увольняющаго рабочихъ съ фабрики безъ всякихъ причинъ и вообще крайне несправедливо относящагося къ рабочимъ. Хотя на другой же день, т.-е. 15 мая администраціей фабрики и было вывѣшено объявленіе о томъ, что за простои станковъ, происшедшіе не по винѣ рабочихъ, а также за излишніе сработанные аршины будетъ рабочимъ уплачиваемо, тѣмъ не менѣе рабочіе настаивали на удовлетвореніи всѣхъ своихъ требованій, и стачка продолжалась цѣлый мѣсяцъ до 13 іюня.

Эта стачка ткачей на фабрикѣ Миндовскаго и Бакакина была вызвана главнымъ образомъ систематическимъ пониженіемъ заработной платы, въ то время какъ на другихъ фабрикахъ она повышается. Поводомъ къ забастовкѣ послужилъ вывѣшенный за нѣсколько дней до Пасхи новый расцѣнокъ на періодъ съ Пасхи по Октябрь сего года, не только болѣе низкій, чѣмъ лѣтній расцѣнокъ 1896 года, но даже ниже зимняго 1897 года, тогда какъ лѣтній расцѣнокъ всегда и вездѣ бываетъ выше зимняго.

Прошлогодній и нынѣшній расцѣнки устанавливаютъ такую низкую заработную плату, что ткачу положительно на нее нѣтъ возможности существовать, и если фабрика, несмотря на это, все-таки имѣетъ полный комплектъ рабочихъ, то это объясняется тѣмъ, что почти всѣ рабочіе фабрики вербуются изъ мѣстнаго населенія, съ значительнымъ преобладаніемъ женщинъ. Рабочіе на фабрикѣ настолько не порываютъ связь съ землей, что трудно рѣшить, какое занятіе является главнымъ и какое—побочнымъ: земледѣліе или работа на фабрикѣ. Осенью прошлаго года изъ 926 ткачей, работавшихъ полный мѣсяцъ, безъ прогула, 410 человѣкъ зарабатывало менѣе 9-ти рублей (минимумъ 4 съ пол. руб.), остальные по 9 р. и выше. Такой низкій заработокъ и могъ быть терпимъ только мѣстнымъ населеніемъ. Если же случалось, что нанимался на фабрику пришлый людъ, какъ, напримеръ, нынѣшнимъ лѣтомъ, вологодскіе рабочіе, то они принуждены были, послѣ дневной работы на фабрикѣ, ночью заниматься разгрузкой судовъ на Волгѣ.

Но и при такомъ низкомъ уровнѣ заработной платы рабочему приходится немало терять отъ такъ называемыхъ «долгихъ аршиновъ»—«примѣръ», попросту сказать, мошенническихъ обмѣровъ. Эти обмѣры имеютъ мѣсто на очень многихъ фабрикахъ и мануфактура Миндовского и Бакакина не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Такъ напримѣръ, на фабрикѣ бр. Зотовыхъ въ Костромѣ эти обмѣры практиковались въ особенно широкихъ размѣрахъ и послужили поводомъ къ большой забастовкѣ въ прошломъ году. Сущность «долгихъ аршиновъ» заключается въ слѣдующемъ: практически дознано, что изъ основы въ 65 арш. можно выткать 59½, 60 или 60½ арш. Эти уклоненія не принимаются въ расчетъ и готовый кусокъ будетъ

считаться за 60 арш. Но такъ какъ основа приготовляется въ другомъ отделеніи, а не въ ткацкомъ, и выдается ткачамъ на руки уже навитой на «навой» и для нихъ не представляется возможнымъ провѣрить число аршинъ, то тутъ-то администраціи фабрики открывается широкое поле для злоупотребленій и мошенничества; выдается основа съ этикеткой въ 65 арш.; в действительности же въ ней 75 арш., и болѣе, а выработанный кусокъ—считается въ 60 арш., въ самомъ же дѣлѣ онъ заключаетъ въ себѣ 70 арш. и болѣе. Это злоупотребленіе было такъ хорошо обставлено, что въ теченіе цѣлыхъ 16 лѣтъ не было замѣчено рабочими. Сколько этихъ «долгихъ аршинъ» даромъ пошло въ карманъ фабриканта въ эти долгія 16 лѣтъ! И сколько бы еще продолжалось это надувательство рабочихъ, если бы не обнаружили его осенью прошлого года рабочіе фабрики бр. Зотовыхъ. Какъ тщательно хранили фабриканты тайну появленія на Божій свѣтъ этого экстраординарнаго вида прибавочной стоимости и какъ ревниво заботились они о томъ, чтобы грязныя рабочія руки не осквернили своимъ прикосновеніемъ дѣвственной чистоты только что народившихся тканей,—видно изъ того, что на фабрикѣ Зотовыхъ рабочіе, пытавшіеся промѣрить сработанную ими ткань, подвергались немедленному изгнанію съ фабрики.

Кроме вышеописанныхъ обмѣровъ, на фабрикѣ Миндовскаго и Бакакина, заработокъ ткачей еще болѣе понижался вслѣдствіе невольныхъ простоевъ станковъ по причинѣ ли поломки ихъ, или отъ недостатка матеріала, неподготовки основы и т. п. За подобные простои рабочимъ ничего не платилось. Насколько вопіяло къ Господу это весьма чувствительное для рабочихъ злоупотребленіе рабочимъ временемъ — это милое дѣтище нашихъ патріархальныхъ фабричныхъ нравовъ,—видно изъ того, что даже «начальство», взирающее спокойнымъ взоромъ на всяческія невзгоды рабочих и обладающее завидною способностью многое не видѣть вовсе, а иное представлять въ какомъ-то особенно розовомъ свѣтѣ,—обратило на это свое вниманіе: незадолго до стачки фабричная инспекція отобрала отъ фабрикантовъ тайную подписку доплачивать рабочимъ за простой станковъ. Рабочіе ничего объ этомъ не знали. Рабочимъ готовился пріятный сюрпризъ: сюрпризъ долженъ былъ размягчить суровое

сердце рабочихъ и преисполнить его умиленіемъ къ ниспосланному Господомъ подарку и чувствомъ благодарности за неожиданную милость къ фабриканту, — исполнителю воли Всевышняго. И какъ же долженъ былъ поморщиться фабрикантъ, когда увидѣлъ плату за простои станковъ въ числѣ требованій выставленных стачечниками! Роль великодушнаго, доброхотнаго даятеля пришлось перемѣнить на гораздо менѣе эффектную роль эксплуататора, вынужденнаго уступить справедливымъ требованіямъ рабочихъ. Непріятное разочарованіе!

Во все время стачки, продолжавшейся цѣлый мѣсяцъ и причинившей громадные убытки хозяевамъ фабрики, рабочіе вели себя спокойно и сдержанно, сознавая всю важность предпринятаго дѣла и благопріятнаго исхода стачки, чѣмъ поставили съѣхавшихся въ большомъ количествѣ «властей» в довольно затруднительное положеніе: рабочіе ведутъ себя настолько спокойно, что некого привлекать. Тогда прибѣгли къ испытанному средству, во что бы то ни стало отыскать зачинщиковъ; это дѣлается очень просто: кто стоитъ впереди и много говоритъ—зачинщикъ; кто стоитъ позади и молчитъ, несомнѣнно тоже зачинщикъ. Послѣ такого упрощеннаго розыска были найдены, наконецъ, столь желанные зачинщики, и вся свора гостей разъѣхалась. 7 человѣкъ рабочихъ были привлечены к судебному слѣдствію: трое, въ томъ числѣ одинъ изъ привлеченныхъ по представленію костромскаго губернатора Шидловскаго, были высланы административно по распоряженію министра внутрен. дѣлъ за предѣлы костромской губерніи съ запрещеніемъ жительства въ губерніяхъ съ фабричной промышленностью.

Такъ кончилась стачка на нашей фабрикѣ. Кромѣ приведеннаго выше, пока удовлетворено отчасти только одно требованіе стачечниковъ: повышенъ заработокъ на 10 проц. Какъ ни малъ этотъ успѣхъ, это все-таки успѣхъ. Но не въ этихъ непосредственныхъ только результатахъ заключается значеніе стачки. Пріобрѣтенный опытъ, одушевленіе борьбою, увѣренность въ единодушной поддержкѣ товарищей—таковы неисчислимые результаты всякаго одухотвореннаго рабочаго движенія, — результаты, имѣющіе громадное значеніе для дальнѣйшей борьбы рабочаго класса за свое освобожденіе, а вмѣстѣ за освобожденіе и счастье всего человѣчества.

Вильно. Октябрь 1897 года. Не первый годъ рабочее населеніе нашего города какъ еврейское, такъ и христіанское (литовское) [1]) ведетъ борьбу съ хозяевами. Припомнимъ стачку 200 рабочихъ и работницъ на табачной фабрикѣ Эдельштейна во II половинѣ 1895 года, продолжавшуюся 2 недѣли и кончившуюся побѣдой стачечниковъ, настоявшихъ на томъ, чтобы не ввели на фабрикѣ женскаго труда вмѣсто труда папиросниковъ. Начавъ съ борьбы за мелкія улучшенія, рабочіе нашего города дошли до сознанія необходимости сокращенія рабочаго дня до 10 часовъ (не считая 2 часа на завтракъ и обѣдъ), и в послѣдніе 3—4 года во многихъ ремеслахъ это требованіе рабочихъ осуществлено. Выйдите лѣтомъ въ 8 час. вечера на улицу и вы убѣдитесь, сколь значительная часть рабочихъ ужъ не работаетъ въ это время. Этотъ успѣхъ борющейся части рабочихъ нашего города заражаетъ и пассивные слои, и борьба за 10-часовой рабочій день становится все популярнѣе въ нашей рабочей массѣ. Конецъ прошлаго года можетъ служить поворотнымъ пунктомъ въ исторіи нашего рабочаго движенія. Администрація открыла систематическій и жестокій походъ противъ рабочихъ нашего города. Полиція и жандармерія соперничаютъ другъ съ другомъ, чтобы отличиться перед высшимъ начальствомъ ловлей «бунтовщиковъ». Хозяева-евреи, бывшіе прежде въ презрѣніи у властей, стали ихъ желанными гостями. Ихъ принимаютъ радушно и одного ихъ словеснаго доноса достаточно, чтобы засадить въ тюрьму и гноить по мѣсяцамъ десятки рабочихъ. Власти поняли, какъ опасны для нихъ всѣ попытки рабочихъ улучшить солидарными усиліями свое положеніе, они поняли, что солидарная борьба закаляетъ рабочихъ, и что извѣстный досугъ, за который борется теперь масса, ей нуженъ для изученія своего положенія, своихъ интересовъ, и что это изученіе должно ее привести къ сознанію, что съ самодержавіемъ связаны ея нищета и невѣжество, ея униженіе и безправіе. Нигдѣ, гдѣ ведется борьба еврейскаго пролетаріата, ни въ Варшавѣ, Бѣлостокѣ, Минскѣ, Ковнѣ и друг., нѣтъ столько жертвъ царскаго самодержавія, какъ у насъ. И изъ городовъ съ еврейскимъ населеніемъ

---

[1]) Здѣсь будетъ рѣчь преимущественно о еврейскомъ рабочемъ движеніи, такъ какъ о христіанскомъ пишущему не удалось собрать ко времени составленія корреспонденціи достаточно свѣдѣній.

власти такъ обрушиваются на нашъ городъ, потому что они считаютъ его разсадникомъ идей борьбы и свободы, разсадником классоваго самосознанія рабочихъ. Однако никакія преслѣдованія не въ силахъ остановить ростъ нашего рабочаго движенія. Сила его особенно проявилась въ текущемъ году въ празднованіи перваго мая. Наканунѣ (по нашему стилю 18 апрѣля) по всему городу были расклеены и распространены на еврейскомъ языкѣ (печатныя), на польскомъ и русскомъ — (гектографированныя) майскія прокламаціи, выставлявшіе требованіе сокращенія рабочаго дня и политическихъ правъ (въ еврейскихъ — кромѣ того, еще подчеркивалось требованіе гражданскаго равноправія). Никогда прежде ни одно явленіе, кажется, не взволновало такъ городъ, какъ эти прокламаціи. Какъ угорѣлые, бѣгали рано утромъ хозяева, многіе съ кипяткомъ в рукахъ, и смывали или срывали со стѣнъ листки. Нѣсколько дней и ночей полиція и жандармы были на ногахъ, «предупреждая и пресѣкая» ожидавшіяся преступленія, и, однако же не могли предупредить майскаго собранія литовскихъ рабочихъ, на которомъ восторженно были встрѣчены посланные еврейскими рабочими делегаты. Тревога, охватившая администрацію, убѣдительнѣе всего сказалась въ слѣдующемъ тайномъ мѣропріятіи. 1 мая (19 апрѣля по русскому) городъ былъ оцѣпленъ войсками, какъ въ военное время. То же повторилось и въ русское первое мая. Въ эти дни можно было убѣдиться, какъ глубока классовая рознь въ нашемъ городѣ, этомъ центрѣ мелкаго производства, гдѣ, казалось, совмѣстная работа большинства рабочихъ со своими хозяевами въ мелкихъ мастерскихъ, должна бы нѣсколько смягчить отношенія между эксплуатируемыми и эксплуатататарами. Этотъ городъ тогда представлялъ собою два класса людей, говорящихъ на разныхъ языкахъ, другъ друга глубоко ненавидящихъ. Хозяева человѣконенавистнически, со злобой, чуть ли не съ пѣной у рта, отзывались о рабочемъ движеніи. Къ нимъ присоединилась буржуазная интеллигенція и духовенство, призывавшее громы небесные на мятежныя головы безбожныхъ бунтовщиковъ. Но рабочіе—иные с явной, другіе съ затаенной радостью читали, собравшись кучками листки, подчеркивая особенно тѣ мѣста, где говорилось, что «у рабочихъ есть только обязанности, но нѣтъ правъ, у хозяевъ же есть только права, но нѣтъ никаких обязанностей». По-

лиція была взбѣшена, и безсильная ея злоба сказалась въ нелѣпыхъ слухахъ, которые она стала распространять по городу о борющихся рабочихъ. Власти всегда такъ дѣлаютъ. Когда онѣ замѣчаютъ, что общественное мнѣніе начинаетъ склоняться въ пользу рабочихъ, то прибѣгаютъ къ клеветѣ и забрасываютъ ихъ грязью. Администрація распространила тревожные слухи, что рабочіе-христіане готовятъ еврейскій погромъ, что скоро они начнутъ поджигать фабрики и заводы вообще. Въ отвѣтъ на это мѣстная еврейская и литовская соціалъ-демократія выпустила на еврейскомъ и польскомъ языкахъ прокламаціи «ко всѣмъ виленскимъ рабочимъ и работницамъ», гдѣ разъяснялся смысл мѣропріятій властей въ день 1 мая и давалась оцѣнка вышеупомянутымъ слухамъ. «Рабочимъ — такъ заканчиваются прокламаціи — незачемъ бояться теперь погромовъ. Эти времена канули въ вѣчность. Было время, когда правительство, чтобы отвлечь вниманіе рабочаго класса отъ насущныхъ вопросовъ, чтобы затемнить пониманіе имъ истинныхъ причинъ своей бѣдности, т.-е. его классовое самосознаніе, натравляла русскихъ рабочихъ и крестьянъ на евреевъ. Но теперь рабочіе ужъ не стадо барановъ, слѣпо слѣдующее указанію начальства. Теперь, какъ въ христіанскомъ, такъ и въ еврейскомъ пролетаріатѣ все болѣе и болѣе развивается и крѣпнетъ сознаніе, что интересы рабочихъ всѣхъ вѣрованій и народовъ одни и тѣ же, что они въ силу этого другъ другу братья, и глубоко ошибутся власти въ рабочихъ, если и теперь вздумаютъ прибѣгнуть къ своимъ старымъ преступнымъ пріемамъ, для того, чтобы посѣять среди нихъ рознь и ихъ одурачить».

Аресты и обыски тѣмъ временемъ шли своимъ чередомъ. Рабочее же движеніе не только не задерживалось, но принимало болѣе глубокій характеръ и втягивало такіе слои рабочихъ, «гдѣ — по выраженію одного писателя — настолько сгустился мракъ, что туда, какъ казалось, не могъ даже проникнуть лучъ сознанія». Въ городѣ нашемъ, на берегахъ Виліи работаетъ около 300 (евреевъ преимущественно) разъемщиковъ плотовъ («вашевшиковъ» — по-мѣстному). Работали они отъ зари до зари, простаивая даже въ непогоду и слякоть цѣлые дни въ водѣ и разнимая плоты. Подростки же, «ѣздоки», втаскивающіе на коняхъ брусья на берегъ, гдѣ они складываются въ дровяныя кучи, по цѣлымъ днямъ не

слѣзаютъ съ копей. Среди рабочихъ этого ремесла сильно развиты профессіональныя болѣзни—грыжи, опухоли на ногахъ и ревматизмъ. Происходитъ много несчастныхъ случаевъ. Ихъ чрезвычайной бѣдности соотвѣтствуетъ и ихъ низкое умственное развитіе. Грамотна даже по-еврейски—ничтожнѣйшая ихъ часть. И вотъ эти, какъ ихъ называютъ у насъ «подонки рабочаго сословія», оказались способными проникнуться тѣми высокими чувствами и мыслями, которыя характеризуютъ рабочій классъ. И они поняли, что короткій рабочій день—благо, и что солидарная борьба за него—лучшее ручательство въ успѣхѣ. Въ іюнѣ бросили работу около 250 разъемщиковъ плотовъ, потребовавъ сокращенія рабочего дня до 10 часовъ (не считая 2 часовъ на обѣдъ и завтракъ) и нѣкоторыхъ другихъ облегченій. Эта удачно кончившая стачка, продолжавшаяся всего два дня, подняла духъ рабочаго населенія нашего города. Въ іюнѣ же евреи столяры-рабочіе въ количествѣ 200 чел. потребовали сокращенія рабочаго дня до 10 часовъ. Не прошло и двухъ дней, какъ хозяева сдались. Не успѣли улечься волненія отъ этихъ двухъ стачекъ, какъ въ іюлѣ забастовало свыше 1.000 [1]) каменщиковъ (преимущественно христіанъ). Они выставили требованіе листка—«Литовскихъ соціалъ-демократовъ», распространеннаго накапунѣ стачки. Это было въ разгаръ строительной горячки, и подрядчики и хозяева въ тотъ же день уступили.

Никогда прежде рабочее населеніе нашего города не переживало такого волненія, какъ въ эти лѣтніе мѣсяцы. Чуть ли не каждая недѣля приносила свои новости. Бастовали рабочіе цементной фабрики Морейно и Либо (100 человѣкъ, къ нимъ «Литовскіе соціалъ-демократы» обратились съ листкомъ), водопроводчики, рабочіе столярной фабрики Вилькомирскаго, сапожники и портные нѣкоторыхъ мастерскихъ, кожевники заводовъ Менке (отца и сына) и др., и вездѣ преобладающимъ требованіемъ было сокращеніе рабочаго дня. Въ концѣ августа началось волненіе среди трубочистовъ, кончившееся арестомъ чуть ли не всѣхъ рабочихъ-трубочистовъ города.

---

[1]) Цифра точно неизвѣстна.

Во всѣ эти лѣтніе мѣсяцы повальные обыски и аресты не прекращались. Въ одну изъ пятницъ на улицѣ было забрано утромъ 12, вечеромъ 8 еврейскихъ рабочихъ разныхъ ремеслъ. Среди каменщиковъ арестовано было человѣкъ 40. Послѣ начавшагося броженія среди парикмахеровъ, требовавшихъ субботняго отдыха, арестовано 20 парикмахеровъ. По доносу хозяевъ-кожевниковъ засадили въ тюрьму 30 кожевниковъ; точно также арестовано было въ іюлѣ около 15 сапожниковъ. Среди арестованныхъ имѣются, кромѣ перечисленныхъ, еще булочники, портные, разъемщики плотовъ и др. Можно подумать, что у насъ тайная полиція дѣйствуетъ очень успѣшно, но въ сущности всѣ эти аресты вызваны исключительно доносами хозяевъ и тѣхъ отдѣльныхъ рабочихъ, которые перешли въ ряды измѣнниковъ рабочему дѣлу (вотъ нѣкоторые изъ нихъ: Рафалка—бывшій столяръ, найденный 6 апрѣля с. г. убитымъ, и Элька-литографщикъ); жандармы приглашаютъ къ себѣ хозяевъ и записываютъ имена маломальски подозрительныхъ, по мнѣнію послѣднихъ, рабочихъ,— и за этимъ слѣдуютъ аресты. До послѣдняго времени жандармы производили аресты преимущественно въ рабочей средѣ, надѣясь, что рабочіе оговорятъ кого-нибудь изъ «руководителей своихъ» («намъ «интеллигентики» нужны, вѣдь они у васъ вершаютъ всѣ дѣла», такъ говорятъ жандармы арестованнымъ рабочимъ, давая этимъ знать, что они считаютъ рабочихъ баранами), но мѣстному жандармскому генералу и всей его сворѣ пришлось убѣдиться, что доносы и предательства—отличительная черта евреевъ-хозяевъ, но не рабочихъ. Встрѣтивъ отпоръ со стороны рабочихъ и разочаровавшись въ возможности собрать какія-нибудь улики противъ подозрѣваемой ею интеллигенціи, жандармерія въ ночь съ 19 на 20 сентября с. г. арестовываетъ слишкомъ 30 человѣкъ [1]). Въ эту ночь, по заявленію жандармскаго полковника Васильева, поставлено было на ноги 120 человѣкъ полиціи, причемъ не соблюдали даже законныхъ формальностей, обязывающихъ присутствіе прокурора при обыскѣ и представленіе обыскиваемому или арестуемому предписанія, подписаннаго прокуроромъ. Но полиція жестоко ошиблась въ расчетѣ, очевидно она шла ощупью и набрела на первыхъ встрѣчныхъ,

---

[1]) Смотри хронику арестовъ.

руководствуясь простымъ подозрѣніемъ. У арестованной интеллигенціи ничего не было найдено. По городу жандармерія распространяла слухи, что она «собрала богатую жатву», что она нашла у арестованныхъ много компрометирующихъ бумагъ, даже пишущую машину.

Такъ думаютъ власти подавить борьбу рабочихъ за насущные интересы, заглушить голосъ протеста сознательной части мѣстнаго пролетаріата на вопіющее безобразіе нашей жизни. Эти безобразія достигаютъ высшей точки въ предѣлахъ такъ называемой черты еврейской осѣдлости, этой истинной юдоли плача и горя. Евреи, исключая крупнѣйшихъ богачей, имѣютъ право жительства только в Сѣверо-западномъ краѣ, Польшѣ и нѣкоторой части южной Россіи, и то только в городахъ. Въ остальныхъ мѣстахъ полиція на нихъ устраиваетъ настоящую травлю (припомним массовыя высылки преимущественно евреевъ-рабочихъ изъ Москвы, Риги, Кіева и др.) и этапнымъ порядкомъ отправляетъ ихъ въ мѣста еврейской осѣдлости. Конечно отъ этого страдаетъ, главнымъ образомъ, только бѣдная часть населенія—рабочіе, не могущіе держать полицію на откупу. Согнанная со всѣхъ концовъ Россіи, скученная въ городахъ—еврейская рабочая масса представляетъ ужасающую картину бѣдности. Заработная плата еврейскихъ рабочихъ такъ низка, какъ нигдѣ въ другом мѣстѣ. Квартиры ихъ—это большей частью жалкія лачуги.—Къ тому же присоединяется сознаніе полнѣйшаго безправія. Власти позволяютъ себѣ въ отношеніи къ евреямъ-рабочимъ такія выходки, которыя себѣ не позволятъ къ не еврейскому населенію. Такъ, напр., въ Минскѣ и Вильнѣ околодочные надзиратели по распоряженію губернскихъ властей неоднократно ходили по городу и отбирали палки у прохожихъ рабочихъ-евреевъ, а сопротивлявшихся арестовывали. Но подъ лохмотьями столь презираемыхъ властями еврейскихъ рабочихъ бьется пролетарское сердце и изъ этого изстрадавшагося сердца все громче и громче раздается крикъ протеста, призывъ къ борьбѣ. Исключительныя же политическія условія, имѣющія убить въ еврейскомъ пролетаріатѣ все живое и держать его на уровнѣ животныхъ, какъ разъ служатъ лучшей почвой для распространенія въ немъ освободительныхъ идей. Вотъ почему такъ популярна въ еврейской массѣ нашего города и другихъ городовъ политическая нелегальная

литература. Преслѣдованія властей не отпугали массы отъ этой литературы и от освободительнаго движенія, а наоборотъ, все больше толкаютъ ее на путь политическаго самосознанія. Какъ разъ в послѣдній годъ, когда открылся вышеупомянутый походъ властей противъ рабочаго движенія, послѣднее сдѣлало во всѣхъ отношеніяхъ небывалые успѣхи. Административная высылка рабочихъ во время стачекъ все болѣе и болѣе научаетъ рабочихъ, что бороться съ хозяевами надо не такъ, какъ прежде. Прежде боролись рабочіе отдѣльныхъ мастерскихъ со своими хозяевами. Теперь же все чаще и чаще выступаютъ рабочіе за свои требованія всѣмъ ремесломъ. Припомнимъ стачку столяровъ, разъемщиковъ плотовъ и др. Успѣхи политическаго воспитанія рабочихъ сказываются в томъ, что послѣднее время появились на еврейскомъ языкѣ три соціалъ-демократическихъ органа: 1) «Еврейскій работникъ» (издающійся съ конца 1896 г.—вышло 3 номера, печатается 4 и 5); 2) «Голосъ рабочихъ» (печатается въ Россіи съ августа с. г.—вышло 6 номеровъ); 3) «Рабочій листокъ» (гектографированное изданіе; началъ выходить въ мартѣ с. г., всего вышло 9 номеровъ). Эти и другія изданія читаются нарасхватъ рабочими нашего города и другихъ городовъ—это служитъ лучшимъ осужденіемъ и отвѣтомъ на систему гоненій нашего правительства. Но самымъ лучшимъ отвѣтомъ на эти преслѣдованія можетъ служить образовавшійся въ сентябрѣ сего года на съѣздѣ представителей еврейскихъ соціалъ-демократическихъ группъ «Общееврейскій рабочій союзъ въ Россіи и Польшѣ», объявившій своими органами «Еврейскій работникъ» и «Голосъ рабочихъ» и соединившійся съ «Союзомъ русскихъ социал-демократовъ за границей». На-ряду съ общими политическими требованіями русской соціал-демократіи этотъ «Союзъ» особенно подчеркиваетъ требованіе гражданскаго равноправія для евреевъ.

Къ этому «Союзу» примыкаютъ съ радостью еврейскія соціалъ-демократическія группы разныхъ городовъ, какъ видно изъ слѣдующаго сообщенія 6-го № «Голоса рабочихъ»: «На собраніи представителей «Еврейскаго соціалъ-демократическаго рабочаго союза въ Варшавѣ» единогласно и восторженно принято было предложеніе вступить въ «Общееврейскій рабочій союзъ въ Россіи и Польшѣ».

Еврейскій народъ долго гнулъ шею, безропотно перенося гоненія царскаго правительства, тщетно ожидая пришествія Мессіи, спасителя и избавителя, и вотъ Мессія пришелъ,—этотъ спаситель и избавитель—возставшій еврейскій пролетаріатъ; онъ-то, совмѣстно борясь съ рабочими русскими, польскими, литовскими и другихъ народностей, населяющихъ наше отечество, добьется лучшихъ дней.

* * *

Въ моментъ образованія «Общееврейскій рабочій союзъ въ Россіи и Польшѣ» послалъ засѣдавшему въ Гамбургѣ годичному съѣзду германской соціалъ-демократической партіи телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Вновь образовавшійся всеобщій еврейскій рабочій союзъ въ Россіи и Польшѣ поздравляетъ съѣздъ германской соціалъ-демократической партіи и желаетъ его трудамъ наилучшихъ успѣховъ. Долой русское самодержавіе! Да здравствуетъ интернаціональная соціалъ-демократія».

По поводу этой телеграммы въ одномъ изъ октябрьскихъ номеровъ нѣмецкой соціалъ-демократической газеты «Форвертсъ» (Впередъ) была помѣщена слѣдующая редакціонная замѣтка:

«Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ наши еврейскіе товарищи, не взирая на сильныя затрудненія, съ неослабной энергіей работаютъ надъ созданіемъ и распространеніемъ тайныхъ рабочихъ союзовъ въ большей части городовъ Западной Россіи. До сихъ поръ эти организаціи различныхъ городовъ находились въ случайной связи другъ съ другомъ. Теперь же, повидимому, какъ это можно заключить изъ поздравительной телеграммы нашихъ еврейскихъ товарищей въ Россіи, эти мѣстные союзы настолько уже окрѣпли, что стало возможнымъ соединить многіе изъ нихъ въ одинъ общій союзъ. Есть нѣсколько причинъ, почему въ еврейскомъ пролетаріатѣ раньше, чѣмъ въ русскомъ, пробудилось классовое и политическое самосознаніе; между этими причинами нужно отмѣтить близость Западной Европы. Отсюда слѣдуетъ также, что еврейскіе рабочіе должны были раньше, чѣмъ ихъ русскіе товарищи, соединиться въ общій союзъ, выходящій за предѣлы мѣстныхъ организацій. Но еврейскіе рабочіе, какъ это было указано въ докладѣ русской соціалъ-демократіи на лондонскомъ соціа-

листическомъ конгрессѣ, являются въ нѣкоторомъ смыслѣ авангардомъ всероссійскаго пролетаріата; поэтому все, что достигнуто въ настоящее время еврейскими рабочими, будетъ безъ сомнѣнія достигнуто и прочими россійскими рабочими. Мы съ большою радостью привѣтствуемъ вновь образовавшійся еврейскій рабочій союзъ и видимъ въ его возникновеніи первый шагъ къ образованію союза всероссійскаго пролетаріата, общерусской рабочей партіи».

Новое преступленіе русскаго правительства.

Домброво, Петроковской губ. Еще разъ прогремѣла слава русскаго побѣдоноснаго оружія, прогремѣла, разнеслась по бѣлому свѣту и глубоко запала въ сердце каждому рабочему. Русскихъ воиновъ было всего одинъ полкъ, а непріятелей—болѣе четырехъ тысячъ. И кто же были эти непріятели? Это были мирные рабочіе завода «Гута-Банкова», находящагося въ мѣстечкѣ Домброво, Петроковской губерніи.

При «Гутѣ-Банковѣ» существовала касса взаимопомощи, составленная изъ взносовъ, взимаемыхъ съ рабочихъ. Директоръ «Гуты» Гартингъ произвольно распоряжался деньгами, бывшими въ кассѣ, не отдавая, вопреки закону, отчета въ состояніи кассы и не допуская контроля надъ нею со стороны рабочихъ. Деньги шли на личные расходы Гартинга, на сосодержаніе больницы и врачей[1]), а рабочимъ въ случаѣ увѣчій и болѣзни, выдавались жалкіе гроши. 2 сентября сего года 2.000 рабочихъ, вызвавъ Гартинга и окружнаго инженера Кондратовича, потребовали возвращенія взятыхъ у нихъ въ кассу денегъ и замѣны директорскихъ правилъ постановленіями, утвержденными министромъ. Директоръ и инженеръ обѣщали отвѣтить черезъ 2 недѣли. За это время Гартингъ, то хитростью, то любезностью пытался примирить рабочихъ съ мыслью, что денегъ имъ не придется получить. Раньше славившійся своею грубостью, онъ вдругъ сталъ называть рабочихъ «милыми дѣтьми», «дорогими господами». О деньгахъ онъ говорилъ, то—что они высланы въ Варшаву, то—что они хранятся у правительства, то—что онъ ихъ

---

[1]) По закону, расходы на больницу, врачей и фельдшеровъ должны покрываться самимъ заводомъ.

намѣренъ пожертвовать на костелъ (Домброво—польское мѣстечко). Рабочіе, однако, оставались твердыми в своемъ рѣшеніи не допускать явнаго грабежа своихъ трудовыхъ денегъ. Назначенный двухнедѣльный срокъ ужъ былъ на исходѣ, а рабочіе не думали отказаться отъ своего требованія. Гартингъ увидѣлъ, что выручить его могутъ одни жандармы. Онъ обратился къ нимъ за дружескою помощью и получилъ ее. Въ ночь на 15 сентября было арестовано 8 рабочихъ. Гартингъ, повидимому, полагалъ, что этотъ арестъ запугаетъ рабочихъ и лишитъ ихъ «подстрекателей». Однакоже, и на этотъ разъ онъ промахнулся въ своихъ расчетахъ. На слѣдующій день всѣ рабочіе бросили работу, обѣщая возвратиться къ ней лишь послѣ освобожденія арестованныхъ товарищей. Въ тотъ же день, 15 сентября, въ Домброво прибылъ: начальникъ уѣзда съ казаками, 16 сентября—2 роты стрѣлковъ, 17 сентября—еще 2 роты и вице-губернаторъ и, наконецъ, 18—помощникъ генералъ-губернатора жандармскій генералъ Оноприенко. Нѣкоторые рабочіе предполагали, что Оноприенко пріѣхалъ разобрать дѣло по справедливости, но жандармскій генералъ не замедлилъ доказать, что разсчитывать на заступничество и справедливость жандармовъ—величайшее заблужденіе со стороны рабочихъ. Начальникъ уѣзда Данильчукъ велѣлъ рабочимъ собраться къ 5 часамъ вечера передъ конторой. Толпу рабочихъ, женщинъ и дѣтей съ двухъ сторонъ окружило войско. Начальникъ уѣзда прочелъ имъ объявленіе правленія «Гуты» объ увольненіи всѣхъ рабочихъ за самовольное оставленіе работы. Затѣмъ объявленіе было прочтено вторично, и Данильчукъ сталъ уговаривать толпу и особенно женщинъ и дѣтей, разойтись по домамъ. Онъ прочелъ объявленіе еще разъ, и послѣ этого раздалась первая команда. Толпа немного отодвинулась. Послышалась вторая команда и холостой залпъ. Рабочіе стали медленно расходиться: выбраться изъ тѣснаго проулка было нелегко. Оноприенко крикнулъ: «Пли!» На землѣ лежало трое убитыхъ и 4 тяжело раненыхъ.

Правительство нашло, что оно оказало еще слишкомъ небольшую помощь проворовавшемуся Гартингу. 19 сентября петроковскій губернаторъ Миллеръ объявилъ, что, если рабочіе не примутся за работу, то будутъ высланы: иностранные подданные—за границу, а русскіе подданные—на родину.

Заграничные рабочіе тотчасъ же возвратились въ «Гуту», а за ними и всѣ остальные. Рабочимъ было объявлено, что деньги изъ кассы взаимопомощи уже не принадлежатъ имъ. 50 рабочихъ арестовали. Прокуроръ, прибывшій нѣсколько дней спустя, сталъ допрашивать рабочихъ, разыскивая между ними «зачинщиковъ».

А Гартнигъ не нарадуется на такое ловкое обращеніе рабочей кассы въ его личную собственность. Губернаторъ, вице-губернаторъ, начальникъ уѣзда и жандармскій генералъ продолжаютъ занимать свои должности, ищутъ новыхъ жертвъ для правительственнаго произвола, берутъ взятки и ждутъ орденовъ и повышеній.

Правительство, солдаты и рабочіе.

Хозяинъ одного лѣсопильнаго завода в Рязанской губ. устроился очень удобно с мѣстнымъ батальоннымъ командиромъ, который обѣщалъ ему отпускать въ теченіе 8 мѣсяцевъ солдатъ на всѣ работы при заводѣ. Такимъ образомъ, находчивый капиталистъ избавлялся отъ обязанности подчиняться даже тѣмъ немногимъ ограниченіямъ, которыми обставленъ у насъ произволъ капиталистовъ. Солдаты не имѣютъ права заключать контрактовъ, а потому имъ нельзя выдать разсчетныхъ книжекъ и условія ихъ работы и договора совершенно уходятъ изъ подъ контроля фабричной инспекціи. Вообще наемъ солдатъ на работы служитъ очень часто въ рукахъ нанимателей удобнымъ орудіемъ противъ требованій рабочихъ. Содержимый на счетъ государства (т. е. тѣхъ, съ кого государство беретъ налоги), солдатъ охотно беретъ за свой трудъ ничтожную плату, сверхъ того солдатъ всегда можетъ быть усмиренъ въ случаѣ «неповиновенія» — стоитъ только поговорить с его начальникомъ; наконецъ, работа солдатъ не подчиняется надзору фабричной инспекціи. Старшій фабричный инспекторъ Рязанской губ., узнавъ объ этомъ случаѣ, обратился къ министру финансовъ съ запросомъ, какъ ему поступить; вѣдь по закону всѣ, работающіе на фабрикахъ, должны быть снабжены разсчетными книжками, а солдаты не могутъ вовсе подписывать договора. Министръ финансовъ обратился за разъясненіями къ военному министру, и послѣдній, конечно съ вѣдома перваго, издалъ распоря_

женіе, безусловно воспрещающее посылать солдатъ на фабричныя и заводскія работы, «такъ какъ онѣ въ большинствѣ связаны съ чрезмѣрнымъ трудомъ и вредны для здоровья».— Такимъ образомъ, военный министръ, повторяемъ, съ вѣдома всемогущаго министра финансовъ, призналъ, что фабричные рабочіе въ большинствѣ случаевъ трудятся чрезмѣрно, въ условіяхъ гибельныхъ для здоровья.

Когда писатель говоритъ въ книжкѣ или газетѣ о томъ, что положеніе рабочаго въ Россіи тяжело и что фабрика разрушаетъ его жизнь, то такая книга запрещается правительствомъ, и только тайно, незаконно, подъ страхомъ преслѣдованія можно распространять такія мысли. Когда рабочіе говорятъ о томъ, что ихъ трудъ чрезмѣрно продолжителенъ и просятъ объ его сокращеніи, имъ отвѣчаютъ, что ихъ требованіе незаконно и несправедливо. Не далѣе какъ въ прошломъ году циркуляръ министра финансовъ къ фабричнымъ инспекторамъ объявилъ, что у насъ отношенія хозяевъ къ рабочимъ самыя отеческія, и что недовольство рабочихъ и ихъ безпорядки происходятъ, лишь благодаря лѣнтяямъ и безнравственнымъ личностямъ или же подъ вліяніем бунтовщиковъ, желающихъ поссорить рабочихъ съ хозяевами. Отчего же то положеніе рабочаго, которое въ прошломъ году объявлено не оставляющимъ желать ничего лучшаго, нынѣ оффиціально признано тяжелымъ? Отчего лживый языкъ министра изрекъ внезапно правду, а его привыкшее къ подлогамъ перо написало тѣ самые слова, подъ которыми готовы подписаться мы, соціалисты, «бунтовщики»?. Потому, что рѣчь зашла о кровномъ, живомъ интересѣ правительства, а, слѣдовательно, и тѣхъ владѣющихъ классовъ, господство которыхъ правительство отстаиваетъ. Рѣчь шла о сохраненіи [illegible] здоровья солдатъ, а вооруженное войско это та сила, которая оберегаетъ существующій порядокъ, господство богатыхъ классовъ. Кто такой солдатъ? Вѣдь въ большинствѣ случаевъ, это тотъ же рабочій, временно оторванный отъ обычной трудовой жизни для того, чтобы защищать государство эксплуататоровъ отъ его враговъ: внѣшнихъ, т.-е. конкурентовъ, и внутреннихъ, т. е. угнетенныхъ, стремящихся избавиться отъ своего угнетенія. Оторванный насильно отъ своей семьи, вынужденный служитъ подъ угрозой арестантскихъ ротъ за попытку уклониться отъ исполненія

«священнаго долга», рабочій становится солдатомъ и съ этихъ поръ попадаетъ въ привиллегированное положеніе: его силы и здоровье принадлежатъ государству эксплуататоровъ и не должны расточаться направо и налѣво; ихъ берегутъ и охраняютъ и трудъ, которымъ заняты его братья-рабочие, считается для него чрезмѣрнымъ и вреднымъ для здоровья, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ.

А когда рабочій, занятый на фабрикѣ, сознаетъ и почувствуетъ, что его трудъ чрезмѣренъ и опасенъ для здоровья, когда онъ потребуетъ болѣе человѣческой жизни, когда онъ вступитъ въ стачку, — тогда правительство вышлетъ для его усмиренія солдата, который долженъ быть достаточно силенъ и здоровъ, чтобы успѣшно выполнять свои обязанности. Тогда рабочаго силой заставятъ вернуться къ «чрезмѣрному и вредному для здоровья» труду и тогда ему снова будутъ внушать, что жизнь его на фабрикѣ прекрасна, и только лѣнтяи и негодяи съ этимъ несогласны. Когда же солдатъ проведетъ свои нѣсколько лѣтъ въ казармѣ и вернется къ прежней трудовой жизни, тогда онъ можетъ снова и безпрепятственно предаться чрезмѣрному труду, вредному для здоровья, тогда онъ можетъ въ свою очередь наслаждаться прелестью той фабричной жизни, того порядка вещей, поддержкѣ котораго онъ служилъ, для охраны котораго государство ему даровало 3—4 года свободы отъ чрезмѣрнаго и тяжелаго труда; а на его мѣсто вновь отрываются свѣжія, непочатыя силы; все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, если правительство, защищающее интересы капиталистовъ, своимъ новымъ распоряженіемъ лишило нѣкоторыхъ хозяевъ возможности на выгодныхъ условіяхъ пользоваться трудомъ солдатъ. Поступая такъ, правительство имѣло въ виду высшіе интересы всего класса эксплуататоровъ, интересы порядка, который обезпечиваетъ ихъ эксплуатацію; оно дѣйствовало, какъ и всегда, въ интересахъ капиталистовъ, и каждый разумный капиталистъ отлично понимаетъ, что въ этомъ случаѣ надо смирить свой аппетитъ и что сохраненіе бодрости и здоровья солдатъ, важнѣе тѣхъ лишнихъ рублей, которые можетъ ему дать ихъ безконтрольная эксплуатація.

Поэтому, когда мы видимъ, что тотъ или другой министръ неожиданно высказалъ открыто правду, мы можемъ

болѣе не сомнѣваться въ томъ, что и это рѣдкое явленіе произошло въ тѣхъ же великихъ цѣляхъ, ради которыхъ наши правители всѣ вмѣстѣ и каждый порознь так часто и нагло лгутъ: мы можемъ не сомнѣваться, что правда на этотъ разъ, как во всѣхъ другихъ случаяхъ—ложь, употреблена для одной и той же священной цѣли,—упроченія и обереганія того порядка, который означаетъ наше порабощеніе.

Положение ткачей и прядильщиков в Шуйско-Ивановском фабричном районе Владимирской губернии.

(Изъ доклада, предназначеннаго для Международнаго конгресса ткачей въ Рубе (Франція) 1897 г.).

Неплодородная почва и густое населеніе давно уже побудили жителей Владимирской губ. искать въ торговлѣ и въ внѣземледѣльческихъ промыслахъ средства для своего существованія. Съ давнихъ поръ владимирцы занимаются ткачествомъ и пряденіемъ, и въ настоящее время Владимирская губернія по своему промышленному развитію занимаетъ первое мѣсто послѣ С.-Петербургской и Московской губерній. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ говорить преимущественно о ткацкой и прядильной промышленности Шуйско-Ивановскаго фабричнаго района, но при этомъ мы отмѣтимъ также тѣ явленія, которыя имѣютъ мѣсто не только въ изслѣдуемомъ районѣ, но и въ другихъ мѣстахъ Владимирской губ.

Число и размѣръ ткацкихъ, прядильныхъ и ситце-печатныхъ фабрикъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, фабриканты получаютъ себѣ отъ 15—30 проц. на свой капиталъ и все идетъ прекрасно. Плохо живется лишь творцу этого капитала и этихъ процентовъ, нашему брату рабочему. Онъ не только получаетъ жалкую плату (10—15 руб. въ мѣсяцъ), живетъ въ конурахъ и впроголодь, но долженъ еще напрягать всѣ свои силы на борьбу съ ухищреніями фабрикантовъ, имѣющими цѣлью его дальнѣйшее обездоленіе. Къ счастью, рабочіе поняли угрожающую имъ опасность и начали оказывать сопротивленіе. Хотя рабочіе борются съ фабрикантами сравнительно слабымъ оружіемъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ прочной организаціи, имъ все же удалось достигнуть коечего и предотвратить многое.

Началомъ борьбы Владимирскихъ рабочихъ съ фабрикантами слѣдуетъ считать 1883—1885 г.г. Съ этого времени каждый годъ рабочіе волновались и устраивали стачки то на той, то на другой фабрикѣ, а иногда волненія разомъ охватывали рабочихъ нѣсколькихъ фабрикъ. Во время этихъ стачекъ рабочимъ приходилось выносить и голодъ, и казацкія нагайки, а затѣмъ тюремное заключеніе по приговору суда, но все это не уменьшало движенія среди рабочихъ; напротивъ, за послѣдніе годы, стачки устраиваются чаще, чѣмъ раньше. Относительно пріемовъ борьбы слѣдуетъ сказать, что в 80-хъ годахъ рабочіе довольно часто прибѣгали къ насиліямъ: они выбивали стекла въ фабричныхъ корпусахъ, уничтожали имущество, избивали нелюбимыхъ мастеровъ и даже вступали въ борьбу съ солдатами, казаками и полиціей. Такія «боевыя» стачки продолжались, приблизительно, до 1890 г., а затѣмъ рабочіе перешли къ «мирнымъ» стачкамъ. Такой переходъ къ мирной борьбѣ былъ вполнѣ понятенъ: на сторонѣ фабрикантовъ всегда была организованная военная сила, открыто бороться съ которой было бы безумно. Мы не будемъ описывать всѣхъ жестокостей, которыя допускались солдатами и въ особенности звѣрями-казаками въ отношеніи рабочихъ. Скажемъ только, что не разъ приходилось видѣть, какъ солдаты нападали на рабочихъ, сбивали ихъ на землю и прикладами били лежачихъ. Въ 90-хъ годахъ, какъ мы сказали выше, тактика рабочихъ измѣнилась: рабочіе никого и ничего не трогаютъ [1]), спокойно выходятъ изъ фабрики и заявляютъ фабриканту, что они не войдутъ въ корпусъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ удовлетворено то или другое требованіе. Въ настоящее время какъ правительство, такъ и фабриканты прекрасно понимаютъ, что для нынѣшнихъ стачекъ войска не нужны, такъ какъ сила рабо-

---

[1]) Правда, въ 1895 г. въ селѣ Тейковѣ, былъ убитъ директоръ англичанинъ Крошо, но это убійство было вызвано высокомѣрнымъ и заносчивымъ обращеніемъ директора съ рабочими. Крошо первый и безъ всякаго основанія выстрѣлилъ въ толпу рабочихъ. Толпа заволновалась и подступила къ дому директора, который въ это время продолжалъ стрѣлять в рабочихъ; одного изъ нихъ онъ убилъ и нѣсколькихъ ранилъ. Тогда рабочіе стащили Крошо съ лѣстницы и буквально растерзали его. Замѣчательно, что даже въ это время фабричное имущество нисколько не пострадало. Работа возобновилась черезъ 2—3 дня.

чихъ кроется не въ кулакѣ, а въ товарищеской поддержкѣ. Тѣмъ не менѣе правительство продолжаетъ посылать войска въ тѣ мѣста, гдѣ происходятъ стачки. Вмѣстѣ съ войсками къ стачечникамъ являются разныя власти: губернаторъ, жандармскій полковникъ, прокуроръ и фабричный инспекторъ. Власти начинаютъ уговаривать «бунтарей», а въ это время шпіоны рыщутъ среди стачечниковъ, отыскивая «руководителей». Ночью эти «руководители» попадаютъ въ тюрьму. Жаловаться на такіе беззаконные аресты некуда и некому. За отсутствіемъ организаціи среди рабочихъ и поддержки со стороны рабочихъ другихъ городовъ, стачечникамъ приходится выносить страшную нужду и нерѣдко даже и голодъ. Вотъ почему стачки среди русскихъ рабочихъ, вообще, и, въ частности, въ Шуйско-Ивановскомъ фабричномъ районѣ, продолжаются не болѣе 1—2 недѣль, если только фабрикантъ не уступитъ раньше.

Въ стачкахъ всегда принимаютъ участіе и женщины; правда инипіатива въ стачкахъ принадлежитъ мужчинамъ, но женщины въ этихъ случаяхъ всегда поддерживаютъ требованія мужчинъ. После стачки бываетъ судъ, который приговариваетъ такъ называемыхъ зачинщиковъ (всѣхъ судить невозможно) къ тюремному заключенію на время отъ нѣсколькихъ недѣль до одного года и 4 месяцевъ. Болѣе же выдающіеся рабочіе не отдаются подъ судъ: их административнымъ порядкомъ ссылаютъ или подвергаютъ одиночному заключенію на 1—2 года.

И несмотря на такія суровыя наказанія, стачки не прекращаются и, какъ мы сказали выше, повторяются чаще и чаще. За что же борются русскіе рабочіе?

Рабочій день. Самая упорная и продолжительная борьба велась за уничтоженіе ночной работы и вообще за сокращеніе рабочаго дня. Ткачи и прядильщики гор. Шуи и Иваново-Вознесенска путемъ неустанной борьбы добились отмены ночных работ.

До послѣдняго времени въ городе Иваново-Вознесенскѣ была только одна фабрика (прядильная фабрика торговаго дома Н. Гарелина и С-вья), гдѣ производилась ночная работа; рабочіе потребовали уничтоженія ночной работы, и фабрикантъ, боясь стачки, уступилъ; с Пасхи текущаго (1897) года ночныхъ работъ нѣтъ и на этой фабрикѣ. Такимъ образомъ,

въ настоящее время ни на одной ткацкой и прядильной фабрикѣ в Шуѣ и Иваново-Вознесенскѣ работы по ночамъ не производятся. Любопытно, что борьба за уничтоженіе ночныхъ работъ из городовъ перешла на фабрики, расположенныя в глухихъ деревняхъ. Здесь также, какъ и въ городахъ (Шуѣ и Иваново-Вознесенскѣ), ткачи требуютъ уничтоженія ночныхъ работъ (от 10 ч. вечера до 4 час. утра). Борьба ведется очень успѣшно. Такъ, въ сентябрѣ 1896 г. ткачи (500 чел.) на фабрикѣ Товарищества Мануфактуръ Н. Дербенева С-вья при деревне Каменковѣ Ковровскаго уѣзда послѣ 7 дневной стачки добились отмѣны ночной работы. 9 мая 1897 года получено извѣстіе, что такую же побѣду одержали ткачи (1.500 чел.) на фабрикѣ товарищества Горканской мануфактуры (при деревнѣ Горкахъ Ковровскаго уѣзда). Пройдетъ 2—3 года, и ночныхъ работъ не будетъ нигдѣ во всемъ Шуйско-Ивановскомъ фабричномъ районѣ. А между тѣмъ 15 лѣтъ тому назадъ, в 1882 г., рѣшительно на всѣхъ ткацкихъ и прядильныхъ фабрикахъ работа производилась целыя сутки 2 смѣнами, из которыхъ, каждая работала или по 12 часовъ (в 2 пріема) или же одну недѣлю по 8 час., а другую по 16 часовъ ежедневно. Нужно замѣтить, что въ борьбѣ съ фабрикантами принимали участіе исключительно одни прядильщики и ткачи, но зато только они одни добились уничтоженія ночныхъ работъ, 9 часоваго рабочаго дня (въ г. Иваново-Вознесенскѣ) и болѣе высокой платы, тогда как рабочіе ситце-печатныхъ фабрикъ [1]), никогда не участвовавшіе в борьбѣ, работаютъ отъ 5 час. утра до 8 час. вечера и имѣютъ меньшую заработную плату. В заключеніе нужно сказать, что борьба рабочихъ Шуйско-Ивановскаго района за сокращеніе рабочаго дня не мало способствовала той побѣдѣ, которую недавно одержалъ весь

---

[1]) На ткацкихъ (и отчасти на прядильныхъ) фабрикахъ работа производится въ громадныхъ комнатахъ, а при сдѣльной платѣ всѣ рабочіе заинтересованы въ каждомъ измѣнении расцѣнки. Не то на ситцевых фабрикахъ: тамъ рабочіе разбросаны небольшими группами по многимъ отдѣламъ, и при томъ каждый рабочій получаетъ свое особое мѣсячное или денное вознагражденіе. Понятно, что насколько условія работы на ткацкой и прядильной фабрикѣ соединяютъ рабочихъ, настолько работа на ситцепечатныхъ фабрикахъ разобщаетъ ихъ. Вотъ тѣ условія, которыя содѣйствовали выработкѣ боевого характера ткачей и прядильщиковъ.

борющійся русскій пролетаріатъ. Мы говоримъ объ изданіи правительствомъ закона о сокращеніи рабочаго дня.

Заработная плата. Борьба рабочихъ за заработную плату не отличалась такимъ постоянствомъ и такимъ успѣхомъ, какъ борьба за сокращеніе рабочаго дня Рабочимъ чаще приходилось бороться противъ ея пониженія, чѣмъ за ея повышеніе. Однимъ из чаще всего употребляемыхъ способовъ понижать заработную плату является система расплаты съ рабочими товарами и особыми ярлыками.

В настоящее время на всѣхъ фабрикахъ, подчиненныхъ контролю фабричной инспекціи, эта система уже отжила свой вѣкъ, а между тѣмъ, еще такъ недавно эта система была страшнымъ средствомъ для эксплуатаціи рабочихъ и причиной многихъ волненій и забастовокъ. Правда. въ городахъ эта система практиковалась менѣе, чѣмъ на фабрикахъ, находящихся въ уѣздѣ. По крайней мѣрѣ, въ 1883 г. въ г. Иваново-Вознесенскѣ эта система совсѣмъ не практиковалась, а в Шуѣ она имѣла мѣсто только на двухъ фабрикахъ. Не то было по деревнямъ. Обыкновенно каждый фабрикантъ имѣлъ при фабрикѣ харчевую лавку (а иногда и кабакъ), гдѣ рабочимъ отпускались въ кредитъ всѣ товары, по цѣнамъ произвольно назначеннымъ фабрикантомъ. Если у фабриканта не было своей лавки, то онъ входилъ в соглашеніе съ сосѣднимъ торговцемъ. Рабочій в такомъ случаѣ получалъ ярлыкъ, по которому и отпускались ему товары, а потомъ вся сумма забраннаго товара вычиталась фабрикантомъ при выдачѣ заработной платы. Такъ какъ цѣны на товары въ томъ и другомъ случаѣ были чрезмѣрно высоки, то рабочій очень часто не только не получалъ денегъ отъ фабриканта, но даже оставался у него в долгу. Правильныхъ выдачъ денегъ не было, а потому рабочий, нуждаясь въ деньгахъ и не имѣя возможности получить ихъ изъ фабричной конторы, шелъ въ лавку, бралъ первый попавшійся товаръ и на стороне продавалъ его за то, что дадутъ, теряя отъ 25 до 50 проц. той стоимости, за которую онъ отпущенъ изъ лавки, а для удовлетворенія потребности рабочихъ в водкѣ имъ обыкновенно выдавались записки въ ближайшій къ фабрикѣ кабакъ или трактиръ. Фабриканты имѣли отъ лавокъ доходу от 40 до 80 проц. на затраченный капиталъ, и разница в цѣнахъ однихъ и тѣхъ же продуктовъ, даже на сосѣднихъ фабрикахъ

колебалась отъ 20 до 100 проц. Недовольство рабочихъ этой системой расплаты товарами побудило русское правительство издать законъ (3 іюня 1886 г.), по которому «расплата съ рабочими, вмѣсто денегъ, — купонами, условными знаками, хлѣбомъ, товаромъ и иными предметами воспрещается» подъ угрозой штрафа отъ 50 до 300 руб. Русское правительство хорошо знает, насколько непріятна такого рода расплата рабочимъ, а потому въ то же время былъ изданъ другой законъ: если фабрикантъ будетъ принуждать рабочихъ получать плату товаромъ, и послѣдствіемъ этого будутъ волненія рабочихъ, то фабрикантъ подвергается аресту до 3 мѣсяцевъ. Правда этотъ законъ остался только на бумагѣ, и никогда не примѣняется в дѣйствительности.

Штрафы и вычеты. Штрафы и разные вычеты—могучее средство въ рукахъ фабрикантовъ противъ рабочихъ, а потому и понятно, что борьба рабочихъ противъ чрезмѣрныхъ штрафовъ и вычетов отличалась такою же интенсивностью, какъ и борьба за сокращеніе рабочаго дня. Въ прежнее время штрафамъ положительно не было конца, а такъ какъ размѣръ штрафа зависѣлъ всецѣло отъ усмотрѣнія фабричной администраціи, то очень часто штрафы составляли значительную статью дохода. Разнымъ вычетамъ съ рабочихъ также не было конца: вычитывали не только за баню, дрова, уголь, воду, инструменты, но даже за медикаменты, хотя по закону, изданному еще въ 1866 году, фабриканты обязаны лѣчить рабочихъ безплатно. Въ отчетѣ за 1882 — 1883 годы фабричный инспекторъ д-ръ Песковъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ видно, что въ одномъ случаѣ было взыскано съ рабочихъ на содержаніе больницы 2.400 рублей, тогда какъ содержаніе больницы обходится въ 1.845 руб., въ другомъ случаѣ было взыскано 4.003 руб., а содержаніе больницы стоитъ только 2.579 рублей и т. п.

На одной фабрикѣ взыскивалось 60 коп. за пользованіе челнокомъ, а на другой взыскивалось за утраченную разсчетную книжку въ первый разъ 30 коп., а во второй—50 коп. Приводить другіе примѣры мы не будемъ; скажемъ только, что такіе чрезмѣрные штрафы, постоянно раздражая рабочихъ, вели къ частымъ безпорядкамъ и волненіямъ. Наиболѣе сильные безпорядки были произведены въ 1885 году рабочими на фабрикѣ Товарищества Никольской Мануфак-

туры, Саввы Морозова, когда сразу забастовало 7.000 рабочихъ. Правительство поняло, что произволъ фабрикантовъ долженъ быть ограниченъ и издало 3 іюня 1886 г. законъ, по которому штрафы, взысканные съ рабочихъ, должны итти не въ карманъ фабриканта, а исключительно на удовлетвореніе нуждъ самихъ рабочихъ.

Но и послѣ всѣхъ этихъ побѣдъ положеніе рабочихъ въ Шуйско-Ивановскомъ районѣ еще крайне печально. Никакихъ организацій въ видѣ обществъ взаимопомощи нѣтъ, да и трудно ожидать, что такія общества будутъ разрѣшены русскимъ правительствомъ, которое такъ подозрительно относится къ самымъ невиннымъ культурнымъ начинаніямъ, въ родѣ народныхъ чтеній, библіотекъ и т. п. О семейныхъ квартирахъ рабочихъ (въ фабричныхъ казармахъ) одинъ писатель (Любимовъ) говоритъ слѣдующее: «Общее впечатлѣніе, получаемое при взглядѣ на эти миніатюрныя клѣтки, въ которыхъ тѣснятся цѣлыя семьи съ грудными и разнаго возраста дѣтьми, тяжелое, безотрадное. Вездѣ, по большей части, устроены деревянныя нары, покрытыя какимъ-нибудь тряпьемъ; на немногихъ нарахъ было замѣчено присутствіе одѣялъ и подушекъ. Воздухъ до крайности спертый, влажный и не чистый. Стѣны вездѣ покрыты темными пятнами сырости, грязны и запачканы. Въ общемъ, видъ этихъ каморокъ внушаетъ сожалѣніе къ ихъ обитателямъ». Прибавимъ, что каждая каморка (одна комната) служитъ помѣщеніемъ для 2 — 3 семей. Не лучше на фабрикахъ и помѣщенія для холостыхъ рабочихъ. Порядка и опрятности въ нихъ еще меньше, чѣмъ въ семейныхъ каморкахъ. Общія казармы представляютъ изъ себя громадныя комнаты, сплошь заставленныя нарами или изрѣдка желѣзными кроватями. Часто одна комната служитъ помѣщеніемъ для 200 — 300 и даже 400 человѣкъ. Ни столовъ, ни стульевъ нѣтъ, очень шумно,— однимъ словомъ, приходится жить точно на базарѣ. Владимирскіе рабочіе «питаются единственно почти однимъ только хлебомъ, пустыми щами, да гречневой кашей съ саломъ или постнымъ масломъ, — и лишь весьма рѣдко позволяютъ себѣ лакомиться говядиной, солониной или головниной». Просматривая въ 1883 году книжки рабочихъ по забору харчей, докторъ Песков нашелъ, что рабочіе одной фабрики только въ маѣ и октябрѣ имѣли мясо, а въ остальные мѣ-

сяцы питались исключительно постной пищей. Мы видимъ такимъ образомъ, что у нашихъ владимирскихъ товарищей осталось еще много работы: долго и упорно придется имъ еще бороться для того, чтобы достигнуть такого положенія, при которомъ имъ возможно будетъ вести болѣе человѣческій образъ жизни. Пожелаемъ имъ успѣха въ этой тяжелой борьбѣ! Побѣда, одержанная рабочими одного района, представляетъ шагъ къ улучшенію участи всего русскаго рабочаго класса.

Изъ разныхъ мѣстъ.

— Намъ доставлено нѣсколько изданій, появившихся за послѣднее время въ разныхъ городахъ Россіи. Въ августѣ въ Кременчугѣ была распространена прокламація по поводу стачки портныхъ съ просьбой о поддержкѣ стачечниковъ.

— Въ Клинцахъ (Черниговской губерніи), въ октябрѣ появился листокъ, въ которомъ рабочіе призываются къ объединенію и борьбѣ съ хозяевами противъ вводимой съ наступленіемъ зимы пониженной расцѣнки.

— Изъ Кіева намъ присланъ отчетъ Кіевскаго «Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», за время отъ 1 февраля по 1 августа 1897 г. Изъ отчета видно, что за отчетный періодъ бюджетъ «Союза» равенъ 1.300 руб. 71 к., и что союзомъ распространено 14 прокламацій. Кромѣ отчета, прислано 12 прокламацій, распространенныхъ послѣ изданія отчета; всѣ онѣ касаются различныхъ фактовъ изъ повседневной жизни рабочихъ. Изъ листковъ общаго характера отмѣтимъ «Письмо ко всѣмъ кіевскимъ рабочимъ о новомъ законѣ».

— Въ одномъ изъ южныхъ городовъ появился № 1 рабочей газеты «Наше Дѣло». Тамъ же распространены были двѣ прокламаціи.

— Въ Фастовѣ (Кіевской губерніи) появился листокъ на машиностроительномъ заводѣ.

Заграничная жизнь.

Стачка рабочихъ на виноградникахъ въ Италіи.

Въ Италіи очень распространены виноградныя плантаціи. Число занятыхъ на нихъ рабочихъ и работницъ очень

значительно. Въ послѣднее время, вслѣдствіе большого предложенія свободныхъ рукъ, предприниматели во всѣхъ производствахъ, между прочимъ, и хозяева виноградниковъ, пытаются уменьшить поденную плату и удлинить рабочій день. Одну изъ такихъ попытокъ, вызвавшую дружный и сильный отпоръ со стороны рабочихъ, я хочу здѣсь изложить. Въ Болонской долинѣ есть мѣстечко Молинелла, окруженное все виноградниками, гдѣ работаетъ очень много народу. Мѣсто тамъ очень болотистое и лежитъ далеко от рабочихъ квартиръ, такъ что работницамъ приходится, мало того, что стоять весь день въ болотѣ, но еще терять полтора часа на ходьбу изъ дома. Поэтому здѣшнія работницы получали на 25 сантимовъ въ день больше, чѣмъ работницы другихъ виноградниковъ. Въ началѣ іюня 1897 года хозяева болотистыхъ виноградниковъ попытались воспользоваться безработицей и сбавить плату работницамъ на всѣ 25 сантимовъ. На это рабочіе и работницы отвѣтили общей стачкой. Къ нимъ сейчасъ же присоединились и работницы другихъ виноградниковъ, такъ какъ знали напередъ, что если хозяевамъ удастся понизить заработокъ тѣмъ, то сейчасъ же попытаются тоже сдѣлать и съ ними. Хозяева тотчасъ же обратились къ правительству съ просьбой о высылкѣ войска и полиціи, чтобъ наблюдать за работами и чтобы стачечники не мѣшали работать тѣмъ, которые, будучи довольны своимъ положеніемъ, хотѣли продолжать свои работы. Но — увы! — явившимся войскамъ нечего было дѣлать: ни одного рабочаго, — виноградники совершенно пусты. Стачку, какъ видите, начали очень дружно.

Сейчасъ же работницы и рабочіе устроили общее собраніе и постановили слѣдующія требованія хозяевам: 1 лиру 10 сант. въ день на болотистыхъ виноградникахъ, а 1 лиру на сухихъ; 11-часовой рабочій день съ 2 часами отдыха. Хозяева же хотятъ 12-часоваго рабочаго дня и предлагаютъ гораздо меньшую заработную плату. 13 іюня условились собраться для переговоровъ хозяева и представители рабочихъ. Но хозяева не явились, надѣясь, что голодъ заставитъ рабочихъ уступить. Но они жестоко ошиблись. Стачка все разросталась. Къ стачечникамъ стали присоединяться и рабочіе сосѣднихъ виноградниковъ. Пронесся слухъ, что въ одной деревушкѣ работа на виноградникахъ не прекра-

щена. Тогда собралась громадная толпа работницъ и рабочихъ и отправилась туда уговаривать своихъ товарищей оставить работу. Удалось и этихъ привлечь къ стачкѣ. Домой въ свои деревни стачечники вернулись съ твердой вѣрой въ свои силы, въ свою солидарность и съ пѣніемъ соціалистическаго гимна.

Встревоженное правительство прислало артиллерію и пѣхоту для защиты хозяевъ, хотя никто ихъ не трогалъ; рабочіе держали себя спокойно, только вели оживленную агитацію и настойчиво требовали улучшенія условій труда. Несмотря на нужду, голодъ, аресты, преслѣдованія они не уступали. Въ мѣстечко Арджენту, гдѣ сидѣли арестованные рабочіе, стали стекаться изъ деревушекъ стачечники и съ криками: «Да здравствуетъ соціализмъ! Да здравствуетъ солидарность рабочаго класса! Все или ничего!» подступили къ тюрьмѣ. На ихъ требованіе выпустить товарищей, офицеръ отвѣтилъ командой «пли». Двѣ женщины тяжело ранены. Подоспѣлъ еще народъ, собралось около 600 работницъ, которыя расположились передъ тюрьмой и рѣшительно заявили, что не уйдутъ, прежде чѣм не выпустятъ ихъ товарищей. Властямъ пришлось уступить, и арестованные были освобождены. Хозяева, наконецъ, соглашаются увеличить заработную плату, но съ тѣмъ, чтобы удлинить рабочій день на полчаса. Работницы и слушать не хотятъ о такихъ условіяхъ и настаиваютъ на исполненіи всѣхъ своихъ требованій. Волненіе среди стачечниковъ увеличивается. Стачечный фондъ истощается, аресты усиливаются, обращеніе полиціи и солдатъ самое грубое и вызывающее. Сама полиція вызываетъ рабочихъ на столкновенія, чтобы придать всей стачкѣ характеръ бунта и подавить ее вооруженной силой. Но пріѣзжаетъ изъ Рима рабочій депутатъ Андрей Коста и держитъ горячія рѣчи на цѣломъ рядѣ собраній. Онъ убѣждаетъ рабочихъ вести себя спокойно, стойко бороться другъ за друга, не уступать хозяевамъ ни въ какомъ случаѣ, организуетъ денежную помощь стачечникамъ и входитъ въ переговоры съ хозяевами. «Товарищи,—говоритъ онъ на одномъ собраніи,—мужества, побольше мужества! Въ этой борьбѣ на нашей сторонѣ стоятъ тысячи рабочихъ, которые, хотя и живутъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ вы, но также являются жертвами современнаго соціальнаго строя, также въ награду за свои

труды ничего не видятъ, кромѣ нищеты. Борясь за себя, вы боретесь за другихъ, вы боретесь за всѣхъ эксплуатируемыхъ и обиженныхъ». И мужество, единодушіе и дисциплина рабочихъ одержали верхъ надъ скряжничествомъ, разнузданностью, грубостью и произволомъ хозяевъ и ихъ всегдашнихъ защитниковъ — полиціи и солдатъ. Черезъ нѣсколько дней всѣ требованія стачечниковъ были удовлетворены, а на виноградникахъ опять закипѣла работа.

Такой блестящій успѣхъ Болонской стачки пріободрилъ остальныхъ рабочихъ, и теперь на виноградникахъ почти всей долины рабочіе волнуются и требуютъ улучшенія своего жалкаго, нищенскаго существованія. Гдѣ рабочіе выступали дружно, смѣло, единодушно, тамъ хозяевамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ уступить рабочимъ: иначе имъ пришлось бы разориться.

Цюрихскій съѣздъ.

Однимъ изъ вопросовъ, наиболѣе интересующихъ въ настоящее время заграничныхъ рабочихъ, является вопросъ о фабричномъ законодательствѣ. Проведеніе такихъ законовъ, которые защищали бы рабочихъ отъ эксплуатаціи фабрикантовъ, — законовъ, устанавливающихъ нормальный рабочій день, ограничивающихъ работу дѣтей и женщинъ, законовъ о страхованіи рабочихъ отъ болѣзни, старости, безработицы и пр. — проведеніе подобныхъ законовъ является ближайшей задачей рабочихъ всего міра. Это именно та задача, относительно которой рабочіе проявляютъ больше всего единодушія. По всякимъ другимъ вопросамъ, напримѣръ, религіознымъ, не существуетъ еще полнаго единогласія между рабочими. Такъ, напримѣръ: не всѣ еще рабочіе за границей примкнули къ соціализму, не всѣ еще считаютъ своею конечною цѣлью полное уничтоженіе современнаго капиталистическаго строя и созданіе на его развалинахъ соціалистическаго строя. Болѣе отсталые рабочіе придерживаются еще буржуазныхъ взглядовъ и думаютъ, что измѣнить существующій строй невозможно. Существуютъ даже такіе рабочіе, которые находятся подъ вліяніемъ духовенства и проявляютъ преданность богу и царю. Конечно, въ концѣ концовъ, всѣ эти разногласія исчезнутъ. Съ каждымъ днемъ все больше

и больше рабочихъ становится подъ знамя соціализма. Но есть вопросы, въ которыхъ, и теперь несмотря ни на какія разногласія, всѣ рабочіе проявляютъ полное единодушіе. Всѣ признаютъ необходимость улучшенія положенія рабочихъ въ настоящее время и однимъ изъ самыхъ лучшихъ средствъ для этого считаютъ изданіе законовъ, охраняющихъ рабочихъ.

Вотъ почему на бывшемъ въ августѣ мѣсяцѣ въ Цюрихѣ (Швейцарія) международном конгрессѣ (съѣздѣ) для обсужденія вопросовъ законодательной защиты рабочихъ сошлись представители отъ рабочихъ союзовъ самыхъ разнообразныхъ направленій, начиная отъ союзовъ соціалъ-демократическихъ и кончая самыми религіозными католическими союзами. На этомъ съѣздѣ было около 400 представителей отъ рабочихъ союзовъ Швейцаріи, Германіи, Италіи, Австріи, Франціи, Бельгіи, Англіи. Было на съѣздѣ и три представителя отъ рабочихъ нѣкоторыхъ городовъ Россіи [1]).

Первый вопросъ, обсуждавшійся на съѣздѣ, былъ вопросъ о воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ. Работа въ воскресные и праздничные дни вредна не только потому, что она изнуряетъ силы рабочаго, отнимая у него время, необходимое для отдыха, но еще потому, что она лишаетъ его возможности пользоваться его политическими правами. Работая въ воскресенье, рабочій не имѣетъ ни одного дня для того, чтобы посѣтить какое-нибудь рабочее собраніе, послушать своего оратора, принять участіе въ обсужденіи какого-нибудь жгучаго вопроса. Такимъ образомъ воскресная работа задерживаетъ ростъ самосознанія рабочихъ. Поэтому конгрессъ высказался за полное воспрещеніе воскресной работы для всѣхъ рабочихъ безъ различія профессій. Въ тѣхъ же производствахъ гдѣ нельзя прерывать работы ни на одинъ день, рабочій, занятый въ воскресенье, долженъ имѣть свободнымъ другой день недѣли.

По вопросу о работѣ дѣтей и подростковъ съѣздъ постановилъ, чтобы работа дѣтей моложе 15-лѣтняго возраста была совершенно воспрещена. Въ погонѣ за прибылью капиталистъ не останавливается передъ самой страшной эксплуатаціей дѣтскаго труда. До изданія законовъ, ограничивающихъ

[1]) Привѣтствіе этому съѣзду отъ «Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса» и отъ «Еврейской рабочей соціалъ-демократической организаціи» одного изъ городовъ западной Россіи мы помѣщаемъ ниже.

дѣтскій трудъ, англійскіе капиталисты, напримѣръ, не гнушались заставлять 5—7-лѣтнихъ дѣтей работать въ копяхъ по 12 часовъ въ сутки. Легко понять как отражалась такая работа на здоровьи малютокъ, и какіе могли выростать изъ нихъ рабочіе. Въ настоящее время работа дѣтей ниже извѣстнаго возраста почти вездѣ запрещена, но самый возрастъ этотъ слишкомъ низокъ. (Такъ въ Россіи разрѣшается работа дѣтей съ 12-лѣтняго возраста). Конгрессъ нашелъ, что только съ 15 лѣтъ можно пускать рабочаго на фабрику, и что до этого времени онъ долженъ посѣщать школу.

По вопросу о трудѣ взрослыхъ мужчинъ конгрессъ высказался за установленіе закономъ 8-часового рабочаго дня. Тамъ, гдѣ нельзя сразу сократить рабочій день до 8 час., долженъ быть временно установленъ рабочій день, возможно близкій къ 8-часовому. Сверхурочная работа должна быть ограничена, и въ законѣ должно быть точно указано, сколько часовъ сверхурочной работы разрѣшается въ теченіе дня и въ теченіе года.

Болѣе всего преній возбуждалъ вопросъ о работѣ женщинъ. Представители отъ рабочихъ союзовъ, находящихся подъ вліяніемъ духовенства, высказались за полное воспрещеніе женскаго труда. Это, по ихъ мнѣнію, возстановитъ семью рабочаго, разрушенную фабрикой. Такое требованіе вызвало горячій отпоръ со стороны представителей соціалъ-демократовъ. «Неужели,—сказалъ вождь нѣмецкихъ рабочихъ, Бебель,—вы думаете, что ваше рѣшеніе устранитъ капиталистическій строй? А если нѣтъ, то что будутъ дѣлать массы выброшенныхъ изъ фабрикъ женщинъ? Имъ останется одно изъ двухъ: или брать работу на домъ—а это еще хуже, чѣмъ работать на фабрикѣ,—или же обратиться къ проституціи». Но воспрещеніе женской работы не въ состояніи даже возстановить семью. Оно повлечетъ за собою большее обремененіе работой мужа и, слѣдовательно, еще болѣе удалитъ его отъ жены и дѣтей. Далѣе женщина, прикованная къ кухнѣ и къ дѣтской, не можетъ быть развитымъ человѣкомъ и, слѣдовательно, не можетъ быть настоящимъ товарищемъ и другомъ своему мужу. «Только трудящаяся и всесторонне развитая женщина,—сказала Клара Цеткинъ, представительница нѣмецкихъ работницъ—будетъ настоящей

женой своему мужу и истинной матерью своимъ дѣтямъ». Предложеніе о воспрещеніи женскаго труда было отвергнуто на конгрессѣ 165 голосами противъ 98. Вмѣсто этой мѣры конгрессъ высказался за цѣлый рядъ другихъ мѣръ съ цѣлью защиты женскаго труда. Эти мѣры суть слѣдующія: 1) Рабочій день женщины не долженъ продолжаться болѣе 8 часовъ въ сутки и 44 часа въ недѣлю (въ субботу работа должна кончаться въ 12 часовъ дня). 2) Предпринимателямъ должно быть воспрещено по окончаніи работы давать работницамъ работу на домъ. 3) Роженицы не должны быть занимаемы промышленнымъ трудомъ въ продолженіи 8 недѣль. 4) За равную работу женщины должны получать одинаковую плату съ мужчинами.

Особенно интересно для насъ, русскихъ рабочихъ, тѣ постановленія, которыя сдѣланы съѣздомъ по послѣднему обсуждавшемуся ими вопросу,—по вопросу о томъ, какими средствами могутъ быть осуществлены всѣ выставленныя выше требованія. Съѣздъ постановилъ, что для этого необходима прежде всего инспекція, въ которую по возможности входили бы сами рабочіе, которая была бы достаточно многочисленна и которая бы не находилась ни подъ какимъ давленіемъ начальства. Но одной инспекціи мало. Нужно, чтобы сами рабочіе умѣли себя защищать. А для этого съѣздъ требуетъ:

1) Полной свободы рабочихъ союзовъ.

2) Введенія всеобщаго, равнаго, прямаго и тайнаго избирательнаго права при выборахъ въ парламенты, въ учрежденія городскаго и сельскаго управленія и пр.

Таковы главнѣйшія постановленія, сдѣланныя цюрихскимъ конгрессомъ по вопросамъ законодательной защиты рабочихъ. Читатель, конечно, самъ понимаетъ какое громадное значеніе имѣетъ такой съѣздъ для нашихъ заграничныхъ товарищей. Каждый членъ съѣзда, уѣзжая къ себѣ на родину, уносилъ съ собою ясное сознаніе предстоящихъ ему и его товарищамъ задачъ и твердую увѣренность въ международной общности рабочихъ на пути къ намѣченнымъ цѣлямъ. Намъ, русскимъ рабочимъ, этотъ съѣздъ еще разъ показалъ, какъ далеко отстали мы отъ нашихъ заграничныхъ товарищей, какъ много еще нужно намъ бороться для того, чтобы добиться тѣхъ требованій, которыя они намѣтили, какъ свою ближайшую задачу.

Международному конгрессу для законодательной защиты труда, собирающемуся въ Цюрихѣ въ августѣ 1897 года.

От Союза борьбы за освобождение рабочего класса и Еврейской рабочей социал-демократической организации одного из городов Западной России.

Фабричное законодательство царской Россіи также молодо, какъ и вызвавшее его рабочее движеніе. Волненія рабочихъ 1884 и 1885 г.г. вызвали законы отъ 3 іюня 1885 г. о воспрещеніи ночной работы женщинамъ и подросткамъ на фабрикахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ и въ особенности законъ отъ 3 іюня 1886 г. о взаимныхъ отношеніяхъ между фабрикантомъ и рабочими. Волненія же 1896 и 1897 г.г. вызвали къ жизни законъ 2 іюня 1897 г. объ ограниченіи продолжительности рабочаго дня[1]). Рядомъ съ этимъ шло распространеніе фабричнаго законодательства и спеціальнаго фабричнаго надзора на все большее и большее пространство Россійской имперіи. Такъ первоначально (въ 1886 г.) особыя правила объ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ имѣли силу только въ 3 губерніяхъ, въ 1893 г.— въ 5 губ., въ 1894 уже—въ 18 губ., въ 1896—въ 26 губ.; теперь же на основаніи новаго закона уже всѣ 34 губ. Россіи подчинены фабричному надзору. Но русское фабричное законодательство, это — единственная область общаго русскаго законодательства, обнаруживающая нѣкоторые признаки идущей впередъ жизни. Остальныя же области русскаго законодательства обогащаются все новыми поправками, сводящими на ничто почти всю либеральную реформу Александра II. Кромѣ поправокъ, открыто вводимыхъ въ законодательство и урѣзывающихъ права русскихъ обывателей, министерства дѣйствуютъ еще путемъ обязательныхъ для подвѣдомственныхъ имъ областей секретныхъ предписаній. Каждое новое движеніе русскаго пролетаріата создаетъ рядъ

[1]) Чтобы рѣзче отмѣтить, насколько развитіе фабричнаго законодательства зависитъ всецѣло отъ рабочаго движенія, укажемъ на крайнюю отсталость законодательства о наймѣ на сельскія работы. Недавно же выработанный проектъ сенатора Звягинцева является положительно драконовскимъ.

такихъ секретныхъ предписаній. Такъ, напримѣръ, во время стачекъ нашихъ товарищей въ Петербургѣ 1896 и 1897 г.г. министерство внутреннихъ дѣлъ разослало редакціямъ журналовъ и газетъ секретные циркуляры, запрещающіе помѣщать какія-либо замѣтки, статьи, свѣдѣнія о рабочемъ дѣлѣ, заработной платѣ и вообще объ отношеніяхъ фабричныхъ рабочихъ къ хозяевамъ - фабрикантамъ (январскій циркуляръ 1897 г.), а также свѣдѣнія о стачкахъ и волненіяхъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ (іюньскій циркуляръ 1896 г.). Ввиду всего этого, ввиду отсутствія всякихъ правъ у русскихъ рабочихъ можетъ показаться совершенно призрачнымъ значеніе фабричнаго законодательства в Россіи, тѣмъ болѣе, что отвѣтственность передъ судомъ нарушителей фабричныхъ законовъ совершенно ничтожна, а новый законъ о сокращеніи рабочаго дня даже никакихъ спеціальныхъ наказаній не устанавливаетъ за нарушеніе его, и, слѣдовательно, оно будетъ наказываться лишь 29 ст. устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, —за неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ или полицейскихъ властей, а равно и земскихъ и общественныхъ учрежденій. За такое неисполненіе полагается наибольшій штрафъ въ 50 руб.

Это все можетъ привести къ выводу, что участіе русскихъ рабочихъ в конгрессѣ для законодательной защиты труда не имѣетъ для нихъ особаго значенія.

Но мы, русскіе рабочіе, несмотря на отсутствие у насъ какихъ бы то ни было правъ, которые обезпечивали бы точное исполненіе фабричнаго законодательства, заинтересованы въ его расширеніи. Вамъ, западно-европейскимъ собратьямъ нашимъ, давно уже пользующимся свободой печати, сходокъ, стачекъ, свободой устраивать союзы и прочими политическими правами, вамъ, которые настолько срослись со всѣмъ этимъ, что лишеніе этой свободы равносильно для васъ лишенію возможности дышать,—можетъ показаться непонятной, прямо призрачной борьба рабочихъ, не пользующихся хотя бы частью изъ перечисленныхъ правъ. Между тѣмъ такая борьба имѣетъ мѣсто в нашемъ отечествѣ. Встаютъ впервые на защиту своихъ интересовъ русскіе пролетаріи, до сихъ поръ безропотно сносившіе иго безправія, для которыхъ нищета, мракъ и невѣжество были родной стихіей. И русскій

рабочій, воспитанный въ духѣ покорности, встрѣчаетъ въ первый же періодъ своего пробуждения въ законодательной защитѣ нѣкоторую опору, которая позволяетъ ему вырости въ мѣру человѣка.

Законъ о 12-часовомъ рабочемъ днѣ для ремесленниковъ, изданный еще въ 1785 г. создалъ законную почву для рабочей агитаціи, особенно проявившейся въ западномъ краѣ. Понятно, что до недавняго времени этотъ законъ существовалъ на бумагѣ, и по мѣрѣ роста промышленности въ Россіи — рабочій день въ ремесленныхъ мастерскихъ все болѣе удлинялся. Обычнымъ явленіемъ пять лѣтъ тому назадъ было 15, 16 и еще болѣе рабочихъ часовъ въ сутки въ ремесленныхъ мастерскихъ. Но все ухудшающее положеніе вызвало ремесленных рабочихъ на борьбу. И этотъ, покрытый плѣсенью законъ, былъ откопанъ ими и сталъ боевымъ кличемъ агитаціи. Сама полиция, фабричная инспекція и прочія власти бываютъ вынуждены стать въ этомъ требованіи на сторону волнующихся рабочихъ. Но чтобы добиться введенія этого закона рабочимъ приходилось и приходится предварительно собираться для обсужденія способовъ дѣйствій. Собранія вели и ведутъ къ организаціи тайных союзовъ съ цѣлью борьбы съ хозяевами вообще, и за законный 12-час. рабочій день в частности. А введение 12-часового рабочаго дня такимъ путем указываетъ рабочимъ, что законъ этотъ становится фактомъ, только благодаря ихъ союзнымъ усиліямъ, это же въ свою очередь расширяетъ и увеличиваетъ союзы. Такъ шло и идетъ рабочее движеніе въ ремесленномъ производствѣ той части Россіи, которая охвачена движеніемъ. Законъ о 12-часовомъ рабочемъ днѣ играетъ, следовательно, существенную роль въ расширеніи агитаціи за сокращеніе рабочаго дня, в развитіи чувства общности, солидарности. Законъ этотъ способствуетъ развитію потребности въ собраніяхъ, союзахъ и свободѣ слова. Рабочіе при отстаиваніи этого закона все болѣе убѣждаются, что хозяева — классъ враждебный имъ, что для надлежащей борьбы съ ними у нихъ недостаетъ извѣстныхъ правъ. Они убѣждаются, что полиція, жандармерія и другія власти — ихъ отъявленные враги, съ особенной яростью преслѣдующіе ихъ общее, солидарное выступленіе хотя бы на защиту закона. Защищать законъ можно, но только не скопомъ, а въ одиночку, — говоритъ

русскій законъ, говорятъ власти. Но защищать законъ въ одиночку для рабочихъ обозначаетъ подчиненіе произволу, и выходъ изъ этого противорѣчія рабочіе находятъ одинъ — въ требованіи политическихъ правъ.

Такую же роль играютъ и сыграютъ и другіе русскіе фабричные законы. Въ особенности крупное значеніе будетъ имѣть законъ о сокращеніи рабочаго дня для фабричныхъ рабочихъ, изданный 2 іюня сего года. Такая поразительно быстрая уступчивость со стороны правительства требованіямъ рабочихъ, впервые выставленнымъ 1896 года, объясняется боязнью правительства, чтобы экономическая агитація рабочихъ не перешла въ политическую, чтобы борьба противъ фабрикантовъ не перешла въ борьбу против правительства. И эта боязнь служитъ лучшимъ ручательствомъ, что впредь правительство будетъ уступать напору экономическихъ требованій рабочихъ. Этотъ законъ окрыляетъ надежды и поднимаетъ энергію сознательной части русскаго пролетаріата, потому что, какъ онъ ни несовершененъ и ни жалокъ, онъ все же показываетъ рабочимъ их силу, если они выступаютъ сообща, солидарно, силу, которая вырвала у правительства эту уступку требованиямъ рабочихъ. Этотъ законъ убѣждаетъ рабочихъ, насколько ведетъ къ цѣли ихъ массовое, запрещенное закономъ движеніе противъ чрезмѣрно длиннаго рабочаго дня, и слѣдовательно какъ бы освящаетъ агитацію за сокращеніе рабочаго дня, которая, мы въ этомъ убѣждены, въ скоромъ времени въ силу этого закона охватитъ всѣ фабричные города нашего отечества и рядомъ съ этимъ вызоветъ и упрочитъ потребность въ свободе слова, союза, стачекъ и пр. Забитый русскій пролетарій, встрѣчая защиту въ созданномъ его волненіями законодательствѣ, поднимается въ собственномъ мнѣніи о себѣ, какъ о человѣкѣ и какъ о членѣ рабочаго класса, и развитіе русскаго фабричнаго законодательства въ этомъ смыслѣ важно для русскаго пролетаріата, какъ одно изъ условій, неизбѣжно ведущихъ къ постепенной гибели самодержавія. Вы видите, товарищи, что для насъ, русскихъ рабочихъ, въ настоящій историческій моментъ расширение фабричнаго законодательства важно не только само по себѣ, какъ нѣкоторая защита нашего здоровья, нашихъ женъ и дѣтей, но и какъ факторъ, воспитывающій наше классовое и политическое самосознаніе, слѣ-

довательно, какъ факторъ, подтачивающій русское самодержавіе.

Привѣтъ вамъ горячій, товарищи, и пожеланіе успѣшнаго окончанія предпринятыхъ вами трудовъ. Труды ваши дадутъ и намъ, какъ и западно-европейскимъ собратьямъ нашимъ, агитаціонный боевой кличъ въ борьбе съ нашими эксплоататорами.

Долой русское самодержавіе!

Да здравствуетъ международная соціальная демократія!..

Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса и Еврейская рабочая соціалъ-демократическая организація одного изъ городовъ Западной Россіи.

Конецъ іюля 1897 г.

Замѣтка о секретномъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ

отъ 12 августа 1897 г. № 7587.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на чрезвычайно интересный «секретный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 августа 1897 г.», изданный недавно въ видѣ отдѣльной брошюры «Группой рабочихъ революціонеровъ». Этотъ циркуляръ такъ хорошо обрисовываетъ отношеніе правительства къ рабочему движенію, что о немъ стоитъ поговорить. Вотъ въ краткихъ словахъ его содержаніе. Начиная съ мая прошлаго года въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ Россіи происходятъ очень частыя стачки и вообще волненія среди фабричныхъ, заводскихъ и «даже цеховыхъ» рабочихъ. Разслѣдованіе обнаружило, что это движеніе среди рабочихъ принимаетъ свой стройный видъ подъ вліяніемъ преступной пропаганды «интеллигентовъ», заключающейся въ кружкахъ рабочихъ «преподаваніемъ» «новѣйшихъ (?) политико-экономическихъ и социалистическихъ теорій», развивающихъ рабочихъ въ «противоправительственномъ направленіи» и распространяющихъ черезъ своихъ слушателей «возмутительныя» воззванія къ рабочимъ. Тѣ улучшенія въ положеніи рабочихъ, которыя предпринимаются правительствомъ и фабрикантами, приписываются исключительно вліянію стачекъ и укрѣпляютъ въ рабочихъ вѣру въ полезное

дѣйствіе всякаго рода дѣйствій скопомъ, самоуправства и насилія какъ по отношенію къ правительственной власти, такъ и въ отношеніи фабрикантовъ». Признавая, что рабочее движеніе «является весьма опаснымъ для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія», министръ приказываетъ губернаторамъ предпринять противъ рабочаго движенія цѣлый рядъ мѣръ (въ 11-ти пунктахъ). Вотъ главныя изъ этихъ мѣръ. 2) «предписать полиціи установить самое строгое наблюденіе за фабриками, заводами, мастерскими и мѣстами разселенія рабочихъ, донося о всякихъ волненіяхъ и устраняя поводы к неудовольствіямъ, «когда рабочіе имѣютъ основаніе жаловаться»; 3) обратить вниманіе полиціи на появленіе интеллигентовъ среди рабочихъ и на распространеніе «преступныхъ изданій»; подозрительныхъ интеллигентовъ арестовывать и передавать жандармамъ; 4) «безусловно воспрещать всякія сходки рабочихъ» и зачинщиковъ арестовывать, если сходка собиралась для уговора къ стачкѣ; 5) въ случаѣ стачки, если не удастся устроить соглашеніе рабочихъ съ фабрикантами, объявлять срокъ стать на работу или получить расчетъ; тѣхъ рабочихъ которые не станут на работу, если они не нарушили законныхъ сроков, высылать на родину, если же нарушили, то высылать по этапу... 10) всѣхъ рабочихъ, которые будутъ сопротивляться администраціи или будутъ подстрекать къ этому другихъ рабочихъ, арестовывать и ходатайствовать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ ихъ высылкѣ изъ данного мѣста и 11) объявлять на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ обнаруживается волненіе, что рабочіе, которые будутъ мѣшать товарищамъ стать на работу или будутъ наказывать ихъ за это, будутъ арестованы и высланы подъ надзоръ полиціи въ «отдаленныя губерніи». Особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто циркуляра: «во всѣхъ случаяхъ стачекъ и забастовокъ я (министръ внутр. дѣлъ) рекомендую» передавать дѣла жандармамъ, *такъ какъ часто по закону въ этихъ дѣлахъ нѣтъ никакого преступленія*, да если и найдетъ судебный слѣдователь преступленіе, то такое неважное, что по закону не имѣетъ права арестовать обвиняемаго, а *жандармы могутъ арестовать безъ всякихъ признаковъ преступленія* (законы, конечно, не про нихъ писаны), что очень важно при волненіяхъ рабочихъ.

Вотъ каковъ новый циркуляръ правительства. Правительство такъ боится рабочаго движенія, что даже свои собственные законы находитъ слишкомъ слабыми для борьбы съ нимъ. Оно прямо говоритъ: по отношенію къ рабочимъ вмѣсто закона должно быть беззаконіе, потому что такъ для фабрикантовъ и для меня выгоднѣе». Ну, что жъ, такъ и запишемъ. На войнѣ, какъ на войнѣ. Чего жъ и ждать намъ отъ своихъ заклятыхъ враговъ?

Секретные циркуляры Министерства Финансовъ

г.г. чинамъ фабричной инспекціи отъ 2-го іюля 1896 года.

Согласно распоряженію Его Превосход. г-на Министра Финансовъ и въ дополненіе къ циркуляру отъ 7 іюня 1895 года № 199, Департаментъ Торговли и Мануфактуръ долгомъ считаетъ увѣдомить вась, что о всякомъ замѣченномъ вами явленіи, указывающемъ на преступную пропаганду среди рабочихъ, какъ и вообще о стачкахъ на фабрикахъ и заводахъ, вамъ надлежитъ незамедлительно сообщать не только департаменту Торговли и Мануфактуръ, но и мѣстной полиціи.

За директора вице-директоръ *Ланговой*.
Начальникъ Отдѣленія *Кобелявкий*.

Отъ 13 сентября 1897 г. Председателямъ фабричныхъ присутствій.

Изъ имѣющихся въ министерствѣ финансовъ свѣдѣній усматривается, что данныя о налагаемыхъ на основаніи п. 2, ст. 52 уст. промышленности присутствіями по фабричнымъ дѣламъ на завѣдывающихъ промышленными заведеніями взысканіяхъ за нарушеніе закона о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ помѣщаются иногда въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, и что свѣдѣнія эти черпаются иногда въ канцеляріяхъ присутствій. Относясь всегда съ надлежащей строгостью ко всѣмъ закононарушеніямъ фабрикантовъ и заводчиковъ, министерство финансовъ тѣмъ не менѣе находитъ, что отягченіе наказанія опубликованіем постановленія Присутствія представляется едва ли справедливымъ, такъ

какъ подобная мѣра по иностраннымъ законамъ, однороднымъ съ упомянутымъ выше (напечатаніе въ газетахъ рѣшенія на счетъ обвиняемаго) считается дополнительнымъ и весьма строгимъ наказаніемъ. Вслѣдствіе сего, министерство финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ признало соотвѣтственнымъ установить, чтобы вышеприведенныя рѣшенія Присутствій на будущее время не разглашались.

Объ изложенномъ долгомъ считаю сообщить Вамъ, Милостивый Государь, для зависящихъ распоряженій, присовокупляя, что подлежащіе чины фабричной инспекціи поставлены уже въ извѣстность о настоящемъ разъясненіи.

За Мин. Финансовъ, товарищъ министра
Сенаторъ *Иващенковъ*.
За директора вице-директоръ *Ланговой*.

Министра внутреннихъ дѣлъ [1]).

1) 18 января 1880 г. О воспрещеніи печатать какія-либо свѣдѣнія объ арестахъ по политическимъ дѣламъ и о производимыхъ по нимъ дознаніямъ и слѣдствіяхъ.

2) 29 сентября 1882 г. О безусловномъ запрещеніи печатать какія-либо свѣдѣнія о политическихъ преступникахъ.

3) 25 апрѣля 1883 г. О запрещеніи печатать свѣдѣнія какъ о личномъ составѣ сыскной полиціи, такъ и дѣятельности ея.

4) 29 апрѣля 1895 г. О запрещеніи печатать статьи, касающіяся внутренней жизни отдѣльныхъ войсковыхъ частей и могущія колебать основы военной дисциплины.

5) 8 іюня 1895 г. О запрещеніи печатать статьи, трактующія о безпорядкахъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ и объ отношеніяхъ рабочихъ къ хозяевамъ.

6) 4 января 1897 г. О запрещеніи печатать какія-либо статьи, замѣтки и разсужденія о заработной платѣ, рабочемъ днѣ и отношеніи фабричныхъ рабочихъ къ фабрикантамъ-хозяевамъ.

---

[1]) Мы получили списокъ секретныхъ распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ, объявленныхъ редакціямъ газетъ (на основаніи ст. 140 устава о цензурѣ и печати) и сохраняющихъ до сихъ поръ обязательную силу. Печатаемъ наиболѣе интересныя распоряженія.

Послѣднія извѣстія.

Петербургъ. Октябрь 1897 года. На Митрофаньевской мануфактурѣ въ субботу 11-го и понедѣльникъ 13-го забастовали 500 ткачей. Требовали повышенія расцѣнка. Теперь въ среднемъ 60 коп. въ день. Обѣщано разсмотрѣть. Стали на работу.

Одесса. Октябрь 1897 года. Въ сентябрѣ произошла стачка портныхъ въ мастерской магазина готоваго платья М., гдѣ работаютъ 21 человѣкъ. Требовали увеличенія поштучной платы. Простояли полтора дня, и хозяева сдались

Хроника арестовъ.

Рига. Въ іюлѣ и августѣ арестованы редакторъ латышской газеты, его соредакторъ, нѣсколько студентовъ и трое рабочихъ.

Либава. Въ апрѣлѣ арестовано 17 чел., среди нихъ нѣсколько рабочихъ. Въ іюлѣ полиція заманила въ таможню кочегара иностраннаго подданнаго и арестовала его; обвиняютъ его въ перевозкѣ нелегальной литературы.

Ковно. Въ концѣ іюня здѣсь арестованъ Феликсъ Деружинскій и 11 рабочихъ.

Минскъ. Здѣсь сидятъ уже семь мѣсяцевъ 8 рабочихъ; всѣ они обвиняются въ пропагандѣ и агитаціи. Въ октябрѣ арестованъ рабочій Кейлеръ съ женою.

Лодзь. Въ августѣ взято 7 столяровъ; всѣ еще сидятъ.

Кіевъ. Въ сентябрѣ арестованъ студентъ Евтихій Савостьяновъ.

Вильно. Въ послѣдніе два мѣсяца взяты: Рувимъ Челаховичъ, Швечь, жена Трусевича (самъ Трусевичъ сидитъ уже нѣсколько мѣсяцевъ). Въ ночь съ 19 на 20 сентября арестованы: докторъ Домашевичъ, дантистъ Мозесъ, дантистка Средницкая, домохозяинъ Твардовскій, фотографъ Козловскій (въ послѣднихъ градусахъ чахотки), Касперовичъ, служащій в управленіи Полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ, Преображенскій, одинъ еврейскій частный учитель и еще нѣсколько интеллигентовъ

и много рабочихъ. Въ настоящее время во всѣхъ трехъ виленскихъ тюрьмахъ сидитъ около ста рабочихъ.

Екатеринославъ. Въ октябрѣ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ арестованъ рабочій Корецкій и еще 9 рабочихъ.

Одесса. Въ сентябрѣ арестованы рабочіе: Гринштейнъ, Левинская, Макодзюбъ и Финкельштейнъ.

Вышли слѣдующія новыя изданія.

«Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса»:

1) С.-Петербургскій рабочій листок № 2-й.
2) Десятилѣтіе Морозовской стачки.
3) Объясненіе закона о штрафахъ.
4) Что нужно знать и помнить каждому рабочему.

Изданія «Союза русскихъ соціалъ-демократовъ»:

5) Работникъ 3-4.

Другія соціалъ-демократическія изданія:

6) Что цари сдѣлали для народа.
7) Объ агитаціи.

Изданія «Группы рабочихъ-революціонеровъ»:

8) Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ.

Пожертвованіе. Отъ рабочихъ 33 рубля.

Поправка: На страницѣ 22 въ статьѣ «Изъ разныхъ мѣстъ» въ замѣткѣ «Изъ Кіева» пропущено: «Последніе листки подписываются «Кіевскій рабочій комитетъ», изданіе «Кіевскаго союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса».

дѣлъ. X. Секретные циркуляры. XI. Послѣднія извѣстія: 1) Петербургъ. 2) Одесса. XII. Хроника арестовъ. XIII. Списокъ новыхъ изданій.

За недостаткомъ мѣста статья «Рабочія собранія въ Берлинѣ» будетъ помѣщена въ слѣдующемъ номерѣ.

Типографія русскихъ соціал-демократовъ.

К о п и я
с копии Д. № 20, т. 10
за 1898 г., стр. 343.

Порядок!!!

??? 1898 года № 3.

„Рабочая Газета“[1]).

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

[1]) Взято при аресте у Эйдельмана.

Редакция.

Письмо Г. В. Плеханова в редакцию „Рабочей Газеты“.

(Из личного архива П. Б. Аксельрода.)

Печатаемое нами ниже письмо Г. В. Плеханова, адресованное редакции выходившей в 1897 году в Киеве, с.-д.-ой «Рабочей Газеты», до сих пор нигде опубликовано не было. История его такова:

В сентябре 1897 года, вскоре после выхода № 1 «Рабочей Газеты» (22 августа 1897 года), группа «Рабочей Газеты» (Эйдельман, Вигдорчик, Тучапский и др.) поручили своему члену, недавно скончавшемуся Тучапскому, ехавшему по другому делу за границу «побывать у членов заграничного союза русских социал-демократов, спросить их мнение о вышедшем номере и, может быть, о сотрудничестве [1]). Сотрудничество их группа ценила, «как некоторую предварительную гарантию выдержанности в с.-д. принципах [2]). Тучапский побывал в Цюрихе и в Женеве, говорил с П. Б. Аксельродом, Б. А. Гинсбургом-Кольцовым и Г. В. Плехановым и заручился их обещанием писать для «Рабочей Газеты» [3]).

Обещание свое они сдержали. Уже в ноябре или декабре 1897 года [4]), приехавший в Киев член Цюрихского с.-д. студенческого кружка Теслер, привез спрятанные в переплетах двух книжек «Русского Богатства» статью П. Б. Аксельрода, вошедшую потом в его брошюру: «К вопросу о современных задачах и тактике русских с.-д. [5]),

---

1) *Б. Эйдельман.* «К истории возникновения Р.С.-Д.Р.П.». «Пролет. революция». 1921 г., № 1, стр. 50.

2) Там же, стр. 43.

3) Об этих переговорах кроме цит. статьи Эйдельмана (стр. 50 и 76—77) см. также статью Акимова-Махновца: «Первый съезд Р.С.-Д.Р.П» «Минувшие Годы», 1908 г., № 2, стр. 146—148.

4) Эйдельман говорит, что это случилось после выхода № 2 «Раб Газ.» (там же, стр. 50), т.-е. после 20 декабря 1897 г. Акимов, опрашивавший ряд деятелей того времени (стр. 14[illegible]), дает несколько иную дату— ноябрь 1897 г. Более точное установление этой даты может иметь значение при решении вопроса о влиянии «Группы Освоб. Труда» на усиление подчеркивания полит. моментов в № 2 «Раб. Газеты».

5) Изд. «Союза русских соц.-демократов», 1893 год.

статью Б. А. Кольцова: «Город и деревня» и приводимое ниже письмо Г. В. Плеханова.

Это последнее не вполне удовлетворило членов группы «Рабочей Газеты». Они находили, что звучащий в письме Г. В.Плеханова «упрек в игнорировании политической борьбы» [1]) не вполне ими заслужен, и что, во всяком случае, после ознакомления с № 2 «Рабочей Газеты» (вышел 20 декабря 1897 года) сам Г. В. Плеханов его не повторил бы. Они признавали, по крайней мере, так рассказывает теперь Б. Эйдельман, что в № 1 было не мало «фигур умолчания» в тех местах, где речь касалась политических тем, но считали, что причиной этого было не «игнорирование политической борьбы», а исключительно желание сделать газету доступною для «малоподготовленного серого читателя». Однако эти стороны № 1 «Рабочей Газеты» среди группы вызывали недовольство, и номер второй газеты был составлен «без фигур умолчания, определеннее, ярче и интереснее».

На неизбежно возникающий при этом интересный с точки зрения истории развития с.-д. идей вопрос,—не повлияло ли на это усиление политических моментов в газете общение редакции ее с представителями «Группы Освобождения Труда»,—воспоминания Эйдельмана не дают определенного ответа. Есть только некоторые косвенные указания, позволяющие, однако, на наш взгляд, с большой долей убедительности, утверждать, что ответ на этот вопрос должен быть дан положительный. За это говорят следующие соображения.

П. Л. Тучапский вернулся из-за границы, а следовательно, и ознакомил своих товарищей по группе с отзывами представителей «Группы Освоб. Труда» о № 1 «Раб. Газ.», в период, когда велась «работа над собранием материалов второго номера «Рабочей Газеты» [2]). А между тем из рассказа самого Эйдельмана мы знаем, что именно к этому времени,—перед самым выпуском второго номера,— относится введение в газету наиболее определенных в политическом отношении мест; уже сданные в типографию статьи были пересмотрены; передовая статья, наиболее яркая в по-

---

[1]) *Эйдельман*, стр. 45.

[2]) То же, стр. 50.

литическом отношении была даже «почти вся при втором редактировании переписана (И. А. Вигдорчиком) наново [1]) и т. д. Иными словами, именно в этот период, после возвращения Тучапского [2]), в содержание газеты были введены изменения как раз в том направлении, о котором говорили и писали Плеханов, Аксельрод и Кольцов. Такое совпадение едва ли можно объяснить случайностью.

Статьи Аксельрода и Кольцова редакцией «Рабочей Газеты» были приняты и должны были появиться в № 3 «Рабочей Газеты». Относительно письма Г. В. Плеханова воспоминания Эйдельмана не дают определенного ответа [3]). Он сообщает только, что на редакционном собрании «была высказана мысль, что если бы не фраза Плеханова, что «дорогие товарищи как будто бы забыли, что всякая классовая борьба есть борьба политическая» [4]), то письмо его по выше упомянутой причине [5]) могло бы быть напечатано. Но мысль о пропуске этой фразы была немедленно отвергнута [6]). Это указание надо, повидимому, понимать, как указание на отклонение мысли о напечатании письма Г. В. Плеханова.

---

[1]) Там же, стр. 46.

[2]) А если верить Акимову (стр. 148), то и после приезда Теслера, т.-е., после получения письма Плеханова и статей Аксельрода и Кольцова.

[3]) *Акимов* (стр. 148) утверждает, что письмо решено было все же печатать, выбросив «криминальную» фразу о политической борьбе, но показания Акимова вообще менее надежны, чем показания Эйдельмана, особенно там, где речь идет об его антагонистах (из «Группы Освобожд. Труда».

[4]) Как видно из печатаемого ниже текста письма Г. В. Плеханова, Эйдельман, цитируя на память, не совсем точно передал эту фразу.

[5]) А именно редакции «Рабочей Газеты» хотелось иметь не только сотрудничество известных наших товарищей, но их «имена, как таковые». *Эйдельман*, стр. 76—77).

[6]) *Эйдельман*, стр. 77. «Из имеющегося в архиве П. Б. Аксельрода письма «Гришина» Коопельзона-«Тимофея» от 23 февраля 1898 г. видно, что члены редакции «Раб. Газ.» сообщили за-границу свои замечания по поводу письма Г. В. К сожалению, самого письма с этими замечаниями в архиве П. Б пока найти не удалось; из письма же «Гришина» видно только, что он, бывший посредником в переписке между группой «Освобождения Труда» и редакцией «Раб. Газ.“ просил Аксельрода не сообщать этих замечаний Г. В. Плеханову, чтобы не «огорчать» его.

Если это и так (прямого ответа у Эйдельмана, повторяем, нет, и, возражая Акимову, он не опровергает прямо категорического утверждения последнего о том, что письмо должно было быть все же напечатано), то во всяком случае непомещение этого письма не означало какого бы то ни было изменения в отношении редакции к авторитету Г. В. Плеханова, как теоретика с.-д.-тии. В этом отношении очень характерно указание рукописи, найденной у Эйдельмана при его аресте в ночь с 11 на 12 марта 1898 года и являющейся, судя по ее тексту, чем-то вроде наказа «Киевского Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса», в котором тогда работали главные руководители «Рабочей Газеты», представителю этого Союза на 1-й Съезд Р.С.-Д.Р.П. В этой рукописи имеется такая фраза: «Если программа будет написана не Плехановым, то ее нужно дать Пл. для рассмотрения [1]).

При арестах, проведенных Зубатовым в начале марта 1898 года, группа «Рабочей Газеты», к этому времени уже объявленной на I Съезде Центр. Органом Партии, и избранный на этом Съезде Ц. К. были арестованы почти полностью. При аресте Б. Л. Эйдельмана у него были, наряду с другими документами, захвачены и принятые для № 3 «Рабочей Газеты» статьи Аксельрода и Кольцова и письмо Г. В. Плеханова. В архиве Департамента Полиции и других соответствующих учреждений полученный в России экземпляр письма Г. В. Плеханова не сохранился,—по крайней мере В. И. Невский, работавший над этими делами и извлекший из них ряд интересных документов, о нем молчит. Повидимому, он погиб. Даваемый нами текст печатается с подлинника, писанного рукой самого Г. В. Плеханова и сохранившегося в личном архиве П. Б. Аксельрода. Повидимому, это и есть тот оригинал, с которого в Цюрихе, перед отъездом в Россию Теслера, была снята, в приспособленном для упаковки в переплет виде, посланная в Россию копия.

Б. Н—ский.

Товарищи, вы спрашиваете: сочувствую ли я вашему изданию? На этот вопрос я отвечу вам другим вопросом: как мог бы я не сочувствовать вам? В моих глазах ваш

[1]) «Пролет. Революц.», 1921 г., № 1, стр. 93.

орган есть также и наш орган, орган всех тех, которые принадлежат к русской социал-демократической партии.

Не подумайте, что это просто один из тех комплиментов, которые в политической жизни иногда так же неизбежны, как и в салоне, и которые в сущности ничего не выражают и никого ни к чему не обязывают. Нет, это не комплимент.

Нечего греха таить: в настоящее время у нас, в России, не редко одна социал-демократическая группа довольно равнодушно смотрит на то, что делают другие группы, своим делом часто считается у нас только дело своей группы, а дела других групп трактуются почти как чужие, или во всяком случае, как такие, которые можно предоставить их собственной участи, если только этого потребует хотя бы незначительный местный интерес.

Преобладание узкого группового духа составляет один из величайших недостатков современного нашего социал-демократического движения. Но сам я этим грехом не грешу, да и не могу грешить. Принужденный жить за границей, я уже самым положением своим лишен возможности смотреть на наше дело с точки зрения интересов той или другой русской группы. Для меня и для моих ближайших товарищей, членов заграничного союза русских социал-демократов, существуют только интересы целого, только общие интересы русского социал-демократического движения. А кто смотрит на дело с этой точки зрения, тот не может относиться равнодушно к вашему предприятию.

Ваш орган посвящен обсуждению общерусских задач социал-демократического движения. Это показывает, что и вы не ограничиваете вашего поля зрения местными делами; это очень хорошо. Сближение местных групп, слияние его в стройно организованное целое стало теперь необходимым условием дальнейших успехов русской социал-демократии.

Вторым и не менее важным условием его дальнейших успехов является выработка и распространение в наших рядах правильных взглядов на политические задачи нашей партии в России. Если я не ошибаюсь, в настоящее время наши русские товарищи не всегда помнят ту чрезвычайно важную мысль Маркса, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Забыть об этом хотя бы только

на минуту можно лишь тогда, когда местные групповые дела и практические задачи текущего дня сосредоточивают на себе все внимание деятелей. Я уверен (орган), посвященный обсуждению общерусских интересов, будет способствовать устранению также и этой слабой стороны нашей социал-демократии. Я уверен, кроме того, что когда вы объясните вашим читателям, в чем состоят истинные, «настоящие»,— а не случайные, местные, — политические взгляды русских социал-демократов, тогда под ваше знамя окончательно встанут все те, которые и теперь уже разделяют ваше стремление, но удерживаются от полного слияния с вами ошибочным представлением о политических стремлениях русских социал-демократов.

Это очень важный вопрос, дорогие товарищи. Его можно назвать вопросом из вопросов нашего революционного движения. Разъясняйте его, возвращайтесь к нему, спорьте о нем на страницах вашего органа. Может быть скоро мне придется попросить у вас гостеприимства для статьи по этому поводу. Но теперь я распространяться о нем не могу, а только порекомендую вам послесловие Аксельрода к женевскому изданию известной брошюры об агитации [1]), оно проливает на него много света.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

Эти прокламации, без обозначения времени в числе 16 экземпляров найдены в ретирадном месте завода «Гретера, Криванек и К°», находящемся в 2-х верстном расстоянии от г. Киева, 26-го марта 1898 г. рано утром. Подпись В. Новицкий.

КОПИЯ С КОПИИ.

Д. № 20, т. 10, ст. 344.

Жандарм. Архив.

Письмо киевским рабочим.

Борясь с капиталистами, русский рабочий вскоре должен был столкнуться с царским правительством, которое всегда и везде защищало и защищает интересы его эксплоататоров.

[1]) (А. Кремер). «Об агитации» с предисловием и послесловием П. Б. Аксельрода. Изд. «Русского с.-д. союза». Женева, 1897 г. *Прим. ред.*

Против рабочих, на помощь капиталистам, царское правительство высылает полицию, жандармов и войска. Царские министры в своих тайных циркулярах приказывают не удовлетворять даже законные требования рабочих, предписывают немедленно высылать без суда подозрительных рабочих. Еще не прошло и четырех лет со времени вступления на престол Николая II, и «всемилостивейшие» руки царя уже успели обагриться невинной кровью, это—кровь наших ярославских и товарищей домбровских, осмелившихся требовать и подумаешь чего?—уменьшения хозяйского гнета.

Эта каждодневная непрекращающаяся борьба убедила рабочих, что на их требования лучшей человеческой жизни царское правительство всегда отвечало и отвечает штыками, выстрелами, тюрьмой и каторгой. Русский рабочий убедился, что правительство самодержавного царя дорожит интересами одних только капиталистов, что капитал — это тот бог, на которого оно не перестает молиться. Русский рабочий понял, что его борьба с капиталистами есть вместе с тем и борьба с самодержавным правительством, стоящим за плечами каждого капиталиста, и русский рабочий смело и бодро вступил в эту борьбу: на знамени русского пролетариата начертаны роковые для самодержавия слова — политическая свобода.

По всем городам России возникают социал-демократические союзы, разбрасываются запрещенные книги и листки, издаются рабочие газеты, появляется печатный русский социал-демократический орган «Рабочая Газета». Русский пролетариат накануне возникновения с.-д. партии в России. Все эти признаки пробудившагося в русском пролетариате политического самосознания русского должны были не на шутку встревожить правительство. Уверенное, что рабочее движение создано какими-то агитаторами, царское правительство пытается вырвать этих «бунтовщиков» из рабочей

Примечание редакции. Прокламация на полулисте находится в деле о первом Съезде Р.С.-Д.Р.П. в Киевском Историко-револ. архиве $\frac{\text{д. № 20, т. 10, ст. 344}}{\text{1898 г.}}$. Полулист писчей бумаги представляет прокламацию выполненную при помощи мимеографа убористой печатью на одной стороне. Выпущена, повидимому, уже группой т. Урицкого, работавшего в Киеве после провала съездовцев, но автора прокламации установить не удалось.

среды и таким образом подавить рабочее движение. Оно производит с этой целью массовые обыски и аресты. Таков смысл и тех обысков и арестов, которые были в ночь с 11 на 12 марта у нас, в Петербурге, в Москве, в Харькове, в Екатеринославе, Николаеве и других городах. Но правительство глубоко ошибается: арестами и обысками, штыками и оружием, тюрьмой и каторгой не остановить ему рабочего движения.

Растущий в России капитализм, залог того, что русское рабочее движение будет расти и крепнуть. Сила пролетариата в единении и союзе. И перед дружной борьбой нашей с деспотизмом должно будет отступить и самодержавное правительство.

Сплотимся же, товарищи, во имя этого великого дела. И нашей сплоченностью скуем тот молот, которым разобьются тяжелые цепи самодержавного гнета. Вперед, товарищи, победа за нами.

Киевский рабочий комитет.

Киев. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Новая побѣда русскаго рабочаго движенія [1]).

По поводу закона объ ограниченіи рабочаго дня на фабрикахъ и заводахъ.

Изданіе Кіевскаго Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса. 1898 года.

Типографія русскихъ соц.-демократовъ.

Глава первая.

2-го іюня прошлаго года наше правительство издало закон объ ограниченіи рабочаго дня на фабрикахъ и заводахъ. До сихъ поръ фабриканты имѣли право держать рабочихъ на фабрикѣ сколько имъ было угодно. Новый законъ ограничиваетъ право фабрикантовъ безпредѣльно удлинять рабочій день и устанавливаетъ предѣлъ для рабочаго дня въ $11^1/_2$ час. Такимъ образомъ то, чего съ

[1]) См. вступл. статью В. Невского. Прим. редакции.

такимъ трудомъ и такъ давно добивались русскіе рабочіе—ограниченіе рабочаго дня—правительство установило въ одинъ день, однимъ росчеркомъ пера. Всѣ газеты, прислуживающіяся правительству, в одинъ голосъ стали возносить его за такое благодѣяніе. «Вотъ какъ нашъ батюшка-царь заботится о своихъ подданныхъ,—говорили они, —теперь русскимъ рабочимъ не на что жаловаться, имъ даже лучше будетъ житься, чѣмъ заграничнымъ рабочимъ». А министерская газета—«Вѣстникъ Финансовъ»—поспѣшилъ по этому поводу еще разъ повторить, что «правительству одинаково дороги как интересы фабрикантов, такъ и интересы рабочихъ».

Посмотримъ же, насколько это вѣрно, посмотрим, съ какой цѣлью правительство издало новый законъ и какое онъ будетъ имѣть значеніе для русскихъ рабочихъ.

Было время и не так давно оно было, когда почти каждая рѣчь и каждая книжка, в которыхъ указывался рабочему выходъ изъ его тяжелаго положенія, — начиналась и кончалась такими словами: «хозяинъ врагъ рабочаго; съ хозяиномъ рабочій долженъ бороться за улучшеніе своего положенія, онъ долженъ требовать отъ него сокращенія рабочаго дня, увеличенія заработной платы и пр.». Это было время, когда русскій рабочій видѣлъ передъ собою только своего ближайшаго врага — капиталиста и всѣ свои усилія направлялъ на борьбу именно съ этимъ врагомъ. Но это время, когда рабочій боролся только со своимъ хозяиномъ, когда онъ зналъ только экономическую борьбу, — это время для многихъ русскихъ рабочихъ миновало. Теперь настало другое время, стали слышаться другія рѣчи.

Нѣтъ на свѣтѣ лучшаго учителя, как жизнь. Ничто для человѣка не бываетъ такъ ясно и понятно, ничто имъ такъ легко не запоминается, какъ то, что онъ изучилъ собственными боками, что онъ испыталъ на самомъ себѣ. И русскимъ рабочимъ жизнь успѣла дать нѣсколько такихъ уроковъ, которые ихъ многому научили. При первыхъ же попыткахъ борьбы с хозяевами за улучшеніе своего положенія, русскіе рабочіе натолкнулись на новаго врага, котораго они раньше и не подозрѣвали. Оказалось, что за спиной фабрикантовъ стоятъ солдаты, полицейскіе и жандармы, готовые

по первому приказанію броситься на рабочихъ. Оказалось, что тысячи чиновниковъ, военныхъ и статскихъ, маленькихъ и большихъ до министровъ включительно готовы, къ услугамъ фабрикантовъ,—готовы по первому ихъ слову и даже не дожидаясь ихъ слова, употребить всѣ мѣры, чтобы подавить всякую попытку борьбы со стороны рабочихъ. Оказалось, наконецъ, что самъ царь, в которомъ народъ до сихъ поръ чтилъ защитника слабыхъ и угнетенныхъ, скрѣпляетъ своею властью и своимъ словомъ всѣ зверства, всѣ притѣсненія, которые продѣлываются его подчиненными. Все правительство сверху до низу предстало предъ русскимъ рабочимъ, какъ одна враждебная сила, мѣшающая ему идти впередъ по пути къ лучшему будущему. И не только въ открытомъ бою—во время стачекъ или волненій—приходится ему встрѣчаться съ этой силой. Нѣтъ, она опутываетъ его постоянно: она старается подрѣзать рабочее движеніе въ самомъ корнѣ; она старается, чтобы в среду рабочихъ не проникъ ни одинъ лучъ свѣта, чтобы даже мысль о борьбѣ не возникла въ умѣ рабочаго. Правительство запрещаетъ книги, въ которых разъясняется положеніе рабочихъ, арестуетъ, сажаетъ въ тюрьмы и ссылаетъ людей, которые осмѣливаются указывать рабочимъ па ихъ горькое житье и учить ихъ какъ выбиться изъ безпросвѣтной нужды на широкую и свѣтлую дорогу. Тратя громадныя деньги на содержаніе жандармовъ и шпіоновъ, оно на школы отпускаетъ жалкіе гроши. Да и въ тѣ немногія школы, которыя имѣются, оно старается насовать побольше поповъ, чтобы поповскимъ духомъ заглушить въ рабочихъ всякую жажду свѣта, научить ихъ страху Божьему и покорности [1]).

Нѣсколько лѣтъ горькаго опыта показали передовымъ русскимъ рабочимъ, что до тѣхъ поръ имъ не добиться прочныхъ и значительныхъ уступокъ отъ капиталистовъ, пока имъ будетъ преграждать путь враждебная сила правительства. Они поняли, что право устраивать союзы и кассы, право устраивать стачки, собираться на собранія, открыто говорить и писать, все что угодно,—наконецъ, право участвовать въ государственномъ управленіи и въ изданіи законовъ,

[1]) Кто хочетъ подробнѣе познакомиться съ тѣмъ, какъ угнетаетъ русское правительство рабочихъ, пусть прочтетъ запрещенную книжечку: „Что сдѣлали русскіе цари для народа“.

что всѣ эти **политическія** права необходимы рабочему для успѣха борьбы с хозяевами, т.-е. для успѣха **экономической** борьбы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе рабочіе поняли, что этихъ правъ правительство не дастъ добровольно, что для достиженія ихъ нужна упорная и трудная борьба. Такимъ образомъ жизнь выдвинула новую задачу для русскихъ рабочихъ—борьбу за свободу союзовъ, стачекъ, собраній, слова и печати,—наконецъ, борьбу за участіе въ государственномъ управленіи. Политическая свобода стала теперь ближайшимъ требованіемъ русскихъ рабочихъ, а политическая борьба—ихъ насущнѣйшею задачей.

Такимъ образомъ притѣсненія и насилія, которыми правительство старалось подавить рабочее движеніе, принесло русским рабочимъ не одинъ только вредъ, но и пользу. Никто никогда не доказалъ бы русскимъ рабочимъ такъ ясно и убѣдительно, что правительство—ихъ врагъ, какъ это сдѣлало само правительство своей политикой штыковъ и нагаекъ. Подъ громъ выстрѣловъ и подъ свистъ нагаекъ распространялась среди русскихъ рабочихъ мысль о политической свободѣ.

И само правительство, не могло, конечно, не понять, что преслѣдованія представляютъ изъ себя палку о двухъ концахъ, что в то время, как одинъ конецъ бьет рабочихъ, другой роетъ могилу самому правительству. Правительство давно поняло, что кромѣ крутых мѣръ нужны другія, которыя не раздражали бы рабочихъ, а успокаивали бы ихъ, которыя показывали бы имъ, что правительство—не врагъ имъ, а другъ, и распространяли бы не вражду къ правительству, а преданность ему. Къ этой цѣли могутъ вести, очевидно, мѣры улучшающія положенія рабочаго класса, устраняющія тѣ бѣдствія и невзгоды, отъ которыхъ онъ страдаетъ и которыя толкаютъ его на борьбу. Такими мѣрами и являются наши **фабричные законы**. Первые фабричные законы были изданы въ 1882 г. Они ограничивали трудъ женщинъ, дѣтей и подростковъ. Затѣмъ въ разное время былъ изданъ цѣлый рядъ другихъ законовъ—о наймѣ рабочихъ, о о штрафахъ и пр. Къ числу этихъ же законовъ относится и новый законъ о длинѣ рабочаго дня на фабрикахъ и заводахъ.

Вы спросите, что можно имѣть противъ такихъ мѣръ, какъ фабричные законы? Развѣ это не самыя разумныя мѣры,

какія только можно придумать для того, чтобы потушить рабочее движеніе? Голодный человѣкъ готовъ биться до послѣдней капли крови, чтобы добыть себѣ хлѣба. Не лучше ли вмѣсто того, чтобы бить и наказывать его, накормить его до сыта? Тогда безъ всякихъ мѣръ насилія, онъ перестанетъ кричать. То же самое можно сказать относительно рабочаго движенія. Нѣтъ лучшаго средства успокоить рабочихъ и навѣки прекратить их борьбу, какъ коренным ъ образом ъ измѣнить ихъ положеніе, совершенно устранить то, что вызываетъ ихъ недовольство. Но вотъ бѣда: такая задача совершенно не по плечу нашему правительству. Самодержавное правительство, стремящееся къ коренному улучшенію положенія рабочихъ, такъ же немыслимо, какъ немыслимъ мокрый огонь или горящая вода. Что значитъ кореннымъ образомъ улучшить положеніе рабочихъ? Это значитъ совершенно уничтожить гнетъ и эксплуатацію. Это значитъ дать прежде всего рабочимъ политическую свободу, дать имъ право говорить, писать и читать все, что угодно, призвать ихъ къ участію въ государственномъ управленіи, позволить имъ самимъ распоряжаться своею судьбою. Можетъ ли самодержавное правительство, которое потому и самодержавно, что хочетъ само держать все въ своихъ рукахъ,—можетъ ли оно добровольно отдать всю свою власть в руки народа? Вѣдь это значило бы для него самому себя убить. Ясно, что оно не только не будетъ само это дѣлать, а наоборотъ, будетъ противъ этого бороться такъ же упорно и отчаянно, какъ борется человѣкъ, защищающій свою жизнь.

Далѣе, коренное улучшеніе жизни рабочихъ должно заключаться въ совершенномъ уничтоженіи эксплоатаціи. Это значитъ не только сократить рабочій день, или увеличить заработную плату, или оградить опасныя части машинъ на фабрикахъ. Это все, конечно, полезно для рабочихъ, но это не коренные улучшенія, не коренные потому, что они не уничтожают самаго корня зла—эксплоатаціи, т.-е. того, что одинъ человѣкъ живетъ трудомъ другого. Только тогда исчезнетъ окончательное недовольство рабочихъ, а вмѣстѣ съ ним и рабочее движеніе, когда люди вообще перестанутъ дѣлиться на богатыхъ и бѣдныхъ, счастливыхъ и несчастливыхъ, на капиталистовъ и рабочихъ, — перестанутъ дѣлиться на такихъ, которые не знаютъ труда и пользуются всѣми

благами жизни, и на такихъ, которые изнываютъ въ трудѣ и не знаютъ наслажденій и радостей жизни. Для того, чтобы наступило такое коренное улучшеніе въ жизни рабочихъ, капиталисты должны лишиться своихъ преимуществъ, должны отказаться отъ своихъ богатствъ, отъ безпечной и праздной жизни и сдѣлаться обыкновенными людьми, какъ и всѣ. Согласятся ли они на это добровольно? И наше правительство, защищающее ихъ интересы и идущее съ ними рука объ руку — сдѣлаетъ ли оно хоть одинъ шагъ къ такому коренному улучшенію положенія рабочихъ? Да что говорить о коренныхъ улучшеніяхъ! Даже такихъ мѣръ, которые имѣли бы какое-нибудь серьезное значеніе для рабочихъ, оно предпринять не въ состояніи. Оно никогда добровольно не введетъ: ни 8-часового рабочаго дня, ни страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, отъ болѣзни, старости и безработицы, ни другихъ подобныхъ мѣръ. Оно не сдѣлаетъ всего этого потому, что всякая мѣра, приносящая серьезную пользу рабочим, сопряжена съ серьезнымъ вредомъ для интересовъ капиталистовъ.

Но если такъ, если наше правительство не способно не только на коренные мѣры къ улучшенію положенія рабочихъ, но даже не склонно вводить вообще какія-либо значительныя улучшенія, то къ чему могутъ сводиться всѣ его фабричные законы. Это понять не трудно. Представьте себѣ, что у васъ есть врагъ, который хочетъ притвориться вашимъ другомъ. Онъ будетъ дѣлать видъ, что оказываетъ вамъ услугу за услугой, будетъ вамъ постоянно говорить, какъ дорого ему ваше счастье. Но на самомъ дѣлѣ никакого добра онъ вамъ не сдѣлаетъ. И если вы не совсѣмъ простоватый человѣкъ, то вы легко раскусите всѣ его коварные замыслы и поймете, что за дружескими словами кроется все та же вражда къ вамъ. То же самое съ русскими фабричными законами. Эти законы только на первый взглядъ улучшаютъ положеніе рабочихъ. Въ дѣйствительности же они таковы, что никакой значительной пользы рабочимъ отъ нихъ быть не можетъ. Обойдите всю Россію и разспросите всѣхъ рабочимъ, много ли улучшилось ихъ положеніе отъ фабричныхъ законовъ. Вамъ, конечно, отвѣтятъ, что ни о законахъ, ни объ улучшеніяхъ никто ничего не слыхал. И если вы внимательно прочтете наши фабричные законы, то вы увидите,

что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, что такъ оно и должно быть. Вы увидите, что во всѣхъ ихъ, отъ начала до конца, правительство постоянно одной рукой отнимаетъ то, что успѣло дать другой. Какой - нибудь законъ даетъ рабочимъ извѣстное облегченіе, но какое-нибудь примѣчаніе или дополненіе къ нему, или другой законъ совершенно или на большую часть уничтожаетъ пользу перваго закона. Русскіе фабричные законы состоятъ изъ двухъ половинъ: въ одной правительство даетъ, въ другой отнимаетъ.

Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ нашихъ фабричныхъ законовъ.

Глава вторая.

Всякому ясно, что какъ бы хороши ни были какіе-нибудь законы, польза отъ нихъ будетъ только тогда, когда они будутъ исполняться. А для того, чтобы законы исполнялись, нуженъ надзоръ. Поэтому предположимъ на время, что наши фабричные законы не оставляютъ желать ничего лучшаго и спросимъ себя, кто надзираетъ за ихъ исполненіемъ? За исполненіемъ фабричныхъ законовъ призваны смотрѣть фабричные инспектора. Они набираются правительствомъ изъ техниковъ, инженеровъ, механиковъ; это все народъ, знающій толкъ въ машинахъ, но чаще всего не имѣющій ни малѣйшаго понятія о рабочемъ, о его жизни, горестяхъ и нуждахъ [1]). Къ тому же правительство зорко слѣдитъ за тѣмъ, что бы в фабричные инспектора попадали люди «вполнѣ благонадежные». А благонадежный человѣкъ, это такой, который во всю свою жизнь ни разу ни словомъ, ни дѣломъ не выступалъ противъ правительства или капиталистовъ и не только не выступалъ самъ, но даже не

---

[1]) Раньше фабричными инспекторами были преимущественно врачи. Такъ какъ они обращали слишкомъ большое вниманіе на тотъ вредъ, который фабрика приноситъ здоровью рабочихъ, то правительство рѣшило отдѣлаться отъ нихъ. Былъ изданъ указъ, что фабричные инспектора должны надзирать за паровыми котлами и на этомъ основаніи на должность фабричныхъ инспекторовъ стали принимать исключительно лицъ съ техническимъ образованіемъ. Въ 1896 году изъ 117 фабричныхъ инспекторовъ техниковъ было больше ста.

знался с людьми, которые дѣлали что-нибудь подобное. Могутъ ли такіе благонадежные техники понять рабочаго и защитить его отъ эксплоатаціи, могутъ ли они быть строгими по отношенію къ фабрикантамъ?

Посмотрите далѣе, какіе приказанія получаютъ эти и безъ того смирные фабричные инспектора отъ своего высшаго начальства. Кто читалъ книжечку «Какъ министръ заботится о рабочихъ», тотъ имѣетъ понятіе объ этихъ приказаніяхъ. Тамъ разсказывается объ одномъ секретномъ циркулярѣ, который въ 1896 г. былъ разосланъ министромъ финансовъ фабричнымъ инспекторамъ. Въ этомъ циркулярѣ министръ разъяснилъ фабричнымъ инспекторамъ ихъ обязанности. Въ случаѣ стачекъ или какихъ-нибудь волненій на фабрикахъ, фабричные инспектора, по мнѣнію министра, должны обязательно становиться на сторону фабрикантовъ, должны стараться, чтобы фабриканты не дѣлали никакихъ уступокъ рабочимъ, даже въ томъ случаѣ, если требованія рабочихъ они, фабричные инспектора, сами считаютъ законными. Всѣ заботы фабричныхъ инспекторовъ должны быть направлены къ тому, чтобы у рабочихъ не просыпалось сознаніе противоположности ихъ интересовъ интересамъ хозяина. Для этого они должны скрывать отъ рабочихъ всѣ беззаконія и притѣсненія капиталистовъ и, наоборотъ, разглашать во всеобщее свѣдѣніе тѣ улучшенія, какіе гдѣ-нибудь, когда-нибудь ввелъ какой-нибудь фабрикантъ. Ясно, что, получая такого рода инструкціи, фабричные инспектора не могутъ быть очень склонными раскрывать нарушеніе законовъ со стороны фабрикантовъ и привлекать ихъ за это къ отвѣтственности. Такимъ образомъ и состав фабричныхъ инспекторовъ, и получаемые ими начальственные предписанія мало ручаются за то, чтобы наши законы исполнялись.

Но это еще не все. Фабричные инспектора подчинены «Губернскимъ по фабричнымъ дѣламъ присутствіям». Въ эти присутствія можно жаловаться на дѣйствія фабричныхъ инспекторовъ. Эти же присутствія издаютъ бо̀льшую часть правилъ, подробно разъясняющихъ, какъ примѣнять фабричные законы. Какъ видите, фабричныя присутствія имѣютъ большую власть: отъ нихъ въ значительной степени зависитъ, какъ примѣняются фабричные законы и какъ они исполняются. Спрашивается, изъ кого состоятъ эти Присут-

ствія? Что рабочихъ тамъ нѣтъ—объ этомъ нашим читателямъ говорить нечего. Всякій рабочій знаетъ, что ни его, ни его товарищей ни въ какіе такіе присутствія никогда не приглашали. Кто же тамъ засѣдаетъ? Во-первыхъ, губернатор, во-вторыхъ, вице-губернаторъ, въ-третьихъ, прокуроръ окружнаго суда, въ-четвертыхъ, начальникъ губернскаго жандармскаго управленія; далѣе фабричный инспекторъ, предсѣдатель губернской земской управы и городской голова. Наконецъ, туда могутъ приглашаться фабриканты. Неправда ли, настоящій волчій совѣтъ! Излишне доказывать, что такого рода присутствія меньше всего могутъ заботиться о нуждахъ рабочаго. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что всѣ предписанія, которыя они дѣлаютъ фабрикантамъ, напоминаютъ только знаменитый приказъ слона в Крыловской баснѣ:

«По шкуркѣ, так и быть, возьмите;
«А больше их (овецъ) не троньте волоскомъ [1]).

Наконецъ, нужно принять еще во вниманіе число фабричныхъ инспекторовъ. Вѣдь будь у насъ хоть золотые инспектора, но если ихъ будетъ на всю необъятную Россію, напримѣръ, одинъ, то ясно, что толку отъ него не будетъ никакого. Поэтому важно знать сколько у насъ фабричныхъ инспекторовъ, достаточно ли ихъ для того, чтобы услѣдить за всѣми фабриками и заводами. И вотъ оказывается, что фабричныхъ инспекторовъ у насъ далеко не достаточно, что на каждаго изъ нихъ приходится огромное пространство, за которымъ они совершенно не въ состояніи услѣдить. Въ Австріи, напримѣръ, хотя тамъ и больше желѣзныхъ дорогъ и сообщеніе легче, чѣмъ у насъ, на каждаго фабричнаго инспектора приходится въ 10 разъ меньше пространства, чѣмъ въ Россіи. При самомъ сильномъ желаніи русскимъ фабричнымъ инспекторамъ было бы очень трудно вни-

---

[1]) Басня «Слонъ на воеводствѣ». Однажды слона назначили на воеводство въ лѣсу надъ звѣрями. Вотъ къ нему поступаетъ жалоба отъ овецъ, что волки совсѣмъ сдираютъ съ нихъ кожу. Возмущенный такимъ поведеніемъ волковъ, слонъ призвалъ ихъ на судъ. А волки говорятъ: «овцы глупы: всего-то придетъ съ нихъ съ сестры по шкуркѣ снять, да и того имъ жаль отдать». Тогда слонъ, успокоенный этимъ объясненіемъ, и сказалъ вышеприведенные слова.

мательно слѣдить за всѣми фабриками и заводами, которые находятся въ ихъ вѣдѣніи. А когда у фабричныхъ инспекторовъ такого желанія нѣтъ, тогда о правильномъ надзорѣ, конечно, и говорить нечего. Вотъ почему не только въ уѣздахъ, но и въ крупныхъ уѣздныхъ городахъ многіе рабочіе не видятъ никогда въ глаза фабричныхъ инспекторовъ.

Таковъ-то надзоръ за исполненіемъ нашихъ фабричныхъ законовъ.

Выше мы сдѣлали предположеніе, что наши фабричные законы не оставляютъ желать ничего лучшего. Теперь мы видимъ, что если бы это и было такъ въ дѣйствительности, то и тогда вся польза этихъ законовъ уничтожалась бы тѣмъ, что за исполненіемъ ихъ некому слѣдить. Фабричные инспектора, которымъ приходится надзирать за огромнымъ пространствомъ,—фабричные инспектора, не имѣющіе понятія о жизни и нуждахъ рабочихъ, набранные изъ прихвостней богатыхъ, находящіяся подъ постояннымъ давленіемъ министерскихъ предписаній, которыя ставятъ имъ въ обязанность ограждать капиталистовъ отъ притязаній рабочихъ,—фабричные инспектора, подчиненные фабричнымъ Присутствіямъ, гдѣ непремѣннымъ членомъ состоитъ, между прочимъ, такой другъ рабочихъ, какъ начальникъ жандармовъ,—такіе фабричные инспектора, если и могутъ за чѣмъ-нибудь слѣдить, такъ это только за неисполненіемъ полезныхъ для рабочихъ законовъ. Если мы будемъ смотрѣть на всѣ наши фабричные законы, какъ на уступку со стороны правительства, которая имѣетъ цѣлью улучшить положеніе рабочихъ и тѣмъ успокоить ихъ, то мы можемъ сказать, что правительство совершенно уничтожило пользу этой уступки, учредивъ такой фабричный надзоръ, какъ наши фабричные инспектора и наши присутствія по фабричнымъ дѣламъ. И слѣдовательно, мы были правы, говоря, что оно одной рукой даетъ, а другой отнимаетъ.

Глава третья.

Еще болѣе мы въ этомъ убѣдимся, когда перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ фабричныхъ законовъ. Возьмите законъ о найме рабочихъ (Уставъ о промышленности, ст. 86—106). Вотъ, напр., ст. 95 гласитъ: «При наймѣ на

срокъ неопредѣленный, каждая изъ договаривающихся сторонъ, можетъ отказаться отъ договора, предупредивъ другую сторону о своемъ намѣреніи за двѣ недѣли раньше». Повидимому полезный для рабочихъ законъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ запрещаетъ хозяину выбрасывать рабочихъ на улицу безъ всякаго предупрежденія и неожиданнымъ отказомъ оставлять ихъ безъ хлѣба. Законъ обязываетъ хозяина дать рабочему двухнедельный срокъ для пріисканія мѣста. Такимъ образомъ 95 статья даетъ нѣкоторое облегченіе рабочему.

Но правительство боится, какъ бы такое облегченіе не стѣснило слишкомъ фабрикантовъ, и вотъ оно въ 105 ст. спѣшитъ отнять назадъ то, что дало в 95. В 105 ст. перечисляются случаи, когда завѣдывающій фабрикой или заводомъ имѣетъ право расторгнуть договоръ (т.-е. разсчитать рабочаго) безъ предупрежденія. Оказывается, что это право дается хозяину, если робочій не явится на работу болѣе трехъ дней сряду безъ уважительныхъ причинъ. Но мало ли есть причинъ, которые для рабочаго очень уважительны, а хозяину покажутся неуважительными? Что бы ни случилось съ рабочимъ, какая бы причина не помѣшала ему явиться на работу, хозяинъ, — если только рабочій не нуженъ ему, — всегда можетъ назвать ее неуважительной и выгнать рабочего. Конечно, рабочій можетъ жаловаться въ судъ, но на судѣ не хозяину придется доказывать, что онъ имелъ право расторгнуть договоръ, а рабочему придется доказывать что причина, помѣшавшая ему явиться на работу, была достаточно уважительна. А такую вещь не всегда легко доказать. Нужно доставлять всякія удостовѣренія, искать свидѣтелей. На все это нужно и время и деньги. До этого ли рабочему, неожиданно оставшемуся съ семьей безъ хлѣба?

Другой случай, когда согласно 105 ст. хозяинъ имѣетъ право разсчитать рабочаго безъ предупрежденія, это — дерзость или дурное поведение со стороны рабочаго. Этотъ пунктъ 105 ст. даетъ хозяину полную возможность обходить 95 ст. Въ самом дѣлѣ, чего только нельзя назвать дерзкимъ поведеніем. Одно какое-нибудь возраженіе со стороны рабочаго достаточно, чтобы хозяинъ придрался къ нему: «а, такъ ты дерзости говоришь, ступай вонъ!» Поди потомъ доказывай на судѣ, что ты не сказалъ дерзости! Однимъ

словомъ, если хозяину захочется уволить рабочаго немедленно безъ всякихъ предупрежденій, то онъ, благодаря 105 ст., всегда можетъ найти для этого возможность. Ну, а если рабочему нужно по какой-нибудь причинѣ неожиданно уйти отъ хозяина, имѣетъ ли онъ на это право? Вѣдь такихъ случаевъ можетъ быть много. Напримѣръ, у рабочаго умеръ или заболѣлъ близкій родственникъ или другъ, сгорѣло имущество, взяли въ солдаты кого-нибудь изъ членовъ семьи, и рабочій хочетъ проститься съ ними. Можетъ ли рабочій въ такихъ случаяхъ уйти съ фабрики? Наконецъ, можетъ ли онъ уйти, вслѣдствіе дерзкого обращенія со стороны фабричного начальства? Нѣтъ, рабочій никогда, ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права самовольно расторгнуть договоръ, онъ можетъ только требовать расторженія, т.-е. подать въ судъ прошеніе объ этомъ и дожидаться, пока судъ разрешитъ ему оставить фабрику. Заболѣвшій родственникъ успѣетъ умереть, умершій истлѣетъ въ землѣ, на мѣстѣ пожара выростетъ трава, а хозяинъ, оскорбившій рабочаго, успѣетъ десять разъ оскорбить его снова, пока придетъ желанное разрѣшеніе суда.

Теперь посмотримъ, какое наказаніе полагается фабриканту или рабочему за нарушеніе 95 статьи. Чемъ наказываютъ фабриканта, если на судѣ будетъ доказано, что онъ не имѣлъ права уволить рабочаго безъ предупрежденія? Фабрикантъ въ такомъ случаѣ несетъ «имущественную ответственность», т.-е. отвѣчаетъ своимъ имуществомъ, платитъ штрафъ до 50 р. Наоборотъ, в случаѣ самовольного ухода рабочаго, т.-е. ухода безъ разрѣшенія суда, рабочій подвергается «личной» отвѣтственности, отвѣчаетъ не своимъ имуществомъ, а своею личностью, подвергается не штрафу, а аресту. Нарушеніе одного и того же закона влечетъ для рабочаго гораздо бо̀льшее наказаніе, чѣм для фабриканта. Самовольный уходъ рабочаго считается уголовнымъ преступленіемъ, т.-е. преступленіемъ не противъ того фабриканта, отъ котораго рабочій ушелъ, а противъ всего государства. Поэтому, хотя бы фабрикантъ и простилъ рабочаго, но государство, т.-е. правительство, его не оставитъ безъ наказанія и посадитъ подъ арестъ. И такіе случаи происходятъ сплошь и рядомъ. Вотъ, что, напримеръ, пишетъ го-

родской судья Иваново-Вознесенска [1]): ткачиха Максимова была привлечена къ суду за самовольный уходъ съ фабрики. На суде она показала, что ушла вследствіе беременности и головокруженія. Ввиду такого объясненія фабрикантъ отказался отъ обвиненія, но судья не имѣлъ права окончить дѣло миромъ и долженъ былъ подвергнуть Максимову аресту. Таковы-то наши фабричные законы. Больная работница ушла с фабрики, не имѣя возможности предупредить объ этомъ за двѣ недѣли. Даже каменное сердце фабриканта смягчилось, когда онъ узналъ истинную причину ухода. Но правительство не знаетъ жалости къ рабочимъ. Даже больные и то должны работать!

Послѣ всего сказанного не нужно, конечно, дальнѣйшихъ доказательствъ въ пользу того, что 95 ст., на первый взглядъ улучшающая положеніе рабочихъ, на самомъ дѣлѣ уничтожается другими постановленіями, следующими за ней.

Глава четвертая.

Обратимся теперь къ нашимъ законамъ «о работѣ малолѣтнихъ подростковъ и женщинъ» (ст. 107—126). Прежде всего нужно замѣтить, что всякій законъ, ограничивающій женскій и дѣтскій трудъ, имѣетъ очень большое значеніе для рабочихъ. Чѣмъ больше развивается промышленность, чѣмъ крупнѣе становятся фабрики и заводы, чѣмъ болѣе совершенствуются машины, тѣмъ все больше и больше открывается возможность для фабрикантовъ замѣнять трудъ взрослыхъ рабочихъ—трудомъ женщинъ и дѣтей. Когда отъ рабочихъ требовались сила, искусство, навыкъ, тогда ихъ нельзя было замѣнить ни дѣтьми, ни женщинами. Но когда все стало приводиться въ движеніе силами природы—водой, паромъ, электричествомъ, — тогда сила человѣка сдѣлалась лишней, когда появились самые тонкіе и сложные инструменты и машины, которые сами режутъ, пилятъ, точатъ, ткутъ, прядутъ,—тогда ловкость и умѣнье рабочаго потеряли свое значеніе. Такимъ образомъ взрослый рабочій со

[1]) Къ вопросу о самовольномъ уходѣ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Докладъ на всероссийскомъ торгово-промышленномъ съѣзде 1896 г. въ Нижнемъ-Новгороде.

своею силою, умѣньемъ, опытностью сдѣлался лишнимъ для промышленности. Его стали замѣнять дѣтьми и женщинами, которымъ можно платить гораздо меньше. Фабриканту нѣтъ дѣла до того, что эта замѣна оказывается гибельной для рабочего класса; что тысячи взрослыхъ и здоровыхъ мужчинъ остаются безъ работы или должны работать за невозможно низкую плату, что семья рабочаго, лишенная матери и хозяйки, разрушается, что дѣти его выростаютъ безъ призора и ухода; что не выйдя еще изъ дѣтскаго возраста они должны идти на фабрику, гдѣ ихъ неокрѣпшее здоровье гибнетъ отъ духоты, пыли, жары и непосильнаго труда,—что фабриканту за дѣло до всего этого? Ему нужно добыть прибыль, а сколько при этомъ погибнетъ человѣческаго счастья, здоровья и жизни—это его не касается [1]).

И вотъ—во всѣхъ странахъ, когда начала развиваться промышленность, начиналась и страшная эксплоатація дѣтей и женщинъ. Въ Англіи, напримѣръ, въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія фабриканты употребляли 7-ми, 6-ти и даже 5-лѣтнихъ дѣтей для работы въ копяхъ. Эти малютки должны были проводить подъ землею, въ темнотѣ и сырости по 12—14 час. въ сутки. Но борьба англійскихъ рабочихъ положила конецъ этимъ безобразіямъ. Правительство принуждено было издать цѣлый рядъ законовъ, ограничивающихъ трудъ женщинъ и дѣтей. То же имѣло мѣсто и въ другихъ иностранныхъ государствахъ.

Послѣ освобожденія крестьянъ въ 1861 г. у насъ, въ Россіи, начала также быстро развиваться промышленность. Появились громадные фабрики и заводы, стали вводиться самыя усовершенствованныя машины, а вмѣстѣ съ тѣмъ началось вытѣсненіе взрослыхъ рабочихъ женщинами и дѣтьми. Русскіе рабочіе отвѣтили на это волненіями и стачками, которыя не разъ сопровождались разрушеніемъ машинъ и разореніемъ фабрикъ. Много времени прошло, пока русское правительство издало законъ объ ограниченіи труда женщинъ и дѣтей; много успѣло вырасти хилыхъ и больныхъ рабочихъ, еще больше ихъ умерло, не достигнувъ зрѣлаго возраста. Только въ 1882 году появились, наконецъ, законы о работѣ малолѣтнихъ подростковъ и женщинъ. Посмо-

[1]) Подробнѣе о вліяніи машинъ, см. въ книжечкѣ *Д. Кольцова* «Машина».

тримъ же, каковы эти законы, насколько они защищаютъ дѣтей и женщинъ отъ эксплуатаціи фабрикантовъ.

Въ существенныхъ чертахъ эти законы состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Дѣти, не достигшія 12-ти лѣтъ, къ работамъ не допускаются (ст. 108).

2) Малолѣтніе въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ не могутъ быть занимаемы болѣе 8 час. въ сутки (чистая работа). При этомъ работа не должна продолжаться долѣе 4 час. сряду (ст. 109).

3) Малолѣтніе до 15 лѣтъ не могутъ быть занимаемы ночною работою (отъ 9 вечера до 5 часовъ утра), а также работою въ воскресные и праздничные дни (ст. 110).

4) Малолѣтки до 15 лѣтъ не могутъ быть занимаемы въ нѣкоторыхъ особо вредныхъ для здоровья производствахъ (ст. 111).

5) Подростки въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ и женщины не могутъ быть занимаемы ночною работою въ тѣхъ фабрикахъ, гдѣ обрабатывается хлопокъ, ленъ и шерсть (ст. 122).

Вотъ и всѣ ограниченія женскаго и дѣтскаго труда, которыя имѣются въ нашихъ законахъ. Не правда ли, не очень много? Дѣти 12 лѣтъ могутъ работать по 8 час. въ сутки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, то такая работа дѣйствуетъ разрушительно на ихъ здоровье. Кромѣ того, отработавъ 8 час., они не имѣютъ ни времени ни силъ для школьныхъ занятій. Слабое здоровье и невѣжество — вотъ удѣлъ, который ждетъ дѣтей рабочихъ въ будущемъ. Далѣе, законъ совершенно не ограничиваетъ дневного труда подростковъ и женщинъ. Мальчика въ 16 лѣтъ фабрикантъ имѣетъ право заставлять работать отъ 5 утра до 9 вечера, т.-е. 16 час.! Столько же можетъ работать и женщина. Много ли пользы семьѣ рабочаго отъ закона, который позволяетъ матери и хозяйкѣ работать на фабрикѣ по 16 час. въ сутки? Когда ей смотрѣть за хозяйствомъ, когда заботиться о дѣтяхъ? И какихъ дѣтей можетъ родить женщина, изнуряющая себя такимъ непосильнымъ трудомъ? О школахъ для обученія дѣтей, работающихъ на фабрикахъ имѣется нѣсколько статей (112—119), въ которыхъ хозяевамъ рекомендуется (именно рекомендуется, а не приказывается) открывать школы.

Но если хозяева не исполняютъ того, что имъ прямо предписывается закономъ, то будутъ ли они обращать вниманіе на его рекомендаціи?

Однако, какъ ни мало то, что заключается въ законѣ, было бы еще хорошо, если бы правительство и на этотъ разъ, какъ и всегда, не постаралось изъ боязни слишкомъ обидѣть фабрикантовъ,—урѣзать этотъ законъ, внеся въ него такія статьи, примѣчанія и дополненія, которыя, если не совсѣмъ, то на добрую половину уничтожаютъ его значеніе.

109 ст. устанавливаетъ 8-часов. день для малолѣтнихъ рабочихъ. Но къ ней имѣется примѣчаніе, въ которомъ разрѣшается работать и 9 час. на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ работаютъ двумя смѣнами по 9 час. Значитъ въ этомъ случаѣ малолѣтніе могутъ работать столько же, сколько и взрослые. Ст. 110 запрещаетъ малолѣтнимъ ночную работу, но въ примѣчаніи къ ней уже дѣлается исключеніе: въ стеклянномъ производствѣ ночная работа допускается.

Та же статья (110) запрещаетъ малолѣтнимъ работу въ воскресные и праздничные дни. Но фабричные присутствія имѣютъ право разрѣшать такую работу, если и взрослые рабочіе работаютъ въ воскресенье и праздники. Ночной трудъ женщинъ и подростковъ воспрещенъ на нѣкоторыхъ производствахъ. Но, во-первыхъ, ночь, по понятіямъ правительства, кончается въ 5 часовъ утра, такъ что съ того времени работа женщинъ и дѣтей уже разрѣшается. Во-вторыхъ, тѣ же присутствія по фабричнымъ дѣламъ имѣютъ право разрѣшать ее, правда, въ особо важныхъ случаяхъ. Но къ числу такихъ особо важныхъ случаевъ относится «накопленіе заказовъ передъ ярмарками»! Само собою разумѣется, что если у фабриканта не накоплено заказовъ, то онъ не будетъ нуждаться въ ночной работѣ не только подростковъ и женщинъ, но и взрослыхъ рабочихъ. Наконецъ, ночныя работы подростковъ и женщинъ разрѣшаются, «если означенныя работы исполняются ими одновременно и совмѣстно съ главами ихъ семействъ». Вы удивляетесь, какая разница работаетъ ли женщина одновременно со своимъ отцомъ или мужемъ, или нѣтъ? Развѣ не одинаково ей приходится оставлять домъ и дѣтей на произволъ судьбы, разве не такъ же вредно отзывается на ея здоровьѣ ночная работа? Но видите ли

въ чемъ дѣло: правительство заботится о нравственности рабочихъ. Въ объяснении къ закону сказано: «разрѣшеніе ночныхъ работъ женщинъ и подростковъ... допущено въ видахъ «огражденія добрыхъ нравственныхъ основъ семейной жизни, которые могутъ быть поколеблены при разобщеніи на ночное время родителей съ дѣтьми и женъ съ мужьями». Безстыдство этихъ словъ бросается въ глаза само собой. Думать только объ интересахъ капиталистовъ, отдавать имъ въ жертву здоровье дѣтей и женщинъ, разрушать семьи рабочихъ и при этомъ притворяться, что заботится о нравственности рабочихъ — что можетъ быть безстыднѣе этого?

Такимъ образомъ мы видимъ, что законы «о работѣ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ», какъ и всѣ другіе наши фабричные законы, не вносятъ существенныхъ облегченій въ жизни рабочаго.

Чтобы покончить съ нашимъ бѣглымъ обзоромъ русскихъ фабричныхъ законовъ, намъ слѣдовало бы разсмотрѣть еще законы о штрафахъ и показать, что и въ нихъ правительство одной рукой даетъ, а другой отнимаетъ. Но о штрафахъ мы говорить не будемъ, а отошлемъ читателя къ книжечкѣ: «Разъясненіе закона о штрафахъ», гдѣ онъ найдетъ много доказательствъ тому, что мы выше сказали.

Глава пятая.

Все то, что мы говорили до сихъ поръ, должно было убѣдить нашихъ читателей въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, что фабричные законы вводятся правительствомъ съ цѣлью потушить рабочее движеніе, что они составляютъ не болѣе какъ уступку грозной силѣ борющихся рабочихъ. И во-вторыхъ, что правительство старается изо всѣхъ силъ сдѣлать эту уступку как можно менѣе полезной для рабочихъ и какъ можно менѣе вредной для фабрикантовъ. Какъ непріятель во время войны, уступая врагу какую-нибудь частицу земли, старается сжечь и уничтожить на ней все полезное, такъ и русское правительство, вынужденное сдѣлать рабочимъ извѣстныя уступки, старается по возможности свести ихъ пользу и значеніе для рабочихъ къ нулю. Рабочій, понявши все это, не будетъ вѣрить никакимъ розсказнямъ о благо-

дѣяніяхъ и заботахъ правительства по отношенію къ рабочимъ. Ко всякому новому благодѣянію правительства, ко всякому новому проявленію его заботъ, онъ отнесется съ недовѣріемъ, и сколько бы правительство не оказывало такихъ благодѣяній, онъ не перестанетъ считать его врагомъ рабочихъ.

Съ такимъ же точно недовѣріемъ долженъ отнестись всякій русскій рабочій и къ новому закону объ ограниченіи рабочаго дня на фабрикахъ и заводахъ. Этотъ законъ не составляетъ исключенія изъ всѣхъ прежнихъ нашихъ фабричныхъ законовъ. Такъ же, какъ и всѣ остальные, новый законъ введенъ правительствомъ не изъ искренняго желанія добра рабочимъ, а вслѣдствіе горькой необходимости сдѣлать имъ уступку. Такъ же, какъ и всѣ другіе законы, онъ не полонъ, общипанъ и обдерганъ со всѣхъ сторонъ; какъ и другіе, онъ состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ одна уничтожаетъ. Наконецъ, какъ и всѣ остальные законы, новый законъ не можетъ удовлетворить русскихъ рабочихъ.

Разсмотримъ же подробно новый законъ, чтобы убѣдиться, насколько это справедливо.

Законъ 2 іюня 1897 года объ ограниченіи рабочаго дня на фабрикахъ и заводахъ заключается въ слѣдующемъ. Прежде всего рабочій день взрослыхъ рабочихъ ограничивается $11^1/_2$ часами чистой работы, т.-е. не считая времени на завтракъ, обѣдъ и проч. Во-вторыхъ, въ субботы и кануны праздниковъ работа сокращается до 10 час. Въ-третьихъ, ночная работа ограничивается 10-ю часами. Наконецъ, воспрещается работа въ воскресные и праздничные дни.

Не нужно, конечно, долго доказывать, насколько полезны для рабочихъ подобныя ограниченія. Можно смѣло сказать, что слишкомъ длинный рабочій день, слишкомъ изнурительная работа является самымъ страшнымъ зломъ въ жизни рабочаго. Все, чѣмъ горька и тяжела эта жизнь, все, что дѣлаетъ ее безпросвѣтной, все это прямо или косвенно связано съ тѣмъ зломъ, которое причиняетъ рабочему слишкомъ длинный рабочій день. Болезни, ранняя старость, преждевременная смерть, умственное отупѣніе, невѣжество, грубость — все это результаты чрезмѣрной работы. Трудно сохранить человѣческій образъ, когда живешь на подобіе животнаго,

когда съ утра до ночи, отъ колыбели до смерти работаешь безъ конца. Трудно при такихъ условіяхъ выбиться рабочему изъ окружающей его темноты, трудно пріобрѣсти какія-нибудь знанія, трудно сговориться и объединиться со своими товарищами. А безъ знаній, безъ объединенія, невозможна борьба, а безъ борьбы невозможно улучшеніе положенія рабочаго. Наконецъ, длинный рабочій день оказываетъ самое пагубное вліяніе на заработную плату. Чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ заработная плата ниже. Рабочій, которому приходится это слышать въ первый разъ, обыкновенно не вѣритъ этому. Онъ привыкъ думать и слышать обратное, а именно, что чѣмъ больше рабочій работаетъ, тѣмъ больше онъ получаетъ. Но спросите себя, кто больше получаетъ: слесарь на механическомъ заводѣ или, напримѣръ, ткачъ. Первый получаетъ больше, хотя работаетъ обыкновенно меньше. Возьмите далѣе въ одномъ и томъ же производствѣ, хотя бы въ механическомъ, крупную фабрику и мелкую мастерскую. В послѣдней рабочій день длиннѣе, а заработная плата ниже. Сравните, наконецъ, разныя страны между собой — и вы увидите, что тамъ, гдѣ рабочій день больше, тамъ и плата ниже, да иначе и быть не можетъ.

Чѣмъ рабочій день длиннѣе, тѣм тупѣе и забитѣе рабочіе, тѣмъ меньше между ними единодушія и объединенія — тѣмъ, значитъ, больше ихъ можно притѣснять и тѣмъ меньшую плату соглашаются они получать. И, наоборотъ, чѣмъ больше сокращается ихъ рабочій день, тѣмъ они становятся развитѣе, тѣмъ больше развиваются ихъ потребности и тѣмъ большую плату требуютъ они себѣ за работу. И другимъ еще путемъ чрезмѣрно длинный рабочій день вліяетъ па сокращеніе заработной платы.

Если, напримѣръ, двое работаютъ такъ много, что дѣлаютъ за троихъ, то ясно, что этотъ третій останется безъ работы и своею конкуренціею будетъ понижать плату тѣхъ которые работаютъ [1]).

До сихъ поръ у насъ въ Россіи рабочій день взрослыхъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ былъ совершенно неограниченъ. Хозяева заставляли рабочихъ работать столько, сколько могли. А благодаря тому, что русскій рабочій еще

---

[1]) Подробно объ этомъ см. книжечку «Рабочій день».

мало развитъ, мало понимаетъ свои интересы, не умѣетъ еще твердо и постоянно защищать себя отъ притѣсненій—благодаря этому русскіе капиталисты могли удлинять рабочій день до очень значительныхъ размѣровъ.

Ни одна заграничная страна не знаетъ такого длиннаго рабочаго дня, какой существуетъ у насъ. И поэтому ни въ одной странѣ не велики такъ бѣдствія рабочаго класса, какъ въ Россіи. Всѣ тѣ гибельныя послѣдствія, которыя влечетъ за собой чрезмѣрно длинная изнурительная работа—усиленная болѣзненность и смертность, невежество, умственная неразвитость и нравственное огрубѣніе, наконецъ, чрезвычайно низкая заработная плата—все это на русскомъ рабочемъ проявляется съ особенной силой.

Насколько велики бѣдствія отъ длинного рабочаго дня, настолько, конечно, благодѣтельно его сокращеніе. Уменьшеніе болѣзненности и смертности въ рабочей средѣ, подъемъ умственного развитія рабочихъ, ростъ ихъ сплоченности и объединенія, повышеніе заработной платы, короче—постепенное превращеніе рабочаго изъ вьючнаго животнаго въ человѣка,—вотъ послѣдствія отъ сокращенія рабочаго дня. Вотъ почему настолько полезенъ для рабочихъ законъ объ ограниченіи рабочаго дня. Но чѣмъ полезнѣе какой-нибудь законъ, издаваемый правительствомъ, тѣмъ болѣе недовѣрія долженъ онъ возбуждать. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, черезъ чьи руки прошелъ новый законъ, прежде чѣмъ появиться на свѣтъ Божій и вы увидите, насколько такое недовѣріе основательно. Новый законъ нѣсколько мѣсяцевъ разсматривался въ комиссіи, которая состояла изъ важныхъ чиновниковъ и фабрикантовъ и въ которой предсѣдательствовалъ самъ министръ финансовъ г. Витте. Потомъ этотъ законъ поступилъ въ государственный совѣтъ и тамъ его обсуждали всѣ министры и важнѣйшіе русскіе чиновники. Наконецъ, из государственного совѣта законъ поступилъ на высочайшее утвержденіе и самъ императоръ всероссійскій, самодержецъ Николай II подписалъ его. Итакъ, вотъ черезъ какіе руки прошелъ новый законъ, вотъ кто такіе благодѣтели, заботящіеся о благѣ русскихъ рабочихъ. Фабриканты, министры, чиновники, государь—это все старые знакомые, которыхъ уже русскій рабочій знаетъ и которымъ онъ уже научился не довѣрять. Фабриканты—это тѣ самые фабриканты, которые

безжалостно высасываютъ изъ рабочихъ соки, которые своими машинами калѣчатъ и отправляютъ на тотъ свѣтъ ежедневно тысячи рабочихъ, которые при малѣйшемъ требованіи съ нашей стороны зовутъ войско, полицію, хлопочутъ объ арестѣ и высылкѣ безпокойныхъ рабочихъ, которые рука объ руку съ жандармами наполняютъ фабрики шпіонами и выслѣживаютъ насъ какъ воровъ! Это они то наши исконные, непримиримые враги стали заботиться о нашемъ счастьи! Или чиновники, которые смотрятъ на весь рабочій народъ, какъ на низшее племя людей, которое достойно лишь кнута и ежевых рукавицъ? Или министры — и особенно министръ финансовъ г. Витте. Мы уже знаемъ какие благодѣтельныя предписанія давалъ онъ фабричнымъ инспекторамъ, какъ онъ училъ ихъ защищать фабрикантовъ отъ рабочихъ. Не онъ ли во время лѣтней петербургской стачки запретилъ фабрикантамъ дѣлать какія бы то ни было уступки рабочимъ, обѣщая выплатить убытки изъ казны [1]). А государь императоръ! Вѣдь это онъ объявилъ въ 1895 году свое царское спасибо солдатамъ, стрѣлявшимъ въ рабочихъ во время стачки въ Ярославлѣ, когда были убиты 1 рабочій, 1 женщина и 1 ребенокъ и когда 18 рабочихъ было ранено.

Неужели же всѣ эти господа, принесшіе столько зла рабочимъ, способны сдѣлать какое-нибудь благодѣяніе рабочимъ? Нѣтъ, такое благодѣяніе можетъ быть только вынужденнымъ. Очевидно, какая-то сила заставила ихъ смѣнить внезапно свой гнѣвъ на милость и отъ преслѣдованій и крутыхъ мѣръ, перейти вдругъ къ изданію благодѣтельныхъ законовъ.

И читатель, конечно, понимаетъ какая это сила. Это все тотъ же страхъ передъ русскимъ рабочимъ движеніемъ, о которомъ мы говорили въ началѣ, все та же боязнь, что при помощи штыковъ и тюремъ не только не остановишь рабочаго движенія, но, пожалуй, еще усилишь его, прививъ рабочимъ мысль о политической свободѣ. Особенно испугали правительство двѣ послѣднія петербургскія стачки (въ іюнѣ 1896 года и въ январѣ 1897 г.). Никогда еще въ России не было такихъ громадныхъ стачекъ: въ первой стачкѣ уча-

---

[1]) О благодѣтельныхъ предписаніяхъ мин. внутр. дѣлъ Горемыкина, см. книжечку «Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ».

ствовало 300 тысячъ чел. Но что особенно важно,—никогда еще рабочіе не вели себя такъ умѣло, не проявляли столько стойкости, единодушія и смѣлости. Фабричной инспекціи и полиціи приходилось не разъ слышать такіе отвѣты со стороны рабочихъ, которые показывали, что рабочіе уже давно перестали видѣть все зло только въ своихъ хозяевахъ, что многіе изъ нихъ уже ясно представляютъ себѣ всѣ бѣдствія, которыя причиняютъ рабочимъ правительство — однимъ словомъ, что въ средѣ рабочихъ распространяется враждебное отношеніе къ правительству и зрѣетъ готовность вступить съ нимъ въ борьбу.

Но вотъ первая стачка прекратилась. Частью аресты, высылки и всякаго рода насилія, частью голодъ и лишенія, связанныя съ безработицей, частью обѣщанія, данныя правительствомъ заставили рабочихъ взяться снова за работу. Правительство хотя и вздохнуло свободно, но все-таки поняло, что нужно сдѣлать уступку рабочимъ, чтобы не вызвать снова такой страшной стачки. Такъ какъ главное требованіе рабочихъ было сокращеніе рабочаго дня, то правительство и стало разбирать вопросъ о подобномъ сокращеніи. Но тяжело дѣлать уступки своимъ врагамъ. Вяло и неохотно взялось правительство за этотъ вопросъ. То одного, то другого фабриканта приглашали въ министерство для совѣщанія о томъ, насколько можно сократить рабочій день, безъ замѣтнаго ущерба для фабрикантовъ. Но отъ этих совѣщаній дѣло мало подвигалось впередъ. Петербургскимъ рабочимъ надоѣло ждать. 2 января 1897 г. вспыхнула новая стачка, въ которой приняло участіе 18.000 человѣкъ. Опять главное требованіе рабочихъ было сокращеніе рабочаго дня до $10^1/_2$ час. Тутъ правительство испугалось уже не на шутку. Какъ, въ Петербургѣ, въ сердцѣ Россіи, подъ самымъ носомъ у царя, въ городѣ, гдѣ на каждаго жителя приходится по шпіону и по десятку штыковъ—въ Петербургѣ рабочій классъ настолько возбужденъ и настолько сознателенъ, что можетъ устраивать одну стачку за другой, несмотря ни на какія преслѣдованія! Кто поручится, что все рабочее населеніе Петербурга не возстанетъ въ одинъ прекрасный день и не потребуетъ себѣ политическихъ правъ—свободы союзовъ, собраній, свободы слова, участія въ управленіи государствомъ? Кто поручится, что рабочее населеніе другихъ городовъ Рос-

сіи не откликнется на призывъ Петербургскихъ рабочихъ и не поддержитъ ихъ? Устоитъ ли тогда самодержавное правительство, справится ли оно съ этой народной волной, не смоетъ ли его эта волна съ лица земли? Нѣтъ, шутить съ огнемъ опасно! И правительство поторопилось дать рабочимъ оффиціальное обѣщаніе, что съ 16 апрѣля оно введетъ сокращенный рабочій день. Вы спросите, почему же именно съ 16 апрѣля, а не въ другой какой-нибудь срокъ? А потому, что 19 апрѣля (по заграничному календарю—1 мая) рабочіе всего міра празднуютъ великій праздникъ рабочихъ. Правительство боялось въ этотъ день новыхъ волненій со стороны рабочихъ и введеніемъ сокращеннаго рабочаго дня, наканунѣ майскаго праздника, думало успокоить рабочихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, назначеніемъ этого срока оно выдало себя, еще разъ показавъ рабочимъ, какъ оно боится всякихъ волненій съ ихъ стороны.

И вторая петербургская стачка прекратилась. Правительство не осмѣлилось нарушить своего обѣщанія и съ 16 апрѣля ввело во всѣхъ петербургских фабрикахъ $11^1/_2$-часовой рабочій день.

Но вѣдь въ Россіи не одинъ только городъ Петербургъ, и не одни петербургскіе рабочіе устраивали стачки и требовали сокращенія рабочаго дня. Петербургскіе рабочіе только наиболѣе развитые изъ русскихъ рабочихъ, а петербургскіе стачки только наиболѣе громадныя. Правительство поняло, что нужно успокоить не только петербургскихъ рабочихъ, но и рабочихъ всей Россіи, что нужно ввести сокращеніе рабочаго дня для всѣхъ, русскихъ рабочихъ. Въ январѣ 1897 г., тотчасъ послѣ стачки, была учреждена упомянутая выше комиссія для выработки закона о сокращеніи рабочаго дня. Русскія комиссіи своею медлительностью вошли въ пословицу. Обыкновенно они вырабатываютъ законы по нѣскольку лѣтъ. Куда имъ торопиться? Члены комиссій получаютъ хорошее жалованіе, а правительство и само не особенно торопится впередъ. Но комиссія для выработки закона о сокращеніи рабочаго дня дѣйствовала съ лихорадочною поспѣшностью. Ко 2 іюня законъ не только былъ выработанъ, но обсужденъ въ государственном совѣтѣ и утвержденъ государемъ. И все это въ какіе нибудь 4 мѣсяца. Очевидно, что-то торопило министровъ, чиновниковъ и фабрикантовъ

ввести поскорѣе благодѣтельный для рабочихъ законъ. Ихъ торопилъ призракъ рабочихъ волненій.

Теперь вы легко поймете кого долженъ благодарить всякій русскій рабочій за новый законъ. Не фабрикантовъ, не правительство, потому что они дали этотъ законъ не добровольно, а принуждены были его дать. Всякій русскій рабочій долженъ благодарить за него своихъ товарищей, которые во всѣхъ концахъ Россіи безпрерывно боролись и наводили своей борьбой страхъ на капиталистовъ и правительство; и особенно онъ долженъ благодарить славныхъ петербургскихъ рабочихъ за то, что они своими двумя огромными стачками нанесли самый сильный ударъ врагамъ рабочихъ и вырвали у нихъ уступку, которую они долго не хотѣли сдѣлать.

Глава шестая.

Итакъ, русское рабочее движеніе заставило правительство сдѣлать новую уступку. Какова же эта уступка? Велико ли будетъ ее значеніе для рабочихъ, много ли пользы принесетъ она имъ? Мы уже выше отвѣтили на этотъ вопросъ. Мы уже сказали, что правительство старалось всѣми способами урѣзать новый законъ и свести его пользу къ нулю.

Прежде всего вводимое новымъ закономъ сокращеніе рабочаго дня совершенно ничтожно. Правда, у насъ есть фабрики, гдѣ работаютъ по 16, 17 и даже 18 час.; тамъ рабочій день сократится на 4, 5, 6 час. въ сутки. Такое сокращеніе, конечно, нельзя назвать ничтожнымъ. Но зато у насъ есть много фабрикъ, гдѣ рабочій день продолжается 12—13 час. Тутъ сокращеніе рабочаго дня будетъ равняться всего $1/2$ и 1 часу. Наконецъ не мало у насъ фабрикъ, гдѣ работа продолжается еще менѣе, чѣмъ устанавливается закономъ. На многихъ фабрикахъ работаютъ $11\,1/2$ час., 11 и даже 10 час. Здѣсь новый законъ не только не принесетъ пользы рабочимъ, но фабриканты еще могут удлинить рабочій день, чтобы достигнуть предѣловъ, устанавливаемыхъ закономъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что новый законъ, будетъ имѣть неодинаковое значеніе для всѣхъ русскихъ рабочихъ. Для одной части рабочихъ онъ вводитъ значительное сокращеніе рабочаго дня, для другой сокращеніе

будетъ ничтожно. Наконецъ, есть третья часть, которой отъ новаго закона вовсе не будетъ ни тепло, ни холодно. Спрашивается, какъ же велики каждая изъ этихъ частей, сколько рабочихъ въ Россіи почувствуетъ пользу отъ новаго закона и сколько совершенно не почувствуетъ никакой пользы? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ нужно имѣть свѣдѣнія о томъ, какова длина рабочаго дня на русскихъ фабрикахъ. Оказывается, что въ среднемъ изъ каждыхъ ста русскихъ рабочихъ:

34	работаютъ	не болѣе 11 час.
46	»	болѣе 11, но не болѣе 12 час.
20	»	болѣе 12 час.

Другими словами треть (34 на сто) всѣхъ русскихъ фабричныхъ рабочихъ работаетъ менѣе, чѣмъ устанавливается новымъ закономъ. Значитъ, для цѣлой трети этотъ законъ не имѣетъ ровно никакого значенія.

Далѣе почти половина (46 на сто) работаютъ не болѣе 12 час., такъ что самое большее, что имъ можетъ дать новый законъ, — это сокращеніе рабочаго дня на полчаса. И, наконецъ, только для пятой части (20 на сто) — сокращеніе будетъ болѣе чѣмъ на полчаса, на 1, 2, 3 час. и т. д. Забудемъ на время, каковы наши фабричные инспектора, какъ они слѣдятъ за исполненіемъ законовъ; не будемъ пока говорить и о тѣхъ лазейкахъ, которыя имѣются въ законѣ, о той его части, гдѣ правительство о т н и м а е т ъ.

Допустимъ, что новый законъ будетъ исполняться со всею строгостью, что фабрикантамъ не будетъ никакой возможности обходить его. И что же? Даже въ такомъ случаѣ только п я т а я ч а с т ь всѣхъ русскихъ рабочихъ почувствуетъ сколько-нибудь замѣтное облегченіе отъ новаго закона. А остальныя четыре пятыхъ будутъ тратить свое здоровье и силу столько же, сколько и раньше. Посмотримъ далѣе, какъ велико то облегченіе, которое распространяется на одну пятую нашихъ товарищей. Согласно новому закону, имъ придется работать $11^1/_2$ час. Если прибавить сюда полтора часа, которые полагаются на обѣдъ и хоть часъ на ходьбу на фабрику и съ фабрики — то выйдетъ, что они каждыя сутки будутъ жертвовать фабрикѣ 14 час. Что же остается для себя? 10 час. — это на все, на сонъ,

на отдыхъ, на ѣду, на чтеніе и пр. Это, конечно, слишкомъ мало. Заграничные рабочіе требуютъ теперь повсемѣстно 8-часоваго рабочаго дня. Они говорятъ: 8 час. на работу, 8 час. на сонъ и 8 час. на отдыхъ, ѣду, чтеніе, развлеченія, собранія — вотъ какъ должны быть распредѣлены сутки. И въ нѣкоторыхъ странахъ такой рабочій день уже существуетъ. Такъ въ 4—5 штатахъ Сѣверной Америки закономъ установленъ 8-часовой рабочій день. Въ Австраліи рабочіе работаютъ тоже не болѣе 8 час. Многіе горнорабочіе въ Англіи работаютъ даже менѣе 8 час. Но если еще за границей и не вездѣ добились 8-часоваго рабочаго дня, то во всякомъ случаѣ большинство работаетъ тамъ менѣе $11^1/_2$ час. Въ Англіи, напримѣръ, въ среднемъ, рабочій работаетъ въ недѣлю 56 час. Согласно же нашему новому закону русскіе рабочіе будутъ работать въ недѣлю $67^1/_2$ час. (5 дней по $11^1/_2$ час. $= 57^1/_2$ и 10 час. въ субботу, всего $67^1/_2$ час.), т.-е. на $11^1/_2$ час. больше. Въ Америкѣ громадное большинство рабочихъ работаетъ 10 час. въ день и менѣе. Только одна пятидесятая часть рабочихъ работаетъ больше 10 час., т.-е. $10^1/_2$, 11 час. Рабочій же день въ $11^1/_2$-час., покажется американскому рабочему невозможнымъ. А у насъ между тѣмъ это «законный» рабочій день. Наконецъ, $11^1/_2$-час. рабочій день на цѣлый часъ длиннѣе того, что требовали петербургскіе рабочіе во время своихъ стачекъ. А между тѣмъ, выставляя требованія $10^1/_2$ часоваго дня, петербургскіе рабочіе были очень скромны, потому что такой рабочій день отнюдь нельзя назвать короткимъ. Но правительство и это скромное требованіе считало слишкомъ «неумѣреннымъ». Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, дать все, что требуютъ! Можно же урвать хоть одинъ часокъ? Конечно, можно, но что скажутъ на это русскіе рабочіе — это другой вопросъ.

До сихъ поръ мы говорили только о первой части закона — о той, въ которой правительство «даетъ». И мы видѣли, какъ мало то, что оно даетъ, какъ ничтожно облегченіе, вносимое новымъ закономъ въ жизнь рабочаго. Но насъ ждетъ еще другая часть закона, въ которой правительство начинаетъ дѣлать всякія примѣчанія, исключенія, дополненія и пр., которыя всѣ направлены къ тому, чтобы

отнять какъ можно больше изъ того, что оно успѣло дать.

Посмотримъ же, что оно отнимаетъ и что въ концѣ концовъ, остается отъ всего закона. Новый законъ ограничиваетъ длину «рабочаго дня». Но что такое рабочій день? Очевидно, это то время, которое рабочій работаетъ на фабрикѣ. Значитъ, если законъ говоритъ, что рабочій день не можетъ продолжаться долѣе $11^1/_2$ час., то это нужно понимать такимъ образомъ, что хозяинъ не имѣетъ права держать рабочаго на работѣ болѣе $11^1/_2$ час. Это, кажется, очень просто. А если такъ, то значитъ никакая работа послѣ $11^1/_2$ час. не должна быть разрѣшена. Короче мы хотимъ сказать, что законъ о длинѣ рабочаго дня не будетъ имѣть никакого значенія, если разрѣшить работу послѣ свистка, т.-е. сверхурочную работу.

Предположимъ, что вы работали до сихъ поръ отъ 6 час. утра до 10 час. вечера и имѣли 2 часа на обѣдъ и завтракъ. Вашъ рабочій день продолжался, значитъ, 14 час. Теперь по новому закону вашъ рабочій день долженъ продолжаться не болѣе $11^1/_2$ час. Чтобы выполнить предписаніе закона, хозяинъ вашъ долженъ перенести свистокъ съ 10 час. веч. на $7^1/_2$. Онъ такъ и сдѣлаетъ. Но одного этого вѣдь еще мало. Вопросъ въ томъ, уйдете ли вы въ $7^1/_2$ час. домой или останетесь еще работать долѣе. А что если хозяинъ заставитъ васъ послѣ свистка работать еще $2^1/_2$ часа, т.-е. опять до 10 час. Какой толкъ вамъ будетъ отъ новаго закона? Изъ этого примѣра ясно, что для того, чтобы ограничить рабочій день не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности, необходимо воспретить или, по крайней мѣрѣ, ограничить сверхурочную работу. Во всѣхъ странахъ, гдѣ имѣется законъ объ ограниченіи рабочаго дня, вмѣстѣ съ тѣмъ ограничена и сверхурочная работа. Въ Швейцаріи, напримѣръ, гдѣ рабочій день ограниченъ 11 час., сверхурочная работа допускается только съ особаго каждый разъ разрѣшенія мѣстныхъ властей. Но даже съ разрѣшеніемъ она не можетъ продолжаться свыше двухънедѣльнаго срока. За разрѣшеніемъ же о продолженіи сверхурочной работы долѣе этого срока нужно обращаться къ правительству. А швейцарское правительство не то, что наше. Оно не такъ легко дозволяетъ нарушать

полезныя для рабочихъ постановленія. Въ Англіи въ ткацко-прядильной промышленности установлена закономъ рабочая недѣля въ $56^1/_2$ часов. При этомъ сверхурочная работа совершенно воспрещена [1]). Въ другихъ производствахъ, гдѣ также закономъ ограниченъ рабочій день для женщинъ и подростковъ, сверхурочная работа ограничена слѣдующимъ образомъ. Она можетъ продолжаться не болѣе 2 час. въ день, при чемъ такихъ дней съ сверхурочной работой должно быть не болѣе 5 въ недѣлю и не болѣе 48 въ годъ.

Такимъ образомъ англійскій законъ ограничиваетъ сверхурочную работу 96 часами въ годъ. Подобныя постановленія имѣются въ Австріи и во Франціи.

Кромѣ прямого ограниченія числа часовъ сверхурочной работы, правительство можетъ уменьшить зло, происходящее отъ нея и косвеннымъ путемъ. Во-первыхъ, законъ можетъ постановить, чтобы сверхурочная работа оплачивалась обязательно дороже обыкновенной, напр. въ полтора, въ 2 раза. Этого, однако, уже будетъ достаточно, чтобы фабриканты прибѣгали къ сверхурочной работѣ только въ случаѣ крайней необходимости.

Во-вторыхъ, въ тѣхъ производствахъ, гдѣ бываетъ сезонная работа, можетъ быть установленъ отпускъ рабочимъ въ тихое время года, конечно, съ сохраненіемъ платы. Вы, напр., въ продолженіи зимы выбивались изъ силъ, работая ежедневно, кромѣ обыкновенныхъ $11^1/_2$ час., еще 4 — 5 сверхурочныхъ; хозяинъ, благодаря такой каторжной работѣ съ вашей стороны, выполнилъ всѣ заказы и получилъ громадный барышъ. Наступаетъ лѣто, — мертвый сезонъ для вашего производства. Хозяинъ съ набитыми карманами отправляется куда-нибудь на воды, а вы остаетесь безъ работы и, слѣдовательно, безъ хлѣба.

Развѣ не справедливо, чтобы вы въ это время получили хоть часть той лишней прибыли, которую вы доставили хозяину своей сверхурочной работой. Такое предложеніе можетъ показаться русскимъ рабочимъ совершенно несбыточнымъ. Они привыкли не работать только въ двухъ случаяхъ: или

---

[1]) Этотъ законъ распространяется только на женщинъ и подростковъ, но на самомъ дѣлѣ имъ пользуются и мужчины, потому что работа тѣхъ и другихъ настолько связана между собой, что разъ останавливается работа женщинъ, то и мужчины должны прекратить работу.

когда они больны, или когда у нихъ нѣтъ работы, т.-е. когда они голодны. Но быть сытымъ и здоровымъ и не работать хотя бы недѣлю — такое житье имъ даже не снится. А между тѣмъ предложеніе объ отпускѣ вполнѣ серьезно обсуждается англійскими рабочими.

Однимъ словомъ, есть достаточно способовъ ограничить сверхурочную работу и уменьшить причиняемое ею зло. Спрашивается, что же сдѣлало наше правительство въ этомъ отношеніи?

Въ самомъ законѣ 2-го іюня по поводу сверхурочной работы было сказано только то, что она допускается «не иначе какъ по особому соглашенію съ рабочими». Это было такой злой насмѣшкой надъ рабочими, такимъ откровеннымъ издѣвательствомъ надъ ними, что правительство, очевидно, само испугалось своей откровенности. Въ самомъ дѣлѣ, что такое «особое соглашеніе»? Напримѣръ, если хозяинъ скажетъ рабочему: «работай 4 часа послѣ свистка, а иначе убирайся къ черту», — то это тоже будет соглашеніе, потому что рабочій принужденъ будетъ «согласиться». Но такіе «особые соглашенія» существуютъ положительно по отношенію ко всѣмъ притѣсненіямъ, какія только встрѣчаются на нашихъ фабрикахъ. Развѣ рабочіе получаютъ нищенскую плату не по «особому соглашенію»? Конечно, да. Имъ говорятъ: «согласны вы получать столько то»? — и они принуждены сказать; «согласны», потому что имъ выбирать не съ чего — или голодная смерть — или нищенская жизнь; они выбираютъ последнее. Развѣ въ душныхъ, пыльныхъ, зловонныхъ мастерскихъ рабочіе работаютъ не по «особому соглашенію»? А калѣчатся у опасныхъ машинъ, выносятъ грубое, звѣрское обращеніе, подвергаются всякимъ вычетамъ и штрафамъ не по «особому соглашенію»? Наконецъ, длинный рабочій день, который само правительство теперь ограничиваетъ, — развѣ онъ существуетъ у насъ не по «особому соглашенію»? Однимъ словомъ, допускать сверхурочную работу «только подъ условіемъ особаго соглашенія» — это значитъ допускать ее когда угодно.

Полное разрѣшеніе сверхурочной работы настолько полно и совершенно уничтожило бы значеніе новаго закона, что правительство испугалось, какъ бы обманъ не былъ слишкомъ ясенъ и какъ бы вмѣсто успокоенія умовъ, в средѣ рабочихъ

не получилось еще большаго возбужденія. Поэтому оно рѣшило ограничить сверхурочную работу, но сдѣлало это опять-таки такимъ образомъ, чтобы фабриканты возможно менѣе почувствовали какія-нибудь неудобства. В «правилахъ», изданныхъ въ качествѣ дополненія и разъясненія къ закону 2-го іюня, правительство ввело для ограниченія сверхурочной работы очень сложную и запутанную систему, за которой не только наши, но и болѣе бдительные фабричные инспектора не были бы в состояніи услѣдить. Прежде всего всѣ сверхурочныя работы дѣлятся на обязательныя для рабочихъ и на необязательныя. Обязательныя вписываются въ расчетную книжку и въ правила внутренняго распорядка. Отъ нихъ рабочіе не имѣютъ права отказаться. Къ обязательнымъ работамъ относятся, во 1-хъ, тѣ, которыя необходимы по самому характеру производства, напр., на химическихъ заводахъ, гдѣ продолжительность извѣстной работы нельзя заранѣе опредѣлить и гдѣ прекращеніе работы раньше времени можетъ испортить весь продуктъ. Далѣе сюда относятся работы сезонныя, т.-е. такія, которыя, какъ говорятъ Правила, «приурочены къ краткимъ періодамъ времени». Обязательными работами Правила считаютъ также такія работы, какъ, напр., въ типографіяхъ, гдѣ время отъ времени (напр. передъ выходомъ въ свѣтъ еженедѣльнаго или ежемѣсячнаго журнала) накопляется много работы. Болѣе подробныя указанія относительно того, какія работы обязательны, и какія нѣтъ,—предоставляется дѣлать фабричнымъ инспекторамъ.

Помимо всѣхъ этихъ работъ, которыя рабочій обязанъ исполнять по окончаніи своей обычной $11^1/_2$-часовой работы, разрѣшаются еще сверхурочныя работы необязательныя, т.-е. такія, отъ которыхъ рабочій имѣетъ право отказаться (конечно, если не боится умереть съ голоду). Необязательныя сверхурочныя работы, однако, ограничиваются закономъ, а именно: одинъ рабочій въ продолженіи года не можетъ быть занятъ на сверхурочной работѣ болѣе 120 ч.

Если бы мы могли быть увѣрены, что послѣ изданія закона ни одинъ русскій рабочій не будетъ работать болѣе 120 часовъ въ годъ сверхурочной работы, то мы сказали бы, что законъ принесетъ рабочимъ значительную пользу. Но мы какъ разъ увѣрены въ противномъ. Прежде всего можно

ручаться, что въ разрядъ «обязательныхъ» на практикѣ войдетъ очень и очень много всевозможныхъ работъ, которыя въ настоящее время исполняются русскими рабочими, какъ необязательныя. Уже по тѣмъ примѣрамъ, которыя приводятся въ правилахъ, вы можете убѣдиться въ этомъ. Работа въ типографіяхъ, напр., включается въ число обязательныхъ. Почему? Потому что тамъ время отъ времени накопляется много работы. Но развѣ это накопленіе неожиданно? Развѣ въ типографіи, гдѣ, напримѣръ, каждую недѣлю издаютъ газету, нельзя предвидѣть такое накопленіе и устранить сверхурочную работу при помощи увеличенія числа рабочихъ. Вѣдь во всѣхъ фабрикахъ, гдѣ прибѣгаютъ въ широкихъ размѣрахъ къ сверхурочной работѣ, существуетъ подобное накопленіе работы. То ярмарки, то усиленные заказы, то наступленіе сезона—какая-нибудь причина всегда существуетъ. Ограничить сверхурочную работу значитъ именно сдѣлать такъ, чтобы подобное накопленіе работы не отражалось на здоровьѣ и жизни рабочихъ и не требовало бы отъ нихъ чрезмѣрнаго изнурительнаго труда. Но наше правительство этого не понимаетъ. Не поймутъ это, конечно, и наши фабричные инспектора, которымъ, какъ мы видѣли, предоставляется право указывать, какія работы обязательны для рабочихъ и какія необязательны.

Послѣ того, какъ рабочій отработаетъ свои «нормальные» 11½ часовъ и еще нѣсколько часовъ сверхурочныхъ обязательныхъ, его могутъ заставить работать еще «необязательную» работу, однако, въ общемъ, въ теченіи года не болѣе 120 часовъ. Тутъ возникаетъ вопросъ, въ продолженіи какого времени можетъ хозяинъ использовать эти 120 часовъ, т.-е. сколько сверхурочныхъ часовъ допускаются въ одинъ день. Отвѣта на это вы въ правилахъ не найдете. Слѣдовательно, хозяинъ можетъ заставить рабочаго работать хотя бы десять часовъ въ день лишнихъ. Вы скажете, не все ли равно сколько приходится «сверхурочной работы въ одинъ день, лишь бы всего на всего ее было немного. Вы будете не совсѣмъ правы. Во-первыхъ, для рабочаго не безразлично, тратитъ ли онъ свои силы равномѣрно, напр., по полчаса въ продолженіи 240 дней, или же неравномѣрно—напр., если онъ работаетъ по 6 часовъ въ продолженіи 20 дней, а затѣмъ совершенно освобождается отъ сверхурочной работы.

Въ то время какъ въ первомъ случаѣ сверхурочная работа не отразится вредно на его здоровьи, во второмъ она можетъ сильно расшатать его. Но что особенно важно,—въ дозволеніи хозяевамъ распредѣлять сверхурочную работу по своему желанію кроется лазейка, дающая возможность обойти законъ. После того, какъ рабочій въ продолженіи короткаго времени отработалъ всѣ свои 120 часовъ, его можно расчитать и взять другого, который «имѣетъ право» снова работать 120 часовъ, а затѣмъ третьего и т. д. Фабриканту не важно, работаетъ ли у него Степанъ или Иванъ, лишь бы кто-нибудь работалъ.

Далѣе спрашивается, кто и какъ будетъ считать эти 120 часовъ. Всякому понятно, что въ счетѣ здѣсь все дѣло. И правительство это понимаетъ. Потому-то оно и установило такого рода учетъ сверхурочной работы, что на практикѣ онъ поведетъ к страшнымъ злоупотребленіямъ. Если бы оно постановило, что данная фабрика или заводъ не могутъ работать въ теченіе года болѣе 120 часовъ сверхъ нормальнаго рабочаго дня, то счесть эти часы было бы легко. Нужно было бы только записывать, когда запирается ежедневно фабрика. Другое дѣло, если нужно считать сверхурочную работу каждаго рабочаго. На фабрикахъ, гдѣ работаютъ тысячи рабочихъ, для этого потребуется чуть ли не цѣлая канцелярія... А такъ какъ учетъ этотъ предоставляется самимъ фабрикантамъ, то ясно, что такого рода сложная и запутанная система имъ очень на руку.

Однимъ словомъ заставляя рабочихъ работать обязательную или необязательную работу, дѣлая это законно или незаконно, во всякомъ случаѣ русскіе фабриканты, при новомъ законѣ не ощутятъ серьезныхъ затрудненій въ пользованіи сверхурочной работой.

Глава седьмая.

Возможность такъ или иначе пользоваться сверхурочными работами сделаетъ для фабрикантовъ совершенно не чувствительнымъ новый законъ. Однако правительство боится, какъ бы фабриканты не обвинили его въ строгости къ нимъ и въ невниманіи къ ихъ интересамъ. И вотъ оно устанавливаетъ еще цѣлый рядъ отступленій отъ требованій закона

2-го іюня. Эти отступленія касаются прежде всего работъ непрерывныхъ, т.-е. такихъ, которыя нужно производить безпрерывно днемъ и ночью. Таковы, напр., работы на чугунолитейныхъ заводахъ. По новому закону двѣ смѣны рабочихъ—дневная и ночная—могутъ вмѣстѣ работать только 21½ часовъ: дневная — 11½ часовъ, а ночная — 10. Въ непрерывныхъ же работахъ требуется 24-часовая работа. Какъ же быть? Можно поступить двояко. Можно не разрѣшать отступленія отъ закона, и тогда фабрикантамъ придется ввести у себя трехсмѣнную работу по 8 часовъ. Но можно разрѣшить рабочимъ работать по 12 часовъ, т.-е. прибавить къ дневной смѣнѣ полчаса, а к ночной—два часа. Первый способъ невыгоденъ для фабрикантовъ и выгоденъ для рабочихъ, второй—наоборотъ. Что же избрало правительство? Вы, конечно, сами догадываетесь. Въ непрерывныхъ работахъ дозволяется 12 часовая работа каждой смѣны.

Далѣе дѣйствіе новаго закона не распространяется на рабочихъ, занятыхъ вспомогательными работами, напр.: кочегары, истопники, сторожа, ремонтные рабочіе и пр. Этимъ рабочимъ приходится или начинать работу раньше другихъ, или кончать позже, когда фабрика уже останавливается. Такимъ образомъ по самой природѣ своей работы они во многихъ случаяхъ принуждены работать больше другихъ. Но въ такомъ случаѣ нужно ихъ вознаградить какимъ-нибудь образомъ. Законъ можетъ требовать для такихъ рабочихъ двойной или полуторной платы за время сверхурочной работы или можетъ установить обязательный отпускъ такимъ рабочимъ для возстановленія силъ истощенныхъ чрезмѣрной работой. Однако не отъ нашего правительства можно ожидать такихъ законовъ.

Несмотря на всѣ эти отступленія, правительство все еще неувѣрено, предвидѣны ли имъ всѣ случаи, когда фабриканту понадобится обойти законъ. И вотъ, на всякій случай оно оставляетъ имъ право ходатайствовать объ «отступленіяхъ» отъ постановленій о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени и въ другихъ особо-важныхъ, исключительныхъ случаяхъ. Стоитъ только вспомнить, насколько нашему правительству дороги интересы рабочихъ, чтобы заранѣе рѣшить, что къ такимъ ходатайствамъ оно отнесется очень благосклонно, и что «особо-важныхъ и исключительныхъ» случаевъ оно найдетъ много.

Что же, однако, будетъ, если не смотря на всѣ эти лазейки, дополненія, отступленія и пр. и пр. какой-нибудь фабрикантъ все-таки нарушитъ законъ? Какое наказаніе полагается ему за это? Мы знаемъ, какъ правительство не скупится на наказанія, когда дѣло идетъ о рабочихъ. За самовольный уходъ оно наказываетъ рабочихъ арестомъ до одного мѣсяца. Еще строже наказаніе за стачку. При этомъ правительство все болѣе и болѣе усиливаетъ это наказаніе: въ 1885 г. «зачинщики» наказывались арестомъ отъ 3-хъ недѣль до 3-хъ мѣсяцевъ. Въ 1890 г. уже отъ 4-хъ мѣсяцевъ до 8. Другіе участники стачки въ 1885 г. подвергались (т.-е. должны были подвергнуться, потому что на самомъ дѣлѣ невозможно всѣхъ участниковъ стачки сажать въ тюрьму) аресту отъ 7 дней до 3-хъ недѣль; въ 1890 г. уже отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ. Далеко не такъ щедро правительство на наказанія по отношенію къ фабрикантамъ. Въ новомъ законѣ ни слова не сказано о томъ, чѣмъ наказываются фабриканты за нарушеніе его. Это значитъ, что наказаніе будетъ налагаться какъ за всякое нарушеніе какого-нибудь распоряженія, т.-е. въ видѣ штрафа не свыше 50 рублей. Если у фабриканта работаютъ сотни или тысячи рабочихъ, то такой штрафъ для него, конечно, не страшенъ. Нарушеніе закона, хотя бы въ теченіи одного дня, сторицей окупитъ штрафъ въ 50 р. или еще менѣе—(вѣдь сказано до 50 р.). Но вѣдь фабричные инспектора заглядываютъ на фабрики не очень часто. Не одинъ, значитъ, день можно будетъ нарушать законъ, до тѣхъ поръ, пока это будетъ замѣчено. Однимъ словомъ, и со стороны наказанія новый законъ совершенно не страшенъ для фабрикантовъ.

Таковъ законъ 2 іюня, объ ограниченіи рабочаго дня на фабрикахъ и заводахъ. Послѣ всего сказаннаго нами объ этомъ законѣ излишне, конечно, говорить о томъ, представляетъ ли онъ благодѣяніе для рабочихъ со стороны царскаго правительства и доказываетъ ли онъ, что правительству одинаково дороги интересы рабочихъ и фабрикантовъ; излишне также говорить, осчастливитъ ли этотъ законъ рабочихъ настолько, чтобы имъ жилось даже лучше, чѣмъ живется заграничнымъ рабочимъ, и чтобы послѣ изданія его имъ уже больше не на что было жаловаться.

Но значеніе закона заключается не въ томъ, какое вліяніе окажетъ онъ на положеніе русскихъ рабочихъ. Его значеніе въ томъ, что онъ покажетъ имъ, что они представляютъ несокрушимую силу, что передъ ихъ дружной сплоченной борьбой отступаетъ даже могущественное царское правительство. Какъ бы ничтожна ни была польза отъ новаго закона, изданіе его представляетъ громадную уступку со стороны русскаго правительства. Раньше правительство нисколько не стѣснялось тѣхъ притѣсненій, которые переносилъ рабочій. Теперь оно старается прикрыть ихъ законами. Раньше оно не думало, что скажетъ рабочій на эти притѣсненія, теперь оно очень тревожится этимъ и хитростями старается замазать рабочему глаза. А къ хитрости прибѣгаютъ тогда, когда начинаютъ слабѣть. Вотъ почему русскіе рабочіе имѣютъ полное право видѣть въ новомъ законѣ одну изъ крупнѣйшихъ побѣдъ своихъ надъ правительствомъ. Этой побѣдой они могутъ гордиться передъ рабочими всего міра, эта побѣда должна наполнить ихъ сердца мужествомъ для дальнѣйшей борьбы и дать имъ увѣренность въ дальнѣйшихъ побѣдахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ новый законъ долженъ еще разъ показать русскимъ рабочимъ, что правительство—врагъ рабочихъ и что съ этимъ врагомъ нужно также бороться, какъ и съ капиталистами. Видя какъ правительство вытравляетъ всякую пользу изъ тѣхъ уступокъ, которыя оно дѣлаетъ рабочему движенію, каждый русскій рабочій долженъ прійти къ заключенію, что никакихъ прочныхъ и значительныхъ улучшеній въ своей жизни ему не добиться, пока царитъ въ Россіи самодержавное правительство, пока одни чиновники, прихвостни богатыхъ, распоряжаются его судьбой. Онъ долженъ понять, что русскій рабочій классъ на пути къ полному освобожденію отъ гнетущихъ его бѣдствій, долженъ предварительно освободиться отъ ига чиновничьяго правительства, долженъ завоевать себѣ политическую свободу. Только тогда, когда мы будемъ пользоваться полной свободой стачекъ, союзовъ, собраній, слова и печати, когда у насъ будетъ такое же государственное устройство, какъ въ заграничныхъ государствахъ, гдѣ весь народъ черезъ своихъ представителей принимаетъ участіе въ управленіи страной и въ изданіи законовъ,—

только тогда наша борьба пойдетъ впередъ семимильными шагами, и только тогда возможно будетъ прочное и значительное улучшеніе положенія рабочихъ.

И тогда вмѣсто нынѣшняго обглоданнаго и общипаннаго закона объ ограниченіи рабочаго дня, мы легко добьемся законодательного установленія 8-ми часового рабочаго дня.

(Н. Вигдорчикъ)

———

Curriculum vitae

(написанное самим П. Л. Тучапским).

Павел Лукич Тучапский.

Родился 15 января 1869 г., в селе Восидцах Таращанского уезда Киевской губ., сын священника. Образование получил в 4-ой Киевской гимназии, потом в коллегии П. Галагана и университете св. Владимира на историко-филологическом факультете, который и окончил в 1893 году с дипломом I-й степени. В 1894—1895 годах отбывал воинскую повинность, с конца 1895 по конец 1896 года работал помощником секретаря Полтавской губернской земской управы, с 1897 г. по март 1898—железнодорожная служба в Киеве; с половины марта 1898 по июнь 1900—заключение в Лукьяновской тюрьме по обвинению в соц.-демократической работе; с июня 1900 по март 1904—ссылка в Вологодскую губ. за эту работу; с 1904 до начала 1905—железнодорожная служба в Вильне; с января 1905 по август 1905 г.—работа в виленской газете Украинской спилки Р. С.-Д. Р. П. «Правда»; с конца 1906 до конца 1907 был сотрудником разных газет и журналов и занимался переводами с немецкого; с конца 1907 по 1921—педагогическая деятельность в средних школах Одессы; был членом Одесского «Общества истории и древностей» и «Одесского библиографического общества»; в 1917 читал лекции в Народном университете по политическим вопросам; с начала революции—постоянная литературная работа (помимо журналов и газет), организация музея при Одесском Отделе Вукоспилки, работа в учебном подотделе Одесского Губсоюза, работа в комиссии по разработке революционных

архивов при Одесском Губархиве, в конце 1921—библиотекарь Публичной библиотеки В. У. А. Ч. и в то же время работа в Киеве для Энциклопедического и библиографического словаря В. У. А. Ч. [Умер 4 июля 1922 г. в Киеве. *В. П.*].

Изданные работы.

1. Идеалы Шевченко и Украинская действительность (под псевдон. Е. С. Львов 1892 г.).

2. Сборник постановлений Грязовецкого уездного земства. Вологда. 1904 (редакция).

3. Сборник постановлений Вологодского губ. земства. Вологда. 1904 (уч. в ред.).

4. Кто такие социал-демократы. Львов. 1906 (под псевд. Сергей Михайлович).

5. То же самое на русск. яз. Львов 1906.

6. Что такое рабочая партия (псевд. С. Михайлович). Изд. «Знание». Спб. 1906.

7. Иван III и зарубежные евреи. Оттиск из XXXII т. «Записок Одесского Общества Истории и Древностей».

8. Кто такие социал-демократы и чего они хотят. Одесса. 1917 г.

9. О формах правления (Монархия и республика). Одесса. 1917 г.

10. Национальный вопрос. Одесса 1917 г.

11. А. И. Герцен. Его жизнь и деятельность. Одесса. 1920 г. Изд. Одесск. Отд. Центросоюза.

12. А. Менгер. Новое учение о государстве. Перевод. Два изд. Скирмунта 1904 и 1905 г.г.

13. Ф. Меринг. «Очерки по истории немецкой соц.-демократии». Изд. Порской. Киев. 1905.

Сданы в рукописи в печать.

1. Хрестоматия по истории революционного движения в России в XIX в. Одесса. Губизд. 1921.

2. «Из пережитого». Воспоминания. С начала по конец 90-х годов. Одесса. Губизд. 1921 г.

Приготовлено к печати.

1. Роль Драгоманова в револ. движении России и Украйны.

2. Национальные взгляды Драгоманова.

3. «Памяти Народной Воли». Сдано в комиссию по разраб. револ. арх. при Од. Губарх.

4. «История одного показания». — Из воспоминаний. Сдано Предс. Одес. Арх. для револ. сборника.

5. Биографии: Аксельрода, Ашенбренера, Адашева. Приняты для Энциклопед. Словаря.

6. Биогр. Аксельрода и Ашенбренера (более подробные). Приняты для биогр. Словаря.

Принимал участие в след. период. изд.

1. «Народ». Галиц. радик. газета (псевд. Е. С. Нач. 90-х г.г.).

2. «Жизнь и слово». Галиц. радик. газ. (конец 90 г.г.).

3. «Вперед», нелег. Киевск. раб. газ. Изд. соц.-дем. } 97—98 г.г.

4. «Рабочая Газета», нелег. соц.-дем. раб. газ. Киев. } 97—98 г.г.

5. «Северный Край». Ярославль, нач. 900 г.г.

6. «Русские Ведомости». 1904 г.

7. «Петербургские Ведомости» 1904 г.

8. «Вестник Жизни». Петроград (псевд. Лукашевич).

9. «Киевская Мысль». 1907 г.

10. «Друг Народа». 1907 г. Киев.

11. «Южный рабочий». 1917—1920 г.г. Одесса.

12. «Объединение». Альманах, ч. 3. Одесса.

Письма Ю. Д. Мельникова.

От редакции.

Печатаемые ниже семь писем Ю. Д. Мельникова, представляют ценный материал для характеристики этого замечательного организатора русских рабочих, и хотя по происхождению не пролетария, но затем настоящего рабочего слесаря и одного из первых марксистов.

Первые три письма от 4 ноября и 12 ноября 1889 г. и 1 января 1890 года относятся к первому периоду деятельности Ю. Д. Мельникова, когда он был арестован по делу Харьковского и Ростовских кружков. Писал он эти три письма матери из тюрьмы Харьковского исправительного арестантского отделения. Письма дышат необыкновенной теплотой и переполнены увещаниями и успокоениями горюющей матери. Интересны заключительные строки второго письма: «Не унывай моя милая — авось, да небось — это только в утешение и могу предоставить, но ведь, до Рождества совсем не далеко, больше ждали. А о себе, право, не знаю, что и сказать— потому бывает и жутко, а скажу по-совести, что коли бы ни ты да Галька (вероятно, первая жена Ю. Д. Мельникова, А. А. Галковская *В. Н.*) — так и горюшка-б мало. Ты пойми сама: не стыдно мне ни капельки сидеть в кутузке, да еще и окружающие относятся так, что этого и в голову не полезет».

В высшей степени характерны письма (№ 4 и 5) из Петербурга (к матери), когда Мельников из провинциальной тюрьмы попал в «Кресты». Пораженный грандиозностью столичной, тюрьмы, он картинно описывал суровый режим «Крестов» и резюмирует свои впечатления так: «столько разных «нельзя», что сразу может показаться, что и жить-то нельзя—ложись и помирай! Одначе ж ничего, живут люди; живу и я уж третий месяц — и жив!» Но несмотря на суровость режима, он так оценивает новую и старую обста-

новку: «Разные «гуманности» провинциальной тюремной администрации до крайности надоели мне. Ведь тошнит, когда приходит к тебе в камеру тюремщик и ведет с тобой либеральные разговоры».

Очень интересны последние письма из ссылки второй жене Марье Семеновне Кулеш (№ 6, 7 и 8), из Царева Астраханской губ., куда незадолго до смерти был выслан Мельников. Здесь описывается глухое темное провинциальное болото и чувствуется, что уже и сам автор писем знает о близком конце. В последнем письме он так прямо и говорит о себе: «Есть в голове мысли — можно бы и поделиться с тобой, да к чему все это, ежели приходится от чахотки пропадать?» Эти строчки написаны 17 марта 1900 г., а 19 апреля, стало быть, через месяц и два дня Мельников умер.

Читая письмо Мельникова (№ 8), где он рассказывает, как он больной вынужден был для заработка взяться за ремонт судна и как эта работа и доконала его; понимаешь эту предсмертную тоску, какой дышат его последние письма: в далекой провинции, один без семьи, больной, без сил, без хороших врачей он вынужден взяться за тяжелую работу и погибнуть.

Хочется два слова сказать еще об общем тоне писем: они отличаются какой-то милой простотой и женственностью, теплом Украйны веет от них.

№ 1.

Адресъ мой: Харьковъ. Начальнику Харьковскаго Исправительного Арестантскаго Отдѣленія; для меня.

4 ноября 1889 года.

Третье уже письмо посылаю тебѣ, мама! Не знаю, милая моя, дорогая, получила ли ты ихъ! Вчера только видѣлъ Лиду и отъ нея узналъ, что ты у дяди, поэтому 1-е письмо я послал въ Ромны на твое имя, а 2-е на (неразборчиво) Вѣрѣ Павловнѣ для тебя! Буду писать такъ, какъ если бы это письмо было ее. Арестованъ я еще 29 сентября въ Ростовѣ. Меня перевели сюда въ Харьковъ, а Галька осталась въ Ростовѣ. Ничего тебѣ не могу сказать за что и проч.—

объ этомъ писать нельзя! Эхъ, милая мама, тяжело уже больно, когда про тебя вспомню! А что касается самой кутузки, такъ вѣдь я настолько не избалованъ жизнью, что мнѣ она совсѣмъ не страшна. Вся тяжесть ея сводится у меня къ лишенію свободы — это для меня въ особенности чувствительно — я вѣдь, что твоя (не разборчиво) ею пользовался! Ну, а что касается физическихъ и матеріальныхъ удобствъ— такъ я не пользовался лучшими и живя на свободѣ. Комната моя въ Арестантскихъ Ротахъ — ты, вероятно, видѣла это зданіе, когда была у насъ въ Харьковѣ. Зданіе стоитъ на верху холодной горы, да я на самомъ 3-м этажѣ обитаю. Въ окно видѣнъ весь Харьковъ, какъ на ладони. Бываетъ такое освѣщеніе города иногда, что у меня передъ глазами является чудная панорама. Обыкновенно же городъ покрытъ туманомъ! Комната громадная, сухая, свѣтлая, теплая, что твой дворецъ. Одинъ недостатокъ—клопы. Ты только вообрази, что твой Юва испугался и тогда можешь составить себѣ понятіе о количествѣ ихъ. Кормятъ хорошо по всѣмъ статьям. Обѣдъ приготовленъ такъ иногда, что напоминаетъ мнѣ мою маму! Иногда только появится какая нибудь панская выдумка, которую я не могу переваривать, а то вообще хорошо! Видѣлъ Лиду, она тебѣ, вѣроятно, тоже писала обо мнѣ. Вотъ тебѣ все пока. Прибавлю развѣ, что читаю, пишу дневникъ, словомъ, нахожу многоразличныя занятія, чтобы убить время. Заняться чѣмъ нибудь серьезнымъ пока не удалось, хотя надѣюсь и на это! Ну, да довольно обо мнѣ. Вотъ положеніе Гальки плоховато. Она, бѣдная, больно ужъ поддалась. Сначала, пока я былъ въ Ростовѣ — она не унывала. Ну, а когда меня перевели, она совсѣмъ упала духомъ. Пиши, моя милая мама, не такъ мнѣ, какъ ей. Хоть это ее будетъ разшевеливать. Попроси Вѣру о томъ же. Адресъ ея таков: Ростов-на-Дону (неразборчиво).

Политическое (неразборчиво). Съ своей стороны я, конечно, не зѣваю и пишу, но вѣдь (неразбор.) время идетъ такъ, что въ суткахъ 48 часовъ, а мое письмо, самое длинное прочесть въ $^1/_2$ часа можно. Ну, а какъ же вы поживаете? Как чувствуешь себя ты, мама? Эхъ, дорогая. Вѣдь знаю я все это! Да что же ты подѣлаешь! Пиши, мама милая! Пиши обо всемъ, что зъ батькомъ, зъ дядей, что Вѣра, Вада, карапузы наши? Знаешь, мама, я иногда думаю, что

кутузка повліяетъ чрезвычайно благотворно на меня. Вѣдь я жилъ, жилъ, жилъ. Впечатлѣній цѣлая куча каждый день, подсчитать ихъ, привести въ систему не приходилось. Ну, а теперь ужъ подсчитаю — добро времени сколько хочешь. А то вѣдь не хватало и письма написать. Все (неразб.) все торопился куда-то. А теперь любопытныя мѣстечки попадаются иногда у меня въ дневникѣ на этотъ счетъ. Безтолковое письмо тебѣ написалъ — чувствую, а потому что не то въ головѣ—ужъ извини, моя дорогая! Думаешь про тебя, тутъ бы дѣйствовать нужно и руками и умомъ, а я про фантазіи да про дневники рѣчь повелъ. Прощай, голубка моя! Твой Юва. Поцѣлуй дитвору и всѣхъ и батька! Написалъ бы ему, но что?!

№ 2.

Коли хочешь, я могу подробно описать свое житье-битье. Теперь не пишу потому, что тебѣ и такъ жутко, а, то что я написалъ бы, — не веселое — ведь какъ ни на есть кутузка!

12 ноября 1889 года.

Пріуныла вѣрно, совсѣмъ, моя мама дорогая. Да я, оселъ этакій, еще написалъ тебѣ письмо такое, что и безъ бѣды испугаешься. Не унывай, моя милая, не такъ страшенъ чортъ, якъ его малюютъ. Положеніе наше, то-есть собственно твое не такъ безнадежно, какъ съ перваго раза показывается. Разсуждай сама. Очень вѣдь возможно, что меня (неразборчиво), ну и тогда представилась бы такая же картина, какъ и теперь, то-есть ты не пользовалась бы моими личными силами. Теперь наше положеніе вотъ каково. Ежели меня или Галю выпустятъ до Рождества—деньги мы достанемъ—ну вотъ и дѣло въ шляпѣ. Такъ ли, иначе ли раньше Рождества предпринять намъ ничего не удалось бы, потому что деньги выручить нельзя раньше. Ну, а теперь разсуждай и такъ, серденько, что насъ, то-есть ни меня, ни Гали не выпустятъ. — Опять же таки деньги достанемъ и тогда только Лидѣ придется подтянуться. Живется ей теперь трудно единственно лишь потому, что запуталась она. Разъ деньги

будутъ — это мы живо распутаемъ. Не забывай, что частью Толя можетъ подсобить — вѣдь онъ получаетъ 25 рублей на всемъ готовомъ. Устроимъ какую либо кухмистерскую, либо что другое и заживемъ, а тімъ часомъ я освобожусь — право, моя дорогая, понапрасно ты убиваешься! Теперь все дѣло сводится только лишь к деньгамъ. Получить ихъ довольно таки хитро. Дѣло просто въ томъ, что придется извѣстную политику зъ батькомъ Галькинымъ вести. Дѣло тѣмъ болѣе хитрое, что лично мнѣ сюда носа совать не годится, а Галя, якъ ты знаешь, плохой политикъ. Ну, а все жъ таки ты и тутъ не унывай — въ концѣ то концовъ, будетъ по нашему. Жутко теперь тебѣ у дяди, не печалься — за батьковське, конечно, я не отвѣтчикъ. Ну, а за теперешне оддякую — это ты можешь ему и сказать. Сколько я знаю, онъ во мнѣ работника уважаетъ. Чувствую, что говорю единственно лишь головою, а сердце мовчить — да хай лучше мовчить — глупое вѣдь оно! Не думай голубка, мама, что оно дѣйствительно молчитъ, — нѣтъ, я его крѣпко-на-крепко въ кутузку засадил — сиди и молчи! Пиши, голубка, Галѣ — ну, а что касается более подробныхъ плановъ нашего устройства, такъ я, въ свое время сообщу — у меня ихъ есть нѣсколько, на выборъ. Пока приходится сидѣть спокойненько и ждать. Ну, а о себѣ, что сказать. Живъ и здоровъ и хожу не безъ сапоговъ — что и тебѣ желаю. Не унывай, моя милая — авось, да не босъ — это только въ утѣшеніе и могу предоставить, но вѣдь до Рождества совсѣмъ не далеко — больше ждали. А о себѣ право не знаю, что и сказать — потому бываетъ и жутко, а скажу по совѣсти, что коли-б не ты да Галька — такъ и горюшка бъ мало. Ты пойми сама: не стыдно мнѣ ни капельки сидѣть въ кутузкѣ, да еще и окружающіе относятся такъ, что этого и въ голову не полѣзетъ. Лишеній никакихъ, ну чего же? Прощай, моя дорогая мама; дитвору поцѣлуй и не унывай. Дядьку поклонъ. Твой Юва.

№ 3.

1 Генваря 1890 года.

Зъ новымъ годомъ, мама, моя милая!
Зъ новымъ счастьемъ, зъ новою жизнью!

Неужто, моя дорогая, такъ и не будетъ тебѣ новой жизни?! Нѣтъ, мама, какъ ни скверно тебѣ, а все же надежду терять не годится! Давно уже я писалъ тебѣ — все поджидалъ, авось, де-опредѣлится мое положеніе. Хотѣлось къ празднику написать, да прослышалъ, что слѣдствіе окончено и дѣло передано прокурору Судебной Палаты. Вотъ я и понадѣялся на то, что онъ скажетъ мнѣ что либо. Выходитъ, я ошибся — и прокуроръ былъ и все же я остаюсь въ томъ же неопредѣленномъ положеніи. Слѣдственно и писать то мнѣ нечего. Тоже, все то же, живъ, здоровъ, бодръ— унывать и не думаю. Видно, ужъ такой я уродился неунывающий. Да вѣдь и отъ тебя, мама, больше 2-х мѣсяцевъ я не получаю писемъ! Впрочемъ, можетъ-быть, ты и писала, да только мнѣ не передали — здѣсь это бываетъ. Конечно, знаешь, что Галю выпустили — больше мѣсяца назадъ тому. Ну, а толку зъ сего, какъ видно, вышло не много! Писалъ я тебѣ, дорогая моя, что нужно предпринять — и къ удивленію — не вижу никакихъ предпріятій. Что жъ это такое? Неужели изъ-за щепетильностей взаимныхъ дѣло не ладится? Эхъ, бѣда, право, съ этими щепетильностями. Такъ я и предчувствовалъ, что ничего-то хорошаго не сдѣлаете вы — так и выходитъ! Вѣдь я ровно ничего не знаю — это разъ, а 2-е то, что хоть бы и зналъ— ровно ничего не могу сдѣлать, такъ какъ переписка съ Галькою запрещена. Впрочемъ, съ жандармами я развязался теперь; завтра напишу прошеніе Г-ну Прокурору о разрѣшеніи переписки—тогда, можетъ-быть, не удастся ли что сделать! Эхъ, да что жъ это я — вѣдь словами горю не подсобишь. А впрочемъ вѣдь и писать то больше не о чемъ. Ты сама подумай, мама, о чемъ я тебѣ могу писать: сижу какъ въ клѣткѣ, каждый день хожу гулять. Гулять — это называется походить часъ во дворѣ, который и пространствомъ и высокими стѣнами напоминаетъ большую комнату, потолокъ которой составляетъ небо.— Вотъ тебѣ и весь міръ божій! Не забудь еще, что прогулка эта въ сообществѣ двухъ вооруженныхъ часовыхъ, которые очень тщательно слѣдятъ — какъ бы это я не порхнулъ чрезъ ограду. Да вотъ, кстати, — ужасаетъ тебя то, что сижу я въ Арестантской Ротѣ. Господь съ тобою — ничего здѣсь такого страшнаго нѣту, какъ тебѣ мерещится. Арестантская рота—это зданіе, въ которомъ сидитъ 400 человѣкъ—

положимъ, что компанія не ахти какая, но вѣдь я жъ въ одиночной, т.-е. сижу подъ замкомъ въ отдѣльной комнатѣ, да еще около двери часовой. (Сирѣчь защита отъ пугающихъ тебя арестантовъ.) Ну, а, если иду гулять — такъ предварительно дворъ очищается, то-есть прогоняютъ всѣхъ оттуда. Ну, а затѣмъ не слѣдуетъ забывать, что арестанты — тоже люди! — Я таки самъ представлялъ ихъ какими-то звѣрями. Ну, а теперь вижу, что люди. Есть, конечно, и звѣри, но они и здѣсь составляютъ рѣдкость. А вѣдь звѣрей и на воле — слава тебѣ господи — водится! Ну, а что касается тѣхъ людей, съ которыми я непосредственно сталкиваюсь т.-е. тюремнаго начальства — и оно люди — т.-е. не то, что идеалы тамъ какіе. — Ну, нѣтъ, а люди такіе, какихъ въ каждомъ мѣстѣ вволю! Ну, если ко всему этому ты прибавишь, что я, какъ политическій, находящійся подъ слѣдствіемъ (это значитъ вѣдь, что я могу быть совершенно невиненъ) пользуюсь кой-какими льготами — ты будешь имѣть почти полную картину моей жизни и всего прочего. Напиши-ка, мама, про себя, какъ живется-можется, что думаешь? Теперь, вѣроятно, письма будутъ доходить исправнѣй. А мнѣ было бы великое удовольствіе получить вѣсточку. Ты не смущайся, что вѣсточка-то не радостная. Вѣрь, милая, что когда посидишь 5 месяцевъ въ одиночкѣ — и печальной вѣсти радъ будешь. Горе, коли никакой нѣтъ! Ну, что жъ еще тебѣ сказать? Надѣялся, что можно будетъ на поруки выйти — да видно не удастся. Впрочемъ я похлопочу! Ну прощай мама, милая — авось новый годъ дастъ что-либо новое. Поздравь дядю, тетю и дѣтокъ съ новымъ годомъ — Поклонъ имъ низенькій! Ну, а нашу дитвору крѣпко цѣлую. Витѣ лучше всего прочитай письмо мое. Скажи, что и рад бы ему написать отдѣльно, но вѣдь и нечего и не стоитъ. Авось, да небось. Все же дѣло къ концу идетъ, а не къ началу. — Видно, придемъ же таки къ нему когда нибудь!

Ну, прощай, моя милая, дорогая мама.

И весь твой Юва.

Батько, кажется, въ Ромнахъ — я ему напишу!

№ 4.

«За думою дума роем вилітае...
Одна давить серце, друга разривае,
А трейтяя тихо-тихесенько плаче
У самому серці... И ніхто не бачить!..»

С. П. Т. *4 ноября 1890 года.*

Прости, моя дорогая, милая мама, за долгое молчаніе!—Первое время нельзя было писать, а потому хлопотал за Гальку — все хотѣлось добыть ей паспортъ и вообще устроить ее. Теперь это достигнуто. Галька в Пензѣ на фельдшерскихъ курсахъ и имѣетъ (нужно думать) паспортъ. Говорю все это совсемъ не с цѣлью оправдать свое молчаніе—нѣтъ!—Всякія хлопоты не могли бы, конечно, помѣшать написать тебѣ, голубка моя, если бы была охота! Да и не охота, а я ужъ не знаю и что. Охота, желаніе написать было, и сильное; и пробовалъ было — да не выходило дѣло. Обстановка теперешней жизни больно уже неприглядна! Хотѣлось написать тебѣ, что-либо утѣшительное, ободряющее, а выходило далеко не то! Врать же не хотѣлось. Ну, вотъ я и откладывалъ: пускай, де, успокоюсь немного, пообвыкну, а до тѣх поръ, можетъ быть узнаю, твой адрес (я вѣдь не знаю его до сихъ поръ). На имя Толи я уже разъ писалъ тебе, а отвѣта нѣту. Не знаю поэтому какъ тебя и найти. А впрочемъ, и это говорю не въ оправданіе, а только лишь желая показать, на какія хитрости пускался твой Юва, чтобы оттянуть время, хотя бы и цѣною самого обмана. Ну, да кто старое помянетъ, — тому глазъ вонъ! Лучше я опишу тебѣ свое житье-бытье, которое и есть главный виновникъ моего молчанія. Перво-на-перво о внѣшней обстановкѣ: грандіозность сооруженія (постройка всего здания тюрьмы), съ электрическимъ освѣщеніем, с паровымъ отопленіемъ, съ паркетнымъ поломъ и проч. — все это было бы интересно посмотрѣть! Право, мама, ты пришла бы въ восхищеніе, если бы показать тебѣ всѣ приспособленія для удобства, комфорта, которыми обладает наука в XIX вѣкѣ—

«вѣкѣ пара и электричества». Обидно дѣлается, когда видишь, что все это примѣняется в тюрьмѣ прежде, чѣм введено в жизнь, даже состоятельныхъ людей. Долго было бы описывать частности и подробности, направленныя, повидимому, къ удобству и комфорту. Да и не стоитъ описывать.—Вѣдь это только первое впечатлѣние, общій взглядъ, который скоро долженъ былъ уступить мѣсто другого рода впечатлѣніям. Комнатка: 5 шагов длины и 3 ширины, потолокъ сводомъ, одно окошко, хотя и не очень маленькое, но пропускающее очень мало свѣта; аспидный полъ; паровая печка, которая не очень грѣетъ, да электрическая лампа, которая тушится тогда, когда хочется свѣта, и свѣтитъ, когда хочется спать—все это будто не гармонируетъ съ примѣненіями научныхъ усовершенствованій! Но все это еще не бѣда. Не особенно обидно, когда обижаетъ тебя какое-либо электричество, либо морозит тебя «паровое отопленіе», а вотъ о людяхъ нельзя того же сказать. Самое естественное желаніе, когда запрутъ тебя в клѣтку, это посмотрѣть, что дѣлается за предѣлами клѣтки.—Вотъ и выглянулъ я въ окно. Въ тотъ же моментъ форточка въ двери открылась и самымъ вежливымъ образомъ произносится: «Смотрѣть въ окно нельзя»—Потому правило!—И какъ начали меня донимать разными нельзя: нельзя пѣть, даже въ-полголоса, нельзя имѣть больше одной книги—столько разныхъ «нельзя», что сразу можетъ показаться, что и жить-то нельзя—ложись да помирай! Одначе-жъ ничего, живутъ люди; живу и я ужъ третій мѣсяцъ—и живъ! Хотѣлъ прибавить еще «здоровъ», но этого сказать не могу. Похварываю немного! Вообще всякія проявленія личности, индивидуальности намѣренно подавляются,—подавляются прямо с цѣлью сдѣлать заключеніе в тюрьмѣ болѣе тяжелымъ, а слѣдственно и дѣйствительнымъ въ смыслѣ исправленія. «Господа,—здѣсь тюрьма,»—встрѣтили насъ чуть не въ дверяхъ тюрьмы, когда кто-то изъ насъ закурилъ папиросу.—И дѣйствительно, въ такомъ родѣ, было все послѣдующее отношеніе. И какъ ни странно тебѣ покажется, мама, а это-то отношеніе замѣчательно хорошо вліяетъ, на меня по крайности. Разныя «гуманности» провинціальной тюремной администраціи до крайности надоѣли мнѣ. Вѣдь, тошнитъ, когда приходитъ къ тебѣ въ камеру тюремщикъ и ведетъ с тобою либеральные разговоры. Да, такъ говорю, что здеш-

нія отношенія крайне успокоительно дѣйствуютъ на меня. Никто тобой не интересуется, мало кто знаетъ даже фамилію, а величаютъ меня больше—№ 826, чтобы не забыть, къ рукаву пальто пришили и номеръ. Такое отношеніе является, конечно, не результатомъ какой-либо дисциплины (хотя она есть конечно,—и даже очень ея предовольно!), а просто результатомъ извѣстной Питерской индиферентности. Навѣрно изъ разсказовъ Лиды знаешь, что обиліе людей, постоянныя встрѣчи съ незнакомыми пріучаютъ относиться безучастно, холодно, офиціально. Ну, такъ вотъ и здѣсь замѣтна эта особенность. Теперь ко всему этому я уже попривыкъ, одначе очень усердно считаю, сколько дней осталось до срока! Осталось 124 дня, а просидѣлъ только 78—страсть! Ну, да и довольно объ этомъ. Как-то ты, дорогая мама, живешь? Гдѣ ты пріютилась? Не знаю я хорошенько, что будетъ со мною по выходѣ изъ тюрьмы. Вѣроятно закрѣпятъ меня въ Ромнахъ. Въ солдаты, если и возьмутъ, такъ навѣрно не сразу (иначе меня пришлось бы прямо въ лазаретъ назначить на поправку). Пиши поэтому, что ты теперь дѣлаешь и что намѣрена предприпять съ весны. Быть-можетъ, мне удастся пристать къ тебѣ въ компанію. Само собою, что я тоже кой-что проектирую. Если у тебя не окажется ничего опредѣленного, так тогда ты приставай ко мнѣ. Вообще хотѣлось бы заблаговременно оріентироваться, хотѣлось бы знать гдѣ и что придется дѣлать. Пиши поэтому подробнѣй про свои планы, а я про свои стану писать, когда узнаю хорошенько о своей будущей судьбѣ, а то вѣдь все на пескѣ у меня построено. Ну, прощай, моя милая, дорогая. Крѣпко-накрѣпко цѣлую тебя. Твой Юва. Попѣлуй дитвору крѣпко. Всѣмъ, кто не забылъ—поклонъ до самой земли. Ну прощай.—Пиши больше, дорогая, подробнѣй! Юва.

Адресъ мой: С.-Петербургская тюрьма одиночнаго заключенія на Выборгской сторонѣ. Камера № 826—Заключенному Ю. М.

Адрес Гальки: Пенза. Нагорная улица, домъ Тяпкиной.

Гдѣ Вѣра и что съ ней? Пошли ей мой адресъ и просьбу писать. Прощай.—Пиши!!!

№ 5.

«Тяжело жить дома съ бѣдностью
Даромъ хлѣбъ сбирать подъ окнами;
Тяжелѣй того въ чужихъ людяхъ
Быть въ неволѣ, въ одиночествѣ.
Дни проходятъ здѣсь безъ солнышка
Ночи темныя—безъ мѣсяца»...

С. И. Т. *17 февраля 91 года.*

Хотѣлъ было, моя дорогая, милая мама, начать письмо стихомъ Кольцова—да видно не приходится: В самомъ дѣлѣ есть здѣсь и солнышко (да еще какое—так и пахнет весной!) и мѣсяцъ (да еще какой: въ нашихъ краяхъ такой рѣдко и бываетъ,—ясный да блѣдный—точно серебро полированное!), а все какъ то не то—и солнце и мѣсяцъ не радуют: не наши они, а какіе то чужіе. Дни тянутся страшно! Ждешь не дождешься срока, хотя и осталось-то всего 22 дня. Воображаю, какъ было бы тяжело ожидать срока, если бы я былъ здоров. А то вѣдь я еще калѣка: еле хожу на костылях. Должно быть прекурьезное зрѣлище представляю я, движущійся на 4-хъ ногахъ—я, который вообще не любилъ двигаться медленно! Къ счастью, послѣ тифа, мои нервы маленько поустроились. Кажется самый характеръ перемѣнился:—появилась какая то (никак не ожидаемая) флегма—я даже нѣсколько пополнѣлъ, какъ выразился докторъ, а, попросту сказавши, разжирѣлъ какъ никогда не былъ на волѣ. Само собою понятно, полагаю, что ожирѣніе есть слѣдствіе сравнительно спокойного состоянія духа: сначала, по причинѣ болѣзни и слабости, какъ то ни о чем не думалось, а потомъ будто вошло въ привычку. А впрочемъ, такое философское состояніе (лучше сказать, состояніе годованнаго кабана) оказалось крайнѣ не прочным.—Недавно получилъ я отвѣтъ на свое прошеніе, въ которомъ мнѣ объявляютъ, что я могу выбратъ мѣсто жительства по желанію и что могу ѣхать въ это выбранное мѣсто на свой счет по проходному свидѣтельству. Извѣстіе крайне радостное, ибо, въ противномъ случаѣ я рисковалъ остаться въ больницѣ послѣ срока, просто по причинѣ болѣзни. Все это хорошо. Но вот, когда

пришлось выбирать, соображать да смѣкать—тутъ-то старая натура моя и проявилась: Разволновался—бѣда! Предполагалось ѣхать въ Ромны, но Галя моя въ Пензѣ и пишетъ, что управится со своими экзаменами только к Іюлю. По этой причинѣ она зоветъ меня въ Пензу. Если къ этому (не особенно важному) соображенію прибавить то, что въ случаѣ очень вѣроятнаго (этотъ вопросъ еще не выясненъ окончательно) прикрѣпленія къ разъ выбранному мѣсту жительства, мнѣ рѣшительно нечего будетъ дѣлать въ Ромнахъ, такъ станетъ вполнѣ понятнымъ мое затрудненіе и волненіе.—Такъ я до сихъ поръ и не рѣшилъ еще куда поѣду. Во всякомъ случаѣ—до скораго свиданія. Трудно предположить, чтобы мнѣ не удалось повидать тебя, хотя бы и не въ Ромнах. Ну, прощай. Крѣпко цѣлую тебя, моя голубка.

Твой *Юва.*

P. S. Всѣ вѣроятія за то, что быть мнѣ въ Ромнахъ, а впрочем—это скоро увидим.—Будь молодцемъ!

Адресъ Гальки: Пенза, Казанская улица, домъ Сѣдова, квартира Лапина.

Поклонъ всѣмъ, кто хоче!

№ 6.

13 іюня 99 г.

Пишу тебѣ, моя дорогая Мася, хотя отъ всей души желаю, чтобы это письмо не застало тебя въ Ромнахъ. Да и писать то, правду сказать нечего. Царевъ, это — такое мѣсто Богоспасаемое, лучше котораго кажется уже не бываетъ. Начать съ того, что и добраться до него было не легко. Когда я прибылъ въ Царицынъ—оказалось, что путь, о которомъ я тебѣ писалъ (на пароходѣ до Булгакова Затона), не существуетъ частью потому что пароходы туда не ходятъ, частью же потому, что разливъ воды не спалъ еще, и мѣстами совсѣмъ нельзя ѣхать на лошадяхъ. Когда я началъ спрашивать о томъ, какъ мнѣ пробраться въ Царевъ—мнѣ предложили по крайности 10 маршрутовъ, такъ какъ настоящаго, общепризнаннаго пути не существуетъ въ это время года. Не знаю, по сколько удачно выбралъ я одинъ

изъ маршрутовъ, но, оказалось, что пароходъ, на которомъ я поѣхалъ высадилъ меня на пустомъ берегу Волги за 7 верстъ отъ ближайшаго жилья. Положеніе поистинѣ траги-комическое. Ни души вокругъ — сижу себѣ на берегу и посвистую. А дѣло то къ ночи. Идти пѣшкомъ не могу, ибо не совладаю съ багажомъ своимъ, а бросить его жаль. Наконецъ, судьба послала мнѣ нѣкоего торговца, который проѣзжалъ недалеко отъ того мѣста—на мои отчаянные вопли о помощи остановился. Онъ же и доставилъ меня въ Царевъ, но ужъ зато и содралъ же! Царевъ — обратился ко мнѣ пока только ласковыми своими сторонами. Былъ у исправника — очень любезенъ. Обѣщалъ меня не трогать и меня просилъ о томъ же! Великолѣпно! Нѣтъ, право онъ мнѣ понравился. Думаю съ нимъ на охоту ѣздить, а онъ то оказывается охотникъ, да еще и престрастный. Очевидно, угадывая мои желанія, онъ обѣщалъ посодѣйствовать тому, чтобы меня поскорѣй перевели обратно въ Астрахань. Былъ въ съѣздѣ — тамъ мнѣ сказали, что теперь нѣтъ предсѣдателя, отъ котораго зависитъ принять меня на работу,— онъ въ отпускѣ, но что въ Царевѣ умѣютъ цѣнить «образованнаго» человѣка, и что, конечно, на работу разсчитывать я могу вполнѣ. Работа то будетъ писарская, рублей на 20 въ мѣсяцъ. Вечеромъ пошелъ дать тебѣ телеграмму и вотъ тутъ то Царевъ предсталъ въ полномъ своемъ величіи. Написалъ я телеграмму и прошу записать мой адресъ, чтобы обезпечить доставку твоей телеграммы мнѣ. Зачѣмъ?—спрашиваютъ. — Вѣдь мы Васъ знаемъ! Удивляюсь, конечно. Откуда?—Да какъ же, говорятъ, вѣдь Вы сегодня пріѣхали къ намъ въ Царевъ и остановились у дѣда Ушинина.—Ну—благо!!! Итакъ, нанялъ квартиру и послалъ тебѣ телеграмму и жду.

Твой *Юва*.

Если ты это письмо получишь, такъ знай, что наканунѣ выѣзда ты должна дать телеграмму такого рода: «Выѣзжаю такого то числа Мася» и я, своевременно получивъ ее, встрѣчу тебя въ Царицынѣ, куда меня обѣщали пустить.

Мой адресъ: г. Царевъ, Астраханской губ., Михайловская улица, домъ Прокопенкова.

А для телеграммъ: Царевъ Астраханской Ушинину.

№ 7.

17 іюня 99 г.

И какъ не стыдно, какъ не совѣстно, моя дорогая, милая, голубка, ругаться за то что долго не писалъ? Ну, а что писать то было? Вѣдь то письмо, на которое ты отвѣтила мнѣ, было первое, въ которомъ я могъ дать тебѣ хоть какой-либо адресъ. А это значитъ, что это первая ночь, которую я провелъ въ сколько нибудь подходящей обстановкѣ для того, чтобы хоть письмо написать. До тѣхъ поръ я былъ или въ поѣздѣ или же ночевалъ гдѣ либо въ дешевомъ трактирѣ.—Согласись, что это не располагало по душѣ разговаривать хоть бы и письменно, а то и просто дѣлало невозможнымъ написать, по той простой причинѣ, что и пера - чернила подъ рукой не было. Ну, да ладно. Что тебѣ теперь писать то? Вѣдь все мое настроеніе, или, вѣрнѣе, состояніе духа очень опредѣленно укладывается въ очень нехитрую формулу: «Скучно, Маська-Масюрка, окончательно!!!» Работы я еще себѣ не нашелъ, да и трудно это по состоянію моего здоровья. Правда, я поправился и очевидно поправляюсь, но это сопровождается субъективнымъ ощущеніемъ слабости. Я какъ-то опустился, размякъ окончательно и расположенъ лежать и ничего не дѣлать. Впрочемъ, это съ физіологической точки зрѣнія объяснимо, да такъ оно и должно быть. Ну, вотъ. Имѣю возможность читать, но мало ею пользуюсь. Имѣю возможность пойти въ гости, поговорить съ хорошимъ человѣкомъ, но это мало утѣшительно. Здѣшній хорошій человѣкъ—замученъ онъ, сплетничаетъ, выдохся, значитъ.

Раздражителенъ онъ—ажно тебя разбираетъ, какъ только сунешься къ нему. Вотъ сидишь и скучаешь до одурѣнія. Нужно бы строить свою собственную норку, свою обстановку, въ которой бы не чувствовалось еще растлѣвающей скуки вынужденнаго бездѣйствія, въ которой и самъ бы отдыхалъ, да и хорошему человѣку предоставилъ бы возможность отдохнуть. Но сдѣлать что-либо въ этомъ направленіи безъ тебя мнѣ не подъ силу. Сижу поэтому и тебя поджидаю. Хотѣлъ было употребить это время на леченіе—опять не выходитъ. Хорошаго врача тутъ нѣтъ, кажется, такъ же какъ и въ Ромнахъ, а лѣчиться самому (начать

пить кумысъ, котораго тутъ много и дешевъ онъ) настроеніе мѣшаетъ—просто сказать лѣнь, не охота. Попробовалъ было пойти къ «лучшему» врачу—а онъ посмотрѣлъ меня да и говоритъ: «Ничего у Васъ нѣтъ—и грудь здорова и сердце—словомъ окончательно Вы здоровы». Что тутъ ему сказать?—Такъ отчего-же, докторъ, силъ у меня нѣтъ, отчего работать я не могу?—«А я почемъ знаю, говоритъ—Быть можетъ было у вась что либо острое, а теперь нѣтъ. Погуляйте, де, поправьтесь, а тамъ можно будетъ вамъ придумать что либо вродѣ грязей». (Тутъ есть грязи, помогающія отъ ревматизма и вотъ объ нихъ то я собственно и хотѣлъ было съ нимъ посовѣтываться), а теперь—нельзя. Ну, словомъ сказать, дуракъ онъ. Говоритъ здоровъ, а совѣтуетъ поправиться прежде! Отчего поправляться то?—Отъ здоровья что-ли?—Такъ и ушелъ я отъ него ни съ чѣмъ. И опять мнѣ скучно окончательно? И квартира моя буржуазная мнѣ надоѣла. Первое время хлопоталъ о томъ, чтобы держать ее опрятно, какъ и подобаетъ ей буржуазной. (Вѣдь за одинъ балконъ плачу 7 рублей то!), а теперь бросилъ—плевать окончательно! Пыль, вездѣ окурки—словомъ, мерзость запустенія—наплевать! Вотъ ужо получу твою телеграмму—приберу тогда, такъ и быть.

Ссылка вѣдь здѣсь, Мася! Право не хочется и подтягивать себя.

№ 8.

17 марта 1900 г.

Что тебѣ написать, Вѣра? Ты уже знаешь, что лѣто я провелъ въ Царевѣ, гдѣ приходилось жить на готовыя деньги и нельзя было ничего заработать. Поэтому, какъ только осенью прошлаго года мнѣ удалось перебраться въ Астрахань, я естественно весь ушелъ въ исканіе заработка. Это мнѣ и удалось въ значительной мѣрѣ. Мнѣ не только удалось самому устроиться очень выгодно, но пристроить также и всѣхъ товарищей-рабочихъ. Я взялся ремонтировать морской корабль. При чемъ получалъ жалованія по 100 рублей да предполагалась еще большая награда въ случаѣ успѣшнаго окончанія работы. Дѣло въ томъ, что въ такой успѣхъ плохо вѣрится, потому что взялся я сдѣ-

лать ремонтъ за 15.000 рублей тогда, когда корабль уже былъ сданъ заводу за 23.000 рублей. Значитъ я, по просту вырвалъ изо рта у заводчика. Ну ладно. Теперь уже дѣло сдѣлано. Корабль оконченъ. И все было бы хорошо, если бы я не захворалъ. А то вышло такъ, что проработать мнѣ удалось только мѣсяцъ. Только, только удалось мнѣ организовать работы на суднѣ (тамъ работали до 100 человѣкъ), какъ я и захворалъ и вотъ уже $1\frac{1}{2}$ мѣсяца не встаю съ кровати. По счастью я съумѣлъ окончить работу и будучи больнымъ, значитъ, жалованіе я получалъ, а вотъ ужъ насчетъ награды не знаю, выдадутъ ли ее мнѣ. Если да—уѣду въ деревню на поправку. Вообще плохая моя жизнь безъ здоровья. И планы роятся и чувствую себя способнымъ быть полезнымъ не только для себя но и для окружающихъ, и все это очень естественно прекращается...— заболѣлъ и стопъ! Поэтому то и писать не охота. Есть въ головѣ мысли—можно бы и подѣлиться съ тобой, да къ чему все это, ежели приходится отъ чахотки пропадать?

Прощай твой *Юва*.

Адресъ: Астрахань, Безроднинская ул., д. Лупитиной, № 56.

Напишу когда буду чувствовать себя лучше!

Министерство Юстиціи.

ВРЕМЕННАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ
по производству
ОСОБЫХЪ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ.

Марта 23 дня
1900 г.
№ 839.
С.-Петербургъ.

Копія съ копіи.

Секретно.

По Высочайшему повелѣнію.

Господину Прокурору Кіевской Судебной Палаты.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему обстоятельствъ дѣла о бывшемъ студентѣ мѣщанинѣ Борисѣ Эйдельманѣ и другихъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, въ 22 день

Марта 1900 года Высочайше повелѣть соизволилъ разрѣшить настоящее дознаніе административнымъ порядкомъ съ тѣмъ, чтобы, по вмѣненіи нижепоименованныхъ обвиняемыхъ, за исключеніемъ Табачника, Блувштейна, Жозефины Доманской, Бруштейна, Лисянской, Бржезицкой и Ольги Мазараки, въ наказаніе предварительнаго заключенія.

I) Выслать подъ гласный надзоръ полиціи: а) въ Восточную Сибирь: Бориса Эйдельмана и Льва Теслера—на восемь лѣтъ, Айзика Поляка—на шесть лѣтъ, Сару (Софью) Померанецъ, она же Померанцъ, Константина Солодухо—на пять лѣтъ, Рашу (Рашель) Стражъ—на четыре года и Бенціона Кауфмана—на три года, и б) въ Вологодскую губернію: Казимира Петрусевича—на пять лѣтъ, Павла Тучанскаго—на четыре года, Николая Бердяева, Петра Бѣлоусова, Андрея Дмитріевскаго, Викентія Дрелинга, Леопольда Заливскаго, Вѣру Крыжановскую, нынѣ по мужу Тучапскую, Николая Мукалова, Петра-Валенса Полонскаго, Адама-Андрея Рабчевскаго, Бориса-Павла-Эдуарда Шепа, Казимира Шуляковскаго—на три года, Ивана же Баглѣя—на два года.

II) Подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ: Вацлава Климовича—на шесть мѣсяцевъ, Арона Блувштейна и Арона Табачника—на три мѣсяца, а затѣмъ подчинить гласному надзору полиціи: Климовича—на три года внѣ столицъ, столичныхъ губерній, университетскихъ городовъ и тѣхъ фабричныхъ мѣстностей, въ коихъ пребываніе его Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ будетъ признано вреднымъ, Блувштейна и Табачника—на одинъ годъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, за исключеніемъ, однако, университетскихъ городовъ и тѣхъ фабричныхъ центровъ,

гдѣ присутствіе названныхъ обвиняемыхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ будетъ признано нежелательнымъ.

III) Отдать подъ гласный надзоръ полиціи въ чертѣ еврейской осѣдлости: а) Моисея Гинзбурга, Израиля (Сруля) Коссовскаго, онъ же Касовскій, Веніамина Люльева—на три года, Итту Бункину, Афроима Виленскаго, Хаима Гельфанда, Давида Гехта, Менделя Гуревича, Абрама Краснощека, Абрама-Овшія Круша, Хонона Лившица, Веніамина Маркова, Арію-Лейбу Молдавскаго, Элію-Хайкеля Пекерскаго, Геню (Евгенію) Рабиновичъ, Шейну (Александру) Ратнеръ и Лейзера Шеренциса—на два года; Малку Альтшулеръ, Двосю Богорадъ, Янкеля Болотнаго, Песю Зиманъ, Абрама Сонкина и Шлему-Арона Хаскина—на одинъ годъ въ избранныхъ ими мѣстахъ жительства, воспретивъ, однако, всѣмъ перечисленнымъ лицамъ проживаніе в теченіе указанныхъ сроковъ въ университетскихъ городахъ и тѣхъ мѣстностяхъ фабричнаго раіона, въ коихъ присутствіе ихъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ будетъ признано вреднымъ, и б) Исаака Биска, Миндлю (Мину) Богорадъ, Хаю-Фейгу Богорадъ, Еселя Брунштейна, Нахмана Донина, Мордуха (Мотеля) Завалкова, Еву Лисянскую, Нисона Мининберга, Ицку Миркина, Фроима Прицкера (Фраду Пружинину), Янкеля Соловейчика, Ефрема Фрейдина, Ицку (Исаака) Штейна, Вигдора Штейнбарга и Кейлю Эстринъ—на одинъ годъ въ избранныхъ ими мѣстахъ жительства.

IV) Подчинить гласному надзору полиціи: а) Ивана Колесника, Бориса Кранцфельда и Луку Терпило—на три года; Раису Баглѣй, урожденную Брауде,

Гумберта-Александра Валенцкаго, Анатолія Вержбицкаго, Дмитрія Иваненко, Александра Іогансена, Севастьяна Каленскаго, Ивана Каправа, Романа Маевскаго, Эдуарда Плетата, Павла Рудина, Марію Смидовичъ и Василія Степанова—на два года; Александра Иванова, Осипа Іодиса, Григорія Макаренко, Александра Охоцкаго и Александра Соболевскаго—на одинъ годъ въ избранныхъ ими мѣстахъ жительства, по внѣ столицъ, столичныхъ губерній, университетскихъ городовъ и тѣхъ фабричныхъ центровъ, гдѣ пребываніе поименованныхъ обвиняемыхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ будетъ признано нежелательнымъ; б) Ревекку Цейтлинъ—на два года въ мѣсте жительства ея матери—мѣстечкѣ Руднѣ, Могилевской губерніи и в) Карла Зборовича, Елизавету Чарномскую—на два года, Николая Алексѣева, Владимира Асмолова, Леонида Асмолова, Ольгу Бѣлоусову, урожденную Яцимирскую, Вѣру Водовозову, урожденную Шейдакову, Юліуса Глуглевича, Жозефину Доманскую, Констанцію Доманскую, Марію Доманскую, Устина Илюка, онъ же Иллюкъ, Ивана Корженевскаго, Владимира Соболева, Михаила Теличко, Станислава Трубнаго и Нарциза Якубовскаго—на одинъ годъ въ избранныхъ ими мѣстахъ жительства, съ воспрещеніемъ Зборовичу въ теченіи срока надзора проживанія въ столицахъ, столичныхъ губерніяхъ и тѣхъ мѣстностяхъ фабричнаго раіона, въ коихъ присутствіе его Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ будетъ признано вреднымъ.

V) Отдать студентовъ университета св. Владимира—Василія Михайлова, Константина Василенко и Маркуса Берлинер-

блау подъ особый надзоръ ихъ учебнаго начальства: перваго—на два года, прочихъ—на одинъ годъ, съ замѣною этого наказанія, въ случаѣ выхода или увольненія названныхъ обвиняемыхъ изъ университета ранѣе окончанія указанныхъ сроковъ, гласнымъ надзоромъ полиціи на все остающееся до истеченія сихъ сроковъ время — Берлинерблау — въ чертѣ еврейской осѣдлости, Михайлова и Василенко—въ избранныхъ ими мѣстахъ жительства.

VI) Выдержать Ольгу Бржезицкую и Ольгу Мазараки подъ арестомъ при тюрьмѣ въ теченіе десяти дней каждую, и

VII) Принятіемъ означенныхъ мѣръ взысканія относительно Раши (Рашели) Стражъ, Константина Солодухо, Вацлава Климовича, Бенціона Кауфмана, Луки Терпило, Айзика Поляка, Бориса Кранцфельда и Хонона Лившица разрѣшить и другія пріостановленныя о нихъ дознанія, производившіяся при С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Кіевскомъ, Черниговскомъ губернскихъ, Донскомъ областномъ и Одесскомъ жандармскихъ управленіяхъ, а въ отношеніи Хаима Гельфанда оставить безъ дальнѣйшаго исполненія воспослѣдовавшее о немъ 19 февраля 1897 года Высочайшее повелѣніе.

О таковой Монаршей волѣ, мною одновременно съ симъ сообщенной: къ исполненію—Министру Внутреннихъ Дѣлъ въ отношеніи высылки и подчиненія обвиняемыхъ гласному надзору полиціи и Министру Народнаго Просвѣщенія на предметъ учрежденія надъ Михайловымъ, Василенко и Берлинерблау особаго надзора ихъ учебнаго начальства,—и для свѣдѣнія Прокурорамъ С.-Петербургской, Московской, Харьковской, Одесской и Виленской Судебныхъ Палатъ, поставляю Ваше Превосходительство въ извѣстность, вслѣдствіе рапорта 9 сентября 1899 года за

№ 900 и въ дополненіе къ ордерамъ отъ 19 мая и 2 іюня 1899 года за №№ 1326 и 1430, для зависящихъ съ Вашей стороны распоряженій о заключеніи въ тюрьму Климовича, Блуштейна и Табачника, выдержаніи подъ арестомъ Бржезицкой и Мазараки и вмѣненіи подлежащимъ лицамъ въ наказаніе предварительнаго содержанія подъ стражею.

Къ сему считаю нужнымъ присовокупить, что, по состоявшемуся съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ соглашенію, настоящее дознаніе пріостановлено: относительно Эстеръ Зильберманъ, Шаи Лапидуса и Евгеніи Этингеръ — впредь до ихъ явки или задержанія; въ отношеніи Бейлы Вольфсонъ, нынѣ по мужу Гуревичъ, Моисея (Мовши-Хаима) Душкана, Маріи (Миндель) Зеликманъ, Абрама Мильштейна, Эстеръ-Рейзы Орловой, урожденной Левинъ, Мордуха-Лейбы Орлова и Ицки-Гершона Рудермана—для совмѣстнаго разсмотрѣнія съ другими производящимися о нихъ дѣлами, и относительно Максиміліана-Шимона Высоцкаго, Шлемы Давидовича, Виктора Жеглинскаго, Луки Лисецкаго, Антона Савицкаго, Филиппа Тарары, Василія Ткаченко, Людвига Трубнаго, Залмана-Давида Фрейдина и Моисея Яголковскаго - до предварительнаго сношенія съ Военнымъ Министерствомъ, и прекращено: въ отношеніи Залмана Берхина, Ицки Бѣлиньскаго, Ицки-Янкеля Гельфанда, Полины (Песи) Гиберманъ, Всеволода Лопатина, Нины Лопатиной, Мордуха Люльева, Николая Муравьева, Георгія Паляницы, Абрама Слосмана, Маріи Тартаковской, Мечислава Турчука, Никиты Федорчука, Маріи Шуляковской и Моисея Энтина—по недостаточности уликъ и относительно Хаима Гехта—за смертью его.

Подлинное дознаніе, съ относящимися къ оному приложеніями, будетъ возвращено по миновании въ немъ надобности.

Министръ Юстиціи Статсъ-Секретарь *Муравьевъ*.
За Завѣдывающаго Канцеляріей *Максимовскій*.
Надписанному «Элію-Хайкелу Пекерскаго»—вѣрить.

Вѣрно:

Секретарь при Прокурорѣ Кіевской Судебной Палаты

Слѣпушкинъ.

Три корреспонденции из России в „Форвертс“.

О социал-демократическом движении в России периода 1-го съезда мы нашли в центральном органе немецкой социал-демократии «Форвертс'е» три корреспонденции из России, которые приводим ниже в русском переводе.

I.

Из России, конец сентября (собств. корресп). Зачатки рабочей прессы в России.

К числу уже указанных в «Форвертс'е» рабочих газет, тайно распространяемых в России, прибавились в последнее время еще две, издающиеся в самой России и не литографированные или гектографированные, а напечатанные в типографии; это—«Рабочая Газета» на русском языке и «Рабочий Голос», (Arbeiterstimme)—на еврейском.

Первая газета имеет формат приблизительно немецкого «Gleichheit» (органа немецкой с.-д. женской организации), и напечатана в «типографии русских социал-демократов». Первый номер «Раб. Голоса» — органа «группы еврейских социал-демократов в России (место печатания этой газеты, равно как и русской, неизвестно) вышел в формате небольшой ежедневной газеты в 2 страницы.

Последнюю газету проектируется выпускать два раза в месяц. Как нам сообщают, за первым номером после короткого промежутка последовал двойной номер 2 — 3. Кроме весьма интересных сообщений о состоянии рабочего движения в различных местах России (так, напр., мы узнаем из «Раб. Газеты» неизвестный нам до сих пор факт, что в день 1-го мая с. г. 512 рабочих в железнодорожных мастерских Киева после обеда не явились на работу и устроили маевку за городом), газеты содержат, между прочим, и статьи программного характера. Обе газеты проводят тот взгляд, что

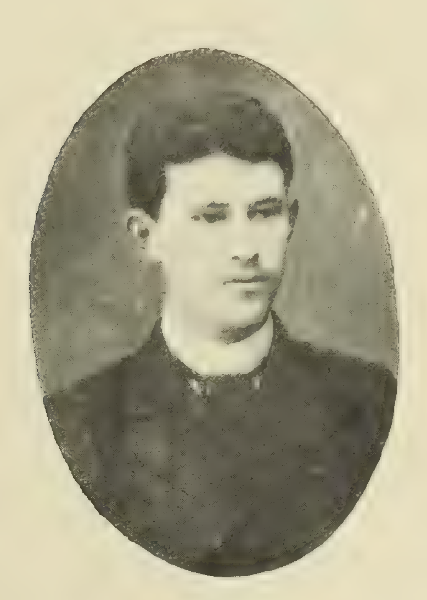
Члены группы „РАБОЧЕГО ЗНАМЕНИ“.

Моисей Лурье.

Михаил Лурье.

Д. Гершанович.

экономическая борьба русских рабочих против предпринимателей, ведущая к постоянным конфликтам рабочих с различными органами русского правительства с естественной необходимостью, в постоянно увеличивающихся размерах, будет вызывать рост и укрепление их политического сознания, их тяготение к приобретению политических прав. Обе газеты считают своей задачей содействовать укреплению классового сознания рабочих и ускорению процесса развития их политического сознания.

Как далеко в некоторых местах подвинулось вперед развитие самосознания рабочих, можно судить по тому, в высшей степени отрадному, факту, что не только от рабочих исходит инициатива появления газеты «Раб. Голос», но что и сами рабочие, без какой бы то ни было помощи так называемой «интеллигенции», ее составили и отпечатали.

В невероятно тяжелых условиях могут выходить и распространяться эти газеты и как зачатки русской рабочей прессы—пусть, по необходимости, скромные зачатки—они заслуживают нашего живейшего признания.

Потребность в информации и разъяснении экономических и политических вопросов у передовых рабочих России так велика, что можно быть уверенным в готовности русских товарищей без колебаний принести все жертвы—как бы они велики ни были—для поддержания тайной рабочей прессы.

(№ 231, 3 октября 1897 г).
2-е приложение.

II.

Россия. Нам доставлен № 2 тайно печатаемой в России «Рабочей Газеты». В 32-х страницах этого номера содержатся, между прочим, интересные корреспонденции о борьбе ткачей во Владимирской губ. и в селе Наволоки Костромской губ., о стачках в Москве, в Екатеринославе и рабочем движении в Вильне. Сообщается о выходе рабочей газеты «Наше Дело» в одном из южных городов. В передовице «Рабочей Газеты» проводится мысль, что настало время для объединения рассеянных в разных местах России рабочих групп.

(16-го января 1898 г., № 13)

III.

С.-Петербург, 15 марта 1898 г.

Немецкой социал-демократии.

Товарищи! Мы приветствуем немецкую социал-демократию в знаменательный день великой борьбы против политического бесправия народа.

50 лет тому назад революционные борцы нанесли в Германии первый удар абсолютизму. Преклоняясь перед могилами павших борцов, немецкий пролетариат может сегодня с заслуженной гордостью сказать, что он был верным хранителем революционных заветов, ибо создал политическую партию, которая ведет его прямой дорогой к победе.

Отдавая должную дань памяти немецких борцов 1848 года, мы, русские рабочие, тем сильнее чувствуем их заслуги перед немецким пролетариатом, что наш абсолютизм находится в полном расцвете своих сил; не ослабляемый общественными учреждениями, он стоит поперек пути нашему пролетариату и возлагает на него труднейшие задачи. Положение русского пролетариата затрудняется тем, что он не может рассчитывать на содействие буржуазных элементов, ибо финансовые потребности страны принудили царизм ослабить оковы феодализма и без борьбы, без кровопролития дать буржуазии тот простор для промышленного развития, который он на западе должен был завоевать на баррикадах.

Но развитие промышленности гигантскими шагами идет вперед в России; вместе с промышленностью развивается русский пролетариат и растет его классовое сознание.

Борьба против абсолютизма станет вскоре для русского пролетариата ближайшей целью и условием его дальнейшего развития.

Вам известно, в каких тяжелых условиях ведут свою борьбу русские рабочие. Тысячи томятся в тюрьмах и в Сибири. Но никакие меры преследования не испугают русского пролетариата, который не оставит борьбы до тех пор, пока он не добьется своего освобождения от политического рабства.

Мы чествуем память борцов 1848 г., как наших учителей в борьбе за политическую свободу. Память об их геройской гибели в борьбе за свободу будет вечно жить в наших сердцах.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса в Петербурге, Москве, Киеве и Екатеринославе и Всеобщий Еврейский Рабочий Союз России и Польши.

(„Форвертс", 18 марта 1898 г., № 65.)

Последняя корреспонденция заслуживает особого внимания. Весь номер газеты, где она помещена, посвящен пятидесятилетнему юбилею революции 1848 года в Германии; этому юбилею посвящено и письмо от русской социал-демократии. Дата и подпись письма вызывают некоторые недоразумения, которые не мог разрешить спрошенный нами участник 1-го съезда т. Эйдельман. Он об этом письме ничего не помнит, но ознакомившись с его содержанием, высказал полную уверенность в его аутентичности. Дата 15-е марта может быть только нового стиля, т.-е. 2-е марта старого, когда участники съезда находились в Минске.

Безусловно ошибочно указано место составления письма—Петербург. Если даже допустить, что письмо составлено петербургским делегатом 1-го съезда, то подпись письма могла быть получена только в Минске. Очевидным доказательством аутентичности письма является подпись—«союзы»... и т. д. В самом деле, 18-го марта нового стиля, т.-е. 5-го марта старого, узнать о действительных союзах, представленных на сильно законспирированном 1-м съезде, газета «Форвертс» могла от действительных его участников, и только от них одних.

Установить подлинность письма необходимо ввиду большой исторической важности его содержания. Покойный тов. Акимов и рабочедельцы утверждали, что Киевская «Рабочая Газета» тяготела к бернштейнианству и экономизму. Взгляд на особую природу царизма, с которым вполне мирно может ужиться русская буржуазия, и на исключительную роль, выпадающую ввиду этого на русский пролетариат, мог исходить от такого идейного течения в русской социал-демократии, которое не имеет ничего общего с экономизмом и бернштейнианством.

Это место из немецкого письма объясняет нам также, почему манифест, составленный П. Б. Струве, вызвал такое сильное недовольство со стороны передовых русских марксистов того времени, и был встречен почти равнодушно и кружками, и подпольной прессой. Приветствовался факт образования партии Р.С.Д.Р.П. на первом учредительном съезде, но игнорировался манифест, не выражавший действительных взглядов передовых борцов русской социал-демократии на задачи революционного рабочего движения в России.

Сообщил *П. Антокольский.*

С.-Петербург, 1898 г. Май.

Рабочее знамя № 1 [1]).

Органъ русской соціалъ-демократической партіи.

Товарищи, распространяйте «Рабочее Знамя»!

С.-Петербургъ. 15 мая.

Ровно 50 лѣтъ тому назадъ надъ міромъ раздался могущественный, властный, однихъ воодушевившій, другихъ испугавшій призывъ:

«Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь».

Какъ мало словъ и какъ много сказано. Прозорливость геніальной мысли и пылъ горячаго сердца, насущная потребность настоящаго и великая задача будущаго, планъ сраженія и боевой кличъ — все соединилось въ этихъ немногихъ словахъ. И этотъ пламенный, страстный призывъ нашелъ готовую отзывчивую армію. Она набирается не по царскому указу, но ряды ея все полнѣютъ; солдаты ея не одѣты въ блестящіе мундиры, часто не доѣдаютъ, и остаются безъ пристанища, — а ихъ начинаетъ страшиться весь міръ. Это — все растущая численно, все развивающаяся духовно армія наемныхъ невольниковъ, пролетаріевъ. Отдѣльные отряды этой великой арміи разбросаны по всему міру, на разныхъ языкахъ написаны порабощающіе ихъ законы, въ разныхъ церквахъ во имя разныхъ боговъ ихъ призываютъ къ терпѣнію и покорности, но всѣхъ эксплуатируютъ по одному способу и это превращаетъ ихъ въ одну армію, которой недостаетъ только объединенія для того, чтобы побѣдить весь міръ. Вотъ почему призывъ къ

---

[1]) Передовая статья из органа «Рабочее Знамя» № 1 выпущена была отдельным оттиском в виде прокламации (см. «Красная летопись» № 2—3 ст. *С. Н. Валка.* «К документальной истории «Рабочего Знамени»).

Примечание редакции.

объединенію рабочихъ всѣхъ странъ навелъ трепетъ на тѣхъ, которые въ настоящее время владѣютъ міромъ и его богатствами.

И они не напрасно испугались. Рабочіе недаромъ прожили эти полвѣка. За это время они далеко подвинулись по пути объединенія. Путь этотъ сложный, какъ сложна самая задача объединенія пролетаріата. Это въ сущности двѣ задачи: объединеніе для борьбы за улучшеніе жизненныхъ условій рабочаго класса при капиталистическомъ строѣ и объединеніе для борьбы за уничтоженіе самаго капиталистическаго строя, самаго порядка, основаннаго на господствѣ денегъ и имущества надъ человѣкомъ. Первая борьба имѣетъ въ виду интересы ближайшіе, вторая — болѣе отдаленные. Интересы настоящаго — какъ сокращеніе рабочаго дня, увеличеніе жизненныхъ средствъ, вынужденіе фабричныхъ законовъ, завоеваніе политическихъ правъ (участіе въ законодательствѣ и управленіи государствомъ) — всѣ эти задачи различны у рабочихъ разныхъ странъ и народовъ; задача будущаго — уничтоженіе вѣковой подчиненности рабочаго класса классамъ эксплуатирующимъ и установленіе господства производителей надъ производствомъ — эта задача общая у пролетаріата всего міра. Отсюда — двойной характеръ объединительнаго движенія рабочаго класса: объединеніе внутреннее для сведенія первыхъ счетовъ съ своими ближайшими врагами, съ своими капиталистами, съ своимъ правительствомъ, и объединеніе международное, всеобщее — для уничтоженія всемірной власти капитала, уничтоженія всего капиталистическаго строя съ его дѣленіемъ общества на классы имущіе и неимущіе, властвующіе и подчиненные.

Задачи настоящаго — самыя острыя, самыя жгучія и первоначально онѣ поглощаютъ все вниманіе рабочихъ. И на первыхъ порахъ возникновенія рабочаго движенія во всѣхъ развитыхъ странахъ съ особенной силою закипаетъ работа внутренняго объединенія для разрѣшенія этихъ насущныхъ задачъ. Устраиваются профессіональные и мѣстные союзы и кассы для взаимной поддержки во время забастовокъ, между отдѣльными союзами устанавливается прочная матеріальная и духовная связь, объединяются матеріальныя средства, издаются общія газеты, устраиваются общія собранія, объединяются для выбора своихъ депутатовъ въ народное законо-

дательное собраніе, выставляются общія требованія и достигаются общими усиліями.

И шагъ за шагомъ растетъ внутренняя связь, матеріальное благосостояніе и политическое могущество рабочаго класса. Въ настоящее время въ большинствѣ странъ Западной Европы задача внутренняго объединенія почти закончена; рабочій классъ повсюду объединенъ и имѣетъ свою прочную партію, стоящую на стражѣ его матеріальныхъ, правовыхъ и политическихъ интересовъ.

Но даже и вполнѣ объединенный рабочій классъ отдѣльной страны не въ силахъ совсѣмъ сбросить съ себя цѣпи капитала. Капиталъ не имѣетъ отечества. Капиталисты всѣхъ странъ связаны между собою, если не духовными, то матеріальными узами. Они захватили въ свои сѣти производство всего міра, раздѣлили его между отдѣльными странами и связали ихъ между собой обмѣномъ товаровъ. Какъ въ одномъ городѣ отдѣльный ремесленникъ не можетъ жить безъ продуктовъ другого ремесленника, такъ въ настоящее время одна страна не можетъ существовать безъ произведеній другихъ странъ. Кромѣ производства имущіе классы захватили въ свои руки и власть, и хотя правительства отдѣльныхъ странъ грызутся между собой за преобладаніе, но они согласны въ стремленіи подавить рабочій классъ и окажутъ другъ другу помощь въ случаѣ серьезной опасности со стороны пролетаріата. Поэтому рабочій классъ не можетъ вырвать изъ сѣтей капитализма одну отдѣльную страну; онъ можетъ завоевать только весь міръ.

Рабочіе хорошо понимаютъ это и, укрѣпившись у себя дома, начинаютъ удѣлять все больше вниманія дѣлу международнаго объединенія, объединенія рабочаго класса всего міра. Начинаются оживленныя сношенія, устраиваются съѣзды, на которые стекаются представители рабочихъ со всѣхъ концовъ свѣта, дѣлятся достигнутыми результатами, сообща вырабатываютъ способы взаимопомощи въ борьбѣ и намѣчаютъ уже планъ рѣшительнаго боя объединеннаго рабочаго класса со всѣмъ порядкомъ, основаннымъ на господствѣ человѣка надъ человѣкомъ. И теперь во всѣхъ странахъ оба движенія — внутреннее и международное объединеніе — въ полномъ разгарѣ; они идутъ рядомъ, дополняя и усиливая одно другое. Всеобщіе враги рабочаго класса съ тревогою ви-

дятъ, какъ настойчиво и упорно выполняется великій завѣтъ— «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь»—и какъ близится конецъ ихъ господству, ихъ пированію за счетъ чужого труда.

Такъ происходило и происходитъ тамъ, гдѣ людей не тяпутъ въ участокъ за каждое слово, гдѣ рабочихъ не сажаютъ въ тюрьму за общее заявленіе о своемъ желаніи жить по-человѣчески, гдѣ они пользуются правомъ участвовать посредствомъ своихъ представителей въ управленіи страною, законодательствѣ. Что дѣлается въ это время у насъ? Между тѣмъ, какъ наши товарищи за границей сплачиваются для вынужденія у своихъ противниковъ все больше уступокъ и для окончательнаго уничтоженія всякой неволи,—что дѣлаемъ въ это время мы, русскіе рабочіе, по общему признанію болѣе другихъ обираемые.

У насъ долгое время всякое рабочее движеніе считали невозможнымъ, какъ движеніе тѣла безъ души.

И дѣйствительно, русскому рабочему классу для объединенія какъ будто не доставало того, что составляетъ живую душу всякаго объединеннаго общественнаго класса,—какъ будто не было рѣшительно никакой возможности для обмѣна мыслей, устнаго и печатнаго, никакой возможности сходиться, предъявлять общія требованія.

Могутъ ли объединяться люди, которымъ запрещено сходиться и потолковать о своихъ дѣлахъ? Могутъ-ли добиться чего-нибудь рабочіе безъ права дѣйствовать за одно? Можетъ ли идти рѣчь объ объединеніи тамъ, гдѣ на стражѣ всѣхъ этихъ запретовъ стоитъ полицейское правительство съ самодержцемъ во главѣ? И наши эксплуататоры долгое время чувствовали себя подъ сѣнью царскаго правительства, какъ у Христа за пазухой.

Ихъ самихъ полицейскіе запреты не стѣсняли. Обсуждая громогласно всякіе грабительскіе проекты, устраивая подъ покровительствомъ министровъ съѣзды и стачки для повышенія цѣнъ товаровъ и усовершенствованія способовъ обиранія тружениковъ,—они были увѣрены, что для рабочихъ общіе требованія и дѣйствія невозможны. И ни въ какой другой странѣ не производилось такого беззастѣнчиваго грабительства, и нигдѣ не было такого длиннаго рабочаго дня, такой низкой заработной платы, такого издѣвательства надъ

личностью рабочаго. И казалось этому пиршеству капитала не будетъ конца.

Такъ казалось, но не такъ вышло на дѣлѣ. Боясь пуще огня объединенія рабочихъ ради интересовъ самихъ рабочихъ, фабриканты все болѣе объединяли ихъ ради своихъ собственныхъ эксплуататорскихъ цѣлей — на фабрикѣ, которую для увеличенія барышей все расширяли, собирая в ней все большія массы обездоленныхъ тружениковъ. И это объединеніе ради грабежа послужило основаніемъ объединенію для борьбы. Рабочіе объединялись потому, что ихъ одинаково угнетали и эксплуатировали, потому что они воочію видѣли свое рабское равенство передъ капиталомъ. И скоро обнаружилось, что въ оковахъ капиталистическаго и правительственнаго гнета находится не мертвый, а живой организмъ, способный чувствовать, думать и дѣйствовать.

Въ разныхъ мѣстахъ начинаются столкновенія между рабочими и фабрикантами. Рабочіе сходятся, толкуютъ объ общихъ дѣлахъ, не справляясь въ участкѣ, дозволенъ ли такой разговоръ; они читаютъ книги, не справляясь есть ли на нихъ надпись: «Дозволено цензурою» и, самое главное — они устраиваютъ правильныя забастовки, предъявляя всѣ, какъ одинъ человѣкъ, одинаковыя требованія. Фабриканты и правительство были ошеломлены такъ, какъ если бы передъ ними задвигались тюки товаровъ или заговорили машины. Они были изумлены еще болѣе, когда во всеоружіи полицейскихъ законовъ, явной и тайной полиціи, бѣлаго и чернаго духовенства, пѣшей и конной арміи они время отъ времени вынуждены были отступать передъ стойкостью и единодушіемъ рабочихъ и дѣлать имъ существенныя облегченія. Наконецъ, они перестаютъ удивляться и поневолѣ примиряются съ тѣмъ, что у насъ есть рабочее движеніе. Они, конечно, удваиваютъ свою бдительность и преслѣдованія, но рабочіе находятъ достаточно силъ и мужества бороться съ союзомъ капиталистовъ и правительства.

И мы уже видѣли плоды нашихъ усилій, получили награды за жертвы. Чего рабочіе никогда не добивались мольбами, прошеніями, смиреніемъ и молитвами, того они сразу достигаютъ единодушными требованіями. Сокращеніе рабочаго дня, повышеніе заработной платы, болѣе человѣческое обращеніе — все это во многихъ мѣстахъ уже взято

рабочими съ бою. Но мы получили и нѣчто такое, что дороже всѣхъ благъ, чего не измѣрить копѣйками и минутами,—мы получили оружіе—тотъ духъ дружбы и братства, духъ единенія, который дается только въ битвѣ, гдѣ человѣкъ видитъ глазами, чувствуетъ всѣмъ своимъ существомъ, кто его врагъ и кто другъ, кто направляетъ оружіе противъ него, и кто за него. Наши враги достаточно могущественны, чтобы временами многихъ из насъ лишить хлѣба; они пользуются всякимъ затруднительнымъ положеніемъ голодныхъ, чтобы надбавить еще полчасика работы или отжилить частичку заработка, но они не въ силахъ отнять у насъ нашей двойной связи братьевъ и воиновъ, нашего пониманія своихъ и—что, не менѣе важно,—ихъ грабительскихъ интересовъ.

Это наше сознательное единеніе можетъ только расти. И оно растетъ съ каждымъ днемъ. Мы видѣли, какъ это объединеніе для общихъ требованій, начинаясь съ отдѣльныхъ фабрикъ, постепенно охватывало всѣ рѣшительно фабрики цѣлой отрасли промышленности, какъ это было въ Московскомъ фабричномъ районѣ, въ Петербургѣ, Иваново-Вознесенскѣ и многихъ мѣстахъ Россіи и почти во всѣхъ промышленныхъ районахъ Царства Польскаго, находящагося подъ владычествомъ того же царскаго правительства. Мы видѣли, какъ рабочіе совершенно различныхъ производствъ оказываютъ другъ другу матеріальную и нравственную поддержку во время забастовокъ, мы видѣли, какъ стойкая борьба петербургскихъ ткачей заставила правительство издать законъ объ ограниченіи рабочаго дня, законъ, который, независимо отъ того, даетъ ли онъ что-нибудь дѣйствительно рабочимъ или нѣтъ, является со стороны правительства открытымъ признаніемъ силы и могущества объединенныхъ рабочихъ. Все это мы видѣли, но мы должны увидѣть нѣчто гораздо большее. Мы еще въ началѣ того пути, который почти пройденъ нашими заграничными товарищами. Мы должны достигнуть полнаго внутренняго объединенія, мы должны объединить и вести по общему плану ту борьбу, которую мы теперь ведемъ разрозненными мѣстными силами. Правительство, которому не удалось потушить самую борьбу, окажется безсильнымъ помѣшать и ея объединенію.

Это дѣло въ нашихъ рукахъ.

Когда у отдѣльной группы рабочихъ назрѣваетъ потребность въ достиженіи общихъ цѣлей соединенными усиліями, то у нея всегда объявляется достаточно честныхъ и преданныхъ товарищей, берущихъ въ свои руки общее дѣло и заслуживающихъ общаго довѣрія.

Такъ уже образовалось много отдѣльныхъ тайныхъ боевыхъ союзовъ, руководящихъ борьбою мѣстныхъ рабочихъ съ ихъ непосредственными врагами.

Естественное стремленіе сдѣлать свою борьбу наиболѣе цѣлесообразною, наиболѣе плодотворною должно слить эти союзы въ одну дружную рабочую партію, дѣйствующую по общему плану. Но только отъ сознанія всѣх рабочихъ зависитъ сообщить этой партіи прочность и могущество. Рабочая армія отличается отъ всякой другой тѣмъ, что она воюетъ для себя, а не для своихъ руководителей. Поэтому, если достоинствомъ всякой арміи является возможно большее послушаніе и возможно меньшее пониманіе, то рабочая армія, наоборотъ, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сама больше понимаетъ цѣли и средства борьбы, чѣмъ больше сама диктуетъ руководителямъ движенія свои задачи.

Признаемъ нашу потребность въ достиженіи дружными усиліями общихъ цѣлей для всѣхъ рабочихъ, и мы упрочимъ существованіе объединенной рабочей партіи, стоящей на стражѣ всеобщихъ интересовъ. У насъ слишкомъ много такихъ общихъ задачъ, разрѣшимыхъ только общими усиліями рабочихъ всей Россіи.

Только соединенными усиліями добьемся мы короткого рабочего дня и сколько-нибудь порядочной заработной платы и тѣмъ положимъ основаніе освобожденію нашей личности отъ капиталистического ига.

Только соединенными силами всего рабочего класса всей Россіи намъ удастся порвать оковы полицейскихъ законовъ, заставляющихъ насъ сходиться тайкомъ, говорить втихомолку о томъ, что всего дороже, всего ближе нашему сердцу. Только соединенными усиліями мы добьемся права участвовать въ законодательствѣ, теперь находящемся цѣликомъ в рукахъ нашихъ враговъ.

Только объединившись въ одну дружину, мы съумѣемъ присоединиться къ міровой рабочей арміи, какъ сильный испытанный въ борьбѣ гарнизонъ, чтобы участвовать въ по-

слѣднемъ рѣшительномъ всемірномъ сраженіи, которое пролетаріи всѣхъ странъ дадутъ своимъ вѣковымъ врагамъ, чтобы навѣки освободиться отъ всякой неволи.

Итакъ, товарищи, наша насущная задача — объединеніе. Противъ правила, рекомендуемаго нашими врагами—«всякъ за себя»—мы выставляемъ правило: «всѣ за всѣхъ».

Объединимся же для борьбы съ нашими эксплуататорами.

Объединимся для борьбы с правительствомъ.

Объединимся для союза съ нашими иноплеменными товарищами.

И мы убеждены, что выражаемъ жгучую потребность всѣхъ нашихъ товарищей и что не въ пустынѣ прозвучитъ нашъ голосъ, когда, подражая великимъ учителямъ нашимъ, мы воскликнемъ:

«Пролетаріи всей Россіи—объединяйтесь».

Программа «Рабочаго Знамени» [1]).

Общественная жизнь нашей страны, по сравненію съ Западной Европой, характеризуется, главнымъ образомъ, полнымъ политическимъ безправіемъ всего русскаго народа. Вся власть, какъ законодательная, такъ и исполнительная, сосредоточена въ рукахъ самодержца-царя, который управляетъ посредствомъ имъ же назначаемыхъ чиновниковъ и совѣтниковъ. Народу же предоставляется только нести тяжелое бремя личныхъ и матеріальныхъ повинностей безъ малѣйшаго участія въ управленіи и законодательствѣ страны.

Такой порядокъ вещей, являясь историческимъ наслѣдіемъ печальнаго прошлаго нашей страны, поддерживается въ настоящее время, съ одной стороны, преданностью небольшой группы дворянъ, чиновниковъ, капиталистовъ и кулаковъ, а съ другой стороны и главнымъ образом,—забитостью

---

[1]) Программа «Рабочего Знамени» то же, что и брошюра «Задачи русской рабочей партіи», изданная рабоче-знаменцами въ 1898 году. Затѣмъ въ Женевѣ она была перепечатана въ 1903 году Куклинымъ въ его сборнике «Итоги революціонного движенія въ Россіи за сорокъ лѣтъ (1862—1902 г.г.). Сборникъ программъ и програмныхъ статей русскихъ революціонныхъ партій и группъ, съ приложеніемъ краткихъ очерковъ по исторіи русского революціонного движенія», откуда мы и перепечатываемъ эту программу. *Примѣчаніе редакціи.*

и отсутствіемъ сознательнаго отношенія къ своимъ интересамъ громаднаго большинства русскаго народа.

Самодержавіе хорошо понимаетъ, чѣмъ держится его власть и поэтому, покровительствуя на счетъ народнаго кармана любезнымъ его сердцу дворянамъ и капиталистамъ, оно въ то же время является заклятымъ врагомъ всего того, что можетъ пробудить народныя массы къ сознательной и активной жизни.

Отсюда тѣ неимовѣрныя гоненія, которымъ подвергаются школы, печать, публичное слово и всякое проявленіе коллективной защиты народомъ своихъ интересовъ. Самодержавіе, очевидно, полагаетъ, что оно само достаточно заботится о благѣ народа, и считаетъ совершенно излишнимъ, чтобы народъ самостоятельно выступилъ на защиту своихъ интересовъ.

И дѣйствительно, самодержавіе выступаетъ защитникомъ, и защитникомъ очень усерднымъ, но не интересовъ народа, а интересовъ и притязаній его эксплуататоровъ—дворянъ и капиталистовъ.

Вынужденное силой обстоятельствъ въ 1861 году освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, оно за все послѣдующее время всѣми силами старается загладить нанесенную дворянамъ обиду.

На первомъ планѣ тутъ стоитъ нѣжная заботливость самодержавія по отношенію къ карману дворянъ. Учреждаются особые банки, изъ которыхъ дворяне получаютъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ ссуды, которыя въ большинствѣ случаевъ не возвращаются и превращаются, такимъ образомъ, въ обыкновенныя подачки. Но еще большее значеніе имѣетъ для кармана дворянъ обыкновенная разверстка податного обложенія земельной собственности. Дворяне, владѣя почти одинаковымъ количествомъ земли съ крестьянами (дворянамъ принадлежитъ сто милліоновъ десятинъ, а крестьянамъ—сто пять милліоновъ десятинъ), платятъ 13 милліоновъ рублей, въ то время, какъ крестьяне платятъ 195 милліоновъ рублей.

Непомѣрное обложеніе въ конецъ разоряетъ крестьянское хозяйство и создаетъ громаднѣйшій деревенскій пролетаріатъ, который вынужденъ искать заработокъ на сторонѣ. Крестьянинъ бѣжитъ изъ деревни въ городъ, на фабрики и заводы;

но тамъ только незначительная часть пролетаріата находитъ себѣ работу. Громаднѣйшая же часть безземельныхъ и безлошадныхъ крестьянъ превращается въ сельскихъ батраковъ, своею численностью далеко превышающихъ то количество рабочихъ, въ которыхъ нуждаются помѣщики. При такихъ условіяхъ степень эксплуатаціи и угнетенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ и, казалось бы, помѣщики должны быть довольны.

Но, оказывается, имъ недостаточно одной власти денегъ,— они съ тоскою вспоминаютъ добрыя старыя времена, времена власти помѣщика, и правительство спѣшитъ ихъ убѣдить, что эти времена не совсѣмъ миновали. Оно издаетъ законы о наймѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, которые даютъ помѣщику власть, мало уступающую его власти при крѣпостномъ правѣ.

Не позабыты и тѣ дворяне, которые волею судебъ лишились своихъ помѣстій. Въ лицѣ земскихъ начальниковъ они получили возможность не только получать приличное содержаніе, но и «отечески» заботиться о матеріальномъ благополучіи и добрыхъ нравахъ крестьянскаго населенія.

Капиталисты не меньше дворянъ пользуются заботливостью самодержавія. Подъ видомъ покровительства отечественной промышленности оно облагаетъ очень высокими пошлинами продукты, ввозимые изъ-за границы, и тѣмъ заставляетъ населеніе страны переплачивать десятки милліоновъ отечественнымъ капиталистамъ. Должно быть, въ виду того же покровительства, оно становится постоянно на сторону капиталистовъ при столкновеніи ихъ интересовъ съ интересами рабочихъ.

При всякомъ, мало-мальски активномъ, выступленіи рабочаго класса въ защиту своихъ интересовъ, оно не отступаетъ ни передъ какимъ насиліемъ, не стѣсняясь прибѣгать и къ ружейнымъ выстрѣламъ, чтобы смирить непокорныхъ и водворить тишину и спокойствіе.

Тишина и спокойствіе—это идеалъ самодержавія.

Все должны безмолвно исполнять предписанія начальства. Крестьяне должны безропотно вносить непосильныя подати, а если ихъ нѣтъ, то такъ же безропотно ложиться подъ розги. Рабочіе должны, не мудрствуя лукаво, давать себя эксплуатировать и тогда въ награду... самодержавіе дастъ имъ спокойно погрязнуть въ нищетѣ и невѣжествѣ.

Но, несмотря на всѣ усилія, спокойствіе не дается самодержавію. Деспотически подавляя всякую честную прогрессивную мысль, всякую безкорыстную дѣятельность, всякое движеніе, направленное къ дѣйствительной защитѣ слабыхъ противъ сильныхъ, оно неизбѣжно толкает активную интеллигенцію на борьбу на жизнь и смерть съ существующимъ строемъ.

Намъ всѣмъ памятна геройская борьба этой интеллигенціи, организованной въ партію «Народная Воля» въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ; борьба, которая настолько пошатнула самодержавіе, что, казалось, вотъ-вотъ оно рухнетъ. Но оно не рухнуло. Лишенная поддержки народныхъ массъ, «Народная Воля» исчерпала въ этой борьбѣ свои силы и оказалась побѣжденной. Наступило долгое затишье. Можно было подумать, что борьба съ самодержавіемъ закончилась, что его владычеству нѣтъ предѣла. Но сѣмя, брошенное партіей «Народная Воля», не совсѣмъ заглохло; оно только ждало подходящей почвы, чтобы вновь возродиться, хотя и въ новомъ видѣ.

За послѣдніе 10—15 лѣтъ многое измѣнилось въ экономическомъ положеніи нашей страны. На-ряду съ разореніемъ крестьянства и упадка мелкого ремесленного производства, очень сильно развилось крупное капиталистическое производство, и создался довольно значительный контингентъ фабричныхъ рабочихъ.

Условія жизни фабричнаго рабочаго, наглядность зависимости его благосостоянія отъ степени эксплуатаціи его фабрикантомъ создаютъ благопріятную почву для болѣе сознательного отношенія рабочаго класса къ своимъ интересамъ. Этотъ ростъ сознанія и не замедлилъ проявиться, и вотъ мы видимъ, что вмѣстѣ съ развитіемъ крупнаго капиталистическаго производства, все болѣе учащается активное выступленіе фабричнаго рабочаго въ защиту своихъ интересовъ. Борьба пока идетъ между рабочими и капиталистами. Но самодержавіе, лишающее рабочихъ легальныхъ средствъ борьбы (запрещая устраивать стачки, организовывать профессіональные союзы и т. п.) и своимъ постояннымъ вмѣшательствомъ, мѣшающее побѣдѣ рабочихъ, само создаетъ благопріятныя условія для дѣятельности революціонной соціалистической партіи.

Дѣятельность русской соціалистической партіи, какъ и дѣятельность соціалистическихъ партій Западной Европы,

имѣетъ въ виду, какъ конечную цѣль, замѣну существующаго капиталистическаго строя коммунистическимъ. Какъ мы уже указали выше, эта цѣль можетъ быть достигнута только тогда, когда политическая власть окончательно перейдетъ въ руки организованного и сознающаго свои классовые интересы пролетаріата.

Обращаясь теперь къ практической дѣятельности соціалистическихъ партій Западной Европы, мы видимъ, что вся она подготовляетъ наступленіе этого момента. Она выражается въ распространеніи идей соціализма и критики существующаго строя, путемъ печати и устной пропаганды въ многолюдныхъ собраніяхъ и организаціи пролетаріата въ политическую партію, принимающую участіе въ управленіи и законодательствѣ страны.

Вся эта дѣятельность совершается легально, на основаніи добытыхъ народомъ кровавой борьбой политическихъ правъ, что допускаетъ самое широкое развитіе ея, и вопросъ объ окончательной побѣдѣ рабочаго класса является тамъ лишь вопросомъ времени.

У насъ при существованіи самодержавія, всѣ способы легальной дѣятельности оказываются для соціалистической партіи невозможными; невозможно и легальное существованіе самой партіи. Также должно признать невозможнымъ при такихъ условіяхъ широкую организацію рабочаго класса.

Поэтому для русской соціалистической партіи ближайшей задачей является достиженіе, путемъ неустанной борьбы съ самодержавіемъ, политическихъ правъ, т.-е.:

1) Права народа участвовать въ управленіи и законодательствѣ страны;
2) свободы совѣсти и религій;
3) свободы слова и печати;
4) свободы сходокъ и собраній и
5) свободы союзовъ и ассоціацій.

Русская соціалистическая партія сумѣетъ этого достигнуть если ей удастся, привлекая на свою сторону всю растущую рабочую массу, которая уже и теперь вступила въ борьбу со своими притѣснителями, стать во главе этой борьбы, т.-е. сумѣть стать рабочей партіей.

Слева направо: Р. Фридман, Раиса Стражи С. Гельман.
Работники I типографии «Рабочего Знамени».

Только партія, стоящая во главѣ рабочаго движенія, найдетъ въ себѣ достаточно силъ и средствъ, чтобы побороть самодержавіе; только она сумѣетъ сбросить это позорное иго съ плечъ русского народа.

Для рабочаго же класса эта борьба, помимо своего непосредственнаго результата—сверженія самодержавія, будетъ имѣть громадное воспитательное значеніе, революціонизируя и пріучая къ совместной борьбѣ рабочія массы, и тѣмъ облегчить ему въ будущемъ окончательную побѣду надъ капиталистическимъ строемъ.

Принимая все это во вниманіе, мы можемъ сказать, что задачей русской рабочей партіи является—выяснить рабочимъ ихъ положеніе и зависимость этого положенія отъ существующаго политическаго и экономическаго строя и создать прочную партійную организацію, которая могла бы превратить разрозненную борьбу рабочихъ въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ поводамъ въ общую борьбу противъ общаго врага.

Переходя къ практическому выполненію программы русской рабочей партіи мы должны еще разъ указать на нелегальный характеръ ея существованія. Это обстоятельство, помимо того, что стѣсняетъ и ограничиваетъ ея дѣятельность, ставитъ ее, какъ партію, въ совершенно исключительныя условія. Ей приходится дѣйствовать и въ то же самое время бороться за свою цельность.

Забота о безопасности партіи должна поэтому занять одинаковое мѣсто на-ряду съ ея непосредственными задачами и должна выразиться не только въ конспираціи, которая будучи строго проведена, несомнѣнно дастъ извѣстныя гарантіи безопасности, но и отразится на самой дѣятельности партіи, вліяя на ея методы и пріемы. Эти методы и пріемы мѣняются въ зависимости отъ условій мѣста и времени, а также и той среды, въ которой приходится дѣйствовать партіи. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ возможнымъ выставить, какъ общее правило, что широкая массовая дѣятельность, въ видахъ ея большей безопасности, а следовательно, и большей прочности достигаемыхъ ею результатовъ, должна вестись исключительно при помощи печатнаго слова.

Но совершенно исключая личное общеніе съ рабочей средой въ цѣляхъ воздѣйствія на массы, мы считаемъ необходимымъ такое общеніе для выработки отдѣльныхъ личностей, которыя могутъ со временемъ стать членами партіи.

Изъ общей массы рабочихъ, которые отстаиваютъ только свои интересы, выдвигаются отдѣльныя личности, которыя (вопреки ихъ личнымъ интересамъ) борются во имя идеала и которыя готовы жертвовать собою для революціоннаго дѣла ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ борцы изъ культурной среды. Эти личности, войдя въ составъ партіи, внесутъ въ нее оживляющій практическій элементъ и наилучшимъ образомъ помогутъ установить прочную связь между дѣятельностью рабочей партіи и рабочимъ движеніемъ. Поэтому привлеченіе такихъ личностей въ свою среду, а также содѣйствіе ихъ дальнѣйшему развитію являются одной изъ основныхъ задачъ практической дѣятельности русской рабочей партіи.

Для выполненія этой задачи и необходимо то личное общеніе съ рабочей средой, о которой мы говорили выше. Но и въ этомъ случаѣ нельзя обойтись безъ нелегальной литературы, которая должна дать рабочимъ-революціонерамъ возможность критически усвоить основныя положенія программы рабочей партіи, а также дать имъ тѣ знанія, которыя необходимы для дальнѣйшей пропаганды среди своихъ товарищей, которые не могутъ быть почерпнуты изъ легальной печати.

Совсѣмъ другія цѣли преслѣдуетъ, а слѣдовательно, и другой характеръ должна имѣть, литература, предназначаемая для широкихъ массъ.

Тамъ партія имѣла дѣло съ людьми убѣжденія, а здѣсь—съ людьми, которые отстаиваютъ свои интересы и при томъ интересы, въ большинствѣ случаевъ недостаточно сознанные и невѣрно понятые. Поэтому партія должна въ цѣломъ рядѣ популярныхъ брошюръ по экономическимъ и политическимъ вопросамъ выяснить рабочимъ ихъ положеніе и показать, что въ ихъ интересахъ какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, бороться не только съ своими непосредственными эксплуататорами-капиталистами, но и съ менѣе непосредственнымъ врагомъ—самодержавіемъ.

Партія, внося такимъ образомъ лучъ свѣта въ темное царство безсознательнаго отношенія къ своимъ интересамъ

рабочаго класса и побуждая его къ борьбѣ въ защиту своихъ интересовъ, должна при этомъ доказать, что она одна является его естественной руководительницей въ этой борьбѣ. Доказать не только словомъ, но и дѣломъ, принимая опредѣленное участіе въ каждомъ выступленіи рабочихъ в защиту своихъ интересовъ. Роль партіи въ подобныхъ случаяхъ заключается въ точной формулировкѣ требованій рабочихъ, въ подъемѣ ихъ энергіи и чувства солидарности, также въ практическихъ указаніяхъ относительно веденія борьбы.

Эти указанія не должны носить характера шаблона, а должны быть съ особой осторожностью даны на основаніи тщательнаго изученія мѣстныхъ условій вообще и конкретныхъ условій данного столкновенія въ частности. Всякое неудачное указаніе, которое повлечетъ за собою неуспѣхъ борьбы, сильно скомпрометируетъ партію въ глазахъ рабочихъ и и можетъ уничтожить результаты цѣлыхъ годовъ ея дѣятельности.

Не должно упускать также изъ виду необходимости указать при всякомъ обрашеніи къ рабочимъ одной или нѣсколькихъ фабрикъ, по поводу каждаго конкретного скучая столкновенія рабочихъ съ фабрикантами, на неразрывную связь даннаго частнаго случая, съ общимъ положеніемъ всего рабочаго класса при существующемъ политическомъ и экономическомъ строѣ. Въ противномъ случаѣ, несмотря на солидарность, которую до извѣстной степени сама фабрика вноситъ въ рабочую среду, можетъ получиться своеобразный замкнутый фабричный «міръ» съ своими «мірскими» интересами, за которымъ—все чужое, не имѣющее къ нему никакого отношенія.

Этой замкнутости должно противодѣйствовать и практически, постоянно знакомя рабочихъ при помощи органа партіи съ текущей дѣятельностью правительства (разъясняя дѣйствительное значеніе его мѣропріятій), съ положеніемъ крестьянъ и рабочихъ и борьбой рабочаго класса во всей Россіи, а также съ рабочимъ движеніемъ и дѣятельностью рабочихъ партій за границей и въ Польшѣ.

При этомъ знакомство съ рабочимъ движеніемъ въ Польшѣ является особенно важнымъ. Польша, присоединенная къ Россіи, стонетъ подъ игомъ русскаго самодержавія еще въ большей степени, чѣмъ коренная Русь. И какъ всегда—

этотъ гнетъ отражается больше всего на положеніи рабочаго класса. Польскій рабочій страдаетъ вдвойнѣ—и какъ рабочій и какъ полякъ. Быть-можетъ, благодаря именно этому двойному гнету, польскій рабочій и вступилъ раньше другихъ въ борьбу со своими притѣснителями - капиталистами и самодержавіемъ, являясь такимъ, образомъ, естественнымъ и вѣрнымъ союзникомъ русскаго рабочаго. И если для русскаго рабочаго важно знать своихъ враговъ, то еще болѣе важно знать своихъ союзниковъ.

Это тѣмъ болѣе важно, что русское правительство и имущіе классы очень усердно поддерживаютъ въ народѣ выгодное для себя мнѣніе, мнѣніе, которое соотвѣтствуетъ извѣстному уровню пониманія, или, вѣрнѣе, непониманія народомъ своихъ интересовъ, что притѣснителями народа являются не они—правительство и имущіе классы, а входящіе въ составъ русскаго населенія—иновѣрцы и инородцы: евреи, поляки, нѣмцы и т. д. и что, несмотря на то, что иновѣрцы и инородцы терпятъ всевозможныя притѣсненія на основаніи закона и помимо закона.

Классическимъ козлищемъ отпущенія для русскаго правительства являются евреи. Ограничивая до крайнихъ предѣловъ евреевъ въ ихъ правахъ, правительство въ союзѣ съ буржуазно-дворянскою печатью сѣетъ среди христіанского населенія ненависть къ этому несчастному народу, выставляя его виновникомъ чуть ли не всѣхъ бѣдствій русскаго народа.

И тутъ, какъ и по отношенію къ полякамъ, главная тяжесть падаетъ не на малочисленную еврейскую буржуазію, а на еврейскихъ рабочихъ.

Русская рабочая партія, ставя своей цѣлью содѣйствовать всѣми возможными средствами болѣе сознательному отношенію рабочихъ къ своимъ интересамъ, должна разсѣять и этотъ туманъ, выдвигая постоянно участіе евреевъ, въ общей борьбѣ рабочаго класса.

Отношеніе къ польскому рабочему движенію отчасти опредѣляетъ и то отношеніе, которое должна будетъ занять нарождающаяся русская рабочая партія къ польской рабочей партіи (Польская Соціалистическая Партія), которая руководитъ этимъ движеніемъ. Это пока единственная въ предѣлахъ Россіи рабочая партія, которая по своей умѣлой орга-

низаціи и послѣдовательному энергичному проведенію своей программы можетъ служить для насъ поучительнымъ примѣромъ.

Считаемъ нужнымъ оговориться, что, говоря о дѣятельности среди рабочихъ, мы имѣли въ виду, главнымъ образомъ, фабричныхъ и отчасти ремесленныхъ рабочихъ. Говорить же о дѣятельности партіи среди крестьянъ, мы считаемъ теперь преждевременнымъ, потому что мы не видимъ въ настоящее время тѣхъ силъ, которыя могли бы взяться за это дѣло.

Но мы увѣрены, что съ ростомъ партійныхъ силъ и въ особенности съ привлеченіемъ въ партію значительнаго контингента революціонеровъ рабочихъ, окажется возможной и дѣятельность среди крестьянъ. Тогда же возможно будетъ рѣшить, что и какъ нужно дѣлать.

Мы все время говорили о русской рабочей партіи. До сихъ поръ, несмотря на наличность элементовъ, необходимыхъ для существованія партіи, такая партія еще не организована.

Весьма возможно, что нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ соціалистическихъ группъ, будучи связаны между собою общностью нѣкоторыхъ теоретическихъ взглядовъ, считаютъ себя достаточно организованными и идею объ организаціи партіи осуществленной.

Мы такъ не думаемъ.

Мы, наоборотъ, глубоко убѣждены, что дѣятельность партіи въ рабочей средѣ только тогда можетъ достигнуть прочныхъ результатовъ, если она не будетъ носить характеръ случайнаго выступленія случайно сошедшихся личностей, а будетъ вестись непрерывно людьми, вполнѣ согласованными между собою относительно всѣхъ сторонъ практической дѣятельности. Полное единеніе на почвѣ практической программы въ связи съ безусловно нравственной высотой входящихъ въ составъ партійной организаціи личностей, даютъ вполнѣ достаточную гарантію, что русская рабочая партія сумѣетъ выполнить свою трудную задачу.

Что же касается чисто теоретическаго характера, то мы полагаемъ, что партія, безъ всякаго для себя ущерба, можетъ въ этомъ отношеніи предоставить каждому право «смѣть свое сужденіе имѣть». Только при книжномъ отношеніи къ революціонной дѣятельности можно усмотрѣть серьезное препятствіе къ совмѣстной партійной работѣ въ различномъ отношеніи къ вопросамъ о научныхъ основахъ нравственности, матеріалистическомъ пониманіи исторіи, свободѣ воли и т. д.

Пусть каждый революціонный дѣятель стремится къ возможно болѣе широкому развитію своего ума и своихъ талантовъ, это только послужитъ къ вящшему успѣху нашего общаго дѣла; но пусть памятуетъ, что только практическая дѣятельность и живое общеніе съ людьми на почвѣ этой дѣятельности создастъ ту прочную партійную организацію, которая поведетъ за собой рабочія массы къ побѣдѣ.

Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни.

По поводу книги В. Е. Постникова — „Южно-русское крестьянское хозяйство".

I.

Вышедшая в третьем году книга В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» (Москва, 1891 г., стр. XXXII—391) представляет из себя чрезвычайно подробное и обстоятельное описание крестьянского хозяйства в губерниях Таврической, Херсонской и Екатеринославской, преимущественно же в материковых (северных) уездах Таврической губернии. Описание это основано, во-первых и главным образом,—на земско-статистических исследованиях трех указанных губерний; во-вторых, на личных наблюдениях автора, произведенных им отчасти по долгу службы [1]), отчасти с специальной целью изучения крестьянского хозяйства в 1887—1890 г.г.

Попытка свести земско-статистические исследования по целому району в одно целое и изложить результаты их в систематической форме сама по себе представляет громадный интерес, так как земская статистика дает громадный и детальнейший материал об экономическом положении крестьянства, но дает в такой форме, что для публики эти исследования пропадают почти бесследно. Земско-статистические сборники представляют из себя целые томы таблиц (обыкновенно каждому уезду посвящен отдельный том), одна сводка которых в достаточно крупные и ясные рубрики требует специальных занятий. Необходимость сводки данных земской статистики

---

[1]) Автор служил чиновником по устройству казенных земель в Таврической губернии.

и обработки их чувствуется уже давно. В последнее время с этой целью предпринято издание «Итогов земской статистики». План этого издания таков: берется известный частный вопрос, характеризующий крестьянское хозяйство, и особое исследование посвящается сводке всех данных по этому вопросу, имеющихся в земской статистике; соединяются вместе данные, относящиеся и к черноземному югу России и к нечерноземному северу, к губерниям исключительно земледельческим и к губерниям промысловым. По этому плану составлены два вышедшие тома «Итогов»; первый посвящен «крестьянской общине» (В. В.), второй—крестьянским вненадельным арендам (Н. Карышев). Позволительно усомниться в правильности такого приема сводки: приходится, во-первых, сводить вместе данные, относящиеся к различным хозяйственным районам с различными экономическими условиями (при этом отдельная характеристика каждого района представляет громадные трудности, вследствие неоконченности земских исследований и пропусков многих уездов: трудности эти оказались уже во 2-м томе «Итогов»; попытка Карышева распределить имеющиеся в земской статистике данные к различным определенным районам—не удалась); во-вторых, описывать отдельно известную сторону крестьянского хозяйства, не касаясь других сторон—совершенно невозможно; отрывать известный вопрос приходится искусственно, и цельность представления теряется. Крестьянские вненадельные аренды отрываются от аренды надельных земель, от общих данных об экономической группировке крестьян, о величине посевной площади; они рассматриваются только, как часть крестьянского хозяйства, тогда как они представляют собой часто особый способ ведения частновладельческого хозяйства. Поэтому свод данных земской статистики по известному району с однородными хозяйственными условиями был бы, мне кажется, предпочтительнее.

Излагая мимоходом свои мысли о более правильном приеме сводки земско-статистических исследований,—мысли, на которые наводит сравнение «Итогов» с книгой Постникова, я должен, однако, оговориться, что Постников, собственно, не задавался целями сводки: он отодвигает на задний план цифирный материал и все внимание обращает на полноту и выпуклость описания.

В своем описании автор почти с равным вниманием останавливается на вопросах характера экономического, административно-юридического (формы землевладения) и технического (межевой вопрос, система хозяйства, урожаи), но вопросы первого рода он намеревался выдвинуть на первый план.

Должен признаться,—говорит г. Постников в предисловии,—что я меньше останавливаю внимание на технике крестьянского хозяйства, чем это можно было сделать, но поступаю так потому, что условия экономического характера, на мой взгляд, играют более важную роль в крестьянском хозяйстве, чем техника. В нашей печати... обыкновенно игнорируют экономическую сторону...

Очень мало внимания посвящается исследованию коренных экономических вопросов, какими являются для нашего крестьянского хозяйства вопросы аграрный и межевой. В настояшей книге более отводится места выяснению именно этих вопросов и в особенности вопроса аграрного. (Предисловие, с. IX.)

Вполне разделяя взгляд автора на сравнительную важность экономических и технических вопросов, я и намерен посвятить свою статью исследованию лишь той части труда г. Постникова, в которой крестьянское хозяйство подвергается политико-экономическому исследованию [1]).

Главные пункты этого исследования автор характеризует в предисловии следующим образом.

«Являющееся в последнее время большое употребление машин в крестьянском земледелии и заметное расширение размеров хозяйства у зажиточной части крестьянства дают нашей аграрной жизни новую фазу, развитию которой, без сомнения, дадут новый толчок тяжелые хозяйственные условия настоящего года. Производительность крестьянского труда и рабочая способность семьи значительно повышаются с

---

[1]) Такое изложение мне представляется нелишним, потому что книга г. Постникова, представляющая из себя одно из наиболее выдающихся явлений в нашей экономической литературе последних лет, осталась почти незамеченной. Отчасти, может-быть, объясняется это тем, что автор, хотя и признает большую важность экономических вопросов, но излагает их слишком отрывочно и загромождает изложение подробностями других вопросов.

увеличением размеров хозяйства и употреблением машин, что до сих пор опускалось из виду при определении площади, какую может обработать крестьянская семья.

«Употребление машин в крестьянском хозяйстве вызывает существенные бытовые изменения: сокращая в земледелии запрос на рабочие руки и делая еще более чувствительной для крестьян существующую у нас перенаселенность земледелия, оно способствует увеличению числа семей, которые, становясь лишними для села, должны искать заработка на стороне и фактически становиться безземельными. Введение крупных машин в крестьянское хозяйство вместе с тем поднимает крестьянское благосостояние, при наличных приемах земледелия и его экстенсивности. на такую высоту, о которой до сих пор нельзя было и думать. В этом обстоятельстве лежит закон силы новых хозяйственных движений в крестьянской жизни. Отметить и выяснить эти движения в южнорусском крестьянстве составляет ближайшую задачу настоящей книги». (Предисловие, с. X.)

Прежде чем перейти к изложению того, в чем состоят, по мнению автора, эти новые хозяйственные движения, я должен сделать еще две оговорки.

Во-первых, выше было замечено, что Постников сообщает данные о губерниях Херсонской, Екатеринославской и Таврической, но достаточной подробностью отличаются только данные, относящиеся к последней губернии и при том не ко всей: автор не дает данных о Крыме, поставленном в несколько отличные хозяйственные условия, и ограничивается исключительно тремя северными материковыми уездами Таврической губернии—Бердянским, Мелитопольским и Днепровским. Я ограничусь данными только по этим трем уездам.

Во-вторых,—Таврическая губерния населена, кроме русских, также немцами и болгарами, число которых, впрочем, сравнительно с русскими населением, невелико: в Днепровском уезде 113 дворов, немецких колонистов из 19.586 дворов уезда, т.-е. всего 0,6 %. В Мелитопольском уезде немцев и болгар: (1874+285)—2.159 дворов из 34.978, т.-е. 6,%. Наконец, в Бердянском уезде 7.224 двора из 28.794, т.-е. 25%. Всего по трем уездам колонистов 9.496 дворов из 83.358, т.-е. около 1/9. Следовательно, в общем число колонистов очень незначительно, а в уезде Днепров-

ском и совсем ничтожно. Автор описывает колонистское хозяйство подробно, отделяя всегда его от русского. Все эти описания я опускаю, ограничиваясь исключительно хозяйством русских крестьян. Правда, цифровые данные соединяют вместе русских и немцев, но присоединение последних, по незначительности их, не может изменить общих соотношений, так что вполне можно на основании этих данных характеризовать русское крестьянское хозяйство. Русское население Таврической губернии, заселившее этот край в последние 30 лет, отличается от крестьянства других русских губерний только своей большей зажиточностью. Общинное землевладение является в этой местности, по словам автора, типичным и устойчивым [1]; одним словом, за выделением колонистов, крестьянское хозяйство в Таврической губернии не представляет никаких коренных отличий от общего типа русского крестьянского хозяйства.

II.

«В настоящее время—говорит Постников—всякое сколько-нибудь значительное южно-русское село (и тоже, вероятно, можно сказать, о большинстве местностей России) представляет столько разнообразия в экономическом положении отдельных групп своего населения, что крайне трудно говорить о благосостоянии отдельных селений, как цельных единиц, и рисовать это благосостояние средними цифрами. Такие средние цифры указывают некоторые общие определяющие условия экономического быта крестьянства, но они не дают никакого понятия о всем разнообразии экономических явлений в действительности» (с. 106).

Несколько ниже Постников выражается с еще большей определенностью:

«Разнообразие экономического благосостояния — говорит он—весьма сильно затрудняет вопрос об общей зажиточности населения. Лица, бегло проезжающие через большие селения Таврической губернии, обыкновенно выносят заключения о большой зажиточности местных крестьян; но можно ли на-

[1]) Только 5 селений имеют подворное землевладение.

звать село зажиточным, если в нем половина крестьян состоит из богатеев, а другая постоянно бедствует? И какими признаками следует определять относительно большую или меньшую зажиточность того и другого селения? Очевидно, что средние цифры, характеризующие обстановку населения всего села, или района, недостаточны для заключения о крестьянском достатке. О последнем можно судить лишь по совокупности многих данных, расчленяя население на группы» (с. 154).

Может показаться, что в этом констатировании дифференциации в среде крестьянства нет ничего нового: о ней упоминается почти в каждом сочинении, посвященном крестьянскому хозяйству вообще. Но дело в том, что обыкновенно, упоминая об этом факте, не придают ему значения, считают его несущественным или даже случайным, находят возможным говорить о типе крестьянского хозяйства, характеризуя этот тип средними цифрами, обсуждают значение разных практических мероприятий по отношению ко всему крестьянству. В книге Постникова виден протест против таких взглядов. Он указывает (и не раз) на «огромное разнообразие экономического положения отдельных дворов внутри общин» (с. 323) и вооружается против «стремления рассматривать крестьянский мир, как нечто цельное и однородное, каким он и до сих пор еще представляется нашей городской интеллигенции» (с. 351). «Земско-статистические исследования последнего десятилетия—говорит он—выяснили, что наша сельская община вовсе не представляет такой однородной единицы, какою она казалась нашим публицистам в 70-х г.г. и что в последние десятилетия в ней происходила дифференциация населения на группы с весьма различной степенью экономического достатка» (с. 323).

Свое мнение Постников подтверждает массой данных, разбросанных по всей книге, и мы должны теперь заняться систематической сводкой всех этих данных, чтобы проверить правильность этого мнения, чтобы решить вопрос, кто прав— «городская ли интеллигенция», рассматривающая крестьянство, как нечто однородное, или Постников, утверждающий, что разнородность огромная? и затем насколько глубока эта разнородность? препятствует ли она общей характеристике крестянского хозяйства со стороны политико-экономической,

на основании одних только средних данных? способна ли она изменить действие и влияние практических мероприятий по отношению к различным разрядам крестьянства?

Прежде, чем приводить цифры, дающие материал для разрешения этих вопросов, следует заметить, что все данные этого рода взяты Постниковым из земско-статистических сборников по Таврической губ. Первоначально статистика земская ограничивалась при переписях данными пообщинными, не собирая данных о каждом крестьянском дворе. Скоро, однако, заметили различия в имущественном положении этих дворов и предприняли подворные переписи— это было первым шагом на пути к более глубокому изучению экономическаго положения крестьян. Следующим шагом было введение комбинационных таблиц: исходя из убеждения, что имущественные различия крестьян внутри общины глубже различий разных юридических разрядов крестьян, статистика стала группировать все показатели экономического положения крестьян по известным имущественным различиям, например, разбивая крестьян на группы по числу десятин посева, по числу рабочего скота, по количеству надельной пашни на двор и т. д.

Таврическая земская статистика группирует крестьян по числу десятин посева. Постников полагает, что такая группировка «представляется удачной (с. XII), так как в условиях хозяйства таврических уездов размер посева является наиболее существенным признаком крестьянского благосостояния» (с. XII). «В южном степном крае,—говорит Постников,—развитие всякаго рода неземлевладельческих промыслов у крестьян пока относительно ничтожно, и главным занятием огромного большинства сельского населения является в настоящее время земледелие, основанное на посеве хлебов». По показанию земской статистики, в северных уездах Таврической губернии исключительно занимаются промыслами 7% коренного сельского населения и, кроме, того 16,3% населения имеет при собственном земледелии подсобные промыслы» (с. 108). В самом деле, группировка по размерам посева даже и для других местностей России представляется гораздо более правильной, чем другие принятые земскими статистиками основания группировки, например, по числу десятин надельной земли или надельной пашни на двор: с

одной стороны, количество надельной земли не указывает прямо на состоятельность двора, потому что размер надела определяется числом ревизских или наличных душ муж. пола в семье и находится только в косвенной зависимости от состоятельности хозяина, потому, наконец, что крестьянин может быть, не пользуется надельной землей, сдает ее, и при отсутствии инвентаря и не может ею пользоваться. С другой стороны, если главное занятие населения—земледелие, то определение посевной площади необходимо для учета производства, для определения количества хлеба, потребляемого крестьянином, покупаемого им и поступающего в продажу, ибо без выяснения этих вопросов весьма важная сторона крестьянского хозяйства останется неосвещенной, будет неясен характер его земледельческого хозяйства, значение его сравнительно с заработком и т. д. Наконец, необходимо положить в основание группировки именно посевную площадь, чтобы иметь возможность сравнивать хозяйство двора с так называемыми нормами крестьянского землевладения и земледелия, с нормой продовольственной (Nahrungsfläche) и рабочей (Arbeitsfläche). Одним словом, группировка по посеву представляется не только удачной, но наилучшей и безусловно необходимой.

По размерам посева Таврические статистики разделяют крестьян на 6 групп: 1) не сеющих; 2) засевающих до 5 дес.; 3) от 5 до 10 дес.; 4) от 10 до 25 дес.; 5) от 25 до 50 дес. и 6) более 50 дес. на двор. По трем уездам содержание этих групп по числу дворов следующее:

Процентры дворовъ.	У е з д ы.			Приходится на 1 двор в среднем десятин посева по всем 3 уездам.
	Бердянский.	Мелитопольский.	Днепровский.	
	% %	% %	% %	
Не сеющих	6	7,5	9	—
Сеющих до 5 дес. . .	12	11,5	11	3,5
„ „ 5—10 дес.	22	21	20	8
„ „ 10—25 „	38	39	41,8	16,4
„ „ 25—50 „	19	16,6	15,1	34,5
„ более 50 „	3	4,4	3,1	75

Общее соотношение (эти %% даны о всем населении, включая и немцев) мало изменяются с выключением немцев: так, всего автор считает в Таврических уездах 40% малосеющих (до 10 д.), 40% среднесеющих (от 10 до 25 дес.) и 20% многосеющих. Исключение же немцев понижает последнюю цифру до $^1/_6$ (16,7%, т.-е. всего на 3% ниже), повышая соответственно число малосеющих.

Определяя степень разнородности этих групп, начнем с землевладения.

Постников дает такую таблицу (суммы трех указанных в ней разрядов (земли автор не исчисляет (с. 145):

Группы крестьян.	Приходится на двор в среднем десятин пашни.											
	Бердянский у.				Мелитопольск. у.				Днепровский у.			
	Надельной.	Купчей.	Арендной.	Всего.	Надельной.	Купчей.	Арендной.	Всего.	Надельной.	Купчей.	Арендной.	Всего.
Не сеющие . . .	6,8	3.	0,09	10	8,7	0,7	—	9,4	6,4	0,9	0,1	7,4
Засев до 5 дес. .	6,9	0,7	0,4	8,2	7,1	0,2	0,4	7,7	5,5	0,04	0,6	6,1
„ „ 5—10 д.	9.	—	1,1	10,1	9.	0,2	1,4	10,6	8,7	0,05	1,6	10,8
„ „ 10—25 „	14,1	0,6	4	18,7	12,8	0,3	4,5	17,6	12,5	0,6	5,8	18,9
„ „ 25—50 „	27,6	2,1	9,8	39,5	23,5	1,5	13,4	38,4	16,6	2,3	17,4	36,3
„ более 50 „	36,7	31,3	48,4	116,4	36,2	21,3	42,5	100	17,4	30	44	91,4
По уезду	14,8	1,6	5	21,4	14,1	1,4	6,7	21,2	11,2	1,7	7,0	19,9

«Эти цифры показывают,—говорит Постников,—как более зажиточная часть крестьян в Таврических уездах не только пользуется большим наделом, что может происходить вследствие большого состава семей, но в то же время она является и наиболее покупающей землю и наиболее ее арендующей» (с. 146).

По поводу этого следует только заметить, мне кажется, что возрастание надела от низшей группы к высшей не может быть вполне объяснено увеличением состава семей.

Постников дает следующую таблицу о составе семей по группам для трех уездов:

	Приходится на 1 семью в среднем.					
	Бердянский у.		Мелитопольск. у.		Днепровский у.	
	Душ. об. пола.	Работник.	Душ.	Работник.	Душ.	Работник.
У не сеющих . .	4,5	0,9	4,1	0,9	4,6	1.
Засев. до 5 дес. .	4,9	1,1	4,6	1.	4,9	1,1
„ „ 5—10 д.	5,6	1,2	5,3	1,2	5,4	1,2
„ „ 10—25 „	7,1	1,6	6,8	1,5	6,3	1,4
„ „ 25—50 „	8,2	1,8	8,6	1,9	8,2	1,9
„ более 50 „	10,6	2,3	10,8	2,3	10,1	2,3
По уездам .	6,6	1,5	6,5	1,5	6,2	1,4

Из таблицы видно, что количество надельной земли на двор повышается от низшей группы к высшей гораздо быстрее, чем число душ обоего пола и работников. Иллюстрируем это, принимая цифры для низшей группы по Днепровскому уезду за 100:

	Надел. земли.	Работников.	Душ обоего пола.
У не сеющих	100	100	100
„ засев. до 5 дес.	86	110	106
„ „ „ 5—10 дес.	136	120	117
„ „ „ 10—25 „	195	140	137
„ „ „ 25—50 „	259	190	178
„ „ более 50 „	272	230	219

Ясно, что определителем величины надела является, кроме состава семьи, и состоятельность двора.

Рассматривая данные о количестве купчей земли в различных группах, мы видим, что покупают землю почти исключительно высшие группы с посевом выше 25 дес., и, главным образом, совершенно крупные посевщики, с посевом в 75 дес. на двор. Следовательно, данные о купчей земле вполне подтверждают мнение Постникова о разнородности групп крестьянства. Такое, например, сведение, которое дает автор на с. 146, говоря, что «крестьянами Таврических уездов куплено 96.146 десятин земли» — совершенно не характеризует явления: почти вся эта земля находится в руках незначительного меньшинства, наиболее обеспеченного уже надельной землей, крестьян «зажиточных», как говорит Постников, а таких не более $^1/_5$ населения.

То же самое приходится сказать и об аренде. Вышеприведенная таблица содержит общую цифру арендованной земли, надельной и вненадельной. Оказывается, что размер аренды с полной правильностью возрастает по мере большего обеспечения крестьян, что, следовательно, чем обеспеченнее крестьянин своей землей, тем более арендует он земли, лишая, таким образом, беднейшие группы необходимой для них земельной площади.

Следует заметить, что это явление—общее для всей России. Профессор Карышев, подводя итоги крестьянским вненадельным арендам по всей России, где только имеются земско-статистические исследования, формулирует прямую зависимость между размером аренды и обеспеченностью арендатора, как общий закон [1]).

Впрочем, Постников дает еще более достаточные цифры о распределении аренды (вненадельных и надельных земель вместе), которые я и привожу (см. таб. стр. 386).

Мы видим здесь, что средние цифры совершенно не в состоянии характеризовать явления: говоря, например, что в Днепровском уезде к аренде прибегает 56% крестьян,

---

[1]) Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. I. *Н. Карышев*. Крестьянские вненадельные аренды. Дерпт. 1892 г., стр. 122, 133 и другие.

	Бердянский у.			Мелитопольский уезд.			Днепровский у.		
	% аренд. дворов.	Пашни на ар. двор.	Цена 1 дес.	% аренд. дворов.	Пашни на ар. дворов.	Цена 1 дес.	% аренд. дворов.	Пашни на ар. дворов.	Цена 1 дес.
У сеющих до 5 десятин.	18,7	2,1	11	14,4	3	5,50	25	2,4	15,25
„ „ 5—10 дес.	33,6	3,2	9,20	34,8	4,1	5,52	42	3,9	12
„ „ 10—25 „	57	7	7,65	59,3	7,5	5,74	69	8,5	4,75
„ „ 25—50 „	60,6	16,1	6,80	80,5	16,9	6,30	88	20	3,75
„ более 50 „	78,5	62	4,20	88,8	47,6	3,93	91	48,0	3,55
По уездам . . .	44,8	11,1	5,80	50	12,4	4,86	56,2	12,4	4,23

мы сообщаем очень неполное представление об этой аренде, потому что в тех группах, которые имеют (как ниже будет показано) недостаточно своей земли, % арендаторов гораздо ниже только 25% в 1-й группе, между тем, как высшая группа, вполне обеспеченная своей землей, почти вся прибегает к аренде (91%). Разница в количестве арендованных десятин на 1 арендующий двор еще значительнее: высший разряд арендует в 30—15—24 раза более низшего. Очевидно, что это изменяет и самый характер аренды, потому что в высшем разряде это уже коммерческое предприятие; а в низшем—может быть, операция, вызванная горькой нуждой. Последнее предположение подтверждается данными об арендной плате: оказывается, что низшие группы дороже платят за землю, иногда даже вчетверо дороже, сравнительно с высшим разрядом (в Днепровском). Напомнить следует по этому поводу, что и возрастание арендной платы по мере понижения размеров аренды не составляет особенности нашего юга: труд Карышева доказывает общую применимость этого закона.

«Арендой земель в Таврических уездах—говорит Постников по поводу этих данных—по преимуществу занимаются крестьяне зажиточные, имеющие достаточное количество надельной и собственной пашни; в особенности это следует

сказать об аренде вненадельных земель, т.-е. земель владельческих и казны, находящихся на более дальних расстояниях от селений. В сущности это и весьма естественно: для аренды более дальних земель нужно иметь достаточное количество рабочего скота, а крестьяне менее зажиточные не имеют его здесь в нужном размере и для обработки своих надельных земель» (с. 148).

Не следует думать, что подобное распределение аренды зависит от съема земли в одиночку. Дело нисколько не изменяется при съеме земли обществом, не изменяется по той простой причине, что распределение земли делается по тем же основаниям, т.-е. «по деньгам».

«По окладным книгам Управления Государственными Имуществами—говорит Постников—в 1890 г. из 133.852 десятин казенных земель трех уездов, сдававшихся в аренду по контрактам, в пользовании крестьянских обществ состояло 84.756 десятин удобной земли, т.-е. около 63% всей площади. Но земля, арендуемая крестьянскими обществами, находилась в пользовании сравнительно небольшого числа домохозяев и при том преимущественно зажиточных. Подворная перепись земства указывает этот факт довольно рельефно» (с. 150)[1]). (См. таблицу на стр. 388).

«Таким образом—заключает Постников — в Днепровском уезде у зажиточной группы крестьян находилось в пользовании более $^1/_2$ всей арендной пашни, в Бердянском у.— более $^2/_3$, а в Мелитопольском, где всего более арендуется казенной земли, даже более $^4/_5$ арендованной площади. У беднейшей же группы крестьян (засевающих до 10 десятин) находилось во всех уездах всего 1.938 десятин или около 4% арендованных земель» (с. 150). Автор дает затем целый ряд примеров неравномерного распределения снятой обществами земли, но приводить их излишне.

По поводу выводов Постникова о зависимости аренды от достатка арендаторов крайне интересно отметить противоположное мнение земских статистиков.

В начале книги Постников наметил свою статью: «О земско-статистических работах в губерниях Таврической, Херсон-

[1]) Последнего столбца этой таблицы (итоги по 3-м уу.) Постников не дает. К таблице он замечает: «что по условиям аренды крестьяне имеют право распахивать только $^1/_3$ часть арендованной земли».

Группы крестьян.	Бердянский уезд.			Мелитопольский уезд.			Днепровский уезд.			По трем уездам.			
	Число.			Число.			Число.						
	Аренд. дворов.	Арендов. десятин.	Не аренд. двор.	Аренд. двор в.	Арендов. десятин.	Не аренд. деоров.	Аренд. дворов.	Арендов. десятин.	Не аренд. дворов.	Аренд. дв. ров.	Арендов. десятин.	В %.	Не арен. дворов.
Сеющие до 5 д.	39	66	1,7	24	383	16	20	62	3,1	83	511	1	6,1
Сеющие от 5—10 д.	227	400	1,8	159	776	4,8	58	251	4,3	444	1427	3	3,2
Сеющие от 10—25 д.	687	2642	3,8	707	4569	6,4	338	1500	4,4	1732	8711	20	4,4
Сеющие от 25—50 д.	387	6755	9,7	672	8564	12,7	186	1056	5,7	1245	13375	30	10,7
Сеющие более 50 д.	113	3194	28,3	440	15365	34,9	79	1724	21,8	632	20283	46	32,1
Сумма	1453	10057	7	2002	29657	14,8	681	4593	6,7	4136	44307	100	10,7

ской и Екатеринославской» (стр. XI—XXXII). Здесь он рассматривает, между прочим, изданную Таврическим земством в 1889 году «Памятную книжку Таврической губернии», в которой были подведены краткие итоги всему исследованию. Разбирая тот отдел этой книги, который посвящен аренде, Постников говорит:

«В наших многоземельных южных и восточных губерниях земская статистика обнаружила довольно видный процент зажиточного крестьянства, которое сверх собственного значительного надела, довольно много еще арендует земли на стороне. Хозяйство здесь преследует не только удовлетворение собственных потребностей семьи, но еще и получение некоторого, дохода излишка, благодаря которому крестьяне улучшают свои постройки, заводят машины, прикупают землю. Желание довольно естественное и ничего греховного в себе не заключающее, так как никаких кулацких элементов в нем еще не выражается» (кулацких элеметов здесь действительно нет, но элементы эксплоатации, без сомнения, есть: арендуя землю в размере, далеко пре-

вышающем потребность, зажиточные крестьяне отбивают у бедных землю, нужную тем на продовольствие; расширяя размеры хозяйства, они нуждаются в добавочных рабочих силах и прибегают к найму). «Но некоторые из земских статистиков, видимо считая такие проявления в крестьянской жизни чем-то незаконченным, стараются умалять их и доказать, что крестьянская аренда, главным образом, руководится нуждою в продовольствии и что если крестьяне достаточные и арендуют много земли, то % этих арендаторов всетаки постоянно уменьшается с увеличением размеров надела» (стр. XVII). Составитель «Памятной книжки» г. Вернер, чтобы доказать такую мысль, группировал по величине надела крестьян всей Таврической губернии, имеющих 1—2 работников и 2—3 штуки рабочего скота. Оказалось, что с размером надела правильно понижается процент арендующих дворов и менее правильно размер арендуемой на дворе земли» (стр. XVIII). Постников совершенно справедливо говорит, что подобный прием совсем не доказателен, так как часть крестьян (только те, кто имеет 2—3 штуки рабочего скота) выделена произвольно, при чем устранено именно зажиточное крестьянство, и, кроме того соединять вместе материковые уезды Таврической губернии и Крыма—невозможно, ибо условия аренды в них не одинаковы, в Крыму $^1/_2$—$^3/_4$ населения безземельные (т. н. десятинщики); в северных уездах только 3—4%. В Крыму почти всегда легко найти землю для аренды; в северных уездах иногда невозможно. Интересно отметить, что у земских статистиков других губерний замечались такие же попытки (конечно, одинаково неудачные) затушевать такие «незаконные» проявления крестьянской жизни, как аренда с целью получения дохода. (См. Карышева, назв. сочин.)

«Если таким образом распределение вненадельной аренды у крестьян констатирует существование между отдельными крестьянскими хозяйствами различий не только количественных (много арендует, мало арендует), но и в качественном (арендует из нужды в продовольствии, арендует с коммерческой целью)—то еще более приходится сказать это об аренде надельной земли.

«Всей надельной земли,—говорит Постников,—снимаемой крестьянами в аренду у крестьян же, зарегистрировано в 3-х

Таврических уездах подворной переписью 1884-86 г.г.— 256.716 дес., что составляет здесь ¼ всей крестьянской надельной пашни, и сюда еще не вошла та площадь, которую крестьяне сдают в наймы разночинцам, проживающим в селениях, а также писарям, учителям, духовным и др. лицам, не входящим в состав крестьянства и не подлежавшим опросу при подворной переписи. Вся эта масса земель арендуется почти всецело крестьянами зажиточных групп, что показывают следующие цифры. Переписью зарегистрировано число десятин надельной пашни, снимаемой у соседей домохозяевами.

Засевающих до 10 десятин на двор	16 594 дес., т.-е.	6%
„ от 10 до 25 десятин на двор . . .	85 526 „ „	35%
„ свыше 25 „ „ „ . . .	150 596 „ „	59%
Всего	256.716 „ „	100%

«Наибольшее же количество этой сдаваемой земли, как и самое число сдатчиков земли, принадлежит к группе не сеющих, бесхозяйных крестьян. Таким образом значительная часть крестьян Таврических уездов (приблизительно около ⅓ всего населения) частью по нежеланию, но в большинстве случаев по неимению нужного для ведения хозяйства скота и инвентаря, не эксплоатируют всей своей надельной земли сдают ее в аренду и тем увеличивают землепользование другой более зажиточной половины крестьян. Большинство сдатчиков земель принадлежит, несомненно, к числу расстроенных, падающих домохозяев» (стр. 136-7).

Подтверждением сказанного служит следующая табличка «по 2-м уездам Таврической губ. (по Мелитопольскому уезду земская статистика не дает сведений), показывающая относительное число домохозяев, сдающих наделы и процент сдаваемой ими надельной пашни» (с. 135).

	Бердянский у.		Днепровский у.	
	%% домохозяев, сдающ. надельную землю.	%% сдаваемой надельной земли.	%% домохозяев, сдающ. надельную землю.	%% сдаваемой надельной земли.
Не сеющие	73	97	80	97,1
Засев. до 5 дес. .	65	54	30	38,4
„ „ 5—10 дес. .	46	23,6	23	17,2
„ „ 10—25 „ .	21,5	8.3	16	8,1
„ „ 25—50 „ .	9	2,7	7	2,9
„ более 50 „ .	12,7	6,3	7	13 8
По уездам . .	32,7	11,2	25,7	14.9

От землевладения и землепользования крестьян перейдем к распределению инвентаря. О количестве рабочего скота по группам Постников дает такие данные —по всем трем уездам вместе.

	Всего лошадей.	Всего волов.	Приходится на 1 двор в среднем.			%% дворов, неимеющих рабочего скота.
			Раб. скота.	Прочего.	Всего [1].	
У несеющих	—	—	0,3	0,8	1,1	80,5
Засев. до 5 дес. . . .	6.467	3.082	1,0	1,4	2,4	48,3
„ „ 5—10 дес. .	25.152	8.924	1,9	2,3	4,2	12,5
„ „ 10—25 „ .	80.517	24.943	3,2	4,1	7,3	1,4
„ „ 25—50 „ .	62.823	19.030	5,8	8,1	13,9	0,1
„ более 50 „ .	21.003	11.648	10,5	19,5	30	0,03
Всего . .	195.962	67.627	3,1	4,5	7,6	

Сами по себе эти цифры не характеризуют разрядов— это будет сделано ниже, при описании техники землевладения и при группировке экономических разрядов крестьян. Здесь отметим только, что различие групп крестьян по количеству имеющегося у них рабочего скота так глубоко, что у высших групп мы видим гораздо больше скота, чем может потребоваться на нужды семьи, а у низших—так мало (особенно рабочего скота), что самостоятельное ведение хозяйства становится невозможным.

Совершенно однородны данные о распределении мертвого инвентаря. «Подворная перепись, зарегистрировавшая инвентарь в плугах и буккерах, дает следующие цифры для всего населения уездов (стр. 214).

---

[1]) В переводе на крупный.

	%% дворов.		
	Неимеющих пахотных орудий.	Имеющихъ только буккер.	Имеющих плуг и другое.
У. Бердянский	33	10	57
„ Мелитопольский . . .	37,8	28,2	34
„ Днепровский.	39,3	7	53,7

Эта таблица показывает, какая громадная группа крестьян лишена возможности вести самостоятельное хозяйство. Как обстоит дело в высших группах, это видно из следующих данных о количестве инвентаря, приходящегося на на двор в различных группах, по посеву:

	Бердянский у.		Мелитопол у.		Днепровский у.	
	Перевозочного (бричек и проч).	Пахотного (плугов и буккеров).	Перевозочного.	Пахотного.	Перевозочного.	Пахотного.
У засев. 5—10 дес. .	0,8	0,5	0,8	0,4	0,8	0,5
„ „ 10—25 „ .	1,2	1,3	1,2	1	1	1
„ „ 25—50 „ .	2,1	2	2	1,6	1,7	1,5
„ „ более 50 „ .	3,4	3,3	3,2	2,8	2,7	2,4

По количеству инвентаря высшая группа превосходит низшую (группу с посевом до 5 десятин автор совсем отбросил) в 4—6 раз; по числу же работников [1]) она превышает ту же группу в $^{23}/_{12}$ раза, т.-е. менее чем вдвое. Уже отсюда следует, что высшая группа должна прибегать к найму рабочих, между тем как в низшей половина дворов лишена пахотного инвентаря (N. B. эта „низшая“ группа— третья снизу) и, следовательно, возможности самостоятельного хозяйничанья.

[1]) Смотри выше—таблицу о составе семей по группам.

Естественно, что вышеуказанные различия в количестве земли и инвентаря обусловливают собой и различия в размере посевной площади. Количество десятин посева, приходящегося на каждый двор, 6-ти групп было приведено выше. Общее количество посевной площади крестьянства Таврической губернии распределяется между группами следующим образом.

	Десятин посева.	В %%	
У сеющих до 5 дес.	34.070	2,4	12% посева у 40% населения.
„ „ „ 5—10 дес. . .	140.426	9,7	
„ „ „ 10—25 „ . .	540.093	37,6	38% посева у 40% населения.
„ „ „ 25—50 „ . .	494.095	34,3	50% посева у 20% населения.
„ „ более 50 „ . .	230.583	16	
Всего	1.439.267	100%	

Цифры эти говорят сами за себя. Следует только добавить, что средней посевной площадью, при которой семья может жить только земледелием, Постников считает (с. 272) 16—18 десятин посева на двор.

III.

В предыдущей главе были сведены данные, характеризующие степень имущественного обеспечения крестьян и размеры их хозяйства в разных группах. Теперь следует свести данные, определяющие характер хозяйства крестьян различных групп, способ и систему ведения хозяйства.

Остановимся прежде всего на том положении Постникова, что «производительность крестьянского труда и рабочая способность семьи значительно повышается с увеличением размеров хозяйства» и употреблением пашен (с. X). Автор доказывает это положение, исчисляя, сколько приходится работников и рабочего скота на данную посевную

площадь в разных экономических группах. При этом пользоваться данными о составе семей невозможно, так как «низшие экономические группы часть своих работников отпускают на сторону, в батраки, а высшие группы принимают к себе батраков» (с. 114). Таврическая земская статистика не дает числа нанимаемых и отпускаемых рабочих, и Постников вычисляет приблизительно это количество, исходя из данных земской статистики о количестве дворов, нанимавших работников, и из расчета, сколько необходимо работников на данный размер пахатной площади. Постников признает, что эти вычисленные данные не могут претендовать на полную точность, но он думает, что его расчет может значительно изменить состав семьи только в 2-х высших группах, потому что в остальных число наймитов небольшое. Сравнивая вышеприведенные данные о составе семей с нижеследующей таблицей, читатель может проверить правильность этого взгляда:

	По трем уездам Таврической губернии.				
	Работников.			Приходится на 1 двор.	
	Нанималось.	Отпускал.	Разность.	Душ в семье. (с наймитами).	Работников. (с наймитами).
У не сеющих.	239	1.077	838	4,3	0,9
„ засев. до 5 дес. . . .	247	1.484	1.237	4,8	1,0
„ „ „ 5—10 дес. .	465	4.292	3.827	5,2	1,0
„ „ „ 10—25 „ .	2.846	3.389	543	6,8	1,6
„ „ „ 25—50 „ .	6.041	—	6.041	8,9	2,4
„ „ более 50 „ .	8.241	—	8.241	13,3	5
Всего. . .	18.079	10.242	7.837		

Сравнивая этот последний столбец с данными о составе семей, мы видим, что Постников несколько уменьшил число

рабочих в низших группах и увеличил в высших. Так как цель его—доказать, что с увеличением размеров хозяйства уменьшается число рабочих на данную посевную площадь, то, следовательно, приблизительные выкладки автора могли скорее ослабить, чем усилить это уменьшение.

После этого предварительного расчета, Постников дает такую таблицу соотношений посевной площади с количеством работников, рабочего скота, затем населения вообще в разных группах крестьян (с. 117).

	Приходится на 100 десятин посева.				
	Посева на пару раб. скота.	Дворов.	Душ работников (с наймитами).		Голов рабочего скота.
У сеющих до 5 дес. . .	7,1	28,7	136	28,5	28,2
„ „ „ 5—10 дес.	8,2	12,9	67	12,6	25
„ „ „ 10—25 „	10,2	6,1	41,2	9,3	20
„ „ „ 25—50 „	12,5	2,9	25,5	7	16,6
„ „ более 50 „	14,5	1,3	18	6,8	14
Всего. . .	10,9	5,4	36,6	9	18,3

«Таким образом, с увеличением размера хозяйства и запашки у крестьян расход по содержанию рабочих сил, людей и скота, этот главнейший расход в сельском хозяйстве прогрессивно уменьшается, и у многосеющих крестьян делается почти в 2 раза менее на десятину посева, чем у групп с малой распашкой» (с. 117).

То положение, что расход на работников, и рабочий скот является преобладающим в сельском хозяйстве, автор подтверждает ниже, на примере подробного бюджета одного меннонитского хозяйства: из всего расхода 24,3% составляет расход для хозяйства, 23,6%—расход на рабочий скот и 52% на работников (с. 284).

Своему заключению о повышении производительности труда по мере повышения размеров хозяйства Постников

придает большое значение, что видно и из приведенной выше цитаты, помещенной им в предисловии и нельзя не признать его действительную важность,—во-первых, по изучению экономического быта нашего крестьянства и характера хозяйства в различных группах; во-вторых, по общему вопросу о соотношении мелкой и крупной культуры. Этот последний вопрос сильно запутан многими авторами, и главной причиной путаницы было то, что сравнивались хозяйства не однородные, а поставленные в различные общественные условия, отличающиеся по самому типу ведения хозяйства; сравнивались, например, хозяйства, в которых доход извлекается посредством производства сельско-хозяйственных продуктов, с хозяйствами, в которых доход извлекается эксплоатацией нужды других хозяйств в земле (например, хозяйства крестьянское и помещичье в эпоху, непосредственно следующую за реформой 1861 г.) Постников совершенно свободен от этой ошибки и не забывает основного правила сравнения: чтобы сравниваемые явления были однородны.

Подробнее доказывая свое положение относительно Таврических уездов, автор приводит данные, во-первых, по каждому уезду отдельно, во-вторых, отдельно для русского населения, именно самой многочисленной, это группа—б. государственных крестьян (с. 273—4).

	Приходится десятин посева на пару рабочего скота.					
	По уездам вообще.			В группе б. госуд. крестьян.		
	Бердянский.	Мелитоп.	Днепровск.	Берд.	Мелитоп.	Днепровск.
У сеющих . . . . до 5 д. . . .	8,9	8,7	4,3	—	—	—
„ „ . . . . „ 5—10 дес.	8,9	8,7	6,8	8,9	9,1	6,8
„ „ . . . . „ 10—25 „	10,2	10,6	9,7	10,3	10,9	9,6
„ „ . . . . „ 25—50 „	11,6	12,4	12,3	12,3	12,8	11,9
„ „ . . . . . более 50 „	13,5	13,8	15,7	13,7	14,3	15
В среднем	10,7	11,3	10,1			

Вывод тот же: «в хозяйстве малого размера относительное число рабочего скота на данную площадь посева превышает в $1^1/_2$—2 раза это же число в «полном» крестьянском хозяйстве. Тот же закон подворная перепись обнаруживает и для всех других более мелких групп: б. помещич. крестьян, арендаторов и пр. и во всех даже самых небольших районах местности, ограниченных размером одной волости и даже одного селения» (с. 274).

Соотношение между размерами посева и расходами хозяйства оказывается не в пользу мелких хозяйств также по отношению к другого рода расходу: содержанию мертвого инвентаря и продуктивного скота.

Мы выше видели, с какой быстротой возрастает число и того и другого на 1 двор от низшей группы к высшей. Если расчислить этот инвентарь на данную площадь посева, то получим уменьшение его от нисшей группы к высшей (с. 318).

	Приходится на 100 десятин посева.		
	Продуктивн. скота.	Плугов и буккер.	Бричек.
У сеющих до 5 дес. . .	42 головы	4,7	10
„ „ 5—10 „ . .	28,8	5,9	9
„ „ 10—25 „ . .	24,9	6,5	7
„ „ 25—50 „ . .	23,7	4,8	5,7
„ „ более 50 „ . .	25,8	3,8	4,3
По трем уездам	25,5	5,4	6,5

«Эта таблица показывает, что с возрастанием посева на двор, наиболее крупный инвентарь (орудия обработки и перевозки) прогрессивно уменьшаются в числе на данную площадь посева, а потому в хозяйстве высших групп расход по содержанию орудий обработки почвы и перевозки должен быть на десятину относительно менее. Группа с посевом до 10 десятин на двор представляет некоторое исключение:

она имеет сравнительно менее орудий обработки, чем следующая группа с посевом 16 дес. на двор, но лишь потому, что в ней многие работают не собственным инвентарем, а наемным, что отнюдь не сокращает расходов на инвентарь» (с. 318).

«Земская статистика,—говорит Постников,—с неоспоримою ясностью показывает, что чем более размер крестьянского хозяйства, тем менее на данную площадь пахотной земли содержится инвентаря, рабочих людей и рабочего скота» (с. 162).

«В предыдущих главах было уже показано, — замечает Постников ниже, — что в Таврических уездах это явление имеет место по всем группам крестьян и всем районам местности. Это явление обнаруживается в крестьянском хозяйстве по данным земской статистики, и в других губерниях, где земледелие также является главной отраслью крестьянского хозяйства. Таким образом явление это имеет широкое распространение и принимает вид закона, получающего большое экономическое значение, так как этим законом в значительной мере уничтожается экономический смысл мелкого земледельческого хозяйства» (с. 313).

Последнее замечание Постникова несколько преждевременно: чтобы доказать неизбежность вытеснения мелких хозяйств крупными недостаточно установить большую выгодность последних (большую дешевизну продукта); необходимо еще установить преобладание денежного (точнее: товарного) хозяйства над натуральным, потому что при натуральном хозяйстве, когда продукт идет на собственное потребление производителя, а не на рынок, дешевый продукт не встретится с дорогим на рынке, а потому и не в состоянии будет его вытеснить. Об этом, впрочем, подробнее будет речь ниже.

Чтобы доказать применимость вышеустановленного закона ко всей России, Постников берет те уезды, по которым земская статистика детально провела экономическую группировку населения и вычисляет размер пахотной площади, приходящейся на пару рабочего скота и на работника в различных группах. Вывод получается прежний: «что при малом размере крестьянского хозяйства пахотная площадь должна оплачивать содержание рабочих сил в $1^1/_2$—2 раза более, чем при хозяйстве более достаточного размера»

(с. 316). Это верно как для Пермской губернии (с. 314), так и для Воронежской, как для Саратовской, так и для Черниговской (с. 315), так что Постников, несомненно, доказал распространенность этого закона на всю Россию.

Перейдем теперь к вопросу о доходах и расходах (гл. IX) разных групп крестьянских хозяйств и об отношении их к рынку.

«В каждом хозяйстве, — говорит Постников, — представляющем собою самостоятельную единицу, площадь территории состоит из следующих 4-х частей: одна часть производит пищу для прокормления рабочей семьи и работников, живущих в хозяйстве; это — в узком смысле — пищевая площадь хозяйства; другая часть доставляет корм скоту, работающему в хозяйстве, и может быть названа кормовою площадью. Третья часть состоит из усадебной земли, дорог, прудов и пр. и той части посевной площади, которая дает семена для посева; ее можно назвать хозяйственной площадью, так как она служит без различия всему хозяйству. Наконец, четвертая часть производит зерно и растения, подлежащие, в сыром или переработанном виде, сбыту из хозяйства на рынок. Это — торговля, или рыночная площадь хозяйства. Разделение территории на четыре указанные части определяется в каждом частном хозяйстве не родом культивируемых растений, а ближайшей целью их возделывания».

«Денежный доход хозяйства определяется торговой частью его территории, и чем более эта последняя площадь и выше относительная ценность получаемых с нее продуктов, тем более запрос, предъявляемый рынку сельскими хозяевами, и то количество труда, которое страна может держать вне земледелия в районе своего рынка, тем выше является государственное (податное) и культурное значение для страны ее сельского хозяйства, а также выше и чистый доход самого хозяина и его рессурсы для производства сельскохозяйственных затрат и улучшений» (с. 257).

Это рассуждение Постникова было бы совершенно верно, если бы сделать к нему одну, довольно существенную, поправку: автор говорит о значении торговой площади хозяйства для страны вообще, тогда как, очевидно, речь может итти только о такой стране, в которой денежное хозяйство является преобладающим, в которой большая часть продук-

тов принимает форму товаров. Забывать это условие, считать его подразумевающимся само собою, опускать точное исследование, насколько оно приложимо к данной стране,—значило бы впадать в ошибку вульгарной политической экономии.

Выделение из всего хозяйства его рыночной площади— очень важно. Для внутреннего рынка имеет значение совсем не доход производителя вообще (которым, т.-е. доходом, определяется благосостояние этого производителя), а исключительно денежный его доход. Обладание денежными средствами совсем не определяется благосостоянием производителя: крестьянин, получающий со своего участка вполне достаточное на собственное потребление количество продуктов, но ведущий натуральное хозяйство, пользуется благосостоянием, но не обладает денежными средствами; крестьянин полуразоренный, получающий с участка только небольшую часть нужного ему хлеба и добывающий остальное количество хлеба (хотя бы в меньшем количестве и худшего качества) случайными «заработками», не пользуется благосостоянием, но обладает денежными средствами. Ясно отсюда, что всякое рассуждение о значении крестьянских хозяйств и их доходности для рынка, не основанное на учете денежной части дохода, не может иметь никакой цены.

Для определения того, как велики четыре указанные части посевной площади в хозяйстве крестьян разных групп, Постников исчисляет предварительно годовое потребление хлеба, принимая круглым счетом 2 четверти хлебного зерна на душу (с. 259), что составит $^2/_3$ десятины на душу в составе посевной площади. Затем определяет кормовую площадь в $1^1/_2$ десятины на каждую лошадь, а посевную площадь — в $^0/_0$ пахотной территории и получает следующие данные[1]) (с. 319) (таб. см. стр. 400).

«Показанная разница в денежных доходах хозяйства у отдельных групп,—говорит Постников,—достаточно иллюстрирует значение величины хозяйства, но в действительности

---

[1]) Для определения денежного дохода Постников поступил так: принимал, что вся торговая площадь находится под самым дорогим хлебом— пшеницей и, зная средний урожай ее и цены, вычислял получаемое с этой площади количество ценностей.

	Приходится на 100 десятин посева.				Получается денежного дохода.	
	На площадь.					
	Хозяйств.	Пищев.	Кормов.	Торговую.	На 1 дес. посева (рубли).	На 1 двор.
У сеющих до 5 дес. .	6	90,7	42,3	39	—	—
„ „ „ 5—10 д.	6	44,7	37,5	11,8	3,77	30
„ „ „ 10—25 „	6	27,5	30	36,5	11,68	191
„ „ „ 25—50 „	6	17	25	52	16,94	574
„ „ более 50 „	6	12	121	61	19,52	1500

эта разница между доходностью посевов в группах должна быть еще больше, так как у высших групп следует предполагать бо̀льшие урожаи на десятине и высшую ценность сбываемого хлеба.

«В этом учете доходности мы ввели в вычисление не всю площадь хозяйства, а только пахотную, потому что не имеем у себя точных данных потребления отдельными видами скота прочих угодий в крестьянских хозяйствах Таврических уездов; но так как денежный доход южно-русского крестьянина, исключительно занимающегося земледелием, определяется почти всецело посевной площадью, то приведенные цифры довольно точно обрисовывают различие в денежном доходе от хозяйства у различных групп крестьян. Эти цифры показывают, как сильно изменяется этот доход с размерами посева. Семья, имеющая 75 десятин посева, получает в год денежной выручки до 1.500 рублей, семья с посевом 34½ десятин имеет в год 574 руб. а с посевом в 16⅓ д.—только 191 руб. Семья, засевающая 8 десятин, получает только 30 рублей, т.-е. такую сумму, которая недостаточна для покрытия денежных расходов по хозяйству без сторонних промыслов. Конечно, приведенные цифры еще не показывают ренты от хозяйства, и для получения последней нужно вычесть из них все денежные расходы по хозяйству в налогах, инвентаре, постройках, на покупку одежды, обуви и т. д.

Но расходы эти возрастают не пропорционально увеличению размеров хозяйства. Расходы по содержанию семьи возрастают пропорционально численности семьи, а увеличение состава последней, как видно из таблицы, идет гораздо медленнее, чем увеличение площади посева в группах. Что касается всех хозяйственных расходов (уплата земельного налога и арендной платы, ремонта построек и инвентаря), то они возрастают в хозяйстве во всяком случае не более, чем пропорционально размерам хозяйства, между тем как валовой денежный доход от хозяйства, как показывает предыдущая таблица, возрастает более чем пропорционально размерам посева. При том же все эти хозяйственные расходы весьма невелики сравнительно с главным расходом хозяйства по содержанию рабочих сил. Таким образом, мы можем формулировать то явление, что рента от земледелия в крестьянском хозяйстве прогрессивно уменьшается на десятину по мере уменьшения его размеров» (с. 320).

Из данных Постникова мы видим, таким образом, что по отношению к рынку земледельческое хозяйство крестьян в различных группах является существенно различным: высшие группы (с посевом более 25 десятин на двор) ведут уже коммерческое хозяйство: целью производства хлеба является получение дохода. Наоборот, в низших группах земледелие не покрывает необходимых нужд семьи (это относится к посевщикам, обрабатывающим до 10 десятин на двор); если подсчитать с полностью все расходы по хозяйству, то наверное окажется, что хозяйство в таких группах ведется в убыток.

Крайне интересно также воспользоваться теми данными, которые приводит Постников, для разрешения вопроса о том, в каком отношении стоит раскол крестьянства на разнородные группы к размеру предъявляемого рынку спроса? Мы знаем, что размер этого спроса зависит от величины торговой площади, а эта последняя возрастает с увеличением размеров хозяйства; но ведь параллельно с этим увеличением размеров хозяйства в высших группах идет уменьшение этих размеров в низших группах. По количеству дворов низшие группы вдвое многочисленнее высших групп: первых 40% в Таврических уездах, вторых—только 20%. Не получается ли в общем и целом, что вышеуказанный

хозяйственный раскол уменьшает размер предъявляемого рынку спроса? Собственно говоря, мы в праве ответить на этот вопрос отрицательно уже на основании априорных соображений: дело в том, что в низших группах размер хозяйства так мал, что все нужды семьи не могут быть покрыты земледелием; чтобы не умереть с голоду, представителям этих низших групп придется нести на рынок свою рабочую силу, продажа которой даст им известные денежные средства и уравновесит таким образом (до известной степени) то уменьшение спроса, которое произойдет от уменьшения размеров хозяйства. Но данные Постникова позволяют дать на поставленный вопрос более точный ответ.

Возьмем какое-нибудь количество посевной площади, например, 1.600 десятин и представим себе двоякое распределение ее: во-первых, между однородным экономически крестьянством и, во-вторых, между крестьянами, расколовшимися на разнородные группы, какие мы видим в Таврических уездах, в настоящее время. В первом случае, полагая на среднее крестьянское хозяйство 16 десятин посева (как это и обстоит на деле в Таврических уездах), получаем 100 хозяйств, вполне покрывающих свои нужды земледелием. Предъявляемый рынку спрос будет равняться $191 \times 100 = 19.100$ рублей. Второй случай: 1.600 десят. посева распределены между прежними 100 дворами иначе, именно так, как распределяется в действительности посевная площадь между крестьянами Таврических уездов: 8 дворов совсем не имеют посева, 12 засевают по 4 десятины; 20 по 8; 40 по 16; 17 по 34 и 3 по 75 (всего посева получается 1.583 дес., т.-е. немного даже менее 1.600 десятин). При таком распределении весьма значительная часть крестьян (40%) не будет в состоянии получить с своей земли достаточно дохода на покрытие всех нужд. Размер предъявляемого рынку денежного спроса, считая только хозяйства с посевом более 5 десятин на двор, будет следующий:

$$20 . 30 + 40 . 191 + 17 . 574 + 31 . 500 = 21 . 350 \text{ рубл.}$$

Мы видим, таким образом, что несмотря на опущение целых 20 дворов (несомненно получающих тоже денежный доход, только не от продажи своих продуктов), несмотря на сокращение посевной площади до 1.535 десятин—общий размер предъявляемого рынку денежного спроса повысился.

Было уже сказано, что крестьяне низших экономических групп вынуждены продавать свою рабочую силу; наоборот, представители высших групп должны покупать ее, так как собственных рабочих уже недостаточно для обработки их крупной посевной площади. Мы должны теперь поподробнее остановиться на этом важном явлении. Постников как будто не причисляет это явление к новым хозяйственным движениям в крестьянской жизни (по крайней мере, не упоминает о нем в предисловии, где резюмирует результаты труда), но оно заслуживает гораздо большего внимания, чем введение машин или расширение запашки у зажиточных крестьян.

«Более зажиточное крестьянство в Таврических уездах— говорит автор—вообще пользуется в значительной мере паемными работниками и ведет свое хозяйство на такой площади, которая далеко превышает рабочую способность самих семейств. Так, в 3-х уездах на 100 семей держат наемных работников, по всем разрядам крестьян:

Не имеющие посева			3,8%
Засевающие	до	5 дес.	2,5%
„	„	5—10 дес.	2,6%
„	„	10—25 „	8,7%
„	„	25—50 „	34,7%
„	более	50 „	64,1%
Всего			12,9%

«Эти цифры показывают, что наемных работников держат преимущественно хозяева зажиточные, с более значительными посевами» (с. 144).

Сравнивая вышеприведенные данные о составе семей по группам без наймитов (по трем уездам отдельно) и с наймитами (по трем уездам вместе), мы видим, что хозяева, засевающие от 25 до 50 десятин на двор, увеличивают число рабочих сил в своем хозяйстве посредством найма— приблизительно на 1/3 (с 1,8—1,9 работника на семью до 2,4), а хозяева с посевом более 50 десятин на двор, увеличивают число рабочих почти вдвое (с 2,3 до 5); даже более чем вдвое по расчету автора, который считает, что они должны нанимать до 8.241 работников (с. 115), имея своих 7.129 человек. Что низшие группы должны отпускать рабочих на сторону в весьма значительном количестве—это

явствует уже из того, что земледельческое хозяйство не в состоянии дать им необходимое на собственное содержание количество продуктов. К сожалению, точных данных о количестве отпускаемых на сторону работников мы не имеем. Косвенным показателем этого количества может служить число домохозяев, сдающих свои наделы: выше было приведено заявление Постникова, что в Таврических уездах около $^1/_3$ населения не эксплоатирует вполне своей надельной земли.

IV.

Из приведенных выше данных видно, что Постников вполне доказал свое положение об «огромном разнообразии» в экономическом положении отдельных дворов. Это разнообразие простирается не только на степень имущественного обеспечения крестьян и размеры их посевов, но даже на характер в разных группах. Мало этого. Оказывается, что термины: «разнообразие», «дифференциация» недостаточны для полной характеристики явления. Если один крестьянин имеет 1 штуку рабочего скота, а другой—10, мы называем это дифференциацией; но если один арендует десятки десятин земли сверх обеспечивающего его надела с единственной целью извлечь доход из ее эксплуатации, и тем лишает другого крестьянина возможности арендовать землю, в которой он нуждается для прокормления своей семьи, — то мы имеем перед собой, очевидно, нечто гораздо бо̀льшее; мы должны назвать такое явление «рознью» (с. 323) «борьбой экономических интересов» (с. XXXII). Употребляя эти термины, Постников недостаточно оценивает всю их важность; он не замечает также, что и эти последние термины оказываются недостаточными. Аренда надельной земли у обедневшей группы населения, наем в батраки крестьянина, переставшего вести свое хозяйство,—это уже не только рознь, это—прямая эксплоатация.

Признавая глубокую экономическую рознь в современном крестьянстве, мы не можем уже ограничиться одним разделением крестьян на несколько слоев по степени имущественного обеспечения. Такое разделение было бы достаточно, если бы все вышеуказанное разнообразие сводилось к разли-

чиям количественным. Но это не так. Если у одной части крестьян целью земледелия являются коммерческие выгоды, результатом—крупный денежный доход, а у другой—земледелие не покрывает даже необходимых потребностей семьи. если высшие группы крестьян основывают свое улучшенное хозяйство на раззорении низших, если зажиточное крестьянство в значительной степени пользуется наемным трудом, а бедное вынуждается прибегать к продаже своей рабочей силы,—то это уже, несомненно, качественное различие, и нашей задачей теперь должно быть группировать крестьянство по различиям в самом характере их хозяйства (разумея под характером хозяйства особенности не техники, а экономики).

Постников слишком мало обратил внимания на эти последние различия; поэтому хотя он и признает необходимость «более общего расчленения населения на группы» (с. 110) и пытается сделать такое расчленение, но попытка его, как мы сейчас увидим, не может быть признана вполне удачной.

«Для более общего расчленения населения на экономические группы,—говорит Постников,—мы воспользуемся другим признаком, который хотя по местностям и не представляет однородного экономического значения, но более согласуется с делением на группы, какое делают у себя сами крестьяне и которое также отмечено по всем уездам и земскими статистиками. Деление это делается по степени самостоятельности домохозяев в способах ведения хозяйства, в зависимости от количества рабочего скота во дворе» (с. 110).

«В настоящее время крестьянство южно-русского района можно разбить, по степени хозяйственной самостоятельности домохозяев и в то же время по способам их хозяйствования, на 3 следующие главные группы:

1) Домохозяев тягловых или имеющих тягло, т.-е. полный плуг или заменяющее его орудие для пахоты, и обходящихся в полевых работах собственным скотом, без найма скота и без супряга. При плужном или буккерном тягле эти домохозяева имеют у себя 3—2 пары или более рабочего скота и соответственно тому, во дворе 3-х взрослых работников или, по крайней мере, 2-х взрослых работников и одного полурабочего.

2) Полутягловых или супряжников, т.-е. домохозяев спрягающихся между собой для полевых работ по неимению достаточного числа скота для самостоятельной запряжки. У таких хозяев во дворе держится одна или $1^1/_2$ пары и даже в некоторых случаях 2 пары рабочего скота и, соответственно тому, 1 или 2 взрослых работника. При тяжелой почве и при необходимости работать на плуге (или заменяющем его буккере) с тремя парами скота такие домохозяева обязательно спрягаются, или имеют 2 пары рабочего скота.

3) Домохозяев безтяглых или «неразбор.», вовсе не имеющих скота, или имеющих одну рабочую скотину (большею частью лошадь, так как волы обыкновенно держатся парами и ходят лишь в парной упряжи). Они работают наймом чужого скота или сдают свои земли в наймы из части урожая и вовсе не имеют посева.

«Такая группировка по коренному в крестьянской жизни хозяйственному признаку, каким в данном случае является количество рабочего скота и способ запряжки, делается обыкновенно самими крестьянами. Но в ней есть большие вариации, как в пределах каждой отдельной и поименованной выше группы, так и в расчленении между собой самых групп» (с. 121).

Численный состав этих групп в $^0/_0{}^0/_0$ к общему числу дворов следующий (с. 125):

	I.	II.	III.	
	Работавших собств. скот.	Работавших с упрягой.	Работавших наймом скота.	Не имевших посева.
У. Бердянский . . .	37	44,6	11,7	6,7
„ Мелитопольский. .	32,7	46,8	13	7,5
„ Днепровский . . .	43	34,8	13,2	9

Рядом с этой таблицей автор дает группировку дворов по количеству содержимого в них рабочего скота, чтобы определить состав тягла в описываемых уездах:

	Число дворов в %% общего их числа, имеющих во дворе рабочего скота.			Не имеющих рабочего скота.
	4 и более штуки.	2—3 штуки.	1 штуку.	
У. Бердянский . . .	36,2	41,6	7,2	15
„ Мелитопольский .	34,4	44,7	5,3	15,6
„ Днепровский . . .	44,3	36,6	5,1	14

Следовательно, в Таврических уездах полное тягло требует наличности не менее 4-х штук рабочего скота во дворе.

Такая группировка Постникова не может быть признана вполне удачной прежде всего потому, что в пределах каждой из этих 3-х групп замечаются сильные различия:

«В группе тягловых домохозяев,— говорит автор,— мы встречаем в южной России большое разнообразие—на-ряду с большим тяглом у зажиточных крестьян существует и тягло малое у более бедных. Первое, в свою очередь, делится на тягло полное (6—8 штук рабочего скота) и неполное (4—6 штук)...

Категория «пеших» домохозяев представляет также много разнообразия в степени достатка (с. 124). Другое неудобство принимаемого Постниковым расчленения состоит в том, что в земской статистике группировка населения произведена, как уже было указано выше, не по количеству рабочего скота, а по размерам посева. Чтобы иметь возможность выражать точно имущественное положение разных групп, приходится поэтому взять группировку по размерам посева.

По этому признаку Постников делит население точно так же на три группы: на домохозяев малосеющих—с посевом до 10 десятин и без посева; среднесеющих—с посевом от 10—25 десятин, и многосеющих—с посевом выше 25 десятин на двор. Первую группу автор называет «бедной», вторую—средней, третью—зажиточной.

О численном составе этих групп Постников говорит:

«В общем у Таврических крестьян (без колонистов) многосеющие составляют около $^1/_6$ части всего числа дворов,

имеющие средние посевы около 40%, и несколько более 40% дают дворы малосеющие с несеющими. В целом же население Таврических уездов (с колонистами) к многосеющим принадлежит $^1/_5$ часть населения, или около 20%, к среднесеющим—40% и к малосеющим с несеющими—около 40%» (с. 112).

Следовательно, присоединение немцев крайне незначительно изменяет состав групп, так что пользование общими данными о всем уезде не составит неправильности.

Наша задача теперь должна состоять в том, чтобы охарактеризовать по возможности точнее экономическое положение каждой из этих групп в отдельности и постараться выяснить таким образом размеры и причины экономической розни в крестьянстве.

Постников не поставил себе такой задачи; поэтому приводимые им данные отличаются большой разбросанностью, а общие отзывы о группах—недостаточной определенностью.

Начнем с низшей группы—бедной, к которой относится в Таврических уездах $^2/_5$ населения.

Насколько эта группа в действительности бедна, об этом лучше всего судить по количеству рабочего скота (главное орудие производства в сельском хозяйстве). По трем уездам Таврической губернии из всего количества рабочего скота—263.589 штук—у низшей группы находится (с. 117) 43.625 штук, т.-е. всего 17%, в $2^1/_3$ раза менее среднего. Данные о %% дворов, не имеющих рабочего скота, были приведены выше (80%—48%—12% по 3-м подразделениям низшей группы). Постников на основании этих данных сделал вывод, что % домохозяев, не имеющих у себя собственного скота, значителен только в группах без посева и с посевом до 10 десятин на двор» (с. 135). Количество посева у этой группы находится в соответствии с количеством скота: на собственной земле засевается 146.114 десятин из всего количества 962.933 десят. (по 3-м уездам), т.-е. 15%. Прибавление арендованной земли увеличивает посев до 174.496 десятин, но так как этим увеличивается посев и в других группах и увеличивается в бо́льшем размере, чем в низшей группе, то в результате получается, что посев низшей группы составляет лишь 12% всего посева, т.-е. $^1/_8$ посева приходится на более чем $^3/_8$ населения. Если припомнить, что нормальным (т.-е.

покрывающим все нужды семьи) посевом автор считает именно средний посев тавричанина, то легко видеть, насколько обделена эта группа с посевом в $3^1/_3$ раза менее среднего.

Очень естественно, что при таких условиях земледельческое хозяйство этой группы находится в крайне печальном положении: мы видели выше, что 33—39% населения в Таврических уездах—следовательно, подавляющее большинство нисшей группы—совсем не имеют пахотных орудий. Неимение инвентаря заставляет крестьян бросать землю, сдавать наделы в аренду. Постников считает, что число таких сдатчиков (с хозяйством, несомненно, уже совершенно расстроенным) составляет около $^1/_3$ населения, т.-е. опять-таки значительное большинство бедной группы. Заметим мимоходом, что это явление «продажи» наделов (употребляя обычное крестьянское выражение) констатировано земской статистикой повсюду и в весьма значительных размерах. Пресса, отметившая этот факт, умела уже изобрести и средство против него—неотчуждаемость наделов. Постников совершенно справедливо возражает против действительности подобных мер, обличающих в авторах чисто чиновничью веру в могущество предписаний начальства. «Несомненно,—говорит он,—что одно запрещение сдачи земель в аренду не уничтожит этого явления, корни которого лежать слишком глубоко в настоящем экономическом строе крестьянского быта. Крестьянин, у которого нет инвентаря и средств для собственного хозяйства, фактически не может пользоваться своим наделом и должен отдавать его в наем другим крестьянам со средствами для ведения хозяйства. Прямое запрещение сдачи земель заставит производить эту сдачу тайно, без контроля, и, вероятно, на худших условиях для сдающего землю, чем теперь, потому что сдающий землю вынужден ее сдавать. Затем, для оплаты казенных недоимок на крестьянах, наделы их чаще станут сдаваться через сельскую расправу, а такая сдача для бедных крестьян менее всего будет выгодна» (с. 140).

Полный упадок хозяйства замечается у всей бедной группы:

«В сущности,—говорит Постников,—не сеющие домохозяева и мало сеющие обрабатывающие свою землю наймом чужого скота, не представляют большой разницы в своем хозяйственном положении. Первые сдают в аренду односельцам всю свою землю, вторые—только часть ее, но как те,

так и другие либо служат батраками у своих односельчан, либо промышляют сторонними и большею частью земледельческими же заработками проживая в собственной усадьбе. Поэтому обе категории крестьян—не сеющих и малосеющих—можно рассматривать вместе; и те и другие принадлежат к домохозяевам, теряющим свое хозяйство, в большинстве случаев разорившимся или разоряющимся, не имеющим нужного для ведения хозяйства скота и инвентаря» (с. 135).

«Если дворы бесхозяйные и несеющие в большинстве случаев представляют собою разорившиеся хозяйства,—говорит Постников,—несколько ниже,—то малосеющие, сдающие внаймы свою землю, представляют собой кандидатов в первые. Всякий значительный неурожай или случайное несчастье, как пожар, продажа лошадей и т. п., каждый раз выбивают из этой группы часть домохозяев в разряд бесхозяйных и батраков. Домохозяин, лишившийся почему-либо рабочего скота, делает первый шаг к упадку. Обработка земли наймом чужого скота представляет много случайного, беспорядочного и обыкновенно вынуждает к уменьшению запашки. Такому мужику отказывают в кредите местные сельские судо-сберегательные кассы и односельчане (в примечании: «В Таврических уездах очень многочисленны ссудо-сберегательные товарищества в больших селениях, действующие с помощью ссуд из государственного банка, но пользуются займами из них лишь зажиточные и достаточные домохозяева»); заем они получают обыкновенно на более тяжелых условиях, чем крестьяне «заможние». «Как ему дать,—говорят крестьяне,—когда с него нечего взять». Раз запутавшись в долгах, он при первом несчастии теряет и землю, в особенности, если за ним числится еще и казенная недоимка» (с. 139).

До какой степени глубок упадок земледельческого хозяйства у крестьян бедной группы, это лучше всего видно из того, что автор отказывается даже ответить на вопрос, как именно ведется у них это хозяйство. «У хозяйств, засевающих менее 10 десятин на двор,—говорить он,—земледелие стоит в условиях слишком случайных, что бы оно могло бы быть охарактеризовано определенными приемами» (с. 278).

Приведенные характеристики хозяйства крестьян низшей группы, несмотря на свою многочисленность, совершенно

недостаточны; они — исключительно отрицательные, тогда как должна же быть и положительная характеристика. Мы слышали до сих пор только о том, что относить крестьян этой группы к самостоятельным хозяевам - земледельцам не доводится, потому что земледелие у них в полном упадке, потому что посевная площадь крайне недостаточна, потому, что, наконец, земледелие ведется у них случайно: «Придерживаться какого-либо порядка в посевах,—замечают статистики в описании Бахмутского уезда,—могут лишь состоятельные и зажиточные хозяева, не нуждающиеся в семенах, а бедняки сеют, что у них окажется налицо, где и как попало» (с. 278). Однако, существование всей той массы крестьянства, которую включает нисшая группа (в 3-х Таврических уездах свыше 30 тысяч дворов и более 200 тысяч душ обоего пола), не может быть случайным. Если они кормятся не от своего собственного хозяйства, то чем же живут они? Главным образом, продажей своей рабочей силы. Мы видели выше, что Постников говорил про крестьян этой группы, что существуют они батрачеством и сторонними заработками. При почти полном отсутствии промыслов на юге, эти заработки— большей частью земледельческие и сводятся, следовательно, к найму на сельско-хозяйственные работы. Чтобы подробнее доказать, что именно продажа труда является главной чертой хозяйства крестьян нисшей группы, обратимся к рассмотрению этой группы по тем разрядам, на которые делит ее земская статистика. О домохозяевах несеющих нечего и говорить: это полные батраки. Во 2-м разряде мы имеем уже посевщиков с посевом до 5 дес. на двор (в среднем 3,5 дес.). Из приведенного выше разделения посевной площади, посевной на хозяйственную, кормовую, пищевую и торговую, видно, что такой посев совершенно недостаточен. «Первая группа с посевом до 5 дес. на двор, — говорит Постников,—не имеет в своих посевах рыночной, торговой площади; ее существование возможно лишь при сторонних заработках, добываемых батрачеством и другими способами» (стр. 319). Остается, последний разряд—хозяева с посевом 5—10 десятин на двор. Спрашивается, в каком отношении у крестьян этой группы стоит самостоятельное земледельческое хозяйство к так называемым «заработкам». Для точного ответа на этот вопрос необходимо было бы иметь не-

сколько типичных крестьянских бюджетов, относящихся к хозяевам этой группы. Постников вполне признает необходимость и важность данных о бюджетах, но указывает, что «собирание таких данных весьма затруднительно, а во многих случаях для статистиков и просто невозможно» (стр. 107). С последним замечанием согласиться очень трудно: московские статистики собрали несколько чрезвычайно интересных и подробных бюджетов (см. Сборник стат. свед. по Московской губ. Отдел хозяйственной статистики. Т.т. VI и VII); по некоторым уездам Воронежской губ., как указывает сам же автор, данные о бюджетах собраны даже подворно.

Очень жаль, что собственные данные Постникова о бюджетах крайне недостаточны: он приводит 7 бюджетов немецких колонистов и только один бюджет русского крестьянина, при чем все бюджеты относятся к крупным посевщикам (минимум — у русского — $39^1/_2$ дес. посева), т.-е. к такой группе, хозяйство которой можно достаточно ясно представить себе на основании имеющихся в земской статистике данных. Выражая сожаление, что ему «не удалось собрать при поездке большее количество крестьянских бюджетов», Постников говорит, что «точное определение этих бюджетов — дело вообще нелепое. Тавричане дают свои хозяйственные показания довольно открыто, но точных цифр своего дохода и расхода они большею частью и сами не знают. Еще более верно припоминают крестьяне общую цифру своего расхода, или крупнейшие приходы и расходы, но мелочные цифры почти всегда ускользают из их памяти» (стр. 288). Лучше бы, однако, собрать несколько бюджетов, хотя и без мелочных подробностей, чем собирать, как это сделал автор, «до 90 описаний с оценкой» хозяйственной обстановки, которая достаточно выясняется земскими подворными переписями.

За отсутствием бюджетов в нашем распоряжении оказываются только двоякие данные для определения характера хозяйства рассматриваемой группы, во-первых, расчеты Постникова о количестве посева на двор, необходимого на прокормление средней семьи; во-вторых, данные о разделении посевной площади на 4 части, и о среднем количестве денежных расходов (на семью в год) у местных крестьян.

На основании подробных расчетов о количестве десятин посева, необходимых на продовольствие семьи, на посев и на корм скоту, Постников делает такой окончательный вывод:

«Крестьянская семья среднего состава и достатка, живущая исключительно земледелием и сводящая свой баланс без дефицита, при средних урожаях должна иметь в своей посевной площади—4 десятины на продовольствие $6^1/_2$ душ семьи, $4^1/_2$ дес.—для корма 3-х рабочих лошадей, $1^1/_2$ десятины для сбора посевных семян и 6—8 десятин для продажи зерна на рынок, всего 16—18 десятин посева... Средний тавричанин имеет около 18 десятин посева на двор, но 40% населения 3-х таврических уездов имеют посева у себя ниже 10 десятин на двор, и если оно все-таки занимается земледелием, то лишь потому, что часть своего дохода добывает сторонними заработками и отдачей внаймы своей земли. Хозяйственное положение этой части населения—ненормальное, шаткое, потому что в большинстве случаев она не может иметь у себя запасов на черный год» (стр. 272).

Так как средний размер посева на двор в рассматриваемой группе—8 десятин, т.-е. менее половины необходимого (17 десятин), то мы вправе заключить, что крестьяне этой группы большую часть дохода получают от «заработков», т.-е. от продажи своего труда.

Другой расчет: по вышеприведенным данным Постникова о распределении посевной площади, из 8 десятин посева—0,48 десят. пойдет на семена; 3 дес.—на корм скота (в этой группе на двор приходится 2, а не 3 штуки рабочего скота); 3,576 дес.—на продовольствие семьи (состав ее тоже ниже среднего—около $5^1/_2$ душ, а не $6^1/_2$), так что на торговую площадь останется менее 1 десятины (0,944), доход с которой автор исчисляет в 30 рублей. Но сумма необходимых денежных расходов для тавричанина гораздо выше. Собрать данные о количестве денежных расходов гораздо легче, чем о бюджетах, говорит автор, потому что крестьяне нередко сами производят расчеты на эту тему. По этим расчетам оказывается, что «для семьи среднего состава, т.-е. состоящей из мужа-работника, жены и 4-х детей и подростков, если она ведет хозяйство на собственной земле, примерно, 20 десятинах, не прибегая к аренде, сумма необходимых де-

нежных расходов в году тавричанами определяется в 200—250 руб. Сумма в 150—180 руб. считается минимум того денежного расхода, который должна иметь такая семья, если она при этом будет во всем ограничивать себя. Годовой доход ниже этой цифры считается уже невозможным, ибо работник с женою добывает в этой местности батрачеством, при готовом продовольствии и помещении, 120 руб. в год, при чем не несет никаких расходов по содержанию скота, инвентаря и пр. и может еще получить «верхи» от земли, сдаваемой им внаймы своим односельчанам (стр. 289). Так как рассматриваемая группа ниже средней, то мы возьмем минимальный, а не средний денежный расход и даже нисшую цифру минимума—150 руб., которые должны быть добыты «заработками». При этом расчете, собственное хозяйство дает крестьянину рассматриваемой группы 30+87,75=117,5 руб. [1]), а продажа своего труда—120 рублей. Следовательно, опять-таки мы получаем, что самостоятельным земледельческим хозяйством крестьяне этой группы могут покрыть только меньшую половину своих минимальных расходов [2]).

Таким образом, рассмотрение характера хозяйства во всех подразделениях нисшей группы приводит к тому несомненному выводу, что хотя большинство крестьян и имеет небольшие посевы, тем не менее преобладающим источником

---

[1]) 3½ дес. пищевой площади дадут по 25 р. ценностей на 1 дес. (25×3,5=87,5)—расчет Постникова, с. 272.

[2]) Расчеты г. Южакова в „Русской Мысли" за 1885 г. № 9 („Нормы народного землевладения") вполне подтверждают такой вывод. Продовольственной, т.-е. низшей нормой надела на двор он считает для Таврической губ. 9 дес. посева. Но г. Южаков относит на счет посева только продовольствие зерновыми продуктами и налоги, полагая, что остальные расходы покрываются заработками. Бюджеты земской статистики доказывают, что расходы второго рода составляют бо́льшую половину расходов всех расходов. Так, в Воронежской губ. средний расход крестьянской семьи—495,39 руб., считая и натуральный и денежный расход. Из этой суммы—109,10 идет на содержание скота (В Южаков относит содержание скота на счет сенокосов и вспомогательных угодий, а не на счет пашни), 135,80—на продовольствие растительной пищей и налоги, и 250,49—на остальные расходы — одежду, инвентарь, аренду, разные хозяйственные нужды и пр. (24 бюджета в Сб. ст. св. по Острог. у.).—В Московской губ. средний годовой расход семьи—348,83 руб., из них 156,03—продовольствие зерновыми продуктами и налоги, и 192,80—на остальные расходы. (Среднее из 8 бюджетов собранных московскими статистиками—в. с.).

средств к жизни является у них продажа своей рабочей силы. Все крестьяне этой группы—более наемные рабочие, чем хозяева—земледельцы.

Постников не поставил этого вопроса о характере хозяйства крестьян низшей группы и не выяснил отношения заработков к своему хозяйству—это составляет крупный недостаток его труда. В силу этого осталось у него недостаточно выясненным то странное на первый взгляд явление, что крестьяне низшей группы, имея слишком мало своей земли, забрасывают ее, сдают внаймы; в силу этого остался несвязанным с общим характером хозяйства тот крупный факт, что количество средств производства (т.-е. земли и инвентаря) у крестьян низшей группы значительно ниже среднего. Так как среднее количество средств производства, как мы видели, обеспечивает как раз только удовлетворение необходимых потребностей семьи, то из указанной обделенности бедных крестьян с безусловной необходимостью следует для них обязательность искать чужих средств производства для приложения своего труда, т.-е. продаваться.

Переходим ко второй группе—средней, обнимающей тоже 40% населения. Сюда принадлежат хозяева с посевом от 10 до 25 десятин на двор. Термин «средний» является вполне применимым к этой группе, с тою, впрочем, оговоркой, что ее средства производства несколько (немногим) ниже средних: посев на двор—16,4 десятин при среднем для всех крестьян—17 дес. Скота—7,3 штуки на двор при среднем—7,6 штук (рабочего скота—3,2 при среднем—3,1). Всей пашни на двор 17—18 дес. (надельной, купчей и арендованной) при среднем 20—21 дес. по уездам. Сравнение количества десятин посева на 1 двор с той нормой, которую дал Постников, показывает, что хозяйство на собственной земле дает этой группе в обрез столько, сколько необходимо на прокормление.

По всем этим данным можно бы, кажется, думать, что хозяйство крестьян этой группы окажется наиболее прочным: крестьянин покрывает им все свои расходы; он работает не ради получения дохода, а только для удовлетворения первых потребностей. На самом деле, однако, мы видим как раз обратное: хозяйство крестьян этой группы отличается весьма значительной непрочностью.

Прежде всего достаточным оказывается в этой группе средний размер посева—16 десятин. Следовательно, хозяева, имеющие от 10 до 16 десятин посева, не покрывают земледелием всех расходов и вынуждены тоже прибегать к заработкам. Из приведенного выше приблизительного расчета Постникова мы видим, что в этой группе нанимается 2.846 рабочих, а отпускается 3.389, т.-е. больше на 543. Около половины хозяйств этой группы, следовательно, обеспечены не вполне.

Далее, в этой группе приходится рабочего скота на двор—3,2 штуки, между тем как на тягло требуется, как мы видели выше, 4 штуки. Следовательно, значительная часть хозяев этой группы не может обойтись своим скотом при обработке земли, и должна прибегать к супрягам. Число супряжников в этой группе также не менее $1/2$: так можно думать потому, что общее число тягловых хозяйств—около 40%, из которых 20% пополняют зажиточную высшую группу, а остальные 20% придутся на среднюю, так что не менее $1/2$ средней группы окажется не имеющей тягла. Точного числа супряжников в этой группе Постников не сообщает. Обращаясь к сборникам земской статистики, находим следующие данные (по двум уездам) [1].

	Всего в группе с посевом 10—25 дес.		Из всего числа засеянных дес. обрабатывают.							
			Своим скотом.		Супрягою		Наймом.		Другим способ.	
	Дворов.	Десятин посева.	Дворов.	Десятин.	Дворов.	Десятин.	Дворов.	Десятин.	Дворов.	Десятин.
Мелитоп. у. . . .	13.789	226.389,21	4.218	79.726,55	9.201	141.483,26	321	4.405,8	49	773,3
Днепровский у.	8.234	137.343,75	4.029	71.125,2	3.835	61.159,05	320	4.352,5	50	707,25

[1]) Сб. ст. св. Мелитопольского уезда (приложение к I тому сборника по Таврической губ.). Симф. 1885. Стр. Б. 195. Сборник статистич. сведен. по Днепровскому у. (т. II Сб. по Таврич. губ.) Симф. 1886 г. Стр. Б. 123.

Таким образом, по обоим уездам в средней группе меньшинство дворов обрабатывает землю своим скотом: в Мелитопольском уезде менее $^1/_3$ дворов; в Днепровском уезде— менее $^1/_2$. Следовательно, число супряжников, взятое выше для всех 3-х уездов ($^1/_2$), скорее слишком низко и никак не преувеличено. Конечно, невозможность обработать землю своим скотом уже достаточно характеризует непрочность хозяйства, но для иллюстрации приведем описание супряг, даваемое Постниковым, который уделяет, к сожалению, слишком мало внимания этому интересному и в экономическом и в бытовом отношениях явлению.

«У домохозяев работающих супрягой,—говорит Постников,—норма рабочей площади ниже (чем у крестьян работающих своим скотом) в силу того же правила механики, по которому 3 лошади, запряженные вместе не оказывают тяги в 3 раза большей одной лошади. Спрягающиеся между собою могут жить в разных концах села (спрягаются преимущественно родственники), затем число полевых участков у двух домохозяев (спрягаются также и 3 хозяина) вдвое более, чем у одного. Все это увеличивает расходы на переезды [1]). Для того, чтобы наладить согласие, тратится также известное время, и случается, что до окончания работы согласие это расстраивается. В иных случаях у супряжников не достает лошадей для бороньбы, тогда их выпрягают из буккера: одни лошади едут за водой, другие боронят. В селе Юзкуях мне передавали, что супряжники часто буккеруют в день не более 1 десятины, т.-е. вдвое меньше против нормы» (с. 233).

К недостаточности живого инвентаря присоединяется малочисленность мертвого. Из приведенной выше таблицы о количестве инвентаря, приходящегося на 1 двор в разных группах, видно, что в средней группе во всех уездах прихо-

---

[1]) «При разделе земель каждый двор получает в известном клину на свои души сплошной участок, и потому у малодушных участки меньше. Условия супряги в Таврической губ. очень различны. Кто из супряжников имеет буккер, тому выделяется лишняя десятина, например, одному 10, а другому—11 десятин, или на неимеющего буккера падают все расходы по починке его во время работ. Тоже при неравенстве в количестве спрягаемого скота: одному пашут лишний день и т. д. В с. Каменке владелец буккера получает деньгами от 3-х до 6 рублей за весну. Несогласия между супряжниками вообще очень часты».

дится не менее 1 штуки пахотного инвентаря на 1 двор. Но на самом деле распределение инвентаря даже в пределах группы не отличается равномерностью. Постников не дает, к сожалению, об этом данных, и нам приходится обратиться к сборникам земской статистики. В Днепровском уезде 1.808 дворов из 8.227 совсем не имеют пахотных орудий; в Мелитопольском—2.954 из 13.789; в 1-м уезде % обделенных дворов = 21,9%; во 2-м—21,4%. Несомненно, что домохозяева, лишенные пахотных орудий, приближаются по своему экономическому положению к нисшей группе, тогда как домохозяева, имеющие их более 1 штуки на двор,—к высшей. Число домохозяев, не имеющих плугов, еще больше: 32,5% в Днепровском и 65% в Мелитопольском. Наконец, машинами для уборки хлеба (имеющими очень важное значение в хозяйстве южно-русского крестьянина вследствие недостатка рабочих для ручной уборки и длинноземелья, растягивающего возовицу хлеба на целые месяцы) хозяева этой группы обладают совершенно уже в ничтожном количестве: в Днепровском уезде на всю группу приходится 20 косилок и жаток (1 штука на 400 дворов); в Мелитопольском—178½ (1 штука на 700 дворов).

Общую систему хозяйства крестьян этой группы Постников разделяет так:

«Домохозяева, имеющие у себя менее 4-х голов рабочего скота, обязательно спрягаются для обработки полей и посева. Домохозяева этого разряда имеют во дворе либо 2-х работников, либо одного. Уменьшение относительной рабочей способности таких хозяев следует уже в силу меньшего размера хозяйства, супряги и более скудного инвентаря. Пахота производится супряжниками часто малым, трехлемешным буккером, который работает медленнее. Если такие хозяева убирают хлеб машиною, нанимаемой у соседей, то они получают ее тогда, когда сосед успел уже скосить свой хлеб. При ручной уборке хлеба она долее тянется, в некоторых случаях требует найма поденных рабочих и дороже обходится. У хозяев одиноких всякое экстренное домашнее дело, или исполнение общественных обязанностей, прерывает работу. Если домохозяин одиночка едет на полевые работы в дальнее поле, где крестьяне часто проводят целую неделю, зараз оканчивая посев и оранку, то он должен чаще воз-

вращаться домой в село, чтобы навестить оставшуюся семью» (с. 278). Таких одиноких домохозяев (имеющих одного работника) в рассматриваемой группе большинство, как видно из следующей таблицы, приводимой Постниковым и показывающей рабочий состав семей в разных посевных группах по всем 3-м уездам Таврической губернии (с. 143).

	На 100 дворов приходится.			
	Без работн. м. пола.	С 1 работником.	С 2 работниками.	С 3 и более работн.
Не сеющие	19	67	11	3
Засев. до 5 десятин.	9	77,6	11,7	1,7
„ „ 5—10 „	4,2	74,8	17,7	3,3
„ „ 10—25 „	1,7	59	29	10,3
„ „ 25—50 „	1,2	40	35,7	23,1
„ более 50.	0,9	25	34,3	39,8
Всего .	4,3	60,6	24,6	10,5

Из этой таблицы видно, что в средней группе 3/5 семей имеют по 1 работнику или вовсе без работника [1]).

Чтобы иллюстрировать отношение средней группы к высшей и вообще прочность ее хозяйства, приведем из Сборника статистических сведений по Днепровскому уезду данные о распределении между группами всей находящейся в распоряжении крестьян земельной площади и в частности площади под посевом [2]). Получаем следующую таблицу:

[1]) В подтверждение своего положения о значительных преимуществах в хозяйстве, которыми пользуются домохозяева семейные (т.-е. со многими работниками) над одиночками—Постников ссылается на известную книгу Пирогова: „Община и подать".

[2]) Данные относятся ко всему Днепровскому уезду, включая селения, непричисленные к волостям. — Данные графы: „все землепользование" вычислены мною—сложено количество земли надельной, арендованной и купчей и вычтена земля сданная в аренду. Днепровский уезд взят потому, что он почти сплошь русский.

Группы крестьян.	Состав группы %% дворов.	Надельной пашни		Купчей земли		Арендованной земли.		Сданной в аренду земли.	Все землепользование группы.		Посевная площадь.	
		Десятин.	%%	Десятин.	%%	Десятин.	%%		Десятин.	%%	Десятин.	%%
Бедная группа. . .	39.9	56.444,95	25,5	2.003,25	6	7.838,75	6	21.551,25	44.735,7	12.4	38.439,25	11
Средняя . .	41,7	102.793,7	46,5	5 376	16	48.397,75	35	8.311	148.256,45	41,2	137.343,75	43
Зажиточная. . . .	18,4	61.844,25	28	26.530,75	78	81.645,95	51	3.039,25	166.981,7	46,4	150.614,45	46
Всего . .	100	221.082,9	100	33.910	100	137.842,45	100	32.901,5	359.973,85	100	326.397,45	100

Из этой таблицы видно, что по количеству надельной пашни средняя группа стояла впереди всех: в ее руках было 46,5% земли. Недостаточность надельной земли вынудила крестьян прибегнуть к аренде, благодаря которой площадь крестьянского землепользования возрасла в общем более чем в полтора раза. Количество земли у средней группы абсолютно тоже возрасло, но относительно уменьшилось: у нее стали только 41,2% всей земельной площади и 43% посева; первое место заняла высшая группа. Следовательно, не только низшая группа, но и средняя испытывает прямое давление со стороны высшей, отбивающей у них землю.

Все вышеизложенное дает нам право следующим образом характеризовать экономическое положение средней группы. Сюда относятся хозяева-земледельцы, живущие исключительно доходом от своего собственного посева; размер последнего почти равен среднему посеву местного крестьянства (или несколько ниже) и покрывает в обрез необходимые потребности семьи. Но недостаток живого и мертвого инвентаря и неравномерное его распределение делают хозяйство крестьян этой группы непрочным, шатким, особенно ввиду угрожающей тенденции высшей группы к вытеснению низшей и средней.

Обращаемся к последней—высшей группе, обнимающей зажиточное крестьянство. Сюда относится в Таврических уездах—1/5 населения с посевом свыше 25 десятин на двор. Насколько действительно богаче других эта группа и рабочим, скотом, и инвентарем, и надельной, и другою землей—об этом приведено было достаточно данных выше. Чтобы показать насколько именно состоятельнее крестьяне этой группы, чем средние крестьяне, приведем еще только данные о посеве: в Днепровском уезде в зажиточной группе приходится 41,3 десятины посева на двор, а в среднем по уезду—17,8 десятин, т.-е. менее в два с лишним раза. Вообще эта сторона дела, большая зажиточность многосеющих крестьян, выяснена Постниковым с достаточной полнотою, но он почти совсем не обратил внимание на другой, гораздо более важный вопрос: какое значение имеет хозяйство этой группы в общем сельско-хозяйственном производстве района, и какою ценою (для других групп) покупается успех высшей.

Дело в том, что численно группа эта очень мала: в самой зажиточной области юга, в губернии Таврической, всего только

20% населения. Можно бы думать поэтому, что значение ее в хозяйстве всей местности невелико [1]). Но на деле мы видим как раз обратное: в общем производстве сельско-хозяйственных продуктов это зажиточное крестьянство играет преобладающую роль. В 3-х Таврических уездах из всей посевной площади—1.439.267 десятин—в руках зажиточного крестьянства находится 724.678 десятин, т.-е. более половины. Разумеется, цифры эти далеко не точно выражают преобладание высшей группы, так как урожаи у зажиточных крестьян гораздо выше, чем у бедных и средних, не ведущих, по вышеприведенной характеристике Постникова, никакого правильного хозяйства.

Таким образом производят хлеб, главным образом, крестьяне высшей группы, и потому (что особенно важно и что особенно часто игнорируется) всевозможные характеристики сельского хозяйства, отзыв об агрикультурных улучшениях и т. п, относятся преимущественно и более всего (иногда даже исключительно) к состоятельному меньшинству. Возьмем, например, данные о распределении улучшенных орудий.

Постников сообщает, об инвентаре таврического крестьянства следующее:

«Крестьянский инвентарь за небольшим исключением тот же, что и у немцев-колонистов, но менее разнообразен, отчасти хуже качеством и потому дешевле. Исключением является юго-западная, редко и мало-населенная часть Днепровского уезда, сохраняющих пока первобытный малороссийский инвентарь с тяжелым деревянным плугом при железных зубьях. В остальном районе Таврических уездов у крестьян плуги употребляются повсеместно улучшенные, железные. На-ряду с плугом занимает первостепенное место в обработке почвы и буккер, который во многих случаях является даже единственным пахатным орудием у крестьян. Но чаще буккер употребляется на-ряду с плугом. Боронами служат повсеместно деревянные бороны с железными зубьями, которые бывают 2-х родов: двуконные бороны, захватывающие полосу в 10 фут. ширины, и одноконные, имеющие в ширину около са-

[1]) В такую ошибку впадает, напр., г. Слонимский, который в статье о книге Постникова говорит: „Зажиточная группа крестьян теряется в массе бедноты и в иных местах как будто совершенно отсутствует". („В. Е." 1893 г., № 3, стр. 307.)

жеек. Буккер является в виде 3-х, 4-х и 5-тилемешного орудия. К буккеру очень часто прикрепляют впереди небольшую сеялку, действующую в связи с ходовым колесом буккера. Она производит посев одновременно с заделкой его буккером. Из прочих орудий по обработке почвы у крестьян встречается еще, хотя и не часто, деревянный каток, служащий для укатывания полей после посева. Жатвенные машины в особенности распространились у крестьян в последнее 10-тилетие. В зажиточных селах, по словам крестьян, их имеет у себя почти $^1/_2$ дворов. Косилки у крестьян встречаются гораздо реже, чем жнейки. Точно так же распространены у крестьян конные грабли и молотилки. Употребление веялок повсеместное. Для перевозки служат исключительно немецкие мажары и брички, приготовляемые теперь во многих русских селениях. Для молотьбы повсеместно служат каменные зубчатые катки большей или меньшей длины» (с. 213—215).

Чтобы узнать, как распределяется этот инвентарь, приходится обратиться к земским статистическим сборникам, хотя и в них данные неполны: таврические статистики регистрировали только плуги и буккера, жнейки и косилки и дилижансы (т.-е. брички или мажары). Сводя вместе данные по Мелитопольскому и Днепровскому уездам, получаем, что из всего числа плугов и скоропашек (46.522) в руках высшей группы находится—19.987, т.-е. 47,2%; бричек—23.747 из 59.478, т.-е. 39,9%; наконец, жнеек и косилок—2.841 из 3.061, т.-е. 92,8%.

Выше были приведены данные, показывающие, что производительность труда в высших группах крестьянства значительно выше, чем в низших и средних. Посмотрим теперь, какими особенностями техники обусловлена такая особенность хозяйства у крупных посевщиков.

«Размер землевладения и землепользования у крестьян,—говорит Постников,—определяет собой в значительной мере также систему и характер земледелия. Эта зависимость между тем и другим, к сожалению, до сих пор мало изучалась у нас исследователями крестьянского хозяйства, для которых последнее еще нередко представляется однородным во всех слоях сельского населения. Оставляя в стороне систему земледелия, постараюсь вкратце резюмировать эти особенности в технике хозяйства отдельных групп крестьян, насколько

они выяснились для меня из поездок в Таврических уездах.

«Домохозяева, работающие собственным скотом, обходящиеся без супряг, держат в хозяйстве 4, 5, 6 и более голов рабочего скота[1]), и хозяйственное положение их при этом представляет много различия. Четырехлемешный буккер требует запряжки 4-х голов скота, при пятилемешном нужно уже 5 голов. За вспашкой следует боронование, и если хозяин не имеет лишней лошади, то он должен бороновать поле не следом, а по окончании вспашки, т.-е. закрывать семена уже несколько просохшей землей, что для прорастания их является условием неблагоприятным. Если пахота идет на дальнем расстоянии от села и требует подвоза воды и корма, отсутствие лишней лошади также прерывает работу. Во всех этих случаях, при отсутствии полного комплекта рабочего скота, происходит потеря времени, запаздывание посевов. При большом количестве рабочего скота и работы многолемешным буккером крестьяне производят свои посевы скорее, лучше пользуются благоприятной погодой, заделывают семена более влажной землей. Преимущества техники весеннего посева остаются, таким образом, за хозяином «полным», имеющим во дворе 6, а еще лучше 7 штук рабочего скота. При 7 лошадях одновременно могут работать 5-тилемешный буккер и 2 бороны. «У такого хозяина,—говорят крестьяне,—нет остановки в работах».

«Еще важнее является различие в положении этих хозяев в период, следующий за жатвой хлеба, когда в местном хозяйстве, в случае хорошего урожая, требуется наибольшее напряжение рабочих сил. У хозяина с 6 головами рабочего скота, одновременно с возкой хлеба производится и молотьба его, хлеб в скирды не складывается, чем, конечно, сберегается время и рабочая сила» (с. 277).

Для окончательной обрисовки характера хозяйства у этих крупных посевщиков следует еще заметить, что посев является в этой группе земледельцев — «коммерческим» предприятием, по замечанию Постникова. Вышеприведенные данные о размере торговой площади вполне подтверждают характеристику

---

[1]) Крестьяне зажиточной группы имеют 6—10 штук рабочего скота на двор (см. выше).

автора, так как большая часть посевной площади дает продукт, идущий на рынок, именно 52% всей площади в хозяйствах с посевом от 25 до 50 десятин и 61% — в хозяйствах с посевом выше 50 десятин. О том же свидетельствует количество получаемого денежного дохода: даже минимум этого дохода для зажиточной группы—574 р. на двор, более чем вдвое превышает сумму необходимого денежного расхода (200—250 р.), составляя, таким образом, излишек, который накопляется и служит к расширению хозяйства и улучшению его. «У наиболее зажиточных крестьян, с посевом более 50 десятин на двор, даже одна из отраслей скотоводства— выращивание грубошерстных овец — принимает уже рыночный характер», как сообщает Постников (с. 188).

Перейдем теперь к другому вопросу, тоже недостаточно разработанному (даже почти не затронутому) Постниковым: как отражаются хозяйственные успехи меньшинства крестьян на массе? Несомненно, совершенно отрицательно: вышеприведенные данные (особенно об аренде) дают достаточно доказательства этого, так что здесь можно ограничиться только подведением итогов. По всем 3-ем уездам Таврической губернии арендуется крестьянами всего 476.334 десят. земли (вненадельной и надельной), из которых зажиточная группа берет 298.727 дес., т.-е. более 3/5 (63%). На долю бедной группы достается только 6%, и средней — 31%. Если принять во внимание, что в аренде нуждаются более всего, если не исключительно,— 2 низшие группы (вышеприведенные данные о распределении между группами крестьян земельной площади Днепровского уезда, показывают, что в высшей группе одной надельной пашни почти достаточно для «нормальных» размеров посева), то будет понятно, какое громадное стеснение в земле должны они испытывать благодаря коммерческому расширению запашек зажиточных крестьян. [1])

Совершенно такие же выводы дает и распределение аренды надельных земель, данные о котором приведены выше. Чтобы показать, какое значение имеет для крестьян разных групп

---

[1]) „Немец давит местного крестьянина тем, что лишает его соседней земли, которую он мог бы арендовать или купить“ (с. 292),—говорит Постников. Очевидно, что в этом отношении, русский зажиточный крестьянин ближе к немцу-колонисту, чем к своему бедному соочественнику.

аренда наделов, приведем описание этого явления из IV главы сочинения Постникова.

«Надельная земля,—говорит он—служит, в настоящее время предметом обширных спекуляций в южно-русском крестьянском быту. Под землю получаются займы с выдачею векселей, весьма распространенных здесь между таврическими крестьянами, при чем доход от земли остается в пользу ссудившего деньги впредь до уплаты долга, земля сдается или продается на год, два и более долгие сроки,—8, 9 и 11 лет,—и такие сдачи наделов формально свидетельствуются в волостных и сельских правлениях. По воскресным и праздничным дням мне случалось видеть в больших селах перед зданием сельских правлений целые толпы оживленного народа. На вопрос о причинах сбора мне отвечали, что это идет угощение и продажа наделов, свидетельствуемая в книгах сельскими властями. Запродажа наделов в чужое пользование практикуется как в тех селениях, где существует раскладка земли по ревизским душам и никаких коренных переделов земли не происходит, так и в селах с раскладкой земли по наличным душам и коренными переделами, только в последних срок запродажи обыкновенно короче и рассчитан на срок передела земли, который в последнее время здесь большею частью заранее определяется в мирском приговоре о переделе. В настоящее время эта запродажа надельной земли в южнорусских селениях сосредоточивает в себе самые жизненные интересы местного зажиточного крестьянства, столь многочисленного здесь, особенно в Таврических уездах. Она составляет, между прочим, одно из главных условий для широкой распашки земель, практикуемой здесь зажиточными тавричанами и доставляющей им большие экономические выгоды. Поэтому-то зажиточные крестьяне в настоящее время и относятся чувствительно ко всяким изменениям в их быте, которые могли бы лишить их этой, в большинстве случаев, дешевой аренды земель, и притом земель, находящихся вблизи (с. 140). Далее рассказывается, как Мелитопольское уездное по крестьянским делам присутствие потребовало, чтобы каждый отдельный случай сдачи наделов происходил с согласия сельского схода, как стеснены были крестьяне этим распоряжением и как «последствием его явилось пока лишь то, что договорные книги о землях исчезли из расправ, хотя в

качестве неофициальных книг они, вероятно, ведутся еще» (с. 141).

Несмотря на арендование громадных количеств земли, зажиточные крестьяне являются и почти единственными покупщиками земель: в Днепровском уезде в их руках — 78% всей купчей земли, в Мелитопольском — 42.737 дес., из всего числа 48.099 десятин, т.-е. 88%.

Наконец, этот же разряд крестьян исключительно пользуется и кредитом: в добавление к вышеприведенной заметке автора о сельских кассах на юге, приведем следующую характеристику их.

«Те сельские кассы и ссудосберегательные товарищества, которые теперь распространены у нас местами,—например, они очень многочисленны в Таврических уездах,—оказывают свою помощь, главным образом, зажиточным крестьянам. Помощь их, можно думать, существенная. Мне не раз приходилось слышать от таврических крестьян, где действуют эти кассы, такие речи: «Слава богу, теперь мы освободились от жидов», но говорят это крестьяне с достатком. Крестьяне маломощные поручителей за себя не находят и ссудами не пользуются. (с. 368). Такая монополизация кредита не представляет из себя ничего неожиданного: кредитная сделка есть не что иное, как купля-продажа с отсроченным платежом. Очень естественно, что произвести платеж может только тот, кто имеет средства, а таковыми среди южно-русских крестьян обладает только зажиточное меньшинство.

Для полной обрисовки характера хозяйства этой группы, превосходящей по результатам своей производительной деятельности все другие группы, вместе взятые, остается только напомнить, что она «в значительной мере» пользуется наемным трудом, поставщиком которого вынуждены являться представители низшей группы. Необходимо заметить по этому поводу, что точный учет наемного труда в сельско-хозяйственном производстве представляет из себя громадные трудности, которых, кажется, еще не поборола наша земская статистика. Так как земледелие требует не постоянного и равномерного труда в течение целого года, а лишь усиленного труда в известный период времени, то регистрирование одних только постоянных наемных рабочих далеко не выразит степени эксплоатации наемного труда, а подсчет рабочих временных

(часто издельных) крайне труден. Рассчитывая, приблизительно, число наемных рабочих в каждой группе, Постников принимал за рабочую норму в зажиточной группе—15 дес. посева на 1 работника [1]). Из главы VII его сочинения, где автор подробно рассматривает, каков в действительности размер рабочей площади, видно, что подобная норма достигается лишь при машинной уборке хлеба. Между тем, даже в зажиточной группе количество жаток невелико: например, в Днепровском уезде около 1 штуки на 10 дворов, так что, даже принимая во внимание заявление автора, что хозяева машин по окончании своей уборки отдают их в наймы, все-таки окажется, что большая часть крестьян должна обходиться без машин и, следовательно, нанимать подённых рабочих. Пользование наемным трудом в высшей группе должно быть поэтому в бо́льших размерах, чем исчисляет автор, так что высокий денежный доход, получаемый крестьянами этой группы, представляет из себя в значительной степени (если не целиком) доход от капитала в том специфическом значении этого термина, которое придает ему научная политическая экономия.

Резюмируя сказанное о 3-й группе, получаем следующую характеристику ее: зажиточное крестьянство, у которого средства производства значительно выше среднего, и труд в силу этого отличается большей продуктивностью, является главным, преобладающим над остальными группами производителем сельско-хозяйственных продуктов во всем районе: по характеру своему, хозяйство этой группы — коммерческое, основанное в весьма значительной степени на эксплоатации наемного труда.

Произведенный краткий обзор политико-экономических различий в хозяйстве 3-х групп местного населения был основан на систематизации имеющегося в книге Постникова материала о южно-русском крестьянском хозяйстве. Обзор этот доказывает, мне кажется, что изучение крестьянского хозяйства (с политико-экономической стороны) совершенно невозможно без разделения крестьян на группы. Постников, как выше уже было отмечено, признает это и даже бросает земской

---

[1]) На 1, 8—2,3 работника это составит 27—34,5 десятин, а крестьяне зажиточной группы сеют 34,5—75 десятин. Следовательно, общая характеристика этой группы та, что размеры ее хозяйства много выше рабочей нормы семьи.

статистике упрек, что она не делает этого, что ее комбинации при всем обилии цифр «неясны», что «за деревьями она не видит леса» (с. XII). Делать подобный упрек земской статистике Постников едва ли вправе, потому что он сам не провел систематически разделения крестьян на «ясные» группы, но правильность его требования не подлежит сомнению. Раз признано, что между отдельными хозяйствами замечаются различия не только количественные, а и качественные [1]), является уже безусловно необходимым разделять крестьян на группы, отличающиеся не «достатком», а общественно-экономическим характером хозяйства. Позволительно надеяться, что земская статистика не замедлит сделать это.

V.

Не ограничиваясь констатированием экономической розни в крестьянстве, Постников указывает на усиление этого явления:

«Разнообразие в крестьянском достатке по группам существует у нас повсеместно,—говорит он,—и существовало исстари, но в последние десятилетия эта дифференциация крестьянского населения стала проявляться очень резко и, повидимому, прогрессивно возрастает» (с. 130). Тяжелые хозяйственные условия 1891 года должны были дать, по мнению автора, новый толчок этому процессу.

Спрашивается, какие же причины этого явления, имеющего такое громадное влияние на все крестьянское население?

«Таврическая губерния,—говорит Постников,—представляется одною из наиболее многоземельных в Европейской России, с наибольшим наделением крестьян землей, в ней повсеместно существует общинное землевладение, с более или менее равномерным распределением земли по душам, и земледелие составляет почти исключительное занятие сельского населения, и однакоже здесь подворная перепись показывает 15% сельского населения, которое не имеет у

[1]) Характер хозяйства—самопотребительский, коммерческий; характер эксплоатации труда—продажа своей рабочей силы как главный источник средств к жизни и покупка рабочей силы как необходимое следствие расширения посевов за пределы рабочей способности семьи.

себя никакого рабочего скота, и около 1/3 населения, не имеющего достаточного инвентаря для обработки своей надельной земли» (с. 106). «Отчего зависит,—спрашивает автор,—такое широкое разнообразие в группах, и, в частности, чем определяется при исключительно земледельческом хозяйстве такой высокий процент домохозяев без посева и без рабочего скота, какой существует теперь в описываемом районе» (с. 130).

Отправляясь на розыски причин этого явления, Постников (к счастью, не надолго) совершенно сбивается с пути и принимается рассуждать о «шалтайстве», «пьянстве», даже пожарах и конокрадстве. Вывод все-таки получается тот, что не в таких причинах «заключается наиболее существенная сторона дела». Сиротство семей, т.-е. неимение взрослых работников, точно так же ничего не объясняет: из всего числа бесхозяйных дворов в Таврическом уезде (т.-е. не имеющих посева) сиротские семьи составляют только 18%.

«Главные причины бесхозяйности,—заключает автор,—должны быть отыскиваемы в других факторах экономического быта крестьян» (с. 134). Именно, Постников полагает, что в числе указанных причин, служащих к упадку крестьянского хозяйства у отдельных домохозяев, та, которую можно считать наиболее коренной, и которая, к сожалению, до сих пор мало выяснена нашей земской статистикой, заключается в измельчании наделов и в ограниченности размеров крестьянского землепользования, в уменьшении среднего размера крестьянского хозяйства» (с. 141). «Коренная причина экономической бедности России,—говорит автор,—есть малый размер крестьянского землевладения и хозяйства, не позволяющий утилизировать всю рабочую способность крестьянской семьи» (с. 341).

Чтобы пояснить это положение Постникова, выраженное до крайности неточно, ибо автор сам установил, что средний размер крестьянского хозяйства (17-18 десятин посева) достаточен для безбедного существования семьи, и что общая, огульная характеристика всего крестьянства в отношении размеров хозяйства невозможна—надо напомнить, что выше он установил общий закон о повышении производительности крестьянского труда по мере увеличения размеров хозяйства. Полная утилизация рабочих сил семьи и рабочего

скота) достигается, по его расчету, только в высших группах: например, в Таврических уездах только у зажиточных крестьян: громадное большинство населения «ковыряет землю непроизводительно» (с. 340), растрачивая даром массу сил.

Несмотря на то, что автором вполне доказана зависимость продуктивности труда от размеров хозяйства и крайне низкая производительность в низших группах крестьян,— видеть в этом законе (Постников называет его перенаселенностью земледелия в России, пресыщенностью земледелия трудом) причину разложения крестьянства не доводится: вопрос ведь в том именно, почему распалось крестьянство на столь различные группы, а перенаселенность земледелия уже предполагает такое распадение; самое понятие о ней автор составил, сличая хозяйства мелкие и крупные и их доходность. Поэтому отвечать на вопрос: «отчего зависит широкое разнообразие в группах указанием на перенаселенность земледелия нельзя. Это сознает, повидимому, и Постников, но только он не поставил себе определенно задачи— исследовать причины явления, так что его замечания грешат некоторой отрывочностью: рядом с недоговоренными, неточными положениями стоят и верные мысли. Так, например, он говорит:

«Нельзя ожидать, чтобы ожесточенная борьба, происходящая теперь в сельской жизни на почве землевладения, способствовала в будущем развитию в населении начал общинности и согласия. И борьба эта не есть временная, вызываемая случайными условиями... Она представляется нам не борьбою общинных традиций и развивающегося в сельской жизни индивидуализма, а просто борьбой экономических интересов, которая должна окончиться роковым исходом для одной части населения, в силу существующего малоземелья» (с. XXXII).

«Истина довольно ясная,—говорит Постников в другом месте,—что при малоземельи и малом размере хозяйства, при отсутствии достаточных промыслов не может быть достатка в крестьянстве, и все слабое в хозяйственном смысле, так или иначе, рано или поздно, должно быть выброшено из крестьянского земледелия» (с. 368).

Эти замечания содержат в себе гораздо более верный ответ на вопрос, при том такой ответ, который гармонирует

вполне с вышеустановленным явлением дифференциации населения. Ответ таков: появление массы бесхозяйных дворов и увеличение числа их определяется борьбою экономических интересов в крестьянстве. На какой почве ведется эта борьба и какими средствами? Что касается до средств, то таковыми является не только и даже не столько перебой земли (как можно бы подумать из приведенных сейчас замечаний Постникова), сколько уменьшение издержек производства, идущее вслед за увеличением размера хозяйства, — о чем было достаточно говорено выше. Что же касается почвы, на которой возникает борьба, то на нее указывает достаточно ясно следующее замечание Постникова:

«Есть известный минимум хозяйственной площади, ниже которого крестьянское хозяйство не может опускаться, потому что оно становится тогда невыгодным или даже невозможным. Для прокормления семьи и скота (?) в хозяйстве нужна известная пищевая площадь, в хозяйстве, у которого нет сторонних промыслов, или они малые, нужна еще и некоторая рыночная площадь для сбыта ее продуктов, чтобы дать крестьянской семье денежные средства на уплату податей, обзаведение одеждой и обувью, на необходимые для хозяйства расходы в орудиях, постройке и проч. Если размер крестьянского хозяйства опускается ниже этого минимума, оно становится невозможным. В таком случае крестьянин найдет более выгод бросить хозяйство и стать в положение батрака, расходы которого ограниченнее, а потребности могут быть удовлетворены полнее и при меньшем валовом доходе» (с. 141).

Если, с одной стороны, крестьянин находит выгодным расширять свои посевы далеко за пределы собственной потребности в хлебе, то это происходит потому, что он может продать свой продукт. Если, с другой стороны, крестьянин находит выгодным бросить хозяйство и итти в батраки, то это происходит потому, что удовлетворение большей части его потребностей требует денежных расходов, т.-е. продаж[1];

---

[1]) Ср. вышеприведенные данные о пищевой и торговой площади посева (только с этих площадей доход идет на покрытие нужд земледельца, а не земледелия, т.-е. представляет доход в собственном смысле, а не издержки производства), а также данные о среднем денежном расходе тавричанина в связи с количеством идущего на продовольствие хлеба (2 четверти на душу обоего пола).

а так как, продавая продукты своего хозяйства, он встречает на рынке соперника, борьба с которым ему непосильна, то ему только уже и остается—продавать свою рабочую силу. Одним словом, почвой, на которой вырастают вышеописанные явления, является производство продукта на продажу. Основная причина возникновения в крестьянстве борьбы экономических интересов—существование таких порядков, при которых регулятором общественного производства является рынок.

Покончив с описанием «новых хозяйственных движений в крестьянской жизни» и с попыткой их объяснения, Постников переходит к изложению практических мероприятий, долженствующих разрешить «аграрный вопрос». Мы не последуем за автором в эту область, во-первых, потому, что это не входит в план предлагаемой статьи, во-вторых, потому, что эта часть сочинения Постникова—самая слабая. Последнее будет вполне понятно, если припомнить, что более всего противоречий и недомолвок встречалось у автора именно тогда, когда он пытался объяснить хозяйственные процессы, а без полного и точного объяснения их не может быть и речи об указании каких-нибудь практических мероприятий.

Примечание.

Статья «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» является одной из первых работ т. Ленина: написана она в Самарский период его жизни в 1893 г.

Товарищ М. Семенов в своей статье, помещенной в сборнике—Старый тов. А. П. Скляренко,—пишет об этих работах Вл. Ильича в этот период:

«Он читал нам здесь свои статейки, касавшиеся, главным образом, вопросов экономического развития России. Здесь разбирались работы Николая—она, Постникова («Южно-русское крестьянское хозяйство»), критиковались с марксистской точки зрения труды В. В., Карышева и других столпов народничества...

У меня долго хранились некоторые статьи Владимира Ильича, пока их не отобрали во время последующих многочисленных обысков. Это были тетради в четвертую долю

листа, исписанные мелким, четким почерком с многочисленными табличками, которыми тогда Владимир Ильич очень любил иллюстрировать изложение»...

Эту статью В. И., живя летом 1894 г. на даче под Москвой у своей сестры А. И. Елизаровой, пробовал поместить в журнале «Юридический Вестник», издававшийся в Москве под редакцией С. А. Муромцева (впоследствии председатель 1-й Государственной Думы), который иногда помещал марксистские статьи в своем журнале, но эта статья не была принята. В. И. оставил ее мне для прочтения, а 3-го декабря 1894 г. она взята была у меня при обыске; и только на-днях, разбирая вещественные доказательства в Моск. Историко-Революционном Архиве, я нашел эту рукопись в виде тетради в четвертую долю листа, исписанную мелким четким почерком.

Написана она была в 1893 г., а попадает в печать через 30 лет в 1923 г. Поистине можно сказать: «по независящим обстоятельствам» произошла некоторая задержка в появлении в печати этой статьи.

Надо, впрочем, сказать, что главнейшие данные из этой статьи были использованы В. И. в его книге «Развитие капитализма в России» в главе «Земско-статистические данные о Новороссии», тем не менее, печатаемая статья имеет большой исторический интерес.

Молодой тогда автор (В. И. было тогда 23 года) овладел уже марксистским методом и с большим искусством приложил его к анализу статистических данных о крестьянском хозяйстве.

При сравнении с работами народнических исследователей крестьянского хозяйства сразу чувствуются огромные преимущества марксистского метода. Народники беспомощно барахтались в громадном цифровом материале статистических исследований, искусственно выделяя какую-нибудь сторону явлений, но вместе с тем смешивая в одно самые разнородные данные, и в результате появлялись такие «солидные» труды, как В. В. Кочаровского «О крестьянской общине» или Карышева «О крестьянских вненадельных арендах» и т. п., из которых нельзя сделать никаких правильных выводов.

Наш автор на данных трех уездах Таврической губернии произвел анализ крестьянского хозяйства в этих уездах, взя-

того во всем целом, и показал всю глубину расслоения тогдашней деревни в многоземельном и плодородном южном черноземном районе — $^1/_5$ всех зажиточных крестьянских хозяйств, засевающих более 25 десятин, пользуется половиной всей земли, находящейся в пользовании крестьян, $^2/_5$ середняцких хозяйств, засевающих от 10 до 25 десятин, пользуются $^2/_5$ земли, а $^2/_5$ бедных и беднейших крестьян, засевающих менее 10 десятин, пользуются всего $^1/_8$ всей земли. Богатые крестьяне нанимают работников, а бедные нанимаются в работники; богатые имеют много скота, применяют в своих хозяйствах жатки, косилки и др. земледельческие орудия, ведут более рациональное и выгодное хозяйство, побивая этим на рынке бедноту, захватывая все больше и больше земли покупкой и арендой и тем лишая ее бедноту. Средняя группа является неустойчивой: немногие из нее имеют шансы перейти в высшую группу сельской буржуазии, а большинство опускается в низшую группу являющихся классом наемных рабочих с наделом.

И все эти явления неизбежны постольку, поскольку крестьянское хозяйство подпало влиянию законов рынка, товарного обращения, и не помешать этому явлению теми паллиативами, которые предлагали народники.

Таковы выводы автора из его марксистского анализа.

Применяя этот же метод анализа, В. И. на гораздо более обширном материале и написал через несколько лет 2-ю главу «Развитие капитализма в России» — «Разложение крестьянства», представляющую из себя ценнейшую работу по вопросу о господстве товарного хозяйства в деревне, о расслоении, благодаря этому, крестьянства, которое (т.-е. расслоение), в свою очередь, создает внутренний рынок для капитализма.

Данные этого анализа потом послужили основанием для выработки нашей аграрной программы и нашей тактики по отношению к крестьянству.

С удивительной последовательностью и основательностью развивалась мысль нашего гениального вождя на протяжении 30 лет.

С первыми, так сказать, истоками этого последовательного развертывания этой мысли мы и знакомимся в настоящей статье.

С. Мицкевич.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	*Следовало напечатать:*
Стр. 5 сноска	Былое	Былое № 13
Стр. 176, 3 строка снизу	первый номер	первый и второй номера
Та же стр., 2 строка снизу	а второй	а третий
Стр. 177, 6 строка сверху	Евгений Самойлович Этингер Киевский	Евгения Самойловна Этингер Киевская
Везде в тексте	В. Г. Кржижановская	В. Г. Крыжановская
Стр. 420, 6 строка снизу	Пирогова	Трирогова.

Цены в зол. р.:

р. к

26. Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве . . . . — 70
27. С. Т. Аркомед. Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе. . . — 40
28. В. Деготь. В „свободном" подполье. . . . . — 25
29. Д. Фурманов. Чапаев . . . . 1 —
30. Отчет Р. С.-Д. Р. П. 8 междунар. Соц. Конгр. в Копенгагене.
31. Иллюстрированный юбилейный сборник „25 лет".

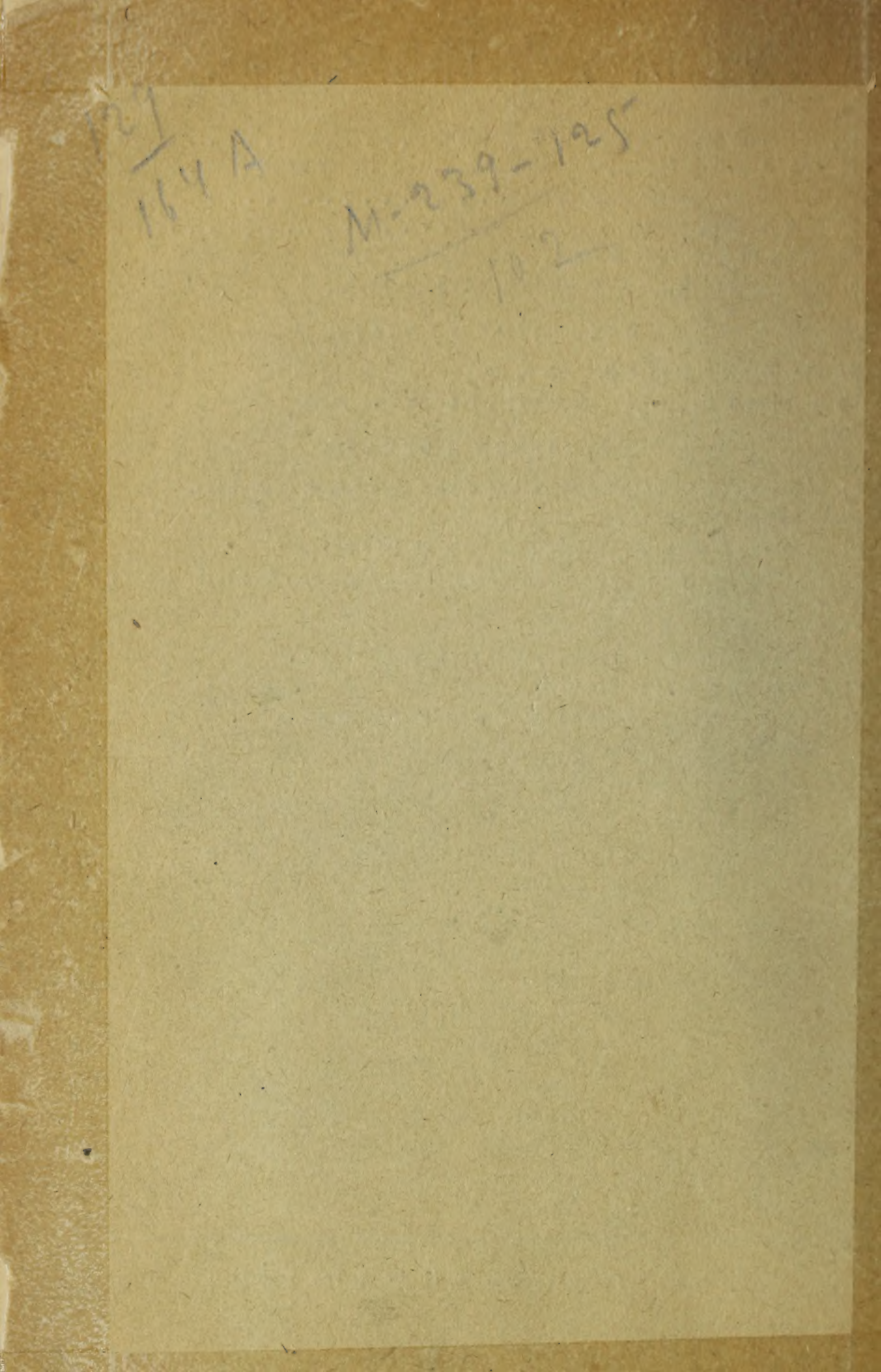
НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

32. Протоколы 7 съезда Р. С.-Д. Р. П.
33. Н. Авдеев. Хроника Революции 1917 г. (январь—апрель).

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

34. Сборник воспоминаний и материалов по Октябрьской революции.
35. Иванчин-Писарев. О хождении в народ.
36. Памятник борцам революции, погибшим до 1917 года.
37. Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в период 1918—1922 г.г. Второе исправленное издание.
38. Дальневосточный сборник.
39. Хрестоматия по истории революц. движения.
40. Е. Волков. Христо Ботиев.
41. Его же. Революционное движение в Черноморском флоте.

Адрес Истпарта: Воздвиженка, 10, кв. 4. Тел. 2-50-71.

164 A
M-239-125